ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

Здесь собраны романы и рассказы П.Г. Вудхауза. Со многими персонажами вы познакомитесь впервые и, надеемся, их полюбите.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 4. М-р Маллинер и другие

Старая, верная…

Перевод с английского Н. Цыркун

ГЛАВА I

Солнечный свет, столь приятный обитателям Голливуда и его окрестностей, когда на короткое время удается от него отдохнуть, упал с бирюзово-синих небес на обширные владения, вот уже с год как отошедшие в собственность миссис Аделы Шэннон Корк, но по-прежнему известные среди местных жителей как усадьба Кармен Флорес — переселившейся в мир иной знойной мексиканской кинозвезды. Был месяц май, время суток — полдень.

Усадьба Кармен Флорес расположилась довольно высоко в горах, в том месте, где Аламо-драйв переходит в непрезентабельную грунтовую дорогу с кактусами по обочинам, кишащую гремучими змеями. Солнечные лучи озарили и плавательный бассейн, и розовый сад, и бегонии, и апельсиновые деревьями лимонные, и выложенную каменной плиткой террасу. Можно было бы сказать, что солнечные лучи проникли всюду, но только не в сердце осанистого пожилого джентльмена, сидевшего на террасе, напоминая своим видом римского императора, увлекшегося крахмалистой пищей, позабыв про избыточные калории. Звали его Смидли Корк, был он братом покойного мужа миссис Аделы Корк, и теперь тоскливо, даже как-то затравленно смотрел в сторону показавшейся на горизонте фигуры.

К нему приближался дворецкий, самый натуральный английский дворецкий, — высокий, представительный и полный достоинства, который важно шествовал, неся на подносе стакан, до краев наполненный белой жидкостью. Во владениях миссис Корк все красноречиво говорило о богатстве и роскоши, но ярче всего об этом свидетельствовало присутствие самого Фиппса. В Беверли-Хиллз в обычае брать в дом «пару» — управляющего с женой, которые в течение недели благополучно демонстрируют свою полную непригодность и отбывают, уступая место подобным же недоумкам. Дворецкий-филиппинец — признак начинающегося упадка. Дворецкий-англичанин символизирует процветание.

— Ваш йогурт, сэр, — произнес Фиппс с выражением благожелательного дядюшки, вручающего подарок примерному дитяти.

Погруженный в грезы, столь часто навещавшие его под солнышком на террасе, Смидли совсем забыл про йогурт, который золовка вменила ему в обязанность вкушать в это время дня вместо более привычного коктейля.

Он с гримасой отвращения принюхался к стакану и решил, что питье воняет, как мотоциклетная перчатка.

Дворецкий сочувственным и уважительным жестом дал понять, что, спору нет, определенное сходство в запахах имеется.

— Однако йогурт чрезвычайно полезен для здоровья, сэр. Крестьяне в Болгарии употребляют его в больших количествах. Поэтому у них цветущий вид.

— Кому они нужны, эти цветущие крестьяне?

— Ваша правда, сэр.

— Если увидите одного, можете оставить себе.

— Премного благодарен, сэр.

Усилием воли Смидли заставил себя проглотить порцию ненавистного напитка. Потом, переведя дыхание, бросил мрачный взгляд на раскинувшийся внизу в долине кэмпус лос-анджелесского университета.

— Ну что за жизнь! — сказал он.

— Да, сэр.

— Хуже собачьей.

— Мир — обитель печали, сэр, — вздохнул Фиппс. Смидли оценил солидарность, но ремарка ему не понравилась.

— Много вы понимаете в печалях! — с жаром возразил он.

— Ваш брат, дворецкий, — беспечное племя. Вольные пташки! Не понравилось тебе здесь — найдешь другое местечко. Догадались, куда я клоню? Мне-то отсюда не выйти. Вам не приходилось бывать в тюрьме, Фиппс? Дворецкий встрепенулся.

— Сэр?

— Ясно, что нет. Где вам понять меня!

Смидли допил йогурт и впал в задумчивость. Он сосредоточился на завещании покойного Альфреда Корка, сокрушаясь по поводу странного и трагического обстоятельства, заключающегося в том, что разные люди весьма по-разному толкуют волю наследодателя.

Взять, к примеру, включенный Альфредом пункт, обязывающий вдову «поддерживать» его брата Смидли. Это же чистый образец неточной формулировки! Смидли понимал дело так: если ты поручаешь женщине кого-либо поддержать, ты имеешь в виду, что она поместит данное лицо в квартире на Парк-авеню и предусмотрит, чтобы ее доходов хватило на содержание автомобиля, членство в хороших клубах, ежегодное путешествие в Париж, Рим, на Бермуды и так далее в этом духе. Адела же, придерживаясь экономии, ограничила свои обязательства перед опекаемым спальным местом и трехразовым питанием. И жизнь шурина протекала в

этих пределах. Несчастный хорошо питался и мягко спал, пил вволю йогурта, но во всем остальном как бы отбывал срок в исправительном учреждении.

С тяжким вздохом Смидли очнулся от невеселых дум. Его охватило желание, ничего не скрывая, поделиться с таким сердечным дворецким.

— Знаете, кто я, Фиппс?

— Кто же, сэр?

— Птица в золотой клетке.

— Неужто, сэр?

— Я червь.

— Я что-то запутался, сэр. Вы только что говорили, что вы птица.

— Но также и червь. Жалкий червяк, живущий в яме, куда не проникает ни единый луч света. Как это называют, ну, в Мексике?

— Тамаль,[1] сэр?

— Пеон. Я такой же пеон. Поди туда, поди сюда. Пыль под железным каблуком, тварь безответная. И горше всего то, что когда-то я был страшно богат. Страшно. И все спустил.

— В самом деле, сэр?

— Да, все пустил по ветру. Коту под хвост. Какой урок всем нам, Фиппс, какой урок!

— Ваша правда, сэр.

— Только дурак может так беспечно прожить свое состояние. Ничегошеньки не осталось. А ежели у тебя нет денег, где твое место?

— Не знаю, сэр.

— Вот именно. Можете одолжить мне сотню долларов?

— Нет, сэр.

Смидли спросил без всякой надежды; но внезапное желание хоть один вечерок провести где-нибудь в веселом уголке Лос-Анджелеса обожгло его так сильно, что он решился на попытку. Насколько ему было известно, дворецкие имеют привычку копить на черный день, и он возмечтал поживиться за счет подкожных Фиппса.

— Может, полсотни?

— Увы, сэр.

— Полсотни мне бы хватило, — сказал Смидли, который, как разумный человек, верил в возможность компромисса.

— У меня их нет, сэр.

Смидли сдался. Задним умом он понял, что не следовало откровенничать с Фиппсом насчет пущенного на ветер состояния. Это ведь такая прижимистая публика. Он на минутку помрачнел, но вдруг

оживился. Ему припомнилось, что вчера в этот ужасный дом прибыла добрая старушка Билл. И как только он мог упустить из виду такой блестящий шанс! Вильгельмина (Билл) Шэннон — сестра Аделы, и следовательно, родственница, а коли правду молвят, что кровь — не водица, она не пожалеет для него такой пустячной суммы, как сотня долларов. Кроме того, они с дорогой старушкой Билл знакомы еще с тех времен, когда он, Смидли, был еще в силе.

— А где мисс Шэннон? — спросил он.

— В садовой комнате, сэр. Если не ошибаюсь, работает над мемуарами миссис Корк.

— Точно. Спасибо, Фиппс.

— Вам спасибо, сэр.

Дворецкий степенно выплыл, а Смидли, почувствовав легкое утомление, решил, что еще успеет войти с Билл в деловой контакт. Он смежил веки, и сразу же в негромкое жужжание насекомых и шелест листьев влилось мирное похрапывание.

Он уснул сном праведника.

Вернувшись к себе в буфетную, Фиппс подкреплялся лимонадом со льдом. Он потягивал вкусный напиток, а вид у него был озабоченный. Домашний кот вкрадчиво потерся о его ногу, но Фиппс остался безучастным к намекам. Есть время чесать котов за ухом и есть время котов за ухом не чесать.

Когда во время беседы на террасе Смидли Корк охарактеризовал Джеймса Фиппса как человека беспечного, он ошибался, как всякий сторонний наблюдатель, не подозревающий о том, что дворецкие, подобно устрицам, прячутся в своих раковинах и никогда не дают волю эмоциям. Определение «беспечный» менее всего подходило угрюмому мужчине, сидевшему в буфетной, скорбно повесив голову. Уприсъ он сейчас локтем о колено, а подбородком в ладонь, и можно позировать Родену для скульптуры «Мыслителя».

Скорбь была вызвана появлением в доме Вильгельмины Шэннон, и она не оставляла Фиппса с той самой минуты, когда он вчера открыл перед гостьей двери. Он проклинал лихую судьбу, что занесла ее в этот дом, и в сотый раз задавался вопросом, чего теперь можно ожидать. Это была очень давняя история. Билл слишком много знала. Все его будущее зависело теперь от ее молчания, и Джеймса Фиппса мучил вопрос: могут ли женщины вообще хранить молчание? Правда, еще гром не грянул, значит, его тайна пока не открылась, но сколько может это продлиться?

Прозвенел звонок из садовой комнаты. Долг, суровый сын гласа

Божьего, сказал про себя Фиппс — или что-то в этом роде — и, оставив недопитым лимонад, отправился на зов.

Садовая комната усадьбы Кармен Флорес располагалась рядом с библиотекой, прямо под просмотровым зальчиком. Уютное гнездышко с большим письменным столом возле стеклянных дверей, выходивших прямо на бассейн. Солнце проникало сюда с самого утра, и любители могли насладиться видом нефтяных скважин вдоль побережья. Но Билл Шэннон, сидевшая за столом перед диктофоном, была в эту минуту слишком занята, чтобы интересоваться нефтяными скважинами. Как Фиппс и говорил, она заставляла себя сосредоточиться на усовершенствовании мемуаров своей сестры Аделы.

Билл Шэннон была жизнерадостной, сердечной, легкой женщиной немного за сорок, хорошо сложенной, в удобных брюках. Лицо ее с высокими скулами и волевым подбородком можно было бы назвать резким, но большие, искрящиеся юмором глаза смягчали это впечатление и делали ее если не столь вызывающе красивой, как сестра Адела, то очень привлекательной. Она была на редкость дружелюбной и по общительности не знала себе равных. Все любили Билл Шэннон, даже в Голливуде, где никто никого не любит.

Она поднесла ко рту микрофончик и заговорила, хотя это слово слишком слабо выражает то, что она вытворяла со своим голосом. Билл обладала очень сильным контральто, и Джо Дэвенпорт, ее молодой друг, вместе с которым она работала в компании «Суперба-Лэльюлин», иной раз жаловался, что она обращается к нему словно к глуховатому собеседнику, который находится где-нибудь в Китае. По мнению Джо, если прочие источники доходов иссякнут, она могла бы неплохо зарабатывать на жизнь, скликая скотину в одном из западных штатов.

— Голливуд! — звучно произнесла Билл. — Как описать эмоции, которые нахлынули на меня, когда я впервые приехала в Голливуд восторженной шестнадцатилетней девчушкой с широко раскрытыми глазами?.. Вот и врешь! Тебе было почти двадцать… Такой юной, неопытной. Робкой…

Отворилась дверь, и вошел Фиппс. Билл предупредительно подняла палец.

— … крошкой, — закончила она фразу. — В чем дело, Фиппс?

— Вы звонили, мадам.

Билл кивнула.

— Ах, да. Мне нужна ваша компетентная помощь, Фиппс. Я совсем заработалась и вдруг почувствовала, что, если немедленно не приму

подкрепляющего, просто распадусь на куски. Вам никогда не доводилось писать мемуары от лица звезды немого кино?

— Нет, мадам.

— Это очень вредно для здоровья.

— Не сомневаюсь, мадам.

— Поэтому, будьте добры, принесите мне настоящего крепкого виски с содовой.

— Слушаюсь, мадам.

— Вам бы следовало носить бочонок с виски прямо на шее, как альпийские сенбернары. Чтобы не терять время. У нас его в обрез.

— Вы правы, мадам.

Билл, положившая ноги на стол, опустила их на пол, повернулась в кресле и уперлась ясными голубыми глазами в дворецкого. Впервые с прибытия в дом она имела возможность потолковать с ним наедине, и ей показалось, что им есть, что обсудить.

— Ты что-то слишком неразговорчив, братец Фиппс. И как-то скован. Будто мое присутствие тебя смущает. Это так?

— Да, мадам.

— И правильно. В тебе говорит совесть. Мне ведь известна твоя тайна, Фиппс.

— Да, мадам.

— Я, разумеется, моментально тебя узнала. Твое лицо из тех, что навечно отпечатываются в памяти. Тебя, наверное, интересует, как я распоряжусь своим знанием?

— Да, мадам.

Билл улыбнулась. Улыбка ее была столь лучезарной, будто где-то внутри зажглась лампочка, и, увидев ее, Фиппс впервые со вчерашнего дня почувствовал, что давившая на сердце тяжесть стала чуть-чуть полегче.

— А никак не распоряжусь, — сказала Билл. — На моих устах печать. Ужасная тайна скрыта во мне, как в могиле. Так что расслабься, Фиппс, и дай волю твоему веселому смеху, о котором я так наслышана.

Фиппс не рассмеялся, поскольку английскому дворецкому запрещено смеяться правилами Гильдии, но позволил губам растянуться в едва заметной улыбке и взглянул на эту благородную женщину с неким подобием обожания — чувством, которого он никак не мог представить себе по отношению к члену жюри присяжных, три года назад отправившего его в места не столь отдаленные, что, по единодушному мнению прессы, было вполне заслуженным приговором.

Фиппсу не сразу удалось облечь свои чувства в слова.

— Я, разумеется, крайне признателен вам за вашу доброту, мадам. Вы у меня камень с души сняли. Мне бы очень не хотелось потерять здесь место.

— Отчего же? Ты везде мог бы найти работу. Зайди в любой дом на Беверли-Хиллз, и перед тобой тут же расстелят ковровую дорожку.

— Да, мадам, но есть причины, по которым мне не желательно оставлять службу у миссис Корк.

— Что за причины?

— Личного свойства, мадам.

— Понятно. Не стану требовать откровенности.

— Премного благодарен, мадам.

— Сожалею, что нечаянно нарушила твой покой. Тебя, должно быть, чуть удар не хватил, когда ты открыл вчера дверь и увидел меня.

— Да, мадам.

— Ты, должно быть, испытал то же, что Макбет, увидев призрак Банко.

— Нечто в этом роде, мадам. Билл закурила сигарету.

— Странно, что ты меня узнал. Хотя в тех обстоятельствах, при которых мы встретились, тебе больше и делать было нечего, как разглядывать лица присяжных.

— Да, мадам.

— Жаль, что пришлось тебя загнать в тюрягу.

— Да, мадам.

— Но улики были неопровержимы.

— Истинно так. Но нельзя ли попросить вас говорить чуть потише? У стен есть уши.

— Что у стен есть?

— Уши, мадам.

— Ах, уши! Это верно. Уши есть. А как было в Синг-Синге? — шепотом спросила Билл.

— Не особенно приятно, мадам, — прошептал Фиппс.

— Да уж, наверное, — шепнула в ответ Билл. — О, Смидли! Привет!

Смидли Корк, завершив сиесту, входил с веранды.

Фиппс вышел, сопровождаемый суровым осуждающим взглядом, который безупречный пожилой джентльмен послал в спину дворецкому, отказавшемуся ссудить ему сотню долларов. Смидли уселся на диван.

— Мне надо с тобой поговорить, Билл.

— Сделай милость, дружок. С чем пожаловал? Боже мой, Смидли, — заговорила Билл с доверительностью друга с двадцатипятилетним

стажем, — а ты ужасно постарел с тех пор, как мы виделись последний раз. Меня просто оторопь взяла, когда я вошла и увидела, в какую музейную рухлядь ты превратился. Седой как лунь,

— Я собираюсь покраситься.

— Не поможет. От седины есть только одно верное средство. Один француз изобрел. Называется гильотина. Это, верно, на тебя совместная жизнь с Аделой повлияла. Самый надежный способ поседеть — постоянное общение с моей сестрицей.

Ее слова прозвучали в ушах Смидли музыкой. В них слышалось сочувствие. Старушка Билл, подумал он, всегда была отзывчивой. Пару раз только инстинкт самосохранения, который приходит на помощь убежденным холостякам в опасную минуту, помешал ему сделать ей предложение, о чем он в грустные минуты сожалел. Но грустные минуты уходили; а мысль о браке приводила Смидли в паническое состояние.

— Жизнь собачья, — согласился он. — Она меня угнетает. В тюрьме Алькатрас и то, наверное, легче. Там хотя бы йогурт пить не пришлось бы.

— Адела заставляет тебя пить йогурт?

— Ежедневно.

— Как бесчеловечно! Хотя для здоровья полезно. Смидли протестующе поднял руку.

— Ради Бога, — умоляюще простонал он, — только болгарских крестьян не поминай!

— Каких еще болгарских крестьян?

— Тех, которым он придает цветущий вид.

— Йогурт придает болгарским крестьянам цветущий вид?

— Фиппс утверждает, что так. Билл Шэннон хохотнула.

— Фиппс! Не будь мои уста замкнуты печатью молчания, я бы тебе кое-что порассказала насчет Фиппса. Слышал про тихий омут?

— А что в нем?

— Черти водятся. Это сказано про Фиппса. Ну и фрукт! Ты, небось, видишь в нем заурядного дворецкого. Да будет тебе известно, что братец Фиппс — шкатулка с двойным дном. Впрочем, я сказала, на устах моих печать, и даже не пытайся из меня что-нибудь вытянуть.

Смидли совсем сбился с толку.

— А откуда ты можешь что-нибудь знать про Фиппса? Ты же только вчера сюда приехала. Вы раньше встречались?

— Да, и при очень любопытных обстоятельствах. Но прекрати меня расспрашивать.

— И не собираюсь. Нужен мне этот Фиппс! Я им сыт по горло. Он

меня глубоко огорчил.

— Неужели? И чем же?

— Я попросил его ссудить мне небольшую сумму, — с неподдельным негодованием сказал Смидли, — и представляешь, он мне отказал! Взял и отказал! «Нет, — говорит, — сэр». А сам наверняка купается в деньгах. Слава небесам, на свете есть такие люди, как ты, Билл. Ты бы так не поступила. Ты великодушна. Ты настоящий друг. Добрая старушка Билл! Дорогая старушка Билл! Не могла бы ты одолжить мне сотню долларов? А, Билл?

Билл моргнула. Уж насколько хорошо она знала Смидли, но такого поворота никак не ожидала.

— Сотню долларов?

— Очень нужно.

— Ты что, решил в самоволку уйти?

— Да! — страстно выкрикнул Смидли. — Решил! В самоволку на всю жизнь, если денег хватит. Знаешь ли ты, что за пять лет я ни разу не провел вечера вне этого дома? Самое большее, на что я могу рассчитывать, — сшибить у Аделы на пачку сигарет. Я червь в золотой клетке. Так дашь ты мне сотню долларов или нет?

Голубые глаза Билл затеплились жалостью. Сердце ее болезненно отозвалось на вопль измученной души.

— Будь у меня сотня баксов, побег ты мой сломанный, — сказала она, — я бы мигом их дала. Тебе в самом деле нужно в самоволку, тогда и румянец вернется. Но у меня тоже крылышки подрезаны, как и у тебя. Если бы у меня был счет в банке, неужто я бы торчала здесь, переписывая до идиотизма нудную жизнь Аделы? Только бы вы меня и видели! — Она сочувственно похлопала его по плечу. — Боюсь, я испортила тебе настроение. Извини. Сколько чепухи намололи насчет того, что, мол, бедность обогащает душу, — продолжала Билл, впав в проповеднический тон, — но во мне она воспитала только зависть к тем счастливчикам, у которых водятся денежки, вроде парня, что работал со мной на «Суперба-Ллыоэлин». Я тебе о нем не рассказывала? Его выгнали, он уехал домой в Нью-Йорк, и первое, что я о нем услыхала — он выигрывает джек-пот в радиовикторине! Двадцать четыре тысячи баксов! В газетах писали. Мне такое в жизни не обломится! Хоть бы я и миллион лет прожила.

— Мне тоже. Но…

Смидли запнулся. Опасливо оглянулся в одну сторону, потом в другую. Потом опасливо оглядел всю комнату.

— Что — но? — спросила Билл, заинтригованная его маневрами.

Смидли понизил голос до конспиративного шепота:

— Я должен тебе кое-что сказать, Билл.

— Давай, только погромче. Я ни слова не слышу.

— Об этом громко нельзя, — заговорщицки продолжил Смидли. — Если Адела услышит, не бывать мне больше богатым.

— Тебе это и так не светит.

— А вот и ошибаешься, — возразил Смидли. — Если все выйдет по-моему, я разбогатею. Билл, ты знаешь, кому раньше принадлежал этот дом?

— Конечно, знаю. Это было владение Кармен Флорес.

— Точно. Адела купила его со всем содержимым. Все вещи сохранились в том самом виде, в каком хозяйка оставила их в тот день, когда погибла в авиакатастрофе. Поняла? Абсолютно все.

— Ну и что?

Смидли опять оглянулся. Снова понизил голос. Если в минуты отдыха он походил на римского императора, то теперь он был похож на римского императора, обсуждающего предстоящее политическое убийство со своим помощником по мокрым делам.

— Кармен Флорес вела дневник.

— Вот как?

— Все говорят. Я его разыскиваю.

— Зачем? Собираешься написать ее биографию?

— Если я его найду, у меня все пойдет как по маслу. Сама подумай, Билл. Раскинь мозгами. Ты ведь знаешь, что она за штучка была. Заводила страстные романы со всеми знаменитостями — и с кинозвездами, и со студийными боссами, да с кем угодно — и уж, конечно, все это на досуге заносила на свои скрижальки. Найти этот дневник — все равно что открыть урановый рудник.

— То есть, ты рассчитываешь, что кое-кто не пожалеет деньжат, чтобы эта брошюрка не увидела свет?

— Да все поголовно там, наверху.

Билл посмотрела на него с нежностью. Она всегда была преданна Смидли, хотя не закрывала глаза на его многочисленные нравственные несовершенства. Если жил где-то в мире некто ленивее Смидли Корка, Билл он не попадался. Если бы сыскался некто более свободный от каких-либо принципов, Билл не пожалела бы трудов, чтобы посмотреть ему в глаза. Смидли был эгоистичен, бездеятелен и обладал целым набором прочих недостатков. И тем не менее она любила его. Она любила его двадцать лет назад, когда он был молодым человеком при деньгах и с

одним подбородком. Она любила его и теперь, пожилым, безденежным и с двумя подбородками. У женщин бывают такие причуды.

— Иными словами, — сказала она, — ты надеешься порастрясти эту публику с помощью невинного шантажа.

— При чем тут шантаж! — негодующе возразил Смидли. — Обыкновенная, нормальная сделка. Им нужен дневник, он у меня есть.

— Пока нет.

— Ну, конечно, в случае, если я его раздобуду.

Билл удовлетворенно рассмеялась. В этой простодушной затее был весь Смидли. Что ни капельки не умаляло ее любви, к нему. Скажи ей кто-нибудь: «Вильгельмина Шэннон, ты тратишь свои чувства на негодный объект!», — она бы ответила: «Да. И это мне нравится». Она была однолюбкой.

— Никогда тебе не удастся сколотить капитал, Смидли. Ни честным путем, ни бесчестным. А когда удастся мне, я выйду за тебя замуж.

Смидли передернулся.

— Не шути такими вещами.

— Я и не думаю шутить. Я хорошенько все обдумала за последние двадцать лет, а когда явилась сюда и увидела, что сталось с тобой от совместной жизни с Аделой, решила, что мне остается одно: быстренько наварить деньжат, повести тебя к алтарю и посвятить остаток дней заботам о тебе. Если кто и нуждается в присмотре, так это ты. Странно, что ты так отреагировал на мои слова. Ты же был от меня без ума.

— Молод был и глуп.

— А теперь стар и глуп, но все равно, мне никто другой не нужен. Как это в песне поется? «Рыбке нужно море, пчеле нужны цветы, на счастье или горе мне нужен только ты». И тут уж ничего не поделаешь.

— Полно, Билл. Уймись. Послушай лучше.

— Некогда мне слушать. Иду на ланч со своим литературным агентом в «Беверли-Уилшир». Он приехал на пару дней в Голливуд. Кстати, может, удастся сшибить у него для тебя сотняшку. Тогда я вернусь и положу ее к твоим ногам, мой повелитель.

Смидли, чрезвычайно разборчивый в вопросах одежды, даже в своем заточении наряжавшийся в тщательно отутюженные костюмы самого безупречного кроя, неодобрительно покосился на ее брюки.

— Надеюсь, ты не собираешься заявиться туда в таком виде?

— Отчего же? И не забудь, что я тебе говорила насчет замужества. Сядь где-нибудь в уголке и порепетируй, как ты будешь отвечать священнику «да», когда он спросит: «По доброй ли воле ты, Смидли,

берешь в жены Вильгельмину?» — тебе это вскорости предстоит.

Она вышла через веранду к гаражу, где стоял ее драндулет, и со двора донесся голос: «Рыбке нужно море, пчеле нужны цветы, на счастье или горе мне нужен только ты».

Смидли Корк, словно ища опоры, бессильно откинулся на спинку дивана. Хотя утро было теплое, он дрожал, как может дрожать только убежденный холостяк перед лицом открывшейся ему неизбежности брака.

ГЛАВА II

Джо Дэвенпорт угощал Кей Шэннон в «Лиловом цыпленке», в центре Гринвич-Вилледж. Будь его воля, он предпочел бы пригласить ее в «Колони» или «Павильон», в общем, куда-нибудь пошикарнее, но у Кей были строгие принципы в отношении молодых людей, склонных к мотовству, даже если речь шла о шальных денежках, сорванных на джек-поте радиовикторины. Подобно своему дядюшке Смидли, она подозревала, что подобные траты не окупаются. С чем, однако, не мог согласиться желудок Джо, привыкший функционировать в условиях высоких стандартов; слава Богу, теперь ему оставалось превозмочь последний пункт меню — кофе.

Официант принес кофе, дохнул Джо в затылок и удалился, а Джо, только что рассуждавший о губительном эффекте опробованных спагетти, внезапно оставил эту тему и обратился к той, что более всего занимала его мысли, когда ему случалось сидеть за одним столом с Кей.

— Ну Бог с ними, со спагетти, — сказал он. — Если пожелаешь, мы вернемся к ним попозже. Сейчас на повестке дня вопрос потоньше. Только не удивляйся. Хочу спросить, ты за меня замуж не выйдешь?

Она сидела, подавшись вперед, опершись подбородком на ладони и смотрела на него тем серьезным испытующим взглядом, от которого у него переворачивало душу. Именно серьезность Кей и привлекла его с первой же минуты их встречи. К тому моменту у него как раз вызрело ощущение, что мир чересчур переполнен женскими улыбками, особенно в Голливуде, где ему выпало обитать. Прежде чем в его жизнь вошла Кей, его существование превратилось в сущий ад сверкающих зубов и ослепительных оскалов.

— Выйти за тебя замуж?

— Вот именно.

— Откуда такие дикие идеи!

Кей повернула голову и посмотрела, что делалось у нее за спиной. «Лиловый цыпленок» являл собой образчик тех непрезентабельных гринвич-вилледжеских забегаловок, где никто не считает нужным стеснять себя условностями, и как раз сейчас за столиком в углу мужчина с артистической внешностью и девушка с постным выражением лица принялись спорить так рьяно, будто находились в собственном доме. Удовлетворив любопытство, Кей встретилась глазами с Джо, и тот

смущенно нахмурился.

— Не обращай внимания на эту парочку, — упредил он ее реплику. — Наш брак будет совсем другим. Да эти, может, и вообще не женаты.

— Он, похоже, обращается с ней как законный супруг.

— Наш брак будет блаженством. Ты читаешь Блонди? Значит, разделяешь мнение, что лучший из мужей во всей Америке — Дагвуд Бамстед. Так вот, у меня с ним масса общего: любящее сердце, нежная душа, привязанность к собакам и вкус к экзотическим бутербродам. Выходи за меня, и ты получишь супер-Дагвуда. Не услышишь ни единого грубого слова. Не встретишь косого взгляда. Каждое твое желание будет для меня законом. Я стану подавать тебе завтрак в постель и курить целебные смолы, если у тебя случится мигрень.

— Звучит заманчиво, — протянула Кей. — А скажи-ка мне вот что. Почему, когда ты приглашаешь меня на ланч, ты не делаешь предложения раньше, чем подадут кофе? Почему бы это? Дань привычке?

— Отнюдь. Дело тонкое. Психология. Я рассуждаю так: сытая девушка гораздо уступчивее голодной. К тому же терпеть не могу, когда в такой деликатный момент за спиной шныряют любопытные официанты и делают на тебя ставки. Ну что, решилась?

— Нет.

— Ты и в прошлый раз так ответила.

— И этот не будет исключением.

— Значит, от ворот поворот?

— Значит, так.

— И это после того, как ты наелась моего мяса?

— Я ела спагетти.

— Без разницы. Чем бы леди ни кормилась с руки джентльмена, сам этот факт накладывает на нее ответственность. Она должна расквитаться с ним.

Артистическая персона и его подруга с постной физиономией заплатили по счету и ушли. Не стесняемый более их присутствием, Джо почувствовал себя посвободнее и взял быка за рога.

— Твои упорные отказы порядочному мужчине действительно достойны удивления. «Нет! Нет! Нет!» — просто Молотов в юбке. Впрочем, это не важно.

— Нет?

— Вот видишь — опять нет! Ты небось и во сне это повторяешь.

— Так почему же это не важно?

— Потому что ты обречена на брак со мной. Хотя бы из-за денег.

— Много их у тебя?
— Штука баксов.
— И все?
— Что значит — все? Сколько бедняков и мечтать не смеют о такой сумме! И бедняжек тоже. Например, твоя тетушка Билл.
— Я имела в виду — это все, что осталось от твоего выигрыша?
— Да, знаешь, денежки текут как вода. Такова жизнь холостяка. Судя по Билл, и старой девы тоже. Ты, кстати, давно от нее ничего не слышала?
— Порядком.
— А я утром получил телеграмму.
— О чем же она тебе сообщает?
— У нее какой-то грандиозный план.
— Что за план?
— Она не уточнила. Очень таинственное послание.
— Что-нибудь безумное.
— Ну, что ты! Билл и безумие — вещи несовместные. Старушка Билл — самая смышленая бабенка из всех, кто когда-либо толпился у голливудской кормушки со времен Бетти Грейбл.[2] Билл — дама с идеями. Когда мы с ней вместе горбатились на «Суперба-Лльюэлин», на Кауэнга-бульвар рыскал один дорожный полицейский, который имел обыкновение устраивать засаду где-нибудь в темном уголке, обрушиваться на какого-нибудь ничего не подозревающего мотоциклиста и вручать штрафную квитанцию. Мы наблюдали эти исторгающие слезы сцены в окно, мучаясь от собственного бессилия, потому что горели желанием помочь несчастным, но не знали, как, и только Билл хватило ума наказать негодяя. Как-то раз он зашел в аптеку, а она тем временем привязала заднее колесо его таратайки к пожарному шлангу, и, когда он рванул с места, его выбросило из седла и он имел жалкий вид. В этом вся Вильгельмина Шэннон. Женщина, которая не бросает слов на ветер и вообще предпочитает действовать, а не болтать. Но вернемся к нашим баранам. Я остановился на том, что холостяку трудно соблюдать экономию. В качестве человека женатого я остепенюсь и буду бережливым.
— Я не собираюсь за тебя замуж, Джо.
— Что так? Я тебе не нравлюсь?
— С тобой приятно посидеть за столом.
Официант недвусмысленно замельтешил перед их столиком, и Джо, угадав его мысли, спросил счет. Потом бросил через стол взгляд на Кей и в очередной раз подумал, какая же странная штука жизнь. Никогда не знаешь, что она тебе подбросит. Он прекрасно помнил, что, когда, уезжая

из Голливуда, по просьбе Билл Шэннон связывался в Нью-Йорке с ее племянницей Кей, служившей в журнальной редакции, делал это исключительно по дружбе. Никогда не страдавший от недостатка женского общества, он не ожидал большого удовольствия от того, что в его красной записной книжечке прибавится еще один адрес. Но раз уж Билл попросила его связаться с Кей, он связался. И результатом этого безобидного акта доброй воли стали те эмоциональные встряски, которые так основательно его перебудоражили.

— Билл следовало предупредить меня, что я ступаю на опасную стезю, — сказал Джо, завершая вслух свои мысленные воспоминания. — «Приедешь в Нью-Йорк, — сказала она, — повидай мою племянницу Кей». Эдак невзначай. Мимоходом. И никак не намекнув, что ввергает меня в знакомство с девушкой, которая разделает меня как цыпленка и доведет до нервного срыва. А вы говорите, «La Belle Dame sans Merci». Поэтам и не снилась такая безжалостная дама.

— Ките! — удивленно констатировала Кей. — Какой начитанный молодой человек! Надо попросить автограф. Я и не знала, что ты знаток поэзии.

— Извечный почитатель и читатель. Всякий раз, когда у меня выдаются свободные полчаса, меня можно застать с последними сонетами Китса в руках. «Зачем здесь, рыцарь, бродишь ты угрюм и одинок?» Знаешь, войди сейчас сюда этот бедный рыцарь, тоскующий о своей La Belle Dame sans Merci,[3] поймавшей его в ловушку, я бы хлопнул его по плечу и сказал, как глубоко понимаю его чувства.

— Тебе все же приходится послаще, чем ему.

— С чего ты взяла?

— У него не было красной записной книжечки.

Джо передернул плечами и — хотя никто из близко знавших его людей в это не поверил бы — залился краской.

— А тебе откуда известно про мою записную книжку?

— Ты как-то оставил ее на столе, когда пошел кому-то что-то сказать. Я от нечего делать ее полистала. Кто все эти особы?

— Грехи молодости.

— Гмм.

— Не хмыкай. Эти девушки для меня ничего не значат. Так, легкие тени. Пена, оставленная морской волной после прилива на берегу моей памяти. Подай мне любую из них на тарелочке с гарниром, я и глазом не поведу. Теперь для меня никого не существует, кроме тебя. Не веришь?

— Нет.

— Ну вот, опять нет. Клянусь бородой Сэма Голдвина,[4] иной раз меня так и подмывает трахнуть тебя бутылкой по макушке.

Кей угрожающе подняла вверх кофейную ложечку.

— Поостерегись. Я вооружена.

— Сдаюсь. С тобой лучше не связываться.

Официант подал счет, Джо рассеянно заплатил. Кей внимательно смотрела на него своим изучающим взглядом.

— Дело, конечно, не в красной записной книжке, — сказала она. — Подумаешь, новоявленный Казанова — это даже мило. Хочешь, объясню, почему я за тебя не выйду?

— Страстно. Рассей, пожалуйста, туман вокруг этой страшной тайны.

— Ничего нового ты не услышишь.

— Не важно. Лишь бы ты говорила обо мне.

Кей сделала глоток кофе, но он остыл, и она отставила чашку. Ресторанчик опустел, официанты скрылись в своих тайных норах. Можно было разговаривать, не боясь быть подслушанным.

— Дело в том, что ты не относишься к породе, которую французы называют homme serieux.[5] Если ты знаешь, что это значит.

— Откуда мне знать!

— Попытаюсь объяснить. Обратимся к истории болезни. Она мне известна благодаря Билл. По ее словам, когда вы оба жили в Нью-Йорке, до того, как ты отправился в Голливуд, ты был вполне сносным писателем.

— Скорее, писакой.

— Что ж тут плохого? Половина из нынешних знаменитостей начинали как авторы ширпотреба. Главное — не отступать. Стремиться к цели и работать.

— По-моему, ты не вполне искренна.

— Продолжаю. Ты получил место в «Суперба-Лльюэлин» и поехал в Голливуд. Потом тебя оттуда выперли.

— Это со всяким может случиться.

— Да, но не всякий в этом случае требует личной встречи с боссом студии и в ходе беседы швыряет ему в голову увесистую подшивку «Сатерди Ивнинг Пост». Что тебя подвигло на такой поступок?

— Ничего лучшего в тот момент не пришло в голову. Уж больно неприятный собеседник попался. Это Билл тебе напела?

— Да.

— Слишком словоохотливая.

— В результате ты оказался в черном списке. Очень

непредусмотрительно с твоей стороны, на мой взгляд.

Джо снисходительно погладил ее по руке.

— Не женского ума дело, — заметил он. — В жизни каждого мужчины, имеющего дело с Айвором Лльюэлином, наступает момент, когда он вынужден метнуть ему в башку подшивку «Сатерди Ивнинг Пост». Для того эту газету и печатают.

— Допустим. Хоть ты меня и не переубедил, но допустим, что ты прав. Обратимся теперь к твоему выигрышу. На тебя чудом свалилась куча денег, ты сорвал джек-пот…

Джо, недовольный тем, какой оборот принял разговор, принужденно хмыкнул.

— Это очень приятное воспоминание, — сказал он. — Сижу я как-то дождливым вечером в своей халупе, тягостно размышляя над тем, куда податься перекусить, и вдруг звонит телефон. Некая добросердечная особа с радиостанции «Дабл Ю. Джей. Зед» предлагает мне прослушать запись Голоса Незнакомца и попытаться отгадать, кому он принадлежит. И что же оказывается? Я слышу голос мистера Айвора Лльюэлина, который с момента нашей последней встречи непрестанно звучит у меня в ушах. Я, естественно, его опознаю, и добросердечная особа сообщает мне, что я таким образом выигрываю джек-пот и получаю немыслимые бабки. Это доказывает, что все в этом мире имеет свой смысл, даже Айвор Лльюэлин. Впрочем, я тебя перебил.

— Это так.

— Извини. Продолжай. Итак, ты говорила, что…

— Я говорила, что, когда на тебя свалилась эта куча денег, ты моментально бросил писать и предался безделью.

— Клевета.

— Сочинил ли ты хоть единственный рассказик после того, как получил эти деньги?

— Нет. Но я не бездельничал. Я искал себя, искал источник вдохновения. Внутренний голос подсказывает мне, что мне уготовано более благородное предназначение, чем лудить ковбойские байки для макулатурных журналов. И раз уж я разжился капитальцем, могу не суетясь изучить рынок.

— Понятно. Ну ладно, — сказала Кей, подымаясь с места. — Мне пора. И я покидаю тебя в убеждении, что ты все же не homme serieux.

Джо охватило уныние. Каждый раз хоть и по-разному, но в сущности одним и тем же кончались их разговоры, однако на этот раз ситуация была особенно безутешной, потому что через несколько дней три тысячи миль,

горы, пустыни и прерии отдалят его от этой девушки. А ведь если и есть в мире нечто, требующее его неусыпного внимания, так это победа над неприступной Кей Шэннон.

— Погоди немножко, — взмолился Джо.

— Не могу. Тыщу дел надо переделать.

— Контора ждет?

— Чемоданы пакую. Завтра начинается мой отпуск.

— Впервые слышу.

— К слову не пришлось.

— И куда направляешься?

— В Голливуд. А что?

— Да ничего.

— Ты ощетинился, как морж.

— У меня в этот час всегда такой вид. Итак, ты направляешься в Голливуд.

— Да, в Беверли-Хиллз. В гости к тетушке.

— К Билл?

— Нет, к другой. К ее сестрице. Расположившейся гораздо выше Билл на социальной лестнице. Принадлежащей к старинной голливудской аристократии. Ее зовут Адела Шэннон.

— Та самая Адела Шэннон? Звезда немого кино?

— Та самая.

— Я слыхал о ней от Билл. Она, похоже, от этой Аделы не в восторге.

— Я, признаться, тоже.

— А зачем же в гости едешь?

— Сама не знаю. Так просто. Надо же куда-то ехать. Она как раз приглашала.

— Где она живет?

— На холмах, в конце Аламо-драйв. Там раньше жила Кармен Флорес. Ты, должно быть, знаешь это место.

— Так она расположилась в этом дворце? У нее, наверное, уйма деньжищ!

— Так и есть. Она вышла замуж за миллионера.

— Ты сможешь повторить ее подвиг, если я найду свою нишу и мои дела пойдут в гору. А пока что жди моего звонка.

— Чего ждать?

Джо рассмеялся. Дурное настроение как рукой сняло. Солнце засияло в разрыве туч, и все стало к лучшему в этом лучшем из миров.

— Неужто ты надеялась ускользнуть от меня, спрятавшись в

Голливуде? Бедняжка, ты прозябаешь в раю, не отведавши плода от древа познания. Я сам еду в Голливуд через пару дней.

— Как! Ты же у них в черном списке!

— Я не в поисках работы туда направляюсь. Они, само собой, придут ко мне на поклон и станут упрашивать, но я гордо откажусь: после того, что случилось… И буду непреклонен. На самом деле я собираюсь потолковать с Билл насчет ее проекта. Она почему-то уверена, что мое сотрудничество обеспечит делу успех. Настаивает на том, чтобы я все бросил и примчался к ней. Жаль, что мы не сможем ехать вместе с тобой, мне надо кое-что уладить, прежде чем я покину метрополию. Тем не менее в свое время я дам о себе знать. Более того, ты получишь возможность лицезреть меня живьем.

— Надеюсь, ты не собираешься нагрянуть к тете Аделе?

— Не исключено.

— Я бы на твоем месте не рискнула.

— Не съест же она меня.

— Я в этом не вполне уверена. Она не вегетарианка.

— Посмотрим, посмотрим. А что касается вопроса, который мы тут обсуждали, оставим его пока открытым. Разумеется, любить тебя я не перестану.

— Благодарю.

— Не за что. Рад служить. По крайней мере, буду при деле.

ГЛАВА III

— Голливуд, — изрекла Билл Шэннон, — не тот, что был прежде. Голливуд, — продолжила она, — который раньше был смесью Санта-Клауса с добрым королем Венцеславом, обратился в Скруджа. Золотые деньки ушли в прошлое и унесли с собой радость, которой некогда все тут дышало.

Билл пила кофе с Джо Дэвенпортом в главном обеденном зале отеля «Беверли-Хиллз», и ее зычный голос громовыми раскатами гулял над столиками. Джо ощущал себя представителем электората, к которому обращается с торжественной речью сенатор, обладающий недюжинными голосовыми данными.

— Смотри сам, — говорила она. — Было время, когда только человек выдающихся способностей и огромной решимости мог избежать работы в кино. Администраторы из высших эшелонов буквально проходу никому не давали на Сансет-бульваре, умоляя подписать контракт. «Уж пожалуйста, сочините нам что-нибудь!» А когда отвечаешь, что ты никакой не сценарист, они не сдаются и зовут в технические консультанты. Если и это не проходит, они все равно наседают: «Тогда помогите нам с вокалом». Тут уж ты не выдерживаешь и соглашаешься писать сценарий. Запрашиваешь полторы тыщи в неделю. «А две не возьмете? — интересуются они. — Все-таки круглая цифра. Для расчета удобнее». «Ладно, — соглашаешься ты. — Так и быть. Только не требуйте с меня за эти деньги еще и работы!» Они тебе в ответ: «Упаси бог, какая работа! Как вам такое в голову могло прийти! Нам просто приятно будет видеть вас в наших краях». Вот как раньше обстояли дела. А что теперь? Ха! Если тебя кто и возьмет, то лишь затем, чтобы иметь удовольствие выгнать.

Весь этот монолог был спровоцирован невинным вопросом Джо «Как наш добрый старый Голливуд?» Джо почувствовал себя диверсантом, прорвавшим плотину, а потом соломинкой, попавшей в водоворот. Наконец, справившись с эмоциями, он догадался об истинной подоплеке бурного словоизлияния.

— Только не говори, что тебя вышвырнули за дверь!

— Именно это они и сотворили. Выкинули на улицу. А я-то, дура, всегда считала, что они держат меня за мамочку. За студийный талисман.

— Когда же это случилось?

— На прошлой неделе. Влетаю в контору как на крыльях. От избытка

чувств шляпка сбилась набок. На устах песня — «Мама, я буду царицей мая»,[6] а на столе — голубой конверт. Можешь мне поверить, гаже не бывает. Пришлось пойти в буфет и восстановить силы с помощью солодкового коктейля «Бетт Дэвис».[7]

Джо понимающе кивнул.

— Это в связи с кампанией экономии.

— Дурацкая мысль!

— Значит, дела в Голливуде совсем никудышные.

— Не то слово.

— Можно было догадаться, что к этому идет, когда мне позволили уволиться. Эта самоубийственная политика до добра не доведет. Чем теперь собираешься заняться?

— Пока что обретаюсь у сестры Аделы. Она наняла меня литературным негром — для обработки ее мемуаров. Кстати, на днях приехала Кей. Ты с ней в Нью-Йорке виделся?

Джо разразился саркастическим смехом.

— Виделся ли я с ней в Нью-Йорке! Ничего себе вопрос! Я должен ответить на него утвердительно. Мой простодушный друг, как же наивна ты была, посылая меня на это задание. Я совершенно упал духом. Мной овладела депрессия. Я потею по ночам и не хочу есть. Я влюбился в нее, Билл.

— Да ты что!

— Увы.

— Тебя трудно винить. Она симпатичная чертовка.

— Я бы просил тебя не называть ее чертовкой. Если на то пошло, называй ее лучше ангелом. Можно серафимом. Но не чертовкой.

— Ладно. А как развиваются события? Она отвечает тебе взаимностью? Ты соответствуешь ее идеалу?

— Если воспользоваться ее излюбленным словечком, — нет.

— И замуж за тебя не пойдет?

— Уверяет, что нет.

— Спроси еще.

— Спрашивал. Чем же, думаешь, я там занимался? Спрашивал двенадцать раз. Нет, извини, четырнадцать. Только что звонил, цифра дошла бы до пятнадцати, да ее дома не оказалось. Билл, а кто такая миссис Корк?

— Моя сестра Адела. Она вышла замуж за преуспевающего миллионера с этой фамилией. А что?

— А я и не знал. Мы обменялись парой слов по телефону. Вот так обстоят дела. Я продолжаю делать ей предложение, а она упорно сыплет мне соль на раны. Теперь тебе ясно, почему я такой бледный и печальный.

— Ты выглядишь вполне здоровеньким. И очень глупо с твоей стороны обращать внимание на девичьи отказы. Я влюблена в мужчину, который отказывает мне двадцать лет. Думаешь, я отчаиваюсь? Ни боже мой. Я не оставляю стараний, и, кажется, он потихоньку начинает сдаваться.

— Ты меня удивляешь.

— Чем же?

— Твой образ как-то не вяжется с нежными чувствами.

— Почему?

— Я неточно выразился, — поправился он, перехватив взгляд собеседницы, в котором мелькнула угроза. — Просто невозможно представить, чтобы нашелся человек, способный сопротивляться тебе целых двадцать лет.

— То-то же.

— Он будет твоим, Билл. Стой на своем.

— Непременно. И ты тоже.

— Обязательно. Давай оба будем стараться.

— И потом вместе справим свадьбу.

— Зададим жару.

— А теперь, умоляю, переменим тему и поговорим о деле. Нельзя же весь день убить разговорами о любви. Ты получил мою телеграмму?

— Я потому и прибыл.

— А письмо, где я описала все подробности моего проекта?

— Никакого письма я не получал.

— Ах, да, конечно! Я сейчас вспомнила, что забыла его отослать. Ничего, еще не поздно. Мы, мальчик мой, на пороге неслыханной удачи. Напали на золотую жилу.

— Дуй дальше, Билл. Ты меня страшно заинтриговала. Билл выразительно постучала ему пальцем в грудь.

— Тебе никогда не приходило в голову, Джо, что мы со своей писаниной всю жизнь играли не на своем поле?

— Что значит — не на своем поле?

— На поле неудачников. Сосунков. Идиотов. Чего мы добились, горбатясь на бульварные журнальчики и студийных боссов? Ничего.

— Следовательно?

— Мы должны переквалифицироваться в литературных агентов.

— То есть?

— То есть, представлять интересы авторов. Мы уйдем в тень и дадим возможность другим работать, а сами станем снимать свои десять процентов как офицеры и джентльмены.

— Как это тебе пришло в голову?

— Меня осенило, когда я обедала со своим кровососом, который решил отойти от дел. Я сразу заметила, что этот тип не в своей тарелке. Расслабившись под воздействием пары сотен и копченой лососины, он со стоном зарылся лицом в ладони и объявил, что больше не может. Выбился из сил. Должен завязать с делами. Дошло до того, что видеть не в состоянии никого из авторов. Достали они его. Он полагал, что Провидение наплодило в миру писателей не без умысла, только вот в чем он заключается, непонятно. Посему он счел за лучшее провести вечер своей жизни где-нибудь в уединении, скажем, на Виргинских островах, куда не доберется никто из этого племени и где его ждет свобода. Чтобы не томить тебя долгим рассказом, доложу, что мне удалось уломать его, и он подписал в мою пользу отказную, или как это там называется. Действовать надо молниеносно, потому что если мы не войдем в дело за неделю, он передаст клиентуру кому-нибудь другому. Словом, пришла пора, чтобы все люди доброй воли пришли под наши знамена.

Джо почувствовал, как ее энтузиазм передается и ему. Мысль превратиться в представителя интересов других авторов его не посещала, но теперь он понял, что, изучая рыночную конъюнктуру, подсознательно стремился к чему-то в этом духе. Подобно всем писателям, он придерживался мнения, что из всех способов наживы в условиях нашей цивилизации самым легким был именно путь представительства от лица литераторов. В этой отрасли бизнеса для преуспеяния достаточно обладать способностью положить в конверт рукопись и лизнуть языком почтовую марку. Пусть другие ходят в потрепанной одежде и рваных башмаках, на литературных агентов это не распространяется.

Перед ним забрезжили радужные видения: Кей, узнав, что он отныне принадлежит к состоятельному меньшинству, которое представляет интересы других, рыдает у него на груди, сожалея, что опрометчиво исключила его из разряда тех, кого французы именуют homme serieux. Но тут снова раздался голос Билл:

— Он запросил двадцать тысяч.

Сладкие грезы разлетелись в осколки, словно суповая тарелка, вырвавшаяся из рук неуклюжей официантки. Из горла у него вырвалось какое-то бульканье, и когда он смог наконец совладать с голосом, тот

зазвучал низко и хрипло:

— Двадцать тысяч?

— Вот именно. Он начал было нести какую-то дичь насчет тридцати, но я его быстренько образумила.

— И ты надеешься достать эту сумму?

— А что такого?

— И на какой же банк ты наметила налет?

Джо съежился в кресле — Вильгельмина Шэннон вновь возвысила голос:

— При чем тут какой-то банк и какой-то налет? Я рассчитываю на то, что ты тряхнешь мошной. Разве ты у нас не денежный мешок?

— У меня есть тысяча долларов. Вряд ли тут можно вести речь о мешке.

— Как, тысяча? А куда делся выигрыш?

— Унесен ветром.

— Ах ты, юный транжира!

— Высокий уровень жизни, налоги и прочее. К тому же, Билл, ты не учитываешь, что эти радиовыигрыши — туфта. Не верь газетным бредням. Мне выдали выигрыш в основном консервированным супом. Возьмет этот тип восемь тыщ жестянок в ассортименте? Может, он любит поесть супчику. Пожалуйста: томатный, гороховый, куриный, спаржевый…

Пожилой джентльмен, тянувший что-то через соломинку за своим столиком в другом конце зала, конвульсивно дернулся и чуть не проглотил соломинку, потому что Билл снова возвысила голос.

— Развеяна еще одна иллюзия, — сказала она. — Тебе остается сопроводить меня в приют для старушек.

Ее отчаяние тронуло сердце Джо. Ему было не свойственно подолгу пребывать в унынии, и он уже начал потихоньку оправляться от тягостных дум.

— Не падай духом, Билл. Неужто нам негде раздобыть деньжонок?

— А где?

— В центре Санта-Моники было такое злачное местечко под названием «Перелли», где можно попытать судьбу. Надеюсь, оно не прекратило своего существования. Можно взять мою тысчонку и поставить на кон.

— Не дури.

— Пожалуй, ты права. А может, перехватим у кого-нибудь? В Голливуде должно быть полным-полно рисковых людей, которые могли бы ссудить нам чуток.

— Что-то они мне не попадались.

— А миссис Корк?

— Адела? У нее снега зимой не выпросишь. Даже на Аляске. Нет, это конец. Отчаяние — вот мой удел, — произнесла Билл и величественно направилась к двери, словно отступающий из Москвы Наполеон в юбке.

После ее ухода Джо на некоторое время погрузился в размышления о капризах судьбы, которая то обольщает тебя золотыми снами, то выбивает почву из-под ног. Но уныние, как было сказано, не входило в число его грехов. И во мраке для него уже заблестел лучик света. С превращением в миллионера придется, видимо, повременить, подумал он, но ведь деньги — еще не все, и хотя мир, как известно, юдоль печали, в нем обретается девушка, которую он, Джо, любит. Следуя в желтом такси со стоянки возле книжной лавки Мэрион Хантер до конца Аламо-драйв, он с восторгом устремит свой взор на дом, в котором она обитает. Если немножко повезет, он может даже ее увидеть.

Спустя двадцать минут, сидя в желтом такси, Джо взирал из окошка на широкие ворота и обсаженную деревьями подъездную бетонную дорожку, которая вела к дому, увы, недосягаемому для его взгляда. Джо чувствовал себя паломником, достигшим вожделенной святыни. К чувству возвышенного благоговения примешивалось и вполне мирская мысль: да, миссис Адела Корк правильно выбрала среди миллионеров. Он отдал должное обширности и ухоженности владения, а когда на дорожке внезапно вырос натуральный английский дворецкий, явно импортированный непосредственно из страны обитания, всякие сомнения, которые могли бы возникнуть относительно наивысшего статуса этой усадьбы среди лучших домов Голливуда, рассеялись на корню. Дворецкий шел с подносом, уставленным бокалами с коктейлями.

По-видимому, именно эти коктейли навели Джо на мысль, что пора возвратиться и сделать распоряжения насчет ужина. Сгущались калифорнийские сумерки, и желудок, привыкший получать удовлетворение без проволочек, уже сигнализировал о своих нуждах в высшие инстанции. Сожалея о необходимости повиноваться низменным побуждениям, Джо готов был с неохотой приказать водителю, чтобы тот повернул назад, когда за ворота прогулочным шагом вывернул высокий представительный джентльмен преклонных лет, похожий на римского императора, увлекшегося углеводами. Он выглядел настолько внушительно, что Джо тут же решил, что судьба уготовила ему встречу с тем, в ком он сейчас особенно нуждался, одним из сильных мира сего, для кого двадцать тысяч — не деньги.

Ясно как день — кто еще это может быть, как не плутократ Корк, дорогой друг тети Аделы? С первого взгляда понятно, что у него полны карманы зеленых. Есть нечто трудноуловимое, что отличает очень богатых от простых смертных. Они как-то иначе смотрятся. Иначе ходят. Иначе произносят: «Эй, такси!»

Именно этот возглас издал сейчас представительный джентльмен, и Джо успел подивиться, зачем этакому Крезу такси, но тут же нашел простое объяснение. Какая-то незначительная неполадка с «линкольном», «кадиллаком» и обоими «роллс-ройсами», что стоят в гараже.

Острый ум тотчас отметил посланный небесами шанс побрататься с этим густо позолоченным субъектом и установить дружеские отношения.

— Я еду на Беверли-Хиллз, — сказал он, высовываясь из окошка и всеми порами источая обаяние. — Могу вас подвезти.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Ничего, не стоит.

— Благодарю вас.

— Не за что. Садитесь, прошу.

Такси взяло курс вниз по склону холма. Джо принял установку очаровать попутчика.

ГЛАВА IV

Полдневное солнце, изливавшее свои лучи в окна садовой комнаты, освещало Билл Шэннон, сидевшую за столом перед диктофоном. Ее лицо выражало скорбную покорность судьбе. Случайный наблюдатель мог бы предположить, что мемуары сестры Аделы, над которыми она трудилась, не доставляют ей радости, и он не ошибся бы. За свою жизнь Билл перепробовала множество занятий, она была репортером криминальной хроники, работала на телефоне доверия, сочиняла рассказы для бульварных журналов, служила актрисой на выходах и няней, а также пресс-агентом, но до сих пор ей не случалось браться за что-либо более не свойственное ее натуре.

Насколько можно было почерпнуть из пухлой стопки заметок, предоставленных в ее распоряжение героиней мемуаров, в жизни Аделы не происходило ничего, что могло бы вызвать хоть малейший интерес у кого-нибудь, кроме нее самой. За все время ее немой славы она только ела, спала, выходила замуж и фотографировалась. Совсем не просто было превратить эти скудные сведения в триста страниц занимательного чтения для американской публики.

Но Билл, как женщина совестливая, твердо вознамерилась приложить к этому делу максимальные усилия и потому с великолепным упорством игнорировала солнечный свет, манивший ее на лоно природы.

«Все было так ново и необычно, — бубнила она в микрофон, — а я, робкая крошка…» — О, черт, эту робкую крошку я уже подпустила… — «А я была так юна, так неопытна, так ошарашена и ослеплена блеском этого мира…» — Нет, тут требуется побольше эпитетов… — «… блеском этого необыкновенного, нового, волшебного мира, в который я погрузилась…» — Тьфу, про новое и необычное я только что говорила. — «… этого фантастического, волшебного мира, в который я погрузилась, как ныряльщик в сверкающий поток. Разве могла я мечтать…»

В дверь скользнул Фиппс, неся на подносе виски и содовую. Билл приветствовала его радостным возгласом, как ныряльщик, бросавшийся в сверкающий поток, но обнаруживший, что вода гораздо теплее, чем он предполагал. Даже израильтянин в пустыне при виде падающей с небес манны, о которой он только что отчаянно молил, не выказал бы большего энтузиазма и непосредственной благодарности.

— Фиппс, ты прочитал мои мысли.

— Я подумал, что вам нужно освежиться, мадам. Вы все Утро трудитесь.

— Слава Богу, никто не мешает. А куда все подевались?

— Миссис Корк поехала в Пасадену, мадам. Выступать в дамском клубе по случаю Дней памяти немого кино. Мисс Кей и милорд играют в гольф.

— А мистер Смидли?

— Я не видел мистера Смидли, мадам.

— Где-нибудь тут, наверное.

— Несомненно, мадам.

Билл сделала глоток и приготовилась к беседе. Она дошла до той точки в трудах, когда ей потребовался перерыв. Нарушь кто-нибудь ее творческое уединение чуть раньше, она раздосадовалась бы. А сейчас это было в самый раз. То, что прерваться пришлось именно из-за Фиппса, было ей особенно приятно. Дворецкий ее заинтриговал. После их недавней встречи она немало размышляла об этом любопытном случае.

— Хотелось бы, чтобы ты мне кое-что разъяснил, Фиппс.

— Разумеется, мадам, если это в моих силах.

Билл опять приложилась к бокалу. Его янтарное содержимое приятно холодило и освежало. Она зажгла сигарету и выпустила струйку дыма на муху, кружившую у нее над головой.

— Дело вот в чем, — начала Билл, приступив к формулировке вопроса, который должен был разрешить ее замешательство. — Ты помнишь — право, не знаю как и спросить, имея в виду, что и стены имеют уши, — помнишь свой судебный процесс?

— Да, мадам.

— Тот самый, на котором я была членом жюри присяжных.

— Да, мадам.

Билл повторила дымовую атаку на муху сбоку.

— С этого места я теряю нить повествования. Сколько помнится — и моим коллегам тоже так показалось, — джентльмен, давший себе труд покопаться в твоем прошлом, представил сообществу, членом которого я имела честь состоять, достаточно убедительные доказательства того, что ты квалифицированный взломщик.

— Да, мадам.

— Вскоре я приезжаю сюда и убеждаюсь, что ты еще и вполне квалифицированный дворецкий.

— Благодарю вас, мадам.

— Так что же первично, яйцо или курица?

— Простите, мадам?

Билл поняла, что недостаточно ясно выразилась.

— Так ты взломщик?

— Экс-взломщик, мадам.

— Ты уверен, что это пишется именно так?

— О да, мадам.

— Если так, то кто ты — взломщик, фантастически одаренный способностями дворецкого, или дворецкий, который наловчился взламывать сейфы?

— Последнее, мадам.

— Значит, ты взломщик, притворяющийся дворецким ради каких-то тайных целей?

— О, нет, мадам! Я на этой службе с младых ногтей. Семейный бизнес. Я начал карьеру привратником в одной крупной усадьбе в Вустере.

— Это где соус делают?

— Приправу, которую, по-видимому, имеет в виду мадам, действительно изготовляют в этой местности.

Фиппс на какое-то время умолк, погрузившись мыслями в те счастливые дни, когда жизнь была простой и беззаботной. Если не считать обязанности таскать наверх, в спальные комнаты, дрова, труд мальчишки-привратника в английских домах достаточно необременителен.

— Со временем, — продолжил он, очнувшись от задумчивости, — я дорос до должности помощника лакея, а затем ливрейного лакея и, наконец, дворецкого. А тогда я поступил в услужение к одному американскому джентльмену и переехал в его страну. Мне всегда хотелось посетить Североамериканские Соединенные Штаты. Это произошло десять лет назад.

— А когда же ты научился бомбить сейфы?

— Примерно через пять лет после приезда, мадам.

— Что же подало тебе эту мысль?

Фиппс осторожно оглянулся. Потом устремил вопрошающий взгляд на Билл, будто мысленно взвешивая ее. Он словно спрашивал себя, умно ли будет с его стороны довериться женщине, которая хоть и была ему шапочно знакома, все же оставалась чужой. Но доброжелательное выражение ее лица сняло его сомнения. Именно это свойство всегда заставляло людей доверяться Билл.

— Эта идея внезапно постигла меня однажды вечером, когда я читал книгу под названием «Три покойника в Мидуэй-корт», мадам. Мне всегда нравилась такого рода литература, и в процессе постижения этих

вымышленных историй — известных, насколько я знаю, как детективы, — меня поразил тот факт, что зачастую именно дворецкий оказывался преступником.

— Понятно. Похоже, что у дворецких это что-то вроде профессионального заболевания.

— В «Трех покойниках» преступник тоже был дворецким, причем никто не подозревал его до самой последней главы. Это и навлекло меня на размышления. Раз уж дворецкого так трудно заподозрить, следовательно, дворецкому, служащему в богатом доме, крайне полезно овладеть навыками открывания сейфов. В этом случае, мадам, — вы следите за моей мыслью? — ценности будут находиться у него под рукой, и ему не составит труда, оставив открытым окно, создать обстановку налета извне. Коротко говоря, я навел соответствующие справки и в конце концов нашел в Бруклине практикующего специалиста, который за небольшой гонорар готов был передать мне свое искусство.

— Всего за дюжину уроков?

— За двадцать, мадам. Я поначалу показал себя не очень способным учеником.

— Но со временем овладел знаниями в полной мере?

— Да, мадам.

Билл глубоко вздохнула. Она не была строгой моралисткой, обладала терпимым характером и проникалась пониманием к оступившимся, с которыми ее сводила жизнь, но и совесть в ней не умерла. И хотя Билл никогда не испытывала особой любви к своей сестре Аделе, ей подумалось, что нелишне будет молвить ей словечко предостережения. Щедрость покойного Альберта Корка, помноженная на ее собственное весьма значительное состояние, составленное в те годы, когда высокие гонорары облагались смехотворным налогом, материализовалась в такое количество драгоценностей, которым можно было бы оснастить половину голливудских блондинок. И было бы нечестно позволить ей держать у себя дворецкого, который, как установило судебное следствие, умеет открывать сейфы ногтем.

— Мне следует сообщить об этом миссис Корк, — сказала Билл.

— Нет нужды, мадам. Я давно покончил с прошлым.

— Это ты так говоришь. Верится с трудом.

— Нет, мадам, уверяю вас. Не говоря уже о моральной стороне дела, я из чисто практических соображений не взял бы на себя риск, сопряженный с этим видом деятельности. С меня хватит того опыта, который я приобрел в американской тюрьме.

Лицо Билл прояснилось. Это говорил голос разума.

— Понятно. Помню, читала в «Йейл-ревю» про переродившегося преступника. Автор подчеркивал, что нет человека, более стремящегося к честной жизни, нежели только что освободившийся из заключения. Он писал: тому, кто год провалялся на больничной койке после того как преодолел в бочке Ниагарский водопад, по выходе на волю вряд ли захочется повторить свой подвиг. Иными словами, пуганая ворона куста боится.

— Абсолютно точно, мадам. Можно также сказать — обжегшись на молоке, дуют на воду. Я прочитал это в Словаре английских пословиц и поговорок.

— Это была твоя настольная книга?

— Я просматривал ее, мадам, когда находился на службе у графа Повика в Вустере. В библиотеке милорда выбор был не такой уж широкий, а погода часто стояла ненастная.

— Я тоже однажды очутилась в такой ситуации. Нанялась стюардессой на судно, которое шло с грузом фруктов в Вальпараисо, и единственной книжкой на борту оказался сборник пьес Шекспира, принадлежавший старшему механику. К концу путешествия я знала их наизусть. И с тех пор цитирую в огромных количествах.

— Неудивительно, мадам. Автор замечательный.

— Да, он насочинял немало стоящего. Кстати, расскажи-ка мне о твоих университетах. Каково там, в Синг-…

— Тсс, мадам.

— Что значит — тсс? Ах, да. Усекла.

За стеклянной дверью веранды послышался чей-то голос, напевавший веселую мелодию. Через секунду на пороге появился долговязый молодой человек, во внешности которого сказывалась жирафья кровь. Он тащил сумку с клюшками для гольфа. Фиппс приветствовал его с особенным почтением.

— Доброе утро, милорд.

— Доброе утро, лорд Тофем, — сказала Билл.

— Доброе утро! — откликнулся молодой человек и после паузы, будто опасаясь, что недостаточно понятно выразился, повторил: — Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро! — И поклонился дворецкому и Билл. — Ну, мисс Шэннон, — продолжил он, — и вы, Фиппс, это самый безумный и самый веселый день радостного нового года. Говорю это вам, Фиппс, и вам, мисс Шэннон, от чистого сердца: это не только самый безумный, но и самый веселый день радостного нового года. Нынче утром я закончил игру

меньше чем за сотню ударов, то есть совершил подвиг, о котором мечтал с тех самых пор, как в возрасте двадцати лет впервые взял в руки клюшку. Виски с содовой весьма кстати, Фиппси. Отнесите ко мне в комнату.

— Очень хорошо, милорд, — произнес Фиппс. — Я немедленно выполню ваше распоряжение.

И он величественно удалился, провожаемый восхищенным взглядом лорда Тофема.

— Этот тип вызывает у меня приступы ностальгии. Честное слово, никак не ожидал найти в Голливуде настоящего английского дворецкого.

— О, в Голливуде полно английской экзотики, — отозвалась Билл. — Прошу меня простить…

Она поднесла ко рту диктофон и начала: «Кто бы мог предположить, что всего лишь несколько лет спустя имя Аделы Шэннон станет греметь во всем мире, от Китая до Перу? Кто бы мог представить, что уже после второго фильма меня станут любить, обожать, обожествлять в хижинах и дворцах, что мне станет поклоняться следопыт в джунглях и эскимос в своем чуме? Так, значит, права молва, утверждая, что искра Божья… — Ха-ха! — скривилась Билл. — Искра Божья!.. — Что искра Божья способна зажечь целый мир и что смелость, терпение и настойчивость сметут все преграды. А теперь я опишу свою первую встречу с Ником Шенком».

Билл отложила микрофон.

— На этом месте придется взять тайм-аут и подождать прилива вдохновения, — сказала она.

Лорд Тофем восхищенно молчал, как бывает с простыми смертными, которым выпадает счастье наблюдать гения в момент творчества.

— Потрясающе! — воскликнул он. — Я только не совсем понял насчет чумы.

— Чума. Это такие сооружения, в которых обитают аборигены за Полярным кругом.

— Понятно.

— Они крепче наших домов.

— А то как же! Над чем это вы работаете, над сценарием?

— О нет! Я литературный раб, переписываю мемуары моей сестрицы Аделы.

— Как продвигается работа?

— Неважно.

— Представляю, сколько пота приходится пролить! Я бы ни за какие коврижки. А правда, что миссис Корк была жутко знаменита во времена немого кино?

— Не то слово. Ее называли Владычицей Вулкана Страстей.

— Денег, должно быть, огребла!

— Да уж, немало.

— Такой домишко чертову уймищу стоит.

— Наверное. Впрочем, нам предоставляется возможность узнать точную цифру, сюда жалует сама хозяйка собственной персоной.

Дверь отворилась, и в комнату вплыла поразительно красивая женщина примерно одного с Билл возраста, окруженная аурой той причудливой смеси доверительной простоты и недоступности, которая свойственна Владычицам Вулканов Страстей, даже когда неумолимый ток времени превращает их в экс-императриц. Адела Корк была высокой, осанистой, с огромными темными дремотными глазами, способными извергать смертоносные стрелы, ежели дела оборачивались не в соответствии с пожеланиями их обладательницы. В ее внешности было нечто от портретных изображений Луизы де Керуай,[8] заставляющих зрителя почувствовать себя бесстрастным Карлом Вторым, признававшимся в минуты откровенности, что не знавал более победительной персоны. Победительная — вот ключевое слово для описания сестры Билл Аделы. Каждый из трех ее мужей, включая последнего, Альфреда Корка, достаточно крутого, как и полагается владельцу нефтяной скважины, стоял перед ней по струнке. Режиссеры годами просыпались среди ночи в холодном поту от кошмаров, возвращавших их во дни немого кино, когда им приходилось обсуждать какие-то технические детали с Аделой Шэннон.

В настоящую минуту она пребывала в благодушном настроении, что не помешало ей намекнуть Билл, что ее брюки заслуживают отдельного разговора. Лекция перед двумя сотнями пасаденских матрон была воспринята с должным почтением, и это благотворно повлияло на состояние духа бывшей звезды, излучавшей теперь дружелюбие и приветливость.

— Доброе утро! — молвила она. — Доброе утро, лорд Тофем!

— Доброе утро, доброе утро, доброе утро, доброе утро.

— Привет, Адела, — отозвалась Билл. — Лорд Тофем как раз делился своими впечатлениями о твоем доме.

Адела наградила достойного гостя улыбкой. Лорд Тофем был предметом ее любви и гордости. Ей стоило немалых трудов вырвать его из цепких рук одной дамы, которая чуть было не захватила его в вечное владение, и теперь она питала к нему чувства коллекционера, сумевшего перехватить ценную вещицу перед носом знатока-соперника.

— Правда, здесь мило? Я купила его на торгах имущества Кармен Флорес, мексиканской кинозвезды, которая погибла в прошлом году в авиакатастрофе.

Лорд Тофем оживился. Он был заядлым читателем «Заэкранных историй», «Кинотайн» и прочих подобных изданий.

— Неужели? Самой Кармен Флорес? Подумать только!

— А вы слышали про Кармен Флорес?

— Ну как же! То есть, кто о ней не слыхал? Она же легендарная женщина. Как бы это выразиться… темпераментная.

— Истинно так, — вставила Билл. — Жалко, что у этих стен одни только уши, а вот языков нет… Вы, кстати, знаете, что у стен бывают уши?

— Да что вы!

— Есть, есть, — подтвердила Билл. — Я получила эти сведения из надежного источника. Да, так вот: будь у этих стен языки, им было бы что порассказать. Хотя, конечно, эти истории не пошли бы дальше цензурного комитета.

— Конечно, — согласился лорд Тофем, глубокомысленно кивнув. — Так, значит, вот тут она и жила? Надо же… Как знать, может, вот на этом самом диване… Ой, я забыл, что хотел сказать.

— И вовремя, — утешила его Билл. — Быстренько переменим тему. Поведайте Аделе о ваших успехах на поле для гольфа.

Уговаривать лорда Тофема не пришлось.

— Ах, да. Я одолел сотню, миссис Корк. Вы играете в гольф? — спросил он, хотя одного взгляда на хозяйку дома было достаточно, чтобы понять неуместность этого вопроса. Женщины, подобные Аделе Корк, не нисходят до таких пошлых увеселений. Необузданная фантазия может нарисовать вам играющую в гольф Салли Сиддонс, но любая фантазия бессильна представить в этой роли Аделу.

— Нет, — ответила она. — Не играю.

— О! Смысл игры в том, чтобы с минимальным числом ударов загонять мячик в лунку. Тот, кому удается сделать игру меньше чем за сто ударов, считается классным игроком. Я сумел это сделать впервые в жизни, и слухи о моем успехе вскоре пересекут океан. Если позволите, я пойду сейчас позвоню старине Твинго.

— Твинго?

— Это мой лондонский приятель. Можно воспользоваться вашим телефоном? Огромное вам спасибо, — закончил лорд Тофем и поспешил к аппарату, чтобы передать горячую новость через Атлантику.

Билл сардонически усмехнулась.

— Мой лондонский приятель… Можно воспользоваться вашим телефоном?.. Экая непосредственность!

Адела подавила этот взрыв благородного негодования. Она не могла допустить никакой критики по адресу своего почетного гостя.

— Очень богатые не заботятся о таких пустяках. А лорд Тофем — один из самых богатых людей в Англии.

— И неудивительно. Он, видимо, свел расходы на свое содержание до минимума.

— Мне бы хотелось, Вильгельмина, — сменила тему Адела, — чтобы ты одевалась поприличнее. Ты в приличном доме. Шастаешь в этих штанищах. Отвратительно выглядишь. Что о тебе подумает лорд Тофем?

— А он умеет думать?

— Обрядилась в какую-то робу, — сморщила носик Адела, не обращая внимания на ехидное замечание сестры.

Но Билл была не из тех, кого могло бы смутить недовольство Аделы Корк.

— Тебе-то какое дело до моей робы! Утешайся тем, что под ней бьется горячее сердце, и давай на этом поставим точку. Расскажи лучше про лекцию. Задала ты им жару?

— Лекция прошла с большим успехом. Они были в восторге.

— Ты что-то рановато вернулась. Девчушки не расщедрились на обед?

Адела укоризненно поцокала языком.

— Дорогая Вильгельмина, ты разве забыла, что я сама даю сегодня званый обед? Будут все важные люди. В том числе Джейкоб Глутц.

— Из компании «Медулла-Облонгата-Глутц»? Тот самый, что похож на омара?

— Ничуть он не похож на омара.

— Прости, но он больше похож на омара, чем многие омары.

— На кого бы он там ни был похож, мне не хотелось бы, чтобы он принял тебя за садовника. Надеюсь, ты успеешь переодеться во что-нибудь более презентабельное до его прихода.

— Конечно. Это же моя рабочая одежда.

— Ты работала с мемуарами?

— Все утро.

— До каких пор дошла?

— До знакомства с Ником Шенком.

— Всего лишь?

Билл почувствовала, что в этот момент следует проявить жесткость. Достаточно и того, что бедность вынудила ее взяться за эти мемуары, не

хватало еще, чтобы Адела стояла над душой и сосала ее кровь. От одной мысли о таком режиме литературной деятельности ее бросило в дрожь.

— Милая моя, — сказала она, — будь благоразумна. История твоей выдающейся карьеры должна стать заметным вкладом в американскую литературу. Спешка здесь ни к чему. Эта работа должна проводиться неторопливо. Надо отшлифовать каждую деталь. Ты что ж, думаешь, что Литтон Стрейчи[9] кропал свою «Жизнь королевы Виктории» на рысях?

— Понимаю. Ты, наверное, права.

— Еще как права. Я как раз вчера говорила Кей… Что такое?

Адела подала ей знак молчать. Она опасливо оглядывалась по сторонам. Билл начинало казаться, что в последнее время жизнь ее проходит исключительно в обществе людей, опасливо озирающихся по сторонам. Она с удивлением наблюдала, как сестра подкралась к двери, резким движением распахнула ее и выглянула в коридор.

— Мне показалось, что Фиппс подслушивает, — сказала Адела, закрывая дверь и возвращаясь в комнату. — Послушай, Вильгельмина, я как раз хочу у тебя спросить насчет Кей.

— А что такое?

Адела понизила голос до театрального шепота.

— Не говорила ли она тебе о некоем Джо?

— Джо?

— Сейчас объясню. Вчера после обеда, когда я проходила через холл, зазвонил телефон. Поднимаю трубку. Мужской голос: «Кей? Это Джо. Если тебе покажется, что ты это уже слышала, можешь меня прервать; выйдешь за меня замуж?»

Билл щелкнула языком.

— Должно быть, свихнулся. Разве можно так…

— Я ему говорю: «У телефона миссис Корк», он кричит: «Ой, извините!» и вешает трубку. Не знаешь, кто бы это мог быть?

Билл получила возможность блеснуть информацией.

— Могу достоверно сказать, кто это был. Это был мой знакомый, молодой писатель по имени Джо Дэвенпорт. Мы вместе работали в «Суперба-Лльюэлин», пока его не выперли. Тогда он отправился в Голливуд. Ничего удивительного в том, что он делал предложение Кей. Он обращается к ней с этим каждый час. Он любит ее со страстью, какую нечасто увидишь у сотрудников «Суперба-Лльюэлин».

— Боже всемогущий!

— Ты что, не одобряешь любовь во цвете лет?

— Только не между моей племянницей и безработным голливудским

писакой.

— Хоть Джо сейчас и без работы, его ждет блестящее будущее, если только найдется добрая душа, которая отважится одолжить ему двадцать тысяч долларов. С этим капиталом он купит посредническое агентство. Ты, кстати, не ссудишь ему эту сумму?

— Ни за что. А Кей его любит?

— Когда я о нем заговариваю, она смущенно хихикает. Возможно, это добрый знак. Надо посоветоваться с Дороти Дикс.

Адела рассердилась.

— Что значит — добрый знак? Если она втюрилась в такого типа, это катастрофа. Я надеюсь, она выйдет замуж за лорда Тофема. Потому я ее сюда и пригласила. Он один из самых богатых людей Англии.

— Это ты уже говорила.

— Мне стоило неимоверных трудов вытащить его из лап Глории Пирбрайтс только для того, чтобы Кей могла с ним познакомиться. Глория прилипла к нему как банный лист. Я буду очень серьезно разговаривать с Кей. Никаких глупостей не допущу.

— А почему бы не напустить на нее Смидли?

— Смидли?

— На мой взгляд, мужчины в таких случаях выглядят убедительнее. Женщины склонны к истерике. А Смидли все-таки — брат мужа сестры ее отца. Он, можно сказать, выступит в роли благородного предка.

Адела издала звук, который у женщины менее выдающейся наружности был бы воспринят как храп.

— Да разве он на это способен! Эта овца мухи не обидит.

— А есть овцы, которые обидят?

— О!

— Так что?

Адела осуждающе смотрела на Билл. От нее веяло холодом. В целой сотне немых фильмов она именно так смотрела на толпу пьяных буянов, грозящих обидеть нашу крошку. В голове Аделы, видно, забродила мысль, от которой сестринская любовь сошла на нет.

— Смидли! — повторила она. — Только сейчас вспомнила, что хотела поговорить с тобой о чем-то важном, а эта Кей спутала мне все карты. Вильгельмина, ты давала Смидли деньги?

Билл надеялась, что этот эпизод будет сохранен в тайне, но, очевидно, надежда не оправдалась. Она постаралась ответить со всей небрежностью, на какую оказалась способна в данный момент.

— Да, а что? Одолжила ему сотняшку.

— Идиотка!

— Извини. Не могла противостоять его умоляющему взгляду.

— Тебе небезынтересно будет узнать, что он ушел на всю ночь, как я подозреваю, на какую-нибудь пьяную оргию. После завтрака я зашла к нему в спальню. Постель не смята. Он улизнул в Лос-Анджелес вместе с твоей драгоценной сот-няшкой.

Билл попыталась потушить разгоравшийся пожар.

— Зачем же паниковать? Он уже несколько лет никуда не выбирался. Что за беда, если он слегка развлечется? Мальчишкам надо чувствовать себя свободными.

— Смидли не мальчишка. Я всегда говорила и говорю: стоит свернуть на кривую дорожку, нами овладевают бесы, преграждающие дорогу к счастью и…

— Оставь ты эту чепуху!

— Это не чепуха, это единственно правильный взгляд на вещи.

Адела нажала кнопку звонка.

— Одно хорошо, — продолжила она. — Он скорее всего не вернется к обеду, а если и явится, будет не в состоянии сесть за стол и не станет надоедать мистеру Глутцу бесконечными историями про Бродвей в тридцатые годы.

— Вот и ладушки, — подхватила Билл. — Нет худа без добра. А чего это ты названиваешь?

— Я жду массажистку. Фиппс, — обратилась она к вошедшему дворецкому, — пришла массажистка?

— Да, мадам.

— Она в моей комнате?

— Да, мадам.

— Спасибо, — холодно сказала Адела. — Да, Фиппс!

— Мадам?

Лицо Аделы, которое словно застыло, когда речь зашла о Смидли, совсем окаменело.

— Я собиралась побеседовать с вами, Фиппс, сообщить вам новость, которая, как я думаю, вас заинтересует.

— Слушаю, мадам.

— Вы уволены! — объявила Адела, выпуская на волю пресловутые вулканические страсти, испепелившие дворецкого как огнемет.

ГЛАВА V

Как уже приходилось отмечать автору этих строк, дворецкие, судя по его наблюдениям за этой породой людей, великолепно умеют скрывать свои чувства. Какие бы бури ни бушевали в их сердцах, внешне они остаются невозмутимыми, как индейцы за карточным столом, так что редко кому удается застать их врасплох. Но в этот момент Фиппс явно утратил над собой контроль. Челюсть у него отвалилась, глаза округлились от ужаса.

Он устремил свой затравленный взор на Билл. «Неужто ты нарушила свое обещание?» — безмолвно вопрошал этот взгляд. «Бог свидетель — нет, — так же безмолвно ответили глаза Билл. — Ни словечка не обронила. Тут какая-то тайна, и я просто теряюсь в догадках».

Взорвав эту бомбу, Адела еще не исчерпала свою ярость до дна.

— Уволен, мадам? — пролепетал Фиппс.

— Вот именно.

— Но, мадам…

Билл, недолго думая, бесцеремонно вмешалась в их диалог. Согласно словарю синонимов, Билл была изумлена, поражена, огорошена, растерянна и поставлена в тупик, но она была не из тех, кто кротко смиряется с обстоятельствами. Фиппс вызывал у нее симпатию, она желала ему добра и не забыла, что он доверился ей, сказав, что желал бы остаться на службе у Аделы. Понять это желание Билл не могла, но раз уж ему этого хотелось, то вердикт хозяйки прогремел для него как гром среди ясного неба. Это примерно то же самое, думала Билл, что вчера довелось испытать ей самой, когда Джо Дэвенпорт сообщил, что весь его капитал состоит из кучки долларов и восьми тысяч жестянок с супом.

— Ты что, сдурела? Не можешь же ты вправду уволить Фиппса!

Еще секунду назад очевидец поклялся бы, что выглядеть суровее и грознее Владычицы Вулкана Страстей просто немыслимо. Но при этих словах от Аделы Корк повеяло прямо-таки арктическим холодом.

— Это я-то не могу? — переспросила она. — Будь свидетелем.

Пришел черед Билл выйти из себя. В иные моменты — вроде этого — на нее находило ностальгическое желание вернуться во дни детства, в то золотое время, когда она легко могла утихомирить Аделу, дав ей подзатыльник или запустив в нее тем, что попадется под руку.

— Ну, что это! Ты похожа на индейца, меняющего драгоценную

жемчужину на стекляшку. Я в ваших краях недавно, но успела понять, что такими дворецкими, как Фиппс, не бросаются.

— Спасибо на добром слове, мадам.

— Он просто бесподобен. Сокровище из казны короля Артура. Он придает твоему имению блеск. Слышишь скрип зубовный, вырывающийся у сонма завистников, не сумевших заполучить его к себе в дом? Уволить! Что за дикая мысль! Какой идиот вбил тебе ее в голову?

Ни один мускул не дрогнул на каменном лице Аделы.

— Ты все сказала?

— Нет. Но я тебя с интересом выслушаю.

— Я увольняю Фиппса по очень простой причине. Разве ты не выгнала бы дворецкого, который обшаривает твою спальню?

— Что-что?"

— Что слышала. Пару дней назад я застала его у себя в комнате, он рылся в шкафу. Сказал, паука приметил.

— Мадам…

Адела величественным жестом заставила его умолкнуть. Она продолжила свою речь, и голос ее становился похожим на громовые раскаты.

— А вчера он опять мне попался. Сказал, что увидел мышь. Как будто в моей спальне могут оказаться пауки или мыши! И вообще, даже если бы она кишела пауками и мышами, разве его дело их ловить? Я сказала, что если еще хоть раз застану его у себя в спальне, уволю. И вот нынче утром, когда я собиралась в Пасадену, мне пришлось вернуться за носовым платком — а он уже тут как тут, пожалте вам, под туалетным столиком, высматривает что-то. Вы покинете этот дом в конце недели, Фиппс. Надеюсь, — закончила она, взявшись за ручку двери, — я достаточно демократически мыслящая женщина, но не до такой степени, чтобы делить свою спальню с дворецким.

Грохот захлопнувшейся двери стих, и воцарилась тишина. Билл напряженно пыталась осмыслить случившееся. Фиппс будто прирос к месту, на котором его застали первые обращенные к нему слова хозяйки, всем своим видом демонстрируя состояние человека, внезапно получившего удар в солнечное сплетение.

— Бога ради, Фиппс, объясни мне, что происходит? — выговорила наконец Билл.

Дворецкий, словно мужская ипостась Галатеи, начал подавать первые признаки жизни. Лицо его было залито бледностью, челюсть отвалилась.

— Позвольте, мадам, глоток вашего виски с содовой, — тихо сказал

он. — Я редко себе позволяю, но сейчас случай исключительный.

— На здоровье.

— Благодарю, мадам.

— А теперь, — сказала Билл, пронзая дворецкого посуровевшим взором, — сделай милость, внеси ясность. Ты что же, взялся за старое? Помнится, ты меня уверял, будто завязал с прошлым.

— Ни в коем случае, мадам.

— А какого же черта ты выискивал в хозяйском шкафу и чего ради тебе понадобилось ползать под туалетным столиком?

— Я кое-что искал, мадам.

— Это я уже поняла. Что именно?

Дворецкий снова взглянул на собеседницу испытующим взглядом, будто оценивая, стоит ли ей довериться. Как и в предыдущий раз, результаты инспекции оказались удовлетворительными. После короткой паузы он ответил ей свистящим шепотом бывалого человека, знающего, что стены имеют уши.

— Дневник покойной мисс Флорес, мадам.

— Боже милосердный! — простонала Билл. — Уж не тот ли, за которым я сюда явилась?

Фиппса, окончательно решившегося на крайнюю доверительность, понесло.

— Эту мысль подало мне одно замечание мистера Смидли. Как-то вечером за ужином мистер Смидли обмолвился насчет того, что, покойная мисс Флорес скорее всего вела дневник, а коли так, он должен храниться где-нибудь в доме. Я в тот момент подавал картофель, и у меня блюдо чуть не выпало из рук, мадам. Меня осенило, что дневнику, который могла вести покойная мисс Флорес, просто цены нет, и ежели его найти…

Билл в упор смотрела на Фиппса.

— Тебе знакомо такое чувство, Фиппс, когда тебе что-нибудь говорят, а ты будто это уже однажды слышал? Словно вновь зазвучали звуки старинной песни, которую тебе пели в детстве?

— Нет, мадам.

— Но это бывает. Однако продолжай.

— Благодарю, мадам. Я говорил, что такой дневник должен быть чрезвычайно ценным. Покойная мисс Флорес, мадам, была дама темпераментная, если можно так выразиться. За этот дневник многие заплатили бы очень дорого.

— С этим не поспоришь. Итак, ты его искал.

— Да, мадам.

— Но не нашел?

— Нет, мадам.

— Плохо дело.

— Да, мадам. Обдумывая ситуацию, я пришел к выводу, что, если покойная мисс Флорес вела дневник, она бы прятала его где-нибудь в спальне, которую теперь занимает миссис Корк.

— И ты сказал себе: фас!

— Не совсем так, мадам, но я продолжил упорные поиски в полной уверенности, что рано или поздно нападу на след искомого дневника.

— Вот почему ты так боялся за свое место?

— Точно, мадам. А теперь вот мне придется покинуть его в конце недели. Как же это горько, мадам, — произнес Фиппс со вздохом, исходившим из самой глубины души.

Билл прониклась сочувствием.

— У тебя в запасе пара дней.

— Но миссис Корк настороже, мадам. Она прямо как тигрица, оберегающая своих детенышей от нападения врага.

Билл передернула плечами.

— Мне больно на тебя смотреть, но я теряюсь, что тут можно посоветовать…

— Ничего, мадам.

— Проблема.

— Да, мадам.

— Ты мог бы…

Билл осеклась. Она чуть было не предложила дворецкому проникнуть в спальню Аделы, подлив ей патентованного снотворного, которое, по слухам, могло свалить с ног кого угодно. У нее как раз было немного в запасе — презент одного бармена с Третьей авеню, с которым она была в теплых отношениях, — и Билл с удовольствием одолжила бы нужную порцию Фиппсу ради такого случая, но как раз в этот момент в комнату с террасы зашла Кей. На плече у нее висела сумка с клюшками для гольфа. Доверительную беседу пришлось прервать.

— Привет, Билл! — бросила Кей.

— Доброе утро, крошка.

— Доброе утро, Фиппс!

— Доброе утро, мисс.

Раскрасневшаяся от игры, побронзовевшая от калифорнийского солнышка, Кей была на загляденье хороша. Глядя на нее, Билл могла понять ход мыслей Джо Дэвенпорта и его привычку делать ей предложение

каждый божий час.

— Что это вы такие серьезные? — спросила Кей. — Случилось что-нибудь?

— Мы с Фиппсом обсуждали обстановку в Китае, — ответила Билл. — Он, оказывается, дока в политике.

— Продолжайте, не. обращайте на меня внимания.

— Ничего, мы в другой раз побеседуем. Правда, Фиппс?

— В любое удобное для вас время, мадам. Кей швырнула сумку с клюшками в угол.

— Ну что, Билл, заработалась?

— Как проклятая.

— Все над мемуарами?

— Все над мемуарами.

— И что, интересно?

— Ни капельки. Кто бы мог подумать, что звезды немого кино влачили такое тоскливое существование! Просто грех тратить отпущенный мне Богом талант на это занудство.

— Жаль, что тебе позволили уйти со студии.

— Их проблемы. У меня как раз зародилась гениальная идея лучшего фильма категории «Б» всех времен и народов, и «Суперба-Лльюэлин» готова была это напечатать. А тут они по дурости отказались от моих услуг. Им же хуже. Я пошлю текст в «Ужасные истории». Сюжет таков: безумный ученый держит взаперти девушку, которую пытается превратить в омара.

— Омара?

— Ну да. Это такие чудовища, похожие на кинопродюсеров. Так вот, злодей собрал кучу омаров, перемесил их, вытянул из них все соки и уже собирался впрыснуть это дело в спинной мозг малютки, но тут в лабораторию ворвался ее нареченный и вызволил бедняжку.

— А почему он это сделал?

— Не хотел, чтобы девушка, которую он любил, превращалась в существо, похожее на кинопродюсера. По-моему, нормальная психология, не находишь?

— Я имела в виду ученого, ему-то это зачем?

— Причуда гения. Знаешь, что творится в головах у этих умников!

— Забавная история. Очень аппетитная.

— И достаточно калорийная. А тебя, Фиппс, никогда в омара не превращали?

— Нет, мадам.

— Ты уверен? Подумай хорошенько.

— Нет, мадам, не имею такого опыта.

— Ну пойди спроси кухарку, не превращали ли ее.

— Слушаюсь, мадам, — почтительно ответил дворецкий и покинул комнату. На его лице вновь была маска профессиональной невозмутимости, и даже Шерлок Холмс, глядя на это бесстрастное лицо, не догадался бы, какие страсти раздирали грудь под униформой.

— А к чему эти расследования? — осведомилась Кей.

— Я взыскательный художник. Мне нужно хорошо разбираться в материале. Если я пишу гангстерскую историю, апробирую ее в гангстерской среде. Если пишу про водородную бомбу, консультируюсь в фирме, которая выпускает водородные бомбы. И так далее.

— У вас очень увлекательная профессия, мисс Шэннон.

— Благодаря ей я познакомилась с массой интересных людей. Ни у кого в Соединенных Штатах нет таких связей среди жуликов и мошенников, как у меня. Все они присылают мне поздравительные открытки на Рождество.

— Ты, стало быть, опасная птичка, Билл. Как только тебя тетя Адела терпит у себя в доме?

— Ей приходится меня терпеть, потому что я ваяю ей мемуары практически задарма. А она не может устоять перед халявой. Кстати, что это за выражение — опасная птичка? Никакого уважения к старшим. Между прочим, я послала Фиппса поболтать с кухаркой, чтобы он малость отвлекся от тягостных дум. Адела его только что выперла.

— Выперла Фиппса? За что?

— Длинная история, расскажу как-нибудь в другой раз. Напомни мне потом. Скажи лучше, как тебе игралось?

— Продулась с позором. Лорд Тофем меня сделал.

— Да, он уж тут распускал хвост.

— Значит, ты его видела? Где он?

— Думаю, все еще треплется по телефону. Пошел позвонить через океан своему дружку за Аделин счет, какому-то не то Бинго, не то Стинго в Лондон. Кстати, о телефонах: Адела сказала, что вчера сюда звонил твой приятель. Она желает обсудить с тобой этот вопрос.

— Какой приятель?

— У тебя что их — дюжина? Джо Дэвенпорт. Адела выслушала от него адресованное тебе предложение выйти замуж, и можешь себе представить, что теперь у нее в голове. Она надеется выдать тебя за этого обаятельного недоумка, обломка английской аристократии.

— В самом деле? Вот зачем она меня сюда пригласила!

— Так она мне и сказала.

— Конечно, это большая честь — стать женой чемпиона по гольфу. Но, с другой стороны…

— Вот именно. С другой стороны. Имей в виду, что, если ты выйдешь за Тофема, народишь полдюжины таких же недоумков с оксфордским произношением.

— Мисс Шэннон, как можно!

— Это так, к слову. Вошел Фиппс.

— Кухарка просила передать, что ее никогда не превращали в омара, мадам.

— Отнесемся к этому факту как истинные мужчины, Фиппс. Стиснем зубы, ладно?

— Да, мадам. Не могли бы вы мне сказать, где сейчас находится миссис Корк, мадам?

— Полагаю, у себя в комнате. Ты знаешь, где это. Она ведь собиралась на сеанс массажа, помнишь?

— Ах, правильно, мадам.

— Хочешь пойти к ней?

— Да, мадам.

— Я бы на твоем месте воздержалась.

— Что делать, мадам!

— А зачем она тебе понадобилась?

— Я хотел сообщить миссис Корк, что прибыл мистер Дэвенпорт.

Кей издала крик:

— Что?

— Да, мисс. Он в гараже, ставит машину. Его чемоданы уже в холле.

— Чемоданы?

— Да, мисс. Насколько я понял, этот джентльмен провел вечер с мистером Смидли, и он пригласил его погостить у нас несколько недель. Благодарю вас, мисс.

Фиппс отвесил полупоклон и удалился.

ГЛАВА VI

Билл первой нарушила молчание, воцарившееся после его ухода.

— Ну и дела, — сказала она.

Кей не реагировала. У нее перехватило дыхание. Известие, которое принес Фиппс, заставило ее почувствовать себя героиней одного из немых фильмов, в которых блистала ее тетушка Адела, повествовавших о преследовании добродетельных девушек коварными соблазнителями. Она знала, что Джо — упорный молодой человек, но никак не подозревала, что его упорство достигает таких немыслимых масштабов. Никто из самых развязных завсегдатаев злачных мест или самых бородатых и отчаянных латиноамериканцев не решился бы явиться с чемоданами в дом миссис Альберт Корк по приглашению ее нищего родственника.

— Ну и дела, — повторила Билл. — Какая бездна гостеприимства открылась в этом Смидли! Как у южанина какого-нибудь.

— Он, должно быть, чокнулся, — сказала Кей. — С какой стати он приглашает сюда гостей! Это же не его дом.

— Адела не замедлит ему на это указать.

Внимание Кей переключилось на другой аспект проблемы.

— А что имел в виду Фиппс, говоря, что дядя Смидли провел вечер с Джо? Он же никогда никуда не выезжает. Он сам мне говорил.

— Вчера как раз выехал.

— Вот почему он не присутствовал на обеде. А я думала, у него голова болит.

— Очень вероятно, что болит.

Кей разволновалась. Она очень нежно относилась к дяде Смидли, и теперь ее чувствительное сердце трепетало от мысли о последствиях его скоропалительного знакомства.

— Думаете, тетя Адела задаст ему перцу?

— Если хочешь поспорить, ставь пять против десяти. Но оставим пока Смидли в покое, — сказала Билл. — Давай лучше обратимся к торжественной встрече, которая будет иметь место через минуту-другую. Значит, твой молодой человек прогостит у нас несколько недель? Ничего себе!..

Кей зарделась. Возможно, оттого, что Билл, чья киношная выучка приучила ее к тому, что романтические эпизоды требуют музыкального сопровождения, замурлыкала «Свадебный вальс» Мендельсона, вкладывая

в мелодию изрядную долю чувства.

— Не называй его моим молодым человеком. Что же касается продолжительности визита, то он, скорее всего, ограничится несколькими минутами.

— Думаешь, Адела его выгонит?

— А ты сомневаешься?

— Ну, если я употреблю все свое красноречие… Мы, ветераны «Суперба-Лльюэлин», должны проявлять солидарность.

На пороге возник Фиппс.

— Мистер Дэвенпорт! — провозгласил он, и вошел Джо, осветив комнату — как показалось Билл — солнечным светом. Несмотря на легкую головную боль, неизбежную наутро после вечера, проведенного в обществе Смидли Корка, заядлого кутилы, вырвавшегося на свободу после пятилетнего воздержания, Джо пребывал в самом радужном настроении. Он поклонился Билл и Кей, в особенности последней, с изяществом, не уступающим манерам лорда Тофема.

— Общий привет, — сказал он и несомненно добавил бы, что это самый безумный и самый веселый день радостного нового года, если бы дал себе труд подумать. — Привет, Билл.

— Привет, Джо.

— Будь я проклят, если передо мною не моя подружка Кей. Привет, Кей.

— Доброе утро.

— Ну, вот и я. А где хозяйка?

— У нее сеанс массажа. Если бы я знала, что ты заявишься в гости, Джо, я бы пирог испекла. Мы чуть в обморок не попадали, когда Фиппс нам объявил, что ты решил сделать сюрприз моей сестре Аделе.

— Неприятный сюрприз, — добавила Кей.

Джо сник. Так-то вы меня встречаете, говорил его печально-укоризненный взгляд. В это счастливейшее из утр он надеялся увидеть радостно улыбающиеся ему лица. А вместо этого его окатили ушатом холодной воды — кому понравится, когда вот так открыто заявляют, что ты гость нежеланный.

— У меня разыгралось воображение, — смиренно сказал он, — или я на самом деле встречаю прохладный прием? Я, к вашему сведению, не прокаженный.

— Да все равно что прокаженный, — отрезала Кей.

— Не хочешь же ты сказать, что миссис Корк мне не обрадуется?

— Если отделаешься легкими телесными повреждениями — считай,

что тебе повезло. Я, между прочим, тебя предупреждала. Помнишь, за обедом?

Билл решила вмешаться. На ее взгляд, беседа принимала излишне резкий тон.

— Что за чушь, — сказала она. — Ты сможешь найти настоящее южнокалифорнийское гостеприимство. Погоди только, пока я сделаю Аделе соответствующее внушение.

— Неужели тетя Адела поддается внушению?

— С моей стороны — да. Я сыграю на ее чувствах как по нотам. Не волнуйся, Джо. Гарантирую тебе любовь и ласку. Так ты, говорят, вчера подружился с нашим Смидли?

— Да.

— Какое странное стечение обстоятельств.

— Ничего странного. Я как раз проезжал мимо ваших ворот в такси, а он выходил на улицу, и мы побратались.

— А что ты делал в такси возле наших ворот?

— Да так, осматривал окрестности. Я подвез его в центр. Когда выяснилось, что и он на мели, и я, было вполне естественным объединить силы. Для грунтовки мы закусили в ресторане Майка Романоффа.

— А потом?

— Потом заглянули в «Могамбо». Там он начал потихоньку отвязываться.

— Могу себе представить.

— Потом мы отправились к Чиро.

— Где он продолжил отвязываться, надо полагать.

— И успешно продолжил.

— Тогда-то он и пригласил тебя сюда погостить?

— Да.

Билл понимающе кивнула.

— Картина вырисовывается со всей ясностью. Сперва он взгромоздился на стол, стянул пиджак и пригласил желающих сразиться с ним подходить по двое.

— По трое.

— Потом он помягчел сердцем. Слез со стола, надел пиджак, всплакнул и стал всех подряд приглашать в его дом на холме. «А уж ты, друг, обязательно должен приехать», — сказал он тебе.

— Ты прямо будто вместе с нами сидела.

— Увы, нет. Что же было дальше?

— Я вдруг его потерял. Только что он был тут, и глядь — нет его.

Прямо как в цирке. Знаешь, есть такой трюк — «индийская веревка»?

— Нет, но мне понятно, что ты имеешь в виду.

— Словом, сгинул, как не было. Куда делся — ума не приложу.

— Скорее всего в одно из многочисленных заведений на бульваре Вентура. Я знаю его маршруты в таких ситуациях. Очевидцы информировали. Он любит пошататься и поглазеть на свеженькие личики. А на бульваре Вентура личики всегда свеженькие и приятные. Причем в такие моменты ему для полноты самовыражения хочется быть одному. И тут уж, Кей, нам его с целой сворой ищеек не отыскать и домой не завлечь.

— Но стоило бы попробовать.

— Постель его не смята.

— Он что, не ложился?

— Адела говорит — нет. Она зашла к нему в спальню после завтрака. Его не было всю ночь.

— Что же он себя так не жалеет! И на это у Билл был ответ.

— Он болван. Я наблюдаю за Смидли Корком всю его жизнь, с детских лет до взрослого состояния. В детстве он был маленьким болванчиком. Теперь он большой болванище. А вот скажи. — обратилась Билл к Джо, после того как Кей выбежала из комнаты, — показывал ли Смидли свой коронный номер, Беатрис Лилли?

— Нет, не припоминаю.

— Как правило, он всегда с ним выступает в таких случаях. Как говорят очевидцы. Сначала он изображает Беатрис Лилли, потом — на бис — «Гунгу Дин»[10] покойного Редьярда Киплинга. Потрясающее, должно быть, зрелище. А как ты скоротал томительные часы ожидания встречи?

Лицо Джо, помрачневшее после той характеристики миссис Корк, которую ему пришлось выслушать, снова прояснилось. Он встрепенулся.

— Билл, — сказал Джо, — меня распирает радость. Помнишь тех молодцов, которые принесли благие вести из Ахена в Гент?[11] Так вот, они не нюхали такого счастья, которое я сейчас испытываю. Потому что мои вести — истинно благие. Они даже тебя, моя дорогая Вильгельмина, выведут из спячки. Ты спрашиваешь, как я провел томительные часы ожидания? Так вот, когда я понял, что партнер созрел, я приступил к делу.

У Билл поднялись брови.

— Какие могут быть дела со Смидли?

— Я торговал ему наш проект агентства по представлению авторских интересов. Переговоры шли непросто, потому что он никак не мог сосредоточиться. Я объясняю суть дела с кристальной ясностью, а он

откидывается на спинку стула и смотрит на меня стеклянными глазами, как рыба на сковородке. Я спрашиваю: «Ну, что вы на это скажете?» — а он вскакивает и орет какие-то допотопные университетские кричалки. Приходится начинать все снова-здорово. Так что процесс доводки клиента до кондиции был крайне затруднен. Но я не сдавался, гнул свое и теперь, дорогой партнер, с чувством удовлетворения могу доложить тебе, что дело сделано. Улучив момент, когда на него нашло временное просветление, я взял быка за рога, и вот результат: он ссужает нам двадцать тысяч долларов, необходимых, чтобы вскарабкаться на первую ступеньку лестницы, ведущей к процветанию. Господи, Билл, — озадаченно воскликнул Джо: — где же аплодисменты? Ты что — не слышала, что я сказал? Папаша Корк определенно обещал нам двадцать тысяч баксов, необходимых для приобретения агентства.

Лицо Билл приняло печальный и жалостливый вид, гримасу матери, вынужденной уведомить обожаемое дитя, что его шансы на получение конфетки близки к нулю.

— Одна загвоздка, — сказала она.

— Какая еще загвоздка?

— Проблема в том, что у Смидли нет ни цента.

— Как?

— Ни цента.

Джо остолбенел. Он не мог уразуметь этих слов.

— Ты сама говорила, что он миллионер.

— Никогда я этого не говорила.

— Как же! Вчера в отеле. Ты сказала, что твоя сестра вышла замуж за миллионера.

Печаль на лице Билл стала еще безысходней.

— Смидли — не муж Аделы, мой дорогой заблудший друг. Мужа Аделы больше нет с нами. Он там, — Алела воздела палец к небесам. — Смидли— всего-навсего брат покойного, не имеющий, как я уже сказала, ни гроша за душой. Это не преувеличение, ибо я не сомневаюсь, что после вчерашнего загула у него ни цента не осталось от той сотни, которую я ему одолжила.

Джо был уязвлен в самую душу.

— Иначе говоря, он вчера дурил мне башку?

— Он не нарочно.

— По чистой случайности, да?

Билл вздохнула. Она чувствовала себя словно мать, которая, вдобавок к необходимости уведомить дитя о том, что оно не получит конфетки, еще

и принуждена заехать ему кистенем по макушке.

— Дело обстоит так, Джо. После возлияний Смидли посещают приступы мании величия. Ему чудится, будто вернулись прежние деньки, когда у него и впрямь водились немалые деньжата. Пока он не просадил все на мюзиклы, которые не выдерживали более одного представления, на театральные ангажементы, на спектакли, которые никто не посещал, на чехословацкий балет и сезоны «Гранд-Опера» по английски. Было время, когда Смидли считался одной из самых примечательных фигур на Бродвее. Ни у кого не было столько неудачных проектов, сколько у него. Как только возникала очередная бредовая идея, безусловно обреченная на провал, незамедлительно обращались к Смидли. Это не могло длиться долго. Пять лет назад последние его несколько тысяч ухнули в дурацкую французскую комедию, которая шла с пятницы по воскресенье, и с тех пор у него не осталось ни пенни. Он живет на три четвертака в день, которые ему из милости выдает моя сестра Адела.

Она сделала паузу, и Джо, вцепившийся пальцами в подлокотники, ослабил хватку.

— Понятно, — проговорил он.

— Боюсь, я нанесла тебе удар.

— Да, пожалуй. Пойду выйду в сад, проветрю мозги.

— Мне следовало бы тебя подготовить.

— Какая разница, — тупо ответил Джо.

Он с поникшей головой вышел на террасу, и Адела, как раз в этот момент появившаяся на пороге из холла, проводила его удивленным взглядом.

— Это кто такой? — спросила она.

— А? — рассеянно отозвалась Билл. Ее мысли были заняты Джо, пережившим крушение своих надежд.

— Что это за странный молодой человек, который только что вышел?

Билл собрала силы для битвы.

— Молодой человек, о котором ты спрашиваешь, — ответила она, — нисколько не странный. Он абсолютно нормальный, уравновешенный молодой человек из породы тех, кто превратил Америку в процветающую страну. Это Джо Дэвенпорт. Если помнишь, мы как раз о нем недавно говорили.

Адела взвилась.

— Дэвенпорт! Тот самый! Что он тут делает? Кто его пригласил?

— Не я во всяком случае. Смидли.

Прекрасные глаза Аделы чуть не вылезли из орбит. Сейчас она была

похожа на Луизу де Керуай в ее самые грозные минуты. Если бы кому-нибудь из бывших коллег эпохи немого кино случилось проходить мимо и увидеть ее лицо, бедняга вскарабкался бы на ближайшую пальму, и сманить его оттуда нельзя было бы ни за какие коврижки. Именно так она выглядела в те давние дни, когда входила в комнату режиссера со словами: «Мне надо сказать вам несколько слов, мистер такой-то».

— Я не ослышалась? Смидли? Смидли! Приглашает гостей в мой дом?

— Нет, не ослышалась. Получилось так, что они вчера познакомились и погуляли вместе, после чего Смидли зазвал его сюда на недельку-другую. Джо тебе понравится. Чудный парень.

— Ха-ха!

Билл посуровела.

— Теперь послушай меня, Адела, — сказала она. — Я предвидела, что ты, может, будешь не вполне довольна, и разработала свой план.

— А я разработала свой. Я прикажу Фиппсу вышвырнуть этого субъекта вон.

— Нет, не прикажешь. Ты окажешь ему гостеприимство по всем правилам. Примешь как родного. Именно как родного. Адела, мы с тобой вместе росли!

— Я постаралась с тех пор выстроить жизнь по-своему.

— Когда мы были детьми, — непреклонно продолжила Билл холодным тоном, — я время от времени запускала тебе за воротник червей, чтобы ты не зарывалась. Если ты будешь упрямиться и не примешь Джо как следует, я возобновлю эту практику.

— Сейчас не время шутить.

— Это правда, и тебе будет совсем не смешно, когда ты, показывая после обеда мистеру Глутцу твой сад, почувствуешь, как я запускаю тебе за ворот горсть червяков.

Адела задохнулась от ярости. Сорок лет знакомства с сестрой Вильгельминой давали ей неприятное основание считать, что эти слова — не шутка. Кое перед чем Вильгельмина могла остановиться, но диапазон таких шагов был крайне ограничен.

— Ты на это способна?

— Разумеется, способна. И заметь, я имею в виду не одного жалкого червячка, а целую горсть. Крупных, жирных, скользких червей, Адела. Липких, склизлых, ползающих. Холодных, грязных…

Адела капитулировала.

— Можешь не утруждать себя подробностями, — сдавленно выговорила она.

— Значит, ты все поняла?

— Я готова проявить лояльность по отношению к твоему дружку.

— Хорошо. Эй, Джо! — позвала Билл, подходя к стеклянной двери. — Зайди на минутку! Начинай репетировать свою лучезарную улыбку, Адела. Мне не терпится посмотреть, как она раскроит твою физиономию от уха до уха. И когда ты обратишься к гостю, пусть твой голос зазвучит как у горлицы, кликающей своего любезного. Джо, позволь мне представить тебе хозяйку дома. Моя сестра, миссис Корк.

Джо все еще стоял с понурой головой. Общение с природой, представленной апельсиновыми и лимонными деревьями, пальмами и ящерицами, мало помогло ему превозмочь отчаяние, мертвой хваткой державшее его за горло. Он как в тумане увидел перед собой нечто женского рода, крупных размеров и рассеянно поклонился в этом направлении.

— Здравствуйте, — произнес он.

— Здравствуйте, — с видимым усилием ответствовала Адела:

— Я только что сообщила сестре, что ты собираешься у нее погостить, — сказала Билл. — Она без ума от радости. Правда, Адела?

Повисла недолгая пауза.

— Да, — сказала Адела.

— Она говорит — да. Так что пользуйся гостеприимством без всякого стеснения. Насколько я могу судить, тебя будут принимать как родного.

— Прекрасно.

— Да, я надеюсь, тебе понравится. Родным тут живется замечательно. А, лорд Тофем! — воскликнула Билл, увидев входящего джентльмена. — Идите сюда, пожмите руку Джо Дэвенпорту.

— Привет, — сказал лорд Тофем, выполняя пожелание Билл.

— Привет, — ответил Джо.

— Приветик.

— Да, — кивнул Джо.

Опять воцарилось недолгое молчание.

— Может, вы покажете мистеру Дэвенпорту его комнату, лорд Тофем? — сказала Адела, с трудом выговаривая слова. — Ту, что рядом с вашей.

— С удовольствием, — ответил лорд Тофем, потому что задание было ему вполне по силам. Он жестом предложил Джо следовать за ним. Через открытую дверь было слышно, как он начал описывать Джо свои утренние успехи на поле для гольфа.

Билл вздохнула с чувством выполненного долга.

— Ну, Адела, — сказала она, — тебя можно поздравить. Ты была великолепна. Нотка теплоты плюс аристократическая сдержанность. Просто царица Савская, приветствующая царя Соломона. Но что это с тобой? Тебя осенила какая-то идея?

На лицо Аделы набежало облачко задумчивости.

— Понять не могу, — ответила она, — что мне каждый раз мешало, когда у меня за время твоего визита возникало желание скинуть тебе с лестницы на голову что-нибудь потяжелее?

— Это самые грустные речи, которые мне когда-либо приходилось слышать или читать. А, Кей! Как успехи?

В комнату вошла озабоченная Кей.

— Нигде не могу его найти. Добрый день, тетя Адела. Я искала дядю Смидли.

Из ноздрей Аделы вырвался шумный свист, напоминающий паровозный гудок.

— Я сама его ищу, — мрачно сказала она. — Хочу спросить, что это ему вздумалось приглашать своих мерзких дружков в мой дом.

Билл изобразила удивление.

— Ну вот, а мне показалось, что Джо тебе понравился. Ты была с ним так ласкова. Может, нам Фиппс поможет, — добавила она, увидев дворецкого, вносящего в комнату поднос с коктейлями. — Фиппс, ты не видел мистера Смидли?

— Со вчерашнего вечера — нет, мадам.

— И вы не знаете, где он? — спросила Кей.

— Знаю, мисс, — живо ответил дворецкий. — Он в тюрьме.

ГЛАВА VII

Присутствующие не сразу нашли в себе силы прокомментировать услышанное. Слова будто застряли у них в гортани, и им пришлось довольствоваться языком взглядов, который не всегда способен выразить все оттенки чувств. Первой заговорила Кей:

— В тюрьме?

— Да, мисс. Мистер Смидли находится в руках закона. Он позвонил мне по телефону нынче утром.

Душераздирающий крик вырвался из уст Аделы. Подсчитывая из недели в неделю расходы по дому и наблюдая, как за каждой едой ее родственничек берет себе по две порции каждого блюда, она порой мечтала — кто из нас не мечтает? — о том, как было бы хорошо, если бы в один прекрасный день он обратился в бесплотный дух, бренные останки которого упокоились бы в семейном склепе; но чтобы дело дошло до тюрьмы — это уж слишком. Тюремное заключение — плохая реклама не только для самого узника, но и для его близких. Перед ее глазами предстала газетная страница с шапкой: РОДСТВЕННИК АДЕЛЫ ШЭННОН В ТЮРЬМЕ и фотография самой Аделы Шэннон. Эта картина вызвала у нее очень неприятное ощущение, словно она проглотила тучу насекомых.

— Боже! — простонала она.

— Он предложил мне предпринять необходимые меры по соответствующим каналам, — продолжил Фиппс, — но я не смог отставить свои обязанности по дому.

— Надеюсь, ты не успел об этом кому-нибудь сболтнуть? — осведомилась Билл.

— Нет, мадам. Мистер Смидли попросил меня соблюдать конфиденциальность.

Адела судорожно сжимала и разжимала пальцы, будто смыкая их на шее деверя. У нее мелькнула мысль, что она допустила ошибку, не придушив Смидли вовремя. Вот уж действительно — крепка задним умом.

— Подробности знаешь? — спросила Билл.

— Да, мадам. Мистер Смидли меня проинформировал. Факты таковы. Во время вчерашнего визита в ночной клуб на бульваре Вентура он пырнул конферансье вилкой для устриц. Последний, видимо — застигнутый врасплох, справился с ситуацией и вызвал полицию, которая и доставила

мистера Смидли в участок. Надеюсь, это не попадет в газеты, мадам.

— Я тоже надеюсь, Фиппс. Мое воображние отказывает, когда я пытаюсь представить, какой скандал раздует из этого дела Луэлла Парсонс.

— Да, мадам. Здесь воображение бессильно.

— Фиппс, — сдавленно вымолвила Адела, — вы свободны.

— Слушаюсь, мадам.

В отсутствие дворецкого Адела смогла дать полную волю переполнявшим ее чувствам. Она охарактеризовала деверя в словах, которые разили не хуже топора в руках отъявленного душегуба. Она нарисовала законченный портрет отсутствующего, и могла бы бесконечно добавлять к нему все новые и новые штрихи, если бы не задохнулась от ярости. Слушая ее, Билл прониклась невольным уважением к женщине, которую всегда недолюбливала. Конечно, подумала она, у Аде-лы тьма недостатков, но в красноречии ей не откажешь.

— Не напрягайся так, — ласково сказала она.

— Не напрягаться? Ха! На секунду он вырвался из-под моего надзора — и смотри, что натворил! Его только могила исправит.

В дверях вновь появился Фиппс.

— Я подумал, что вам, может, будет интересно узнать, мадам, — сказал он хриплым голосом, — что мистер Смидли только что вернулся. Он как раз входил через парадное, когда я шел через холл.

— Так он не в тюрьме? — спросила Кей.

— Очевидно, нет, мисс.

— Как он выглядит?

— Довольно смирно, мисс.

В глазах Аделы сверкнули молнии. Она вся пылала негодованием. Если бы кто ненароком сейчас дотронулся до нее, ему грозил бы ожог. Впрочем, никому и в голову не пришло бы в этот момент ее коснуться.

— Где он?

— Прошел к себе, мадам, побриться.

— И, наверное, принять душ, — заметила Билл.

— Он уже принял душ, мадам. Его помыли за казенный счет.

— Фиппс, — сказала Адела, — вы свободны.

— Слушаюсь, мадам.

— Ты бы поднялась наверх, Кей, и приглядела за ним, — посоветовала Билл. — У него наверняка сейчас рука неверна.

Кей как завороженная смотрела на Аделу, которая невидящим взглядом уставилась в пустоту. Ноздри ее угрожающе раздувались.

— Билл, сделай что-нибудь. Она сама себя не помнит.

— Ничего, — ответила Билл. — Когда ее обуревают чувства, Адела напоминает жрецов бога Ваала, которые пыряют себя ножами. Не беспокойся. Я о ней позабочусь.

— За тобой — как за каменной стеной, Билл.

— Да уж! Я — старая, верная.

— Бог тебе в помощь.

Кей заторопилась наверх, а Билл обернулась к Аделе, которая принялась скрежетать зубами.

— А теперь, Адела, — сухо скомандовала она, — утихомирься. Выпустила пар, и будет.

— Заткнись!

— Только об этом и мечтаю. Меня уже тошнит от тебя.

— Кому сказано!

Билл, закаленная в сестринских баталиях, уходящих корнями в седую древность, возвысила голос. Настал один из тех моментов, в которые она благодарила Провидение, даровавшее ей крепкие голосовые связки. С такой ситуацией справиться могла только женщина, не страдающая от слабости легких.

— Повторяю, меня от тебя тошнит. Того и гляди, кишки выпустишь из бедняги Смидли. Ты просто исчадие ада. Обожаешь тиранить ближних. Я всегда подозревала, что ты сама укокошила старину Корка.

Адела поспешила отвести от себя это обвинение.

— Мой муж попал под колеса туристского автобуса. Билл кивнула. В этой реплике безусловно была доля правды.

— Этот факт имел место, — согласилась она, — но его спровоцировало то, что бедняга был женат на тебе. Впрочем, обсуждать это бессмысленно, — смягчилась Билл. — Прости, если я была чересчур резка.

— Ты всегда резка чересчур.

— На этот раз больше, чем обычно. Дело в том, что я люблю Смидли. Я люблю его еще с тех пор, когда он был пятнадцатилетним прыщавым отроком. Я любила его в лучшие его годы, когда он швырял деньги на бродвейских дурочек. И я люблю его сейчас. Видно, в этом проявляется моя умственная неполноценность. Может, мне надо к психоаналитику наведаться. Как бы то ни было, факт остается фактом. Потому прошу тебя сбавить обороты и обращаться с ним помягче.

Адела взметнула брови.

— Уж я ли не мягко с ним обходилась! Пять лет он сидел у меня на шее. Это было очень нелегкое бремя.

— Выбирай выражения! Бремя!

— Ты обещала не грубить.

— Да, конечно. Но как прикажешь реагировать, когда ты держишь меня за идиотку, прикидываясь бедной овечкой, вынужденной откармливать ненасытного волчару? Бремя! Да ты бы без труда могла содержать целую дюжину таких как Смидли. Эл Корк оставил тебе столько денег, что черт на печь не вскинет, не говоря уж о том, что он завещал тебе не оставлять Смидли. И все то, что ты на него тратила, сторицей возмещалось — ты тешила свои садистские наклонности, держа его под каблуком. Ну что, я опять нагрубила?

— Да уж!

— Этого я и хотела. Ну ладно, хватит. Но не забывай, что милосердие несовместимо с понятием бремени. Меня учили, что оно — благословенная влага, орошающая сухую землю.

— Что за чушь!

— Не богохульствуй.

— Я…

Слова замерли на устах Аделы. Она превратилась в пантеру, завидевшую свою жертву. В комнату, сопровождаемый Кей, входил Смидли.

— А! — воскликнула она.

Смидли, всегда живой и подтянутый, выглядел изможденным и помятым, как римский император, слишком засидевшийся над фалернским. При всем старании полицейские, препроводившие его из ночного клуба в кутузку, не могли не испортить ему вид. Костюм, приобретенный в Палм Бич, выглядел так, будто его утюжили автобусом. Но для человека с криминальным прошлым, одетого наподобие профессионального бродяги, Смидли вошел в гостиную довольно бодро и без всяких следов робости на лице. Подбородок его — оба его подбородка — были подняты вверх, подбитый глаз глядел победно, будто Смидли черпал кураж и решимость из какого-то одному ему ведомого источника.

Адела напряглась.

— Итак, Смидли? — вопросила она.

— Что — итак?

— Отвечай на вопрос, — сказала Билл.

Смидли моргнул. Ему нелегко было сосредоточиться на предмете.

— А, привет, Билл!

— Привет, старый дружище.

— Я тебя не заметил. Я что-то с утра не проглядделся. Плывет перед

глазами. А ты вроде пожелтела.

— Это тебе мерещится. У меня отличный цвет лица.

Адела, усевшаяся за письменный стол, повелительно постукивала по нему костяшками пальцев. Сейчас ей бы больше приличествовал судейский молоток, но, как и Фиппсу, обходившемуся в своей предыдущей профессии без подручных инструментов, для выражения чувств ей вполне довольно было и своих костяшек.

— Не время обсуждать внешность Вильгельмины, — постановила она. — Я жду объяснений.

Билл подняла брови.

— Ты полагаешь, что нужно объяснять, с какой стати он пырнул вилкой конферансье? Что ж тут необыкновенного! Дело житейское. Мне было бы интересно узнать, почему ты не в тюрьме, Смидли. Фиппс дал нам понять, что тебя заточили в узилище с сырыми стенами, кишащее крысами. Что же случилось? Дочь тюремщика передала тебе напильник в пироге?

— Меня выпустили с извинениями.

— Вот видишь, — торжествующе воскликнула Билл, — нет предела милосердию! Значит, я была опять права.

Адела испустила сдавленный стон, стон страдалицы, призывающей небеса в свидетели совершаемой против нее несправедливости. Голос ее дрожал, как дрожал бы во дни ее экранного триумфа, не будь тогда ее страдания выписаны в титрах белым по черному.

— Какой позор! — выкрикнула она. — Деверь Аделы Шэннон сидит в тюряге с лос-анджелесским отребьем!

Кей перехватила взгляд тети.

— От сумы да от тюрьмы не зарекайся. Там всякие люди попадаются.

— И все, наверное, общаются запросто, — прибавила Билл.

— Черного галстука довольно, белый необязателен.

— Прошу вас! — взмолилась Адела.

И снова обратила взор к недавнему узнику.

— Итак, Смидли? Я все еще жду объяснений.

— Скажи ей, что бедное сердце никогда не утешится.

— Вильгельмина, прошу тебя!

— Это же правда, — возразила Билл. — Кого хочешь спроси.

— У тебя есть объяснение?

Неловкое шевеленье верхней части туловища указывало на то, что Смидли намерен распрямить плечи.

— Разумеется, у меня есть объяснение. Полное и удовлетворительное объяснение. Я праздновал.

— Праздновал? Что праздновал?

— Самую замечательную удачу, которая только может свалиться на заслуживающего ее человека. Я как раз говорил об этом Кей наверху.

Кей кивнула.

— Очень романтическая история, — подтвердила она. — Как раз для фильма категории «Б».

Билл нахмурилась.

— Не упоминай в моем присутствии фильмы категории «Б», крошка. Не поворачивай нож в ране.

— Прости, Билл.

— Ничего, дитя мое. Ты просто брякнула не подумав. Продолжай, Смидли.

Смидли выпятил грудь. Настал его момент. Нечасто ему удавалось быть объектом внимания в домашнем кругу. У него в запасе накопилось множество историй, но Адела всегда обрывала его на первой фразе. Впервые за последние пять лет ему предоставлялась возможность взять слово.

— Ну так вот, — начал он. — Как справедливо заметила Кей, это очень романтическая история. Вчера вечером я сидел на террасе, размышляя о том о сем, и вдруг мой ангел-хранитель шепнул мне на ушко…

— Давай без предисловий, — сурово прервала его Адела. Смидли бросил в ее сторону укоризненный взгляд.

— Без предисловий нельзя.

— Правда, — вмешалась Кей. — Вы непременно должны услышать про ангела-хранителя.

— Мне всегда интересно послушать про ангелов-хранителей, — подбодрила его Билл. — Так что же он тебе такое шепнул?

— Он прошептал: «Смидли, старина, загляни-ка на гардероб».

Адела смежила веки. Она что-то говорила про себя. Возможно, то была молитва. Хотя, скорее всего, что-то другое.

— Это невыносимо.

— А мне, напротив, ужасно интересно, — сказала Билл. — Так бы и слушала. Продолжай, Смидли. Что за гардероб? Где?

— Тот, что в спальне Аделы.

Адела затряслась. В этом не было ничего удивительного. Представьте себя на месте женщины, в чье спальное уединение столь бесцеремонно врываются. Сперва Фиппс, потом Смидли. В конце концов, это ее спальня или перрон Центрального вокзала в Нью-Йорке?

Она пронзила оратора взглядом.

— Ты шарил в моей комнате?

— Да, я туда на минутку заглянул. В поисках того, что ищу. Билл осенило.

— Ба! — воскликнула она. — Неужто дневник?

— Он самый.

— Ты его искал?

— Да.

— И нашел?

— Да. На гардеробе.

— Ты его взял?

— Вот он, — ответил Смидли, хлопнув себя по карману. Адела переводила глаза с Билл на Смидли, со Смидли на Билл, натужно пытаясь понять, о чем идет речь. Она терпеть не могла, когда в ее присутствии говорили загадками, тем более, когда беседовали только что выбравшийся из тюрьмы деверь, бросивший позорную тень на ее дом, и сестрица, которую нельзя и на порог пускать. Во всей Америке не найти двух других субъектов, кто бы сумел так раздражить ее, напуская туману. Сходство Аделы с пантерой стало еще более отчетливым.

— О чем это вы толкуете? Какой дневник? Чей дневник?

— Кармен Флорес, — ответила Кей. — Дядя Смидли искал его несколько недель.

Билл вздохнула. У нее было доброе сердце.

— Увы, бедный Фиппс, — сказала она. — А как ты догадался про этот гардероб?

— Если женщине есть, что прятать, именно это место она и выберет. Общеизвестный факт. Про это во всех детективах пишут.

— Ты что, Агату Кристи не читала? — удивилась Кей.

— Кто такая Агата Кристи? — спросила Адела.

— Адела, лапочка! — сказала Билл. Смидли фыркнул.

— Глупая гусыня, — буркнул он.

Адела метнула на деверя взгляд, который его едва не испепелил.

— Это ты, ты — беглый каторжник, обзываешь меня глупой гусыней!

Смидли не остался в долгу.

— А ты как смеешь называть меня беглым каторжником?

— Я называю тебя беглым каторжником, потому что ты и есть беглый каторжник! Разве тебя полиция не разыскивает?

— Нет, полиция меня не разыскивает.

— Остается посочувствовать полицейским, — притворно вздохнула

Адела. — Представляю, каково им.

Смидли надулся.

— Адела, мне не нравится твой тон.

— А мне плевать.

— В самом деле?

— Напрасно, Адела, — вмешалась Билл. — Смидли теперь не тот, кем был до сих пор.

— Не понимаю.

— Все очень просто.

Вошел Джо. Он посмотрел отведенную ему комнату, выслушал историю спортивного подвига лорда Тофема и теперь планировал выйти в сад и снова пообщаться с природой, хотя и не рассчитывал на то, что она исцелит его раны. Его депрессия не проходила. Равнодушным взором обозрев Садовую комнату, он обратил внимание на то, что здесь происходит важная дискуссия, но не выказал ни малейшей заинтересованности во внутренних делах обитателей дома и направился к двери на террасу. На пороге его остановил властный голос Билл.

— Вчера Смидли не являлся обладателем дневника покойной Кармен Флорес. Сегодня он таковым является. Любая студия в Голливуде отхватит его с руками.

Смидли подхватил тему:

— Я вчера переговорил по телефону с «Колоссал-Эксвизит». Они предложили пятьдесят тысяч.

— Пятьдесят тысяч! — выдохнула Адела.

— Пятьдесят, — подтвердил Смидли. Адела медленно поднялась.

— Ты хочешь сказать, что они… готовы заплатить тебе пятьдесят тысяч долларов?

— Пятьдесят тысяч долларов, — эхом отозвался Смидли. Джо развернулся к дивану и рухнул на него. Голова у него пошла кругом. В ушах зазвучала музыка небесных сфер.

— Ты согласился? — спросила Билл.

— Пока нет. Надо прощупать рынок. У меня серьезные виды на «Медулла-Облонгата-Глутц».

— Но меньше пятидесяти брать нельзя.

— Само собой, — откликнулся Смидли. Он вытащил из кармана дневник и почтительно посмотрел на него.

— Ну не фантастика ли1 — такая невидная книжонка, а стоит целых пятьдесят штук!

— Должно быть, взрывная штука. Ты успел почитать?

— Не удалось. Писано по-испански.

— Плохо.

— Ничего страшного, — успокоил ее Смидли, во всем умевший увидеть светлую сторону. — У Лулабель Махафии — вниз по дороге — есть садовник-мексиканец. Я к нему зайду и попрошу перевести, мы с ним приятели. Он меня как-то угостил мексиканским пойлом, забыл, как называется, от него крыша едет.

Во время этого обмена репликами на Аделу снизошло спокойствие. Как будто по зрелом размышлении ее постигло озарение, развеявшее внезапно сгустившийся вокруг нее мрак. Пальцы ее еще слегка дрожали, но голос, когда она заговорила, звучал на удивление ровно и даже дружелюбно.

— Я немножко научилась испанскому во время благотворительного турне по Южной Америке, — сказала она. — Могла бы вам помочь. Позвольте взглянуть?

— Разумеется, — сердечно ответил Смидли. Он всегда отвечал добром на добро. — Тут вот запись от 21 апреля, которую мне хотелось бы перевести. На полях против нее шесть восклицательных знаков.

Он протянул книжицу Аделе. Когда она взялась за нее, ее пальцы задрожали заметно сильнее. Она быстро направилась к двери, но Смидли, которого внезапно обуял безотчетный страх, остановил ее.

— Эй! Куда это ты?

Адела обернулась.

— Нельзя оставлять такую ценную вещь на виду. Я положу ее в сейф в просмотровой комнате.

— Нет уж. Пускай лучше останется у меня. Адела сбросила маску.

— А вот это у тебя не выгорит, — язвительно заявила она.

— Ты целых пять лет сидел у меня на шее, Смидли, и тебе давно пора внести хоть какой-то вклад в общие расходы по дому. Вот так вот.

— Но…

— Я сказала, — отрезала Адела. — Пятьдесят тысяч долларов. Неплохой взнос для начала. И, кстати, Вильгельмина,

— продолжила она, переменив тему, — будь добра, пойДм переоденься. Ты в этом наряде похожа на старьевщицу.

ГЛАВА VIII

Грохот захлопнувшейся двери не смог заглушить крик, сорвавшийся с губ Смидли. Крик этот напоминал вой смертельно раненного хищника. Комментируя в беседе с Билл действия миссис Аделы Корк, обнаружившей, что кто-то вторгся в ее святая святых, он сравнил ее реакцию с поведением тигрицы, у которой украли детенышей. Сомнительно, однако, чтобы даже самая невротичная тигрица смогла вложить в мизансцену — говоря на языке киношников — столько неподдельной страсти, сколько ее сейчас продемонстрировал Смидли. Казалось, глаза его вот-вот выскочат из орбит, а к двум подбородкам добавился третий за счет вышедшей из пазов вставной челюсти.

Билл тоже проявила легкую обеспокоенность неожиданным поворотом дел.

— Черт подери! — сказала она. — Ну и террористка! Смидли рухнул на диван рядом с Джо.

— Средь бела дня! — как бы не веря самому себе, простонал он. Грудь его вздымалась, волнуемая праведным негодованием. — Я… я в «Лос-Анджелес экзэминер» напишу!

— Неудивительно, что эта женщина достигла впечатляющих результатов в эпоху немого кино.

— Нет, это выходит за всякие рамки! — вскричал Джо.

— Может, для кого другого рамки и существуют, но не для нее, — отозвалась Билл.

Она твердым шагом пересекла гостиную и позвонила в звонок. Билл была женщиной решительной, не чета слабовольным нервическим особам, которые тратят драгоценное время на бесполезные сожаления. Собравшись в единый момент, она почувствовала себя Наполеоном, попавшим в критическую ситуацию. Что сделал бы в таком случае Наполеон? Первым делом — подтянул резервы и бросил их в бой.

Именно это и намеревалась совершить Билл. Звонок сонетки был призван исполнить роль боевой тревоги, по которой Фиппс немедленно займет авангардную позицию. С помощью Фиппса Билл и рассчитывала расквитаться за временное поражение и одержать победу. Когда у вас похищают нечто ценное и помещают в сейф, а в пределах достижимости находится дворецкий, в свое время взявший двадцать уроков мастерства вскрывания сейфов и весьма в этом деле преуспевший, то здравый смысл

подсказывает единственно правильное решение — положиться на профессионала.

Смидли по-прежнему вертелся на диване как уж на сковородке. Он воздел руки.

— Я напишу в «Вэрайети»!

Билл бросила на него по-матерински нежный взгляд.

— Остынь, Смидли.

— Какое там «остынь»! Я напишу Уолтеру Уинчелу!

— Не стоит расстраиваться, — сказала Билл. — Абсолютно не стоит, как сказал бы лорд Тофем. А вот и Фиппс.

Дворецкий бесшумно вырисовался на пороге Садовой комнаты.

— Звали, мадам?

— Да. Заходи. Фиппс, — начала Билл, — боюсь, настал момент, когда нам с тобой придется вступить на тропу войны.

— Мадам?

— Смидли, тебе никогда не приходилось заседать в жюри присяжных?

Если только об английском дворецком можно сказать, что он затрясся, то Фиппс воистину затрясся. И бросил на Билл умоляющий взгляд.

— Мадам, пожалуйста, не надо! Билл проигнорировала мольбу.

— А вот мне пришлось некоторое время назад, — продолжила она. — Как раз когда мы отправили Фиппса вверх по речке на три годика.

— Мадам, вы же обещали…

— И знаешь, как он заработал эти три года жизни на казенный кошт? За что его отправили отдыхать в Синг-Синг? Он сейфы бомбил.

Если она рассчитывала поразить собеседников, то угодила в самую точку. Смидли замер и тупо уставился на дворецкого. Кей издала короткий крик и тупо уставилась на дворецкого. Джо выговорил «Что?» и тоже тупо уставился на дворецкого. Фиппс тупо уставился на Билл. Даже Юлий Цезарь, получив удар кинжалом от Брута, не смог вложить в свой взгляд больше боли и разочарования. Укоризна в его глазах заставила ее извиниться.

— Прости, Фиппс, — сказала она, — военная необходимость.

Смидли наконец обрел дар речи.

— Ты хочешь сказать, — недоверчиво произнес он, — что Фиппс, наш Фиппс, был медвежатником?

— И очень искусным. Он настоящий мастер своего дела.

— Тогда…

— Вот именно. Потому я об этом и вспомнила. Фиппс, у нас есть для тебя работенка.

Хотя Фиппс не вполне оправился от полученного удара, он все же нашел в себе силы отозваться.

— Мадам?

— Мы хотим, чтобы ты открыл сейф миссис Корк. Тот, что в просмотровой комнате.

— Но, мадам, я удалился от дел.

— Ну что ж, вернись к ним.

Фиппсом овладела холодная решимость. Ключевые слова «сейф миссис Корк» прозвучали в его ушах строжайшим запретом на профессию. Пуганая ворона куста боится; дворецкий, которого миссис Корк дважды застигала за поисками дневника в своей спальне, не мог отважиться на то, чтобы вскрыть сейф женщины, обладающей столь сокрушительной властностью. Предложи Джеймсу Фиппсу совершить налет на форт Нокс — он, вероятно, дрогнул бы и согласился, но на сейфах миссис Корк лежало табу.

— Нет, мадам, — почтительно, но твердо ответил он.

— Да брось ты!

— Нет, мадам.

— Подумай хорошенько, Фиппс. Что скажут люди, узнав, что ты отказался поработать с сейфом, чтобы уважить старинного друга? Ты готов выступить против общественного мнения?

— Да, мадам.

— Мне, пожалуй, надо было сразу уточнить, — сказала Билл, — что твоя доля составит пять тысяч долларов.

Фиппс встрепенулся. Стальной панцирь его непреклонности дал трещину. Непроницаемый бескомпромиссный взгляд потеплел и в глазах заплясали веселые огоньки, появляющиеся в очах дворецких, когда перед ними маячит перспектива легкой добычи. Образ Аделы Корк, подкрадывающейся к нему, когда он вскроет железный ящик, стал стремительно таять. У каждого своя цена; пять тысяч долларов были как раз той суммой, в которую Фиппс готов был себя оценить.

— Это большие деньги, мадам, — раздумчиво сказал он.

— Чертовски большие, — подтвердил Смидли, радуясь случаю посодействовать благоприятному исходу переговоров.

Билл с удовольствием отметила про себя перелом в ходе мыслей дворецкого. Как и Смидли, она спешила ковать железо, пока горячо.

— Законные десять процентов, — пояснила она. — Сотрудничать будем по-честному. Благотворительность тут неуместна. Ты получишь свои пять тысяч цент в цент.

— Пять тысяч, — благоговейно пробормотал Фиппс.

— Итак, ты с нами?

— Да, мадам.

Вздох облегчения вырвался у всех присутствовавших при этой сцене, как случается в театральном зале, когда Денежный Мешок после долгих увещеваний наконец ставит свою подпись в нужном месте.

— Вот и ладушки, — заключила Билл. — Краткое содержание предыдущих серий: вчера вечером мистер Смидли нашел дневник.

— Господи!

Билл по-матерински потрепала его по плечу.

— Знаю-знаю. Знаю, каково тебе это слышать. Но так уж сложились обстоятельства. Вчера вечером мистер Смидли нашел дневник, а нынче утром миссис Корк выманила его и спрятала в сейф, в проекционной. Ты готов помочь нам извлечь его оттуда?

Мимолетное видение крадущейся к нему Аделы пронеслось перед глазами Фиппса и исчезло. Секундная слабость ушла.

— За пять тысяч долларов — да, мадам.

— Прекрасно. Тогда встречаемся здесь сегодня вечером. Точнее, завтра. Скажем, в час ночи.

— В час ночи. Очень хорошо, мадам. Это все, мадам?

— Это все.

— Спасибо, мадам.

— Тебе спасибо, Фиппс.

— Билл! — вскричал Смидли. — Ты — чудо. Ну что за умница!

— Потрясающе, — сказала Кей. — Изумительно.

— Колоссально, — добавил Джо.

— Супер-колоссально! — не унимался Смидли.

— На меня всегда можно положиться, мальчики, — признала Билл. — На старую, верную Билл.

Вошла Адела с видом глубочайшего удовлетворения женщины, только что запершей в собственный сейф дневник, оцениваемый по меньшей мере в пятьдесят тысяч долларов. Но вдруг глаза ее загорелись прежним недобрым светом.

— Вильгельмина! — прогремела она. — Ты все еще в этих жутких штанищах! Известно ли тебе, что мистер Глутц уже на подъездной аллее?

— Прости, — кротко ответила Билл. — Задумалась о своем. Побегу прямо сейчас и переоденусь во что-нибудь эдакое, что скроет мои многочисленные недостатки и подчеркнет незначительные достоинства.

— Поторопись.

— Лечу, дорогая Адела, лечу молнией!

ГЛАВА IX

Смидли Корк, первым из группы поддержки Фиппса явившийся к месту встречи, стоял у растворенной двери Садовой комнаты, глядя невидящими глазами в ночную тьму. Откуда-то из глубин дома до него донесся удар часов, и он с удивлением отметил про себя, что пробило всего только час. Неужели только час? Трудно поверить. Хотя прошло не более пяти минут с тех пор, как он осторожно сошел по лестнице в условленное место, ему казалось, что протекла вечность.

Нервное напряжение с каждым может сыграть злую шутку, а нервы Смидли были напряжены до предела. Разум подсказывал ему, что Адела, столь дорожащая часами отдохновения, вряд ли вздумает бродить по дому в такое время, и все же угроза внезапной катастрофы висела над ним, потихоньку стирая с бледного лица выражение решимости. По мере ожидания его все сильнее пробирала дрожь, и он начинал напоминать индийскую танцовщицу, разогревающуюся перед выходом на сцену.

Бесшумно открылась дверь из холла, и в комнату вошла Билл. Она, как всегда, пребывала в отличном настроении. Пусть другие со страхом ждут, что готовит им судьба, но Билл Шэннон не такова. Она с присущим ей оптимизмом предвкушала самый благоприятный исход предприятия.

— Привет, Смидли! — по обыкновению зычно бросила она, и тот от неожиданности подпрыгнул на месте.

— Ну и напугала! Что ты орешь, как оглашенная! — огрызнулся он, приземлившись и тяжело дыша. — Нормальный человек, а тем более старинная приятельница, не станет подкрадываться, как змея, и орать в самое ухо. Надо же соображать.

— Прости, дружище.

— Что толку извиняться! — проворчал Смидли. — Я из-за тебя чуть язык не откусил. А Фиппс где?

— Сейчас явится.

— Уже второй час пошел.

— Только-только.

Билл стала рядом со Смидли и тоже стала смотреть в темноту.

— А ты чем тут занимался? Любовался звездами? Отличный вид. Славные краски. Смотри, как черный бархат небес подсвечивается золотом с земной тверди. В такие ночи, как эта, когда нежное дуновение ветерка целует листву…

— Ради бога, Билл!

— Отложим до лучших времен, да? Мы не в настроении? Ну, как скажешь. А звезды и впрямь заслуживают внимания. Яркие, мерцающие и поразительно аккуратно собранные в созвездия. Одна из достопримечательностей Южной Калифорнии. Кстати, могу просветить тебя насчет звезд, Смидли. Даже незаметное нашему глазу светило вплетает свою мелодию в музыку небесных сфер. Имей это в виду. И перестань трепыхаться, как мотылек на ветру. Ты что — нервничаешь, что ли?

— Еще бы!

— Напрасно. А вот и Джо! — сказала Билл, когда дверь снова открылась. — Входи скорей и давай вместе держать Смидли за руки. У него пляска Святого Витта.

Джо сочувственно посмотрел на страдальца. Он и сам чувствовал себя не наилучшим образом. Ему казалось, что он попал в ситуацию дешевого триллера с изрядной долей насилия, и у него перехватывало дыхание. Он привык к спокойной и безопасной жизни, а человеку, привыкшему к размеренности и спокойствию, неприятно внезапно ощутить себя в шкуре возможной жертвы. Джо, как и Смидли, не оставляла мысль о том, что в любой момент их компанию может накрыть властительная хозяйка, и от этого ему делалось не по себе. Предвосхищая возможную реакцию миссис Корк, обнаружившей, что самые близкие и дорогие ей люди собираются вскрыть ее сейф, он просто отказывался домысливать ее действия. Его воображение, как сказал бы Фиппс, пасовало. Он только в самых общих чертах представлял себе стихийное бедствие, которое вызвал бы разбуженный Владычицей Вулканов Страстей. Оживляя в памяти галерею известных ему дам, которых можно было бы отнести к классу смертельно опасных, он склонялся к тому, чтобы поместить Аделу Шэннон-Корк на самый верх списка. Она обладала этим свойством в степени, недоступной никому из них.

— Где же Фиппс? — спросил он, с трудом сглотнув подступивший к горлу комок.

— Идет, — ответила Билл. — Время нуждается в герое, и герой явится на сцену. #

Смидли встрепенулся, как испуганное животное.

— Герой что-то не торопится, черт бы его побрал. Уже половина второго, а от него ни слуху, ни духу. Ты все повторяешь, что он идет, а его нет как нет. Пойду погляжу в его комнате, может, он там. Скорее всего дрыхнет без задних ног. Проклятие. Надо же так нас подвести! Если

Англия поставляет теперь таких дворецких, то бедная Англия.

Кипя негодованием, он засеменил к двери, и Билл неодобрительно зацокала языком, как мать-спартанка, разочарованная малодушием своего отпрыска.

— Смидли-то как разнервничался!

— Я его не осуждаю, — сказал Джо. — Мне тоже неспокойно.

Билл презрительно фыркнула.

— Тоже мне — мужчины! Ни капли выдержки.

— Ладно, пускай никакой выдержки у меня нет. Но, повторяю, мне неспокойно. Мы же все в одной лодке. У меня ноги холодеют, а по спине ползает что-то липкое и мохнатое. А вдруг этот гадкий дворецкий и вправду не придет?

— Придет.

— А если он не сумеет открыть сейф?

Билл, которая вместе с одиннадцатью добропорядочными мужчинами и женщинами несколько дней кряду восседала в ложе жюри присяжных, когда способности отсутствующего на данный момент субъекта красноречиво описывал окружной прокурор, это предположение показалось смешным.

— Не сомневайся. Он в этих делах собаку съел. Почитал бы ты, что писали о нем газеты во время процесса. Это был гвоздь сезона.

Джо немного успокоился.

— Правда?

— Чистая правда.

— Ты ему доверяешь?

— Безусловно.

Джо перевел дыхание.

— Билл, ты возвратила меня к жизни.

— Вот и хорошо.

— Я, наверное, засомневался просто из-за того, что профессия дворецкого у меня плохо ассоциируется с искусством медвежатника. Обычно я представляю себе дворецкого как почтенного господина, роль которого сводится к произнесению примерно такого текста: «Да, милорд», «Нет, милорд», «Извините, миледи, ее милость герцогиня в данный момент разговаривает по телефону. Она пожелала, чтобы я предложил вам чашечку чаю», а не к вскрытию сейфов. Но если ты выступаешь его гарантом, дело другое. Я чую, что наше процветание где-то в пределах достижимого.

— Можешь объявить об этом родным и знакомым.

— Не замедлю. Билл, если я правильно понимаю, ты знаешь о женщинах все.

— Мне случалось иметь с ними дело.

— Женщины ведь, что деньги, правда?

— Правда.

— Им нравятся мужчины, которые твердо стоят на земле. То есть таких, которых французы называют «Ом серьё». Правильно?

— Абсолютно.

— Следовательно, если Фиппс извлечет этот дневник и Смидли отстегнет нам двадцать тысяч, я превращусь в состоятельного партнера преуспевающего литературно-посреднического агентства и стану другим человеком. Тогда и Кей ко мне переменится.

— Она бросится к тебе на шею с криком «Мой герой!»

— Точно. Примерно на такой текст я и рассчитываю. Но для этого необходимо участие Фиппса.

— Тоже верно.

— Без Фиппса нам ничего не удастся конструктивно решить.

— Ничего.

— Итак, все сводится к одному и тому же: где Фиппс? А! — с неожиданным облегчением закончил Джо, обрывая себя на полуслове. Дверь снова отворилась.

Но вопреки ожиданиям вошел не Фиппс, а Кей. Она очаровательно выглядела в пижаме, тапочках и пеньюаре, и в любой другой момент сердце Джо запрыгало бы, как у поэта Вордсворта, когда он, поэт Вордсворд, увидел тучку в небе. Теперь же он безучастно смотрел на нее, как будто, оказавшись не дворецким, умеющим бомбить сейфы, она обманула его в лучших чувствах.

— Ты! — вяло произнес Джо.

— Так точно, сэр, — ответила она. — А где Фиппс? Реакция Билл тоже была весьма прохладной.

— И ты туда же, — сказала она. — Мне казалось, я велела тебе идти спать.

— Извините, сержант, я уже проснулась.

— Непослушная девочка! Если будешь продолжать в том же духе, плохо кончишь. Но раз уж ты здесь, воспользуемся твоим присутствием. Ты можешь приготовить бутерброды.

— Какие бутерброды после такого обеда!

— Бутерброды никогда не помешают, — ответила Билл. Ее раздражение улетучилось. Она критически осмотрела Кей.

— А прехорошенькая она у нас, да, Джо? Смотри, какие глазки.

— Я видел.

— Спасибо, Билл. Мне приятно, что ты находишь мои глаза красивыми.

Джо не мог равнодушно реагировать на этот диалог. Недовольство тем, что вместо страстно ожидаемого Фиппса пришел кто-то другой, рассеялось, и он смог отдать должное пижаме, пеньюару и тапочкам. Ему подумалось, что, если у них с Кей будет общий дом, она именно в таком виде станет выходить к нему по вечерам.

— Красивыми! Господи, что за бессмысленное слово!

— Джо хочет сказать, — пояснила Билл, — что ты не смогла выбрать в своем скудном словаре mot juste. Он считает, что, анализируя твою внешность, мы не должны удовлетворяться первым пришедшим на ум словом. Нам следует не ленясь взять с полки «Тезаурус» Роджета и не торопясь порыться в нем. Ты, верно, думаешь, Джо, что ее глаза скорее напоминают двойную звезду?

— Это ближе к истине.

— А лоб у нее какой? Алебастровый?

— Пожалуй, можно остановиться на алебастровом.

Кей села, сбросила с ноги тапку и безуспешно попыталась поймать ее носком. Как и тетя Вильыельмина, она пребывала в прекрасном расположении духа. Дрожь, сотрясавшая представителей мужского пола, женщин обошла.

— Если вы оба закончили посвященную мне дискуссию… — сказала она.

— Закончили? — переспросила Билл. — Да мы еще и не начинали! Так только, прошлись по поверхности. Мне нравится ее костяк, Джо. У нее такие меленькие, тоненькие косточки.

Джо согласно кивнул.

— Это первое, что я заметил, когда мы познакомились — меленькие, тонкие косточки. «Черт! — сказал я себе. — У этой девушки такие меленькие косточки!»

— А что было потом? — спросила Кей.

— У него замерло сердце, — ответила Билл. — Я, кстати, припомнила, что, ребенком, Джо обещал маменьке, что нипочем не женится на девушке, если у нее не будет меленьких, тонких косточек. Ну что, Смидли? Он вправду дрыхнет?

Вошел запыхавшийся и на вид еще больше встревоженный Смидли. Становилось ясно, что тайна исчезнувшего дворецкого глубоко засела в

том, что не вполне корректно можно было назвать его сознанием.

— Никаких следов. В его комнате пусто. Что могло с ним случиться? — единым духом выпалил он. — Ой, что это?

— Ты о чем?

— Звуки слышу. За дверью. Шаги.

— Успокойся, Смидли, — сказала Билл. — Это наверняка Фиппс. Голову отдам на отсечение — Фиппс. Думаю, что Фиппс. Да, конечно, Фиппс! — заключила она, когда в темноте за стеклянной дверью на террасу вырисовалась неясная фигура. — Добрый вечер, Фиппс.

— Добрый вечер, — сказал дворецкий.

ГЛАВА X

С прибытием солиста, лидера движения или, если угодно, штурмана, который должен в сложных условиях вывести команду к месту безопасной дислокации, экспедиционный корпус испытал всеобщее облегчение. Смидли что-то проворчал. Джо тоже. Кей приветливо улыбнулась. Билл от избытка чувств погладила вошедшего по плечу. Одетый, по-видимому, в выходной костюм, излучая спокойствие и уверенность, он казался таким знающим, таким надежным, что ни у кого не осталось сомнения в том, что он выполнит любое возложенное на него задание. В руке он держал котелок, без которого ни один английский дворецкий не выезжает за границу.

— Приветствуем тебя, достойный Фиппс, — сказала Билл. — Мы уж думали, ты не придешь.

— Я слегка припозднился, мадам. Меня задержали. Приношу свои извинения.

— Ничего страшного. Но признаюсь, мы немножко понервничали. Особенно мистер Смидли, который даже предпринял розыски. А что же тебя задержало?

— Я имел беседу с мистером Глутцем, мадам. У Смидли глаза полезли на лоб от удивления.

— С кем-кем?

— Глутцем, сэр. «Медула-Облонгата-Глутц». Тем самым джентльменом, который нынче у нас обедал. Он позвал меня, чтобы обсудить детали моего контракта.

— Чего — чего?

Дворецкий возложил котелок на письменный стол, сделав это с той старательностью и изящностью, с какими особы королевской крови укладывают закладной камень.

— Моего контракта, сэр. Если позволите, я объясню. Я после обеда находился в буфетной, и мистер Глутц пожаловал туда собственной персоной. После обмена любезностями он приступил к делу и предложил мне играть роли дворецких в его учреждении.

— Боже милостивый!

— Да, сэр, должен признать, что я тоже испытал некоторое удивление, услышав это из его уст. Я даже поначалу воспринял это как признание моих скромных заслуг или же как то, что у меня на родине называют

розыгрышем, а в Североамериканских Штатах — надувательством. Но вскоре я понял, что джентльмен не шутит. Видимо, он действительно высоко оценил то, как я исправлял свои обязанности за обедом.

— Ничего удивительного, — сказала Билл. — Ты был в замечательной форме. Работал по классу люкс.

— Благодарю, мадам. Приятно слышать. Мистер Глутц оказался того же мнения. По его словам, мои таланты — или, как он выразился, мой артистизм — произвели бы очень сильный эффект на экране. А затем он сделал мне предложение, о котором я упомянул выше, и я его принял.

Фиппс умолк, приблизился к своему котелку, любовно сдул с него невидимую пылинку и принял ту скульптурную позу, которую принимал во время парадных обедов, словно готовый позировать художнику, специализирующемуся на изображении дворецких. В аудитории воцарилось благоговейное молчание. Нечасто приходится присутствовать при рождении звезды.

— Так-так, — проговорил Смидли.

— Фантастика! — сказала Кей.

— Значит, и вы попали на фабрику грез, — сказал Джо.

— Да, сэр.

— Поразительно, до чего же в Голливуде все помешаны на этой фабрике, — сказала Билл.

— Да, мадам. Этот недуг охватил буквально всех и каждого.

Билл сказала, что сам здешний воздух пропитан этой отравой, Фиппс сказал, что да, мадам, видно, так оно и есть, и некстати добавил, что время от времени лелеял мечту о карьере киноактера, да все было недосуг. Разговор чуть было окончательно не сместился в профессиональное русло, если бы не Смидли, который, опомнившись, снова занервничал и попытался вернуть Фиппса на почву реальности.

— А почему вы ведете такие беседы глубокой ночью? — задал он вполне обоснованный вопрос. — Во втором часу!

Вышколенный дворецкий никогда не позволит своим бровям недоуменно подскакивать, и брови Фиппса только самую капельку дернулись и тут же легли на место, но, когда он заговорил, в голосе его слышалась чуть заметная укоризна.

— Мои служебные обязанности не позволили мне освободиться до половины двенадцатого, сэр, но мистер Глутц настаивал, чтобы переговоры были завершены без промедления. Для моей малости его желание — закон.

— Правильно, — поддержала его Билл. — Надо всегда слушаться

начальство, даже если оно походит на омара. А мистер Глутц — вылитый омар, правда?

— Определенное сходство с созданием, которое вы упомянули, мадам, безусловно имеется.

— Но это неважно, был бы человек хороший, так?

— Точно так, мадам.

— Про меня говорят, что я похожа на немецкого боксера.

— Весьма привлекательного боксера, мадам.

— Спасибо за комплимент, Фиппс. Ты получил выгодный контракт?

— В высшей степени удовлетворительный, благодарю вас, мадам.

— Смотри, не продешеви.

— Нет, мадам.

— Я буду с особым интересом следить за твоей карьерой.

— Спасибо, мадам. Я приложу все усилия, чтобы оправдать ваше участие в моей судьбе.

Смидли, у которого одно было на уме, вновь взял практическую ноту.

— Ну, а пока вы здесь, вернемся к делу. И так уж полночи зря прошло.

— Это у нас много времени не займет, — уверила его Билл. — Если наш Фиппс остался прежним Фиппсом. А, Фиппс?

Дворецкий замялся. Похоже было, что он собирается объявить плохие новости.

— Очень сожалею, мадам, — извиняющимся тоном начал он, — но, боюсь, мне придется вас огорчить.

— То есть?

— Я, к сожалению, пришел известить вас, что не смогу выполнить ваше задание.

Если он намеревался вызвать сенсацию, то не просчитался. Его слова произвели эффект взорвавшейся бомбы.

— Что? — вскричал Джо.

— Ой, Фиппс! — вскричала Кей.

— Как это — не смогу? — пролепетал Смидли. — Что вы имеете в виду?

Лидер движения явно пришел в замешательство. Привычная бесстрастность уступила место нервному переступанию с ноги на ногу и заламыванью рук. Потом глаза Фиппса уперлись в котелок, который, казалось, придал ему решимости.

— Это непредвиденное обстоятельство естественным образом способствовало изменению моих планов, сэр. В качестве артиста студии «Медула-Облонгата-Глутц» я не могу подвергать себя риску быть

уличенным во взламывании сейфов. В моем контракте имеется пункт касательно нравственности.

— Чего?

— Нравственности, сэр. Параграф шестой.

Смидли взорвался. Кровяное давление подпрыгнуло у него до беспрецедентной высоты. Случись сейчас увидеть его побагровевшее лицо какому-нибудь доктору, тот бы озабоченно зацокал языком либо потер руки в предвкушении гарантированных десяти долларов за визит в течение достаточно продолжительного времени.

— В жизни не слыхал такой идиотской чепухи!

— Прошу прощения, сэр. Боюсь, я не смогу отступить от своих правил.

— А как же пять тысяч долларов?

— Ничтожная сумма, сэр. Для нас, киноактеров, пять тысяч долларов — не более чем карманные деньги.

— Не смейте так говорить! — закричал Смидли. — Это… это кощунство!

Фиппс обернулся к Билл, в которой, кажется, видел себе ровню и надеялся найти поддержку.

— Уверен, что хоть вы войдете в мое положение, мадам, — нельзя ведь манкировать контракт.

— Разумеется, нет. Искусство требует жертв.

— Вот именно, мадам.

— Раз уж ты подписал документ, надо придерживаться всех пунктов.

— Правильно, мадам.

— Но, черт подери…

— Умолкни, Смидли. Сохраняй спокойствие.

— Какое тут может быть спокойствие!

— Тебе надо хлебнуть чего-нибудь, — сказала Билл. — Будь добр, Фиппс, принеси нам чего-нибудь животворного.

— Слушаюсь, мадам. Что желаете? Смидли упал в кресло.

— Тащи все, что под руку подвернется!

— Хорошо, мадам, — сказал Фиппс.

Он взял со стола котелок, секунду поколебался — не надеть ли его на голову, и прямой походкой направился к двери.

После его ухода некоторое время царило молчание. Сидящий в кресле Смидли выглядел совершенно потерянным. Джо подошел к стеклянной двери и воззрился на звезды. Кей приблизилась к креслу, в котором утонул Смидли, и стала несколько лихорадочно гладить его по голове. И только

Билл не стронулась с места.

— Да, — едва находя силы говорить, вымолвил Смидли. — Ничего себе новость.

— Чистый Голливуд, — сказала Билл.

— С каких это пор дворецкие принялись направо-налево подписывать контракты со студиями? И еще эта ерундистика с пунктами о нравственности!

— Не унывай, Смидли. Не все потеряно. Ситуация под контролем, — успокоила его Билл. Обаяние ее личности было столь велико, что в груди его затеплилась слабая надежда. Ему почудилось, что даже из этого тупика та, на ком он не собирался жениться, но за которой признавал выдающиеся способности, обязательно найдет выход, подтвердив титул Старой, Верной. Он поднял измученное лицо.

— Что ты думаешь делать?

— Думаю выпить.

Джо, стоя у окна, выразительно фыркнул, как морж, с которым Кей когда-то его сравнила.

— Отлично, — сказал он. — Великолепно. Значит, выпить хочешь? У меня просто камень с души свалился. Я было решил, что чокнулся.

— А после этого, — ровным тоном продолжила Билл, — я нажму на Фиппса. Когда он вернется, я угощу его чем-нибудь покрепче, и когда он малость расслабится, я его возьму за жабры.

— За жабры?

— В каком смысле — за жабры? — спросил озадаченный, но обнадеженный Смидли.

— Я уязвлю его в самое сердце точно рассчитанной насмешкой. Поиздеваюсь над тем, что он потерял былую хватку. Это должно сработать. Фиппс, как вы, наверное, помните, был в свое время выдающимся медвежатником, а следовательно, артистом, впечатлительной натурой, гордящейся своим мастерством и не терпящей ни малейшей критики в свой адрес. Представьте себе, как реагировал бы Шекспир, если бы, после того как он удалился на покой в Стратфорд, кто-нибудь походя поздравил бы его с тем, что он вовремя отошел от дел, потому что время его кончилось.

Дверь отворилась, и вошел Фиппс, слегка пригибаясь под тяжестью огромного подноса, уставленного бутылками и посудой. Он поставил поднос на письменный стол.

— Здесь богатый выбор, мадам, — сказал он.

— Вижу — постарался, — одобрила Билл. — Разливай, Джо.

— С удовольствием, — оживился Джо, приняв деловой вид. — Шампанского, Билл?

— Пожалуй, капельку. В самый раз подкрепиться в такой поздний час. Спасибо, Джо. Фиппс, а ты что же?

— Я не буду, мадам, спасибо.

— Да брось ты! Надо выпить за успех твоей будущей карьеры. Ты ступаешь на стезю, на которой обретешь всеобщую любовь. Тебя будут любить, обожать, тебе будет поклоняться принц в своем дворце, крестьянин в халупе, охотник в джунглях и эскимос в промерзшем чуме. А посему начало твоего пути следует отметить с подобающими почестями. По-настоящему надо бы разбить бутылку шампанского о твою голову.

— Разве что чего-нибудь слабенького, мадам. Я всегда был излишне чувствителен к алкоголю. Именно это и привело меня на скамью подсудимых в тот самый раз, когда вы были членом жюри присяжных, мадам.

— Неужели?

— Да, мадам. Констебли нипочем меня не подловили бы, если бы я не был под парами.

— Да-да, припоминаю. Кто-то из свидетелей об этом говорил, верно? Хозяин дома услыхал ночью какой-то шум, определил, что он исходит из библиотеки, где у него стоял сейф, и там тебя нашел. Ты лежал в кресле, положив ноги на стол, с бутылкой в руке и пел «Милую Аделину».

— Точно, мадам. Так я себя и выдал.

Обмениваясь репликами с Фиппсом, Билл, загородив своей внушительной фигурой поднос с бутылками от дворецкого, любовно смешивала коктейль, сливая напитки в самый вместительный стакан. Приготовив адскую смесь, она протянула ему стакан и сказала сладчайшим голосом:

— Попробуй вот это. Надеюсь, тебе понравится. Называется «коктейль Вильгельмины Шэннон». Мягкий тонизирующий напиток.

— Благодарю вас, мадам, — ответил Фиппс, принимая стакан и, поднеся его к губам, уважительно добавил: — За счастливое будущее, мадам.

Сначала осторожно, а потом все более уверенно он с явным удовольствием осушил посудину.

— Ну как? — осведомилась Билл.

— Отменно, мадам.

— Налить еще?

— Пожалуй, мадам.

Билл взяла у него стакан и принялась смешивать еще один коктейль Вильгельмины Шэннон.

— Расскажи нам о себе, Фиппс, — попросила она, не прекращая трудов. — После процесса наши с тобой пути разошлись. Я, так сказать, пошла вверх, а ты покатился вниз. Давай свяжем нити жизни. Что с тобой было после того, как ты окончил университет Синг-Синга?

— Я опять стал дворецким. Спасибо, мадам, — добавил он, беря стакан.

— Без особых трудностей?

— Да, мадам. У меня были отличные рекомендации от хозяев в Англии, и я приехал в Калифорнию как новоприбывший иммигрант. Леди и джентльмены в Калифорнии редко читают нью-йоркские газеты. К тому же с тех приснопамятных пор прошло три года. Мне не пришлось испытать никаких неудобств, мадам.

— А старая профессия?

— Не понял вас, мадам.

— Ты что же — одной рукой подавал картофель, а другой взламывал сейфы?

— О нет, мадам.

— Только прислуживал?

— Точно так, мадам.

— Значит, ты уже четыре года как завязал?

— Да, мадам.

— Тогда неудивительно, что ты струхнул, — заключила Билл.

Дворецкий дернулся. Густая краска залила его лицо, и без того раскрасневшееся под воздействием коктейля Вильгельмины Шэннон.

— Что вы хотите этим сказать, мадам? Билл была дружелюбной, но прямой.

— Да полно дурака валять, Фиппс. Ты ловко придумал с этим шестым параграфом, но мы-то понимаем, где собака зарыта. — Она обернулась к Джо. — Правильно я говорю?

— Правильно, — подтвердил Джо.

— Проще простого: из-за отсутствия практики ты растерял свою сноровку. Утратил хватку. И прекрасно это понимаешь. — Она обернулась к Кей. — Правильно я рассуждаю?

— Правильно, — согласилась Кей.

— Послушайте!

Фиппс заговорил горячо и совсем не в той манере, которая была ему свойственна как дворецкому. Голос звучал резко, даже грубо. Как он и

сказал, головка у него была слабовата, а напиток, приготовленный его приятельницей, свалил бы и самого стойкого пьяницу. Маска дворецкого отвалилась, обнаружив подлинное лицо. Заговорила его уязвленная душа.

— Да мы тебя не осуждаем, — сказала Билл. — Пусть кто-то и назовет тебя бесхребетным слизняком…

— Кем?

— Но это пустяки. Ты никакой не слизняк, просто трусоват немного. Ежели дело тебе не по плечу, ты за него не берешься. Мы тебя за это уважаем. Аплодируем твоему здравомыслию. Восхищаемся твоей осмотрительностью. Правильно я все понимаю?

— Правильно, — эхом отозвался Джо.

Фиппс насупился. Глаза недобро смотрели из-под бровей.

— Вы думаете, я боюсь опростать эту железяку?

— Вполне вероятно. Ничего тут нет удивительного. Работа слишком сложная.

— Сложная? С этой вшивой жестянкой? Да я банки брал!

— Стеклянные, что ли?

— Никакие не стеклянные. Ну я вам покажу! — заявил Фиппс и двинулся к двери. — Я вам покажу, — повторил он, берясь за ручку.

— Куда же вы без инструментов? — напомнил Смидли.

— Они ему не нужны, — ответила за Фиппса Билл. — Он действует кончиками пальцев, как Джимми Валентайн. Перед вами великий артист, вернее — бывший артист.

— Бывший? — вскричал Фиппс и рывком распахнул дверь. — Пошли. Сейчас увидите.

— Я пойду с вами, — сказал, осмелев, Смидли.

— И я, — сказал Джо. — Вдруг вам станет худо…

Он взял со стола поднос с бутылками и присоединился к смельчакам. Билл закрыла за ними дверь и подошла к Кей, которая с восхищением взирала на тетку. Глаза Кей горели тем светом, который часто зажигался у избранных, кому посчастливилось бывать свидетелями подвигов Старой Верной.

— Вот так вот, — сказала Билл. — Немного хитрости и никакого мошенничества. А теперь, когда мы остались одни, крошка, давай присядем и поболтаем. Мне нетерпится кое-что выяснить. В последнее время я немало наслушалась про вас с Джо.

ГЛАВА XI

Кей рассмеялась.

— Ох уж этот Джо!

На лицо Билл набежала тень. Она не одобряла такого легкомыслия.

Серьезно относясь к узам дружбы, она была глубоко тронута историей любви, которой, в духе времени, не светил счастливый финал. Собственный опыт отношений со Смидли научил ее пониманию и сочувствию.

— Нечего так бесстыдно хихикать, — сурово сказала она. — Джо Дэвенпорт — очень приятный молодой человек, и он тебя любит.

— Он мне на каждом шагу об этом твердит.

— Билл, сказал он мне пару дней назад, — и если на глазах его не блестели слезы, значит, я вообще слез в жизни не видала, — Билл, дружище, я люблю эту девушку. И потом еще много чего наговорил насчет депрессии, общей слабости, ночных выпотов и потери аппетита. Вдобавок к слезам, в голосе его слышались рыдания и он дышал, как динамо-машина. Он тебя обожает, этот мальчик. Боготворит. Готов умереть за единственную розу из твоей прически. А что ему достается? Какой-нибудь опавший вялый лепесток. Вместо того, чтобы благодарить небо за любовь настоящего мужчины, ты отвечаешь на его мольбы лошадиным ржанием изгонишь к чертовой бабушке. Нечего сказать, умна.

Кей нагнулась и поцеловала Билл в макушку. Ей показалось, что этот жест будет в самый раз, и она увидела, что не ошиблась.

— Ты очень красноречива, Билл.

— Конечно, красноречива. Я говорю от чистого сердца и после трех бокалов шампанского. Что тебе мешает быть подобрее с Джо? Чем он тебе не угодил?

— Он сам знает. Я ясно дала ему понять, почему не выйду за него. В кафе, накануне моего отъезда из Нью-Йорка.

— Ты в самом деле не собираешься за него замуж?

— Не собираюсь.

— Дура.

— Он сам дурак.

— Разве что из-за тебя.

— Не только.

— С чего ты взяла?

— Это с первого взгляда видно.

— Вовсе нет. Я очень его уважаю. Даже восхищаюсь им. Неужели он тебе не нравится?

— Почему же. Он забавный.

— Слава Богу, ты не сказала, что он очень милый.

— А что тут плохого?

— Это приговор. Это означало бы, что у него никаких перспектив. Так ребята отзывались обо мне двадцать лет назад. «Ах, Билл! — говорили они. — Дорогая старушка Билл. Она мне страшно нравится. Такая милая». После чего оставляли меня куковать со своими достоинствами и уходили дарить конфеты и орхидеи другим.

— А ты осталась старой девой, и жизнь прошла мимо.

— Вот именно. Вечной подружкой невесты, но не самой невестой.

— Бедная старая развалина!

— Как не стыдно называть меня старой развалиной! Никакого уважения к тетке! И не уклоняйся от темы. Предмет обсуждения — Джо. Он говорит, ты отказывала ему четырнадцать раз.

— Пятнадцать. Сегодня после обеда он сделал мне пятнадцатое предложение. В розарии.

Билл негодующе фыркнула. Она поднялась с кресла и размеренным шагом подошла к письменному столу, чтобы восстановить равновесие с помощью шампанского. Обнаружив, что шампанское исчезло вместе с подносом и прочими напитками, она снова фыркнула, на сей раз разочарованно, тяжко вздохнула и вернулась на место.

— Не понимаю тебя, — сказала она, — просто не понимаю. Что у тебя в голове творится — ума не приложу, это для меня тайна за семью печатями. Будь я девушкой и сделай мне предложение Джо Дэвенпорт, я бы не раздумывая предалась ему душой и телом. Господи, как оглянешься вокруг, увидишь, что за шантрапа тебя окружает, то вообразить нельзя, что найдется девица, которая воротит нос от такого парня.

— Похоже, он произвел на тебя сильное впечатление.

— Так и есть. Он мне как сын.

— Скорее, внук.

— Сын, я сказала. Да, он для меня как сын, а как я к тебе отношусь, ты сама знаешь. Ты легкомысленна, как бабочка, ты позволяешь себе нахальные шуточки насчет моих потенциальных внуков, насмехаешься над моими сединами и, может статься, доведешь меня своими выкрутасами до могилы, но я тебя все равно люблю.

— Взаимно, Билл.

— Не перебивай. Итак, я сказала, что люблю тебя. И очень близко к сердцу принимаю твою судьбу. Я полагаю, что этот самый Д. Дэвенпорт — тот, кто тебе нужен, и мечтаю дожить до того дня, когда он наденет тебе на пальчик обручальное кольцо. Меня огорчает, что ты не разделяешь моих надежд. Тем более, что у тебя нет никаких аргументов против него. Сама ведь сказала, что он тебе нравится.

— Конечно, нравится. Против его обаяния никто не устоит.

— Тогда в чем проблема?

Кей с минуту помолчала. На ее лице появилось то серьезное задумчивое выражение, которое так привлекало Джо. Носком комнатной туфельки она чертила по ковру замысловатые арабески.

— Могу я быть с тобой откровенной?

— Разумеется. Давай всю подноготную.

— Дело в том, что, дай я себе волю, я бы в одну секунду без памяти влюбилась в Джо.

— За чем же дело стало?

Кей подошла к стеклянной двери и подняла глаза к звездам.

— Я опасаюсь.

— Чего?

— Видишь ли, Билл… Что для тебя брак? Нечто священное, что связывает людей до конца их дней, как это изображают в голливудских фильмах? Для меня дело обстоит именно так, но вот тут-то мы с Джо и расходимся. Нет, не перебивай меня, дослушай сначала. Понимаешь, я никак не могу положиться на Джо. Поверить в его искренность.

Билл стоило неимоверных усилий воздержаться от комментариев по ходу этой, по ее мнению, абсурднейшей из речей, которых ей довелось выслушать на своем веку, а ей пришлось высидеть на сотнях студийных летучек, но тут ее терпение лопнуло.

— Как можно сомневаться в искренности Джо? Господи! Сколько раз должен он делать тебе предложение, чтобы до твоих куриных мозгов дошло, что он тебя любит?

— Дело не в количестве раз, а в том, как он это делает. Он обставляет все как веселую шутку. А для меня любовь — не шутка. Я старомодна, сентиментальна и прошу относиться к себе серьезно. Мне нужен человек, который с такой же серьезностью относился бы к подобным вещам, а не вертопрах, который признается в любви, будто репетирует сцену из водевиля. Как он может ожидать от меня ответных чувств, — продолжала Кей, понемногу заводясь, ибо задумчивая степенность могла сопутствовать ей лишь очень недолгое время, — если его романтические настроения

мимолетны, как улыбка Чеширского кота, и он способен сказать: «А теперь отвернись и скажи — выйдешь за меня?» Когда девушка слушает объяснение в любви, она не должна чувствовать себя так, словно попала на необитаемый остров с комиком.

Наступила короткая пауза.

— Скажи все-таки — между нами, девочками, — ты его любишь?

— Конечно, люблю, — выпалила Кей. — С первого взгляда влюбилась. Но я ему не верю.

Опять повисла пауза. Билл поняла, что ситуация совсем не так проста, как казалась.

— Мне понятны твои чувства, — сказала она наконец. — Джо иногда ведет себя, как клоун. В эдакой легкой шутейной манере. По-детски. Но не забывай, что клоунада очень часто — всего лишь маска для людей робких и неуверенных в себе.

— Только не говори, что Джо робок.

— С тобой — безусловно робок. Все мужчины робки, когда по-настоящему любят. Потому он так глуповато себя и ведет. Он как мальчишка, который пытается привлечь внимание первой красавицы детского сада, стоя на голове. Не позволяй себе обмануться внешностью, крошка. Попробуй заглянуть в сердце, и ты увидишь, насколько оно нежно и отзывчиво.

— По-твоему, у Джо нежное сердце?

— Голову готова прозакладывать.

— Я, пожалуй, тоже. Оно отзывается на каждую юбку, если только она надета не на экспонат из кунсткамеры. Я видела его красную записную книжку.

— Что-что?

— Телефонную книжку. Там целая коллекция номеров блондинок, брюнеток, рыжих и отдельно — блондинок искусственных. Таковы факты, Билл. Джо — мотылек, порхающий с цветка на цветок и влюбляющийся в каждую встречную девушку.

— Разве это свойственно мотылькам?

— На него прямо удержу нет. Второй Дик Миллз.

— Второй — кто?

— Один парень, с которым я была помолвлена. Мы разорвали помолвку.

— Он был мотыльком?

— Да, Билл.

— И Джо тебе кажется таким же?

— Точь-в-точь.
— Ошибаешься.
— Вряд ли.

Билл воинственно распрямила плечи. Голубые глаза блеснули огнем. Хотя и не такая темпераментная, как ее сестра Адела, и не столь решительная в противостоянии тому, что казалось ей глупостью, как эта волевая женщина, Билл не была кроткой овечкой. Подобно Уинстону Черчиллю, она не могла мириться с тем, что не соответствовало ее взглядам.

— Что бы ты себе ни навоображала, крошка, позволь мне внести ясность в твои затуманенные мозги. Я абсолютно уверена, что вы с Джо просто созданы друг для друга. Я изучила вас обоих внимательно и любовно и пришла к выводу, что вы неотделимы, как яйца и бекон. В конце концов, мое дело — сторона. Но мне хотелось бы образумить тебя. Ты ведь меня знаешь. Я Старая, Верная. Зря не посоветую. А теперь ступай резать бутерброды. У меня от этой болтовни аппетит разыгрался.

Не успела Кей подойти к двери, как та распахнулась, и вошел Смидли. В пылу дискуссии о нем забыли. Смидли выглядел взволнованным.

— Куда это вы собрались? Уж не в просмотровую ли? — спросил он.

— Кей идет на кухню делать бутерброды, — ответила Билл. — Пора подкрепиться, а то мы лишимся последних сил.

— Тогда ладно, — с облегчением сказал Смидли. — Я боялся, что вы захотели посмотреть, как продвигается дело в просмотровой. Твои коктейли, Билл, оказали на Фиппса странный эффект. Он, как бы это сказать… отвязался, что ли. Все время останавливается, чтобы рассказывать неприличные истории.

— Ах, бедняга. Неприличные, значит?

— Крайне. Например, про стриптиз и блоху… — Он взглянул на Кей и запнулся. — Но это неинтересно.

— Я эту байку слыхала, — сказала Кей и пошла резать бутерброды.

Смидли потер лоб. Его моральный дух заметно ослаб. Лихорадка последнего вечера отняла у него все силы. Марку Аврелию, утверждавшему, что с человеком не случается ничего, что он не смог бы вынести, пришлось бы долго втолковывать эту идею Смидли Корку.

— Я обеспокоен, Билл, — сказал Билл.

— Ты всегда чем-нибудь обеспокоен.

— А что, разве причин недостаточно? Как подумаю, что заставило Фиппса взломать этот сейф! Он никак не может сосредоточиться. У него каша в голове. И такое обнаружилось, что просто диву даешься.

Представляешь, когда я сюда шел, он пытался изобразить четырех гавайцев. Совсем свихнулся парень.

Билл кивнула.

— Следовало быть поосторожнее с коктейлями Вильгельмины Шэннон, — сказала она. — Беда в том, что мне трудно постигнуть всю свою мощь.

— Мало того, что он волынит. Еще и шуму наделал. Хохочет, как ненормальный. Как бы Аделу не разбудил!

— Ее комната на другом конце дома.

— Тем не менее.

Билл покачала головой.

— Я, конечно, крепка задним умом, — сказала Билл. — Надо было дать Аделе снотворного. Это бы… — Она не договорила. — Господи!

— Что такое?

Билл пошарила в кармане брюк и вытащила белый пакетик.

— Это порошок «Микки Финн», — возвестила она. — Мне его дал знакомый бармен с Третьей авеню. Поделился личным запасом. Сказал, что когда-нибудь он мне пригодится. И был прав. Я хотела бросить его в стакан на тумбочке Аделы и забыла.

— А теперь поздно.

— А теперь поздно, — повторила Билл. — Слишком поздно, слишком.

Голос ее дрогнул. Из-за двери донесся гомерический хохот. Она взглянула на Смидли, он с испугом взглянул на нее.

— Вот паршивец, — сказал Смидли. — Это Фиппс.

— Может, гиена? — переспросила Билл.

Но то был Фиппс. Он вошел в сопровождении Джо, от души и в то же время по-театральному смеясь, как хор в старомодной комической опере. В руках он держал поднос, с которым подошел к дивану, выбрал бутылку и уселся, откинувшись на подушки. Стало ясно, что идею насчет сейфа он отложил на неопределенное время и решил предаться отдыху в хорошей компании.

ГЛАВА XII

— Всем привет! — беспечно произнес Фиппс и отпил прямо из горлышка. Очевидно, опасения по поводу природной неспособности организма справиться с большими количествами спиртного его уже не тревожили. Вино веселило, крепкие напитки возбуждали, и это Фиппсу нравилось. Когда душа просила веселья, Джеймс Фиппс обращался к вину, а когда возникала потребность возбудиться, приходила очередь чего покрепче.

— Всем привет! — сказал он. — А сейчас я вам покажу четырех гавайцев.

Его готовность внести посильную лепту в общее веселье, вероятно, встретила бы отклик у жизнелюбивого бонвивана старой закалки, желающего поддерживать градус вавилонской по размаху оргии, но у Смидли это предложение не вызвало энтузиазма, а, напротив, ввергло его в тоску. Он понятия не имел, чем таким отличились четверо гавайцев в деле развлечения, но подозревал, что его ожидает нечто весьма громкое, и в предчувствии задрожал всем телом. Хотя комната Аделы и находилась в другом конце дома, но, как он сказал Билл, тем не менее.

— Нет! — запищал он, как мышь, попавшая в мышеловку,

— Нет!

— Тогда я спою «Милую Аделину», — сказал Фиппс с видом человека, который изо всех сил хочет угодить окружающим. Репертуар у него был довольно богатый, и ежели публика не желала четырех гавайцев, то «Милая Аделина» могла оказаться в самый раз.

На этот раз с протестом выступил Джо. Он уже разволновался не меньше Смидли. «Милая Аделина» была ему знакома. Он и сам исполнял эту популярную песенку в задней комнате своего клуба, и лучше других знал, что в ее мелодии содержалось несколько пассажей в до-мажоре, которые без труда одолеют любые стены, беспрепятственно дойдут до ушей спящей хозяйки дома и подымут ее с постели, как труба архангела, созывающая на Страшный Суд. Перед его внутренним взором вновь возникло видение Аделы Шэннон-Корк, вплывающей в комнату в своем пеньюаре, и по спине его опять пробежалось мохнатое и липкое существо.

— Пожалуйста, не надо, Фиппс! — воззвал он к дворецкому.

Дворецкий притих. Он пребывал в добродушном и естественном расположении духа, искренне хотел растормошить этих зануд, но, даже

рискуя нарушить гармонию, все же счел себя обязанным указать на разницу в статусе. Этим представителям среднего класса только дай волю…

— Мистер Фиппс, если не возражаете, — холодно поправил он Джо.

Билл, известная своей тактичностью, выступила на его стороне.

— Да, ты поосторожнее с мистером Фиппсом, Джо. Но все же я бы не стала петь «Милую Аделину», мистер Фиппс.

— А почему бы мне не спеть «Милую Аделину»?

— Ты можешь разбудить милую Аделу.

— Вы имеете в виду мамашу Корк?

— Именно.

Фиппс надулся и отхлебнул из бутылки.

— Мамашу Корк… — раздумчиво протянул он. — На нее мне всегда было наплевать. А что если пойти и дать ей в нос?

В любое другое время это предложение пришлось бы Смидли по душе. Если и была в мире женщина, с детских лет напрашивавшаяся на хорошенький тычок в нос, так это, несомненно, жена его покойного брата. Но сейчас возможность осуществить заветное желание повергла Смидли в полуобморок.

— Нет, нет! — снова по-мышиному пропищал он.

— И тычка нельзя дать? Ну, как скажете, — кротко согласился Фиппс. Когда к нему относились с должным уважением, он вел себя очень сговорчиво. — Тогда давайте прополощем горло. Нет, Смидли, — жестом остановил он товарища. — Вам хватит. Вот прохиндей, тянет винище, как пылесос! — Он не без удовольствия оглядел пройдоху. — Смидли, старый пьяница! — сказал он. — Где же ты шатался вчера ночью, а, тюремная пташка? Отвечай-ка!

Смидли виновато улыбнулся. Фиппс, осмелев, повысил голос.

— Эй, Смидли!

Билл сказала «Шшш!», Джо сказал «Шшш!», Смидли подпрыгнул, как ужаленный.

Фиппс огорчился еще сильнее. Ему казалось, что эти люди явно переборщили с унижением его достоинства. Он сказал «эй!», а они ему — «шшш», а этот старый дурень Смидли, на вид такой паинька, даже не озаботился ответить, когда к нему по-человечески обратились. Такие вещи спускать нельзя, подумал Фиппс.

— Почему он не ответил мне «Эй!», когда я ему сказал «Эй!»? Когда джентльмен говорит другому джентльмену «Эй!», он вправе рассчитывать, что ему ответят.

Смидли поспешил исправить промашку.

— Эй! — враждебно сказал он.

— Эй — кто?

— Эй, мистер Фиппс.

Дворецкий нахмурился. Его настроение резко омрачилось. Дружественная теплота и расположение, с которыми он вошел в эту комнату, улетучились, и он стал меньше любить человечество. В поведении Смидли ему увиделись формальность и отсутствие сердечности, а это не могло вызвать одобрения. Как будто он по-приятельски хлопнул по плечу бонвивана старой закалки, а тот развернулся да и дал ему по носу.

— Ладно, — сказал он. — К черту условности. Скажи: эй, Джимми!

— Эй, Джимми.

Одержимый манией совершенства, Фиппс не удовлетворился.

— Ну-ка, еще разок, понежнее.

— Эй, Джимми.

Фиппс откинулся на подушки. Интонация Смидли еще была далека от мелодичности попугая-неразлучника, обращающегося к своей подружке, но ближе к идеалу.

— Уже лучше. Вам, светским мотылькам, не следует проявлять пренебрежения к малым сим.

— А ты что, не любишь светских мотыльков? — поинтересовалась Билл.

Фиппс решительно тряхнул головой.

— Нет. Не одобряю их. Вот придет революция — висеть им всем на фонарях. Система прогнила насквозь. Я что, не человек? А, Смидли?

Смидли опять подпрыгнул.

— Конечно, конечно, человек, Джимми.

— Я что — не джентльмен?

— Конечно, конечно, джентльмен, Джимми.

— Тогда принеси мне подушку под голову, забулдыга старый. И поторопись. Мне требуется уход.

Смидли взял подушку и подложил Фиппсу под голову.

— Удобно, Джимми? — сквозь зубы процедил он. Дворецкий окинул его ледяным взглядом.

— Это кого ты называешь Джимми? Обращайся ко мне «мистер Фиппс».

— Виноват, мистер Фиппс.

— Это ты правильно сказал. Знаю я вашу породу. Очень хорошо знаю. Бедняков готовы с лица земли стереть, последний кусок хлеба отнимете у

вдовы и сироты. Вот придет революция, польется кровушка рекой по Парк-авеню и Сатто-плейс, а я попляшу на ваших трупах.

Смидли отвел Билл в сторонку.

— Если это безобразие будет продолжаться, — прошептал он, — я за себя не отвечаю, Билл. У меня давление.

— Вот придет революция, — напомнила ему Билл, — никакого давления не будет. Вся кровь вытечет на Парк-авеню.

— Пойду послушаю возле дверей Аделы. Надо убедиться, что она спит. А пока уберем выпивку из-под носа этого сукина… — Он перехватил взгляд Фиппса, подавился словом и вымученно улыбнулся. — Эй, мистер Фиппс!

Глаза дворецкого были слишком замутнены, чтобы сквозь них сверкнул огонь, но по лицу стало видно, что он обиделся.

— Сколько раз надо повторять, чтобы называл меня Джимми?

— Виноват, Джимми.

— Мистер Фиппс, если не возражаете, — сурово ответствовал дворецкий.

Смидли, не в силах справиться с интеллектуальным напряжением, которого требовала от него завязавшаяся беседа, поспешил выйти. Билл, которой его присутствие связывало руки, взяла деловой тон.

— Ну, мистер Фиппс, — начала она, — пора вернуться к нашим баранам. Если вы достаточно отдохнули, можно возобновить попытку с сейфом.

— Да, — подхватил Джо. — Нельзя больше терять время.

Он сделал ошибку. Дворецкий опять напыжился. Почему-то, возможно — из-за ранее допущенной фамильярности, он невзлюбил Джо; и метнул в него неприязненный взгляд.

— А тебе-то что, осмелюсь спросить?

— Как это — что? Вы разве забыли, что все мы — мистер Смидли…

— Ты имеешь в виду этого забулдыгу?

— Да. Забулдыга Смидли вместе с мисс Шэннон…

— Ты имеешь в виду эту тупорылую старуху?

— Да. Забулдыга Смидли с тупорылой старухой Билл и я в одной упряжке. Мы хотим получить деньги.

— Какие деньги?

— Деньги, которые он выручит, получив дневник.

— Какой дневник?

— Дневник из сейфа.

— Какого сейфа? — оживился Фиппс, как следователь,

допытывающийся у заведомого жулика, где он находился пятнадцатого июня ночью.

Джо посмотрел на Билл. Как и Смидли, он находил затруднительным вести беседу с Фиппсом.

— Тот сейф, который вы собирались вскрыть, мистер Фиппс.

— Кто сказал, что я собираюсь вскрывать какие-то сейфы?

— Только не я, — вмешалась Билл, пытаясь потихоньку гнуть свою линию. — Я как раз говорила, что ты бы ни за что не взялся за это дело.

— Какое дело?

— Взламывание сейфа.

Фиппс помолчал, усваивая полученную информацию,

— Вы думаете, я бы не открыл сейф?

— Да. Тут даже говорить не о чем. Четыре года назад ты бы еще с этим справился, а сейчас об этом смешно и заикаться. Мы все пришли к этому выводу.

— К какому?

— Что в свое время ты был замечательным специалистом, но утратил свое умение. Мы уже обсуждали этот вопрос, если помнишь, и выяснили, что рука — уже не та. Как профессионал ты ничего не стоишь.

— Ха!

— Как ни жаль, но факты — упрямая вещь. Тут нет твоей вины, просто обстоятельства сложились неблагоприятным образом. Ресурс исчерпан. Конечно, тебя ждет блестящая карьера на экране, но сейф ты открыть не можешь и с этим не поспоришь.

Красное (а в случае с Фиппсом, который пил мятный ликер, зеленое) вино жалило его, как змея, и как змеиный яд действовала на него критика его профессиональных достоинств. В результате его жалили две змеи одновременно, и по лицу стало видно, какую боль он ощущает.

— Ха! Не могу открыть сейф! Не могу открыть вшивый сейф! Да только чтобы не слышать таких слов, я его одним пальцем открою!

Джо бросил на Билл короткий взгляд, преисполненный глубочайшего уважения. Вот что значит Старая, Верная, выражал этот взгляд. Она каждого видит насквозь.

— Спасибо, Фиппс, — сказал он.

— Вам спасибо, сэр, — машинально ответил дворецкий. — То есть, — поправил он сам себя, — за что это вы меня благодарите?

— Я уже объяснял. Вы обещаете открыть сейф. Если вы его откроете, у нас будут деньги.

— А! Вот оно что! А когда разживетесь денежками, небось надеетесь

жениться на этой девчушке, на Кей? Зря надеетесь. У вас ни малейшего шанса, любезный вы мой. Я слыхал, как она вас нынче в розарии отшила.

Джо передернуло.

— Что?

— Что слышали.

Щеки у Джо загорелись. Он не подозревал, что сцена в саду разыгрывалась на публике.

— Вас там не было.

— Очень даже было.

— Я вас не видел.

— А меня никто никогда не видит.

— Его называют Тенью, — пояснила Билл.

— И я скажу вам, что меня особенно поразило в этом эпизоде, — продолжил Фиппс, позеленевший от ликера. — Вы выбрали неправильную тактику. Уж больно вы несерьезны, прямо шут гороховый. Сердце чувствительной девушки грубыми шутками не завоюешь. Вам бы прижать ее покрепче да поцеловать.

— Он не решается, — сказала Билл, — это небезопасно. Он раз чмокнул одну девушку в Париже, а та от избытка чувств взлетела на верхушку Эйфелевой башни.

— Как это?

— Очень просто. Впала в экстаз, закрыла глаза и с легким стоном устремилась ввысь.

Для иллюстрации Билл пошевелила растопыренными пальцами. Дворецкий неодобрительно покосился на этот жест.

— Вы так не делайте, — резко заметил он. — Мне это пауков напоминает.

— Извини. Не любишь пауков?

— А кто их любит? — мрачно ответил Фиппс. — Я бы вам о них порассказал. Если захотите чего узнать про пауков, спросите меня.

— Вот придет революция, и побегут пауки по Парк-авеню.

— А-а, — неопределенно протянул Фиппс, видимо, считая эту перспективу вполне вероятной. Он зевнул и подобрал ноги, расположив их на диване. — Кому что, — сказал он, — а мне баиньки. Надо малость вздремнуть. Всем спокойной ночи. Отбываю к Храповицкому.

Глаза его закрылись. Он сделал пару глотков и заснул в обнимку с бутылкой.

ГЛАВА XIII

Джо в отчаянии посмотрел на Билл. Уж на что он привык ничему не удивляться в этом мире, но такой поворот событий поставил его в тупик. Вот сюрприз так сюрприз.

— Что теперь? — спросил он.

На Билл, однако, очередной зигзаг в ходе операции не произвел почти никакого впечатления. Она посмотрела на тело дворецкого, распростертое на диване, с нежностью матери, склонившейся над колыбелькой дитяти, и заботливо поправила сбившуюся подушку.

— Все к лучшему, — ответила она. — Краткий отдых ему на пользу, дальше пойдет веселее. Ты когда-нибудь видел пьяного взломщика?

— Не приходилось.

— Мне тоже. Пускай просохнет. Когда через час или около того холодный свет зари вползет в наши окна, мы с тобой будем свежи, как маргаритки, а вот насчет Джимми Фиппса есть сомнения. Наутро после такого загула естество человеческое идет вразнос. Придется провести курс лечения бромом и сельтерской. Но не будем отвлекаться. Хоть и не всегда четко и не всегда последовательно формулируя, герой этой ночи сделал одно точное и крайне важное замечание насчет стратегии и тактики твоего ухаживания. Ты не пропустил мимо ушей?

— Нет.

— Он был прав, знаешь ли. Угодил в самую точку. Твой метод ни к черту не годится. Я говорила с Кей. Она тебя любит, Джо.

— Что?

— Она сама мне сказала, совершенно однозначно. Формулировку я, конечно, не помню, но смысл высказывания заключался в том, что в твоем присутствии она не чувствует земного притяжения. Если это не любовь, то что?

Джо засуетился.

— Билл, если ты меня дурачишь…

— С какой стати! Зачем мне это надо? Она тебя любит, уверяю. Ты — сливкив ее кофе, ты — соль в ее жарком.[12] Но она опасается… не решается… Словом, она тебе не доверяет.

— Почему?

— Потому что ты все время дурака валяешь.

— Это от робости.

— Я тоже ей так сказала, но она не поверила. Она считает тебя беспечным мотыльком, порхающим с цветка на цветок и пьющим нектар. Ты пьешь нектар?

— Нет, не пью.

— С девушками не гуляешь?

— Конечно, нет.

— А зачем тогда тебе красная записная книжка с номерами телефонов?

Если бы она вдруг залепила Джо пощечину, та не произвела бы большего эффекта, чем последний вопрос. Когда человек получает внезапную пощечину, он морщится, широко раскрывает глаза, краснеет, разевает рот и остается с отвисшей челюстью. Все это произошло с Джо.

— Красная книжка? — пролепетал он.

— Красная книжка.

— Маленькая красная книжка?

— Маленькая красная книжка.

— Маленькая красная книжка с номерами телефонов?

— Маленькая красная книжка с номерами телефонов. Ощущения человека, получившего неожиданный удар, развеялись. Джо пришел в негодование. В нем заговорила оскорбленная добродетель.

— Что за свистопляска вокруг моей красной телефонной книжки? — с жаром спросил он. — У каждого нормального мужчины есть такая книжка. Их теперь начинают заводить еще с детского сада. Кей все прекрасно известно про эту несчастную книжку. Когда мы с ней последний раз сидели в ресторане, я подробно объяснил, что не надо придавать тому существенного значения. Я сказал, что это следы бурно прошедшей молодости, ничего больше. Я уж и имена-то перезабыл по большей части. Они ничего для меня не значат, ничего.

— Меньше, чем пыль под колесами твоего кабриолета?

— Гораздо меньше. Я бы не стал звонить ни одной из них, даже выполняя последнюю волю умирающей бабушки. Это призраки. Тени. Фантомы.

— Эфир.

— Да, эфир. Послушай, Билл. В целом мире для меня не существует никого, кроме Кей. Она — нечто совершенно особое. Пусть передо мной продефилируют в купальниках Елена Троянская, Клеопатра, Хеди Ламар[13] и La Belle Dame sans Merci, я даже не свистну им в след.

Безыскусное красноречие тронуло Билл до глубины души.

— Ну что ж, звучит убедительно. Подводя итог сказанному, можно

заключить, что ты невинен, как ягненок.

— Или еще более.

— Хорошо. В таком случае тебе остается только одно — изменить манеру общения. Сам видишь, шутовство не проходит. Сведи репертуар Боба Хоупа до минимума. Есть два способа завоевать девичье сердце. Первый — изображать патриархального мужчину, пещерного человека и брать ее сердце грубым натиском. В качестве иллюстрации могу привести образ, который я создала для журнала «Страсть». Это такой охотник, всадник, стрелок, который в припадке страсти хватал свою подругу за волосы и таскал по комнате, скрежеща зубами. Вот один пример.

— Я не смогу таскать Кей за волосы по комнате.

— Однако это изысканная форма внимания. Она могла бы произвести переворот в ваших отношениях. Девушке в моем рассказе это нравилось. «Джеральд, Джеральд, — повторяла она, — ты сводишь меня с ума!»

— Нет, не годится.

— Ладно, с волосами оставим. Впрочем, ты мог бы хватать ее за плечи и трясти как грушу.

— Нет, и это не по мне.

— Да почему?

— Потому что.

— С тобой не сговоришься, — вздохнула Билл. — Ты не хочешь идти на компромисс. Забыл, наверное, лозунг «Суперба-Лльюэлин»: «Служи и сотрудничай».

Она достала из кармана пакетик «Микки Финна» и задумчиво подбросила на ладони.

— Что это у тебя? — спросил Джо.

— Лекарство. От бессонницы. Ну, если не желаешь быть пещерным человеком, давай испробуем второй способ — не силу, а слабость. Мы растопим ее сердце. Ты должен вызвать сочувствие и жалость.

— Уточни, пожалуйста.

— Все очень просто… Горло пересохло от бесконечных разговоров. Давай освежимся.

— Неплохая мысль. Шампанского?

— Пожалуй. Средство испытанное.

Билл направилась к подносу, наполнила бокалы и незаметно бросила в тот, что предназначался Джо, подарок приятеля-бармена с Третьей авеню.

— Значит, надо устроить так, чтобы она тебя пожалела.

— Как же?

— Проще простого.

— Это ты уже говорила.

— Повторение — мать учения. Помнишь стишок: «В те дни, когда в доме родимом я рос…

— …безмолвный, печальный и робкий до слез». Помню, декламировал в детстве.

— У тебя, наверное, здорово получалось. У меня почему-то жалостливые стихи плохо звучат. Раз ты это все помнишь, значит, знаешь, как отзывчиво женское сердце на чужое страдание. Немножко боли, капля страдания — и девушка на глазах превращается в ангела. Хрестоматийный сюжет.

— Ну так что?

— В данном случае в ангела следует превратить Кей. Я уверена, что если та, которая сейчас режет в кухне бутерброды, вернувшись сюда, застанет тебя распростертым на полу без чувств, сердце ее растает, как сахар в чашке чая. Она бросится на твое бездыханное тело и оросит неподвижное лицо горючими слезами. Вот что сделала бы Кей, если бы, придя сюда, нашла тебя распростертым без чувств на полу.

— А с чего вдруг я бы распростерся без чувств на полу? Билл понимающе кивнула. Рыбка клюнула.

— Надо подумать. Допустим, Фиппс в припадке пьяной ярости двинул тебя той бутылкой, которую он прижимает к груди, как мать — младенца.

— Но он же не двинул!

— Правда. Тогда допустим, что я бросила тебе в бокал порошок.

— Но ты же не бросила!

— Тоже правда. Я просто думаю вслух. Выпьем за удачу!

— За удачу!

Они осушили бокалы.

— Чудное название — «Микки Финн», — задумчиво произнесла Билл. — Откуда они их берут?

— Может, был такой бармен по имени Микки Финн, который составил рецептуру?

— Менкен[14] говорил, что нет, а он, наверное, в курсе. Менкен вообще в курсе всего. А ты знаешь, как действует этот порошок?

— Как ни странно, да. Он проходил у нас в одной картине перед тем, как меня вышибли. Поначалу ничего особенного не чувствуешь. А потом, если тряхнуть головой — вот так…

Билл, которая была начеку, успела вовремя подхватить падающего Джо. Она уложила его получше, придала вид, способный с гарантией вызвать сострадание, а сама подошла к дивану и потрясла Фиппса за плечо.

Непросто пробудить ото сна дворецкого в состоянии тяжелого опьянения после двух коктейлей Вильгельмины Шэннон и бутылки мятного ликера. Временами казалось, что ее усилия никогда не увенчаются успехом. Но постепенно в членах бесчувственного тела стали появляться признаки жизни. Фиппс засопел, зашевелился, задвигался, жизнь начинала бурлить в нем. Он хрюкнул и сел, моргая глазами.

— Привет, — сказал он хриплым шепотом, как дух на спиритическом сеансе. — В чем дело?

ГЛАВА XIV

— Простите, что нарушаю ваш сон, мистер Фиппс, — извиняющимся тоном произнесла Билл, — но мне одной с ним не справиться.

Билл жестом указала на тело, лежащее на полу.

— Может, вы мне пособите? Ум хорошо, а два лучше. Фиппс шатаясь поднялся с дивана. Его затуманенному взору предстало неподвижное тело — картина, столь часто описываемая в любимых им детективах. Ни в одном из них не обходилось без обнаружения трупа на ковре. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что к рисунку ковра он отношения не имеет. Фиппс зажмурился в надежде, что это обман зрения. Но, открыв глаза, увидел труп на том же месте.

— Что с ним? — запинаясь, спросил он. — Зачем он тут лежит?

Билл удивленно подняла брови.

— Вы, конечно, припоминаете, как, руководствуясь, видимо, самыми лучшими намерениями, трахнули его бутылкой по голове?

— Господи! Я?

— Не могли же вы забыть!

— Я вообще ничего не помню, — ответил дворецкий бесцветным голосом. — А что случилось?

— Началось с того, что вы заспорили о претензиях Абиссинской церкви на апостольское преемство.[15]

— На что?

— Вы и про Абиссинскую церковь забыли?

— Никогда не слыхал про такую.

— Это такая церковь в государстве Абиссинском, и Джо Дэвенпорт заговорил о ее притязаниях на апостольское преемство. Он одной точки зрения придерживался, вы — другой. Вы так говорите, он эдак. Слово за слово. Страсти разгорелись, и дошло до того, что вы стукнули его пузырем по темечку. Хрясь — и парнишка готов.

— Но не совсем же… готов?

— Это я для красного словца. Преувеличила.

— То-то же, — сказал Фиппс, проводя ладонью по пепельно-бледному лбу. Он бессильно упал на стул и горестно запыхтел. Так и застали его вошедшие вскоре Смидли и Кей, которая внесла огромное блюдо с бутербродами. Билл одобрительно посмотрела на плоды ее рук. У нее как раз проснулось чувство голода.

— Адела, должно быть, спит, — объявил Смидли. — Я довольно долго стоял возле ее двери, слушал-слушал — тишина. Батюшки, — встрепенулся он, упав взглядом на тело Джо. — Это еще что такое?

— Несчастный случай, — быстро ответила Билл. — Фиппс треснул его бутылкой. Мы как раз вспоминали обстоятельства этого события, когда вы вошли.

Глаза Кей стали квадратными. Кровь отхлынула от лица. Она стояла, уставившись на тело, блюдо крупно дрожало в ее руках. Билл предусмотрительно приняла его. И тут Кей с криком бросилась на грудь распростертого Джо.

— О, Джо, Джо! — причитала она.

Билл, пряча довольную улыбку, откусила бутерброд. Сердечной женщине всегда приятно видеть, что она преуспела в соединении юных сердец. Доев бутерброд, Билл взялась за второй. С сардинкой, удовлетворенно отметила она. Билл любила бутерброды с сардинами.

— Треснул его бутылкой? — переспросил Смидли.

— Сгоряча, — пояснила Билл. — Фиппсу присуща горячность.

— Господи милостивый!

— Да, неприятно. Можно сказать, подпортил вечеринку. Но нет худа без добра. Клиент протрезвел.

— Разве? Тогда послушай-ка…

— Кажется, он мертв, — сказала Кей, подняв побелевшее лицо.

— Не думаю, — возразил Смидли и тут же оставил эту тему, перейдя к той, которая волновала его гораздо больше. — Так ты говоришь, он протрезвел?

— Вполне. Рассуждает здраво.

— Значит, пора ему приняться за дело. Хватит дурака валять. Фиппс!

— Сэр? — отозвался тот, приняв свой обычный почтительный тон.

— Надо работать.

— Да, сэр.

— Хватит чудить.

— Да, сэр.

— Все вернулось на круги своя, — прокомментировала Билл, выбирая третий бутерброд.

Она с удовлетворением отметила, что Кей осыпала неподвижное лицо Джо жаркими поцелуями и орошала горючими слезами. Именно так, насколько ей помнилось, она себе и представляла развитие событий. Все шло по плану. Она чувствовала себя режиссером, группа которого действует в соответствии с указаниями.

— О, Джо! Дорогой Джо! — рыдала Кей. — Ой, он жив! — вскричала она, опять подняв лицо.

— В самом деле?

— Он шевельнулся.

— Прекрасно, — сказала Билл. — Отличная новость. Ну, Фиппс, на этот раз ты избежал электрического стула.

— Рад слышать, мадам.

— Но, может, он от тебя не уйдет.

— Что-что, мадам?

В глазах Кей сверкнули молнии. Раньше она относилась к Фиппсу с симпатией, но теперь для нее не было на свете человека, более ненавистного, чем он.

— Вы могли его убить, — сказала она. Слова ее звучали жестко. Она произносила их со скрежетом зубовным, как охотник, всадник и стрелок из рассказа Билл, и приправляла злым шипеньем.

Фиппс, не теряя почтительности, оспорил это утверждение.

— Я бы не смог зайти так далеко, мисс. Просто слегка шлепнул его по голове, это часто случается в религиозных диспутах. Но если позволительно будет сказать, я глубоко скорблю, что дал себе волю. Глубочайшим образом скорблю, мисс…

Смидли нетерпеливо прервал его. Он был не в настроении слушать, как дворецкий упражняется в красноречии.

— Хватит речей. Сегодня не Четвертое июля.

— Ваша правда, сэр.

— За дело, дружище, за дело.

— Да, сэр.

— Следуйте за мной.

— Слушаюсь, сэр.

Дверь закрылась за ними. Билл по-матерински улыбнулась Кей и присоединилась к ней у изголовья больного. Она внимательно посмотрела на страждущего, который подавал явные признаки жизни, понемногу выходя из комы.

— Через минуту очухается, — уверенно констатировала Билл. — Ставлю десять центов за то, что первыми его словами будут: «Где я?»

Джо открыл глаза.

— Где я? — спросил он.

— Прошу мои десять центов, — сказала Билл. Джо сел.

— Черт! — прохрипел он.

— О, Джо! — сказала Кей.

— Ой, моя голова! — простонал Джо.

— Головка бо-бо, — сказала Билл. — Тебе нужно на свежий воздух. Мы тебя выведем в сад. Помоги мне, Кей.

— Я сделаю тебе компресс, дорогой, — нежно проворковала Кей.

Джо моргнул.

— Это ты сказала «дорогой»?

— Конечно, я. Джо опять моргнул.

— И еще… Был то дивный сон или ты вправду меня поцеловала?

— Конечно же, она тебя поцеловала, — подтвердила Билл. — и почему бы ей тебя не целовать? Ты разве забыл? Я ведь говорила, что она тебя любит. Двигаться можешь?

— Думаю, могу.

— Тогда мы тебя выведем и мокнем головой в драгоценный Аделин бассейн.

Джо моргнул в третий раз. Даже от такого минимального мускульного усилия у него из глаз посыпались огненные искры, но физическая боль показалась ему чепухой по сравнению с неземным счастьем, которое вошло в его сердце. В ушах его зазвучала небесная музыка. Знакомые предметы обрели свежую прелесть. Даже грубоватое лицо Билл, которое добрые люди сравнивали с физиономией немецкого боксера, засияло девичьей красотой, заставившей бы самого разборчивого джентльмена вспомнить о своей заветной красной книжице с номерами телефонов.

Что же касается Кей, то, казалось Джо, если бы ей добавить парочку крыльев, она бы смело могла войти в сонм серафимов и херувимов, и никто не усомнился бы, что она из их числа. Он зачарованно смотрел на нее.

— Ты меня любишь?

— Ясно, любит, — ответила за нее Билл. — Сколько раз можно повторять? Обожает. Боготворит. Она бы жизнь отдала за одну розу из твоей прически. Но у тебя будет возможность обсудить детали, когда она станет окунать тебя головой в бассейн. Так что — вперед без страха и упрека. Ты, наверное, чувствуешь себя киногероем, который невзначай огорчил Эррола Флинна.[16]

Поддерживая болящего под руки, женщины вывели его в сад. Едва успели они выйти из комнаты, туда вошла Адела в сопровождении сонного лорда Тофема, который, спотыкаясь, плелся за ней. Насколько бодра и жизнедеятельна была Адела, настолько сомнамбуличен был ее кавалер. Нащупав кресло, он упал в него и закрыл глаза.

ГЛАВА XV

Есть одна тонкость в таком деликатном деле, как стояние под дверью золовки с целью убедиться в том, что она спит: при этом надо самому не сопеть, дабы не нарушить ее сон. Не отдавая себе в том отчета, Смидли во время недавнего визита в окрестности спальных апартаментов Аделы дышал чрезвычайно шумно. Тому способствовало и волнение от предстоящего взлома, и эмоциональное возбуждение, спровоцированное словами Фиппса о старом пьянице. От всего этого он пыхтел, как жеребец на финише национальных скачек.

Кроме того, он громко скрипел половицами, а один раз, не удержав равновесия, проехался кулаком по двери спальни. Собственно, единственное, что ему оставалось — прозвенеть над ухом Аделы будильником. Так или иначе, через полторы минуты после его приближения Адела проснулась, села на постели, а при ударе по двери встала. С видом амазонки, надевающей доспехи, собираясь на битву, она надела халат и прислушалась.

Звуки за дверью прекратились. Осторожно выглянув в щелку, она никого не увидела. Но следы постороннего присутствия были для нее очевидны. Поэтому она решила произвести тщательное расследование. В чем-в чем, а в недостатке храбрости Аделу Шэннон-Корк никто не мог бы упрекнуть. Включая дюжину режиссеров немого кино и трех покойных мужей. Как уже было сказано, она терпеть не могла всяких глупостей, а под глупостями подразумевала и незаконное вторжение в собственные владения между часом и двумя ночи.

Но даже самая неустрашимая из женщин нуждается в такие минуты в твердой опоре, и потому, по недолгом размышлении, Адела проследовала в комнату лорда Тофема, где ей пришлось приложить больше усилий, чтобы хоть ненадолго обратить его к деятельности, нежели потребовалось Смидли, чтобы разбудить ее самое.

Лорд Тофем капитально настроился на ночной отдых, но Адела не стала церемониться.

— Лорд Тофем!

Ответом ей стало ровное спокойное дыхание. Лорд Тофем если и не напоминал Наполеона Бонапарта по другим статьям, имел с ним одно общее свойство — отключаться в тот самый момент, когда голова его касалась подушки или, как в данном случае, спинки кресла.

Адела повысила голос.

— Лорд Тофем!

Этот настоятельный зов поднял бы ото сна любого. Заокеанский гость открыл глаза. Сам Наполеон в сходных обстоятельствах открыл бы глаза. Голосу Аделы недоставало громоподобия, но когда волнение заставляло его повысить, он звучал с редкой убедительностью.

— А?

— Проснитесь.

— Я разве спал?

— Да, спали.

Лорд Тофем вспомнил только, что минуту назад он отплясывал румбу на Пиккадилли, и согласно кивнул.

— Правильно. Спал. Мне снилась Милашка.

— Кто?

— Одна девушка из Лондона. Мне снилось, как мы с ней гуляем по Пиккадилли Серкус. И заходим в разные места. Интересно, — улыбнулся он, — что бы это значило, гулять во сне по Пиккадилли Серкус?

Адела не относилась к числу психоаналитиков-любителей, с готовностью выслушивающих чужие сны и с удовольствием их толкующих. Она не проявила никакого интереса к истории с Милашкой и только нетерпеливо шмыгнула носом. И тут же издала громкий крик. Ее блуждавший по комнате взгляд уперся в поднос с бутылками.

— Смотрите!

Лорд Тофем мечтательно вздохнул.

— Я вам расскажу про Милашку. Я ее обожаю, но как раз накануне моего отъезда в Америку мы повздорили. Она прелестная девчушка…

— Вы только посмотрите на эти бутылки!

— … и ужасно трогательная.

— Кто их сюда принес?

— Жутко трогательная. Пикантная такая, а трогательная. Невероятно.

— КТО ПРИНЕС СЮДА ЭТИ БУТЫЛКИ? Я не ошиблась. В доме взломщики.

Лорд Тофем снова вздохнул. Ему показалось, что сейчас самое время открыть душу ближнему и рассказать о трагедии, которая ее омрачала.

— Она во всех отношениях сущий ангел, вот только страшно обидчива. Вы не поверите, но из-за того только, что я сказал, будто в новой шляпке она похожа на Бориса Карлова,[17] она надавала мне по шее и заявила, что не хочет больше видеть меня ни на этом свете, ни на том. Но я же мужчина, у меня тоже гордость есть, я, конечно, в долгу не остался…

— Замолчите вы. Слушайте!

Адела подняла глаза к потолку. Из располагавшейся наверху просмотровой комнаты раздался какой-то странный звук. Это Смидли, преисполненный желания быть полезным, вспомнил, что кое-какие необходимые для работы материалы остались внизу, и, кинувшись к двери, опрокинул по пути табуретку.

— В просмотровой кто-то есть. Лорд Тофем! ЛОРД ТОФЕМ!

Лорд Тофем как заколдованный принц очнулся от грез. Ему начинало казаться, что ночь выдалась какая-то неспокойная.

— А?

— Пошли.

— Куда?

— Наверх.

— Зачем?

— В просмотровой грабители.

— В таком случае будь я проклят, если туда пойду, — сказал лорд Тофем. — Я не успел вам доложить, что позавчера послал Милашке авиаписьмо, где в тщательно выбранных выражениях признал свою вину и просил помириться. Только осел на моем месте отправился бы сейчас, когда я с минуты на минуту ожидаю ответа, на встречу с бандитами. Понимаете? Я телеграмму жду!

Немало людей поняли бы его чувства. Очень осторожный и осмотрительный молодой человек, сказали бы они, трезво мыслящий. Но Адела придерживалась другого мнения. Она что-то негодующе пробормотала и заметалась по комнате, как львица в клетке. И тут она обнаружила, что дверь на террасу отворена.

— Лорд Тофем!

— Ну что еще?

— Дверь открыта.

— Дверь?

— Вот эта дверь.

— Открыта?

— Да.

Даже не совсем стряхнувший дремоту лорд Тофем ухватил суть. Повторяя «Дверь? Какая дверь? Вот эта дверь?», он посмотрел в указанном направлении.

— Да, — признал он. — Точно. Правильно. Я понимаю, что вы имеете в виду. Это о чем-то свидетельствует. Вы говорили, что в доме грабители?

— Да.

— Тогда помяните мои слова — они пробрались в дом через эту дверь, — сказал лорд Тофем и заснул.

— В холле кто-то ходит! — вскричала Адела. — Лорд Тофем! ЛОРД ТОФЕМ!

— А? Что там еще?

— Я слышу шаги в холле.

— Неужто? Надо же…

Адела схватила с подноса бутылку и сунула в руки компаньона. Он воззрился на нее с видом человека, впервые увидевшего перед собой такой предмет.

— Это зачем?

— Вам нужно оружие.

— Кому, мне?

— Да.

— Оружие?

— Да.

— Зачем?

— Как только он войдет, бейте по голове.

— Кого?

— Того, кто в холле.

— У меня нет ни малейшей охоты лупить кого-то бутылками.

Дверь отворилась, и в проеме появилась внушительная фигура, при виде которой все бурлившие в Аделе страсти единым потоком выплеснулись наружу.

— Смидли! — вскричала она.

— Уф! — выдохнул Смидли.

— Мне бить? — осведомился лорд Тофем.

— Какого черта, — сказала Адела, — какого черта ты шляешься по дому среди ночи?

Смидли стоял в дверях, с трудом сглатывая подступивший к горлу ком и безуспешно пытаясь совладать с самым тяжелым ударом из тех, что сыпались на его голову в эту ужаснейшую из ночей. Не очень-то приятно для чувствительного мужчины, входящего в комнату, чтобы сбить коктейль, обнаружить там золовку, которая и при более благоприятных условиях вызывает у него ощущения кролика перед удавом.

Он так и не справился с комком в горле. С бледных губ его срывались какие-то нечленораздельные звуки. Его сходство со смертельно побледневшим римским императором, могущественным Гаем Юлием Цезарем, попавшим под удары кинжалов, достигло невероятной близости,

хотя лорду Тофему, незнакомому с пьесой, в которой фигурирует этот великий образ, Смидли скорее напоминал нашкодившего кота, ожидающего хозяйского гнева. В детстве у лорда Тофема была черепаха, которая часто огорчала все семейство своим поведением, похожим на поведение Смидли в данную минуту.

Чтобы снять напряженность, он повторил свой вопрос:

— Так мне бить или не бить?

— Нет.

— Не надо?

— Нет.

— Ну и ладно, — мирно ответил лорд Тофем. — Мое дело спросить.

Адела пылала возмущением.

— Ну, Смидли?

Смидли наконец обрел дар речи.,

— Мне… мне не спится. А ты почему здесь?

— Я услышала шум в доме. Шаги, чье-то пыхтенье. Я разбудила лорда Тофема, мы спустились сюда и нашли эти бутылки.

Смидли, которому еще трудно давались слова, с усилием поддержал беседу.

— Бутылки?

— Бутылки.

— Ах, да. Бутылки. Их, наверное, Фиппс здесь оставил, — сказал Смидли, бросив испуганный взгляд на потолок.

Адела издала неопределенный звук. Она никогда не была высокого мнения об умственных способностях деверя, но сейчас ей открылись неизведанные глубины его идиотизма.

— За каким же чертом понадобилось Фиппсу приносить сюда пятьсот пятьдесят семь бутылок?

— Дворецкие расставляют бутылки по всему дому, — отважно предположил Смидли.

Лорд Тофем поддержал это утверждение. В его жизни дворецкие занимали очень большое место, и он хорошо знал их привычки.

— Абсолютно верно. Он прав. Они ведь что, они этим и знамениты. Бутылки, всюду бутылки, мало ли кому и когда захочется сделать глоток.

Адела фыркнула. В ее глазах лорд Тофем мгновенно уравнялся по уму со Смидли.

— Наверное, это Фиппс шумит сейчас в просмотровой? — ехидно спросила она.

Смидли издал предсмертный крик. Он настолько привык к

опрокидыванию табуреток или чего ни попадя, что ему в голову не пришло связывать шум, о котором говорила Адела, с собственной неуклюжестью. Ему показалось, что если речь зашла о шуме, то Адела сию секунду поднимется наверх и выяснит причину. Что же тогда будет?..

Он стоял, судорожно кривя губы, моргая и совершенно не представляя себе, где искать выход из создавшейся ситуации. Но тут у него отлегло от сердца. В дверь с террасы входила Билл — как всегда спокойная и уверенная, олицетворение самой надежды. Обстоятельства осложнились до такой степени, что справиться с ними уже не представлялось возможным, и если кто-то на земле мог пролить масло на эти бушующие волны, это была старая верная Билл.

Адела встретила сестру с заметно меньшим удовольствием.

— Вильгельмина!

— А, привет, Адела. Привет, Смидли. Приветик, лорд То-фем.

— И вам приветик, мисс Шэннон. Мне ее бить? — спросил он, потому что ему казалось нелепым держать в руках бутылку, орудие для битья, и не применять его на деле.

— Помолчите лучше, — оборвала его Адела. — Что ты здесь делаешь, Вильгельмина?

— Гуляю. У меня бессонница. А ты что?

— Я услышала шум.

— Игра воображения.

— Нет, воображение тут ни при чем. В просмотровой комнате кто-то есть.

Билл напряглась. Дело принимало плохой оборот. Она справедливо заподозрила, что Смидли, должно быть, грохнулся сам или грохнул что-нибудь, перебудив весь дом. Фиппс, настоящий виртуоз, работает беззвучно.

— В просмотровой?

— Я слышала, как скрипят половицы.

— Мыши, наверное.

— Какие к черту мыши! Это грабитель.

— Ты подымалась наверх?

— Нет, конечно. Не хватало еще, чтобы мне башку снесли!

— Вот и я про то же, — подхватил лорд Тофем. — Я объяснял нашей любезной хозяюшке, что как раз перед отъездом из Англии поссорился с Милашкой, и написал ей тщательно продуманное авиаписьмо, на которое жду ответа с минуты на минуту. Вот почему мне не хочется получать по кумполу от ночных визитеров, не прочитав ответной весточки — надеюсь,

благоприятной. Конечно, когда мы расставались, бедняжка позволила себе очень резкие выражения, рвала мои фотографии и топтала их каблуками, но, как я всегда говорю, время — великий целитель…

— Да замолчите вы!

— Бедный лорд Тофем, — сказала Билл. — В этом доме у вас столько же возможностей высказаться, как у попугая Таллулы Бэнкхед. Значит, вы поссорились с девушкой?

— Очень крупно. Это было сражение века. Все началось из-за новой шляпки, которая, как я сказал — мне сейчас понятно, что несправедливо, — придает ей сходство…

— Лорд Тофем!

— Да?

Адела сцепила зубы.

— Я не желаю больше слышать про вашу Милашку.

— А разве она моя? Это вопрос спорный.

— Да черт бы вас подрал вместе с вашей драной Милашкой! — заорала Адела, переходя, как всегда в минуты откровенности, на язык улицы времен немого кино, когда девушке, желавшей чего-то добиться, следовало себя подать. Остатки спокойствия улетучились. Молодой пэр не навлек бы на себя большей ярости, даже если бы, как говорят киношники, украл у нее эпизод. — Прекратите ваш дурацкий треп про эту жалкую шепелявую дрянь с крашеными волосами, с которой вы шлялись по подворотням! Меня сейчас интересует только тот тип в просмотровой.

Билл покачала головой.

— В просмотровой никого нет.

— А я говорю, есть.

— Может, мне пойти проверить?

— Что с тебя проку? Нет уж, подождем полицию. Смидли рухнул на диван. Конец.

— П-п-полицию?

— Я позвонила из спальни. Не пойму, почему их до сих пор нет. Пешком, что ли, идут. Послали, наверное, каких-нибудь придурков с Беверли-Хиллз… А! Вот они, голубчики.

С террасы в комнату вошли сержант и патрульный.

ГЛАВА XVI

Сержант был крутым, грозным сержантом, будто высеченным из камня. Патрульный тоже был крутым, грозным патрульным, производившим точно такое же впечатление. Они вошли с достоинством людей, уверенных в своей способности защитить закон и порядок и поставить на колени самого матерого преступника.

— Добрый вечер, мэм, — сказал сержант.

Алела не решила, как ей следует реагировать. Женщины в таком состоянии привыкли к тому, что их желания выполняются немедленно.

— Добрый, — ответила она. — Что-то долгонько вас не было. Чем это вы занимались? В канасту дулись?

Сержант обиделся.

— Как смогли, так и пришли. Вы заявляли о грабеже? Адела решила поставить его на место.

— А вам там в участке разве не сообщили? Я подробно объяснила по телефону, что в доме грабители. Они наверху, в просмотровой комнате.

— Где конкретно?

— В комнате непосредственно над этой. Смидли, проводите полицейских в просмотровую.

Смидли задрожал всем телом, как римский император, заслышавший голос предводителя мятежников, ворвавшихся в его резиденцию: «А вот и мы, Гальба» или «Вителлий», или «Калигула» (ненужное зачеркнуть). Он бросил умоляющий взгляд на Билл, словно прося не оставлять его в беде.

Билл, как всегда, оказалась на высоте.

— Абсурд. Никаких грабителей там нет.

— Ничего не абсурд. Я собственными ушами слышала странные звуки.

Билл встретилась глазами с сержантом и подмигнула ему.

— Слышала странные звуки! Ха-ха! Ох уж эта женская впечатлительность. Бедные мы, бедные, робкие, трепетные существа!..

— Послушайте, уж ежели я и затрепещу…

— Наша сестра — комок нервов, а, сержант?

— Да, мадам. У меня жена такая.

— И у меня, — добавил патрульный.

— Все женщины одинаковы, — сказала Билл. — Это у нас из-за строения черепа.

Сержант с ней согласился. Патрульный сказал, что тут собака и зарыта. Его жена, сказал патрульный, свято верит во всякие знамения, ее нипочем не заставишь, к примеру, пройти под лестницей; а его жена, сказал сержант, первого числа каждого месяца приговаривает: «Кролики, кролики, кролики», потому что кто-то ей вбил в голову, что если говорить каждого первого числа «кролики, кролики, кролики», то непременно получишь подарок. Чушь, конечно, а вот поди ж ты!..

— Послушайте… — прервала их Адела, обнаруживая признаки нетерпения.

— Погоди, Адела, — не дала ей сказать Билл. — А вы присядьте, — обратилась она к блюстителям закона, — и расскажите нам про ваших жен поподробнее.

Это было очень соблазнительное предложение, и какую-то долю секунды сержант взвешивал его. Но строгий ангел-хранитель полицейских сил Беверли-Хиллз всегда на страже, и сержант остался непреклонен.

— Не сейчас, мэм, — сказал он. — Нам все же надо осмотреть просмотровую комнату в соответствии с пожеланием хозяйки.

— Напрасная трата времени, — рассудительно откомментировала Билл.

— Да, — с лихорадочной искренностью добавил Смидли. — И вообще, вам там не понравится.

— Да и спешки никакой нет, — сказала Билл. — У нас еще вся ночь впереди. Присядьте-ка и давайте выпьем.

Случайный прохожий, оказавшийся в этот момент свидетелем событий, решил бы, что неподалеку взорвался склад горючего. Но то была Адела.

— Елки-палки! — Адела трагически воздела руки. — Присядьте! Выпьем! У нас тут что, встреча выпускников средней школы?

Сержант сокрушенно покачал головой. Поднос с бутылками не ускользнул от его взгляда, полицейские — народ наблюдательный, и глаз его заинтересованно блеснул, когда предложили продегустировать их содержимое. Как жаль, подумалось ему, что эта превосходная женщина, похожая на немецкого боксера, — не самая главная. У этой, все думал он, головка — что надо. Но заправляет тут, видно, другая дама, чье лицо он вроде где-то видел, а направление мысли — не одобряет.

— Нет, спасибо, мэм, — мужественно ответил он той, что посимпатичней. — На службе нельзя. Пошли, Билл.

— Вас зовут Билл? — спросила Билл.

Патрульный ответил «да», и Билл сказала «так-так-так».

— И меня тоже, — добавила она. — Какое приятное совпадение! Давайте присядем вот тут на диванчике и поговорим как Билл с Биллом.

— Попозже, мэм, — сказал сержант. Он взглянул на потолок, и лицо его приняло то напряженное выражение, которое используют полицейские при исполнении. — Сдается мне, там какой-то шум. Скрипит вроде что-то.

— В старых домах всегда по ночам скрипит, — сказала Билл. — Этот дом, насколько мне известно, построили в эпоху раннего Сесиля де Милля. [18]

— По-моему, — сказал патрульный, — звук какой-то такой… Будто скребется кто.

Билл навострила уши.

— А, понятно, — нашлась она. — Я знаю, кто это. Пудель моей сестры. У него ужасно чувствительная шкурка, он все время чешется. Прямо как в стишке: «Одна юная дама из Далласа почему-то всегда чесалася». А вы любите собак, сержант?

— Да, мэм. Я держу дома собаку.

— Какой породы?

— Скотч-терьер, мэм.

— Самая лучшая порода. Умнейшие животные, эти скотчи.

— Умные? Не сказал бы.

— Зато послушные, — сказал патрульный, которому нетерпелось поговорить про своего бостонского терьера.

— Хватит, наслушалась, — оборвала его Адела, которая никак не могла взять в толк, что происходит. — Эй вы, полицейские из комедии! Вы собираетесь заниматься своими прямыми обязанностями?

— Конечно, мэм, конечно, — успокоил ее сержант. — Пошли, Билл.

Они направились к двери, и Смидли сопроводил их отчаянным стоном обреченного. Ноги у него подкосились, он упал прямо на сержанта, который упал на Аделу, которая спросила, что это он изображает — игру в футбол или сцену из фильма «Почтальон всегда звонит дважды»?

— Простите, мэм, — галантно произнес сержант. — Меня уронил на вас этот джентльмен. — Тут его осенило. — А вы, часом, не Адела Шэннон?

— Она самая.

— Разрази меня Бог! То-то я смотрю, лицо знакомое. Я видел вас в немом кино. Билл, помнишь Аделу Шэннон?

— Ясно, помню, — ответил патрульный. — Она была Владычицей Вулкана Страстей.

— И осталась, — сказала Билл. — А вы киноман, сержант?

— Да, мэм. Вы тоже связаны с кино?

— Уже нет. Я работала в «Суперба-Лльюэлин», но меня вышибли.

— Жаль. Что ж, дело житейское.

— Да, житейское. Патрульный горько рассмеялся.

— Вот он, Голливуд-то. Смех и грех.

Билл с интересом взглянула на него. Потом обернулась к сержанту.

— Похоже, ему Голливуд не по душе.

— Это правда, мэм.

Адела заскрипела зубами, сжала кулаки и заговорила подчеркнуто ровным тоном человека, из последних сил сдерживающего ярость, которая, если вырвется наружу, натворит много бед. Как и Смидли, пребывавший в полуобморочном состоянии, она чувствовала себя не в своей тарелке. Ненавязчиво усердные полицейские воздействовали на нее как один венский режиссер, памятный ей по старым временам, на голову которого она, в интересах искусства, обрушила бутафорский меч из фильма «Приветствуем тебя, Цезарь!»

— Можно на минуточку занять ваше внимание? — сказала она. — Намерены ли вы в ближайшее время предпринять какие-то действия или эта конференция продлится вечно? Вы зачем сюда пришли — преступников арестовывать или про собак болтать? Ответьте, если не трудно, — закончила она с очаровательной улыбкой.

Билл мягко, но решительно охладила ее пыл.

— Потерпи немножко, Адела. У нас целая ночь впереди. Так почему ваш приятель не любит Голливуд?

Чело сержанта омрачилось.

— На прошлой неделе он попытался определиться на работу на студию «Медула-Облонгата-Глутц», и его не взяли. Ему хотелось сниматься в комедии положений, а он им не показался.

— Шутите!

— Нет, мэм, так они и сказали.

— Странно. На мой взгляд, он идеально подходит для комедии положений.

— Конечно, подхожу, — сказал патрульный. — Но они все одна шайка-лейка. Не хотят дать дорогу новому таланту.

— Да, с этим туго, — сказала Билл.

— Вы правы, — согласился сержант. — Жестокий мир. Знаете, когда я пробовался на роль Суперколосса, они имели наглость заявить, что мне не хватает драматизма.

— Невероятно.

Тяжкий вздох вырвался из груди Аделы, из самой глубины сердца. Дух ее был сломлен.

— Господи, дай мне силы! — простонала она. — Звоню в полицию, а мне присылают актеров-неудачников. Пойду прилягу. Лорд Тофем! ЛОРД ТОФЕМ!

Лорд Тофем, моргая, вскочил с места.

— А? Что? Это Милашка? Адела откликнулась не сразу.

— Нет, — наконец проговорила она. — Это не Милашка. Лорд Тофем, вы мне как заноза в заднице. Я вас не слишком обременю, если попрошу пойти со мной в спальню?

— Пойти с вами в спа…

— Когда дом кишит бандитами и сумасшедшими, я не рискну одна подняться по лестнице.

Лорд Тофем вздохнул с видимым облегчением.

— Ах да, конечно, конечно, — сказал он. — Я было подумал… Ха-ха, вот дурак! Абсолютно. Да, да. Я понимаю.

— Захватите эту бутылку.

— А? О, нашу дорогую бутылочку! Дело. Дело.

— Когда вы кончите обсуждать свои актерские неудачи, — обратилась Адела к сержанту, — в просмотровой обнаружите грабителей. Я им крикну через дверь, попрошу подождать. Пошли, лорд Тофем.

— Только после вас, — галантно произнес лорд Тофем.

— Чтобы мне первой глаз вышибли? — возразила Адела. — А если они в холле шныряют?

Лорд Тофем вышел первым, за ним Адела. Сержант, которого насторожили ее последние слова, засуетился.

— Нам тоже надо идти.

— Да не торопитесь, — попросил Смидли.

— Простите, сэр, долг зовет.

— Мне хочется дослушать про комедию положений, — остановила их Билл. — Прошу вас, сядьте и выпейте чего-нибудь.

— Спасибо, мэм, нет.

— Ну, если захотите, скажете.

— Хорошо, — ответил сержант.

— А вам?

— Нет, спасибо, мэм.

— Захотите — скажите.

— Хорошо, — ответил патрульный.

— Так-то лучше, — сказала Билл. — Сядем рядком, поговорим

ладком. Почему же на студии «Медула-Облонгата-Глутц» решили, что вы не годитесь для комедии положений?

— Вот взгляните на меня, — грустно сказал патрульный.

— Чем я хуже Кларка Гейбла?[19] Чего мне не хватает?

— Усов, десяти миллионов долларов и леди Сильвии Эшли.[20] Сержант почувствовал, что его товарища не поняли.

— Он в смысле таланта, мэм.

— Ах, таланта!

— Да, таланта, — согласился патрульный. — У меня талант. Я знаю. Вот этим местом чую, — хлопнул он себя по груди.

Билл перевела глаза на сержанта.

— А у вас тоже талант?

— Еще какой! — ответил сержант. — Это у меня драматизма мало? Во, послушайте. Бросай пушку, ты, крыса! Ты меня знаешь. Я крутой Том Хеннеси, фараон, кого хошь достану. Ах, ты так? Бах-бах! Тут я стреляю и укладываю его на месте,

— пояснил сержант. — Там еще дальше есть, но я только для примера.

— Волшебно, — сказала Билл. — Острая, волнующая картина реальной жизни, вызывающая ужас и сострадание.

Сержант скромно потупился, вычерчивая огромной ножищей круги на ковре.

— Спасибо, мэм.

— Не за что.

— Если захотите, загляните как-нибудь в участок, я вам еще покажу.

— С нетерпением буду ждать случая.

— Вот я какой, мэм. А они меня завернули.

— Голливуд!

— Голливуд!..

— То-то и оно, Голливуд, — поддержал их патрульный. — Вот, глядите, мэм. Это что?

Он ухмыльнулся.

— Радость? — догадалась Билл.

— Точняк, радость. А это? Он сжал губы.

— Печаль!

— Печаль, в аккурат. А это? Он поднял брови.

— Ужас?

— Опять в точку, ужас. Я еще и ненависть могу. Но лучше всего мне дается комедия положений. Вроде того, как парень встречает девушку и

начинает дурить ей голову. Да разве этим ослам чего докажешь? Ни в жисть. Завернули они меня.

— Голливуд! — сказала Билл.

— Голливуд, — сказал сержант.

— Да уж, Голливуд, — сказал патрульный.

— Блеск и слезы, — подытожила Билл. — А вот и Фиппс. В комнату проскользнул дворецкий. Если он и удивился или испугался, увидев полицейских, то ничем себя не выдал. У него был обычный невозмутимый вид.

— Я пришел узнать, не требуется ли вам чего, мадам.

— Нет, спасибо, — ответила Билл.

— Это ктой-то? — спросил сержант.

— Дворецкий моей сестры. А это сержант…

— Уорд, мэм. И патрульный Морхаус.

— Спасибо. Мистер Фиппс — сержант Уорд и патрульный Морхаус.

— Здравствуйте, — сказал Фиппс.

— Приятно познакомиться, — сказал сержант.

— Привет! — сказал патрульный, всем видом выражая радость.

Билл проявила заботу по отношению к дворецкому.

— Уже поздно, Фиппс. Вам что, тоже не спится?

— Да, мадам. Я страдаю бессонницей. Со мной такое часто бывает.

— Овечек не пробовали считать?

— Пробовал, мадам, но безуспешно. В конце концов позволил себе вольность пройти в просмотровую и посмотреть «Вечно твоя, Эмбер».

Сержант не сдержал возгласа удивления:

— Как? Так это вы были в просмотровой?

— Да, сэр.

Сержант понял все. Его тренированный ум ухватил самую суть.

— Значит, это вы были. Вот тайна и разъяснилась. Все ясно, как белый день. А хозяйка подумала, там грабители.

— Речь идет о миссис Корк, — пояснила Билл. — Она только что нас покинула. Услыхала шум и встревожилась.

— Сожалею, мадам. Я старался приглушить звук.

— Не сомневаюсь.

Сержант облизал губы и поднялся.

— Ну, тогда мы пойдем. Спокойной ночи, мэм.

— Спокойной ночи. Берегите ваш талант.

— Сберегу, мэм.

— И успеха в творчестве.

— Спасибо, мэм. Как-то начинаешь терять в себя веру. Находишься по пробам, наслушаешься всякого…

— Голливуд!

— Голливуд…

— Он самый, Голливуд, — сказал патрульный. — Фальшивый город, где притворные улыбки скрывают трагедию и…

— Ладно уж, пошли, — прервал его сержант.

Билл затворила за ними дверь, и Смидли наконец вздохнул спокойно.

— Билл, — сказал он, — ты чудо.

— Спасибо, Смидли.

— Чудо, — повторил Смидли. Он обернулся к Фиппсу. — Эти типы намеревались подняться в просмотровую, а она их заговорила и удержала здесь.

— В самом деле, сэр? Должно быть, все это доставило вам много хлопот, мадам.

— Да, пришлось поволноваться. К счастью, они помешаны на кино.

С террасы вошли Джо и Кей.

— Джо полегчало, — объявила Кей.

— Прекрасно. И ты выглядишь неплохо.

— Еще бы, — сказал Джо. — Она выходит замуж *за меня.*

— Значит, все уладилось. Я в тебя верила. Кей, прими благословение тетки.

— Спасибо тебе, Билл.

— Отличная работа. Ты, верно, разделяешь мое мнение, Смидли?

Смидли пустился в пляс. Это могло означать радость, но, возможно, и раздражение. Ему недоставало драматической точности патрульного Морхауса.

— Да! Да! Да! — вскричал он. — Но мне теперь недосуг про это думать. Фиппс, вы его достали?

— Сэр?

— Дневник.

— Ах, да, сэр. Без проблем.

— Молодец, Фиппс, — похвалил Джо.

— Спасибо, сэр.

— Великолепно, Фиппс, — сказала Кей.

— Спасибо, мисс.

— Давайте сюда, — попросил Смидли.

Лицо дворецкого выразило почтительное сожаление.

— Простите, сэр, но вы просите о невозможном. Смидли опешил.

— То есть как? Вы же сказали, что достали его.

— Да, сэр. И хотел бы оставить при себе.

— Что?

— Да, сэр. Будут еще распоряжения, сэр? Благодарю вас, сэр. Спокойной ночи.

Он выскользнул за дверь, оставив позади себя тягостное молчание.

Билл первой нарушила его.

— Боже! Опять похитили! — Она умолкла, пытаясь совладать с чувствами. — Дай волю словам, Смидли, — сказала она наконец. — Скажи за нас за всех. Я все-таки дама.

ГЛАВА XVII

Как известно, существует много способов измерения времени, и с незапамятных времен ученый люд вел горячие споры, защищая ту или иную систему, причем, как ни прискорбно признать, немало остро разящих стрел выпустили противники друг в друга.

Иппарх Родосский, например, имевший собственные представления о том, как следует измерять время, назвал однажды Марина Тирского, придерживавшегося другого мнения, Марином Подтирским, что остроумно, но обидно. Когда же Пурбах и Региомонтан услыхали о воззрениях Ахмеда ибн Абдуллы из Багдада, то рассмеялись, и бесцеремонный Пурбах заметил, что Ахмед ибн Абдулла разбирается в измерении времени не лучше, чем кот его бабки, преглупейшее животное, а после того как мягкий сердцем Региомонтан со свойственной ему терпимостью напомнил, что Ахмед ибн еще молод, только ступает на тропу поисков истины и не следует судить его со всей суровостью, Пурбах спросил: «Неужели?», и Региомонтан ответил: «Да», и Пурбах переспросил: «Да??», и Региомонтан вновь ответил: «Да», и тогда Пурбах сказал, что его тошнит от Региомонтана. Это была их первая ссора.

Тихо Браге,[21] выдающийся датчанин, измерял время с помощью альтметров, квадрантов, азимутов, парапегм, армиллярной сферы и правил параллакса, и, по всеобщему мнению, способствовал ухудшению климата в Дании. В 1863 году Доллен выпустил в свет трактат «Измерение времени по Полярной звезде», ставший бестселлером, впоследствии известным как мюзикл Роджерса и Хаммерстайна под более броским названием «Северная Атлантика», где доказывалось, что Тихо Браге, после ежегодного сбора выпускников Копенгагенского университета, спутал азимут с армиллярной сферой, отчего все его выкладки полетели к чертям собачьим.

Истина же — в том, что время измерить нельзя. Смидли, бессильно лежавшему в кресле на террасе, в то утро казалось, что время остановилось. Меланхолия поставила на нем свой роковой знак, и каждое мгновение тянулось для него мучительно долго. Напротив, Фиппсу, оживленно сновавшему по кладовой, казалось, что златые минуты мчатся, как кони. «Тра-ля-ля», напевал Фиппс, и «Тидли-пом-пом». Во всем Беверли-Хиллз не найти было в то утро более веселого дворецкого. Лорд Тофем описал предыдущий день как самый безумный и веселый день[22]

радостного нового года, а Фиппсу казалось, что нынешний может занять второе место. Бог на небе,[23] и все хорошо на свете. В одном кармане — контракт с «Медула-Облонгата-Глутц», в другом — дневник на пятьдесят тысяч долларов. Чего еще желать?

После вчерашней ночи ему настоятельно требовался коктейль из брома с сельтерской. Он встал с постели и смешал себе порцию. Прихлебывая целительную смесь, он, напевая между глотками, взглянул на часы. Неужели полдень? Пора подавать йогурт.

Когда дворецкий появился на террасе, Смидли полулежал с закрытыми глазами и не слышал его шагов. Фиппс обратился к хозяину.

— Доброе утро, сэр, — сказал дворецкий, и Смидли от неожиданности подпрыгнул на месте.

— Уф, — выдохнул он. — Вы меня напугали.

— Хорошее средство от похмелья, сэр.

— Я не страдаю от похмелья.

— Прошу прощения, сэр. Не знал.

Смидли, пробужденный от грез, наконец осознал, что голос, нарушивший мир его мечты, принадлежал самому вероломному субъекту во всей Южной Калифорнии. Вероломному из вероломных.

— Ну что, вероломный, — сказал он, вкладывая в свои слова ненависть и отвращение, а во взгляд — презрение и гадливость, однозначность которых восхитила бы патрульного Морхауса, специалиста по этой части.

— Сэр?

— Я сказал — вероломный.

— Очень хорошо, сэр. Ваш йогурт, сэр.

— Уберите эту дрянь.

На террасу вошли Джо и Кей. Они погуляли по розарию, обсудили то да се. С точки зрения Кей, только любовь имела в их общей судьбе какое-то значение. Ей достаточно, говорила Кей, стать женой Джо, потому что Джо — просто агнец. Джо, допуская, что он агнец, и признавая всю значимость любви, утверждал, что для жизни не помешает кое-что еще, а с этого пункта разговор естественным образом перешел на Фиппса, который предательски вырвал у них из-под носа лакомый кусок. Надо бы, заметил Джо, сказать этому Фиппсу словечко-другое. Придя на террасу и застав его там, Джо воспользовался случаем.

— Ха! — воскликнул он. — А вот и наш трухлявый друган, туфтовый ловчила, культяпистый отверточник!

— Доброе утро, сэр. Кей тоже не смолчала.

— Как вы только смеете смотреть нам в глаза, Фиппс!

Дворецкий сокрушенно вздохнул. Его галантная душа была уязвлена обидой, которую ему пришлось нанести Юности и Красоте.

— Сожалею, что вынужден доставить вам неудобство, мисс, но, как говорит в таких случаях мисс Шэннон, это вызвано стратегической необходимостью. Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц.

Он слегка поморщился. Ночная попойка привела его к состоянию, в котором о яйцах лучше не вспоминать. В это утро завтрак Фиппса состоял из ломтика хрустящего хлебца и трех кружек черного кофе, причем даже хрустящий хлебец пришлось съесть через силу.

Джо пришла на ум другая поговорка:

— Волк в овечьей шкуре!

— Да, сэр. Точно так, сэр, — почтительно сказал Фиппс и обернулся к Смидли. — Если вы настаиваете, сэр, я вынужден поставить об этом в известность миссис Корк.

Смидли, как всегда — неудачно, попытался щелкнуть пальцами.

— Очень напугали!

— Хорошо, сэр.

— Отправляйтесь к своей миссис Корк и поцелуйте ее в зад.

— Очень хорошо, сэр. Я в точности исполню ваше приказание.

Дворецкий удалился, сопровождаемый буравящими взглядами шести глаз. Эмоции вырвались наружу, материализовавшись в словах.

— Змея! — сказал Смидли.

— Собака! — сказал Джо.

— Гадина! — сказала Кей.

Высказавшись, каждый из троих почувствовал себя лучше, но не намного, потому что и глупцу было ясно, что назревший кризис требует не слов, а действий. Эту носившуюся в воздухе мысль облек в слова Смидли.

— Надо что-то делать, — сказал Смидли.

— Что? — сказал Джо.

— Да, что? — сказала Кей.

Ага, подумал Смидли, я их зацепил.

— Слушайте! — сказал он. — Составлять какие-либо планы без Билл бессмысленно. Где Билл?

— В Садовой комнате, — ответила Кей. — Мы мимо нее проходили. Кажется, она трудится над мемуарами тети Аделы.

— Тогда пошли, — призвал Смидли.

Положа руку на сердце, он отнюдь не горел желанием посещать Садовую комнату, с которой связано столько печальных воспоминаний, но

раз уж Билл там, значит, идти надо, никуда не денешься. Интересы дела требовали рулевое колесо незамедлительно передать в руки Старой, Верной. У Смидли мелькнула мысль, что, если Билл в состоянии сейчас, после столь бурной ночи, сосредоточиться на этих гадких мемуарах, она — железная женщина. Это соображение вселило в него оптимизм. Бывают в жизни обстоятельства, когда мужчине больше всего нужно заручиться поддержкой железной женщины.

Билл, на взгляд бодрая, как ребенок, только что вставший с постельки после полуденного отдыха, сидела за письменным столом и, ничего вокруг не замечая, бойко наговаривала на диктофон.

«Ах, Голливуд, Голливуд, — частила она. — Блестящий город печалей, лукавой удачи и коварных искушений, где невинные души сгорают в кострах желаний, а красота гибнет в сетях греха». Если они такое не схавают, тогда уж и не знаю, что им нужно, подумала Билл. История Аделиной жизни, скучная, как асфальтовое шоссе, нуждалась в ярких вкраплениях. Как сказал бы лорд Тофем, абсолютно.

Увидев входящую к ней процессию, она приостановила рабочий процесс.

— Привет, мальчики и девочки. Боже, Смидли, ты выглядишь так, словно пережил всемирный потоп и спасся в Ноевом ковчеге! — воскликнула она и в очередной раз подивилась причудам женского сердца, которое способно хранить любовь к мужчине, превратившемуся в развалину. Сравнив Смидли с допотопным обломком прошлого, она польстила ему. На самом деле он больше напоминал неаппетитные отбросы в мусорном ящике, которыми побрезговала бы даже не слишком разборчивая кошка.

Смидли обиделся. Он и сам знал лучше кого бы то ни было, что выглядит не блестяще, но, подобно Региомонтану, решил побороться за справедливость.

— А ты чего ожидала? — запротестовал он. — Я две ночи не спал. Билл, что нам делать?

— Ты имеешь в виду Фиппса?

— Конечно, Фиппса. О чем еще можно сейчас думать? Билл понимающе кивнула.

— Это проблема, — согласилась она. — Вербуя Фиппса, мне следовало бы учесть, что он отличается редкостным вероломством.

— Я на него в суд подам! — вскричал Смидли. — Я до верховного суда дойду, если понадобится!

— Гм…

— Ну да, — тут же сник Смидли. — Ты, пожалуй, права. А что же нам остается?

— Нельзя ли как-нибудь его вынудить? — спросила Кей. Смидли понравилась ее идея. Его собственные мысли тоже вертелись вокруг чего-то в этом духе.

— Отличная мысль. Надо его запугать. Чтобы земля горела у него под ногами.

Билл пришлось рассеять этот утопический замысел.

— Дорогой мой Смидли, невозможно поджечь землю под ногами английского дворецкого. Он только поднимет брови и обдаст тебя ледяным презрением. Ты почувствуешь себя так, будто он увидел, что ты ешь с ножа. Нет, у нас только один выход — воззвать к остаткам его благородства. — Она встала с места и позвонила в звонок. — Успеха не гарантирую. Наличие даже этих остатков крайне сомнительно. — Она внимательно оглядела Джо. — Ты что-то подавлен, Джо. Настроение упало?

— Ниже табуретки.

— Взбодрись. Мир полон чудес, в нем — детский смех и пенье птиц.

— С птицами проблем нет. Но я собираюсь жениться, а в кармане у меня — последние десять долларов.

Билл опешила.

— Как, десять долларов? А куда делась тысяча? Джо не смог скрыть смущения.

— Скажу тебе всю правду, Билл. Помнишь казино, о котором мы с тобой говорили? После нашей гулянки со Смидли я решил попытать там счастья.

— Чем кончилась попытка?

— Неудачей. Но нет худа без добра. Перелли повезло.

— Он тебя высадил на всю тысячу?

— Десятка осталась.

— Безмозглый транжира! Кей была права. Тебя не назовешь homme serieux.

Кей вспыхнула.

— Никакой он не безмозглый транжира. Почему его нельзя назвать homme serieux? Очень разумно отправиться к Перелли. Не его вина, что фортуна повернулась к нему спиной.

Билл промолчала. С влюбленными спорить бесполезно.

— И вообще, дорогая тетя, — сказала Кей, — не вижу причин для беспокойства. Где один, там и двое, с голоду не помрем.

Билл с восхищением посмотрела на племянницу.

— С тобой не соскучишься, малышка. Если так и дальше пойдет, Джо ожидает веселенькая семейная жизнь в вашем гнездышке.

— В нашей халупе, ты хочешь сказать, — поправил ее Джо.

— Джо считает, что мы умрем в канаве.

— Зря считает, — возразила Билл. — В Голливуде канав нет. А, Фиппс! Прошу, присоединяйся!

Фиппс подошел к компании.

— Звали, мадам?

— Да. Доброе утро, Фиппс.

— Утро доброе, мадам.

— Бурная выдалась ночка.

— Да, мадам.

— Ноты в порядке, надеюсь?

— Если не считать легкой головной боли, мадам.

— Любишь кататься, люби и саночки возить. Соблюдай диету, Фиппс.

— Да, мадам.

— А как вообще дела?

— Что вас конкретно интересует, мадам?

Его поведение не сулило больших надежд. Фиппс отнюдь не напоминал человека, расположенного к серьезному разговору. Но Билл не собиралась сдаваться.

— Мадам интересует дневник. Не забыл, какой именно? С памятью нет проблем?

— Нет, мадам.

— В здравом уме и твердой памяти ты настаиваешь на том, чтобы оставить его у себя?

— Да, мадам.

— А потом продать и одному воспользоваться всей суммой?

— Да, мадам.

— Не хотелось бы оскорблять тебя в лучших чувствах, — сказала Билл, — но ты просто портовый жулик.

Эти слова ему скорее польстили, нежели обидели его. Легкое подергивание верхней губы указало на то, что не будь Фиппс английским дворецким, он не сдержал бы улыбки.

— Очень сильный образ, мадам.

— Тебе не приходило в голову, что в Судный день придется отвечать на очень неприятные вопросы?

— Это несомненно, мадам.

— Тебя это не пугает?
— Нет, мадам.
Билл капитулировала.
— Ладно, Фиппс. Можешь идти.
— Очень хорошо, мадам.
— Что у нас сегодня на скачках?
— Бетти Хаттон, мадам, в четвертом заезде.
— Спасибо, Фиппс.
— Вам спасибо, мадам.

ГЛАВА XVIII

Дверь за дворецким закрылась. Билл зажгла сигарету.

— Ну, — сказала она, — я сделала все, что могла. На моем месте никто не сделал бы больше. Я выстояла против него три раунда, это предел человеческих сил.

Дверь опять отворилась.

— Извините, мадам, — сказал Фиппс. — Я допустил непростительное упущение, забыв передать поручение, вверенное мне миссис Корк. Миссис Корк шлет вам наилучшие пожелания и просит мистера Смидли при первом удобном для него случае подняться к ней в просмотровую комнату.

Смидли нервно засучил ногами.

— А чего она хочет?

— Миссис Корк не оказала мне чести стать ее доверенным лицом, сэр. Но когда я покидал ее, она изучала сейф…

— Боже!

— … и дышала, мягко говоря, как загнанная лошадь, сэр. Дверь за ним снова закрылась.

— Фиппс замечательно красноречив, — сказала Билл. Смидли ослабил воротник.

— Билл, она обнаружила пропажу.

— Рано или поздно это должно было случиться.

— Она подозревает меня. Что мне делать?

— Играй в несознанку.

— В несознанку?

— В несознанку. Не признавайся ни в чем. Будь тверд. Говори: «Ну надо же!» и «Минуточку, минуточку», причем — сквозь зубы.

— Как Перелли, — подсказал Джо.

— Разве мистер Перелли говорит сквозь зубы?

— Всегда.

— Вот тебе образец, Смидли. Вообрази, что ты владелец роскошного казино, а моя сестра — огорченная клиентка, которая пытается убедить тебя, что на рулетке мошенничают.

Смидли, сглатывая подступивший к горлу ком, вышел из комнаты. Билл подошла к двери на террасу и стала смотреть на залитый солнцем сад. Кей подошла к Джо, который, сделав краткое замечание насчет мистера Перелли, снова впал в депрессию.

— Не печалься, дорогой, — сказала она. — Теперь у тебя есть я.

— И десять долларов в придачу.

— Не так уж мало, на мой взгляд.

— Да, но, покидая этот дом, я должен буду дать их на чай Фиппсу. Разве не горько это сознавать? Если нет, что тогда горечь? — Он посмотрел на Билл, которая дружески махала кому-то рукой. — Кому это ты машешь?

Билл обернулась.

— Поди-ка сюда, Джо. — Она указала жестом куда-то в сад. — Что ты видишь?

Джо посмотрел в указанном направлении.

— Облака, — сказал он. — Чернильно-черные тучи. И мрачные тени, предвещающие беду и отчаяние. А, ты имеешь в виду эту фигуру на заднем плане?

— Правильно. Это лорд Тофем. Вон он идет по дорожке. Ты как, успел поладить с лордом Тофемом?

— Да, мы с ним неплохо сошлись. Он рассказывал мне про свои проблемы с девушкой из Англии, которую называл Милашкой. Похоже, она дала ему отлуп, и он малость затосковал.

— Надеюсь, ты проявил сочувствие?

— Разумеется.

— Хорошо. Тогда он наверняка записал тебя в закадычные дружки. Лорд Тофем — очень состоятельный молодой человек, — раздумчиво протянула Билл. — Один из самых богатых людей в Англии, как сказала Адела. У него во владении цепь продовольственных магазинов или каких-то лавок. Неважно, откуда он получает денежки, главное, что они есть. Джо оживился. Вдали забрезжила надежда.

— Боже милостивый! Билл, ты хочешь сказать, что можно пощупать лорда Тофема?

— Первая заповедь делового человека: если тебе нужны двадцать тысяч долларов, иди к тому, у кого есть двадцать тысяч.

— Билл, ты гений.

— Это я всегда пыталась втолковать начальству, но они меня не слушали.

— Надо быть понапористей.

— Буду, Джо, буду.

Лорд Тофем, минуту спустя переступивший своими длинными ногами порог Садовой комнаты и присоединившийся к обосновавшейся там компании, совсем не походил на брызжущего энергией молодого

спортсмена, который вот так же вошел сюда почти ровно сутки назад. Тогда он пел веселую песенку, а глаза светились радостным блеском победы. Даже страстный влюбленный, ожидающий ответа на тщательно сформулированное авиаписьмо, может на время забыть о проблемах пола, впервые в жизни одолев восемнадцать лунок за девяносто семь ударов. Лорд Тофем суточной давности, несмотря на затаенную печаль, точившую его сердце, предстал перед миром во всем блеске.

Как не похож был на того лорда Тофема этот пришелец, согнувшийся под ударом судьбы! Осунувшееся лицо, потухшие глаза, поникшая сигарета в мундштуке выдавали человека, готового хоть сейчас сунуть голову под газовый рожок и задуть пламя. Ослабевший, безвольный, потухший, растерянный, отчаявшийся, он являл собой вестника, пришедшего сообщить Приаму, что его родная Троя разрушена. Глядя на него, можно было предположить, что лорд Тофем опять был на поле для гольфа и взял четырнадцать лунок за сто пятьдесят семь ударов и шесть шаров утопил в озере.

На самом же деле столь жалкое его состояние объяснялось тем, что вскоре после завтрака он получил долгожданную телеграмму и содержание ее было убийственным. Мисс Глэдис (Милашка) Фаунтлерой была одной из тех юных особ, которые не стесняются в выражениях, и трудно даже представить, чтобы со времен покойного Флоренса Зигфилда[24] через океан было передано более ядовитое послание. Оно убило в душе лорда Тофема всякую надежду и поселило в ней мрачное отчаяние, породившее отвращение ко всему роду людскому. Словом, трудно было выбрать более неподходящий момент, чтобы одолжить у него двадцать тысяч долларов.

Однако печаль пришельца не произвела должного впечатления на компанию, настолько погруженную в собственные заботы, что внешний мир перестал для нее существовать. Одержимые одной пламенной страстью, эти люди видели перед собой баснословно богатого молодого человека, шедшего прямо им в руки. Они не спросили, а не разбито ли, часом, его сердце, но радостно засуетились вокруг него, оказывая шумные знаки внимания.

— Лорд Тофем! — вскричала Кей. — Входите, входите, лорд Тофем!

— Входите же! — вскричал Джо. — Вот уж кому мы рады так рады!

— Вот кого нам не хватало, — прибавила Билл. — Лорд Тофем, старый дружище, можно перемолвиться с вами словечком, а, лорд Тофем?

Она ласково погладила его по рукаву. Другой на его месте был бы доволен и тронут глубиной проявленной ею нежности. Он же брезгливо глянул на ее ладонь, словно по рукаву полз один из тех мерзких пауков, к

которым питал такое отвращение Фиппс.

— Что это вы делаете?

— Просто глажу вас по руке, лорд Тофем, старина.

— Ну так не гладьте, — сказал старина.

Холодок пробежал по спинам комитета по встрече. Они переглянулись, и в каждом взгляде читалось нарастающее беспокойство. Что-то неладно, почувствовали они, что-то совсем неладно. Это — не тот отзывчивый молодой человек, которого они желали увидеть. Его будто подменили. Тем не менее, предчувствуя малую эффективность замысленного предприятия, Джо приступил к обсуждению главного пункта повестки дня.

— Знаете, лорд Тофем, в ваших силах осчастливить сразу несколько достойных людей.

— Еще чего! — отозвался лорд Тофем. — Может, вам интересно узнать, какого я мнения о людях? Вы животики надорвете. Могу, например, рассказать вам, что нынче утром я получил телеграмму от Милашки. Мне после этого глядеть ни на кого не хочется, а хочется скрыться в пещере, отрастить бороду, питаться ягодами и пить воду из ручья. И не заикайтесь при мне о том, чтобы осчастливить кого-то из людей. Я живу без всякого счастья, пускай и другие обходятся. Они — сами по себе, я — сам по себе.

— Если вы не придете мне на помощь, я погиб.

— Ну и хорошо, — ответил лорд Тофем и даже немножко повеселел.

Неслышно вошел Фиппс. Билл встретила его враждебным взглядом.

— Опять ты? — спросила она. — Ты так тихо крадешься то туда, то сюда. Можно подумать, что это призрак.

Дворецкий хранил невозмутимость.

— Я пришел проинформировать милорда, что его спрашивают по телефону, мадам. Это трансатлантические переговоры, милорд.

Лорд Тофем задрожал всем телом. Мундштук, который он на время своей речи вынул изо рта, упал на пол, а сигарета рассыпалась.

— А? Что? Трансатлантические? Кто звонит?

— Некая мисс Фаунтлерой, милорд.

— Что? Господи! Вот это сюрприз! Вот это да. Пустите меня! — заорал лорд Тофем и в мгновение ока выбежал из комнаты. Казалось невероятным, что этот умирающий лебедь может обнаружить такую прыть.

Фиппс было последовал за ним, но Билл остановила его.

— Фиппс, — сказала она.

— Мадам?

— Одну минутку. Не мог бы ты принести нам коктейли для подкрепления сил?

— Разумеется, мадам.

— Спасибо, но пока задержись. Когда мы тут только что болтали, я забыла коснуться одной темы.

— Да, мадам?

— Дело вот в чем. У тебя была мать, Фиппс?

— Да, мадам.

— У нее были колени?

— Да, мадам.

— И разве ты, сидя у нее на коленях, не впитал простую истину, что следует быть порядочным человеком и не опускаться до преступлений?

— Нет, мадам.

— Какая небрежность! Ну ладно, Фиппс. Отваливай. Не забудь про коктейли.

— Немедленно займусь их приготовлением, мадам. Дверь за ним закрылась.

— Интересно, какова была матушка Фиппса? — вслух размышляла Билл. — Что-нибудь вроде королевы Виктории, наверное. — Она обернулась к Джо. — Это ты сказал «черт»?

— Я.

— Я так и знала. Ты настроен пессимистически.

— Это правда.

— Напрасно. Я возлагаю на лорда Тофема большие надежды.

— После всего того, что он тут наговорил?

— Об этом забудь. Раз его подружка позвонила ему с той стороны Атлантики, он опять увидит мир в розовом свете. Девушки так просто не лезут в карман джинсиков, чтобы оплатить счет за телефонные переговоры. Только в том случае, если в их сердце снова проснулась любовь, подобно утреннему солнышку рассеивая туман сомнений и непониманий. Я несказанно удивлюсь, если в ближайшее время мы не станем свидетелями следующей фазы, когда попугаи-неразлучники прильнут друг к другу и она попросит прощения за жестокие, неразумные слова.

— О, Билл! — вскричала Кей.

— Если все пойдет в соответствии с моими ожиданиями, мы станем свидетелями и того, как волна человеколюбия захлестнет лорда Тофема, смягчит его взгляд на мир и побудит к добрым делам.

Джо кивнул.

— Ей-богу, ты права.

— Еще бы. Через минуту-другую мы увидим совершенно другого лорда Тофема.

— И тогда ты с ним поговоришь?

— И тогда я с ним поговорю,

В холле послышались шаги, радостные, громкие шаги. Дверь широко распахнулась, и в комнату, приплясывая, влетел солнечный луч, одетый в хорошо сшитый серый фланелевый костюм.

— Ну, что я говорил! — возвестило новое, улучшенное издание лорда Тофема. — Все отлично. Все великолепно.

Билл похлопала его по плечу, не вызвав на этот раз никакого протеста.

— Именно такого исхода я и ожидала. Раз девушка сама вам звонит, значит, дело в шляпе. Она вас еще любит?

— Абсолютно. Она плакала, а я ее успокаивал.

— Лучше и быть не может.

— Она сказала, что послала эту злосчастную телеграмму, когда у нее зубы болели.

— И это определило ее взгляд на мир?

— Ну конечно.

— Абсолютно?

— Да, абсолютно.

— Вы меня очень порадовали. Я просто счастлива. А теперь, лорд Тофем, не могли бы вы уделить мне немного времени?

— Пожалуйста.

— Отлично.

Билл подвела его к дивану, усадила и села рядышком.

— Скажите мне, лорд Тофем… Или можно называть вас просто Тофем?

— Ради Бога, зовите меня просто Тоффи. Меня так друзья называют.

— А как ваше имя?

— Ланселот. Но мне оно не нравится.

— Значит, остановимся на Тоффи?

— Абсолютно.

— Прекрасно. Вы заметили, я опять глажу вас по руке, Тоффи. Хотите знать, почему?

— Еще как!

— Чтобы подчеркнуть торжественность момента. Дело в том, Тоффи, что мы с вами стоим на пороге великих свершений.

— Вот как?

— Абсолютно. Скажите мне, дорогой Тоффи, вы когда-нибудь видели

мужчину в меховом пальто, с тремя подбородками, в «роллс-ройсе», с двумя блондинками на коленях и пятидолларовой сигарой во рту? Если да, то можете быть уверены — это был литературный агент.

— Кто-кто?

— Литературный агент.

— А что это такое?

— Литературный агент — или представитель автора — это человек, который сидит в кресле, положив ноги на стол, уставленный икрой и шампанским, и уделяет по минутке каждому из авторов, которые приползают к нему на пузе, уговаривая пристроить их сочинения. Если он соглашается, то берет по десять процентов за штуку.

— А что это за штуки?

— К примеру, каждое издание какой-нибудь книжки. Набираются очень значительные суммы. Допустим, к примеру, что представитель автора продает роман своего клиента какому-то богатому издательству за — возьмем цифру наугад — сорок тысяч долларов. Таким образом, его доход составит четыре тысячи.

— Неплохой барыш.

— Очень неплохой. Четыре тысячи только за то, что он велел секретарше вложить рукопись в конверт, написать на нем адрес и отправить по почте куда следует. И так все время.

— Все время?

— Практически без остановки. Вы не поверите, какие гигантские суммы стекаются в карманы этих баловней судьбы. Каждый день все новые и новые клиенты стучатся к ним в дверь, умоляя принять очередные десять процентов. Возьмем такой пример. Сидит он у себя в конторе после обеда, за которым наелся до отвала соловьиных язычков и запил их «Императорским токаем», а к нему приходит некто — чтобы долго не искать имени, скажем, Эрл Стенли Гарднер[25] — и говорит: «Добрый день, дорогой защитник моих прав, не окажете ли мне честь принять десять процентов моего годового заработка? Должен сказать, что я пишу по шестнадцать романов в год, и если бы не отказался от застарелой привычки тратить время на еду, писал бы по двадцать. Коротко говоря, считая оптом, за телесериалы, фильмы, радиопостановки и прочее, вы будете получать приблизительно пятьдесят — шестьдесят тысяч долларов в год. Возьмете меня в клиенты, мой дорогой представитель?» А литературный агент зевает и говорит, что так и быть, попытается. «Спасибо, спасибо», радуется Эрл Стенли Гарднер и уходит. Едва он ступит за порог, глядь, а тут уж входят Синклер Льюис и Сомерсет Моэм. Они говорят: «Добрый день,

дорогой…» В общем, вы уловили суть. Клондайк.

— А это что такое?

— Золотая жила.

— Вот здорово.

— Я знала, что вы это оцените, мой дорогой Тоффи. Знала, что могу рассчитывать на ваш цепкий ум. Так вот, дело в том, что мы с Джо получили возможность купить одно престижное литературное агентство.

— Это самое?

— Это самое.

— Вы разбогатееете.

— Безусловно. Я тоже так подумала. Остаток жизни нас будет донимать головная боль от мыслей о том, как обойти налоговую инспекцию. И все, что нам требуется, чтобы приступить к операции…

— У вас будет столько денег, что вы просто знать не будете, куда их девать.

— У нас просто руки устанут стричь купоны. И все, что нам требуется…

— Знаете, что бы я вам предложил? — сказал лорд Тофем. — Одолжите мне ненадолго сотню долларов.

Билл не сразу поняла.

— Видите ли, — продолжил лорд Тофем, — я попал в сложное положение. Я ни пенни из моих денег не могу получить из Англии, ни единого пенни. Мои приятели объясняют, что это все политика лейбористского правительства, в которое, как вы знаете, вошли всякие типы. Короче говоря, я попал в крайне стесненные обстоятельства, так что если вы хотите приобрести вечно благодарного должника, у которого ничего нет за душой, кроме пачки сигарет и горсти монет, у вас есть шанс.

Билл растерянно оглянулась.

— Джо.

— Да.

— Ты слышал?

— Да.

— Значит, это не страшный сон.

Лорд Тофем приготовился объясняться дальше.

— Я потому обратился к вам, что вы поведали мне о вашем баснословном богатстве. Вот, сказал я себе, замечательные люди, купаются в золоте, и вот я, остался на бобах из-за этих дурацких лейбористов, которые только и высматривают, кого бы сожрать. Что такое для вас несчастная сотня долларов!

Билл обрела привычную уверенность.

— У тебя найдется сотня, Джо? Ах да, вспомнила, у тебя нет. Тогда, кажется… Вот, Тоффи, пожалуйста.

— Спасибо, — сказал лорд Тофем. — Огромное спасибо. Йо-хо-хо! Знаете ли вы, что это для меня значит? Это значит, что сегодня я смогу с легким сердцем отправиться в Санта-Аниту, навстречу судьбе. Фиппс говорил, что Бетти Хаттон в четвертом заезде… словом, вы спасли меня и благослови вас небо, мои дражайшие мультимиллионеры! Йо-хо-хо!

И он как на крыльях вылетел через стеклянную дверь в сад.

ГЛАВА XIX

Билл перевела дыхание. Лицо ее казалось таким изможденным, словно все несчастья мира легли на ее плечи, и найдя наконец в себе силы заговорить, она заговорила непривычным для себя бесцветным голосом.

— Видишь, как оно обернулось, Джо… Неприятно.

— Да уж.

— Весьма огорчительно.

— Хуже не придумаешь.

— Да, крайне неприятный поворот. А ведь как все гладко шло до самой последней минуты! Ощущение такое, будто я гналась за радугой, а она повернулась да и лягнула меня под-дых. Если бы я вовремя вспомнила про новые финансовые правила, введенные на Британских островах, можно было бы избежать неприятного сюрприза. Вдобавок ко всему я лишилась последней сотни долларов. И ради чего? Чтобы придурковатый английский пэр смог пойти на скачки. Говорят, несчастья обогащают душу… А, Смидли, — сказала она, когда дверь в очередной раз открылась, — какие новости из эпицентра взрыва?

Смидли выглядел кротким, как овца, глаза его смотрели безжизненно, как у чувствительного президента разорившейся компании после собрания акционеров. Было ясно, что только что закончившаяся встреча с золовкой мало походила на праздник любви.

— Она обезумела, — сказал он.

— Очень плохо, — ответила Билл. — Не дай Бог прогневить Аделу. Врагу не пожелаю.

— Она думает, что эта штука у нас.

— Как же мало ей известно! Ты пытался ее разубедить?

— Да, но бесполезно. Раз уж в голове Аделы засела какая-то мысль, ее оттуда колом не выбьешь. Ты сама знаешь. Как никто.

Смидли вытер лоб ладонью. Он был похож на ветхозаветного отрока, пережившего пещное действо и чудом вышедшего из огня.

— У меня нервы сдают. Надо бы выпить.

— Сейчас Фиппс принесет коктейли. А вот и он, если не ошибаюсь.

Вошел Фиппс, неся перед собой нагруженный поднос, звеневший посудой. Он поставил ношу на письменный стол с обычным своим видом облеченной особыми полномочиями особы, доставившей к королевскому двору чрезвычайной важности документы.

— Каков же итог? — спросила Билл.

— А? — переспросил Смидли, следивший глазами за коктейлями.

— Чем кончилось дело?

— С Аделой? Она утверждает, что мы взломали сейф, причем, по ее мнению, дневник забрала ты. Она устроила сцену и заявила, что позвонила в полицию.

— Что?

Глаза Билл засветились прежним огнем. Отчаяние покинуло ее. Она стала опять Старой Верной, в полной мере владеющей ситуацией.

— Сюда едет полиция? Забрезжил свет в конце туннеля. Это даже лучше, чем морская пехота. Фиппс!

— Мадам?

— У меня возникло сильное опасение, Фиппс, что ты попался. Слыхал, что сказал мистер Смидли?

— Нет, мадам. Мое внимание было занято приготовлением коктейлей, мадам.

Билл бросила на него жалостливый взгляд.

— Будь повнимательней к коктейлям, братец Фиппс. Сейчас тебе понадобится выпить. Мистер Смидли сказал, что миссис Корк послала за фараонами.

— В самом деле, мадам?

— Я восхищаюсь твоей выдержкой. Я бы на твоем месте дрожала, как осиновый лист.

— Не улавливаю вашей мысли, мадам.

— Я попробую объяснить. Сюда направляются стражи закона, и что они первым делом сделают, — придя сюда? Раскинут сеть. Прочешут местность со всей тщательностью, подобающей в таких случаях.

— Видимо, так, мадам.

— Они обнаружат твое секретное убежище, в котором ты прячешь дневник. И что потом?

Дворецкий изобразил вежливое непонимание.

— Вы намекаете, что они могут заподозрить меня в воровстве?

Билл искренне расхохоталась.

— Принимая во внимание твое прошлое, кого еще могут они заподозрить? Похоже, что тебя ждут горячие денечки, Фиппс.

— Не согласен с вами, мадам. Очень вероятно, что констебли обнаружат предмет, о котором идет речь, но я доложу, что действовал по указке мистера Смидли. Таким образом, я всего лишь выполнял распоряжение хозяина, как и следует слуге.

Билл подняла брови.

— Не понимаю тебя. Ты что, хочешь сказать, что тебя просили взломать сейф? Смидли, что ты на это скажешь?

— Ничего подобного.

— Ты не просил Фи п пса открыть сейф?

— Разумеется нет.

— А ты, Джон?

— Нет.

— Кей?

— Нет.

— Я тоже не просила. Беда в том, Фиппс, что ты валишь с больной головы на здоровую. Тебе в голову пришла блестящая мысль взломать сейф и взять содержимое, а ты обвиняешь в этом других. Ты обнаружил недюжинную силу духа, которая вызывает восхищение, и мы должны тебе помочь. Отдай эту вещь мистеру Смидли, и мы примем ответственность на себя. Тогда тебе не о чем будет беспокоиться. Ты меня понял?

— Да, мадам.

— Я знала, что у тебя светлая голова. Ступай же и принеси дневник.

— Он у меня с собой, мадам.

Дворецкий бесстрастно вынул из кармана дневник, положил на поднос и подал Смидли, который немедленно схватил его, будто щука, сглотнувшая муху.

— Будут еще распоряжения, мадам?

— Нет, благодарю, Фиппс. Ты, разумеется, получишь комиссионные.

Смидли вздрогнул.

— Как, после всего этого?

— Конечно. Мы честные партнеры. Ты получишь свою долю в надлежащее время, Фиппс.

— Спасибо, мадам.

— Извини за беспокойство.

— Не стоит извиняться, мадам.

— Так или иначе, твое искусство останется с тобой.

— Вот именно, мадам, — ответил Фиппс и величественно удалился.

Джо преданно ел глазами Билл, как провинциал, приехавший взглянуть на столичную диковину. Чувства переполняли его, и он не находил слов для их выражения. Наконец справившись с собой, он сумел сказать Билл, что она — чудо.

— Безусловно, — поддержала его Кей.

— Ее мозг надо заспиртовать и передать в какой-нибудь музей как

национальное сокровище, — сказал Смидли, которого тоже распирало от избытка чувств.

— Когда он ей больше не будет требоваться.

— Разумеется, когда он ей не будет требоваться, — согласился Смидли. — Ну что ж, поеду к садовнику, про которого я вам говорил, чтобы он перевел нам эту вещицу. Проще толковать с «Колоссал-Эксвизит», если знать, с чем пришел.

— Ты решил продать дневник им? — спросила Билл.

— Если они не пойдут на попятную. Все-таки пятьдесят тысяч — приличная сумма. Кругленькая.

Билл согласилась.

— Очень приличная. И очень кругленькая. Я бы за эту цену уступила. Возьми у них чек, отложи пять тысяч для Фиппса, отстегни нам с Джо двадцать — и ты свободен.

Смидли, скорыми шагами человека, для которого время — деньги, направлявшийся к двери на террасу, притормозил. Его явно что-то поразило.

— Тебе с Джо? Двадцать тысяч? Это ты о чем?

— На наше литературное агентство.

— Какое еще агентство?

— Ты сам говорил, что вложишь в него деньги, — пояснил Джо. Смидли всплеснул руками.

— Я говорил, что вложу деньги в какое-то литературное агентство? Когда?

— Позавчера вечером. Когда мы гуляли в «Могамбо».

— Впервые слышу.

— Как? Мы же несколько часов это обсуждали. Неужели не помнишь?

Билл помрачнела.

— Я так и знала, что этим кончится, Джо. У Смидли дырявая память.

Смидли обиженно засопел.

— Память у меня прекрасная, — буркнул он. — Я действительно ни малейшего представления не имею о каком-то там литературном агентстве. Что это за агентство?

— То самое, которое мы с Билл собираемся приобрести.

— И из какого-то случайно оброненного мной замечания вы сделали вывод, что я готов ссудить вам денег?

— Какое, к черту, случайное замечание? Мы полтора часа мусолили это дело. Ты хлопал меня по плечу и твердил, что…

Смидли покачал головой.

— Ошибка какая-то. Абсурд. Я бы нипочем не вложил деньги в литературное агентство. Слишком рискованный бизнес. Я собираюсь вернуться в Нью-Йорк и заняться продюсерским делом. Открою контору и сделаю объявление, что готов рассматривать сценарии. С Божьей помощью все будет как в старые времена. Ну ладно, что зря болтать. Увидимся, пока, — заключил Смидли.

Он вышел, а Джо и Кей после минутного молчания очнулись и последовали за ним. Их голоса затихли где-то в саду, и Билл снова села за диктофон.

— Ах, Голливуд, Голливуд, — начала она. — Прибежище пустой славы и ожесточенной борьбы, где неугасимое пламя обжигает крылышки беспечного мотылька, где тротуары омывают горькие слезы обманутых дев…

Дверь отворилась.

— А, Алела! — радушно воскликнула Билл. — Я тебя ждала. Йо-хо-хо! Ты как нельзя более кстати.

ГЛАВА XX

Адела выглядела более внушительно, чем когда-либо, и голос ее, зазвучавший после того, как она некоторое время молча разглядывала Билл, гремел как раскаты грома. — Вот ты где, Вильгельмина.

Билл — не из тех, кого можно запугать громом — кивнула сестре с неподдельной сердечностью.

— Да, я здесь, как всегда в трудах. Записывала твои впечатления от Голливуда в то время, когда студия «Биоскоп» не хотела брать тебя на работу.

Адела просверлила сестру взглядом.

— Оставим мои впечатления от Голливуда. Вильгельмина, мне нужно сказать тебе словечко.

— Хоть тысячу.

— Довольно будет и пяти. Вильгельмина, где дневник? Билл наморщила лоб.

— Дневник? Какой дневник? — Лицо ее прояснилось. — А, ты, наверное, имеешь в виду дневник, о котором спрашивала у Смидли? Разве его нет в сейфе?

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

— А я думала, ты его туда положила.

— Я положила, но его там больше нет. Даю тебе две минуты на размышление.

— Мне?

— После этого я умываю руки и передаю дело в руки закона.

Билл подняла руку.

— Подожди-ка. Это что-то знакомое. Помнится, я читала этот текст в субтитрах твоего фильма «Золотые грешники». Припоминаешь? Ты еще застала свою сестру за взломом сейфа.

— Как и нынешней ночью.

— Не понимаю.

Это для Аделы было уже слишком. Она схватила с подноса стакан с коктейлем и швырнула его об стену.

— Ах ты, артишок иерусалимский! Ты что, слов не понимаешь? Хорошо, скажу яснее. Может, тогда до тебя дойдет. Ты украла мой дневник!

Повисла пауза.

Потом Билл тоже схватила стакан для коктейля, но совсем с другим намерением. Она размеренными движениями принялась сбивать коктейль. Только плеск жидкости в стакане нарушал тишину. Адела сжимала и разжимала кулаки. Лицо ее окаменело. Однажды ее покойный муж, Альфред Корк, застал ее в таком состоянии, когда всю ночь играл в покер, и даже не собрав вещей, немедленно отбыл в Мексику. На Билл поведение сестры произвело гораздо меньшее впечатление. Она закончила сбивать коктейль, осушила стакан и крякнула с видимым удовольствием.

— Ну? — вопросила Адела. — Ты и теперь будешь отпираться?

Билл явно забавлялась ситуацией. Она снова наполнила стакан, молча отдавая должное мастерству отсутствующего Фиппса. Джимми Фиппс, конечно, не самая приятная особа из тех, что дышат чистым воздухом Беверли-Хиллз, его моральный кодекс вполне соответствует нормам, принятым в тюрьме, но коктейли он сбивает классно.

— Дорогая моя Адела, я не умею взламывать сейфы.

— Зато у тебя есть друзья, которые это умеют. Твои дружки — жулики из жуликов, на ходу подметки режут.

— Единственный мой друг на этой территории — Джо Девенпорт, а его вряд ли можно причислить к взломщикам. С таким же успехом можно заподозрить Фиппса. Нет, — сказала Билл, почтительно отхлебывая мастерское творение дворецкого, — на мой взгляд, здесь работал кто-то со стороны.

— Со стороны!

— Вот именно. Может быть, работала международная банда. Эти международные банды знают свое дело. Хочешь выпить?

— Я не пью коктейли.

— Много теряешь.

Уважение Билл к Фиппсу углубилось. Как щедро одарила природа этого человека! Он не только гениально смешивает мартини, но еще и красноречив беспримерно. Он сравнил Аделу с удавом, глядящим на кролика, и сейчас она как нельзя больше напоминала такого удава. В критические моменты Смидли одолевала крупная дрожь, но он явно уступил бы сейчас пальму первенства по этой части Аделе Шэннон-Корк.

— Ты, стало быть, хочешь меня уверить, — сказала Адела, борясь со своими чувствами, — что по чистой случайности сейф обворовали именно в ту ночь, когда в нем лежал дневник?

— Конечно, по чистой случайности.

— Хорошенькая случайность!

— Боюсь, крайне неудачная. Для тебя. Адела окрысилась.

— Что ты хочешь этим сказать? Билл пожала плечами.

— По-моему, и так ясно.

— Мне — нет.

Билл стала серьезнее. Она пожалела сестру и замялась, не желая сообщать Аделе неприятные новости.

— Смотри сама, — сказала она. — Смидли получил предложение продать дневник за пятьдесят тысяч долларов. Он хотел придержать его у себя, а ты выманила его и спрятала в сейфе. Другими словами, ты добровольно приняла на себя всю ответственность за него.

— Ерунда.

— Ты не станешь считать это ерундой, когда Смидли вчинит тебе через суд иск на пятьдесят тысяч.

— Что?

— Не забудь, что он может выставить трех свидетелей, которые подтвердят, что ты отняла дневник, несмотря на его протесты. Ни одно жюри присяжных в целой Америке не вынесет вердикт в твою пользу.

— Чушь собачья.

— Можешь повторять, что это чушь, если тебе так спокойней. Я только констатирую факты. Любое здравомыслящее жюри без колебаний решит дело в его пользу, и ты заплатишь не только пятьдесят тысяч, но еще и кругленькую сумму в возмещение судебных издержек. Хорошо еще, что ты миллионерша, на бобах не останешься. Правда, ты из тех женщин, которые вообще не любят раскошеливаться. Тогда дело другое.

Адела, спотыкаясь, добрела до дивана и без сил упала на него.

— Но… но…

— Говорила тебе, выпей коктейль.

— Но это же абсурд.

— А вот и не абсурд. Вполне реальная угроза. Здесь тебе не поможет даже самый блестящий адвокат. Смидли выиграет дело, как пить дать.

Адела вынула из кармана платок и нервно комкала его. Она волновалась, и сил у нее почти не осталось. Когда она заговорила, в голосе ее звучали льстивые нотки.

— Но, Вильгельмина…

— Что, Адела?

— Вильгельмина, неужели ты не уладишь дело со Смидли миром?

Билл допила коктейль и удовлетворенно вздохнула.

— Наконец-то слышу голос разума. Теперь с тобой можно говорить по существу. Признаться, я уже все уладила с ним полюбовно.

— Уже?

— Да, он только что тут был, весь пылал яростью. Никогда ничего подобного не видела. Кремень, а не человек. Настаивал на том, чтобы ты отдала ему всю сумму. Видела бы ты, как он тут метался! Поистине, как тигр в клетке. Я сперва и не верила, что мне удастся с ним договориться. Но я нашла лазейку. Намекнула, как выматывают судебные тяжбы, и он стал податливей. В конце концов, рада тебе сообщить, что я сбила цену до тридцати тысяч.

— Тридцати тысяч!

— Я знала, что ты обрадуешься, — сказала Билл и недоверчиво посмотрела на сестру. — Или ты не обрадовалась?

— Это натуральный грабеж, — сдавленно ответила Адела. Билл не согласилась с этим мнением.

— А по-моему, это самая обыкновенная сделка. Смидли из-за тебя лишился верных пятидесяти тысяч. Но благородно соглашается принять тридцать. Просто верх благородства, что и говорить. Если ты не согласна, что ж, начинай судиться. Предпочитаешь выложить пятьдесят вместо тридцати — дело твое. На мой взгляд, это выглядит несколько эксцентрично.

— Но, Вильгельмина…

Билл поспешила выдвинуть другой аргумент.

— Конечно, в этом случае не избежать огласки. Боюсь, ты будешь выглядеть на суде не в лучшем свете. У общественности создастся впечатление, что ты способна подобрать все, что плохо лежит. Друзья при твоем приближении будут прятать ценные вещи по сундукам и сидеть на них, пока ты не скроешься из виду. Ни Луэлла Парсонс, ни Хедда Хоппер не преминут позлословить на твой счет во всех газетах и журналах. «Голливудский репортер» обязательно поместит твой портрет на первой странице. Но, повторяю, — заключила Билл, — ты вольна решать, как лучше поступить.

Картина, которую нарисовала сестра, решила дело. Адела поднялась с дивана.

— Ну ладно, — помедлив, сказала она, подавляя острое желание завопить и пошвырять об стенку все стаканы с коктейлями. — Это грабеж, но… ну ладно.

Билл одобрительно кивнула. Каждому приятно видеть в близком человека разумного.

— Хорошо, — сказала она. — Я рада, что ты сделала правильный выбор. Иди в свой будуар и выпиши чек. Отдай его мне. Смидли назначил меня своим доверенным в делах. — Она проводила Аделу до двери. — Ах,

какая гора у тебя, должно быть, свалилась с плеч! Тебе, наверное, просто танцевать хочется. Или летать.

Вошел Фиппс.

— Констебли прибыли, мадам.

— К черту констеблей, — отозвалась Адела и выплыла из комнаты. Билл серьезно посмотрела на дворецкого.

— Ты должен извинить миссис Корк, Фиппс, если она кажется тебе несколько странной. Она понесла тяжелую утрату.

— Весьма сожалею, мадам.

— Я тоже. Наверное, испытания посылаются нам недаром. Они делают нас более духовными.

— Вполне вероятно, мадам.

— Ты тоже выглядишь более духовным, Фиппс.

— Спасибо, мадам.

— Не за что. Приведи сюда полицейских.

— Слушаюсь, мадам.

Со стороны веранды вошли Кей и Джо. Вид у них был печальный.

— Ну? — спросила Билл.

— Никакого успеха, — ответил Джо.

— Даже слушать не хочет, — подтвердила Кей. Билл не выказала ни малейшего удивления.

— Смидли вообще не умеет слушать. Он напоминает глухого аспида, с которым мучаются заклинатели. Но не вешай носа, Джо. Все хорошо. Джо передернулся.

— Все — что?

— Все отлично.

— Кто сказал?

— Я сказала.

— Констебли, мадам, — провозгласил Фиппс.

Вошел сержант Уорд в сопровождении патрульного Морхауса. Билл приветствовала их с преувеличенным удовольствием.

— Как же приятно вновь видеть вас, джентльмены! — воскликнула она.

— Доброе утро, мэм.

— А я как раз думала, как было бы хорошо, если б вы заскочили к нам на огонек. Часто в этом мире встречаешь новое лицо и говоришь себе: «Может, я обрел друга?». Ну точно, друга. Ей-богу, я в самом деле нашла друга, и — бац! — лицо это исчезло.

Она внимательно посмотрела на полицейских.

— Вы какие-то необыкновенно радостные, — сказала она. — Вам привалила удача?

Сержант заулыбался. Патрульный тоже.

— По-моему, да, — сказал патрульный. — Скажи ей, сержант.

— Да, мэм, — ответил сержант, и его лицо прямо расплылось в улыбке. — Вот оно, счастье-то.

— То есть?

— Да, мэм. Нам утром позвонили со студии «Медулла-Облонгата-Глутц», из отдела кадров. Завтра начинаем.

— Вот так. Удача не заставила себя долго ждать.

— Да, мэм. Само собой, пока что мы будем сниматься в массовке.

— Пока что в массовке, — сказал патрульный Морхаус.

— Естественно, — добавил сержант Уорд. — Но это пока. Мы ждем повышения по службе.

— И дождетесь, — сказала Билл. — Вас ждет головокружительная карьера. Сначала массовка, потом эпизод, потом маленькие роли, потом большие, потом еще больше, а там и в звезды выйдете.

— В настоящие звезды, — сказал сержант.

— Самые настоящие, — сказал патрульный.

— Вы будете знаменитей Гэри Купера.

— Как пить дать, — сказал сержант. — Ну кто такой Гэри Купер, в конце концов!

Вошла Адела. В руке она держала клочок бумаги, и ничто в ней не указывало на то, что она испытывала радость. Она подошла к Билл и протянула ей бумагу с выражением человека, у которого откачали несколько литров крови.

— Вот, — сказала она.

— Спасибо, Адела.

— Я глубоко сожалею, что не задушила тебя в колыбели. Сержант отдал честь.

— Вы нас вызывали, мэм?

— Да, — ответила за нее Билл, — но по ошибке. Сестре показалось, что ночью взломали ее сейф. А оказалось — нет.

— Вот оно как! — протянул сержант.

— До свиданья, — сказала Адела.

— До свиданья, мэм, — отозвался сержант.

— Ой, — воскликнул патрульный, — простите, леди, нельзя ли попросить у вас автограф?

Адела задержалась в дверях. Прежде чем ответить, ей пришлось

проглотить ком в горле.

— Нельзя, — ответила она. — Если кто-нибудь из вас еще раз заикнется про автографы или какие другие подписи, я вам головки поотрываю. До свиданья.

Дверь с грохотом захлопнулась за ее спиной. Сержант посмотрел на патрульного. Патрульный — на сержанта.

— Вот они, женщины, — сказал сержант.

— Да, женщины, — сказал патрульный.

— Так и хочется поучить чуток, — сказал сержант.

— Порою — да, не мешало бы, — согласилась Билл. — Но понять женщину может только женщина. Причем очень, очень умная. Вроде меня. На, Джо, — добавила она, протянув ему чек.

Он недоумевающе взглянул на нее.

— Билл, — хрипло выговорил он. — Господи, Билл! Билл хлопнула себя в грудь.

— Старая, Верная! А куда Смидли подевался? Мне надо с ним потолковать.

ГЛАВА XXI

Дом Луллабелль Махафис, чьи сады были вручены заботам мексиканского джентльмена, с которым отправился беседовать Смидли, находился в двухстах ярдах вниз по дороге от усадьбы Кармен Флорес, так что Билл быстро одолела эту дистанцию. Приближаясь к воротам, она увидела выходящего из них Смидли и двинулась ему наперерез. Он что-то насвистывал, и в походке его чувствовалась уверенность, которая успокоила Билл.

— Ну что? — спросила она. — Виделся с ним?

— А, Билл, привет, — отозвался Смидли. — Нет, его нет дома. У него выходной. Но ничего. Я как раз шел домой, чтобы одолжить у тебя твою колымагу. Хочу пока съездить повидаться с ребятами из «Колоссал-Эксвизит». Господи, — прибавил он, подняв глаза к небесам, — какой славный денек!

— Для тебя.

Смидли не относился к числу чувствительных натур, но даже он смог понять, что денек, который принес ему такую удачу, по отношению к некоторым другим оказался не столь благословенным. Ему вдруг припомнилось, что, беседуя с племянницей Кей и этим молодым человеком, он довольно равнодушно отнесся к проявлениям отчаяния с их стороны.

— Кстати, а что за чепуху молол этот молодой Девенпорт насчет какого-то литературного агентства? — спросил он. — Он, кажется, был очень озабочен, но мне некогда было выслушивать.

— Мы с Джо собирались купить агентство.

— Ты? И ты с ним заодно?

— Правильно. Что тебе и старались объяснить. Ты как будто зритель на утреннем спектакле в первый день нового года. До тебя мало что доходит.

Смидли сконфуженно засопел.

— Ну прости, Билл.

— Уже простила.

— Такая разумница, как ты, конечно же поймет, в какое положение вы меня ставите. Я не могу позволить себе транжирить деньги на какие-то литературные агентства.

— Ты предпочитаешь вкладывать деньги в нечто более надежное и

стабильное, вроде бродвейских шоу?

— Там крутятся бешеные бабки, — попытался оправдаться Смидли. — Знаешь, сколько можно сделать, к примеру, на «Оклахоме»?[26]

— Или на «Южном Тихоокеанском».[27]

— Или на «Мышьяке и старых кружевах».[28]

— Или на «Прошу вас, леди», — ввернула Билл, напомнив Смидли про французский водевиль, на котором он потерял последние несколько тысяч своего стремительно таявшего капитала.

Краска бросилась ему в лицо. Он не любил, чтобы кто-то заговаривал про эту пьесу.

— Меня постигла неудача.

— Это так теперь называется?

— Это никогда не повторится. Я возвращаюсь в бизнес, обогащенный опытом и способностью здраво взвешивать все «за» и «против».

— Как ты сказал? Здраво взвешивать?

— Здраво взвешивать.

— Понятно. Здраво взвешивать. Благослови тебя Господь, Смидли, — сказала Билл, глядя на него с нежностью матери, радующейся своему сыну-идиоту. Не в первый раз она чувствовала, что оставлять друга без женской поддержки равносильно преступлению. Где-нибудь в дебрях Америки, сказала она про себя, может, и сыщешь более выдающегося тупицу, чем тот, кого она так долго любила, но на розыски ушло бы слишком много времени.

Позади них раздался гудок клаксона. Если автомобильный гудок может звучать уважительно или почтительно, то это был он. Они обернулись и увидели приближающийся к ним драндулет, за рулем которого сидел Фиппс. В Беверли-Хиллз надо быть очень неудачливым дворецким, чтобы не иметь своего драндулетика.

При ближайшем рассмотрении Билл заметила на заднем сиденье чемоданы. Было похоже, что Фиппс сматывается.

— Привет, наш смелый и находчивый друг, — сказала она. — Отбываешь?

— Да, мадам.

— Навсегда покидаешь нас?

— Да, мадам.

— Так внезапно?

— Да, мадам. Строго говоря, срок обговоренного пребывания на службе истекает только послезавтра, но мне случилось встретиться с

миссис Корк, и она выразила пожелание, чтобы я сократил свой визит.

— Она велела тебе убираться?

— В сущности, смысл ее слов сводился примерно к этому утверждению, мадам. Миссис Корк показалась мне несколько взволнованной.

— Я же сказала тебе, что она понесла тяжелую потерю.

— Да, мадам.

— Значит, расстаемся?

— Да, мадам.

Билл смахнула с глаз невидимую слезу.

— Приятно было познакомиться.

— Благодарю вас, мадам.

— Должна сказать, братец Фиппс, с тобой не соскучишься. Надеюсь, ты не станешь поминать нас лихом?

— В связи с чем, мадам?

— В связи с дневником.

— О нет, мадам. Ни в коем случае.

— Я рада встретить в тебе такое великодушие.

— Признаюсь, мне это довольно легко, мадам, потому что тетрадь, которую я передал мистеру Смидли в конце нашей краткой беседы, не была дневником покойной мисс Флорес.

Смидли, который глубокомысленно смотрел куда-то вдаль, всем своим видом демонстрируя пренебрежение присутствием того, кого он почитал и всегда почитал бы первостатейным жуликом, вдруг утратил все напускное равнодушие и отстраненность. Он перевел взор на дворецкого и выпучил глаза, что у него означало крайнюю степень заинтересованности.

— Что?

— Ничего, сэр.

— Что вы сейчас сказали?

— Это была тетрадка, которую я одолжил у кухарки, сэр.

— Но там же по-испански написано!

— Я думаю, вы изменили бы мнение, если бы посмотрели повнимательней.

Смидли вытащил из кармана пухлую тетрадь, быстро пролистал и бросил на дворецкого победоносный взгляд.

— Испанский!

— Вы ошибаетесь, сэр.

— Черт побери, вот, глядите! Фиппс почтительно взял тетрадь.

— Да, сэр, я ошибался. — Он положил тетрадь себе в карман. — Вы

были совершенно правы, сэр. Писано по-испански. До свидания, сэр. До свидания, мадам. — И он нажал на газ.

— Эй! — закричал Смидли.

Ответа не последовало. Фиппс уже сказал свое слово. Машина набрала скорость. И завернула за угол, за которым открывалась дорога на Беверли-Хиллз. Подобно прекрасному сну, растаявшему с наступлением зари, Джеймс Фиппс навсегда исчез из их жизни.

Все, что Смидли хотел, но не мог облечь в слова, отразилось на его лице и в фигуре. И вместо того, чтобы терять даром время на словоизвержение, он каким-то странным галопом кинулся в погоню. Но даже старый драндулет догнать непросто, тем более, если это пытается сделать пожилой джентльмен, обремененный дурными привычками. Если бы Смидли был способен показать скорость четверть мили за сорок пять секунд, он бы мог рассчитывать на успех, но его пределом был рывок на десять ярдов, и то не слишком прыткий.

Отдуваясь и вытирая платком обильно струящийся по лицу пот, он вернулся к Билл, которая смотрела на него с нескрываемым изумлением.

— Если бы я не видела это собственными глазами, ни за что не поверила бы, — сказала Билл. — Ты отдал ему дневник. Собственными руками. Даже если бы ты преподнес ему тетрадку на блюде, обложенном жареным луком, ты не смог бы сделать для него больше.

Смидли поник, раздавленный ее презрением.

— Да откуда мне было знать, что он затеял!

— Разумеется, ты не мог этого знать, — сказала Билл. — После того, как точно такой трюк проделала с тобой Адела, ты не мог ожидать ничего подобного. И разве у тебя была хоть малейшая причина подозревать, что такой человек, как Фиппс, способен на жульничество? Весь твой опыт общения с ним говорил, что перед тобой беспримерной правдивости и кристальной души экземпляр с незапятнанной совестью. По чести сказать, Смидли, по тебе плачет одно богоугодное заведение.

— Но я…

— Остается одно: жениться.

Смидли задрожал так, будто это простое слово было острой стрелой, вонзившейся ему прямо в беззащитную плоть. Он бросил на Билл робкий взгляд и решительное выражение ее усталого лица ему не понравилось.

— Да, — сказала она, — вот что тебе нужно — жениться. Тебе нужен кто-то, чтобы стоять преградой между тобой и внешним миром, и по счастливой случайности я знаю женщину, которая как нельзя лучше справится с этим. Смидли, я целых двадцать лет — сама не знаю почему —

сходила по тебе с ума…

— Билл, пожалуйста!

— Ежели ты об этом не подозревал, то по той простой причине, что я никогда не открывала перед тобой сердца, но тайна эта, словно червь в бутоне,[29] румянец на щеках моих точила. В глубокой меланхолии проводила я одну бессонную ночь задругой…

— Билл, умоляю, не надо!

— … и являла собой воплощенную аллегорию Терпения, улыбаясь, когда нестерпимая боль терзала мне нутро. Но теперь пришла пора изменить тактику и я, как Адела, не намерена терпеть глупости. Я не могу обещать тебе роскоши, Смидли. Все, что я могу бросить к твоим ногам — литературное агентство, в которое Адела вложила тридцать тысяч долларов.

Смидли никак не предполагал, что есть на свете сила, которая могла бы отвлечь его мысли от ужасного видения грозящего ему брака, вызванного словами Билл, но такая сила нашлась.

— Адела? — переспросил он. — Она дала тридцать тысяч?

— С веселой улыбкой на устах. Завтра мы с Джо едем в Нью-Йорк и берем быка за рога. Дело предстоит нелегкое, и нам, конечно, было бы неплохо заручиться твоей поддержкой. Я уверена, Смидли, что литературное агентство — это твоя стезя. У тебя очень выразительная внешность, которая произведет выгодное впечатление на клиентов. Я просто воочию вижу, как ты с ними общаешься. И с ними, и с издателями. Твой вид римского императора просто положит их на лопатки. Я понимаю, почему ты колеблешься. Тебе неохота оставлять шикарную жизнь под Аделиной крышей, где йогурт течет рекой, и в любую минуту можно приятно побеседовать с хозяйкой… Кстати, я удивляюсь, как ты собираешься иметь с ней теперь дело. После всего, что случилось, у нее на тебя зуб, а уж если Адела заимеет на кого-нибудь зуб, она не станет этого скрывать. Смидли побледнел.

— Господи!

— Боюсь, ваши беседы станут не такими приятными, так что уж лучше тебе жениться на мне, Смидли.

— Но, Билл…

— Это в твоих интересах.

— Но, Билл… брак…

— Что плохого в браке? Это же прекрасно, посмотри только на мужчин, которые, раз попробовав, уже не могут остановиться и женятся на

каждой встречной. Вспомни Бригема Янга.[30] Вспомни Генриха Восьмого. Вспомни царя Соломона. Эти ребята знали толк в хорошей жизни.

В окутавшей Смидли непроглядной ночной мгле блеснул тоненький лучик света. В голове забрезжило нечто вроде надежды. Он взвесил все сказанное Билл.

Генрих Восьмой и царь Соломон — авторитетные люди, на их суждения о жизни можно положиться. Жениться им нравилось, как заметила Билл, они даже сделали себе из этого хобби. Может быть, это служит более или менее веским доказательством того, что брак — не смертный приговор, как принято считать, и даже имеет свои положительные стороны.

От Билл не укрылась перемена в его лице Она взяла его руку в свою и крепко сжала.

— Согласен ли ты, Смидли, взять в жены Вильгельмину?

— Да, — ответил Смидли тихим, но твердым голосом. Билл нежно поцеловала его.

— Так-то лучше, — сказала она. — После обеда мы сядем в мою колымагу и поедем, прицениму, сколько берут священники.

Анонимные холостяки

Перевод с английского Н.Трауберг

ГЛАВА I

1

Мистер Эфраим Траут из юридической конторы «Траут, Уопшот и Эдельштейн» провожал на самолет Айвора Льюэллина,[31] возглавлявшего студию «Суперба-Ллльюэлин» (Льюэллин-сити, Голливуд). Они были давними друзьями. Именно мистер Траут вел все пять разводов Ллльюэлина, включая последний, с Грейс, вдовой Орландо Маллигена, блиставшего во многих вестернах. Ничто не сближает юриста и клиента сильнее, чем хороший развод. Им есть о чем потолковать.

— Я буду скучать по вас, Айвор, — говорил мистер Траут. — Все как-то опустеет. Однако вы правы, вам пора поехать в Лондон.

Мистер Ллльюэлин это знал. Он всегда все обдумывал — все, кроме браков.

— Надо их там подстегнуть, — сказал он. — Подложить взрывчатки под зад, а то мечтают, мечтают… Им же лучше.

— Я думал не столько о них, — заметил мистер Траут, — сколько о вас.

— Да, в Лондоне хороший бифштекс.

— Не в том дело. Калифорнийское солнце плохо влияет на вас. Это сплошное сверкание будоражит дух, и вы женитесь.

При слове «женитесь» мистер Ллльюэлин задрожал, как бланманже на ветру.

— Никогда! — воскликнул он. — С этим покончено.

— Это вы так говорите.

— Я уверен. Вы знаете Грейс.

— Еще бы!

— Она со мной обращалась, как с этими, как их, мексиканскими… нет, не кактус, вроде пиона.

— Пеон?

— Именно. Держала на диете. Вы ели диетический хлеб?

— Нет, не ел, — отвечал мистер Траут. Собственно говоря, он был почти бесплотен, а на диете стал бы невидим.

— И не ешьте. Чистая промокашка. Я жутко страдал. Если бы не моя секретарша (сейчас она миссис Монтроз Бодкин), я бы вообще умер.

Подкармливала с опасностью для жизни. После развода я — как взломщик после тюрьмы.

— Приятное чувство.

— Зверски приятное. Будет он снова взламывать сейф?

— Если умен, не будет.

— Что ж, я умен.

— Но слабы.

— Слаб? Это кто, я? Спросите на студии.

— С дамами, только с дамами.

— А, с дамами!

— Непременно делаете предложение. Я бы так сказал, ре-флекторно. Вы добрый, широкий человек…

— А главное, не знаю, о чем с ними говорить. Нельзя же сидеть просто так!

— Воспользуюсь случаем и дам вам совет. Наверное, вы думали, почему, живя здесь двадцать с лишним лет, я не женился.

Лльюэлин об этом не думал, а если бы подумал, решил бы, что друг его, при всем своем уме, немного суховат. Собственно говоря, скорее он был какой-то сушеный и уж никак не сверкал. Такие мужчины привлекают мягких, уютных женщин, но в Голливуде их мало.

— Причина в том, — сказал мистер Траут, — что я принадлежу к небольшому сообществу убежденных холостяков. Именуется оно АХ, «Анонимные холостяки». Идею отцам-основателям подали Анонимные Алкоголики. Когда кто-нибудь из нас, поддавшись слабости, хочет пригласить даму в ресторан, он созывает собрание, и все его уговаривают. Они приводят доводы, рисуют страшные картины, пока он не одумается. Так возвращается разум на свой престол, наступает мир, уходит блажь. Он покидает друзей, снова став собою, и твердо отвергает впредь надушенные письма, не отвечает на звонки, а завидев знакомую даму, ныряет в переулок. Вы слушаете, Айвор?

— Слушаю, — ответил потрясенный Лльюэлин. За двадцать лет друг его обрел редкостный дар убеждения.

— Поистине жаль, — продолжал Траут, — что в Лондоне нет отделения АХ, иначе я дал бы вам письмо. Немедленно по приезде свяжитесь со здравым, спокойным человеком, которому можно доверять. Хороший юрист без труда его подыщет. На Бедфорд-роу есть контора «Николз, Эрридж и Трубшоу», с которой я часто веду дела. Они охотно вам помогут. Конечно, один человек — не то, что сообщество, но придется им ограничиться. Солнце светит и в Англии, рестораны там есть, словом —

надо себя охранить. «Николз, Эрридж и Трубшоу». Не забудьте.

— Не забуду, — сказал Лльюэлин.

2

Мистер Траут вернулся в Голливуд, чтобы пообедать в погребке вместе с другими членами АХ. Фредерик Бассет, жилищный агент, Джонни Рансибл и Г. Дж. Фланнери, агент литературный, хорошо поработали задень и со вкусом отдыхали. Только Траут мрачно молчал, рассеянно глядя на острое рагу и явственно думая о чем-то. Друзья это обсудили.

— Что-то вы очень тихий, Эф, — сказал Фред Бассет.

Мистер Траут очнулся.

— Простите, Фред, — сказал он. — Я озабочен.

— Очень жаль, очень жаль. А в чем дело?

— Проводил Лльюэлина в Лондон.

— Что ж о нем беспокоиться? Долетит.

— Долететь-то он долетит, а что дальше?

— Хорошо пообедает.

— Один? С деловым знакомым? — Мистер Траут стал еще печальней. — Или с дамой?

— А, черт! — сказал Джонни Рансибл.

— Понимаю, — сказал Г. Дж. Фланнери, и все вдумчиво помолчали.

— Может, ничего и не случится, — сказал наконец Фред Бассет, склонный к оптимизму, как все жилищные агенты, — обойдется как-нибудь. Не забудьте, он только что развелся с этой Грейс. После таких испытаний не сунешь голову в петлю.

— Так он мне и говорил, — подтвердил мистер Траут.

— А я думаю, — сказал Г. Дж. Фланнери, склонный к пессимизму от общения с авторами, — после Грейс практически любая женщина покажется ангелом. Особенно если выпить.

Лбы нахмурились, губы сжались, глаза потемнели.

— Вот что, Эф, — сказал Фред Бассет, — надо было его предупредить.

Мистер Траут обиделся.

— Я предупреждал, — сказал он. — Мало того, я дал ему адрес конторы, которая ему подыщет душехранителя.

Фред Бассет покачал головой. Это вам не расхваливать недвижимость, тут — серьезные дела.

— Может ли один человек заменить АХ? — усомнился он.
— Навряд ли, — сказал Г. Дж. Фланнери.
— Именно, — сказал Джонни Рансибл.
— Разве что вы, Эф, — сказал Фред Бассет.
— Это мысль, — сказал Г. Дж. Фланнери.

Сердце повернулось в груди Эфраима Траута. Он знал, что может играть на Лльюэлине как на струнном инструменте, и любил это делать. Здесь, в конторе, было затишье, могли обойтись и без него — ни единой causes celebres,[32] где требуется сам хозяин.

— Вы правы, Фред, — сказал он. — Разберусь в конторе, и в Лондон.
— Сразу улететь не могли бы?
— К сожалению, нет.
— Тогда будем молиться, чтобы вы не опоздали.
— Будем, будем, — сказали Г. Дж. Фланнери и Джонни Рансибл.

3

А мистер Лльюэлин, прибыв в Лондон, познакомился тем же вечером на приеме, данном в его честь, с актрисой Верой Далримпл. Как и все его жены, она была красива и темноока. Вскоре ей предстояла премьера комедии «Кузина Анджела», принадлежавшей перу молодого драматурга по имени Джозеф Пикеринг.

ГЛАВА II

Вера Далримпл и человек лет пятидесяти с лишним репетировали на сцене театра «Регал», и каждый, кто слушал их, заметил бы, что реплики ее значительно интересней. Наблюдение это было правильным. Пожилой актер непрестанно жаловался, что, если ты играешь с прекрасной Верой, ты просто часть декорации.

Автор сидел в ложе и давал интервью такой хорошенькой девушке, что первый же взгляд на нее отнял у него голос. Однако прямота ее и простота быстро привели его в чувство, теперь они дружески болтали. Звали ее мисс Фитч, а представляла она какую-то неведомую газету. «Женская…», он толком не разобрал.

Замышляя Джо Пикеринга, природа имела в виду что-то легкое, веселое; и до репетиций «Кузины Анджелы» он соответствовал замыслу. Но чувствительный человек, чья первая пьеса попала к Вере Далримпл, редко сохраняет эти качества. На самой ранней стадии их союза оружие прошло ему сердце,[33] а незадолго до премьеры он ощущал примерно то, что бывало с ним прежде к концу боксерского матча.

Салли Фитч, однако, беседовала не об этом.

— Удивительно, как мрачен театр в дневное время, — заметила она.

— Тут творятся мрачные дела, — с чувством отвечал Джо.

— Хороший сюжет для детектива, — предположила Салли. — Вот в такой ложе очень удобно спрятать труп. Маленький, естественно, скажем — карлика. Курил с детства, перестал расти, спрятался в цилиндре злодея и услышал, как замышляют преступление. Но тут он чихнул. Его убили. Хотите такой сюжет? Дарю.

— Спасибо. А почему тело сунули под кресло?

— Надо же его куда-то деть. Думайте сами, я свое сделала. Она была не только хорошенькая — голос у нее просто

звенел. Видимо, это пленяло не всех, поскольку еще один голос сказал со сцены:

— Нет, можно помолчать?! Болтают, болтают…

— Простите, — сказал Джо. — Простите.

— Кто это? — испуганно спросила Салли. — Бог?

— Нет, Вера Далримпл.

— Да, да, конечно. Как-то я брала у нее интервью…

— Я бы попросила! — донеслось со сцены.

— Кажется, мы тут лишние, — сказала Салли. — Пойдемте отсюда, посидим в фойе.

Когда дверь за ними закрылась, она спросила:

— Нравится вам эта звезда? Только честно, я никому не скажу.

На это ответить он мог, и ответил сразу:

— Вероятно, мать ее любит.

— Но не вы.

— Не я.

— Очень пылкая?

— Да.

— Склочная?

— Именно.

— В общем, плохой характер?

— Как у беса.

— А в остальном ничего?

— Чего. Крадет реплики.

— Простите?

— Крадет реплики у других актеров. Естественно, все съезжает набок. Вот сейчас — весь сюжет держится на том, что главный — мужчина. Но ей-то что! Что ей сюжет, если смех достанется партнеру? Двадцать раз переписывал, пока угодил. Все подгребла под себя, гадюка.

— Да, мне говорили, что она себя очень любит.

— Мягко сказано!

— А нельзя ей все выложить и утопиться в пруду?

— Нельзя. Может эфиопский раб выложить все Клеопатре и утопиться в Ниле?

— Что-то вы не очень похожи на эфиопского раба!

— Волосы посветлее, а так — один к одному.

— Она замужем?

— Не знаю.

— Если замужем, жаль ее мужа.

— Да, не повезло человеку.

— Ему уже не помочь. Вернемся к интервью.

— Зачем? Я не люблю говорить о себе.

— Приходится, в том интервью и состоит.

— На что я вашей газете? Не такая уж я персона.

— И мы не такая уж газета. Есть у вас хорошее хобби? Вы ведь боксер?

— Кто вам сказал?

— Редакторша. Обожает бокс. Она говорит, вы выиграли матч.

— Любительский. В среднем весе.

— Наверное, она видела.

— Странно, что она смотрит бокс. Сама не боксирует?

— С нее станется. Перейдем от боксера к драматургу. Джо заерзал. Ему очень не хотелось говорить об этом неувлекательном созданье.

— Ну, пишу по вечерам, после службы…

— Я тоже. А где вы служите?

— В юридической конторе.

— Да, тоска. Почему вы это выбрали?

— Я не выбирал. Я хотел стать адвокатом, но денег не хватило, пришлось служить.

Салли помолчала дольше, чем обычно, потом произнесла:

— Какая жалость!

— Да, нелегко.

— Как же вы ходите на репетиции?

— Отпускают.

— А, вон что! Скучаете на службе?

— Вообще-то да. Зарабатывать надо, а то бы все время писал.

— Вот и я так.

— Что вы пишете?

— Это я беру интервью!

— Мне бы хотелось узнать побольше о вас.

— Ну ладно. Родилась в Вустершире, дочь священника. Сбежала из резервации. Служила то там, то сям. Долго была секретаршей у Летиции Карберри. Слышали о ней?

— Вроде бы нет.

— Очень известная дама. Борется против курения.

— Хорошо, что я ее не знаю. Я таких видел. Толстые, склочные…

— А вот и нет! Тоненькая и ласковая. Правда, не слишком умная.

— Конечно, если вас выгнала.

— Почему выгнала?

— Вы же у нее не служите.

— Это очень трудная работа, мужская. Конечно, я могла бы войти в компанию, но Летиция решила поехать в Южную Америку, а мне не хотелось уезжать. Наверное, ей донесли, что там много курят. Расстались мы в самых лучших отношениях, прощались, как мать с дочерью или как тетка с племянницей, хотя не знаю, как прощаются тетки.

— Примерно так же, как дяди с племянниками.

— Потом я нашла нынешнюю работу.

— Счастливый конец?

— Да. Я ее люблю. А теперь, ради Бога, отвечайте вы. Эта пьеса много для вас значит?

— Очень много.

— Что ж, желаю удачи.

— Спасибо. Вы пьес не писали?

— Все, все, все! — сказала Салли. — Спрашиваю я. Вам показалось, что вы пишете мою биографию?

Когда она ушла, на его взгляд — слишком скоро, Джо пришло в голову, что надо помириться с мисс Далримпл. Он перехватил ее у выхода и пригласил в кафе. Она была довольно приветлива, но в кафе шла и так, с мистером Лльюэлином, известным киномагнатом.

ГЛАВА III

1

Привратник актерского входа сидел в своей клетушке и сильно страдал — не потому, что он хотел курить, а это ему не разрешалось, но потому, что за дверью, слева, кончала свой путь «Кузина Анджела», и это его огорчало.

Лично он, мистер Мак, не имел к ней ни малейшего отношения. Он сам любил подчеркивать, что его не касаются никакие дела за дверью. Что бы там ни творилось; он оставался, как несменяемые чиновники министерства иностранных дел. Но за короткие недели знакомства он привязался к автору и теперь его жалел. Одна только мысль обо всех недоумках, чьи пьесы шли по году с лишним, убеждала в том, что судьба серьезно ошиблась, попустив «Кузине Анджеле» лишь шестнадцать представлений.

Поделиться этой мыслью было не с кем, разве что с солидным мужчиной, стоявшим у стены. Глаза его были закрыты, лицо кое-как освещала сонная улыбка. Нельзя сказать, что голову венчали виноградные листья, но даже менее опытный диагност определил бы, что он, как говорится, выпил. Признав в нем американца, Мак привычно удивился, как это граждане этой страны ухитряются стоять на такой стадии опьянения.

Но уж обмениваться мыслями или, как сказал бы Шекспир, искусно обручать свой ум с другим,[34] он явно не смог бы, и Мак решил было подумать о скачках, когда с улицы вошел значительно более презентабельный джентльмен. Собственно, мы могли бы назвать его красивым — в эфирном, хрупком духе, вроде Шелли, но такая внешность привлекает скорее женщин, чем мужчин, и Мака она не привлекла.

— Мистер Пикеринг здесь? — спросил новоприбывший.

Мак ответил: «Да», — и эфирный гость исчез, но тут же, уже из театра, вышел Джо Пикеринг.

— Здравствуйте, мистер Пикеринг, — сказал Мак.

— Здравствуйте, Мак. То есть до свиданья.

— Очень мне жалко, мистер Пикеринг. Нехорошо получилось.

— Да, скорее плохо.

Человек у стены захрипел. Джо поглядел на него.

— Надрался? — тихо сказал он.
— А то!
— Вообще-то он прав. Пойду и я надерусь.
— Ну-ну, мистер Пикеринг!
— Не одобряете эту идею?
— Вы не очень горюйте, мистер Пикеринг, с кем не бывает!
— Я надеялся, что со мной не будет. Рекомендуете презреть? Как тот мотылек?
— Э?
— Жабе, попавшей под борону,[35] трудно это терпеть, хотя мотылек в густой траве советует все презреть. Киплинг. Что вам, мотыльку? Сидите тут, забот не знаете.
— Не так уж тут хорошо, мистер Пикеринг. Когда я отслужил, только эта работа и нашлась. А лучше бы мне маленький кабачок… или там банк возглавить, хо-хо!
Красноречие его тронуло несчастного автора. Он понимающе кивнул.
— Понятно, Мак. Каюсь. Пить не стану. Не стану и жалеть себя.
— Вот это другое дело. Хвост трубой, мистер Пикеринг. Они задумчиво помолчали.
— Туда пойдете? — спросил наконец привратник, указывая на дверь.
— Нет, незачем. Эту пьесу я видел. А что?
— Там этот сэр Джеклин. Спрашивал вас, не иначе — хочет стрельнуть. Вечно он стреляет, ко мне — и то подбирался, честь какая! Прямо как к лорду, хо-хо!
— Да, Уорнер — не из лучших наших баронетов.
— А то! — подтвердил Мак. — Джек Уорнер![36] Я так скажу, истинная вошь.
Человек у стены зашевелился, словно спящая принцесса после поцелуя.
— Это как? — осведомился он.
Собеседники удивились, словно с ними заговорил не очень новый труп.
— Дам в рыло, — продолжал тем временем незнакомец. — Дж…э…ык Уорнер мой ддрргг. Три года не разговариваем, а все равно дрыэуг. Кто его тронет, дам в рыло. Да у нас в Глв…э…ы…уде его та-ак по-чи-та-ют!
— Это не тот, — миролюбиво сказал Джо.
— Брысь. Джо не унялся.
— Вот вы говорите, Голливуд, — начал он. — Там очень хорошая

погода. Солнце светит практически всегда, но ударов не бывает, хотя шляп почти нет. А загореть можно. Вы, к примеру…

— Ы.

У Джо отлегло от сердца. Такт, думал он, великое дело; такт и присутствие духа. Простая беседа о климате Южной Калифорнии, и вот, пожалуйста!

— Хорошо в Голливуде, я думаю, — продолжил он, — апельсины, актрисы…

Видимо, такт не помешал ему сделать досадный промах. Человек у стены скривился, словно проглотил несвежую устрицу. Реакцию его мы бы назвали спонтанной.

— К черту! — заметил он. — Какие актрисы?! К черту.

— Пожалуйста, — согласился Джо. — Со всем моим удовольствием.

— Отбросы общества.

— Видимо, вы правы.

— Я всегда прав.

— Зато апельсины…

— К черту. Какие апельсины? Надо б ему дать в рыло…

С этими словами незнакомец приблизился к окошку, за которым сидел Мак, и попытался туда влезть.

В такой деликатной ситуации Джо действовал решительно. С похвальной скоростью схватив незнакомца за полу, он потянул его к себе, схватил, потащил к входной двери и мгновенно выбросил на улицу. Там начался дождь, но он успокоил совесть тем, что пострадавший, несомненно, кликнет такси.

— Вот это да! — сказал Мак, когда Джо вернулся к нему с видом примерного бойскаута.

— Именно, «вот это да».

— Кто он такой?

— Чего не знаю, того не знаю. Фамилию сказал, вроде Лью и еще чего-то.

— Насколько я понял, из Голливуда.

— Там бы и сидел. Спасибо вам большое, мистер Пикеринг.

— Не за что. До свиданья, Мак.

— До свиданья, сэр. Удачи вам в другой раз.

— Если он будет.

— Будет, как не быть. Солнце, это, выглянет…

— Пускай поторопится. Встретите случайно, передайте, я жду.

Выйдя на улицу, он пошел туда, где располагалась убогая квартирка,

которую он называл домом. Дождь утих, но лужи остались, и он как раз обходил одну, когда в него врезалось что-то вещественное. Он это подхватил. По-видимому, в этот вечер ему было суждено подхватывать людей. Сперва то был мистер Лью, теперь — Салли Фитч.

2

О, Господи! — сказал он. — Это вы.

Здравствуйте, — сказала Салли. — Спасибо.

Не за что. Что вы делали? Репетировали сельский танец?

Споткнулась. Каблук отлетел.

— А, вон что!

— Надо взять такси. А пока что, скажите, как у вас дела? Боксируете?

— Хотел дать в глаз Вере Далримпл, но удержался.

— Надеюсь, она не загубила пьесу?

— Загубила.

— Ой, что вы!

— Сегодня последнее представление.

— Какой ужас! Вам очень плохо, да?

— Бывало лучше.

— А вид у вас ничего, веселый.

— Личина. Решил не жалеть себя. В конце концов, это не самое большое несчастье.

— Вообще-то да.

— Возьмем юношу на горящей палубе.[37] Положеньице, а?

— Да, конечно.

— А ворчал он? Жаловался? Нет. Возьмем Наполеона. Хроническая диспепсия. Съест — а переварить не может. А тут еще Ватерлоо.

— И ничего. Скажет: «О-1а-1а!»..

— Весьма вероятно.

— Или: «Zut».

— Может, и «Zut».

— А мне все равно вас жаль.

— Спасибо.

— Надеюсь, все изменится.

— Я знаю из авторитетных источников, что выглянет солнце. Ну, вот и такси.

Она уехала, он дошел до дома и обнаружил там письмо от старого

друга, Джерри Николза из конторы «Николз, Эрридж и Трубшоу», что на Бедфорд-роу, 27.

«Дорогой Джо! — писал Джерри. — Если можете вырваться от плантаторов, утром во вторник зайдите ко мне. Кажется, могу кое-что предложить. Не откладывайте, дело срочное, а в понедельник меня не будет. Пока. Жду». Джо обрадовался, но, засыпая, думал не о Джерри Николзе, а о Салли Фитч.

ГЛАВА IV

Не слишком фешенебельные кварталы Лондона испещрены просторными домами, построенными тогда, когда у людей бывало по дюжине детей, много денег и неограниченное количество прислуги. Теперь семье их не осилить (прежде всего потому, что прислуга кое-что смекнула), и в домах этих расположились пансионы для студентов и мелких служащих. Гостиная, столовая, по комнате на каждого; получается что-то вроде частного и довольно уютного клуба.

Одной из мелких служащих была Салли, которая и сидела в воскресенье у своей подруги Мейбл Поттер, обсуждая, работать ли той после свадьбы.

Служила Мейбл секретаршей у Эдгара Симеона, антрепренера, но собралась замуж. Чарли, биржевой маклер, судя по всему, зарабатывал достаточно и хотел, чтобы она уволилась, предавшись домоводству. Однако она свою работу любила.

— Таких людей встречаешь, нет слов! — говорила Мейбл. — Вчера приходил один из газеты, у него белая горячка. Стало трясти, ты только подумай, перед самым моим столом! А ты любишь свою работу?

— Да.

— Тоже, наверное, интересные люди.

— Сколько угодно. Ты видела экзистенциалиста? А этот, заметь, еще и поэт. Предложил выпить абсента и съездить с ним к морю. Во вторник беру интервью у Айвора Ллькюэлина, это киношный магнат. Наверное, могучий дядя. У нас плохо то, что мы — корабли в ночи.

— То есть как?

— А встретишь кого-нибудь, и привет. Больше его не увидишь.

— На что нам знаменитости?

— Не так их много, хотя этот Ллькюэлин вполне знаменит. Правда, я о нем не слышала. Но я имела в виду Джо Пикеринга.

— Кто это?

— Вот видишь, ты не слышала о нем. У него провалилась первая пьеса. Мне его ужасно жалко. Вчера я на него налетела, а больше — не увижу, хотя мне в жизни никто так не нравился. Прямо как брат и сестра, разлученные в детстве.

— Красивый?

— Нет, он боксер, это портит внешность. Ухо покорежено… Но,

знаешь, красота — не главное. Он хороший. Не любит говорить о себе, а все-таки отвечал, был со мной вежлив, хотя я жутко приставала.

— Правда, неловко спрашивать чужих людей, во что они верят, кого они любят, что едят на завтрак?

— Да нет, ничего. Черствеешь, как хирург.

— Наш Сэмми говорит, он бы топил газетчиков в ведре. Так как же мне быть? Ты бы ушла с работы?

— То я, а то — ты, — сказала Салли. — Я тихая, смирная девица. Пообещаю чтить какого-нибудь беднягу, и буду чтить, лучше начать сразу. Знаешь, очень многое зависит от мужа. Как твой Чарли, сильная личность, стучит кулаком по столу?

— Что ты! Он говорит: «Как хочешь, так и делай, я все равно счастлив».

— Приятней ему, если ты уйдешь?

— Конечно.

— Тогда уходи, Мейбл, уходи. Такой человек стоит жертвы.

— Да, надо бы…

— Надо, надо. По-моему, одного журналиста с белой горячкой вполне достаточно. Твой Чарли очень хороший, не зациклен на себе. За такого бы я вышла замуж.

— А кстати, почему ты не вышла?

— Никто не просил. Когда-то собиралась, но зря.

— Поссорились? Гордость помешала объясниться? — предположила Мейбл, которая читала романы, когда не общалась с безумными журналистами. — А кто он, младший священник?

— Почему?

— Ну, твой отец — викарий, значит — рядом младшие священники. Или врач?

— Нет. И не хозяин кабачка, и не садовник, и не учитель. Баронет, моя душечка, причем — седьмой. Отец готовил молодых людей к экзаменам, дипломатическим каким-то. Учился у него и Джеклин.

— Странное имя.

— Фамильное. Передается век за веком.

— Ты с ним порвала?

— Нет, он со мной. Сказал, что неблагородно меня связывать, потому что денег у него нет и неизвестно, когда будут.

— А их не было?

— Ни гроша. Шестой баронет просадил на бегах.

— Где же твой Джеклин?

— Здесь, в Лондоне.

— Видитесь вы?

— Это что, интервью? Да, иногда видимся. Ходим в театр.

— Ты его разлюбила?

— Абсолютно.

Мейбл встала, потянулась и сказала, что пойдет к себе.

— Будешь письма писать?

— По воскресеньям не пишу. Почитаю газеты. В «Ньюз» — шикарный детектив.

Наедине Салли размечталась. Она редко думала о Джеклине и теперь с удивлением поняла, что немного покривила душой. Любовь миновала, но не абсолютно. Можно не нравиться столь суровым критикам, как привратник Мак, но если ты очень красив, красноречив, да еще и трогателен, добросердечной девушке не так уж легко тебя забыть.

Салли припомнила луга, залитые лунным светом, поцелуи под деревом, лодочные прогулки. Когда вошла Мейбл, она пребывала в состоянии, которое у кого-нибудь иного мы бы назвали «рассиропилась».

Мейбл распахнула дверь так резко, что стекла затряслись. В руке у нее была газета.

— Салли, смотри!

— На что?

— Вот на это. Здесь про тебя.

— А что такое?

— Ты прочитай. Тут, где мой палец.

Салли взяла газету и мгновенно забыла про лодки и луга, увидев свою фамилию.

— Ой! — сказала она, и Мейбл признала, что лучше не скажешь.

Судя по объявлению, мисс Сару Фитч, родившуюся в Мач Миддлферде, графство Вустершир, с нетерпением ждали в юридической конторе «Николз, Эрридж, Трубшоу и Николз», расположенной по адресу Бедфорд-роу, 27. Если уж тут не сказать «ой», просто не знаешь, когда его говорить.

— Дело ясное! — вскричала Мейбл. — Это наследство.

— Чушь какая!

— Почему?

— У меня нет богатых родственников.

— Есть. Твой дед выгнал твою маму за то, что она вышла за священника, а не за графа. Сплошь и рядом бывает.

— Но не у нас. Дедушка очень любит папу.

— Ну, что это! — огорчилась Мейбл.

— Да, да. И вообще он жив. Вчера прислал мне письмо.

— Ай-я-яй!

— Мало того, он живет на пенсию.

— Ну, знаешь!

— Наверное, это шутка, — предположила Салли. — Кто-нибудь из газеты.

— Они бы сами показали.

— Да, скорее всего…

— Ты хоть сходи туда!

— Схожу, из любопытства. Завтра еду к няне, а во вторник — схожу. Никуда они не денутся.

ГЛАВА V

1

Утром во вторник Джо Пикеринг шел к Джерри Николзу.

Шел он задумчиво, словно сомнамбула, и пешеходы, столкнувшиеся с ним, лелеяли недобрые мысли; но если бы они знали все, они бы его пожалели, ибо, проснувшись в воскресенье, он понял, что страшно и безумно влюблен.

Как писатель (а все же, хоть и в свободные часы, он был, писателем), он полагал, что безумная любовь, особенно с первого взгляда, больше подходит героям Рози М. Бэнкс («Мервин Кин», «Член клуба») или Лейлы Дж. Йорк («Благоухающие бутоны», «Вереск на холмах»).

Однако случилось именно то, что претило его суровому вкусу. Салли он видел всего два раза, но, как пишет Рози М. Бэнкс («Поцелуй в сумерках», гл. III), любовь набросила на него свои невесомые сети. Ничего не поделаешь, симптомы — явные.

Конечно, в любви со второго, в сущности, взгляда, ничего преступного нет, но лучше все-таки знать при этом адрес и фамилию любимого существа. Мало того, он забыл название газеты. Конечно, можно бы перелистать все газеты в Лондоне и найти интервью; можно бы — но не стоит, навряд ли интервью поместили после его провала.

Вот почему он был мрачен, когда входил в контору. К счастью, друг его Джерри, веселый за двоих, был еще веселее, чем обычно. Судя по виду, он, в отличие от Джо, полагал, что этот мир — лучший из возможных миров; и, радостно встретив друга, заговорил о своем письме.

— Ты не удивился?

— Да вроде нет. Ты всегда для меня стараешься.

— Значит, ничего такого не заметил?

— Чего именно?

— Там написано: «Николз, Эрридж, Трубшоу и Николз».

— Ну и что? Ваша контора так называется.

— Николз, Эрридж, Трубшоу и Николз.

— Тебя взяли в партнеры?

— Вот именно. Пока — младший из младших, а все ж партнер. Жалованье побольше, уважение к себе, восторги подчиненных, ну, многое.

— Это хорошо. Поздравляю.

— Спасибо. И еще спасибо, что не спросил: «А с чего это?» Но я скажу. Отец решил, что конторе нужен хоть один партнер, который умеет говорить по-человечески. А то у них у всех особый жаргон, чтобы ставить клиентов на место.

— Сегодня ждешь кого-нибудь?

— Да нет, только тебя и одну девицу. Но хватит обо мне. Перейдем к нашему делу. Конечно, риск немалый…

— Почему?

— Уйдешь со службы, а Лльюэлин возьмет — и тебя не примет. Теперь с работой трудно. Если бы у меня не было такого папаши, юридической акулы, хорош бы я был! Вряд ли прокормился бы.

— А этот твой Лльюэлин может решить за неделю?

— Наверное. Почему «за неделю»?

— Потому что у меня двухнедельный отпуск, как раз половина прошла.

— Это хорошо.

— Ладно, тут уладили. А теперь объясни, кто мой хозяин?

— Сказано тебе, Лльюэлин.

— Это еще кто?

— Джерри очень удивился.

— Ты никогда не слышал об Айворе Лльюэлине?

— Нет.

— Киношный магнат.

— А, да. Видел в титрах, «Производство студии Суперба-Лльюэлин».

— Вот именно.

— На что я ему нужен? Какая должность?

— Душехранителя.

— В каком смысле?

— Он не сказал, как-то увиливал. Смущался, что ли. Пойди к нему на Эннистон-гарденс, 8, тогда узнаешь.

— Может быть, на его душу покушаются тайные враги?

— Вполне вероятно.

— У такого человека их много.

— Сотни, если не тысячи.

— Все в мягких шляпах и в плащах.

— И с пистолетами. А вообще я думаю, ему нужен поддакиватель. Скажет что-нибудь, а ты откликаешься: «Да». Платить будет прилично, так что сходи.

— Конечно, схожу. Спасибо, Джерри.

— Не за что. Буду следить за твоей карьерой. Загудел сигнал. Джерри кинулся к нему.

— Да?.. Сию минуту… Сейчас, сейчас… Это отец, Джо. Чего-то ему надо. — И Джерри исчез с быстротой, указывающей на то, что самые младшие партнеры слушаются старших.

Джо погрузился в мечты. По природе он был оптимистом, и удары безжалостной судьбы не совсем сокрушили надежду, тем более что Мак обещал насчет солнца. Судя по всему, именно оно явилось в облике Лльюэлина.

Что нужно от него магнату, он еще не понял. Возможно, душехранители пляшут перед ними, как Давид перед Саулом, или показывают простенькие фокусы, или отпугивают посетителей; как бы то ни было, Джо не посрамит ожиданий. Он станет незаменимым, таким незаменимым, что Лльюэлин поневоле даст ему очень важную должность, какие там бывают у магнатов, — а он, решив материальную проблему, женится на любимой девушке.

Конечно, сперва надо бы узнать ее фамилию и адрес, но тут помогут сыщики и ищейки. Словом, все складывалось прекрасно, и Джо закрыл глаза, чтобы получше насладиться явившейся взору картиной. Именно в эту минуту дверь тихо открылась и вошла Салли.

2

Волновалась она немало, хотя говорила себе, что причин для волнения нет. Казалось бы, они — пригласили, она — пришла. Видимо, есть что-то такое в юридических конторах, словно сейчас тебя обвинят в нарушении полномочий или еще в чем похуже.

Ее не успокоило даже то, что юрист явственно спал, измученный каким-нибудь иском Попджоя к концерну Чесателей Шерсти с ограниченной ответственностью. Но она была смела и сказала «Здравствуйте», отчего юрист вскочил, словно его припекли снизу кочергой.

Вскочив, он дал возможность себя разглядеть, но Салли не удивилась. Она обрадовалась, что перед нею — не пожилой незнакомец с холодным взором и сухим кашлем, а удивляться было нечему. Джо говорил, что служит в юридической конторе, вот он в ней и сидит.

— Здравствуйте, — снова сказала она. — Это вы.

Впервые за две недели Джо подумал о судьбе без омерзения. Да, с комедиями она жестока, но чудеса творит, ничего не скажешь. Обретя речь, он выговорил:

— А, чтоб я…

— Вероятно, треснул, — подсказала Салли. — Да, это совпадение.

— Это величайшее событие мировой истории, — сообщил Джо, удивляясь тому, что недавно пребывал в унынии. Солнце не просто выглянуло, оно улыбалось шире, чем чеширский кот. — Не присядете ли, как говорят у нас в театре?

— Спасибо. Показать вам свидетельство о рождении?

— Покажите. Давно не видел хороших свидетельств о рождении.

— Вот. Сара Фитч…

— Фитч! Ну, конечно, Фитч.

— … род. в Мач Миддлфорде, графство Вустершир.

— Адреса нет?

— Тогдашнего?

— Нынешнего.

— То есть где я живу?

— Вот именно. Сейчас вы не в Вустершире, значит — где-то еще, вероятно — в столице.

— А, ясно! Я живу в пансионе. Ноттинг-хилл, Лабурнем-роуд, 18. Это важно?

— Очень, — сказал Джо. — Куда уж важнее!

Сыщики и ищейки из игры выходили. Он был рад. Ищейку и сыщика даром не наймешь.

— Курить не хотите? — радушно предложил он.

— Хочу, спасибо, — ответила она и засмеялась.

— Что тут смешного?

— Я подумала, что бы сказала мисс Карберри, если бы меня увидела.

— По-моему, все в порядке.

— Да, но я курю.

— А, да, вы говорили!

— Как-то она меня застала и разорялась так, словно я кого-нибудь убила, подняла бунт на корабле и держу собаку без ошейника. Значит, вот где вы работаете. Тут очень мило.

Джо кашлянул.

— Нет, — признался он, — здесь я не работаю. Моя контора — «Шусмит, Шусмит, Шусмит и Шусмит». Меня просто прибило к берегам Николзов, Эрриджа и Трубшоу. Если хотите, они дают мне приют, когда

бушует снежная буря. А еще точнее, я зашел к другу, Джерри Николзу. Видимо, и вы к нему. Его вызвал большой белый вождь. Важное у вас дело? Конечно, я не любопытен.

— Я заметила. Да, для меня — важное. Я ведь Сара Фитч.

— Кем же вам еще быть? Так написано в свидетельстве.

— Ну, вот. Значит, это именно я.

— Да, не отвертятся. Падут перед вами в пыль. В ресторане вы мне все это расскажете.

— В ресторане?

— Забыл сказать, мы идем к «Баррибо», ровно в час. Если вы не предъявите возражений, как выразились бы Эрридж, Трубшоу, Николзы и Шусмиты.

— Нет, не предъявлю, — сказала Салли, закуривая сигарету. — Я очень рада.

Действительно, она собиралась ограничиться булочкой и кофе в каком-нибудь кафе; и, хотя не бывала у «Баррибо», немало слышала об этом прославленном отеле.

— Вы подождите, если я опоздаю, — попросила она.

— Буду ждать, — сказал Джо, — пока пески пустыни не остынут.

Вошел Джерри, снова вполне веселый. Николз-старший, жаждавший совершенства, считал необходимым указывать на малейший недостаток, но данная встреча прошла сравнительно мирно.

— А, вот и ты! — сказал Джо. — Как папаша?

— Ничего. Дал всякие инструкции по делу мисс Фитч.

— Это как раз она. Род. в Мач Миддлфорд, графство Вустершир. Годится?

— Да.

— То-то. Посмотри свидетельство.

— Очень приятно, мисс Фитч. Я — мистер Николз.

— Младший, — уточнил Джо.

— Один из партнеров.

— Младший и тут. А если бы пришли немного раньше, вы бы и того не увидели. Прекрасный человек, не спорю, достоин всяческого доверия. Никому не показал бы я с такой радостью метрическое свидетельство. Что ж, вам есть о чем поговорить. Так у «Баррибо», в малом зале, начиная с часа. Пока, Джерри. — И Джо Пикеринг ушел.

— Это Джо Пикеринг, — сказал Николз-младший.
— Я знаю. Брала у него интервью
— Какое безобразие с этой пьесой!
— Ее погубила Вера Далримпл.
— Правда?
— Крала реплики. Какая пьеса это выдержит?
— Ужасно!
— Вот и провалилась.
— Да-а… Ай-яй-яй-яй! Ну… э… перейдем к… э..?
— Делу? Да, наверное. Почему вы меня пригласили?
— В связи с последней волей покойной Летиции Карберри.
— Покойной?
— К сожалению, да.
— Ой, Господи! Я ее так любила, она была очень ко мне добра. Что с ней такое?
— Видимо, сердце.
— Ой, Господи!
— Хотите воды?
— Нет, не надо.
Они помолчали. Джерри жалел, что разговор этот не выпал на долю Эрриджа или Б. Дж. Трубшоу. Он видеть не мог плачущих женщин, а Салли все-таки плакала. Однако, напомнив себе, что дело есть дело, а он, к тому же, новый партнер крупной юридической конторы, он продолжал:
— Мисс Карберри — богатая женщина.
— Да, знаю. Я вела переписку с банком.
— Вы были у нее секретарем?
— Да, два года.
— Не ссорились?
— Я говорила мистеру Пикерингу, что мы были скорее как тетя с племянницей.
— Тогда понятно.
— Что вам понятно?
— Нельзя ли на минутку ваше свидетельство?
— Пожалуйста.
— Все в порядке, да и в Мач Миддлфорде многие за вас поручились бы. Отцу будет худо, если он узнает, что я веду дело так…
— …неформально?
— Вот именно. Он человек дотошный, как и Эрридж с Трубшоу. Но я предпочитаю простоту. Кто вы? Доказать можете? Да? Спасибо, все в

порядке.

— Это похвально.

— И быстро.

— Значит, спрашивать не будете?

— Нет.

— А я буду.

— Да?

— Что вам понятно?

— Простите?

— Вы сказали: «Все понятно». Что именно?

— Завещание мисс Карберри. Большая часть ее денег идет Антитабачной лиге.

— Естественно.

— Но кое-что остается вам.

— Мне?

— Да. На особых условиях. Вы курите?

— Курю.

— Много?

— Не очень.

— Видимо, мисс Карберри хочет, чтобы вы не курили совсем. Здесь так и сказано: «Чтобы мисс Сара Фитч исцелилась от пагубной привычки». Я бы не исцелился за все блага мира, но я — одно, вы — другое. Двадцать пять тысяч — это не кот начхал.

Книжные полки зашатались, а сам Джерри — видимо, вернувшись в 20-е годы, — стал плясать шимми вместе с полкой, уставленной солидными томами.

— Двадцать — пять — тысяч?.. — проговорила Салли.

— Для нее это пустяк.

Если бы речь не шла о такой хорошенькой девушке, мы бы сказали, что Салли запыхтела.

— Двадцать пять тысяч!..

— И очень приятная квартирка на Парк-лейн, точнее — на Фаунтин-корт. Вместе с вами будет жить мисс Дафна Долби из сыскного агентства «Орлиное око».

— Ой, нет! — вскричала Салли, обращаясь в камень.

— Говорил я вам, условия трудные.

— Не хочу я никаких Дафн.

— Ничего не поделаешь. Иначе все отойдет этой лиге. Они зорко следят за соблюдением условий. Вот и наняли сыщицу, чтобы смотрела, не

закурите ли сигаретку.

— Это нечестно!

— Для них — честно.

— Сыщицу!

— Совсем не такую, как вы думаете. Вы представляете себе нос крючком, поджатые губы, пронзительный взор и такую манеру, словно вам сейчас наденут наручники. Нет, мисс Долби — просто красавица. И очень милая. Через два дня будете называть ее Даффи.

— Все равно неприятно… Значит, в завещании такие условия?

— Точно такие.

— Что ж, выбора у меня нет.

ГЛАВА VI

1

Выйдя из конторы, Салли остановилась и задумалась. Готовясь к встрече, она надела лучшее платье, оно ей очень шло, но блеск прославленного отеля требовал большего. Было еще рано; она могла пойти в самый лучший магазин и купить что-нибудь сногсшибательное. Установив ее личность, Джерри дал ей достаточно денег. Она кликнула такси.

Выходя уже из магазина (лучшего в Лондоне), она решила забежать на Фаунтин-корт. Ключ у нее был. Она опять кликнула такси.

Квартира буквально ее потрясла. Джерри назвал это жилище приятным, и не ошибся. Кроме денег, у Петиции Карберри был вкус. Мебель, занавеси, подушки, ковры, картины, книги не оставляли желать лучшего. Обитательнице пансиона на Лабурнем-роуд просто не верилось, что все досталось ей; и она не сразу вспомнила, что вместе с тем ей досталось общество незнакомой Дафны Долби. Но только стала она гадать, какая же эта сыщица, пришел ответ — из той части квартиры, где, видимо, располагались спальни, вышла она сама.

Несмотря на увещевания Джерри, Салли представляла сыщиц достаточно страшными и мрачными, но эта ей понравилась. Кем она позже ни окажись, хоть змием из Эдема, сейчас она была очень привлекательной. В карих глазах не было пронзительности, круглое личико ничуть не напоминало о ее профессии. Физиономист, пожалуй, сказал бы, что рот и подбородок свидетельствуют о сильной воле, и был бы прав — у слабых женщин они все-таки другие.

— Мисс Фитч? — сказала она. — Да-да, я — мисс Долби. Вернулись в родные места?

— Простите?

— Разве вы не здесь работали с мисс Карберри?

— Нет, она позже ее купила.

— А сама уехала в Америку. Вот они, богачи. Хорошо иметь деньги, а?

— Замечательно.

— И мне так кажется. Нам здесь будет неплохо. Конечно, трудно жить

под контролем, но я постараюсь вам не очень мешать.

Салли, любившая почти всех, уже восхищалась своей товаркой; и ответила с искренней радостью:

— Я очень довольна, что вы здесь. Ничуть вы не мешаете.

— Вроде бы вы не кривите душой.

— Конечно, нет! Вы мне расскажете про эти свои дела?

— Они неинтересные.

— А как же сокровища магараджи или секретные соглашения?

— Ну, что вы! Слежка всякая, разводы. Я-то вообще не слежу, я распоряжаюсь.

— Как вы достигли таких высот?

— По знакомству. Отец служил в Скотланд-Ярде, ушел в отставку, завел агентство. Я у него работала. Дела шли очень хорошо. Потом стала младшим партнером, потом он уехал на остров Гернси, занялся помидорами, а дело оставил мне. Целая цепь счастливых обстоятельств. Вроде Золушки.

— Зачем же вы взялись за такую работу? Ну, со мной. Это же просто слежка.

— Все Джерри Николз. Хотел как лучше. Он прав. Мои девицы хорошо работают, но темнота, темнота, не о чем поговорить. Со мною вам не будет скучно в долгий зимний вечер.

— Конечно! А часто бывают такие завещания?

— Не могу сказать. Я — не встречала. Вообще-то эта лига — просто свинья. Надеются, что вы проштрафитесь.

— Как хорошо, что вы на моей стороне!

Дафна Долби мгновенно поджалась. Видимо, эти слова ее огорчили.

— На вашей стороне?

— О, простите!

— Я вам сочувствую, это да, — смягчилась прекрасная сыщица. — Желаю вам жизни, свободы и права на счастье. Но сыщик — как футбольный судья. Может быть, он спит и видит, чтобы розовые футболки всыпали зеленым в лиловую полосочку, но никогда не разрешит этим чувствам влиять на свои решения. Так и я. Служба для меня — как… ну, как служение.

— Понимаю. Полная честность.

— Вот именно. Болею я за вас, но если закурите — выдам. Долг прежде всего.

— Спасибо, что предупредили.

— Не за что. Что это у вас?

— Новое платье. Иду в ресторан, в «Баррибо».

— Ого, как взлетели! Правильно. Развлекайтесь, пока можете. Я перекушу в конторе. Если жених в кафе не поведет, но это вряд ли. Он бедный. Да еще очень любит бега, как его покойный отец. Если хотите, могу подбросить. Я на машине.

— Спасибо, забегу в пансион.

— Ладно, бегите. Только не курите, буду нюхать.

— Нюхать?

— Пригодится. Скажу: «Дыхните».

— А вы дотошная!

— На том стоим, — отвечала Дафна Долби.

2

Первым делом прекрасная сыщица поехала не в свое агентство, а на Мерфи-мьюз, в самый захудалый угол Челси, населенный подозрительными людьми. Вероятно, у некоторых мы обнаружили бы золотое сердце, но большинство, в самом лучшем случае, еще не состояло под надзором полиции. Одним из этих счастливцев был жених Дафны, Джеклин Уорнер. Жил он здесь месяца два и предполагал жить дальше, пока сборщик квартирной платы согласен принимать вместо денег очарование манер и хорошо подвешенный язык.

Дафна не постучалась в обшарпанную дверь квартиры 5, Джек этого не любил. Вложив пальцы в рот, она издала пронзительный свист. Появился жених — без пиджака, но с бокалом.

— А, Дафф! — воскликнул он. — Слава Богу, ты пришла. Те, кто знал обоих баронетов, часто спорили, кто из них хуже, шестой или седьмой. Говоря строго, они друг друга стоили; но была и разница — шестой обводил людей вокруг пальца, нахраписто хлопая их по спине, седьмой — глядя на них жалобным, невинным взглядом.

— Дафф, — сказал он тем дрожащим голосом, который особенно хорош с женщинами, — я в ужасном положении.

— Опять?

Дафна прямо взглянула на него своими ясными глазами. Иллюзий у нее не было. Она хотела стать леди Уорнер и прекрасно знала, что он женится на ней из-за денег. Теперь она ждала того неотвратимого мига, когда получит право поделиться этими деньгами с ним.

— Я не виноват, — сказал сэр Джеклин. — Лошадь была абсолютно

верная, но, понимаешь…

— Сколько тебе?

— Десять фунтов.

— Всего?

— Вообще-то двадцать.

— Что ж, это я потяну.

— Спасибо!

— Только замечу, что после Кемтон-парка ты обещал больше не играть.

— Да-да! Но абсолютно верная лошадь…

— Ладно. А теперь скажи, как тот ворон…

— Ворон? Какой еще ворон? Ах, этот! Ха-ха! Давно не слыхал этих стихов. Помню, отец в детстве выпьет и заставляет их читать. «Каркнул ворон: «Ни-ко-гда»…

— Вот смеху-то было!

— Ну-ну, старушка. Лучше скажи, что нового?

— Мой адрес, к примеру. Фаунтин-корт, За. Запиши. Рядом с Парк-лейн.

— Ты шутишь?

— Ничуть.

— Ты получила наследство?

— Нет, не. я. Я живу при богатой наследнице. Вроде бы вы знакомы, я вас когда-то видела в театре. Посмотри в книжке на Ф. Салли Фитч.

— Салли Фитч? О, Господи!

— Ты хорошо ее знаешь?

— Да, неплохо. Ее отец — викарий у нас в Вустершире, я с ним занимался. Хотел, знаешь, пойти по дипломатической линии. Нет, это поразительно! Кто же ей оставил деньги? Богатая наследница…

— Это гипербола. Но вообще-то не кот начхал. Двадцать пять тысяч и квартира. Я там живу.

— При чем тут ты?

— Наняли.

— Не понимаю.

— И незачем.

— Нет, при чем тут ты?

— Есть условия, и я слежу, как она их выполняет.

— Какие?

— Неважно. Не твое дело. Ладно, я пошла. Раздам поручения в конторе, а то меня долго не будет.

Джеклин остался один в большой задумчивости. Сперва он решил было ехать к Салли в пансион и сделать предложение — все ж старая любовь не ржавеет. Ах, как он удивится, когда в его объятиях она скажет ему, что совсем не надо жить на хлебе, сыре и любви! Он наслаждался этими мыслями, когда услышал стук в дверь.

Пришлось переждать. Ни сборщик налогов, ни портной его не удовлетворяли — все он, враждебный мир! Да, пришлось переждать. И за это время ему пришло в голову, что письмо не хуже, зато гораздо осмотрительней. Наполнив бокал, он сел к столу.

Письмо получилось на славу, оно просто сверкало страстью.

3

Платье тоже не подкачало, казалось бы — все в порядке, но Салли боялась, что в ресторане она сама сверкать не будет. Ночью ей не спалось, она беспокоилась из-за предстоящего визита, и теперь иногда позевывала. Джо очень приветливый человек, но и приветливые люди могут обидеться, если дама зевает.

Надеясь на лучшее, она направилась к двери и обнаружила за ней Мейбл, которой не терпелось узнать, в чем дело.

— Салли! — воскликнула она. — Хорошо, что я тебя перехватила. Была ты в конторе?

— Была.

— Что случилось? Какие новости? Хорошие?

— Очень.

Мейбл слушала как завороженная, хотя из романов Рози М. Бэнкс и Лейлы Дж. Йорк знала, что бедная девушка непременно получит наследство. Цифра ее немного разочаровала.

— Двадцать пять тысяч!

— И квартира.

— Где?

— На Фаунтин-корт. Рядом с Парк-лейн.

— Вот здорово!

— Да, она очень хорошая.

— Ты уже посмотрела?

— Только что оттуда.

— Покажи мне! Давай съездим, а?

— Сейчас не могу.

— Можешь, я только взгляну. Это пять минут.

Минут понадобилось больше. Квартира За просто очаровала Мейбл. Она бегала и взвизгивала, а Салли тем временем села в глубокое кресло и прикрыла глаза.

Открыв их, она вскричала:

— О, Господи! Два часа!

Мейбл, нежившаяся на кушетке, удовлетворенно кивнула, заметив:

— Да, ты хорошо выспалась.

— Что ж ты меня не разбудила?

— А зачем? Ты устала, столько волнений. Самое лучшее дело — поспать.

— Я не пошла в ресторан!

— И слава Богу. Мы переедаем. Чарли иногда пропускает ланч, и очень хорошо себя чувствует.

— Он подумает, я нарочно!

— Кто?

— Такой Пикеринг. Я брала у него интервью, он написал пьесу, а сегодня мы встретились в конторе. Он дружит с юристом.

— Вот юриста и спроси. Позвони ему и спроси, как связаться с твоим Пикерингом.

Салли обрадовалась. Мейбл нередко удивляла ее своим здравым смыслом. Видимо, у антрепренеров всегда такие секретари.

— Да, он ведь должен знать! Нет, лучше сперва схожу в ресторан. Может быть, он все еще там.

— Пикеринг?

— Кто же еще?

— Когда вы условились?

— В час.

— А теперь четверть третьего. Если он просидит там полтора часа, он какой-то уникум.

И тут Салли поняла, что так оно и есть. Кто-кто, а Джо Пикеринг — уникум, то есть — единственный на свете.

ГЛАВА VII

Джо на месте не было. Даже для самых влюбленных людей есть какие-то пределы, и, догадавшись, что это — еще один из ударов, он прекратил свое бдение.

Тот, кто пригласил в ресторан любимую девушку и прождал ее без толку больше часа, обуреваем, мы бы сказали, смятенными чувствами. У Джо из всех этих чувств преобладало удивление. Салли казалась такой хорошей, такой дружелюбной и приветливой… Может ли быть, что, по размышлении, она холодно решила не иметь с ним дела? Видимо, может; тем самым, ему остается принять все это, вытеснить ее из сердца и сосредоточиться на Лльюэлине, которому, если верить Джерри, он действительно нужен. Вот почему, когда Салли пришла к «Баррибо», он уже стоял у дома 8 по Эннистон-гарденз.

Дверь открылась, являя взору высокого стройного человека, на котором просто было написано: «личный лакей». Он держал саквояж.

Джо сказал, что хотел бы видеть мистера Лльюэлина.

— Идите, — сказал лакей, — он вон там.

— Вы не сообщите о моем приходе?

— Нет. С меня хватит.

— Вы уходите?

— Именно. Ворчит — хорошо. Ругается — допустим. Но швыряться кашей, это уж, знаете!..

И с этими словами он ушел. Джо несколько растерялся. Краткие, но меткие замечания внушали мысль, что за дверью, на которую лакей указал большим пальцем, сидит некое чудище; и Джо ощущал примерно то, что ощутил бы впечатлительный рыцарь, если бы перед битвой с огнедышащим драконом обнаружил, что волшебный меч куда-то делся. Время побежало вспять, он снова был мальчиком, которого вызвал директор.

Так бы он и стоял, если бы дверь не открылась, являя взору тоже высокого, но толстого мужчину. Волос у него не было. Глаза пронзали насквозь.

— Брысь, — сказал тот. — Ничего не надо.

— Простите? — спросил Джо.

— Товары? Не надо. Подписка? Не надо. И зачем он вас впустил? Сейчас я ему… Где он?

— Ушел.
— Ушел?
— Да. Улетел на крыльях ветра.
— Совсем?
— Видимо, да. Держал саквояж.
Толстый человек не огорчился, а обрадовался.
— Туда ему и дорога, — заметил он.
— Он меня впустил, — поведал Джо, — а докладывать не стал. Очень спешил уйти. По-видимому, у вас произошла размолвка.
— Сжег мою кашу, а я ее ка-ак швырну!
— А, понятно! Многие не любят, когда в них швыряются кашей. Я, например.
— Кто вы такой?
— Джозеф Пикеринг. От Николза, Эрриджа, Трубшоу и Николза. Они сказали, что вы хотите меня видеть. Вот я, пожалуйста.
Толстый человек совершенно преобразился.
— А, вот вы кто! Очень рад, мистер Пикеринг, — сказал он, радушно протягивая руку.
— Это приятно.
— Вы мне нравитесь. Именно такой человек мне и нужен. Спокойный.
— Это хорошо.
— Лучше некуда. Садитесь… эй!
— Что такое?
— Я вас видел.
— Да?
— Где вы были пятнадцатого октября? Этот вечер Джо вспоминать не хотелось.
— В театре, — ответил он.
— То есть перед театром?
— Был и там. Беседовал со швейцаром.
— Так я и думал. Только я собрался оторвать ему голову, вы меня — хапц! шмяк! В общем, вышвырнули.
Если бы Джо не сидел на стуле, он бы пошатнулся от очередного удара. Мерцание мечты, обещавшей ему роль ангела и жалованье по пятницам, немедленно померкло. Он был умен и знал, что, общаясь с потенциальным патроном, можно войти в доверие лаской и кротостью; но если уж ты его вышвырнул, не сетуй. Или одно, или другое — третьего не дано.
Как ни странно, утраченный патрон приветливо улыбался. Если

Ллльюэлин не смотрел на него, как отец на любимого сына, мы и не знаем, как смотрят эти отцы.

— Пикеринг, — сказал он, — вы и представить не можете, как я вам обязан. Вы меня просто спасли, да, да.

Джо показалось, что разумней всего скромно, но понимающе улыбнуться. Так он и сделал; и Лльюэлин продолжал:

— Многие назвали бы это счастливым стечением обстоятельств, но черт с ними, со многими. Например, они говорили, что мои «Сердца в Мозамбике» — полная чушь, а я сгреб двадцать миллионов. Как вы там оказались в тот вечер?

— Моя пьеса шла. Прощался с труппой.

— Это вы написали пьесу?

— Я.

— А я ее три раза смотрел. Очень неплохо!

Любовь к этому тончайшему человеку захлестнула несчастного автора. Он сразу ему понравился, но все ж не настолько. Вот уж поистине родственная душа.

— Правда? — спросил он, расплывшись в улыбке. — Вам понравилось?

— Можно снять хороший фильм. Заметьте, я не сказал «прекрасный», я даже не сказал «отличный», но хороший — можно. Мы об этом еще поговорим. А знаете, что вы для меня сделали?

— Нет, — признался Джо. Мистер Лльюэлин начал не сразу.

— Чтобы вы все поняли, — сказал он, — сообщу вам, что передо мной не устоит ни одна женщина.

Джо тактично заметил, что ничуть не удивлен. Собственно, он сразу так и подумал. Да, да, вошел — и тут же подумал.

— Что-то в вас такое есть, — развил он свою мысль. — Величие, что ли. Как у Наполеона.

— Тоже не могли устоять?

— Куда им!

— Вот и со мной так. Одно исключение — училка, еще тут, в Уэллсе. Не любила, хоть тресни. Освой, говорил, сперва нашу великую словесность — ну, сами знаете. Шекспир там, то-се.

— Учителя корыстны. Путают службу с любовью.

— Да, мудрый человек держится от них подальше. Но кроме нее — как воск! Знаете, сколько раз я был женат?

— Нет, не знаю.

— Пять.

— Вроде бы достаточно.

— Да, вполне. Плохая привычка. Чуть что — делаю предложение.

— А они и рады.

— Еще бы!

— Да, тяжело.

— Тут главное — как перестать.

— Коренная проблема!

— Одна надежда на вас.

— Почему?

— Сейчас поймете. Когда я улетал, мой друг, юрист, пришел меня проводить. Он вел все мои разводы и очень за меня боялся. И вот, он сказал мне интересную вещь. Есть такое сообщество, Анонимные Холостяки, вроде Алкоголиков. Ясно?

— Да, ясно. Когда анонимный алкоголик хочет выпить, он зовет остальных, и они его отговаривают.

— Вот именно. Захочет жениться — а они отговорят.

— Гениально!

— Еще бы! Но со мной все не так просто.

— Очень жаль. А в чем дело?

— Я — в Англии, а здесь нет отделения. Мой друг посоветовал пойти к честному юристу, чтобы он подыскал мне умного, спокойного человека, который заменит АХ. Вы следите за мыслью?

— Как гончая. Соберетесь сделать предложение, а этот человек скажет: «Не дурите».

— Именно. Может выражаться и покрепче, пока опасность не прошла.

— Так, так.

— Судя по вашей прыти тогда, в театре, вы как раз такой человек. Чутье подсказало вам, что я хочу повести эту Веру в ресторан. Вы поняли, как это опасно, и приняли меры. Вы рассчитали, что я упаду в лужу. Оставалось только послать ей телеграмму, что меня срочно вызвали по делу. Я пошел домой и лег в постель.

— И спаслись.

— Да. Всё вы! Поистине, заменили целое общество. Тем более, эту Веру вы знаете. Естественно, вам страшно подумать, что кто-то на ней женится.

— Жениться на Вере Далримпл можно только через мой труп.

— Какие чувства, какой ум! Пикеринг, я вас нанимаю. Переедете сюда. Жалованье обсудим позже, но будете довольны. Если бы не вы, я был бы женат, и это после Грейс! Надо вам сказать, — предался он

воспоминаниям, — что чемпион — Бернардина… Но именно Грейс, не кого-нибудь, прозвали Королевой Бурных Чувств, и не зря, Пикеринг, не зря! За одну картину «Страсть в Париже» она ухайдакала трех режиссеров, двух ассистентов и сценаристку.

— Вылитая Вера Далримпл.

— А вы меня спасли. Что там Шекспир говорит о друге в беде?

— Что-нибудь стоящее. Уж он скажет!

— Как это я забыл? При той училке я его читал-читал, чуть не лопнул. Правда, почти ничего не понял. Странно как-то выражается. Вот, к примеру… Ой, Господи!

— Что такое?

— Это я от себя. Я же ей послал телеграмму, пригласил в «Баррибо»!

При этом слове Джо дернулся, словно невидимый зверек укусил его в нежное место.

— А вообще-то ничего страшного, — продолжал мистер Лльюэлин, заметно светлея. — Женщина простит, если ты раз ее надуешь, но два — ни в коем случае. Взъерепенится, как мокрый гусь. Шекспир бы сказал, свершилось то, о чем благоговейно не смел помыслить. Очень хорошо. Замечательно.

Джо не разделял его оптимизма.

— Сколько вы знаете Веру Далримпл? — спросил он.

— Недели две. А что?

— То, что вы ее не поняли. Вы думаете, она прольет скупую слезу и примирится с потерей. А если нет? Если она явится сюда и обработает вас зонтиком? Мне она не очень нравится, но женщина она пылкая, на многое способна. Вы и чихнуть не успеете. Подумайте об этом.

Если он хотел, как сказала бы училка, чтобы у его патрона замерла кровь и очи, словно звезды, с орбит сорвались, он своего не добился. Лльюэлин был совершенно спокоен.

— Я подумал, — сказал он. — Когда узнаете меня лучше, вы поймете, что у меня есть черты великого стратега. Видите дверь?

Джо ее видел.

— Если эта Вера сюда проникнет, я ныряю туда, а ее предоставляю вам. А, — заметил он, — звонок! Стратег не рискует зря. Привет, привет!

Он нырнул в дверь, словно утка в воду, тогда как Джо ощутил то, что ощущает начинающий укротитель львов, впервые входя в клетку. Отношения его с мисс Далримпл мы не назвали бы сердечными, и были причины подозревать, что сейчас она, скажем так, еще менее приветлива.

Боялся он зря. Перед ним стояла не Вера Далримпл, а Салли Фитч. Как

и Дафна Долби, она отличалась профессиональной честностью. Должна взять сегодня интервью — значит, бери, что бы ты там ни получила в наследство.

ГЛАВА VIII

1

В последнем раунде любительского матча (средний вес), когда противник обратился в истинного осьминога или, вернее, осьмирука, загнанный в угол Джо ткнул куда-то наугад и попал в ту самую точку подбородка. Долгое время этот миг был высшим в его жизни, но сейчас он сдвинулся на второе место.

Как мы уже знаем, он полагал, что Салли просто не хочет его видеть; но один-единственный взгляд показал ему, что гипотеза эта неверна. Глаза ее сияли, лицо светилось и общий вид был примерно такой, словно она нашла клад на том конце радуги. Если уж это не значит, что она рада его видеть, признаки радости нам неизвестны.

— Можете вы меня простить? — сказала она. Простить он мог.

— Я объяснила бы, но выйдет еще хуже.

— Зачем объяснять? Я и так все знатю. Вы шли к «Баррибо», когда на вашем пути оказались большой грузовик и златовласая девочка. Ее вы спасли, он вас толкнул, вы только что из больницы. Правильно?

— Не совсем. Я заснула.

— Простите, что вы сделали?

— Устала, села в кресло, как последняя идиотка, и проснулась в два часа. Сколько вы ждали?

— Около часу.

— Ой, какой ужас!

— Ничего, ничего. Он промелькнул незаметно.

— Нет, какая я гадина!

— Поверьте, я совсем не пострадал. Но если вас грызет раскаянье, можете возместить ущерб.

— Как?

— Пойдемте туда вечером.

— Очень буду рада.

— Так, в полвосьмого?

— Хорошо. А еще лучше, что вы не сердитесь.

— Что вы, я понимаю. Спать полезно. Учительница мистера Лльюэлина сообщила бы вам, что сон неслышно распускает клубок забот.

— Лльюэлина! Да, конечно. Объясните мне тайну, от которой я просто поседею. Почему здесь вы, а не он?

— Потому что я у него служу.

— Кем?

— Душехранителем.

— Замечательно! Значит, из конторы вы ушли?

— Да, сегодня.

— Вот это хорошая новость!

— Я тоже рад.

— А он ничего?

— Истинный ангел.

— Я слышала, он очень лютый.

— Ничего подобного. Да, швыряется кашей, это бывает, но во всем прочем — ангел. Вот он, судите сами.

Дверь чуть-чуть приоткрылась за полминуты до того, и, убедившись по голосу, что это не Вера, хозяин решился выйти.

— Просим, просим, — радушно сказал Джо. — Мисс Фитч, из газеты.

— Мы договорились, — прибавила Салли.

— Помню. Что ж, приступим. Идите, Пикеринг, вам надо вещи перевезти.

— Так не забудьте, — сказал Джо, — полвосьмого.

— Не забуду.

2

Когда Джо вернулся, Салли уже не было, а Лльюэлин курил сигару, как курит ее человек, всласть поговоривший о себе.

— Ничего пупсик, — сказал он.

На эту тему его душехранитель мог говорить со всею властью.

— Лльюэлин, — сказал он, — выбирайте выражения. Это прекраснейшая девушка в мире. Заметили, какие глаза? Я сказал бы, звезды. А улыбка? Сладость и свет. А голос? Серебряный колокольчик на освещенном луной лугу. Характер соответствующий — добрая, кроткая, нежная. Сегодня мы идем в ресторан.

— Да? — удивился мистер Лльюэлин.

— Да. Пойду распакуюсь. Где моя комната? Прекрасно. Заметили ямочку на левой щеке? Как сказал поэт, земля не создала подобной красоты.[38] Несомненно, ваша училка сообщила вам эти строки.

Оставшись один, мистер Лльюэлин выглядел так, как выглядит актер на пробах, когда режиссер просит изобразить беспокойство. К Джо он искренне привязался, воззрения АХ — буквально впитал, а потому разговоры о ямочках и колокольчиках чрезвычайно обеспокоили его. Именно такие разговоры побудили бы Траута с собратьями сурово поджать губы. Ах, Траут! Если бы он был здесь! Кто-кто, а он-то знает, как спасти Пикеринга.

Именно в этом месте его раздумий послышался звонок и Лльюэлин пошел к телефону, подкрепляя себя мыслью, что, услышав голос Веры, он может бросить трубку.

— Алло! — сказал он.

— Здравствуйте, Айвор, — сказал Эфраим Траут. Мистер Лльюэлин затрясся от лысины до подметок. Прямой ответ на молитву часто действует именно так.

— Эфф! — закричал он. — Это вы!

— А кто ж еще?

— Где вы, Эф?!

— В Лондоне, отель «Дорчестер». Вызвали по делу, и я звоню вам. Спешу узнать, как вы справляетесь. Пошли к Николзу, Эрриджу и Трубшоу?

— Конечно, сразу, — сказал Лльюэлин, считая излишним рассказ о Вере Далримпл. — Видел младшего партнера, тоже Николза.

— Душехранителя он дал?

— Вот об этом я и хочу поговорить.

— Когда именно?

— То есть как «когда»?! Сейчас.

— Я собирался зайти к Сотби, на выставку первых изданий.

— К черту! Какие Сотби? Какие издания? Через двадцать минут вы здесь. Иначе уйду к Джонсу, Джуксу, Дженкинсу и Джернингему.

— Хорошо, Айвор, — сказал Траут, и через семнадцать минут сидел в кресле, а его друг говорил: «Так вот», — намереваясь очистить сердце от непосильнейших сердечных тягот, как выразилась бы училка, хотя могла бы знать, что приличные люди не суют в одну фразу «сердце» и «сердечных».

— Так вот, — сказал Лльюэлин, — у нас тут проблема. Мистер Траут всполошился.

— Сделали предложение?

— Конечно, нет.

Слово «конечно» могли бы счесть излишним, но Траут удержался.

— Ну, слава Богу, — сказал он. — А то я видел сон…
— К черту! Какие сны?
— …такой сон, будто вы выходите из церкви с шестой женой, а режиссеры держат над вами арку из сценариев. Значит, все в порядке.
— Нет. С Пикерингом плохо.
— А кто это?
— Душехранитель.
— И вы за него страдаете? Вы его так полюбили?
— Да, полюбил.
— Но работает он плохо?
— Очень хорошо. Дело не в том.
— А в чем?
— Он влюбился.
— Да, не ко времени. Может вам внушить всякие мысли.
— Вот тут вы не правы, Эф. Дело не во мне, а в нем. — . Он что, ваш утраченный сын?
— Он мне вообще не родственник, но я его люблю, как сына. Подружились с первого взгляда. Я не могу смотреть, как он себя губит. Ему всего двадцать пять, нельзя так рано жениться.
— В шестьдесят пять тоже рано.
— Поговорите с ним!
— Это можно.
— У вас такой опыт!
— Да уж, опыт у меня есть. Мы только и возимся в АХ с этими Ромео.
— Они к вам ходят?
— Нет, это мы к ним ходим. Услышим, что молодой кретин собирается жениться, и говорим: «Наш случай». Обычно успеваем вовремя. Хотя, бывает… Знаете Отиса Бьюстриджа?
— Нет.
— Наследник картофельных чипсов. Мы пытались его уговорить, чтобы он не женился на четвертой певичке, а он дал в ухо нашему представителю. Болезнь далеко зашла, патологический случай. У Пикеринга еще не так?
— Почти так. Не глаза, говорит, а звезды.
— Ай-яй, — яй-яй!..
— Голос — колокольчики на лугу.
— Ах ты, Господи!
— Ямочка какая-то…
— Мне это очень не нравится. Кроме того, есть опасность инфекции.

Нет, нет, не спорьте! Словом, поговорить надо. Кто там пришел, не он?

Действительно, молодой голос пел за дверью что-то веселое, и не успел Лльюэлин сказать: «Он», — как вошел Джо, похожий на кабатчика из комической оперы в старом стиле.

— О, простите! — сказал он, увидев гостя. — Я не ждал, что вы заняты.

— Ничего, ничего, — сказал Лльюэлин, — это мой друг Траут.

Любой друг Лльюэлина немедленно становился другом и Джо, который воскликнул с превеликим радушием:

— Здравствуйте. Какой мир, а? Красота, а не мир. Мистер Траут суховато кашлянул, как бы намекая, что он видывал миры получше, но Джо не унялся.

— Полон света, — сообщил он. — Радости, света и смеха. Поневоле запоешь.

Мистер Траут кашлянул снова, показывая этим, что он не совсем согласен.

— Схожу к парикмахеру. Нельзя вести ее в ресторан, когда ты просто шотландская овчарка, — заметил Джо, после чего исчез, озарив комнату улыбкой.

Его проводило тяжкое молчание.

— Видите? — сказал наконец мистер Лльюэлин.

— Вижу, как не видеть, — серьезно отвечал мистер Траут. — Редко встречал такие безошибочные симптомы. Ведет в ресторан.

— То-то и оно!

— Сперва идет к парикмахеру.

— Это опасно?

— Еще бы! Самый явный симптом. Парикмахер? Значит, дело серьезно. Перед рестораном, заметьте. Конечно, главную роль играет обед.

— Помню, делал я предложение Грейс… — сказал Лльюэлин, мрачнея от одного воспоминания. — По-моему, главное, что свет притушен.

— А музыка?

— Да, и еще шампанское. Непременно закажет, гад!

— Надо его остановить. Созовем срочное собрание…

— Они же все в Калифорнии.

— Да, забыл.

— Поговорите с ним сами.

— Это уже не то. Тут нужно массовое воздействие. Ах, если бы наши люди были здесь!

— Что поделаешь! Он же ведет ее к «Баррибо».

— Ну и что?

— Там этот чертов скрипач! Подойдет к столику, и пилит, и пилит. Под такую музыку девушка согласится выйти хоть за графин.

Траут резко поднял голову.

— Что ж, дело ясно! — сказал он. — Остается метод Б.

— Метод Б?

— Я его не очень люблю, но в особенно сложных, хирургических случаях — приходится. Наркоз, только наркоз. Мы дадим ему снотворное.

Мистер Лльюэлин одобрил этот метод. Он вообще легко радовался.

— Правильно, — одобрил он. — Помню, один тип в баре подсыпал мне снотворного. Отключился на несколько часов, да и потом не мигнул бы, пройди передо мной все нью-йоркские красотки. Как-то не до них.

Тут лицо его померкло.

— Но снотворного у нас нет.

— Почему? — возразил Траут, извлекая из жилетного кармана белый пакетик. — Мы без него и не выходим. Мало ли что… Только метод Б удержал юного Бьюстриджа от парикмахера и ресторана. Сурово, но мы, члены АХ, ставим долг превыше всего. Точнее, священную миссию.

Вернувшись, Джо сообщил, что заодно вымыл голову и сделал маникюр.

— Я говорил, — прибавил он, — о том, что этот мир прекрасен. Мало того, он кишит превосходнейшими людьми. Куда ни пойди, какие-то ангелы. Возьмем парикмахера. Казалось бы, с чужим человеком можно быть сдержанным, сухим, а он — сама приветливость. Рассказал мне замечательный фильм — не из ваших, а? Там такое дело…

— Выпейте сперва, — предложил Лльюэлин.

— Хорошая мысль, — обрадовался Джо.

Сейчас смешаю коктейль, — сказал мистер Траут.

3

Салли сидела в вестибюле и очень страдала. Миллионеры и магараджи не замечали ничего, держалась она стойко, но чувствовала себя так, словно выпила что-то очень тошнотворное, а извергнуть — не смеет. Теперь она видела Пикеринга таким, каким он был, а это приведет в отчаяние любую девушку, тем более ту, которая имела неосторожность его полюбить.

Пришла она ровно в половине восьмого и немного удивилась, что его еще нет, но не испугалась. Мало ли что может задержать человека! Через

двадцать минут она стала думать о несчастном случае. Много позже какой-то бес наконец шепнул ей страшную правду: это — месть.

Трудно поверить в такую низость, но что же еще. Вот, смотрите: если он задержался, мог позвонить; если он в больнице, позвонила бы сестра. Словом, он мстит. Именно тогда, когда тошнота сменилась яростью, Салли услышала: «Салли!», — подняла взор и увидела Джеклина.

Баронет часто заглядывал в этот вестибюль, поскольку сюда неуклонно ходили его знакомые, преуспевшие больше, чем он. Надеялся он и сейчас, что, умягчившись от коктейлей, кто-нибудь его угостит, — но никого не было. Зато была Салли, и он устремился к ней, естественно интересуясь ее реакцией на пресловутое письмо.

— Салли! — сказал он. — Привет. Ты одна?

— Привет, — безжизненно откликнулась Салли. — Да, одна.

— Понимаешь, вышел без денег…

— Я не хочу есть. Проводи меня домой. Я переехала, живу на Фаунтин-корт.

— Да, мне кто-то говорил.

— Вместе с одной девушкой.

— Так мне и сказали. Ты не ее ждешь?

— Нет. Она пошла к каким-то школьным подругам. Джеклину стало легче. Все ж неприятно оказаться сразу с двумя девушками, которым ты сделал предложение. Сперва они шли молча, потом он произнес:

— Салли.

— Да?

— Э-э-э…

Ему не очень понравилось, как она на него посмотрела. Как будто взвесила, что ли; а приятно ли, когда тебя взвешивают?

Он не ошибся; слово «э…» она прекрасно поняла, и вывела отсюда, что может перевести стрелку до старых, сельских времен. Случись это раньше, чем Джо Пикеринг явил себя во всей своей низости, она без малейших колебаний остудила бы его порыв; раньше… а теперь?

— Я получила письмо, Джеклин, — сказала она.

— Э?

— Я согласна. Если хочешь, мы поженимся.

— Если!.. — вскричал он и стал подыскивать фразу. Песенка слишком популярна, нельзя просто сказать: «Я дам тебе только любовь».

— Мы будем очень бедны, — сказал он, — но что с того? Бедность — большое благо. Когда ты беден, все становится приключением. Разве знает богатый жертвы, планы, мечты? Разве знает он блаженную жизнь на

чердаке, где у кровати горит свеча, и ты можешь думать, что потолок расписан купидонами, а на окнах — изысканные занавеси?

Он прикинул, не перейти ли к корочке хлеба, но решил, что это слишком, тем более что Салли и так слушала без особого пыла.

— Такое блаженство нас не ждет, — сказала она со свойственной ей прозаичностью. — У меня есть двадцать пять тысяч. И квартира.

Джеклин застыл на месте, он был буквально потрясен; но сказал так:

— Что такое деньги в конце концов? Любовь, вот что главное.

4

Дафна Долби пришла в очень хорошем настроении.

— Где вы учились, Салли? — спросила она.

— Дома.

— Когда-то я пожалела бы, что мне меньше повезло, а теперь не знаю. Самые грымзы — совсем не такие страшные, остальные — просто душечки. Завтра веду их в ресторан. Пойдете с нами?

— Очень жаль, но я не могу. Должна поехать к няне.

— Да, это не подарок. Моя, слава Богу, живет в Эдинбурге. Она… Эй! Вы курили?

— Не я. Мой жених.

— У вас есть жених?

— Да.

— Однако и скрытная вы! С каких же пор?

— Часов с восьми.

— Кто это?

— Такой Джеклин Уорнер. Дафна немного помолчала.

— Вот как?

— Да. Вы его знаете?

— Так, встречала.

Они помолчали вместе.

— Конечно, про деньги он не слышал? — осведомилась Дафна.

— Нет.

— Вы ему сказали?

— Да. Он говорил, какие мы будем бедные. Хотела его утешить.

— Он удивился?

— Очень.

— Обрадовался?

— Не особенно. Деньги ему не слишком важны.

— Да, он такой духовный, — сказала Дафна.

5

Утром, закончив завтрак, Джеклин с некоторым удивлением услышал знакомый свист. Выглянув в окно, он увидел машину, а в ней — незнакомца, примерно того типа, к которому относится деревенский кузнец. Красотой он не блистал. Лицо у него было такое, словно на него опустился слон. Приличный человек не отвернется от ближнего, если тот не очень красив; но дело усугублялось тем угрюмым взглядом, каким обычно смотрят гангстеры. Короче (быть может, случайно), незнакомец производил угрожающее впечатление. Держал он букет белых роз.

— Проедемся, Джеклин, — радостно сказала Дафна. — Ты совсем закис без воздуха.

— С удовольствием, — ответил он. — А это что за морда?

— Сирил Пембертон, наш служащий. Он тоже прогуляется.

— Зачем?

— Понимаешь, нужен свидетель. Ах ты, не сказала! Едем мы в регистратуру. Надо, наконец, пожениться.

— Что?!

— Совсем замоталась с этим бюро, все некогда.

— Но, Дафна…

— Не спорь, дорогой. Сирил так давно ждет. Специально купил розы. У него трудный характер. Просто не знаю, что он сделает, если его огорчить.

Джеклин его не огорчил.

ГЛАВА IX

1

Заботясь о здоровье, мистер Траут любил в хорошую погоду пройтись после еды. На следующий день погода была неплохая, и, спустившись по Парк-лейн, он дошел до Фаунтин-корт, где увидел, что навстречу идет молодой Пикеринг.

— А, Пикеринг! — сказал он так приветливо, что окончательно загрустивший Джо ответил: «А, мистер Траут!» голосом замогильным, но вполне сердечным.

— Хорошая погода, — заметил Траут, ничуть не смущаясь. Члены АХ никогда не смущались, встретив спасенных пациентов, — смутится ли врач, прописавший больному одно из тех снадобий, которые, чуть не взорвав голову, все-таки вылечат? — Рад, что вам лучше. Мы очень беспокоились. Что вы тут делаете?

Будь мистер Траут менее приветлив, Джо не раскрыл бы души, но он пребывал в том состоянии, когда приветливость вызывает признания с такой же легкостью, с какой извлекает фокусник кроликов из шляпы. Сообщение о том, что он заходил к одной девушке, не обрадовало Траута. Он хмыкнул, как бы намекая, что лучше бы почитать хорошую книжку, и спросил:

— К той барышне, о которой мы вчера говорили?

— Да.

— Надеюсь, вы нашли ее в добром здравии?

Джо вскрикнул, словно грешник в аду, которому другой грешник наступил на ногу. Ирония вопроса задела обнаженный нерв.

— Нашел! Я ее не видел.

— Да? Почему же?

— Не хочет видеть меня.

— Вот как?

— Помните, я собирался с ней в ресторан?

— А, да! Еще пошли к парикмахеру. Помню, помню. И тут — этот приступ. Вероятно, она вас ждала в ресторане, а вы не явились.

— Вот именно. Я хотел все объяснить, пошел к ней — она мне дала адрес, а они дали другой, она переехала. Пошел туда…

— И вас не приняли?

— Вот именно.

— Благодарите Бога, мой друг, — сказал мистер Траут. — Да, Пикеринг, благодарите, вы спаслись от большой опасности. Вы когда-нибудь думали о том, что такое брак? Не будем говорить об этом жутком обряде, с епископами, и певчими, и подружками, и родней, которого вы удачно избежали, — возьмем то, что бывает дальше. Здесь я тоже имею в виду не мерзкий завтрак, это все недолго, сильный человек может выдержать, но другие завтраки, каждый Божий день, и обеды, и ужины, когда какая-то женщина подходит к вам сзади, закрывает вам руками глаза и спрашивает: «Угадай, кто тут!» Судя по тому, что вы говорили, барышня ваша привлекательна. Допустим; но умеет ли она водить машину? Будет делать покупки, пока вы играете в гольф? Вести семейную переписку? Кто гарантирует, что она не разошлет родственникам открытки? Как многие молодые люди, — продолжал Траут, — вы пленились хорошеньким личиком, не думая о том, сможет ли ваша избранница заполнить налоговые бумаги и расчистить снег, пока вы сидите у камина с добрым детективом. Да, — совсем умилился он, — вы счастливо отделались. Другой бы на вашем месте плясал…

— Господи! — воскликнул Джо.

Воскликнул он так потому, что увидел такси, а в нем девушку, то есть Салли, направлявшуюся в Вэлли-Филдз. Дотуда, как известно, шесть миль, обычно она ездила поездом, но когда у тебя двадцать пять тысяч, можно многое себе позволить.

Такси остановилось, подзастряв в пробке, что и позволило Джо очнуться от транса, вскочить в другую машину и крикнуть шоферу в ухо знакомые всем слова:

— За ними!

Шофер (толстый и усатый, хотя это не важно) любил конкретные инструкции.

— За кем? — спросил он.

— Вон за тем такси.

— За тем?

— Нет, за черным.

— А, за черным!

— Ну, езжайте!

За время этих переговоров в машину сел и мистер Траут, сказавший еще не все, и первым делом спросил:

— Куда мы едем?

— Не знаю, — отвечал Джо.

Мистер Траут, судя по всему, пощелкал языком, но разве услышишь в таком шуме!

— Может быть, — осведомился он, — лучше бы сперва узнать адрес?

Чувства Джо к мистеру Трауту немного поугасли, но он любезно объяснил:

— Помните, я вам говорил про девушку? Она в том такси. Мистер Траут поздравил себя с тем, что чутье подсказало ему сесть в машину.

— Хотите ее догнать?

— Вот именно.

Это уже было обидно. При всей своей скромности, он знал, что его считают непревзойденным мастером убеждения. Так говорил Фред Бассет, говорил и Джонни Рансибл, а уж тем более Г. Дж. Фланнери. Легко ли в таком случае убедиться, что доводы твои не принесли никаких плодов?

— Значит, я зря старался? — спросил он.

— Что вы делали?

— Старался. Уговаривал вас бросить мысли о женитьбе.

— Да?

— Да.

— Простите, не расслышал.

— Вот как?

— Задумался.

— О?

— Знаете, бывает…

— Знаю, — отвечал мистер Траут.

Поистине, дальше было некуда. Мистер Траут не привык разговаривать с глухими аспидами.[39] Отис Бьюстридж взбесился, но он хоть слушал. А этот… В конце концов, пусть летит с крутизны, как гадаринская свинья.

Но неугасимый дух Анонимных Холостяков не сдается так быстро.

— Разрешите продолжить? — сказал мистер Траут. — Так вот, я хотел бы напомнить вам об одной немалой опасности. У многих есть семьи. Маловероятно, чтобы вам досталась сирота, у которой нет ни сестер и братьев, ни теток и дядей. Вот вы говорите, ямочка. А знаете ли вы, что, судя по статистике, у 86,6 % молодых особ есть братья, которых надо подкармливать? У прочих есть дяди. Практически в каждом доме есть дядя Джордж или дядя Вилли, который выпить любит, а работать — нет. Человек, попавший в ловушку брака, находит там не столько счастливый приют, сколько богадельню.

— Нет, куда она едет? — сказал Джо.

Они уже миновали и Клапам, и Херн-хилл, а сейчас выезжали в тот оазис, где обитала на склоне лет небезызвестная няня. Вместе с тремя кошками она жила в хорошеньком коттедже, называвшемся «Лавры», половина которого, с отдельным видом и отдельным садиком, принадлежала женщине с собакой. Собака эта, по имени Перси, не любила кошек, что приводило к прискорбным распрям. Когда няня не принимала Салли, она читала Библию, размышляя о том, как уесть соседку. Распри бывают даже в земном раю предместья.

Первое такси было прытче, благодаря чему Салли удалось войти и закрыть дверь раньше, чем усатый шофер доехал до «Лавров». Когда он затормозил, Джо немедленно выскочил и, пронесясь через садик, позвонил в дверь. Открыла ее очень высокая, очень худая женщина с очень твердым взглядом, похожая на леди Макбет, а отчасти — и на зловещих женщин из готического романа.

Джо вспомнил свою няню, нередко бившую его головной щеткой; но не дрогнул. До воспоминаний ли тут?

— Здравствуйте, — сказал он. Няня не ответила.

— Разрешите войти?

— Что?

— Вы не возражаете, если я загляну на минутку?

— Зачем?

— Мне срочно надо видеть вашу гостью. Собственно говоря, няня могла оказаться доброй душой, которая рада помочь влюбленному человеку; могла — но не оказалась. Мужчинам она не верила. Взгляд ее, без того твердый, потвердел еще.

— Что вам от нее нужно? — сказала она. — Я знаю таких, как вы. Вы ищете, кого бы пожрать. Покайтесь! Царствие — при дверях. Отринь похоть плоти, воинствующую против духа, не то Господь поразит тебя, гроб повапленный.[40]

С этими словами она захлопнула дверь, а Джо побрел к такси. Траут стоял у машины. Он не расслышал беседы, но общий тон уловил.

— Не пустила? — проверил он.

— Да. Садитесь, поехали.

— Езжайте, я побуду здесь. Место очень приятное. Пройдусь, а потом сяду в поезд.

Место и впрямь понравилось мистеру Трауту. Ему понравились тенистые улицы, аккуратные газоны, а главное — цветы. Известно, что именно в этом лондонском предместье сеют больше всего семян, покупают больше всего патентованных удобрений и губят больше всего зеленой тли. Летом здешние цветы поистине прекрасны.

А вот насчет прогулки мистер Траут покривил душой. Он собирался зайти в дом, повидать Салли и проверить, идет ли речь о небольшой размолвке, которую можно устранить коробкою шоколада, или дело серьезней. Кроме того, ему хотелось увидеть, что за девушка произвела такое впечатление на Джо Пикеринга.

Как только машина скрылась, он, пройдя через садик, позвонил в дверь. Открыла ее хозяйка, которая поглядела на него тем взглядом, каким Джек Демпси глядел на своего противника.

Не зная, что кротость в данном случае не поможет, мистер Траут кротко сказал:

— Здравствуйте. Она не ответила.

— Не мог бы я повидать вашу гостью? — спросил он.

Вопрос был неудачен. Только что хозяйка «Лавров» полагала, что перед ней — еще один из тех назойливых людей, которые спрашивают, каким она пользуется мылом или сколько тратит в месяц; но тут ей стало ясно, что это распутник, который намного старше, а значит — хуже первого.

— Не могли бы, — отвечала она. — Стыдитесь! Она вам годится в дочери.

— Вы меня не поняли, — поспешил сказать он. — Я просто хотел бы…

— Ничего не выйдет.

— Нет, я…

— Отойди от меня, сатана.

Многие решили бы, что дальше говорить не о чем; многие — но не Траут. Долгий опыт подсказывал ему, что у всякого своя цена. Вынув бумажник, он извлек оттуда фунтовую бумажку и, мягко улыбаясь, ее протянул.

Хозяйка «Лавров» посмотрела на нее с омерзением. Жалела она о том, что не прихватила зонтика, а отчасти — и о том, что из бумажки не получится хороший снаряд. Купюра упала к ногам мистера Траута. Он наклонился, чтобы ее поднять, но внезапный ветер унес ее на крыльях голубки. Она закружилась над газоном, словно королева мая, танцующая вокруг шеста.

Наконец ветер утих. Добыча лежала на траве, почти у дверей. Радуясь счастливому исходу, мистер Траут протянул руку, наклонился — но услышал, что кто-то вроде бы полощет зубы у него за спиной. Оглянувшись, он увидел собаку. Он посмотрел на нее с упреком; она на него — с подозрением.

Пес по имени Перси, как мы уже говорили, гонял соседских кошек; однако он не был узким специалистом. Почтальоны бледнели, завидев его, равно как назойливые люди. Правилом он поставил: «Двигается — кусай!», — и мы огорчимся, узнав, что мистер Траут задвигался. Оставив ту позу, в которой вас можно принять за куст, он протянул дрожащую руку и сказал:

— У-тю-тю. Тю-тю-тю-тю. Ш-ш, ш-ш…

Перси убедился, что подозрения его не напрасны. Как он был прав, как прав! Это — вор. «У-тю-тю» звучало зловеще, «тю-тю» — еще хуже, «ш-ш» — совсем ужасно. Незнакомец был явственно опасней трех соседских кошек, которые тоже отнюдь не подарок.

Разделяя с Наполеоном мнение, что атака — лучшая защита, Перси вцепился в дрожащую руку, а мистер Траут завыл, словно десять кошек, которым одновременно наступили на хвост. Перси так испугался, что кинулся прочь со скоростью пятидесяти футов в минуту, и тут из дома вышла незнакомая женщина.

То была Амелия Бингем, вдова, владелица другой части домика. Глядя сквозь мглу непролитых слез, мистер Траут не смог бы ее описать, но мы скажем, что была она приветливой и уютной. Склонность к полноте помешала бы ей стать мисс Британией, мисс Лондон и даже мисс Вэлли-Филдз, но уют в ней был, ничего не попишешь, она им просто светилась. Однажды мистер Траут забрел куда-то в холодный ненастный вечер и вдруг увидел, что сквозь мглу сияют окна кабачка, обещая тепло и отдых. Именно это чувство он испытал теперь.

Обычно Амелия Бингем приветливо улыбалась; обычно — но не в такую минуту. Она знала Перси, слышала крики и боялась худшего.

— О, Господи! — сказала она. — Рана большая? — И кинулась к гостю, который исполнял пируэты, прижимая руку к губам.

— Да, — отвечал он, на мгновенье отнимая руку.

— Наверное, он принял вас за почтальона.

— Если он не может отличить меня от почтальона, — сказал мистер Траут, способный при случае к горчайшему сарказму, — сводите его к доктору.

Именно тут Амелия Бингем пригласила его зайти в дом, где она

обработает рану. Он согласился. Ярость еще владела им, но ее подмывали какие-то другие чувства. Общение с этой женщиной умягчало всех. Сейчас она заметила, что Перси — нехорошая собака, и мистер Траут отвечал, что это очевидно.

— Вы из Америки, да? — спросила Амелия. — Так я и думала. Понимаете, мы говорим «к врачу». Если больно, не скрывайте, — прибавила она, обрабатывая рану йодом.

Мистер Траут добродушно заверил, что никакой боли нет, и похвалил ее проворство, а она сказала, что у нее большая практика.

— Бинтуете почтальонов?

— Да нет, он им рвет штаны. Я служу в больнице.

— А, понятно!

— Сегодня у меня отгул. Один день в неделю мы друг друга отпускаем. Где вы в Америке живете?

— В Калифорнии, — отвечал гость, — в Голливуде.

— Вы артист?

— Нет, юрист. Амелия радостно охнула.

— Тогда вы скажете, имеет ли право соседка перебрасывать ко мне улиток.

— Ни в коей мере. Перед законом улитка — дикое животное.

— Что ж мне делать?

— Перебрасывать их обратно.

— Спасибо вам большое.

— Рад служить.

Отношения становились сердечней с каждой минутой.

— Хорошо там? — спросила Амелия.

— Где?

— В Калифорнии.

— Очень хорошо. Ее называют жемчужиной наших Штатов. Я сказал бы так: омытая солнцем, овеваемая тихим ветром, она являет собой то идеальное место, где только могут жить отважные мужи и прекрасные дамы. Чего там только нет! Кинотеатры, апельсиновые рощи…

— А землетрясения?

Мистер Траут, плавно помававший рукой, застыл, словно актер на съемке, услышавший: «Стоп!» Он не верил своим ушам.

— Простите?

— Разве у вас их нет? Вот, недавно…

— Вы спутали. Это пожар в Сан-Франциско.

— Да?

— Да. Пожар. Землетрясение в Калифорнии! Нет, поистине!..

— Вечно я все путаю. Ну вот. Продержится долго, если не будете махать рукой. А теперь я вас чаем напою. Хотите чаю?

— Конечно, — сказал мистер Траут. — Очень хочу, он освежает.

За чаем он и заметил, что с ним происходит что-то странное. Он испытывал незнакомые чувства. Все стало иным — глядя на хозяйку и на пышные булочки, которые, кстати, испекла она сама, он думал о том, что последние двадцать лет нередко заблуждался. К примеру, ему казалось, что холостяцкая жизнь — идеальна; а это не так. Разумному человеку нужна жена, нужен и дом, где для тебя пекут такие булочки. Словом, подобно Ромео, Джо Пикерингу и многим другим известным лицам, он влюбился с первого взгляда, и если мысль о Фреде Бассете, Джонни Рансибле и Г. Дж. Фланнери коснулась его сознания, он ее отогнал.

По-видимому, среди законов природы есть и такой: убежденный холостяк влюбляется с той неслыханной силой, которую прочие люди растрачивают с малых лет. Правда, на девятом году мистер Траут поцеловал под омелой шестилетнюю красавицу, но на этом его любовная жизнь кончилась, и сорок лет крядуон копил чувства, прорвавшие теперь плотину. Он ощутил, что рухнули все его принципы. Златоуст, обличавший любовь, глава и гордость АХ, стремился к Амелии, как, судя по слухам, стремится олень на источники вод. Если бы ангел принес ветку омелы, он бы немедленно повторил свой давний поступок.

— Как вкусно! — сказал он, доедая последнюю булочку. — Неужели сами пекли?

— А кто ж еще? И варенье сварила.

— Поразительно! Разрешите мне проведать вас снова. А вы не можете пойти в ресторан?

— Могу, спасибо.

— Я остановился в отеле «Дорчестер». Приезжайте туда к половине восьмого!

— С огромным удовольствием.

— Только без собаки, — сказал мистер Траут и прибавил для верности: — Ха-ха.

— Ха-ха! — отозвалась Амелия.

— Хо-хо! — завершил беседу гость, думая при этом, что надо бы сходить к парикмахеру.

ГЛАВА X

Вечер того дня, когда любовь настигла мистера Траута, не принес огорчений его другу. Своим лондонским представителям взрывчатки под зад он подложил, кухарка оказалась истинным мастером, международный разговор убедил его, что дела идут неплохо, а от Веры Далримпл не было никаких вестей. Словом, Промысел Божий просто из кожи лез ради хорошего человека.

Особенно умилял магната последний из его даров. Два раза злосчастный Айвор был на волосок от гибели, и спасся поистине чудом. В первый раз к столику вовремя подошел ее знакомый, а во второй — на него напала икота, и он смог поразмыслить, пока официант бил его по спине.

Однако нельзя искушать Господа; а потому он особенно радовался, что Веры просто нет. За последним обедом он как раз заметил удивительное сходство с Грэйс, и мысль о том, что опасность миновала, приносила истинное блаженство.

Именно об этом он думал, когда позвонили в дверь. Открывать он пошел, потому что ждал Траута, тот ему звонил: но боялся — ужасно. Траута он очень ждал. Вот кто разбирается в таких делах, и всегда надежней, чтобы тебя лишний раз поддержали.

Он ждал — и дождался, но Траут был совсем иным. Траут сиял, он сверкал, он приплясывал. Даже опустившись в кресло, он топал по ковру, словно нервный конь или танцор, исполняющий под волынку особый шаркающий танец, популярный некогда в американском водевиле.

Лльюэлин не обратил на все это должного внимания. Трудно опознать любовь извне, если ты занят только собою. Траут — угасший ли, светящийся ли — был для своего друга просто Траутом. Окажись тут Шерлок Холмс, он сделал бы выводы; но Айвор Лльюэлин их не сделал. Если он вообще об этом подумал, он решил, что друг его простудился.

— Я на минуту, — сказал тот. — Бегу к парикмахеру, давно надо подстричься. Сюда зашел, чтобы повидать Пикеринга.

— На что он вам?

— Есть дельце. Хороший человек, между прочим. Мы с ним сегодня виделись.

— Что же вы делали?

— Гнались в такси за девицей.

— Я думал, это не в вашем вкусе.

— Вообще-то нет, но он настаивал.
— Дурак, честное слово! Играет с огнем.
— Вы думаете?
— Конечно. Да она его женит в два счета!
Траут на это не ответил. Юристы — те же дипломаты, а он не хотел соблазнять друга.
— Дома он?
— Нет, ушел погулять. Мрачный, как дождливый день в Питсбурге. Не знаю, что с ним.
— Любовь, Айвор, любовь. Любовные горести. Она не желает его видеть.
— Вот и радовался бы.
Траут передернулся, как викарий, услышавший богохульство, но между двумя па спросил невзначай, не знает ли Айвор, как зовут эту девушку.
— Знаю, — отвечал тот. — Я ей давал интервью. Салли Фитч. Вы слышали песенку, Кол Портер поет — «Мамаша Фитч, папаша Фитч»?
— Нет, не слышал.
— Очень хорошая. Я ее исполняю в ванне.
— Да? Надо бы послушать.
— Загляните как-нибудь с утра, так в полдесятого. Прихватите плащ, я брызгаюсь. Ее без жестов не споешь.
Лльюэлин замолчал. Друг его плавал по комнате, словно прима в «Лебедином озере», а ему это не нравилось. В конце концов юрист — одно, танцор — другое. Именно тут он заметил в Трауте что-то такое, странное, словно он, по слову поэта, росой медвяною питался,[41] пил молоко из райских кущ.
— Зачем вам знать, как ее зовут? — не без резкости спросил Лльюэлин.
— Хочу к ней зайти, — охотно отвечал Траут. — Адрес я случайно знаю. Понимаете, надо их помирить. Нехорошо, когда два юных сердца разлучены недоразумением. Во всяком случае, мне это не нравится. Кто я, в конце концов, Томас Харди?
Лльюэлин совсем растерялся. Выговаривал Траут четко, но слова его не имели смысла. Если бы он стоял на месте, друг метнул бы в него укоризненный взгляд, но как его метнешь в движущуюся цель?
— Траут, — сказал Лльюэлин, — вы насосались.
— Ну, что вы!
— Тогда чего вы порете чушь? Еще вчера… Фразы он не кончил, ибо

зазвонил телефон.

— Подойдете, а? — попросил он. — Меня нет дома.

Первые же слова повергли магната в дрожь, хотя он и обрадовался собственной мудрости.

— Да, madame?

Конечно, Лондон кишит всякими madame, но у них, подумал он, нет его телефона. Изнемогая от страха, магнат затаил дыхание.

— Боюсь, — говорил тем временем Траут, — что его сейчас нет, но он скоро вернется. Я ему передам, что вы звонили. Конечно, конечно. Он будет очень рад. Всего вам хорошего, madame. Какая погода, а? Хе-хе. Всего хорошего.

— Мисс Далримпл, — сообщил он, повесив трубку. — Хочет послезавтра пойти в ресторан. Позвонит в полвосьмого.

Если бы в этот миг к ним зашла Леди из Шаллота, Ллльюэлин хлопнул бы ее по плечу и сказал, что прекрасно ее понимает.

— И… вы… ей… сказали… что… я… буду… рад?.. — просипел он.

Человек, пораженный в самое сердце, реагирует одним из двух способов. Он орет и ругается (метод короля Лира) или как бы застывает. Ллльюэлин, видимо, принадлежал ко второй школе. Да, он раздражался по пустякам, но в серьезных делах становился глыбой льда. Когда компания «Супер-Вайнштейн» увела у него двух лучших звезд, никто не догадался бы, что он страдает. Так и теперь он сказал едва ли не вкрадчиво:

— Значит, я буду рад? А вы понимаете, что в этом собачьем ресторане я сделаю ей предложение?

— И прекрасно! — отозвался Траут. — К сожалению, я ее не видел, но сразу понятно, что она очаровательна. Главное, Айвор, жениться на хорошей женщине. Кто это сказал, что холостяк — как осел в пустыне? Умный человек. Какое будущее у осла? Практически — никакого. Кому он нужен, кому он важен? Собственно говоря, вас холостяком не назовешь, но сейчас вы одиноки. Вне брака нет радости, Айвор. Тихие уютные вечера, она вяжет, вы склонились над кроссвордом… вы нужны ей, она — вам, оба вы нужны друг другу… Женитесь, Айвор, женитесь! Ведите ее в ресторан, возьмите за руку, скажите ей… О, Господи! Спешу. Надо к парикмахеру. Постричься, побриться, помыть голову…

К ощущениям Девы из Шалотта[42] прибавились ощущения Цезаря, когда его только что заколол Брут. Что-что, а доктрина Траута казалась устойчивой, как скала. Ллльюэлин испытывал то, что испытал бы член парламента, если бы его собрат-тори воспел Карла Маркса.

Мы говорим, что потрясения обращали магната в глыбу льда. Но то

потрясения обычные; что же до таких, оно повергло его в трепет. Он сидел в кресле и дрожал, когда вернулся Джо.

К великой своей чести, взглянув на него, душехранитель отринул на время собственные горести.

— Боже ты мой! — воскликнул он. — Что это с вами? Веру Далримпл он знал, и так расстроился, что схватил бы патрона за руку, если бы тот ею не размахивал. Он ясно видел, что пришло время кинуться на выручку.

— Мне это все не нравится, — сурово сказал он.

— А мне! — возопил хозяин.

— Нельзя идти с ней в ресторан.

— Конечно! Конечно!

— Значит, не идите.

— Как? Она позвонит послезавтра, в полвосьмого!

— А вас не будет.

— Куда же я денусь?

— В больницу.

— Куда?

— В больницу. Там опасности нет.

— Как я туда попаду? Что мне, под такси броситься? Нажеваться мыла?

— Ложитесь на обследование.

Лльюэлин посмотрел на Джо, как смотрит отец на сына, произнесшего первое слово.

— Пикеринг, — сказал он, — в этом что-то есть. Она меня не достанет.

— Ну, разве что навестит.

— В приемные часы.

— Когда шныряют сестры.

— Вот именно!

— Осторожно с виноградом.

— Не понял.

— Она принесет виноград. Не покупайтесь.

— Я скажу, мне доктор запретил.

— Склонность к аппендициту.

— То-то и оно. Пикеринг, вы — гений.

— Ну, что вы, что вы!..

— Знаете, что я сделаю?

— Не будете есть виноград.

— Да, конечно, но кроме этого. Экранизирую вашу пьесу.

ГЛАВА XI

Так же пылко, как мистер Ллльюэлин (в подобные минуты не избежишь пылкости), Джо выразил свою благодарность, а хозяин его прибавил, что без Веры Далримпл все выйдет как нельзя лучше. Вера Далримпл, сказал он, намекала, что не прочь сняться в Голливуде, но если он допустит в те края эту грозную опасность, придется показать его психиатру.

— Ну, пакуйте! — закончил он.

— Что?

— Пакуйте мои вещи. Щетка, бритва, крем, пижама, Агата Кристи. Еду в больницу.

— Это не так просто. Тут нужен доктор, он выпишет направление.

— Кто вам сказал?

— И говорить нечего, это все знают.

— Все, но не я, — парировал Ллльюэлин. — Куда же мне деться? Пойти на ночь в отель? Здесь я не засну ни на минуту.

— Она собирается к вам послезавтра.

— Врет. Усыпляет бдительность.

Закрыв за ним дверь, Джо предался разным чувствам. Конечно, он радовался, что волшебная палочка киномагната дала ему то, о чем он давно мечтал. Но к радости тут же примешалась скорбь: что слава, что богатство, если шансы разделить их с Салли — примерно один процент? Учитывая упорные отказы от беседы, опытный букмекер сказал бы, наверное, что и меньше.

Озадачил его и сам припадок. На здоровье он не жаловался, а мысль о том, что очень скоро он будет сидеть напротив Салли и к ним приблизится пресловутый скрипач, необычайно его укрепила. И вдруг — словно молния ударила.

Он страдал, звонил Джерри, тому было некогда (отец и девицы), тишина давила так, что помог бы только Перси, и к приходу Траута он совершенно пал духом.

Трауту он скорее удивился, чем обрадовался. Радости было бы больше, если бы тот пребывал в обычной меланхолии, но первый же взгляд показал, что почтенный законослужитель восседает на розовом облаке, обвившись радугой. Он еще не пел: «Тра-ля-ля»; не пел — но и только.

— Бр-р-р, — буркнул Джон.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! — возликовал мистер Траут, напоминая в этот миг дуэт из оперетты. — Вы бы видели, какое освещение! Лондон — просто сказочный. Поневоле вспомнишь строки… ну, такие, знаете… этакие. Лльюэлин дома?

— Нет, ушел.

— Еще лучше! Нам надо с вами потолковать. Помните, я говорил в такси о любви и о браке? Я ошибался.

— Вот как?

— Ошибался, это уж точно. Видимо, вы не слушали. Я их осуждал. С тех пор мои взгляды изменились коренным образом. Любовь движет миром. Да, да! Помню, была такая песня: «Полюби меня и я воскре-е-сну». Вот оно, Пикеринг! Золотые слова.

Джо с удивлением смотрел на него. Выговаривай он похуже, он усомнился бы в его трезвости; а так — растерянно ожидал разъяснений.

— Вы говорили, — не выдержал он, — что нам надо потолковать.

— Именно, именно. Но вы ничего не поймете, если я не скажу о себе совсем немного, — прибавил он, подметив, что Джо замигал, — в самых общих чертах.

— Детство, школу, колледж опустим?

— Естественно. Они тут ни при чем. Перейдем сразу к зрелым годам.

— Это хорошо.

— Когда я вступил в АХ…

— Куда?

— В общество Анонимных Холостяков.

— То есть алкоголиков?

— Хо-ло-стя-ков. Несколько мужчин, которые хотят избежать женитьбы. Если мы слышим, что кто-то дрогнул, мы спорим с ним, убеждаем. У нас даже есть песня: «Из всех ужасных бед ужасней брака нет». Хотите, спою?

— Лучше в другой раз.

— Когда угодно. Сильная вещь.

— Не сомневаюсь.

— Слова Рансибла, музыка Фланнери. Джо досадливо заерзал.

— При чем тут я? — спросил он, опасаясь, что гость все-таки запоет. — Да, это очень интересно, но я-то при чем?

— Сейчас скажу, — отвечал Траут. — Но сперва объясню, почему я вышел из АХ, только что послал телеграмму. Сегодня, в Вэлли-Филдз, взгляды мои совершенно изменились. Пикеринг, я встретил ее!

Джо знал лишь одну обитательницу тех мест.

— Эту тетю с рентгеновским взглядом? — удивился он. — Которая говорит про похоть и про царствие?

— Не слышал, что она говорит, далеко стоял, да и шофер мне рассказывал про свои болезни, но я не об этой женщине. Речь идет о ее соседке, миссис Бингем.

Целомудренный Джо поджался.

— Миссис? Вы ли это?!

— Что вы, что вы, что вы! Она — вдова. Муж, по дороге в Булонь, упал в воду.

Оба помолчали, сочувствуя покойному Бингему.

— Какие у нее булочки! — воскликнул мистер Траут.

— Да?

— А клубничное варенье! Не попробуешь — це повериишь.

— Да?

— Да. Вот у меня повязка. Это собака укусила, а она — перевязала.

— Да?

— Она служит в больнице.

— Очень приятно, но я тут при чем?

— Простите?

— При чем тут я?

— Сейчас, сейчас. Иначе вы не поймете. У нас, юристов, это называется связать обстоятельства. Если бы я не встретил миссис Бингем и не вышел из АХ, я бы не стал просить у вас прощения.

— А что вы мне такого сделали?

— Подсыпал снотворного.

Джо онемел от гнева, издавая тот звук, который издает сифон перед своей кончиной. Мистер Траут продолжал:

— Прощения я прошу, но причины у меня были. Вы говорили о вашей барышне, как поэт какой-нибудь, вы собирались с ней ужинать, вы пошли к парикмахеру. Давний член АХ, естественно, решает применить метод Б ради вашего спасения. Я представлял, что через много лет вы будете меня благодарить. Откуда я мог знать, что встречу ее, увижу свет? Но особой беды не случилось. Скажите все своей барышне. Посмеетесь вместе. Ах, Господи! — Он взглянул на часы. — Бегу!

И он убежал.

Однако вскоре его сменил Джерри Николз, сообщивший, что отец заснул после обеда, а он поспешил сюда.

— Так что у тебя стряслось? — спросил он.

Джо довольно быстро все изложил, высветив основные факты: он

любит девушку, а она не хочет с ним разговаривать.

— Кто она такая?

— Салли Фитч. Ты ее знаешь. Она к тебе приходила, когда ты меня нанимал.

— А, наследница!

— Кто, кто?

— Мы ее вызвали, потому что одна тетя оставила ей двадцать пять тысяч.

— Что?!

— А ты не знал?

— Конечно, нет. Господи, Джерри! А вдруг она думает, что я гоняюсь за деньгами?

— Ну, что ты! Только полный дурак не увидит, что ты — сама честность. Прямо в нос бьет. Нет, ты что-то натворил. Верно?

— Да, но я не виноват.

— Давай, рассказывай.

— Пригласил ее в ресторан и не пришел. Казалось бы, узнай в чем дело…

— А в чем?

— Мне дали снотворного.

— Не понял.

— Дали снотворное. Такую таблетку.

Джерри жалобно поморщился. Он понял, что беседа ему не по разуму.

— Начни лучше с начала, — попросил он. — Понимаешь, как-то все это…

Джо начал с начала. Джерри внимательно слушал.

— Да, — признал он, — причины у тебя есть. Хотел бы я иногда, чтобы у меня были такие причины!.. Значит, завтра с утра идем к твоей Салли.

— Она меня не примет.

— Примет, как миленькая. Идем, звоним в дверь, проскальзываем внутрь, и ты говоришь про снотворное. Я стою рядом. Хорошо?

— Еще бы!

— Нет, плохо. Она кинется в ванную и там запрется. Пойду один, а оттуда позвоню, если все улажу. Говорю «если», поскольку для твоего случая нужны большая вера (у нее) и большое красноречие. Ну, оно у меня есть.

ГЛАВА XII

1

Когда дела твои запутались, лоб нахмурен, а душа вопрошает: «Что же дальше?», приятно довериться эксперту. Домовладелец обретает надежду, завидев слесаря; Джо Пикеринг радовался тому, что о нем хлопочет такой видный знаток женских сердец, — и, весело встав из-за стола на следующее утро, ответил на телефонный звонок:

— Алло!

— Эй! — отвечала трубка. — Пикеринг?

— А, мистер Лльюэлин! Вы в больнице?

— А где ж еще?

— Все в порядке?

— Туда-сюда. Шуму много. За стеной все время воют: «Доктор Биннз, доктор Биннз». Вроде радио. Но я не потому звоню. Я хотел сказать, если явится Траут — ни слова! Он меня выдаст. Через полчаса она притащится сюда.

— Он не знает, где она живет.

— Ничего, узнает. Он все может. Значит, ни слова.

— Нем, как рыба.

— Кто? Дыба?

— Ры-ба.

— Вот и хорошо.

Мистер Лльюэлин умолк и сразу же зарычал, словно львы в обеденное время. Потом произнес:

— Пикеринг!

— Здесь.

— Нет, вы подумайте. Явилась девица в такой это белой штучке, и говорит: «Возьму у вас кровь»! Конечно, поставил ее на место. Кровь! Это надо же! Каждый встречный-поперечный…

— Вы даете кровь только близким друзьям?

— Ну хотя бы. Чуть со стыда не сгорела. Так о чем мы говорили?

— О вашем мистере Трауте.

— Какой он «мой»?! Много чести. Змий. Гад. И вообще, зачем о нем говорить?

— Простите.

— Что?

— Я сказал: «Простите».

— А вы о нем не напоминайте!

— Ладно, не буду. Больница хорошая?

— Бывает хуже.

— Сестры?

— А, вот это — да, вот сестры — высший сорт. У меня в палате такая!..

— Это хорошо.

— Вот именно. Не хулиганка с кровью. Приятная, уютная женщина. Мы с ней очень подружились. Ладно, мне пора. Скоро врач явится. Не забывайте об этом гаде.

— Не забуду.

— Скажите, что я не в больнице, а… а…

Старый, добрый ответ «В стирке» не показался Джо уместным. Он оправился, но не настолько, чтобы позволить себе такой тон. Да и вообще, повесив трубку, он стал терять веселость — и не зря. Шло время, звонил телефон, какой-то оптимист предлагал собрание Дюма в роскошном переплете, но Джерри все не было.

Он пришел, когда уже смеркалось.

— Долго же ты хлопотал, — заметил Джо.

Джерри отвел упрек рукой, словно Ллыоэлин, поющий «Папашу Фитча».

— Раньше не мог, — сказал он. — Быстро ты забыл, какая у нас дисциплина. Отец бы выгнал, не поморщился. Сорвал бы пуговицы перед строем. Помнишь, что было с Денни Дивером?

Джо признал его правоту. Глава фирмы мог и заснуть после ужина, но в дневное время был подобен рыси.

— Прости, — сказал он.

— Ладно, ладно. Я привык к обидам. Давай о деле. Джо подскочил в кресле, словно туда вставили шило.

— Ты ее видел?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она ушла. Не мешай. Итак, прихожу к ней, звоню. Ясно?

— Ясно.

Джерри обрадовала такая понятливость.

— Открывает мне девица, ну просто вырвиглаз! Они вместе живут. Я спрашиваю: «Можно видеть мисс Фитч?» Она говорит: «Нельзя, она в парикмахерской». — «Ах, ах». — «Зайдите попозже, тут у нас один ждет». Попозже, ха-ха! «У меня срочное дело». — «Ладно, зайдите». Я зашел, сидит этот Траут…

— Траут!

— Такая фамилия.

— Интересно, что ему надо?

— Он сказал, то же, что и мне. Сообщить мисс Фитч, что это он дал тебе снотворное.

— Господи!

— Вот именно. Самый лучший выход. Без него наш рассказ ни в какие ворота не лезет. А вот если Траут бьет себя в грудь и говорит «Mea culpa!»,[43] все идет как по маслу.

— Конечно!

— Мы, юристы, называем это «идеальным свидетельством». Итак, я предоставил слово ему. Жаль, что я ее не застал, приятная девица.

— Сколько сидят у парикмахера?

— Не знаю, не бывал. Думаешь, уже вернулась? Все может быть.

— Тогда я пойду. Спасибо тебе, Джерри.

— Не за что, старик, не за что. Да, кстати. Ты хорошо подготовился? Ну, вошел, а что дальше?

— Поговорим, наверное…

— Чушь какая! Не теряй времени. Хватай ее, сожми, чтоб ребра захрустели. Поверь опыту, самые лучшие результаты.

Двери открыл мистер Траут. Казалось бы, скажи — и уйди, но он хотел посмотреть, что будет дальше.

— Сказали? — спросил Джо, переводя дух, хотя мог бы догадаться по его довольному виду.

— Сказал.

— А она что?

— Заплакала.

— Что-о-о?!

— Заплакала от радости. И я очень рад, Пикеринг. Странно, как меняются взгляды. Буквально вчера я пытался вас разлучить. Нет, действительно вчера.

— Значит, все в порядке?

— В полном. Правда, она обручилась с другим, но любит вас.

Джо показалось, что его шлепнули по носу мокрой рыбой.

— Обручилась?.. — переспросил он, схватившись за подставку для зонтиков.

— Да. Понимаете, она решила, что вы хотите ей отомстить, и, естественно, обиделась. Тут подвернулся он. Они и обручились. Вроде греческой трагедии. К счастью, все поправимо.

— Поправимо?

— Конечно. Обнимите ее, и она с ним тут же порвет. Заплакала, вы подумайте! Непременно порвет.

Джо ему поверил. Кто-кто, а ветеран АХ знает женское сердце. Знает его и Джерри Николз, он тоже советует этот метод. Один — теоретик, другой — практик, поневоле прислушаешься. И вообще, если даже она возмутится и скажет: «Что такое?!» — ему останется память, чтобы утешать его в долгие зимние вечера. Тем более, если он успеет ее поцеловать.

— Она тут? — спросил он, направляясь к гостиной.

— Нет, — ответил мистер Траут, — она уехала на такси.

— Зачем?

— Как, зачем? Чтобы скорее вас увидеть. Она же не знала, что вы едете к ней. Занятное недоразумение.

И тут заскрежетал ключ.

3

В Лондоне часто скрежещут ключи, звук этот — из самых тихих, но Джо задрожал, словно грохнула бомба. Когда же Салли вошла, и он схватил ее, и она приникла к нему, причитая: «Джо, Джо, Джо» — стало совершенно ясно, что метод Николза действует.

— Джо! — сказала Салли.

— Салли! — сказал Джо.

— Я чуть не умерла!

— Я чуть не сунул голову в плиту!

— Джо!

— Салли!

Деликатный человек тут бы и ушел, но деликатность боролась в мистере Трауте с живым интересом к нежным сценам. Он не только умилялся, но и сочувствовал, ибо видел, что действующие лица недооценивают опасности. Когда же речь зашла о том, чтобы идти в регистратуру, он покашлял тем сухим кашлем, который в ходу у юристов.

— Мы ни о чем не забыли? — осведомился он.

Джо дернулся, словно увидел фамильное привидение.

— Господи! — воскликнул он. — Вы еще здесь?

— Да, здесь, — отвечал Траут, — а насчет регистратуры, хотел бы вам напомнить, что мисс Фитч обручена.

Он ждал эффекта, и не ошибся. Джо выпустил Салли, Салли упала на подставку для зонтиков.

— С кем ты обручилась? — спросил Джо.

— С Джеклином Уорнером. Джо покачал головой.

— Сейчас не время шутить. Скажи серьезно, с кем ты обручилась.

— С Джеклином Уорнером.

— Вы же незнакомы.

— Знакомы, очень давно.

— Тогда ты понимаешь, что за него выходить нельзя.

— Кто этот мистер Уорнер? — поинтересовался Траут. — Ах, сэр? Хорошо, кто этот сэр Джеклин Уорнер?

— Полная мразь, — сказал Джо, — первая вошь Лондона. В жизни не работал, живет в долг, денег не отдает.

Траут умудренно кивнул.

— Я таких знаю. Их много там, у нас. Питаются коктейлями на приемах, куда их не звали. Или шляются вокруг студий, слушают музыку, едят сосиски на палочках. Я удивлен, мисс Фитч, что вы дали слово подобному человеку.

— Мы были когда-то помолвлены, еще в Вустере.

— Нельзя же, — сурово сказал Джо, — чтобы это вошло в привычку! Немедленно с ним порви.

— Я не могу.

— А что такое?

— Он заплачет. Не могу видеть, как плачет мужчина.

— Да, — согласился Траут, — положение сложное.

— Ничего сложного не вижу, — возразил Джо. — Позвони ему и скажи: «Джеклин? Это я, Салли. Прости, выхожу за Пикеринга».

Траут поцокал языком.

— Я бы не советовал.

— Почему?

— Подаст в суд, за нарушение обещаний.

— Мужчины не подают.

— Так то мужчины!

— Да, правда. С него станется.

— Еще бы! Никакой совести. Мисс Фитч не вправе так рисковать.

— Что же вы предложите?

— Я просто к нему схожу. Тут вообще нужен юрист.

— Вот это здорово! — вскричала Салли, и Джо с ней согласился, хотя ему больше бы хотелось сбить Джеклина с ног и попрыгать на нем в тяжелых бутсах.

— Я вел такие дела, — продолжал мистер Траут. — Клиенты часто говорили, что я владею даром убеждения. Однако здесь есть особые трудности. Судя по этой квартире, мисс Фитч, вы весьма обеспечены. В гостиной я заметил настоящего Коро. Этот сэр упрется. Что ж, приложу все усилия.

— Вы идете к нему?

— Да, прямо сейчас.

— И я с вами.

— Нет, я должен быть один.

— Тогда я подожду на улице.

— Что ж, не возражаю.

Когда они вышли, Джо спросил:

— Вы собираетесь его подкупить?

— Вот именно.

— М-да…

— Думаете, не клюнет?

— Клюнуть-то он клюнет, но много возьмет.

— На такое дело — не жалко.

— Да, конечно, что и спорить. Но у меня вообще нет денег. Не могли бы вы одолжить, я скоро отдам?

Было уже темновато, но мглу разогнала улыбка мистера Траута.

— Мой дорогой, — сказал он, — неужели вы думаете, что я хочу взять деньги у вас? Как говорим мы, юристы, расходы несет фирма. Житель Калифорнии никогда не станет мелочиться, если речь идет о любящих сердцах, практически — весной.

Джо заговорил не сразу, тронутый таким благородством. Заговорив же, воздал должное краю, который, судя по жителям, поистине прекрасен, если только мистер Траут — не счастливое исключение.

— Скажите, — спросил он, — есть там еще такие люди?

— Кое-кто есть, — признал мистер Траут, гадая, стерпит ли дружба с Фредом Бассетом, Джонни Рансиблом и Г. Дж. Фланнери его уход из АХ.

ГЛАВА XIII

У сэра Джеклина Уорнера все обстояло очень плохо. Казалось бы, хватит женитьбы — но нет, еще и похмелье, и долг букмекеру. Дафне он сказал, что должен двадцать фунтов, на самом же деле их было пятьдесят. Букмекер, заметим кстати, не принадлежал к тем людям, про которых говорят: «Золотое сердце!» Узнав, что уплата откладывается, он резко нахмурился и задержал дыхание.

— Ну-ну, сэр Джеклин, — сказал он, — надеюсь, что вы ошиблись. Я не суеверен, но поневоле вспомнишь, что с каждым моим должником что-нибудь случалось. Не платит — и пожалуйста! Просто рок какой-то. Был у меня такой Уизерспун, ничего, усы рыжие — и что б вы думали? Задолжал пятьдесят фунтов, а через неделю, не поверите, нашли его на улице, наложили шесть швов. Простите, семь. Один — над глазом.

Беседа эта происходила у букмекера, и Джеклин чувствовал себя так, как чувствует себя начинающий и нервный пират, который получил записку с черепом и костями. Вернувшись к себе, в Челси, он застал мистера Траута, уже подуставшего у дверей.

— Сэр Джеклин Уорнер? — осведомился юрист. Обычно баронет это отрицал — так, на всякий случай, —

но гость был явственно связан с юриспруденцией, и он решил рискнуть. Богатых родственников у него хватало; кто их знает! Может, чего и оставили…

— Да, — признался он. — Простите, а вы кто такой?

— Траут, — представился гость, — от фирмы «Траут, Уопшот и Эдельштейн». Голливуд, Калифорния, США.

Джеклин совсем оживился, вспомнив, что дядя Юстес поспешно уехал в Америку именно тогда, когда полиция стала распутывать дело об одном мошенничестве. Вполне возможно, что, осев в Голливуде и умерев с перепоя, он оставил кругленькую сумму любимому племяннику. Словом, баронет отпирал дверь в радости и веселье.

— Заходите, — говорил он, — сюда, сюда.

Переступив порог, юрист с удовольствием подметил безошибочные признаки материальной необеспеченности; и, усевшись, сразу приступил к делу.

— Вы обручены, — сказал он, — с моей клиенткой, мисс Сарой Фитч.

Многие признали бы, что скоропостижная женитьба отменяет это

обручение; многие — но не Джеклин. Шестое чувство, развитое в нем с младенчества, подсказало, что тут пахнет деньгами и действовать надо осмотрительно.

— Да, — отвечал он.

— Ее отец против этого брака, — сообщил мистер Траут.

— Против?

— Вот именно. Если вы расторгнете помолвку, он готов вознаградить вас в разумных пределах.

— Что вы называете разумным?

— Пятьдесят фунтов.

— Согласен.

Мистер Траут говорил Джо, что ему доводилось вести подобные переговоры с неимущими молодыми людьми, но ни один из них не принял решения с такой поразительной быстротой. Оправившись от удивления (и легких сомнений — не стоило ли назвать другую, меньшую цифру?), он собрался высказать хозяину, что он о нем думает, но мысли о предстоящем обеде его удержали. Амелия предупредила, что может немного опоздать, все ж — больница, однако резонные укоризны заняли бы слишком много времени. Уплатив пятьдесят фунтов, он молча удалился; и вскоре услышал чье-то взволнованное пыхтенье.

— Ну, как? — спросил Джо. — Клюнул?

Волнение его умилило мистера Траута. Зачем волноваться, если миссия поручена фирме «Траут, Уопшот и Эдельштейн»? Тем самым он ответил, что все сошло прекрасно. Сэр Джеклин Уорнер клонился как тростник под дуновением его воли, ясно понимая, что спорить — бессмысленно. Джо благоговейно глядел на него.

— Траут, — сказал он, — вы просто чудо!

— По мере сил, Пикеринг, по мере сил…

— Какое мастерство!

— Я бы сказал, это природное…

— Да, наверное. Что ж, спасибо. Хотел бы я чем-нибудь отплатить…

— Пожалуйста. Дайте мне совет.

— В чем дело?

— Я иду в ресторан с миссис Бингем. Хочу сделать ей предложение.

— Замечательная мысль.

— А не рано? Я ее не спугну?

— Что вы! Они любят отчаянных мужчин.

— Мы только что познакомились.

— Не имеет никакого значения.

— Да?

— Да. Буквально вчера их просто перебрасывали через седло. Им очень нравилось. Жаль, что сейчас это не принято!

— Очень жаль.

— Метод иной. Надо делать предложение. Только не за супом! Подождите кофе.

— Почему?

— Суп не располагает к романтике.

— А, вон что! Конечно, конечно, конечно. Как же я не подумал? Спасибо, Пикеринг.

— Не за что, мой дорогой. Идите, Бог вам в помощь.

Предоставив Траута Богу, Джо схватил такси и помчался на Фаунтин-корт. Ворвавшись в квартиру 3а, он подхватил Салли и, кружась с ней по комнате, сообщил, что опасность — позади.

— Все в порядке, — заверил он. — Этот гад на тебе не женится.

— Знаю, — ответила Салли. — Он и так женат.

Джо снова испытал то особое чувство, которое испытываем мы, когда нас шлепают по носу мокрой рыбой.

— Что-что? — спросил он, резко остановившись. — Кто тебе сказал?

— Дафна. Его жена. Вы с мистером Траутом уехали, а она сказала.

— Какая еще Дафна?

— Дафна Долби. Леди Уорнер. Которая тут живет.

— А, вырвиглаз!

— Да, она красивая, но он не потому на ней женился. Лучше я объясню. Все очень просто.

— Для твоего ума — вполне может быть. Для моего — не очень.

— Они собирались пожениться. Она очень хотела стать «леди».

— Ага, ага!

— Когда я сказала, что мы обручились, она его схватила и женила. Все ж, это наследство…

— Да-да, знаю. Давай пригласим ее как-нибудь в наше гнездышко.

— Именно, гнездышко.

— В каком смысле?

— В таком. Джо, я последняя дура! Я закурила!

ГЛАВА XIV

Джо нахмурился.

— Ты говоришь о женщине, — сказал он, — которую я люблю.

— Надолго ли?

— Что — «надолго»?

— Любишь. После того, что я сделала.

— Конечно. Как сказал бы Траут, любовь побеждает все. Да, кстати!

— Что?

— Осторожней с Траутом. Ни за что не говори, что этот червь женат. Он думает, дело в его красноречии.

— Чихала я на Траута! Он нам чуть жизнь не испортил. Ну, не хочешь, не скажу. Важнее вот что: много ли значат для тебя деньги?

— Деньги? Смешно. Тлен, я их часто называю. Суета сует.

— Если бы у меня их не было, ты бы все равно на мне женился?

— Не задавай идиотских вопросов.

— Значит, женился бы?

— Конечно!

— Это хорошо. У меня их нет.

— Нет?

— Нет.

— Куда ж они делись? Нельзя просадить со вторника двадцать пять тысяч.

Салли вежливо, но печально улыбнулась.

— Мистер Николз тебе говорил про это наследство?

— Да, Я сказал, что люблю тебя, а он говорит: «А, наследницу!» Кто-то тебе оставил деньги.

— Мисс Карберри. Помнишь, я у нее работала.

— Как же, помню. Эта, против табака.

— Вот именно. Оставила деньги под условием, чтобы я не курила. Дафна — сыщица, она за этим следит. Я старалась.

— Одобряю. Но подозреваю, что это еще не все.

— Именно. Сейчас я закурила.

— Когда тут рыщет вырвиглаз!

— Она не рыскала, в том-то и дело. Она ушла и забыла портсигар. Вот тут, на столике. Я сижу, волнуюсь, а он — лежит.

— И ты его взяла?

— Взяла.

Джо понимающе кивнул.

— Как и любая на твоем месте. А она вернулась?

— Да.

— Так я и думал. У нас, драматургов, особое чутье. Кстати, о драматургах…

— На работе она — кремень.

— …значит, о драматургах…

— Казалось бы, мы подружились, можно и посмотреть сквозь пальцы, но у нее работа выше дружбы.

— Похвально. Да, так драматурги. Лльюэлин хочет экранизировать мою пьесу.

Салли издала звук, который у менее прелестной девушки назвали бы визгом.

— Что ж ты раньше не сказал! — вскричала она.

— Как-то не пришлось.

— А я страдаю, страдаю…

— Очень полезно для надпочечников.

— Эти киношники много платят, да?

— Нет слов.

— Мы обойдемся без моих денег.

— Перебьемся.

— И ты не будешь обижаться, что жена богаче.

— Именно. Где муж, там и деньги. Спроси любого.

— Ах, amour propre, amour propre.[44]

— Нет, что за блеск! Какая жена! Наверное, ты была во Франции. Скажем, плавала в Булонь.

— Да, точно.

— Не заметила такого Бингема?

— Вроде бы нет.

— Заметила бы, не забыла бы. Он упал в воду. Прости, я отвлекусь на минуту.

— А что?

— Позвоню Лльюэлину, в больницу.

— Он заболел?

— Нет. Прячется от Веры Далримпл.

Разговор оказался коротким. Джо произнес: «Лльюэлин? Это Пикеринг», и держал трубку около минуты, после чего повесил.

Салли растерялась, а увидев его лицо, в ужасе вскрикнула:

— Джо! Что случилось?! Джо криво усмехнулся.

— Как бы помягче сказать…

— Говори прямо!

— Будет шок.

— Ладно, говори!

— Ллькоэлин меня выгнал. Пьесу не берет.

— Почему?

— Бес его знает! Он сказал: «Ах, Пикеринг? Вас-то мне и нужно. Вы уволены. Вашу собачью пьесу я не беру».

— И все?

— Нет, не все. «Убирайтесь туда, где жили!»

— Что же ты ему сделал?

— Ничего.

— Раньше он сердился?

— Наоборот. Он меня очень хвалил. Эта Вера звонила, что придет, а я предложил лечь в больницу. Он меня так благодарил, слеза прошибала.

— Ничего не понимаю!

— А я понимаю. Дурная полоса. Пошли беды. Что ни начну — все не так.

— Не все. Мы вот встретились.

— Но пожениться не можем.

— Почему это? Можем, еще как!

— На что мы будем жить?

— У меня есть работа.

— А у меня нет.

— Найдешь.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все. Ладно, пошли в ресторан. Мы еще там не были. Перевези обратно вещи — и к «Баррибо»!

Войдя в обиталище Ллькоэлина, Джо услыхал телефонный звонок и пожалел, что у него нет душехранителя.

— Да? — сказал он, подняв трубку.

— Это ты, Джо?

— Это ты, Джерри?

— Ну, как?

— Порядок.

— По моему расписанию?

— Вроде, да.
— Схватил?
— Да.
— Ребра хрустели?
— Более или менее.
— Полный мир?
— Вообще-то, да.
— А где экстаз?
— Тут с Лльюэлином, знаешь…
— Плюнь. Обойдется. Отец тоже пилит-пилит, рычит-рычит — и ничего. Ну, пока. Спешу. Ждут… кх-кх.
Джерри исчез, но известная истина «Если хочешь спокойно подумать, жди звонка» не сплоховала. На сей раз звонил мистер Траут.
— Пикеринг? Привет, привет! Хорошо, что я вас застал. Поговорить надо.
— Судя по тону, — заметил Джо, — предложение ваше принято. За кофе?
— За устрицами. Не мог ждать. Проглотил пятую устрицу и — поперек седла! Хо-хо! Кофе мы еще не пили, я ушел звонить. Где Лльюэлин?
— В больнице.
— Да, знаю. Амелия сказала. Но он сбежал.
— Сбежал?
— Абсолютно. Видимо, едет домой. Скажите ему про нас с Амелией. Помягче, ему будет тяжело.
— А что такое?
— Он сделал ей предложение.
— Вот это да!
— Именно. А она сказала: «Я подумаю». Хо-хо! Подумает, как же! Р-раз — и готово!
Джо посмотрел на него с большим восторгом, что несколько обесценивалось тем, что говорили они по телефону.
— Говорил я вам, женщины любят отчаянных.
— Ах, как вы правы!
— Поздравьте будущую миссис Траут.
— С удовольствием.
Теперь для полноты не хватало только хозяина; и впрямь, когда Джо повесил трубку, послышался скрежет ключа. Мистер Лльюэлин выглядел так, словно, убегая, не успел причесаться и повязать галстук. Взгляд у него

был недружелюбный. Именно этим взглядом окидывает кобру обитатель Индии, застав ее в ванне поутру. Так он не глядел даже на сестру с иголкой и пробирками.

— А, это вы! — произнес он. Джо не возразил.

— Я же сказал, убирайтесь!

— Сейчас, только вещи уложу.

— А почему я вас выгнал, знаете?

— Пока нет.

— Ничего, узнаете.

Ллльюэлин раздулся, как очень крупная лягушка. Горе часто вызывает такой эффект.

— Значит, так, — начал он. — Вы меня загнали в больницу. Могли бы догадаться, что выйдет. И вышло. Сегодня. Я сделал предложение сестре. Она говорит: «Я подумаю». Подумает! Ни одна женщина не устояла! Ни-од-на! Что-то во мне такое есть… Итак, завтра мне конец. Я ничего не говорю, сестрица — самый высший сорт, но я вообще не хочу жениться. А все вы! Чего вы скалитесь, как слабоумный павиан?

Ллльюэлин имел в виду мягкую улыбку, которой осветилось лицо его хранителя.

— Можно мне сказать? — спросил Джо.

— Нет.

— Понимаете…

— Не понимаю!

— Я просто хотел вам…

Тут зазвонил телефон, и, неохотно подняв трубку, Джо услыхал голос Траута, хотя, казалось бы, тот должен был заниматься чем-нибудь другим.

— Пикеринг?

— Да.

— Ллльюэлин пришел?

— Да, только что.

— Вы ему сказали?

— Еще нет.

— Лучше я сам. Тут надо помягче.

Джо передал трубку бывшему хозяину, сообщив при этом: «Траут».

Сперва Ллльюэлин пыхтел и булькал, но лицо его постепенно прояснялось. Когда он опустил трубку, оно было именно таким, каким бывает у спасенных с эшафота; голос же — таким, что Перси Биши Шелли, зайди он на минутку, мог бы резонно назвать его блаженным духом, как

назвал жаворонка.

— А еще говорят, чудес не бывает! — пропел он. — Вот, я усомнился в своем ангеле. И что же?

— Да, что?

— Эта сестра выходит за Траута.

— Знаю. Пытался вам сказать.

— Какая красота!

— Согласен.

— Что-то вы очень спокойны. Подумайте обо мне. Нет, все! Сейчас же еду домой, вступаю в АХ. Траут дает рекомендацию. Он говорит, они меня не обидят. Нет, какая красота!

Джо горько засмеялся.

— Подумайте и вы обо мне, — сказал он.

— А что с вами такое?

— Вы не берете пьесу.

— Кто вам сказал?

— Да вы же сами.

— Черт знает что! — удивился Лльюэлин. — Какой вы наивный, честное слово! Мало ли что скажет сгоряча киношный магнат! Ну, рассердился, ну, преувеличил — у меня, знаете, яркий слог, — но не всему же верить! Конечно, беру. Как вам двести пятьдесят тысяч?

Джо с хриплым криком поднялся в воздух. Лльюэлин его не понял. Да, звезды часто возмущались — но Джо, в конце концов, не звезда.

— Что это вы! — огорчился он. — Все-таки, первый фильм. Это совсем неплохо, спросите любого. Воля ваша…

— Я согласен, — просипел Джо.

— Прекрасно. Идемте в ресторан.

— Я и так иду, с невестой.

— Ну, и со мной, — сказал Лльюэлин, знавший по опыту, как приятно с ним обедать.

Тут позвонили в дверь. И тело его, и все подбородки тревожно затряслись.

— Вера Далримпл!..

Джо не разделил его тревоги. Когда-то он дрожал при этом имени, но контракт и свадьба сильнее целой дюжины Вер.

— Я с ней справлюсь, — сказал он. — Идите в ванную. Или лезьте под кровать. Это недолго.

И твердым шагом направился к двери.

Девица в голубом

Перевод с английского Н.Трауберг

ГЛАВА I

Солнце щедро освещало кабинет, отведенный директору магазина, расположенного в центре Нью-Йорка, на Мэдисон-авеню, но не могло осветить душу Гомера Пайла, известного юриста. Своему собеседнику он немного напоминал кошку на раскаленной крыше. И впрямь, консультанты крупных корпораций умеют владеть собой, но не настолько, чтобы вынести весть о том, что сестра их арестована за кражу. Даже самый-самый главный судья задрожит и вспотеет.

К довершению бед, разговаривал с Пайлом не директор, старый приятель, от которого ждешь сочувствия, а шустрый, лощеный молодой человек, похожий на его собственных клерков, да и то — младших. Никакого сочувствия он не проявлял.

Злосчастный юрист еще раз вытер платком большое круглое лицо, прикрытое роговыми очками, и сказал:

— Это какая-то ошибка.

— Да, — согласился собеседник. — Ошиблась ваша сестра.

— Она богатая женщина!

— Еще бы! Даром покупает.

— Нет, зачем ей красть?

— Понятия не имею. Украла, и все.

— Наверное, это шутка. Или такая игра — а вдруг пронесет?

— Что ж, не пронесло.

Гомер мрачно замолчал, размышляя о своей сестре. Она была порывиста. Он вспомнил, как, прямо в модном костюме, она нырнула и спасла из пруда болонку. Кроме того, она избила зонтиком злодея, который обидел бродячего кота. Да, сестра его Бернадетта способна на всякие поступки.

Но если прежде они вызывали удивление, не больше, кража вызовет и презрительный гнев, хотя на самом деле, конечно, это — болезнь, как у тети Бетси, которая до сих пор была единственным позором семьи.

Собеседник тем временем продолжал, уже повеселее:

— Хозяин просил передать, что иска не предъявит. Такое свидетельство старой дружбы развеселило и Гомера.

Он понял, что больше всего боялся огласки.

— Если… — добавил клерк, и мир омрачился снова.

— Если?

— … вы немедленно ее увезете.

Гомер не столько вздохнул, сколько фыркнул.

— Хорошо, увезу.

— Да, да, увозите.

— Дело в том, — пояснил юрист с обретенным снова достоинством, — что я еду в Европу, в Брюссель, на конгресс Пен-клуба.

Слова эти изменили все; суровый судья превратился в робкого свидетеля.

— Пен-клуба? Разве вы писатель?

— Консультант. Вообще же, я очень люблю стихи.

— Ах ты, Господи! Я тоже. Немножко пишу…

— Стихи успокаивают душу.

— Вот-вот! Как-то легче в этой гонке.

— Печатались?

— Так, раза два. В небольших журналах.

— Они мало платят.

— Да уж, не густо!

— Какой у вас жанр? Я лично люблю лирику.

— Такие… ну… песни протеста.

— Я их плохо знаю.

— Почитайте, почитайте, очень советую.

Атмосфера в святилище изменилась, и к лучшему. Гомер обнаружил в молодом человеке множество прекрасных свойств. Тот, поначалу опознавший в Гомере одного из капиталистов, против которых и протестовали его песни, увидел теперь родственную душу, у которой, по несчастью, вороватая сестра. Словом, беседа их обратилась в пиршество любви.

— Знаете, — сказал молодой человек, которого мы, отбросив околичности, прямо назовем Стотлмейером,[45] — знаете что, не так все просто.

— В каком смысле?

— Ну, посудите сами. Вот вы едете в Брюссель.

— Да.

— И берете сестру.

— Да.

— Разве там нет магазинов?

Гомер понял его. Кража, как и поэзия, не ведает границ. Ворами гнушаются повсюду. Перед помраченным взором встала картина: бельгийские сыщики ведут сестру к незнакомому директору.

— Что же делать? — проговорил юрист, и Стотлмейер ответил:

— Я бы на вашем месте оставил ее в Англии. Только не в Лондоне.

— А где?

— В какой-нибудь усадьбе. Теперь многие пускают гостей за деньги. На этой неделе я видел объявление в «Нью-Йоркере». Меллингэм-холл. Я это место знаю, мне рассказывал один знакомый англичанин, Джерри Уэст. Усадьба его дяди, сэра Криспина Скропа. Что это вы?

Лицо Гомера засветилось, если может светиться хороший жирный пудинг.

— Я хорошо знаком с его братом, — сказал он. — Уиллоуби Скроп, видный юрист. Мы вместе разбирали несколько дел. Да, помню, он говорил об усадьбе. Она историческая.

— Магазинов рядом нет?

— Наверное, нет. Сельская глушь.

— То, что надо!

— Уиллоуби Скроп договорится заранее, я ему позвоню. Спасибо вам большое.

— Не за что. Разрешите представиться: Стотлмейер.

— Очень приятно.

— А уж мне!..

ГЛАВА II

Вскоре после того как родилась прекрасная дружба, побудившая этих людей год за годом обмениваться рождественскими открытками, в здание суда, расположенное на Стрэнде, вошел приятный рыжий человек. Спешим сообщить, что Джеральд Годфри Франсис Уэст, которого его американский приятель называл просто Джерри, не был подсудимым. Он был присяжным (это может случиться и с нами), а потому — собирался помочь установлению и торжеству правды.

Присяжные заняли свои места. Служитель, следивший за тем, чтобы в суде царила должная важность, начал свое дело. А Джерри, взглянув во второй раз на девушку, сидящую в том же ряду, убедился, что странное чувство, подобное атомному взрыву, — это любовь с первого взгляда. Что ж, бывает. Любовь А к Б или, скажем, В — к Г, может разгораться месяцами, а вот Д влюбляется в Е мгновенно, твердых правил здесь нет.

Девушка всем своим видом вызывала мысль о свежем воздухе. Джерри легко представил ее у пруда, на корте, на поле для гольфа, и всюду она управлялась блестяще, скажем — ныряла, не потревожив воды. Волосы у нее были мягко-каштановые, подбородок — решительный. Какого цвета глаза, он не разглядел, но знал, что именно этот цвет — самый лучший.

Смешно, честное слово (думал Джерри)! А он еще сердился, что ему выпало быть присяжным! Слава богу, что он — карикатурист, а не казначей, не зубной врач, не тюремщик и не меннонит:[46] именно эти баловни судьбы почему-то не бывают присяжными. Если бы он знал, что вместо них берут таких девушек, он бы приветливей встретил тех, кто покусился на его покой и свободу.

И девушка, и он, и десять их временных коллег, не будучи зубными врачами, решали тяжбу между двумя Онапулосами и Компанией, которая разливала вино в бутылки на территории Восточных графств, — одну из нудных тяжб между фирмами, когда адвокат непрестанно сует судье какие-то книги и со всем почтением просит взглянуть на строки, отмеченные карандашом, после чего судья смотрит на другую страницу («Какой еще мистер Джонс? Ничего не вижу». — «Ваша милость, страница не та. Справа, а не слева». — «Ну и что?» — «Простите, ваша милость, слева — другое дело»).

Джерри спасался тем, что судья, обвинитель и защитник оказались прекраснейшей натурой, и он рисовал их лица, если мы назовем это

лицами.

Эмиля Онапулоса подвергли перекрестному допросу, пытаясь выяснить, действительно ли 14 ноября истекшего года он о чем-то договорился, то есть — заключил словесное соглашение, и девушка омрачилась, словно ответы ее не устраивали. Раза два она поджала прекраснейшие губы, а кончик прекраснейшего носа угрожающе задвигался, словно она хотела сказать, что злосчастный Эмиль навряд ли завоюет сердца присяжных.

Джерри восхищался ею все больше. Перед ним, наконец, была девушка, у которой есть все. Она играет в гольф, играет в теннис, плавает, но этого мало: она думает. Ее могучим мозгам дано взвесить свидетельства и понять, о чем говорят загадочные люди. Сам он почти сразу махнул на это рукой.

Время шло, сменялись века. Завершая портрет адвоката, он внезапно заметил, что стражи закона сделали свое дело и просят присяжных его решить.

Присяжные удалились. Главный из них призвал к порядку, и те, кто вершил судьбу двух Онапулосов и многочисленных бутыльщиков, которые плодятся делением, особенно — в Линкольншире, стали выражать свои мнения.

Мнения эти, как обычно, были нелепыми отчасти и нелепыми вполне. Разобраться в них выпало на долю прекрасной незнакомки. Ясным и звонким голосом, напоминавшим Джерри пение птиц в старинном саду, она объяснила присяжным, что велит им справедливость.

Справедливость, по всей видимости, полностью поддержала бутыльщиков. Если бы прекрасная незнакомка была любящей племянницей одного из их вице-президентов, она не могла бы более пылко выразить свою любовь.

Защитница этих честных людей заворожила всех, особенно Джерри. Мы не вправе сказать, что он следил за ее доводами, зато соглашался с любым ее словом. Даниил,[47] иначе не скажешь, говорил он, не зная и тени сомнения. Что верно для нее, верно для него. Конечно, он жалел Джонни, который был ему другом, Онапулосу — адвокатом, но ничего не попишешь, fiat justitia.[48] В конце концов хороший адвокат знает, что всех не защитишь. Словом, не колеблясь, он присоединил свой голос к остальным одиннадцати, и быстроногие вестники понесли бутыльщикам благую весть, чтобы те, на радостях, разбрасывали яркие розы, а может быть — бутылки.

Кроме гадаринских свиней,[49] запечатлевших в веках свою прыть, никто не срывается с места быстрее присяжных. Давка в дверях разлучила Джерри с прекрасной незнакомкой, однако на улице он сразу подошел к ней и для начала покашлял.

Часто бывает, что преданный поклонник, увидев вблизи предмет поклонения, разочаровывается. Это бывает; но не с Джерри. Незнакомка воззвала издали к самым глубинам его сердца, воззвала к ним и теперь, с ближней дистанции. Глаза оказались карими с золотыми искрами невиданной красоты, как он и думал.

— А, это вы! — сказала она, словно старому другу, несказанно его растрогав. — Устали?

— Да, — отвечал он. — Интересно, что делают, если на суд не придешь?

— Я думаю, сердятся.

— А в масле не варят?

— Очень может быть.

— Вообще-то масло — не хуже суда.

— Затосковали?

— Не без того.

— Бедный… Кто именно?

— Дж. Г. Ф. Уэст.

— Бедный мистер Уэст. Я думала, вам интересно, вы все время писали.

— Рисовал.

— Вы художник?

— В общем, да. Карикатурист.

— Ну, это лучше, чем голые русские княгини на тигровой шкуре.

— А кто их рисует?

— Не знаю. Моя тетя думает, что все художники. Хоть вы рисуете карикатуры!

— По мере сил.

— Как странно! Я их так люблю, а Уэста — не знаю.

— Моя подпись «Джерри».

— Вот это да! Можно попросить автограф? Я — ваша поклонница, маэстро.

С трудом обретя дар речи, он пролепетал:

— Сколько раз вы меня веселили! Видит Бог, мне это нужно.

— Почему?

— Все время улыбаюсь, сил никаких нет. Я — стюардесса.
— Зато видите интересных людей.
— Почему «зато»?
— Вы же не любите свою работу.
— Что вы, люблю! — засмеялась она, и Джерри, поразмыслив, назвал ее смех серебряным, но чутье художника побудило уподобить его звону льдинок в кружке пива. — Да, я вижу много людей. Вот был такой Донахью. Орет, зовет, а задержись — рычит, как раненая пума. Мы часто с ним летали, он орал, пока я не ответила: «Простите, я не в кедах и не в шортах». Тогда мы с ним подружились. А теперь он умер. Я даже плакала. Нет, работа у меня хорошая.
— Конечно, рождены вы адвокатом.
— Почему?
— Здорово говорите. Как это вы нас обработали! Одно слово, златоуст.
— Я любила дебаты еще в школе.
— Где вы учились?
— В Челтнеме.
— Господи! И я тоже. Конечно, не в женской, в мужской.
— Жаль, что мы не были знакомы.
— Что ж, теперь познакомились.
— Это верно.
— Не пойти ли нам в ресторан? Ах ты, забыл! Я иду с опекуном.
— У вас есть опекун? Как трогательно.
— Может, вечером?
— Я уеду к тете.
— Надолго?
— Дня на два.
— Значит, завтра не сможете?
— Нет.
— А послезавтра?
— Не знаю.
— Ну, послепослезавтра.
— А что это?
— Пятница.
— Хорошо. Где?
— В «Баррибо». Около восьми.
— Ладно, буду.
Она остановила такси, исчезла, и всякий прохожий мог бы заметить,

как сияют его глаза, если бы прохожих это занимало. Теперь он видел ее не у пруда, а в конторе, где регистрируют браки, ибо такая девушка не любит этих жутких свадеб с хором и епископом. Видел он ее и в уютном гнездышке — зимой, конечно. Летом — все-таки на корте.

Видя все это, он внезапно понял, что блаженству мешает одно довольно серьезное препятствие: как ни странно, он обручен с другой.

Если бы он этого не понял, сама жизнь сообщила бы ему минутой позже — когда такси затерялось в потоке машин, он услышал свое имя и ощутил примерно то, что ощущают после удара в солнечное сплетение.

Вера Апшоу, его невеста, шла от Трафальгарской площади, и все выворачивали шею, глядя на нее. Понять их можно. Спасибо, что не свистели.

Про одних девушек говорят «ничего себе», про других — «в ней что-то есть», про третьих даже «красавица», но мало кто поражает нас наповал. К этому немногочисленному множеству принадлежала Вера, единственная дочь покойного Чарльза Апшоу и кавалерственной дамы по имени Флора Фэй.

Основания тому были. Отец резонно слыл одним из красивейших мужчин Лондона, пока не пошел пятнами от излишней тяги к шампанскому, и всякий любитель театра знает, какой сияющей прелестью искусство и природа одарили мать. Дочь не унаследовала одного — бархатного голоса. У нее он был, скажем так, резкий.

Особенно резким он стал, когда она спросила: «Кто это?» — и Джерри понял, что забыл спросить у незнакомки, как ее зовут.

— Не знаю, — честно отвечал он. — Тоже из присяжных.

— А, — бросила Вера, теряя к ней интерес. — Что у тебя за костюм? Не мог найти получше?

Джерри привык к подобным упрекам, ибо, как все художники, предпочитал удобство изяществу, а невеста надеялась сделать из него то, о чем в уже немодной песенке сказано: «Вы джентльмен иль ма-не-кен?»

— Для ресторана, — продолжала она, — можно одеться поприличней. Что ж, дело твое. Когда вы встречаетесь?

— В половине второго.

— Кто там будет?

— Только мы с дядей.

— Значит, поговорите об этих деньгах.

— Вряд ли. Скорее — о гольфе.

— Перемени тему. Такой шанс! Давно пора их вытянуть. Говорила она

примерно так, как средневековая принцесса — с пажом или, точнее, с конюхом, и Джерри передернуло. Даже до судьбоносной встречи он понимал, что немного поторопился. Умно ли, думал он, разумно ли жениться на женщине, если в ней столь явно выражена та властность, которая нередко сопровождает безупречную красоту? Да, глаза у нее — как звезды, но в минуты гнева сверкают они жутковато. Минуты же эти участились, она все время сердится, в частности — на то, что он никак не вытянет деньги из своего опекуна.

Однако, подавив неприязнь, он сказал с обычной приветливостью:

— Это трудно. С дядей всерьез не поговоришь. Ты — о деньгах, а он — о коллекции. Никак не дается.

— Ты просто не стараешься.

— Стараюсь.

— Что ж, старайся больше. Пойдем отсюда, — прибавила Вера, поскольку на нее налетел еще один человек. — Выпьем по коктейлю.

Они вошли в «Савой», сели перед стойкой, и она сказала:

— Почему они вообще у него? Отец оставил их тебе. Что за чепуха с этим тридцатилетием?

— Я тебе объяснял, — ответил Джерри, который и впрямь объяснял, но ей отказала память или же, как глухой аспид, она не умела слушать. — Отец был большой транжира, завяз в долгах, а к тридцати годам изменился. Обратился, что ли? В общем, нашел жену, стал работать, разбогател — но запомнил, что до тридцати лет деньги иметь опасно.

— Чушь какая-то!

— В общем-то, да, но меня не спросили. Ждать еще три года.

— Ничего подобного.

— То есть как? Мне — двадцать семь.

— Абсолютно незачем ждать. Я советовалась с юристом. Он говорит, деньги взять нельзя, если опека — безоговорочна. Этого быть не может, все зависит от дяди, он сам сказал. Все-таки ты проверь, а там — обратись в суд. Сейчас его предупреди.

— О Господи!

— Не предупредишь, рассержусь.

Джерри печально кивнул. В этом он не сомневался.

ГЛАВА III

В то самое время, когда Джерри и его коллеги решали судьбу Онапулосов, юридическая контора Скропа, Эшби и Пембертона на Бэдфорд-роу тоже занималась делами.

Давно прошли те дни, когда лондонские юристы ютились в грязных трущобах. Современный служитель закона любит комфорт и не сдерживает этой любви. Контора Скропа, Эшби и Пембертона была светлой, просторной, элегантной, а приемную дополнительно украшала золотоволосая секретарша, чей стан напоминал песочные часы. Новый посетитель, увидев ее, вспомнил барменш своей молодости, в которой они играли немалую роль. Нервно подойдя к столику, он откашлялся и робко произнес:

— Можно увидеть мистера Скропа?

— Фамилия?

— Скроп.

— Ваша.

— Скроп.

— Скроп?

— Сэр Криспин Скроп. Брат мистера Скропа.

— О, простите! Мистер Скроп сейчас занят. Садитесь, пожалуйста.

Сэр Криспин сел и приготовился ждать. Он был немолод, лысоват, усы у него висели, глаза менялись от голубого к водянисто-белому, а держался он с той робостью, с какой держатся люди, намеревающиеся занять денег у младшего брата. Иногда его тщедушное тело то ли дергалось, то ли содрогалось. Разговор с секретаршей лишил его последней смелости. Чем дольше он ждал, тем меньше верил, что брат его Уиллоуби, человек в общем-то добрый, даже щедрый, уделит ему такую непомерную сумму, как двести три фунта шесть шиллингов четыре пенса. В сущности, на эти деньги можно запустить человека на Луну.

Время бежало, сэр Криспин жалел, что не послал брату телеграмму, как вдруг дверь с табличкой «Уиллоуби Скроп» медленно отворилась, и крупный, зажиточный с виду джентльмен вышел оттуда, ведя за собой еще одного, тоже крупного и зажиточного. Они попрощались, клиент ушел, хозяин повернулся к секретарше.

— Обыграл вчистую, Мейбл!

— Простите, мистер Скроп?

— Загнал в угол. Мокрого места не оставил. У меня — 23 очка, у него — каких-то одиннадцать!

— Поздравляю, мистер Скроп.

— Заслужил. Открыть вам секрет? Координация глаза и руки. Не буду кокетничать, это не все. Стойте правильно, не напрягайтесь, не распускайтесь. Вы со мной согласны? Господи! Крипс!

— Здравствуй, Уилл.

Обычно братья хоть немного похожи; обычно — но не в этом случае. Криспин был тщедушен и кроток, Уиллоуби — дороден и уверен в себе. Мы бы сразу догадались, кто из них — бедный родственник; и не ошиблись бы, поскольку у Скропа-младшего была одна из лучших в Лондоне контор, а у Скропа-старшего — фамильная усадьба, требующая диких расходов. Много столетий их род безбедно обитал в Эллингтон-холле, но последнему его владельцу оставалось вспоминать о веселой молодости. Младший сын, как всегда бывает, полагался только на себя и теперь процветал; наследнику пришлось брать постояльцев, чтобы свести концы с концами. Сейчас, однако, концы не сходились на двести фунтов шесть шиллингов и четыре пенса.

Уиллоуби никак не ожидал брата. Тот, собственно говоря, не выезжал в Лондон, даже деньги (небольшие) занимал по телефону.

— Не знал, что ты здесь, — сказал юрист. — Что ж вы не сообщили?

— Вы были заняты, мистер Скроп, — отвечала секретарша с присущим ей достоинством.

— Да, — согласился он, — это верно. Координация глаза и руки! Ну, заходи, Крипс.

Старший брат пошел за ним в кабинет, питая слабую, но все же надежду. Уилл, несомненно, был в духе. Хватит ли этого духа на двести фунтов с лишним, знать никто не мог, но все-таки…

В кабинете младший брат резвился, как в приемной. Он напевал, он летал — словом, вряд ли мы нашли бы на Бедфорд-роу более веселого юриста.

— Удивительно! — воскликнул он. — Ты — у меня! Сигару?

— Нет, спасибо.

— Пообедаешь, конечно?

— Спасибо, нет. Надо успеть на 1.15.

— Жаль. Мы с Джерри идем в «Савой». Посидел бы с нами. Сэр Криспин был рад, что разговор откладывается. Собственно, он робел, как небезызвестная кошка из присловья.[50]

— Как он поживает?

— Вроде бы ничего. Не жалуется.

— Ты ему дал эти деньги?

— Нет, не дал.

— Почему? Да, конечно, он работает, но в его годы… Сколько ему, двадцать семь? В общем, деньги нужны. Мало ли какие расходы! Он столько сможет сделать…

— Вот именно. Прежде всего — жениться на этой стерве.

— На какой?

— На Вере Апшоу.

— Она не родственница Чарли?

— Дочь.

— Помню его, помню. Женился на Флоре Фэй.

— Да.

— Дочь тоже актриса?

— Нет. Она пишет. Всякую чушь, но кой-кому нравится. «Дни нарциссов» или там «Ровно в семь, на рассвете».

— Ой, Господи!

— Вот именно. Помнишь твое второе дело?

Сэр Криспин заморгал, показывая этим, что помнит, как вторая из брошенных им девиц подала в суд.

— Стоит ли это вспоминать? — укоризненно спросил он.

— Стоит. Вылитая Вера Апшоу. Тот самый тип, помесь ангела с акулой. Ей нужны его деньги.

— Откуда ты знаешь?

— От нее. Она ему сказала, что свадьбы не будет, пока я их не дам. Вот я и не даю. Знаешь, поговорим о чем-нибудь другом. С чего это ты приехал? Дела?

— Не совсем…

— Налоги?

— Да нет…

— Постояльцы заели?

— Пожалуйста, называй их гостями.

— Гостят они?

— Гостят, чтоб их всех!

— Места есть?

— Вообще-то, да. Двое уехали. Им скучно. Тишина, говорят, такая…

— Это хорошо. Я пошлю одну даму в твой зверинец. Американка, Бернадетта Клейберн, для друзей — Берни. Сестра Гомера Пайла. Они у меня живут. Он хочет, чтобы она отдохнула в деревне.

Сэр Криспин с такой горечью говорил о сбежавших гостях, что мог бы и обрадоваться, но нет — он удивился и пискнул, словно летучая мышь.

— Только женщин мне не хватало!

— Ну, как же без них? Сам знаешь, женская рука…

— Они едят в постели!

— Может быть, только не Берни. Она вышагивает до завтрака больше пяти миль. Помнишь Чосера?

— Кого?

— Отца английской поэзии.

— А, Чосера!

— Именно. Так вот, она похожа на Батскую ткачиху. Веселая, добрая, живая…

— Господи! Бойкая?

— В общем, да.

— Не пущу!

— Подумай хорошенько.

— Нет и нет!

— Так и передать?

— Пожалуйста. Уилл, я с ума сойду! Тебе-то что, ты человек солидный, а я..

— Ну что ж, как знаешь. А жаль. Гомер очень богат, денег он не пожалеет.

Сэр Криспин подумал, сказал: «О!», подумал еще и сказал: «Пусть едет» — и наконец выразил те чувства, которые вызывали у него так называемые гости.

— Чтоб они лопнули! Хоть бы купил кто этот Меллингэм!

— А что?

Сэр Криспин засмеялся тем смехом, который называют горьким. Уиллоуби с жалостью посмотрел на него.

— Опять астма?

— Это я смеюсь.

— Да? Никогда бы не подумал.

— Знаешь, почему я засмеялся? Ты вот спросил: «А что?» Да уж, вопрос так вопрос! Кому нужен дом черт знает где размером с Бекингемский дворец? Сколько денег уходит! Чинишь его, чинишь — как в прорву. Крыша, потолки, трубы, лестницы… Это — дом. А парк? Деревья стриги, ограду — чини, трава тоже сама себя не косит. Озеро чисти каждый четверг, жуткая вонь. А фермеры? Только и думают, как бы тебя разорить. Помню, отец обошел со мной этот парк, деревню, фермы —

и сказал: «Все это, Криспин, будет твое». Что бы ему прибавить: «Помоги тебе Бог»! Уилл, ты не одолжишь двести фунтов шесть шиллингов четыре пенса?

— Почему именно столько?

— За ремонт.

— Подождать не могут?

— Ждут два года.

— Значит, привыкли.

— Не шути, Уилл. Они прислали своего человека.

— Следит?

— Да. А я дрожу, как бы гости не узнали. Они уедут.

— Ерунда!

— Нет, не ерунда. Уедут. Если ты не дашь…

— Что ты, дам.

— О Господи! Спасибо, ты меня спас.

— Я второй день всех спасаю. Читал «Оливера Твиста»?

— Очень давно.

— Помнишь братьев Чирибл?[51]

— Более или менее. Такие бойскауты в старости?

— Именно. Так вот, это — я. Один за двоих.

— А что случилось?

— Ты взгляни.

Сэр Криспин без особого пыла взглянул на миниатюру и увидел хрупкую барышню в старинном платье. Хрупких он не любил, предпочитая им увесистых. Обе истицы его молодости напоминали боксеров. Не зная, что сказать, он издал такой звук, словно полоскал горло.

— Наша прапрабабушка, — сообщил брат.

— Да?

— А может, прапрапра. Когда жил Гейнсборо?[52]

— Вроде бы в XVIII веке.

— Ну и она тогда жила. Это — «Девушка в голубом». У нашей прапрапра была сестрица, он писал их обеих, одну — в голубом, другую — в зеленом. Та у меня есть, а эту вчера купил на аукционе. Поняли, что вошел в раж, взвинтили цену — но купил!

Сэр Криспин не сумел подавить вздоха. Да, конечно, богатый человек может покупать все, что хочет, но думать больно, какие деньги уходят на всяких прапрабабушек.

— Прости, расхвастался, — сказал брат. — Чек сейчас выпишу.

— Спасибо, Уилл.

— Что нам, Чириблам, какие-то чеки! На, бери.

Когда сэр Криспин, погладив драгоценную бумажку, клал ее в карман, ближе к сердцу, скрипнула дверь, соединявшая Скропа с Эшли или Пембертоном, и в ней появилась чья-то голова.

— Заняты? — спросила она. — Не уделите минутку?

— Дело Делахей?

— Оно. Хотел обсудить два-три пункта.

— Можно и три, — сказал Скроп. — А то и четыре. Сейчас, Криспин, я на минутку.

ГЛАВА IV

Хотя сэр Криспин охотно общался с братом, небольшая разлука не омрачила его радости. Он плохо знал Браунинга, но если бы знал получше, согласился бы с Пиппой,[53] полагавшей, что Бог — на небе и все хорошо на свете. В самую точку, сказал бы он. Слова псалмопевца «А наутро — радость»[54] он помнил и поспорил бы со всяким, кто стал бы их опровергать. В общем, он ликовал.

Ликование это, заметим, ознаменовало победу духа над плотью, ибо у него болела шея, ее продуло в доме предков, где свирепствовали сквозняки. В поезде он очень страдал, но сейчас, если не дергать головой и думать о чеке, выдержать мог.

Оставшись один, он делал то, что делают люди в одиночестве. Держа голову как можно ровнее, он ходил по комнате, заглядывая туда и сюда, нюхал то и се, трогал бумаги, пытался понять тайну диктофона и уже проглядел книги, подумав при этом, что читать их не стал бы, когда дверь распахнулась и в нее ворвалось что-то тяжелое.

— Простите, Уилл, — сказало оно. — Споткнулась.

Сэр Криспин закричал и схватился за шею, которая чуть не треснула, ибо удержать голову он не смог. Массируя ее, он все же разглядел, что влетело в комнату.

То была женщина, несомненно — крупная. Человек, не массирующий шею, прибавил бы слова «веселая», «приветливая», «милая», но сэр Криспин Скроп этим человеком не был.

Первой заговорила она. Такие женщины всегда говорят первыми.

— Ой! А вы — не Уилл.

Сэр Криспин учтиво объяснил, что хозяин отлучился, по-видимому — к одному из партнеров, и скоро придет.

— Я его брат, — добавил он. — Старший. Из деревни. Женщина вскрикнула так, что посыпалась штукатурка.

— Это у вас усадьба?

— У меня.

— Я завтра туда еду. Меня зовут миссис Клейберн. Вот хорошо, что я вас встретила! Познакомимся. А то была бы, как новичок в чужой школе.

Криспин искренне удивился. Хотя она не сказала ничего неприличного, он был шокирован. Бойких он не любил, а тут — сама бойкость, дальше некуда. Представив себе, как она скачет по усадьбе, он

чуть не закричал, шея просто вспыхнула. Когда же будущая гостья попросила: «Расскажите про эту усадьбу», одно лишь воспоминание удержало его от грубости.

— Уилл говорит, — продолжала она, — ее построили при Этельреде.[55] Он говорит, там мосты, бойницы и озеро. Красота какая!

Слово «красота» не казалось Криспину уместным, особенно когда речь шла об озере, которое воняло до небес, если его постоянно не чистить за большие деньги. Вечерами вода обращалась в жидкое золото, а хозяин смотрел на нее, думая и гадая, что бы с этим озером сделать. Интересно, спрашивал он, если спустить воду, вычистят его за семь месяцев семь служанок[56] с семью швабрами? Навряд ли; да и где возьмешь в наше время семь служанок?

Тем временем миссис Клейберн распелась, словно жилищный агент перед нерешительным клиентом. Как выяснилось, она читала об этих усадьбах в английских книгах, но ни одной еще не видела. У ее друзей были шикарные дачи на Лонг-Айленде[57] или в Ньюпорте,[58] но это совсем другое дело, все — поновей.

— Наверное, — прибавила она, — Скропы были еще в ковчеге.[59]

Прибавила — и зря, ибо Криспин вспомнил, как затопило однажды дом (ливень протек сквозь крышу), прибавив к счету сорок семь фунтов пять шиллингов девять пенсов. Рука сама собой поднялась к шее. Гостья посмотрела на него.

— Что это вы?

— Простите?

— Зачем трете шею?

— Продуло, наверное. Болит.

Вся материнская нежность Бернадетты хлынула наружу, словно кто-то открыл шлюз. Женщина служит нам, словно ангел, не только тогда, когда тоска и боль терзают нас. Сгодится и простуда.

— Посмотрим, — сказала она. — Сядьте, наклонитесь, словно вы — один из тех Скропов, которым отрубили голову.

Летописец обманул бы своих многочисленных читателей, если бы пытался убедить их, что последующие пять минут сэр Криспин был счастлив. Напротив, он редко бывал таким несчастным. Только уверенность в том, что голова прикреплена прочно, мешала подумать, что она вот-вот оторвется; и он укорял себя за податливость.

Однако еще Джон Драйден (1631–1700) справедливо заметил: отрадна жизнь, когда утихла боль. Едва Бернадетта, проговорив: «Ну, все»,

ослабила хватку, как сэр Криспин испытал облегчение, с лихвой окупившее его муки. Он выпрямился; боли не было; и он посмотрел на избавительницу благодарно, нет — благоговейно, не в силах понять, почему считал ее лишней в Меллингэм-холле. Именно таких женщин давно не хватало там.

— Спасибо вам огромное! — сказал он. — Совсем не болит.

— Так я и знала. Муж просил это делать, когда у него похмелье, практически — каждый день. А теперь расскажите мне об усадьбе.

Сэр Криспин был бы рад удовлетворить любое ее желание, но взглянул на часы и увидел, что надо бежать, поезд скоро уходит.

— Простите, — сказал он, — мне пора, а то я опоздаю на поезд.

— Ничего, — отвечала она, — завтра сама увижу.

— Да-да. Надеюсь, вам понравится.

— Держу пари. Кстати, о пари, вы не знаете хорошего букмекера? Хотела бы поиграть. Есть такое место, Ньюмаркет.

Сердце у сэра Криспина сжалось, он вспомнил молодость. В Ньюмаркете, вероятно, он потратил больше всего.

— Там скоро заезд. Кого вы рекомендуете?

— Я вел дела со Слингсби.

— Сейчас не играете?

— Нет. Бросил.

— Молодец. Я в этом плохо разбираюсь, но мне советовали ставить на Братолюбие.

— Братолюбие?!

— Да. Кстати, а вас как зовут?

— Криспин.

— Господи! Конечно, не мне говорить, меня крестили Бернадеттой. Правда, называют — Берни. Прошу.

— Спасибо.

— Вы можете себе представить, чтобы к человеку обращались: «Бернадетта»? Или «Криспин». Или «Уиллоуби». Хороший парень Уилл. Мы с братом у него гостим.

— Он говорил.

— Толстоват, а?

— Есть немного.

— Мой покойный муж тоже толстел.

— Да?

— Никак не могла его оторвать от калорийной пищи. Да, вам пора на поезд.

Когда Уиллоуби вернулся, он увидел, что печаль сменилась радостью.
— Привет, Берни, — сказал он. — Откуда вы взялись?
— Отовсюду. Встретила вашего брата. Криспин, это подумать! Буду звать его Криппи.
— Куда он делся?
— Побежал на поезд.
— А, да, он говорил. Чем могу служить?
— Дайте доллар-другой. Совсем обнищала. Не дадите — не поем. Похудею, это хорошо, а вообще — плохо.
— Дорогая Берни, я поведу вас в ресторан.
— Кормите алчущих?
— Там будет мой племянник. Вы не против?
— Да хоть инопланетное чудище! Мне бы поесть и выпить.
— Не беспокойтесь. Будем кутить. Я купил «Девушку в голубом».
— Кого?
— Миниатюру Гейнсборо. Девушка — в голубом. Он ее так и назвал.
— Молодец. В самую точку. Да уж, эти художники… А какой ресторан?
— «Савой».
— Идем, а то я упаду.
— Идем. Мейбл, мы уходим, — сказал Уиллоуби в приемной.
— Bon appetit,[60] мистер Скроп.
— Вот как у нас! — восхитился он.
— Если спросят хозяина, — добавила Берни, — скажите, что он загулял. Ничего не попишешь, купил девицу! В голубом.

ГЛАВА V

Кутеж удался на славу и завершился часу в четвертом, Уиллоуби пошел в контору, Джерри — домой, Берни — исследовать Лондон. Брат ее Гомер в это самое время беседовал в Верой Апшоу у книжной лавки Фланнери и Мартина (Слоан-сквер).

Встреча их была неотвратима, словно в греческой трагедии. Слоан-сквер недалеко от Челси-сквер, и всякий, кто гостит у Скропа, естественно, зайдет к Фланнери и Мартину, чтобы купить книг. Гомер восхищался сборником «Ровно в семь, на рассвете», и ему не терпелось прочитать «Дни нарциссов». Что до Веры, она жила за углом и постоянно наведывалась в лавку посмотреть, как идет книга. Иногда она ходила туда утром, иногда — вечером. Сегодня она явилась днем, в то же самое время, что и Гомер.

Учтивый продавец, прельщенный поначалу сверканьем красоты, теперь боялся этих визитов. Тщетно убеждал он, что с ним не обсуждают, какие книги продавать, — она считала, что он крутит, и этого не скрывала.

Когда он отирал лоб, пытаясь понять, зачем служит здесь, если так нужны дворники, а Вера вглядывалась в полки, двери открылись, впустив нагретый воздух и толстого американца в роговых очках. Такие существа ее не интересовали, пока он не спросил:

— Простите, у вас нет книги «Дни нарциссов»?

Она обернулась, дрожа, словно ее шутки ради подключили к обнаженному проводу. Навряд ли хоть одна девушка так трепетала с тех времен, когда осажденный Канпур[61] услышал звуки волынок.

Встрепенулся и продавец, внезапно заподозрив, что его хозяева допустили оплошность. К авторам он привык, но если этот солидный человек не приходится эссеистке дядей, слова его предвещают спрос, как ливень — капли дождя. По меньшей мере они означают, что «Дни» можно читать.

Итак, продавец встрепенулся, но попытался это скрыть. Сокрушаясь о том, что сейчас нет ни одного экземпляра, он пообещал, что они скоро будут, а Гомер ответил, что уезжает. Тогда продавец предложил театральные мемуары (в том числе — Флоры Фэй), но Гомер был уже на улице, где и услышал: «Простите», обернулся — и застыл, словно его заколдовали.

— Вы спрашивали «Дни нарциссов»? — осведомилась Вера.

— Да, — выговорил он. — Их нет.

— Знаю, — горько уронила она. — Такие у нас магазины… А у вас, в Америке?

Пораженный ее прозорливостью, Гомер сообщил, что в Нью-Йорке ассортимент гораздо лучше, но он в этом не разбирается, так как читает мало.

— Я юрист, — пояснил он.

— Давно вы в Англии?

— Меньше недели. Но я здесь бывал. Я очень люблю Лондон.

— А ваша жена — Париж?

— Я не женат.

— Вот как? Да, кстати, у меня есть «Дни нарциссов».

— Спасибо, я не хотел бы вас лишать…

— Ничего, у меня их много. Я — автор. Глаза у Гомера уподобились мячам для гольфа.

— Ах! — выдохнул он.

— Это — моя вторая книга. В прошлом году я издала…

— «Ровно в семь, на рассвете», — благоговейно произнес Гомер.

— Неужели вы ее знаете?

— Читал и перечитывал.

— В Америке ее не продавали.

— Один друг мне прислал.

— И вам понравилось?

— Еще бы!

— Очень приятно. И очень странно. Вы же мало читаете.

— А вашу книгу прочитал. Она такая… нежная. Словно сидишь у ручья, вода журчит…

Это Вере понравилось. Об ее первой книге писали, но в духе «читать можно».

— Да вы поэт! — сказала она и посмотрела на него тем тающим взглядом, который на человека впечатлительного действует, как удар копыта.

— Я очень люблю стихи, — признался он.

— Сами не пишите?

— Ну что вы!

— Вы слишком скромны. Пишите. Однако мы не знакомы. Кому, куда?

— Простите?

— Кому и куда послать книгу?

— Меня зовут Гомер Пайл, но…

— Да, да, помню. Вы уезжаете.

— В Брюссель, на конференцию Пен-клуба.

— Ах! Я тоже.

— Ах! — сказал и он.

— Значит, увидимся. А книгу я дам сейчас, если вы к нам зайдете. Познакомитесь с моей матерью. Наверное, вы о ней слышали. Флора Фэй, кавалерственная дама.

Если девушка приведет домой, к матери, незнакомого человека, словно пес, приносящий кость в гостиную, она, естественно, захочет как можно скорее узнать мнение вышеупомянутой дамы. Проводив Гомера, прекрасная эссеистка вернулась, и мать взглянула на нее из глубины кресла, проговорив при этом:

— Ну как?

— Это я должна спросить.

— Ты хочешь узнать мое мнение?

— Конечно.

— Хорошо, душенька. Сейчас узнаешь.

Флора Фэй, сорвавшая нервы у неисчислимого множества антрепренеров, режиссеров, актеров и ассистентов, сохранила тем не менее мягкий, даже вкрадчивый голос. Один драматург, оправляясь в больнице, назвал ее воркующим ястребом.

— Ответ мой, — продолжала она, — зависит от того, какие качества ты имеешь в виду. Если внешность, я не уверена, что он победил бы на конкурсе красоты. Однако он — консультант американских корпораций, а опыт нас учит, что эти консультанты носят вместо белья бумажки в сто долларов. Я думаю, когда мистер Пайл дает совет компании, у той остается денег, чтобы позавтракать, но не больше. Налей мне еще чаю, душенька, и дай эту штучку с розовым кремом.

— Ты потолстеешь.

— Все хорошее или безнравственно, или вредно, или незаконно. Вернемся к Пайлу. Я тебя понимаю. Понимаю я и его, ты у меня — красавица. Мне было бы легче, если бы я знала, что там у вас с этим рыжим типом. Насколько я помню, дядя не дает ему деньги, а ты разумно ждешь, пока тупик рассосется, если тупики именно рассасываются. Нет, то

— нарывы. Знаешь, ты похожа на антрепренера, у которого горит спектакль. Он гадает, снять его или ждать, пока разыграются. Я бы на твоем месте этот спектакль сняла.

— Он не горит, мама. Джеральд сегодня получит деньги.

— Откуда ты знаешь?

— Я ему сказала, чтобы получил. Долго объяснять, но по закону это можно. Он пошел в «Савой» с мистером Скропом, так что сейчас у нас все в порядке.

— Ну что ж… А зачем он тебе? У этого дивного консультанта — в сто раз больше. Да, миссис Пайл — не очень благозвучно, но мой тебе совет, соглашайся. Любить его не надо, незачем. Вот я — вышла замуж по любви, а кончился наркоз — и что же? Главное в браке — уважение. Он тебя уважает, это ясно. А ты… Как не уважать человека, который столько стоит? Вы будете в Бельгии. Ты все хорошеешь, словом — дело в шляпе. Только не тяни. Набери номер и скажи своему Рафаэлю, что все кончено. Никак не пойму, что ты в нем нашла!

— Позвонить? А что я скажу?

Флора мягко улыбнулась и, встав с кресла, поцеловала свою дочь, как целовала десятки дочерей с тех пор, как ей пришлось перейти на новые роли.

— Не волнуйся, я позвоню, — сказала она. — Чего-чего, а слов мне всегда хватает. Прикинем так: он — художник, тонкая натура, а тебе нужен сильный, надежный муж. В общем, вы — как брат и сестра, ты желаешь ему счастья. Вопросы есть?

— Ах, мама! — сказала дочь.

ГЛАВА VI

Джерри тоже плохо спал в эту ночь. Он думал.

Проблема, которую он пытался решить, весьма популярна в разделах «Советы влюбленным». Он думал о том, что делать человеку, когда он обручен с девицей А. и вдруг встречает девицу Б., предназначенную ему от начала времен.

Живи он в Америке, он бы посоветовался с матушкой Эбби или с доктором Джойсом, но в Лондоне знал только «тетушку Филлис», толстого мужчину лет пятидесяти, питавшего слабость к пиву, и консультации с ним боялся.

Утром, куря после завтрака трубку, он подвел итоги. Ситуация неприятна, но просвет в ней есть. Он обещал Вере поговорить в «Савое» с дядей и поговорил бы, если бы не Бернадетта. Дядя Уилл так резвился и радовался, что вынул бы ручку из кармана, как вынимает фокусник кролика, и последнее препятствие к браку с Верой, единственной дочерью Чарльза Апшоу и Флоры Фэй, исчезло бы. При одной мысли об этом Джерри задрожал от макушки до шлепанцев.

Однако ангел-хранитель догадался послать к ним Берни, вызвав тем самым искреннюю благодарность своего подопечного. Тот с удовольствием бы похлопал его по спине; но ангелы застенчивы, замкнуты, и общаться с ними трудно.

Да, просвет был; но такой трезвый человек, как Джерри, не скрывал от себя, что до счастливого конца далеко-. Ангел ангелом, а многое придется сделать самому. Что ни говори, с Верой он еще помолвлен и, если не принять срочных мер, вскоре он пойдет к алтарю во фраке и в парадных брюках, которые, скажет она, надо бы выгладить.

Он долго и напряженно думал об опасности, пока взгляд его не упал на газету и он не увидел, что сегодня — среда, день серьезный. Пришлось встать из-за стола, побриться, принять душ и одеться поприличней. Сделав все это, он взял свою папку и вышел.

Именно по средам карикатуристы обходят газеты и журналы. Когда у дверей, за которыми сидит заведующий оформлением, наберется штук десять нервных художников, голова без тела вызывает их по одному. Атмосфера очень похожа на ту, которая царит в приемной зубного врача.

Обычно приходится обойти многих — заведующего оформлением, как королеву Викторию, рассмешить нелегко; но судьба пожалела Джерри и

благородно решила хоть как-то его подбодрить. Начал он с той газеты, где печатался тетя Филлис, и у него сразу взяли там все рисунки, вроде бы даже огорчаясь, что больше ничего нет.

Такое событие надо отпраздновать. Разрезвившись, как дядя Уилл со своей миниатюрой, Джерри решил покутить на славу и, по здравом размышлении, выбрал ресторан знаменитого отеля «Баррибо».

Войдя в это лежбище магараджей и миллионеров, он сразу ощутил, что для полного блаженства ему чего-то не хватает. Все сидели парами; все — но не он. Вот если бы здесь была возлюбленная незнакомка!

Она здесь была, пила кофе за столиком у самой двери.

Он застыл на месте. Миллионер, идущий за ним, толкнул его в спину, но он едва это заметил, глядя на свою мечту, как глядел Гомер на Веру, с той только разницей, что Гомер не сомневался в ее материальности, а Джерри полагал, что перед ним — мираж или астральное тело. Тут она подняла взор, улыбнулась и помахала ему кофейной ложечкой.

Джерри рухнул на стул рядом с ней. Кто-то бил в барабан, но вскоре он понял, что это всего лишь сердце.

— Поразительно! — сказал он. — Я думал, вы у тети.

— Я там и есть, — отвечала она. — Приехала по делу.

— И уедете?

— Да.

— Это плохо. Давайте позавтракаем.

— Я позавтракала.

— Ну, еще раз.

— Нет, спасибо. А вы ешьте, мешать не стану.

— Помешать мне невозможно. Я кучу. И не говорите: «Вот свинья!» У меня большая удача. Что вы знаете о жизни карикатуристов?

— Очень мало.

— По средам они обходят журналы и газеты. Спасибо, если продадут один рисунок.

— Но сегодня?..

— Вот именно. Сегодня я продал все в первом журнале.

— Как хорошо!

— Замечательно.

— Естественно, вы кутите. Хоть бы и мне так повезло!

— В чем?

— В том деле, из-за которого я приехала. Как вы думаете, что это значит, когда тебя приглашает юрист?

— Деньги, наверное.

— Хорошо бы, а то я тоже раскутилась.
— Когда вы получили письмо?
— Сегодня утром.
— Я думаю, это — наследство.
— Вроде не от кого.
— У вас никто не умер?
— Нет. Да и вообще, они все бедные.
— Школьная подружка, которой вы помогли на хоккейном поле?
— Зачем им умирать? Они молодые.
— Да, действительно. Это тайна.
— Тетя говорит, ловушка.
— Какая?
— Ну, белые рабыни. Заманят, усыпят — и в Южную Америку.
— Почему именно вас?
— Надо же кого-нибудь.
— Как по-вашему, похоже это на правду?
— Если тетя так думает, значит — непохоже.
— А кто этот юрист? Не из портовых районов?
— Нет, с Бедфорд-роуд. Звучит солидно: «Скроп, Эшби и Пембертон». Мой — Уиллоуби Скроп, такая подпись.
— А, черт! Простите.
— Почему вы ругаетесь?
— Он — скорей мой, чем ваш. Мой дядя.
— Да? А какой он?
— Высший сорт.
— Девиц не усыпляет?
— Ни в малейшей мере.
— Это хорошо.
Пока они говорили, Джерри ел, а теперь закурил сигарету, предложив другую даме.
— И еще хорошо, что тети нет, — сказала она, выпуская дым.
— Не любит, чтоб курили?
— Да. От курения бывает бессонница, мигрень, астма, бронхит, гастрит, близорукость, ревматизм, радикулит, ишиас и сыпь.
— Хотел бы я познакомиться с вашей тетей. Какой ум!
— Ничего не выйдет, вы — художник.
— О да, русские княгини! Строгая женщина. Почему вы к ней едете?
— Надо. Да, кстати, насчет ресторана.
— Я жду — не дождусь.

— Придется подождать еще.
— А, черт! Простите. Почему?
— Я забыла, что у тети день рождения. Может, в субботу?
— Хорошо, но «А, черт!» я прибавлю.
— Значит, здесь, в шесть часов?
— Вот именно.
— Ну, я пошла, а то опоздаю на лучший поезд. Далеко эта контора?
— Не очень близко.
— Тогда посадите меня в такси.

Такси уехало. Джерри пошел домой пешком. Он сильно поистратился, а шоферы не довольствуются очарованием манер. Но он и так прогулялся бы. Ему надо было обдумать проблему со всех сторон, а он лучше думал на ходу.

Проблема требовала размышлений. Недавняя встреча окончательно убедила его в том, что жениться он может только на одной девушке. Как же увернуться от другой? Поистине, тупик из тупиков! Царь Соломон или Бригем Янг не сочли бы это проблемой; они не сочли бы — но он счел.

Размышлял он и дома. Ему припомнилась комедия, где герой говорит девице, напомнившей о помолвке: «Ах, забыл сказать! Ее нет» — и он позавидовал прыти комедийных героев, когда зазвонил телефон. Прелестный голос возможной тещи очень удивил его, она не болтала с ним по телефону, мало того — вообще избегала бесед с возможным зятем.

— Джеральд? — сказала она. — Добрый день. Я не помешала?

— Нет. Я в среду не работаю.

— Бывают же счастливые люди! У меня как раз по средам — утренний спектакль. Вы слышали, как актриса идет мимо рыбной лавки? Рыбы смотрят на нее, точь-в-точь — зрители, а она думает: «Вспомнила! У меня утренний спектакль». Но я звоню вам не для того, чтобы рассказывать анекдоты. Я проводила Веру в Брюссель, и она дала мне печальное поручение.

— Мне вас очень жаль.

— Пожалейте себя, — проворковала кавалерственная дама.

Что-что, а слово держать она умела. Обещала любимой дочери объяснить ее жениху, что свадьбы не будет, — и объяснила со свойственным ей искусством.

— Я знаю, — сказала она, — вы поймете. Вера просила передать, что вы для нее — нежный, близкий друг. До свиданья, Джеральд, всего вам доброго.

Когда Джерри опускал трубку, она дрожала в его руке. Дама Флора подчеркнула, что дочь считает его слабым, и слабым он был, если это не слишком слабое слово. Такой стилист, как Флобер, выбрал бы свой, французский аналог выражению: «Просто студень какой-то».

Произошло это потому, что он испытал облегчение. Слово и здесь — слишком слабое. Когда человек на эшафоте видит всадника с королевским помилованием, мы не говорим: «Он испытал облегчение». Чувства Джерри лучше всего сравнить с чувствами Криспина Скропа, когда тот смотрел, как Уиллоуби пишет чек.

Какое-то время счастливец просто сидел, испытывая благоговейное почтение к ангелу-хранителю; потом ему пришло в голову, что надо не созерцать, а действовать. Да, они обедают в субботу, но только сумасшедший будет сидеть до тех пор сложа руки. А в такое время — каждая минута на счету. Там, в Борнмуте, ее может умыкнуть какой-нибудь наглец. Значит, туда и отправимся. Однако сперва хорошо бы узнать ее имя.

К счастью, это легко. Она пошла к дяде Уиллу. Звоним ему.

— Дядя Уилл? Это Джерри.

Уиллоуби был суховат. Он уезжал на несколько дней играть в гольф и очень спешил.

— Ах ты, Господи! — сказал он. — Бегу на вокзал, а ты звонишь.

— Ты уезжаешь?

— Да. Играть в гольф.

— Я на одну минутку. В субботу я обедаю с одной девушкой…

— А как же твоя Вера?

— Все в порядке. Она со мной разошлась.

— Очень рад. Неприятная девица.

— А эта — нет слов!

— В чем же дело?

— Я не знаю, как ее зовут.

— Ты не спрашивал?

— Нет.

— Почему?

— Так, не довелось. Дядя вздохнул.

— Именно этого я и боялся с тех пор, как ты упал из коляски. Ну, пока.

— Нет, нет. Ты ее знаешь. Она у тебя сегодня была. Дядя засопел, показывая этим, что Джерри удалось пробудить его интерес.

— Господи! Да, она говорила, что знакома с тобой. Ее зовут Джейн.

Джейн Ханникат. Она — стюардесса.

— Я знаю.

— Работу, конечно, бросит. Получила большие деньги. Один старик, Донахью, с ней летал. Теперь он умер. Мне звонили из Нью-Йорка. Родных у него нет, все оставил Джейн. Я рад за нее, хорошая девушка. Больше миллиона, меньше двух. Ну, пока, а то опоздаю!

ГЛАВА VII

Большую часть дня Мейбл сидела за своим столом и ни о чем не думала, выходя из забытья лишь в тех случаях, когда являлся посетитель. Но рано или поздно жизнь возвращалась к ней, мысли — обращались к чаю. В тот день мгновенье это совпало с уходом хозяина. Когда его летящие фалды исчезли за дверью, она поняла, что хочет пить.

Обычно она посылала за чаем рассыльного по имени Перси, но сейчас, без начальника, предпочла выпить дивный напиток не из пластмассового стаканчика, а из фарфоровой чашки. Захотелось ей и погулять, поглядеть витрины.

Когда Перси не бегал с поручениями, он сидел в особом закутке и читал комикс. Вызывали его звонком.

— Я ухожу, — сказала Мейбл, — очень скоро вернусь. Посиди-ка у меня. Если спросят хозяина, он уехал. Скажут что-нибудь, запиши. Да, когда снимешь трубку, говори: «Контора Скропа, Эшби и Пембертона», а не «Кто это»?

Минут через двадцать она вернулась. Перси сидел за столом. Ублаженная чаем, булочками и почтительностью, она бы погладила его по голове, если бы он не мазал волосы таким отвратительным маслом.

— Звонили?

— Один раз.

— Хозяина?

— Ага.

— Ты хоть им «ага» не сказал?

— Не-а.

— А кто звонил?

— Вроде Пал какой-то. Главное, нализался.

— Что?

— То. Надрался, как зюзя.

— Почему ты так думаешь?

— Порол черт-те что. Так вообще ничего, не икал. А порол т-а-кое!

— Какое?

— Скажите, говорит, что я запер девицу в стол. В средний ящик.

— Девицу?

— Ага. Минни О'Тюру.

— В ящик?

— Ну!
— Она не влезет.
— Разрубить, так влезет. А вообще-то насосался, как пылесос.
— Да, странные люди бывают, — заключила Мейбл. — Не буду беспокоить хозяина.
Перси с ней согласился.

ГЛАВА VIII

В английских селениях, таких маленьких, что на почте продают сладости и мотки шерсти, а оазис кабачка — только один, самым важным человеком бывает обычно владелец большой усадьбы. Именно его считают особенно умным, даже если он — сэр Криспин; именно к нему несут свои горести и сомнения.

Это и сделал полицейский Эрнст Симмс на следующий день после того, как местный властитель вернулся из Лондона. Он прибыл в Меллингэм-холл, где его встретил дворецкий, бросивший на него суровый взор и получивший в ответ такой же. Они не очень любили друг друга.

— Привет, рыло, — сказал дворецкий. — Зачем пожаловал?

— Да уж не к вам, — сухо отвечал Симмс. — Хочу повидать сэра Криспина.

— А он хочет? — парировал дворецкий. — Ладно, иди, он в библиотеке. Я ему не завидую.

Библиотека располагалась на втором этаже. То была большая мрачная комната, где по стенам, в шкафах, стояли тома в телячьей коже, изданные в ту пору, когда читали о Боге, еще не обретя потребности в шпионах и мертвых телах. На сэра Криспина она всегда наводила мрак и скорбь, но было в ней и преимущество — туда не ходили постояльцы. Сиди и думай, никто не помешает.

К раздумьям его склонила недавняя удача. Вдохновленный Бернадеттой, он поставил все деньги на Братолюбие.

Да, Бернадетте он сказал, что больше не играет на скачках, но, в сущности, какая игра, если выигрыш предрешен? Взвесим факты. Уиллоуби только что проявил именно этот вид любви, мало того — лошадь принадлежит человеку, с которым они учились в школе, а наездника зовут Уиллом. Это ли не знамение небес?

Но черту подвело появление констебля, ибо фамилия Уилла была тоже Симмс. Поистине, думал сэр Криспин, можно обойтись и без таких формальностей, как сами скачки. Проще вручить деньги прямо, результат предрешен.

— Заходите, Симмс, заходите! — радостно вскричал хозяин. — У вас ко мне дело?

Констебль не разделял его радости. Выглядел он так, словно вытесан из очень твердого дерева человеком, который изучает ваяние по почте и

дошел до третьего урока.

— Да, сэр, — строго и сухо отвечал он, как бы подчеркивая и важность, и частный характер своего визита. — Насчет вашего дворецкого.

Сэр Криспин вздрогнул, словно гость коснулся обнаженного нерва. Только что он был рад, рад, рад, как Поллианна;[62] только что — но не теперь.

— Дворецкого? — откликнулся он. — А что случилось? Эрнст Симмс обрел ту напыщенность, с какою давал обычно показания в суде.

— Меня уведомили, — начал он, — что под его руководством посетители «Гуся и гусыни» играют в азартные игры. Когда я предупредил, что приму меры, он обозвал меня неприличным словом.

Тут он вроде бы резко изменил тему, сообщив, что вчера у его матери был день рождения.

— Она живет в Норфолке, в Ханстантоне. Я всегда ее поздравляю.

Сэр Криспин растерялся. Против таких чувств он не имел ничего, лучший друг полисмена — его мама, но что тут сказать, не знал и помолчал немного.

— Чтобы послать телеграмму, — продолжал Симмс, — я пошел на почту, а велосипед оставил на улице. — Он тоже помолчал, словно бы задохнувшись и показывая тем самым, что даже стальные люди могут не все. — Когда я вышел, — выговорил он, преодолев минутную слабость, — этот дворецкий учил дочку Гиббса ездить на моем велосипеде.

На сей раз сэр Криспин решил откликнуться и не совсем удачно сказал:

— Это нехорошо.

— Чего уж хорошего, — откликнулся Симмс с суровостью тяжко оскорбленных. — Так я ему и сказал. Велосипед — государственное имущество. Если он катает на нем девиц, он оскорбляет Ее Величество. Поймаю снова, — это я все сказал, — посажу, охнуть не успеет.

— Наверное, он испугался.

— Куда там! Очертела, говорит, полиция, настоящая гестапа. Стал угрожать.

— Угрожать?

— Угрожать, сэр. Я, говорит, тебе покажу, себя не узнаешь.

— Это нехорошо.

— Чего уж хорошего, сэр. А Марлен стоит и гогочет.

— Ай-ай-ай!

— Золотые слова, сэр. А еще она говорит, какая гестапа, он просто коп. Это констебль по-американски, они в кино слышат.

— Ужасно, — сказал сэр Криспин, — ужасно. Но при чем тут я?

— Увольте его, сэр. Он, этот, подрывной элемент. Несчастный баронет от всей души хотел бы это сделать, но были причины… Словом, он не мог буквально ничего и смутился, смешался, растерялся.

— Хорошо, я с ним поговорю, — сказал он и тут же понял, что этого мало.

Понял и констебль, что проявилось в его нарочитой поджатости.

— Спасибо, сэр, — сказал он, но если бы прибавил: «Чего еще ждать от такой мокрицы», чувства его не выразились бы яснее.

Подождав, пока он уйдет, сэр Криспин вышел на дорожку, чтобы подумать об их беседе. Это было опасно, каждое мгновенье его мог схватить какой-нибудь гость, от полковника с его рассказами о Дальнем Востоке до Р.Б. Чизольма с его мрачными прогнозами; но он рискнул, ибо нуждался в свежем воздухе, а кроме того, как и Джерри, лучше думал на ходу.

Думал он о том, что именно подразумевал дворецкий, когда грозил констеблю. В любом случае это — какая-нибудь гадость, которую должен будет осудить миролюбивый хозяин. От этой мысли он так расстроился, что добрая Берни, выйдя в сад, испугалась и спросила:

— Что с вами?

Сэр Криспин подпрыгнул, словно мексиканский скакучий боб, но, увидев Бернадетту, мгновенно утих. Ее он не боялся, он ей даже радовался. С той встречи у брата она нравилась ему все больше, и он решил облегчить перед ней душу. Поэтому он отвечал не «Спасибо, ничего», как ответил бы полковнику или Чизольму, а: «Я очень расстроен, миссис Клейберн».

— Берни.

— Я очень расстроен, Берни. Такая неприятность…

— Какая?

— С Чиппендейлом.

— Простите?

— Это мой дворецкий.

Женщина погрубее немедленно бы спросила: «Что, кресло плохое сделал?»,[63] но Берни поняла, что сейчас не до шуток.

— Что же он натворил?

— Скорей натворит. Грозился в кабачке.

И он поведал ей все. Она слушала, серьезно и внимательно, как врач, принимающий исповедь пациента.

— Знаете что, — сказала она, когда сэр Криспин кончил свою повесть, — плюньте, он просто пугает. Что он может сделать в конце

концов? Сколько тут полицейских?

— Один.

— Я его видела. Солидный дядя, а ваш Чиппендейл — креветка, да и то, которой из пакета на видно. Все кончится На первом раунде.

— А если он что-нибудь подстроит?

— Ну что, например?

Сэр Криспин примера не привел, и Берни его пожурила.

— Вы начитались детективов. Вот там пускают кобру в камин или сыплют в пиво неизвестный восточный яд. А вообще, если вы боитесь, выгоните его. Что тут трудного?

Сэр Криспин помолчал. У всех у нас есть секреты, которые очень не хочется раскрывать. Однако нужда в сочувствии победила.

— Не могу. Он — не дворецкий.

— В каком смысле?

— Он — от фирмы, которая делала ремонт. Я им очень доволен. Они ждали два года, а потом прислали его. То, что называется «судебный исполнитель». Не знаю, есть ли они в Америке?

Берни удивлялась редко, но тут удивилась. Меллингэм-холл произвел на нее большое впечатление, и она никак не думала, что шкафы в нем набиты скелетами.

— Вот это да! — сказала она. — Что же вы будете делать?

— Не знаю.

— А я знаю. Женитесь на богатой.

— Кому я нужен?

— С такой усадьбой? Да кому угодно! Только дайте рекламу, сразу сбегутся. Нет, серьезно. Вежливый, умный, честный, не пьет, любит зверей. Вчера вы разговаривали с кошкой, сердце радовалось. Схватят, моргнуть не успеете. Тогда заплатите долг и гоните Чиппендейла. Кстати, — прибавила она, словно ей, как сыщику, не хватало кусочков головоломки, — почему он дворецкий?

— Сам предложил, чтобы гости не поняли. Я ему не плачу. Серьезность, с какою Берни обсуждала меллингэмские тайны, сменилась весельем.

— Однако устроились! У нас весь Лонг-Айленд лопнул бы от зависти. Бесплатно служит и не может уйти. Да им платят, как принцам, а они услышат зов из вольного мира, и все — уволились. Так что не беспокойтесь. Угрозы — ерунда, пыль в глаза пускает. Служит он хорошо. В общем, Криппи, порядок. Улыбайтесь, это очень полезно. Вы представить себе не можете, сколько народу спросит: «В чем дело?»

Именно в этот миг из дома вышел дворецкий. Может, кто-то ему и радовался; кто-то — но не хозяин.

— Вас к телефону, сэр, — сказал он, не считая уместным при Берни слово «дорогуша». — По-видимому, ваш брат.

Сэр Криспин поспешил к одной трубке, Чиппендейл — к другой.

— Уилл?

— Крисп?

— Почему у тебя такой голос? Что-то случилось?

— Ха-ха! Эта чертова Берни украла миниатюру. Чиппендейл беззвучно охнул. Будь он почувствительней, он бы выругался.

ГЛАВА IX

Уиллоуби вернулся в самом лучшем расположении духа. Играл он хорошо, исправил хотя на время траекторию мяча, а мысль о том, что миниатюра ждет его на письменном столе, довершала радость. Если корпулентный юрист может уподобиться серафимам и херувимам, поющим свои песни, то юристом этим был он.

И что же? Прав был Плиний, по-видимому, Старший,[64] заметив, что именно тогда, когда все течет легко и плавно, как патока из кувшина, судьба подстерегает за углом, держа наготове набитого галькой угря.

Теперь обратимся к другим, в том числе — незаметным участникам горестной беседы. Чиппендейл навострил уши, словно доберман-пинчер; сэр Криспин застыл, и трубка задрожала в его руке. Ослышаться он не мог, у него едва не лопнула барабанная перепонка, значит — ошибся брат. Обычно тот не ошибался, но он, сэр Криспин, просто не мог поверить, что такая женщина крадет. Хорошие девочки не крадут. Говоря строго, она — не девочка, но уж бесспорно — хорошая. Последняя беседа укрепила эту мысль.

— Что? — спросил он, и никогда еще это односложное слово не вмещало столько удивления, негодования и пыла. — Ты шутишь?

Брат ответил не сразу, возможно — потому, что из уст его била пена. Наконец он сказал, что не шутит.

— Уехал на несколько дней, — пояснил он, — оставил прямо на столе. Приезжаю — нету.

— Ты хорошо искал?

— Спроси еще, протер ли я очки?

— А ты протер?

— К черту!!!

— Я вот вечно забываю.

Спор об очках почему-то немного охладил юриста. Когда он заговорил, голос его, еще напоминающий те звуки, которые издает боцман грузового судна, звучал помягче.

— При чем тут «искал», «не искал»? Я оставил ее на столе.

— Она могла упасть.

— Куда?

— На пол. Может, ветром снесло.

Они опять помолчали. Даже сэр Криспин не очень высоко оценил эту

гипотезу. Наконец Уиллоуби сказал:

— Крисп, не дури.

— Хорошо, Уилл.

— Ветром! Хо-хо!

— Да, я понимаю. Но почему Берни?

— А кто ж еще? Не Пайл, в конце концов!

— И не такая женщина! — пылко вскричал старший брат.

— Ха-ха! Какая, интересно? Вот, смотри: вечером показывал им миниатюру. Гомер два раза зевнул, а эта змеюка просто в нее впилась. И кричит, и. хвалит, и спрашивает. Ясно, тогда и решилась. А ночью прокралась в кабинет, и пожалуйста! Надо отнять.

— Да, конечно…

— И я отниму. С твоей помощью.

— С моей?

— Да, с твоей. Потому и звоню. Миниатюра — там, у вас. Поговори с Берни. Пригрози судом.

— Ну, что ты!

— Тогда обыщи ее комнату.

— Что ты!

— А что?

— Я не могу.

— Слушай, Крисп, у тебя нет денег. Найдешь миниатюру — дам сто фунтов.

Негодование и ужас захлестнули сэра Криспина. Немногочисленные волосы просто встали дыбом. Он выпрямился, хотя брат этого и не видел, и произнес другое односложное слово:

— Нет!

— Двести.

— Нет! Прости, Уилл. Я глубоко почитаю миссис Клейберн. Я ею восхищаюсь и не стану поддерживать пустых обвинений.

— Пустых?

— Да!

— Ха-ха! Она — известная воровка. Не знал? Там, в Нью-Йорке, когда она идет в магазин, вызывают отряд сыщиков. Ее из-за этого и увезли. Выслали, можно сказать.

Больше выдержать сэр Криспин не мог.

— Стыдись, Уилл, — холодно сказал он. — До свиданья. — И бросил трубку.

Несколько минут он дрожал, как дрожит человек, уцелевший после

крушения. Мысли его путались, но он ощущал благодарность к покойному Александру Грейаму Беллу[65] — лицом к лицу с братом он бы никак не проявил такой стойкости. Уиллоуби с детства подавлял его, и только помощь мистера Белла спасает от этого теперь. Великолепное изобретение дает возможность слабому торжествовать над сильным; вот и сэр Криспин вел себя выше всякой критики — Чиппендейл, глубоко потрясенный, и не знал, что в его подопечном таятся такие достоинства.

По мере того как утихали побочные эффекты борьбы, негодование сменилось более мягкими чувствами. Сэр Криспин ощутил, что и брата можно понять. Да, ужасно, что боль и горе породили эти дикие выдумки, но все-таки это — боль и горе. Успокоившись, он увидит истину, признает свою ошибку. Уиллоуби отходчив; просто он иногда говорит, не подумав.

Дойдя до этих милостивых мыслей, сэр Криспин пошел было в сад, надеясь побеседовать с Берни, когда открылась дверь и появился мнимый мажордом. Припомнив, что есть и другие дела, кроме нелепых обвинений, сэр Криспин без особого пыла взглянул на него и суховато произнес: «Да?», ибо не забыл своих обещаний констеблю, а его тонкой душе претили неприятные беседы. Если говорить, то строго; но телефон уже не поможет.

Чиппендейл, вероятно, заметил эту сухость, но остался равнодушен.

— Есть дело, друг, — приветливо сказал он.

— Какой я вам друг!

— Ну зачем так, а? Нехорошо, дорогуша.

Берни уподобила дворецкого креветке, и объективный наблюдатель с нею бы согласился. Правда, люди, знакомые с Чиппендейлом, полагали, что в нем нет и шестидесяти шести вершков. Привлекательным он не был. Лицо казалось каким-то грязным; уши торчали, как ручки греческой вазы; глаза и нос наводили на мысль об утке и лисе. Словом, нам странно, что юная мисс Гиббс привечала его, — правда, он давал ей бесплатные уроки езды на велосипеде. Что же до хозяев, они всегда предпочитают ум красоте.

— Что вам нужно? — осведомился сэр Криспин. Чиппендейл мог бы сказать, что ему нужны десять тысяч в год, «роллс-ройс», вилла на Лазурном берегу и немного бриллиантов, но дело есть дело.

— Да так, потолковать, — ответил он. — Услышал ваш разговор.

Сэр Криспин опять задрожал, даже усы зашевелились, и выговорил не сразу:

— Как вам не стыдно?

Чиппендейл резонно признал этот вопрос риторическим.

— Зря вы его отшили, — сказал он. — Две сотни, это подумать! За такие деньги можно быть повежливей. Вежливость, она ничего не стоит, а толку много. Еще в воскресной школе слышал.

Высказав эти упреки, Чиппендейл сел и положил ноги на стол.

— А что к дамочке не пойдете, это вы правильно. Все равно ничего не выгорит. Она бы, это, категорически отрицала, — объяснил он, скромно гордясь своим слогом. — Что тогда делать? Где улики? Другое дело комнату обыскать. Вам несподручно — я могу. Повезло вам, я человек опытный. С детства руку набил. Выиграет отец на собачьих бегах и прячет, а мать мне платила, если я что найду. И находил. Найду и вашу фиговину. Миниатюра? Это картинка, да? Знаю, видел. В прошлом году служил и видел, их держали в стеклянном ящике. А вот, — прибавил он, — важный вопрос. Даст ваш братец две сотни? Большие деньги, но вроде он человек солидный. Серьезный, понимаете, как судья на футболе. Значит, будем считать, даст.

Этот долгий и мерзкий монолог привел сэра Криспина в такую ярость, что ему удавалось издать лишь странное бульканье. Теперь он обрел дар речи.

— Я не допущу! — проблеял он. — Обыскивать! Нет, что же это!

Чиппендейл снисходительно улыбнулся. Нелегко с новичками, вечно разводят пары.

— Понятно, — сказал он. — Боитесь, что схватят. Да, если б меня накрыли, ваши бы сразу разорались: «Зовите полицию, зовите полицию!» Вы б им сказали: «Ах, он больше не будет, такой соблазн!» — «Хорошо, тогда гоните его». — «Не могу». — «Почему это?» — «А он не дворецкий». Так бы все наружу и вышло. Не бойтесь, друг, меня не накроют. Держите дамочку подальше, и все дела. Поведите прогуляться. Жаль, у нее вроде квартирка. Была бы одна спальня, тогда ясно — на шкафу. Они всегда на шкаф кладут. А в этих гостиницах — черт ее знает, ящики всякие взламывай. Не забыть отвертку… Теперь, как поделимся. Ваш — братец с деньгами, моя — работа. Значит, пополам.

Отвращение перешло в тошноту. Сэр Криспин дал бы много, чтобы сменить привычное блеяние на рокотания брата.

— Я запрещаю вам идти в ее комнаты! — почти проревел он. — Ступайте вон!

Чиппендейл очень удивился.

— Вам что, денег не надо?

— Вот именно.

— На такое хорошее дело?

— Черт с ним!
— Не обыскиваем?
— Нет. Ступайте.
— Ну дает! — проговорил Чиппендейл, как говорил всегда, когда очень удивлялся.

Если бы кто-нибудь услышал оба разговора, он непременно бы поразился твердости, с какою вел себя сэр Криспин. Вот, подумал бы он, человек, вынужденный просить у брата двести фунтов шесть шиллингов четыре пенса, но отвергший такую сумму, чтобы только не огорчить женщину! Когда же искуситель предлагает обыскать ее комнату, он прогоняет его. Да, рыцарство живо. Поистине, это — сам Байярд.[66]

Но летописец, как ему ни больно, вынужден сообщить, что не только рыцарство вдохновляло сэра Криспина. С ним наравне шла уверенность в том, что после скачек какие-то двести фунтов будут не так уж нужны.

Однако вера в Братолюбие, которое принесет больше тысячи, не спасала от некоторого беспокойства. В конце концов, чего на свете не бывает. Лошади спотыкаются, наездники сталкиваются и тому подобное.

Часы подсказывали, что скачки кончились примерно час назад, и он горько сетовал, что живет в деревне. Прежде, в Лондоне, он бы узнал результаты через несколько минут. Здесь надо ждать девятичасовой сводки новостей, поскольку звонить Уиллу навряд ли удобно.

Ему стало душно, он решил выйти и открыл было дверь, когда она распахнулась, словно ворвался один из тех ураганов, которые набирают силу, достигнув мыса Гаттерас, — и вошла Берни.

— Сколько же он вас продержал! — удивилась она. — Чего он хочет?

Вопрос был трудный, и сэр Криспин пробормотал:

— Да так, ничего…

— Поболтали, посплетничали? Ну ладно. А вы не хотите прокатиться? Полковник едет в Солсбери, показать мне собор.

Такие перспективы не привлекали сэра Криспина. Полковник Нортон Смит вообще отпугивал его, соборы же оставляли равнодушным. Сгустив эти чувства в «Спасибо, нет, э, спасибо», он думал, что Берни ушла, но она опять заглянула в дверь и сказала:

— Да, кстати. Хорошо, что вы не поставили на это Братолюбие. Сейчас получила телеграмму. Пришло вторым.

На сей раз она исчезла, а библиотека стала плясать некогда модный танец под названием «шимми». Если бы проповеди епископа Понтифекса (Оксфорд, 1839), выпрыгнув из шкафа, стукнули сэра Криспина по голове,

он бы не стонал и не охал с такой силой. Страшная весть повергла его именно в то состояние, которым, по слову этого епископа, расплачиваются за грех (стр. 83).

Когда хоть какая-то связность мысли возвратилась к нему, он напряг все мозговые клетки, чтобы найти выход, и в конце концов нашел. Байярд навряд ли одобрил бы его, но Криспину он понравился. Пересмотрев свои взгляды на куртуазность, баронет позвонил в звонок.

— Чиппендейл, — сказал он, когда тот явился, — закройте двери.

Чиппендейл их закрыл.

— Я подумал, — продолжал сэр Криспин, — и пришел к выводу, что попытаться мы вправе. Если вы действительно можете найти миниатюру…

— А то! — заверил мнимый дворецкий.

— Ищите ее, — напутствовал хозяин, — как только выберете время.

ГЛАВА X

Услышав, что брат бросил трубку, Уиллоуби какое-то время напоминал прославленную статую «Мыслитель». Конечно, думал он, не стоило тратить деньги на междугородний разговор. Криспина он любил, но ясно видел, что опереться на него нельзя. Даже если бы эта надломленная трость откликнулась, ничего бы путного не вышло. Криспин вежлив и честен, он не пьет, не обижает животных — но и не возвратит украденную миниатюру. Что ж, одни могут, другие — нет. Видимо, связано в гормонами.

Тут нужен, все думал Уилл, человек молодой, живой, решительный, вроде сыщика из детективов, которые он читал в поезде, или — да, да! — их племянника Джерри.

Племянника он любил, хотя и сдержанно, ибо не хотел распускать его — любил, даже восхищался, как-никак тот гораздо лучше играл в гольф. Конечно, игра эта еще не гарантирует других достоинств, но твердость и сосредоточенность с ней связаны. А в щекотливом предприятии, которое он замыслил, нужны именно они.

Такие люди, как Уиллоуби, решают быстро. Они не мычат, и не гудят, и не приговаривают, что надо бы всесторонне рассмотреть предмет. Едва подумав о Джерри, он набрал номер.

— Джерри?

— А, здравствуй, дядя Уилл!

— Не занят?

— Нет.

— Прийти можешь?

— В контору?

— Домой.

— Могу.

— Ну беги.

Ждать пришлось недолго. Джерри жил в одном из переулков, выходящих на Кингс-роуд, совсем недалеко от Челси-сквер, а с дядей поговорить хотел. В конце концов, если тот даст эти деньги, он будет, конечно, не так богат, как она, но все же достаточно обеспечен, чтобы на ней жениться.

Вера Апшоу подсказала, что деньги получить — просто, проще некуда. Идешь к дяде и говоришь учтиво, но твердо: «Я разобрался в

законах и знаю, что эта твоя опека — не вечная и не безусловная. Ее можно отменить по обоюдному согласию. Так что гони деньги, а то подам в суд».

Конечно, начать с этого нельзя. Прилично ли, войдя в дом, давить человека, не поздоровавшись с ним? Нет, неприлично. Поболтаем немного, дядя — человек хороший, они всегда дружили. Соответственно, первые минуты они болтали о гольфе, и только тогда, когда дядя отхвастался, племянник произнес:

— Да, насчет этих денег.

— Пожалуйста! — откликнулся тот. — Бери, я их не держу. На той неделе получишь.

Джерри не покачнулся, так как сидел в кресле, но ощущал примерно то же, что Криспин, когда Уиллоуби выписывал чек. Радость соперничала с чем-то вроде разочарования — значит, все просьбы и доводы, которые он так тщательно продумал, уже не нужны. Радость победила (как и у Криспина), и он выразил ее тем восторженным хрюканьем, каким встречал удачный удар. Слова куда-то исчезли. Дядя тем временем спросил:

— Наверное, ты думал, в чем тут суть? Почему отец не хотел, чтобы ты получил их сразу?

Джерри согласился, что такие мысли его посещали.

— Что ты знаешь о его молодости?

— Вроде бы, до тридцати он ничего особенного не делал.

— В данном случае важно, что он сделал в двадцать два. Он женился на билетерше из кино, склонной к горячительным напиткам.

— Значит, он двоеженец?

— Конечно, нет. Промучив его года два, билетерша скончалась, а он возненавидел ранние браки. Он решил, что до тридцати все мужчины слабоумные. Чтобы тебя не подцепила первая же мерзавка, он придумал эту опеку. Он знал, что я не допущу дурацкой женитьбы. Я и не допустил. Вера Апшоу, может быть, хороша для особенно благополучного миллионера — но не для тебя. Ей нужны драгоценности и «роллс-ройсы». Вы действительно расстались?

— Слава Богу, да.

— Радуешься? Это правильно. Помни, красота — еще не все. Красавица на глиняных ногах хорошей женой не будет. Двадцать пять лет назад я разглядел, что такие ноги у Флоры. Дочь — в нее. Чем кончилась ваша помолвка, взрывом или взвизгом?[67]

— Скорее, воркованием. Со мной говорила мать. Ну и голос у нее!

— Да, мелодичный. Что же она сказала?

— Много чего. Главное, Вера уже не хочет выходить за меня замуж.

— В переводе с их языка — встретила кого-то побогаче.

— Ты думаешь?

— Знаю. Двадцать пять лет назад это случилось со мной. В беседах с Реджинальдом Трессилианом она об этом не говорит, но мы были помолвлены. Тут явился Чарли, получивший в наследство «Диетический Хлеб Апшоу». Деньги она давно потратила.

Племянник поглупее пробормотал бы: «Вот почему ты не женился», но Джерри понимал, что дядя любит холостяцкую жизнь и глубоко благодарен Чарльзу. Ограничившись похвалой ангелам-хранителям, он сказал прямо:

— Ну, теперь я могу жениться.

— Господи! — воскликнул дядя. — Ты опять влюблен?

— Не «опять», а впервые.

— Конечно, у нее нет ни гроша?

— Что ты! У нее — миллионы. В том-то и дело. Сам понимаешь, что думают о человеке, который женится на деньгах.

Уиллоуби умел перемножать два на два. Слово «миллионы» он легко сопоставил с расспросами о наследнице старого Донахью.

— Ты влюбился в Джейн Ханникат?

Джерри не ответил, пораженный такой проницательностью.

— Да ты ее видел один раз!

— Вообще-то два, но и одного хватило бы.

— Понимаю. Приятная девица.

— Это к ней не подходит!

— Почему? Девица или приятна, или неприятна. Она — приятна. И еще деньги.

— Знал бы ты, как я хочу, чтоб их не было!

— И заметь, у тебя сразу появятся соперники. Только эту новость узнают, презренные корыстолюбцы и прожигатели жизни расцветут, как цветы весной.

— Вот я и хочу сейчас же ее увидеть.

— К сожалению, это невозможно. Ты уезжаешь сегодня в Меллингэм.

— Что?

— Да, забыл сообщить. Я не дам тебе денег, пока ты не окажешь мне маленькой услуги. Помнишь, я показывал миниатюру?

— Прапрабабушку?

— Или прапрапра. Девушка в голубом. С нами была миссис Клейберн.

— Да. Ты называл ее Берни.

— Не хочу говорить, как я бы назвал ее сейчас. Она стащила

миниатюру и увезла в Меллингэм.

— Ты шутишь?

— О, если бы!

— Такие женщины не крадут.

— Именно это я сказал ее брату, а он ответил мне, что в Нью-Йорке, если она идет в магазин, туда созывают сыщиков. Но я и тогда не верил, что она меня обворует, живя у меня в доме. «Если бы я знал!», как пишут в детективах.

Джерри это не очень понравилось. Он видел Бернадетту один раз, но, несмотря на дядины слова, она понравилась ему.

— Ты уверен?

— Конечно! Кто еще мог украсть? Она, больше некому. В общем, едешь в Меллингэм, ищешь у нее в комнате.

— Не могу я, Господи!

— А я не отдам денег. Ты — мне, я — тебе. Взаимопомощь.

— В субботу я обедаю с Джейн!

— Отложи. Пошли телеграмму, что тебя вызвали в деревню.

— Я не знаю адреса.

— У меня в конторе он есть. Напиши телеграмму, завтра пошлем.

— Я не умею обыскивать комнаты.

— Научишься. Ради Бога, не усложняй! Дело — для шестилетнего ребенка с запоздалым развитием. Можно подумать, я тебя гоню на Эверест. Найдешь за двадцать минут.

Джерри в этом усомнился и просто задрожал при мысли о том, что ждет его в Меллингэм-холле (Меллингэм-он-Вэйл, телефон Меллингэм 63), но понял, что спорить не стоит.

— Хорошо, — ответил он без какой бы то ни было интонации.

— Прекрасно, — сказал Уиллоуби. — Около семи — удобный поезд. Я позвоню Криспину, чтобы он тебя встретил.

ГЛАВА XI

Джерри без труда успел на превосходный поезд, а ровно через сутки, поджимая губы, хмуря алебастровый лоб, приехала из Бельгии Вера.

Хмурилась она редко, мать ей объясняла, что от этого бывают морщины; но тут удержаться не могла, тем более что матери и дома не было. Есть проблемы, которые решит только сердечная беседа с одним из родителей. Именно такая проблема терзала прекрасную эссеистку.

К счастью, морщины не успели впечататься, как зазвенели ключи и вошла Флора, сообщая при этом, что она аб-со-лютно измотана.

— Литературный завтрак, — пояснила кавалерственная дама. — Сама не понимаю, зачем я на них хожу. Ну, Джимми Фавергил хочет получить сэра, а что мне? Сегодня чествовали Эмму Эджи — знаешь, знаешь, такой мерзкий роман, тиражи огромные. Ей все мало, вот и подсуетилась, дали завтрак. Куриный волован, фруктовый салат, пятнадцать аб-со-лютно идиотских речей. Она, мымра, четверть часа рассказывала, как этот, простите, замысел пришел ей в голову. Покаяться бы, а то — замысел! Джимми отвечал. Ну, этого уж никто не выдержал, и нас отпустили. Но до того ли теперь? — как говорят обычно во втором акте. Ну, что у тебя?

— Ничего.

— Ничего?!

— Видела Брюссель, ездили в Мехелен, в Антверпен. Был концерт, был банкет, много балканских писателей….

— Я тебя прошу, не шути. Ты прекрасно знаешь, о чем я спрашиваю. Телеграмму ты получила. Значит, отсчитываем с той минуты, когда я дала отставку твоему Рембрандту. Ну как, теряю я дочь, приобретаю сына? Кстати, один американец сказал, что твой Гомер загребает кучу денег. Если у него в год меньше ста пятидесяти тысяч, он плачет и рыдает. В общем, моя душенька, для счастья хватит.

Вера рассмеялась точно так, как смеялась в книжном магазине.

— Очень может быть, — заметила она. — Только мне они не достанутся.

Флора Фэй издала звук, который у другой женщины казался бы чем-то средним между кряканьем и фырканьем. Даже на сцене она не выражала недоверия с таким блеском.

— Никогда не поверю, — сказала она, — что он в тебя не влюбился!

— А ты поверь.

— Чепуха. Я знаю, в чем дело. Вы были на людях. Как объясниться среди балканских писателей? Только собрался — бац, писатель! Все равно что на площади.

Веру это не утешило.

— Мы каждый вечер ходили в ресторан, — возразила она.

— И ничего?

— Ничего.

— Ну, знаешь! — воскликнула Флора. — Чушь какая-то! Однако объяснялось все просто. Гомер был робок. Он не верил в себя. Он знал, что роговые очки и круглое лицо — не подарок. Словом, он боялся прекрасной, Веры, как боялись принцесс свинопасы.

Когда год за годом получаешь по сто пятьдесят тысяч (а Гомер, говоря строго, получал скорее двести), привыкаешь и не удивляешься. Конечно, он знал, что женщины любят богатых, но к данному случаю этого не относил, тем более что речь шла об одухотворенном создании, написавшем «Дни нарцисса». Потому он и не объяснялся, Вера — хмурилась, рискуя обрести морщины, а Флора Фэй недоверчиво хмыкала.

— Сегодня мы тоже идем в ресторан, — продолжала божественная эссеистка. — Говорить будем о том, как важны эти съезды и сколько на них собирается интересных людей. А завтра он уедет к сестре. Она сейчас где-то в Хемпшире или в Сассексе. Меллингэм-холл.

Тут она остановилась, услышав воинский клич.

— Как-как? — спросила после этого Флора.

— Меллингэм-холл.

— Тогда дело в шляпе.

— Почему?

Глаза у кавалерственной дамы сверкали так, словно она отбрила режиссера.

— Слушай, — сказала она, — Меллингэм-холл я знаю. Двадцать пять лет назад меня возил туда Уилли Скроп. Это их усадьба. Место — романтичней некуда, тропинки и закутки самых рыцарских времен. Что говорить, там я познакомилась с папой. Прошлись по тропинке раза два — и пожалуйста, объяснился. Неудобно получилось, — раздумчиво прибавила она, — я была помолвлена с Уилли, папа — еще с кем-то. Но такие дела всегда можно уладить. В общем, не волнуйся, атмосфера его доконает. Ты не рада? Странно. Я думала, ты будешь плясать.

— Ты упустила небольшую деталь, — отозвалась Вера. — Как я туда попаду? Войду и скажу: «Привет!», вроде балканских писателей?

Флора Фэй презрела сомнения.

— Заплатишь и поселишься, — сказала она. — Старший брат обеднел и берет постояльцев. Расстелет алый ковер.

Вера мгновенно оживилась, но все равно заметила:

— Так нельзя, надо что-то купить.

— Покупай, душенька, — сердечно сказала Флора Фэй. — Зачем мелочиться? Ослепим Гомера.

Пока Гомер удручал своей пассивностью Веру и Флору, Дж. Г. Ф. Уэст раздражал Джейн Ханникат своей эксцентричностью. Телеграмма, откладывающая и без того отложенный ужин, привела ее в полную ярость. У нее был хороший характер — попробуй с плохим улыбаться всем мистерам Донахью! — но сейчас ей очень хотелось ударить рыжим кирпичом по рыжей голове.

Он сообщал, что срочно уезжает за город. Почему? Куда? Надолго ли? Это мог сказать его дядя. Позвонив в контору, она узнала, что он ушел — по-видимому, домой. Тогда, еще дымясь от ярости, она села в такси и поехала на Челси-сквер.

Уиллоуби сидел в кабинете, куря сигару, попивая виски с содовой и читая письмо, которое утром получил от племянника. С тех пор он прочитал его дважды, с большим удовольствием, если не учитывать постскриптума. Приятно знать, что твой поверенный справляется с деликатнейшим делом.

> «Вчера и сегодня *(писал Джерри)* все время льет дождь, миссис Клейберн из дома не выходит, но она говорила при мне дяде Криспину, что завтра собирается к викарию. Как только она уйдет, приступлю к работе. У нее — своя ванная, свой коридорчик, очень много лишних мест, но если она будет пить у викария чай, я успею.
>
> Вероятно, ты все-таки ошибся. Она — приятнейшая женщина. Когда я вошел, она меня расцеловала и предложила называть ее «Берни». Спрашивала о тебе, с большим чувством. Может, она и свистнула что-то в магазине, но в доме, где гостит, красть не станет.
>
> Усадьба все такая же, только дядя Криспин — не в себе. Вчера захожу в библиотеку, он стоит, меня не видит, а когда я кашлянул, чтобы сказать: «Льет и льет» или что-нибудь в этом духе, он подскочил, как фазан. Кроме того, у него очень странный дворецкий. Конечно, приходится брать что есть,

дворецкого найти трудно, но я вспоминаю величественных мажордомов, которые тут служили, и чуть не плачу.

P.S. Может, она в кабинете? Снесло ветром на пол. Посмотри еще, а?»

Когда, прочитав постскриптум, Уиллоуби думал, что слабостью разума Джерри похож на Криспина, пришла Джейн.

Он ей обрадовался, она ему очень понравилась. Вообще он не любил молодых девушек, но было в ней что-то такое, особенное.

— Заходите, — сказал он, — садитесь, моряк на суше. Если вас удивляет это обращение, объясню: я имел в виду ваше недюжинное мотовство.

И впрямь, нежданное богатство оглушило Джейн, но не настолько, чтобы она не пронеслась по магазинам, как огонь поядающий. Когда покупательную способность гарантирует фирма «Скроп, Эшби и Пэмбертон», естественно приобрести несколько платьев, несколько шляп, немного драгоценностей и машину. Писатели наговорили много всякого о деньгах, поневоле подумаешь, что это — сор, тлен, но ей деньги понравились, бывают такие люди.

— Вероятно, — сказал Уиллоуби, — вы решили купить усадьбу и хотите, чтобы мы дали вам вперед небольшую сумму. Разрешите рекомендовать Меллингэм-холл. Прекрасный дом времен Елизаветы, водопровод, парк, озеро, все удобства. Мой брат с удовольствием продаст свое родовое гнездо.

Джейн обещала это учесть, но заметила, что в данное время ей нужны сведения о Дж. Г. Ф. Уэсте.

— Какие именно? — осведомился юрист.

— Где он. Мы собирались в ресторан, а тут — телеграмма. Уехал за город.

— Да, — отвечал юрист. — В эту самую усадьбу.

— Почему? Мы же собирались в ресторан!

— Наверное, сел на диету. Соблазны, знаете… Джейн вскрикнула.

— Понимаю! Вы говорили ему про эти деньги?

— Говорил. А что?

— Ну, ясно. Ему стыдно на них жениться.

— Как в женских журналах?

— Именно.

— Вполне может быть. Глупости у него хватит.

— Мистер Скроп, я его люблю!

— Любите?
— Конечно. Кто его не полюбит?
— Я, к примеру. Пишет всякую чушь. А вы — любите, это хорошо. Он вас тоже любит. Сам сказал.
— О Господи!
— Сказал, сказал.
— Но жениться не хочет?
— Да. Это он тоже говорил.
— Какой кретин!
— Вы же его любите!
— Хорошо, какой рыцарь. Это точнее.
— Нет.
— Много вы знаете таких мужчин?
— К счастью, ни единого.
— Вот! Вы только на него поглядите. Глаза — как озера…
— Нет.
— Каким он был в детстве?
— Жутким.
— В общем, еду в Меллингэм. Вы дадите письмо?
— Не дам. Брат принимает постояльцев.
— Значит, звоню и вхожу?
— Да.
— Ну, пока.
— До свиданья. Купите дворец, заходите. Фирма — к вашим услугам.
Когда она ушла, он закурил, налил виски и умилился, как умиляется старый холостяк молодой любви. К браку он не стремился, но, по широте ума, понимал и другую точку зрения, а союз Джейн и Джерри вообще одобрял и не сомневался, что Джейн вразумит его племянника. Краткое знакомство подсказывало ему, что она, как канадская полиция, не упустит нужного человека.
Пожелав ей удачи, он вдруг всполошился, не помешает ли делу ее приезд, но быстро успокоился, догадываясь, что именно любовь к ней и подгоняет Джерри; а успокоившись — набрал номер.
— Крипс?
— А, Уилл!
— Посылаю тебе еще одну гостью, Джейн Ханникат. И не говори: «Ой»! Да, знаю, не любишь женщин, но эта — особенная. Получила наследство и покупает все подряд. Правильно поведешь дело, купит усадьбу.

Сообщение это исторгло из старшего брата особый звук, в определенной мере соответствующий восклицанию: «Чтоб мне треснуть!» Какое-то время он напоминал статую, воздвигнутую друзьями и почитателями. Потом оцепенелость сменилась оживлением, которое, как известно, охватывает коня при звуке боевой трубы. Конь этот места себе не находит или, точнее, роет ногой землю, глотает ее же, не может стоять и произносит: «Гу! гу!»[68] Именно так вел себя сэр Криспин, хотя «гу! гу!» и не говорил.

Подуспокоившись, он засомневался. Уиллоуби, думал он, большой шутник. Не исключено, что именно так он мыслит шутку. Однако был способ проверить: он сказал, что эта барышня знакома с Джерри. Вот и надо его спросить.

Племянника она нашел в бильярдной и сказал ему:

— Джеральд, ты знаешь такую барышню, Джейн Ханникат?

Кий упал на пол, а сердце у Джерри ударилось о передние зубы. Он услышал голос совести. Вина непрестанно снедала его с тех самых пор, как он послал телеграмму, и ему было страшно представить, что думает о нем Джейн.

— Уиллоуби, — продолжал сэр Криспин, — говорит, что она едет сюда.

Сердце подпрыгнуло, как русский танцор, а Джерри поморгал, чтобы разглядеть дядю, замелькавшего, словно персонаж немого фильма.

— Сюда? — переспросил, точнее — проквакал он.

— Сюда. Кажется, вы с ней знакомы?

— Знакомы?

— Знакомы, — не без раздражения повторил дядя, потому что в конце концов племянник — не эхо. — Так знакомы или нет?

— Знакомы.

— Она богата?

— Богата.

— Очень?

— То ли миллион, то ли два, — в отчаянии ответил Джерри.

— Гу! Гу! — сказал дядя.

Джейн приехала назавтра, часа в три, но Джерри не сразу удалось поговорить с ней. Когда сэр Криспин видел возможного покупателя, он принимал его как следует, и Джерри буквально повсюду натыкался на них двоих. Только Чиппендейл, позвавший хозяина к телефону, предоставил желанную и страшную возможность беседы.

Было это у озера. Чиппендейл ушел не сразу, сперва он подмигнул и, по-видимому, думал поболтать, но отбросил эту мысль. Они остались одни, если не считать утки, исключительно похожей на Чиппендейла и отрешенно крякавшей в стороне.

Джерри и сам бы закрякал, но Джейн сказала:

— Постойте, постойте!.. Мы где-то виделись. Уж не Дж. ли это Г. Ф. Уэст?

Ответить он не смог, и она продолжала:

— Вероятно, вы гадаете, что я здесь делаю. «Какая неугомонность! — думаете вы. — То Лондон, то Борнмут, то Меллингэм». Все очень просто: если эта усадьба побудила вас нарушить слово, значит, здесь находится рай и надо в него попасть. Вы правы, рай — здесь. А вот ресторан — жалко. Они ждали, старались…

Джерри обрел речь, не очень хорошую, но все-таки речь.

— Простите, — сказал он.

— Пожалуйста.

— Я хотел написать и объяснить.

— Объясните.

— Не могу. Это тайна. Вы умеете их хранить?

— Нет.

— Попробуйте, а?

— Хорошо, попробую.

И он рассказал ей все, ничего не упуская. Слушала она внимательно, а когда он кончил, вынесла приговор с той ясностью, с какой выносила его в суде.

— Ваш дядя Уилл — просто гад.

— Нет, нет, что вы!

— Порученьице, нечего сказать!

— Все-таки, миниатюра…

— Чепуха. Гад. Если бы у меня был такой дядя, я бы его послала к черту. Обыскивать комнаты! Что же это такое!

— Я не могу его послать. Тут дело в деньгах.

— Деньги — тлен.

— Когда как. Понимаете, я влюблен…

— Это приятно.

— … в очень богатую девушку. А я бедный.

— Ну и что? Если девушка хорошая, ей все равно.

— Может быть. Но мне не все равно.

— Боитесь пересудов?

— Да.

— А вам не стоит зайти к психиатру?

— Может, и стоит… Хотя зачем? Я поступаю разумно.

— Ничего подобного. Если тут нету деревенского дурака, очень рекомендую, займите вакансию. Ах, что с вами спорить! Когда собираетесь обыскивать?

— Сегодня, попозже.

— Нет, что же это такое!

— Мне и самому неприятно.

— А если она вас застанет?

— Она уходит к викарию. Кстати, не помолитесь обо мне?

— Помолюсь, — сказала Джейн, — о тонущих в морской пучине.

Задержавшись, чтобы подмигнуть и поднять большой палец, Чиппендейл упустил возможность подслушать телефонный разговор, но мы спешим сообщить, что он ничего не потерял. Звонил викарий, чтобы поблагодарить за старые брюки и чайник с надтреснутым носиком, которые сэр Криспин пожертвовал для благотворительного базара. Конечно, вежливости ради, они немного поболтали. Викарий сообщил, что ждет не дождется миссис Клейберн — прекраснейшую женщину, правда? — и собеседник согласился, что она — прекрасна. Кстати, прибавил викарий, не напомнит ли сэр Криспин захватить с собой эту книжку Эммы Люсиль Эджи, если он не спутал фамилию, а собеседник обещал, что напомнит, и немедленно забыл. Словом, и трубку поднимать не стоило.

Примерно через час, так в полпятого, сэр Кристин пришел в библиотеку, чтобы увернуться от Чизольма, и увидел, что Чиппендейл сидит в кресле, положив ноги на столик. Читал он сборник проповедей и, видимо, обрадовался, что его прервали, хотя кому-кому, а ему проповеди были нужны.

— А, это вы, дорогуша! — приветливо сказал он. — Так я и думал, что зайдете. Читали? Каноник Уистер, если не врет. Все адский огонь да адский огонь. Что поделаешь, такая у них работа! Не напишешь — уволят. У меня двоюродный брат — тоже церковный человек, подметает, пыль вытирает, моет пол, книжечки раскладывает. Викарий его зовет Чистюля Чарльз — и правильно делает, так уж крестили, все равно что меня, только он — Чарльз, а я — Реджинальд Кларенс, тесен мир.

Слушая эти слова, сэр Криспин кое-что заподозрил и решил поделиться своим подозрением.

— Чиппендейл, — сказал он, — вы напились.

Другой покраснел бы, другой — но не этот. Он не привык краснеть от стыда.

— Самую малость, дорогуша, — согласился он, — самую малость. Зашел в «Гуся и гусыню», а Бифштекс и говорит…

— Какой Бифштекс?!

— Ну, Гиббс, хозяин. Дядя этой Марлен, которую я учил ездить на велике. Симмс ее обижает.

— Не может быть!

— Может. У нее есть собака Туз, она его очень любит, такой вроде бультерьера. А Симмс говорит, он его в ногу укусил. Подошел и говорит, так это грубо: «Еще раз укусит, подам в суд, пускай крутится». Обидел, в общем. Иду, она стоит, ревет у колонки, пришлось ей купить мороженое, земляничное. Заелся, вот я что скажу. Думает, сильней его нету. Надо будет проучить, чтобы не повадно было.

Тут бы и выполнить обещание, побеседовать с Чиппендейлом, но сэр Криспин случаем не воспользовался. Он был слишком занят и растерян, чтобы заниматься мелкими склоками. Волновало его одно — способен ли пьяный Чиппендейл обыскивать комнаты.

Об этом он и спросил, не тратя времени на осторожные околичности.

— Разве вы найдете миниатюру, когда вы напились в стельку?

Чиппендейла вопрос позабавил и, прежде чем ответить, он похохотал, словно веселая гиена. Обретя же серьезность, заметил, что пьян-то он пьян, но отнюдь не в стельку.

— А как не выпить? — спросил он. — Помню, таскал я у отца, что на скачках выиграет, и очень волновался. Ничего не попишешь, пил мамашин витамин. Постойте, дорогуша, — он нетвердой походкой приблизился к окну. — Дамочка держит курс на викария. Путь, как говорится, открыт. Пойду, это самое, как его… — И он пошел, но тут же вернулся, чтобы прибавить:

— А, вот! Про-из-вес-ти обыск. Так и знал, что вспомню. Хозяина своего он оставил в большом беспокойстве. Тот беспокоился и раньше, но не так живо. Все ж неприятно думать, что такое важное дело зависит от человека, пьяного именно в стельку. Мало ли что он говорит! В стельку, и не иначе. Что же отсюда следует? Да что угодно. Иногда за работой поют; может запеть и он. Весьма вероятно, что уже сейчас звенит пьяная песнь и люди стекаются на нее со всех сторон.

Были и спокойные мысли. Чиппендейл, думал сэр Криспин, человек дела, он хочет заработать и не позволит низшей природе этому помешать.

Сто фунтов держат его, песня не вырвется наружу. А главное — Берни ушла, она летит к викарию. Словом, все в порядке. И, как солдат у Киплинга, он говорил струнам сердца: «Успокойтесь».

Они повиновались, но в меру, сидеть спокойно он не мог. Его влекло туда, где на него глядели с немым укором семь или восемь тысяч кожаных томов, содержащих викторианские проповеди. Он встал, вышел в холл, чтобы взять шляпу, — и, тем самым, смог встретить Берни, входящую в дом. Говорят, что в Медузе Горгоне особенно неприятной была ее склонность обращать людей в камень. С сэром Криспином случилось именно это. Медицина утверждает, что сердце остановиться не может, но вот у него — остановилось.

Пока он молчал, Берни приветствовала его с обычной своей веселостью.

— Привет, Криппи! Забыла книжку. Сбегаю возьму. Она у меня в комнате.

Только эти слова могли расколдовать сэра Криспина. Они же изгнали слабую надежду на то, что Берни просто с ним погуляет.

— Не надо, я сбегаю, — выговорил он.

— Чепуха! — возразила Берни. — Что я, калека? Еще могу ходить по лестнице.

И она пошла, точнее — поскакала через ступеньки, а несчастный хозяин побрел в библиотеку медленно, как альпинист, взбирающийся на Маттерхорн. Вид у него был точно такой, какой бывает у человека, изучающего газовую трубу со свечкой в руке. Вот и конец, думал он; и перед ним, словно верхняя строка у окулиста, вставали живые картины того, что сейчас случится.

Обнаружив у себя Чиппендейла, Берни к нему пристанет, а он во всем признается, особо подчеркнув свою второстепенную роль. Главную, естественно, он отведет хозяину. Беседа коснется миниатюры, Берни возмутится, а там и подаст в суд за клевету или, по меньшей мере, расскажет все постояльцам, и они уедут. Конечно, это хорошо — но кто будет платить?

Именно в таких ситуациях закрывают лицо руками, а потому не сразу видят, что вошел Чиппендейл.

Какое-нибудь общество трезвости, скажем, Отряд Надежды, признало бы, что он стал немного лучше. Но врач, глядящий в самую глубь, понял бы, что протрезвел он от шока, ибо глаза у него остекленели, дыхание участилось, а струи пота напомнили бы путнику фонтаны Версаля.

— О-ух! — сказал он, вытирая лоб. — С тигрой в клетке не сидели?

Сэр Криспин покачал головой, поскольку этого с ним не бывало.

— Что слу… — начал он, и голос ему изменил. Однако, сглотнув два раза, он выговорил: —…чилось?

ГЛАВА XII

Расставшись с Берни, Джерри пошел искать Джейн и нашел ее у входа. Она стояла у машины, уже в другом платье. Он удивился.

— Привет, — сказал он. — Вы что, уезжаете?

— Да вот, в Лондон, — отвечала она. — Нью-йоркский юрист хочет со мной повидаться. К вечеру вернусь. Ладно, не в том дело. Как у вас?

— Плохо.

— Ну, естественно. Так я и думала.

Особой прозорливости тут не требовалось, Джерри был исключительно мрачен. Неприятно отступать в беспорядке. Наполеон, испытавший это в Москве, не скрывал, что ему плохо; не скрывал и Джерри в Меллингэме. Примерно так выглядел рыцарь, сообщавший даме, что его вышибли из седла.

— Что-то случилось? — О да!

— Бедный вы, бедненький!

— Она вернулась и застала меня.

— Она же ушла к викарию!

— Значит, не дошла. Если бы люди шли, куда собирались, мир был бы лучше и чище, — горько заметил Джерри, много над этим думавший.

— Что вы ей сказали?

— Ничего. Я сидел в шкафу.

— Ясно. Значит, услышали, что она идет.

— Вот именно.

— Она открыла шкаф?

— Да.

— Почему?

— Я стал чихать. Не вижу, что тут смешного.

— Я не смеюсь, я улыбаюсь. Вспомнила «Алису». Как там про младенца? Он тоже чихал. А, вот! «Лупите своего сынка за то, что он чихает, он дразнит вас наверняка, нарочно раздражает».[69] Она вас лупила?

— Скорее — нет. А вообще чем-то ударила.

— Господи!

— И спросила, что я там делаю.

— Трудный вопрос.

— Да.

— Просто не знаешь, как ответить.

— Сперва я не знал, а потом вспомнил, что она советовала мне прочитать одну книгу. Так я и сказал: зашел вот за книжкой.

— И прибавили, что книги вы ищете в платяных шкафах.

— Нет. Я услышал голоса.

— Просто Жанна д'Арк.

— И решил, что это воры.

— Так и сказали?

— Конечно.

— Она не удивилась?

— А что тут еще скажешь? Не забывайте, она меня стукнула чем-то вроде Статуи Свободы. Это мешает думать.

— Она вам поверила?

— Скорее — нет. По-моему, она решила, что я спятил.

Слово «спятил» оказалось волшебным — манера сострадательной сестры мгновенно сменилась манерой суровой гувернантки.

— Что ж, она права, — сказала Джейн.

— Почему?

— Потому. Разве нормальный человек будет скрывать от девушки, что он ее любит?

— А, вы об этом.

— Да, об этом.

— Но я же не могу!..

— Можете, можете. Где ваша сила воли?

— Дело не в том. Она подумает, что мне нужны ее деньги.

— Не подумает.

— Предположим. А другие?

— Чихать вам на других! Вы ее пожалейте, бедную.

— Богатую.

— Хорошо, богатую. Она страдает.

— Что она делает?

— Страдает. Горюет, скорбит, терзается. Если хотите — испытывает страшные муки.

Джерри до этого не додумался. По своей скромности он и не надеялся, что женщины могут страдать из-за него, словно он — тот демонический любовник,[70] о котором писал Колридж.

— Вы думаете, она все это чувствует? — на всякий случай проверил он.

— Конечно. Сидит и страдает. Он для нее — прекрасный принц.

Каждое утро она ждет — а вдруг уже едет на белом коне? Но он не едет, вы не едете. Вот она и плачет, что там — рыдает. Ничего не ест, а по ночам кусает подушку, вся наволочка в дырках.

Снова — как тогда, в суде, — Джейн убедила его. И впрямь, подумал он, ему пора повидаться с врачом. Человеку, способному выбросить жемчужину, самое место в сумасшедшем доме, там он будет истинной звездой.

Сомнения, которыми он так гордился, исчезли, словно их и не было. Джерри шагнул к Джейн и пылко произнес ее имя.

— Джейн! — сказал он. — Джейн…

— Минутку, дорогуша!

Это сказала не она, а Чиппендейл, по-видимому, спасшийся из ловушки.

— Прошу прощенья, — продолжал он, учтиво подмигнув, — хозяин хочет с вами потолковать.

Хотя о сэре Криспине вполне резонно говорили, что если люди — костяшки домино, то он — две пустышки, какой-то разум у него был. Узнав, что племянника застали в шкафу, он сразу все понял. Племянники, размыслил он, не сидят в шкафах из прихоти. Значит, Уиллоуби решил, что две головы лучше, чем одна, и зачислил в свои ряды Джерри. Чего и ждать, если ему не терпится!

Надежда, раздавленная было отказом Чиппендейла, зашевелилась снова. Да, Джеральд комнату не обыскал, но человек он умный и что-нибудь придумает, а именно это и требуется.

Не тратя времени на препирательства, заведомо тщетные, — дворецкий был совершенно оглушен, — сэр Криспин спросил:

— Где мистер Уэст?

— Наверное, держит голову под краном.

— Найдите его и пришлите ко мне, — приказал сэр Криспин и не стал слушать предположений о том, что он погладит племянничка, приговаривая: «Бо-бо».

Джерри, войдя, был мрачен, как мрачен человек, если его ударить по голове, а потом помешать объяснению в любви.

— Да? — угрюмо сказал он.

Заметив такую неприветливость, сэр Криспин стал приветливым за двоих.

— Садись, дорогой, — предложил он. — Сигару?

— Нет, спасибо.

— Шерри?
— Нет, спасибо.
Сэр Криспин не отступал.
— Знаешь, мой дорогой, нам надо поговорить.
— Да?
— Да. Чиппендейл рассказал мне об этом… прискорбном случае.
— Да?
— Надеюсь, голова не болит?
— Болит.
— Болит?
— Еще как!
— Ай-яй-я-яй! Миссис Клейберн — сильная женщина. Что ты искал в шкафу, миниатюру?

Досада сменилась у Джерри удивлением. Разум старшего дяди он оценивал примерно так же, как автор притчи о домино. Чего-чего, а ясновидения он не ждал.

— Понимаешь, — продолжал дядя, — Уиллоуби звонил мне и просил ее найти. Он хотел, чтобы я обыскал миссис Клейберн. Сперва я растерялся, потом — решил помочь и поручил дело Чиппендейлу.

— Вот почему он там был!

— Да, поэтому. Обыскивать он умеет, практикуется с детства. Когда его отец выигрывал на собачьих бегах, мать заставляла его искать выигрыш. Видимо, есть у него и природный дар. Словом, я на него положился, но встреча с тобой его… скажем так, деморализовала. Только что он мне сообщил, что не хочет иметь дело с такими женщинами. Строго говоря, он выразился: «с бабами».

— В общем, смылся?
— Да.
— И ты предлагаешь мне поднять факел?
— Поэтично, но верно.
— Надеюсь, снова туда идти не надо?
— Нет-нет! — поторопился ответить дядя, хотя именно это предполагал. — Обжегшись на молоке…
— Вернее, пуганая ворона куста боится.
— Естественно. Ну, а если я пойду с ней погуляю?
— Вернется.
— Повезу в Солсбери?
— Машина сломается.
— Да, и вообще она там была. Надо что-то придумать. Они стали

думать.

— Вот послушай, — сказал наконец Джерри. — Когда-то я читал рассказ про одного типа. Он украл деньги из кармана пальто, оно висело в передней.

— Очень занимательно, но при чем тут мы?

— Ты слушай. Все это было на званом обеде. Наняли сы-шика, он подошел к клептоману и говорит: «Вы не дадите мне деньги, которые вы взяли из кармана такого-то числа у такого-то?» Клептоман отвечает: «Пожалуйста. Они ему нужны?» — и дает.

Они помолчали. Сэр Криспин трогал усы. Джерри смущался, думая о том, не перепутал ли он чего-нибудь. В конце концов читал он это давно.

— Хм, — сказал сэр Криспин.

— Тебе не нравится?

— По правде, не очень. Какой-то широкий клептоман… Вряд ли так бывает.

— Да, вряд ли. Миссис Клейберн скорее ударит тебя статуей.

— Меня?

— Я думал, ты и будешь говорить, ты солиднее.

— Нет, не буду.

Они опять помолчали.

— Послушай, — сказал сэр Криспин, — я тоже вспомнил детектив. Ты любишь Шерлока Холмса?

— Очень. Знаю наизусть. Только при чем тут мы? Хочешь послать миссис Клейберн пять апельсиновых косточек?

— Нет, не хочу.

— А что, неплохо! Правда, все зависит от того, как она к ним относится. Многим они нравятся.

— Я не сюжет имею в виду, а одну фразу. Холмс где-то говорит, что при пожаре каждый спасает самое дорогое. Она будет спасать миниатюру. Психология!

Поскольку у Джерри не было усов, потрогал он подбородок.

— Ты что, хочешь поджечь Меллингэм-холл?

Сэр Криспин вздохнул; усадьба была хорошо застрахована.

— Зачем? — спросил он. — Просто ударь в колокол.

— Кто?

— Ты, ты. У тебя руки сильные.

— Я не знаю, где он.

— Ничего, покажу. Тянешь за веревку…

— И выбежит миссис Клейберн?

— Конечно.
— С миниатюрой?
— Вероятно.
— Что же ее, обыскивать?
— А?
— Трясти и щупать?
— Да, не подумал…
— Может, сбить с ног?
— Говорю, не подумал. По-видимому, план неудачный.
— Скажем так, не очень удачный.
— Не хуже твоего!
— Это верно. Другого нет?
— Вроде нет.
— Ничего мы тут не придумаем. Душно, проповеди всякие…
— Надо пройтись. Вернусь — расскажу.

Вернулся Джерри часа через полтора, веселый и возбужденный. Он сказал:

— Великий военачальник отличается тем, что способен учиться на своих ошибках. Когда посредственность, чертыхнувшись, уходит в шатер и старается все забыть, он раскуривает трубку и рассуждает так: «Последняя битва не очень удачна, мемуары она не украсит, но подумаем, что можно из нее извлечь». Вот я, к примеру. Потерпел поражение. Утратил доверие матушки Клейберн, она ведь не дура. Что же из этого следует? А то, что она поверит любому злословию. Когда она вернется от викария, скажи ей, что я ворую с самого детства, это — позор семьи. Из школы — выгнали, материнское сердце — разбил, тебя — просто разоряю. Словом, пока я здесь (это все ты говоришь), лучше и надежней всего — отдать на хранение ценные вещи, как на океанском лайнере. Кому? Конечно, тебе. Иначе я уворую. Неужели она не отдаст эту штуку, да еще с благодарностью?

Сэр Криспин не то вздохнул, не то охнул:

— Джеральд, ты — гений!
— Я знал, что тебе понравится.
— Конечно, отдаст.
— Никаких сомнений. Значит, иди. Она вот-вот вернется.

Сэр Криспин пошел, и походка его заметно отличалась от прежней; а Джерри стал думать о том, как повезло его дядям с племянником. Какие проблемы, какие дилеммы, когда существует Дж. Г. Ф. Уэст! Странно одно — почему такой человек не востребован дипломатами?

За этими мыслями и застал его Чиппендейл. Джерри ему не удивился.

Он достаточно пожил в Меллингэме, чтобы знать: в этой древней усадьбе многого недостает; многого — но не Чиппендейла. К беседе с ним он не стремился.

— Его нету, — быстро сказал он.

— Кого, дорогуша?

— Вам нужен сэр Криспин?

Оказалось, что Чиппендейлу никакой сэр не нужен, а хочет он справиться о здоровье и спросить, не миниатюру ли искал Джерри в шкафу. Что-то ему сдается, заметил он, что тот — из помощников мистера Скропа.

— Как и вы, — удачно парировал Джерри.

— Ничего подобного, дорогуша.

— Да, дядя сказал, что вы сбежали. Глагол этот Чиппендейла обидел.

— Отказался, дорогуша. Разве с такой дамочкой справишься? Как говорится, кряжистая. Я таких не люблю. По мне, женщина — это женщина. Она что, американка? Так я и думал. Это все от маршей, с полицией дерутся. Да, насчет полиции. Жаль, она не Симмса огрела.

Согласившись с тем, что лучше бы она ударила кого-нибудь другого, Джерри осведомился, кто такой Симмс.

— Наша полиция. Мы с ним не ладим, очень злой.

— Злой?

— Просто лютый. Как говорится, ищет, кого бы пожрать.[71]

— Это нехорошо.

— Чего уж хорошего! Я бы ему дал хорошего раза, да он очень солидный…

— Понятно. Он — солидный, а вы — плюгавый. Чиппендейлу снова показалось, что Джерри неделикатен.

— Значит, — продолжал тот, — ничего не попишешь.

— Это как сказать. Драться с ним, с бегемотом, не буду, а свинью — подложу. Собью спесь. Только помощник нужен.

— Откройте все. Что вы собираетесь сделать?

— Ладно, скажу. У него, у гада, что-то с ногами. Развить эту тему не удалось, помешал сэр Криспин, и Джерри мог, если хотел, гадать, чем связаны ноги с готовящейся местью. Возможно, Симмс страдает мозолями, и помощник на них наступит. Хотя при чем тут спесь, не ясно.

Что же до сэра Криспина, он страдал, как страдает человек, упустивший синюю птицу. Глаза у него вылезли, усы — обвисли, остаток волос он терзал неверной рукой. Примерно так выглядит вестник в греческой трагедии.

Но есть и разница. Вестник начал бы длинную речь, испещряя ее восклицаниями: «Увы мне!», тогда как сэр Криспин сразу перешел к делу.

— Отдала викарию, — сказал он. — Для этого ихнего базара. Если есть замогильные голоса, это был один из них.

ГЛАВА XIII

Дурная весть действует по-разному, смотря какой человек. Некоторые держатся стойко; некоторые — но не эти. Сэр Криспин, дрожавший, словно желе, с тех пор, как услышал весть о Берни, так и дрожал; Джерри издал те странные звуки, какие издает игрушка «умирающий петух»; Чиппендейл прибег к божбе. Словом, мы не преувеличим, если скажем, что царила растерянность.

Первым заговорил сэр Криспин.

— Она сошла с ума! Нет, вы подумайте, Гейнсборо! Зачем? Почему?

— Все из-за веры, дорогуша, — объяснил Чиппендейл. — Религия. Бывает у женщин. Вот одна моя тетя продала отцовскую челюсть, а деньги отдала миссионерам. Ну, прижали ее, а она и скажи: собираю сокровище на небесах. Много не соберешь, челюсть фальшивая! Вообще, эта тетя… Ничего фруктик. Помню, как-то мы… Пардон?

— Да ну ее к черту! — перебил его Джерри, и, устыдившись такому совпадению, Чиппендейл сообщил, что эти самые слова произнес несчастный отец.

Джерри, еще не обретший былой приветливости, осведомился, что благочестивого в поступке миссис Клейберн. Какой-то базар…

— А вы послушайте, — отвечал Чиппендейл. — Значит, моя тетя… Ладно, ладно, сам спешу, сколько можно тут с вами разговаривать! Дела, дорогуша!

Когда он ушел, дядя с племянником тихо сидели не меньше часа, снедаемые именно тем, что покойный лорд Теннисон назвал: «Мысль, слишком горькая для слез». У Джерри она была горше, ибо к печали прибавлялось подозрение, что он может решить не всякую проблему.

Выхода он не видел. Связать викария и пытать, пока не отдаст миниатюру, — все-таки накладно. Констебль поймает его, станет сержантом… нет, пусть делает карьеру иначе или займется ногами.

Библиотека опять мешала думать, и он решил пройтись, о чем и сообщил дяде. Но не дошел до двери, как столкнулся с Чиппендейлом, вернувшимся к ним, словно почтовый голубь.

И Джерри, и сэр Криспин встретили его холодно. Иногда дядя и племянник, погруженные в скорбь, рады новому человеку, даже если он похож на захудалую курицу; иногда — но не на этот раз.

Особенно огорчило их, что выглядит он так, словно купил весь мир и заплатил наличными. Грустный Чиппендейл — пожалуйста; плачущий — еще лучше; но осклабившийся, как чеширский кот, — это черт знает что такое! Они собирались высказать свои чувства, когда дворецкий заговорил:

— Новость — первый сорт! — сказал он, и они застыли, судя по вытаращенным глазам и разинутым ртам, — от изумления, но не издали ни звука. Если бы не одежда, каждый бы принял их за траппистов,[72] услышавших по радио шлягер.

— Значит, так, — продолжал Чиппендейл, милосердно сокращая их муки. — Был у викария, забрал эту штуковину.

Он подождал отклика, но аудитория соображала туго.

— Забрали? — спросил Джерри.

— Это невозможно! — вскричал сэр Криспин.

— Возможно, дорогуша, все возможно, если мозги варят.

— Вы хотите сказать, что миниатюра у вас?

— Ну! — отвечал Чиппендейл.

Только теперь оба закричали, благоговейно глядя на него. Никто бы не подумал, что еще недавно они считали его одной из низших форм жизни.

— Как же это вы? — спросил Джерри.

— Напел того-сего.

— Чего именно?

— Угадайте с трех раз.

— Нет-нет, скажите!

— Ладно, — уступил дворецкий. — Значит, я сказал, что такая самая девица умерла от… как ее… вроде лейки.

— От лейкемии?

— Вот-вот. Я ее любил, а она — бац! — и умри. Вы, говорю, продайте мне эту штуку, пока базар не открыли, сами понимаете. Да, говорит, понимаю, берите так. Я и взял. Проще пареной репы.

— Поразительно! — заметил сэр Криспин. — Какая тонкость, какой ум…

— Вот и суди… — начал Джерри, но остановился. Чиппендейла эта фраза заинтересовала.

— Я хотел сказать, — объяснил Джерри, — что нельзя судить по началу. — (На самом деле он хотел сказать, что нельзя судить по наружности.) — Где же она?

— Да уж припрятал. Передам сэру Криспину, так верней. Сэр Криспин с этим согласился.

— Только выясним сперва одну штучку, — продолжал дворецкий. —

Помните, дорогуша, мы говорили про ноги?

Дорогуша, которым на сей раз был Джерри, это помнил. Мало того, он пытался понять, как связаны с их делом недомогания ног. Скорее они касаются хирурга или мозольного оператора. Собственно говоря, что у него с ногами?

— Так — ничего, — отвечал Чиппендейл, — а под вечер вроде бы горят, ходит он много. Это не он говорил, мы с ним не ладим, это его хозяйка, почтальонова жена. Он, значит, ей, она — мне. Горят!

— Это плохо.

— Смотря для кого. Для меня, так лучше некуда. Как говорится, дар небес.

— Почему?

— Ну, вы посмотрите! Куда он их сунет? В воду. Джерри и его дядя с этим согласились, но признались в том, что по-прежнему не видят связи между ногами Симмса и их делом.

— Ничего, увидите, — сказал Чиппендейл со спокойным терпением учителя, объясняющего трудный урок отсталым ученикам. — Тут у вас есть ручей.

Сэр Криспин признал это.

— Течет в озеро, — продолжал его собеседник.

— Да-да, я знаю.

— Вот туда он ноги и сует. Обойдет все в последний раз, сядет и сунет. Чтобы не пекло.

— Или, точней, не горело.

— Синоним, — пояснил дворецкий, уже не так мягко. — В общем, сидит и мочит ноги.

— Ну и что?

— То, что можно его толкнуть.

Теперь Джерри понял. Кроме того, он вспомнил, что мнимый мажордом намеревался сбить с констебля спесь, — и снова подивился и тактическим, и стратегическим его талантам.

— Когда же вы собираетесь… — почти благоговейно начал он, но Чиппендейл не дал кончить фразу.

— Я? Да вы что! Меня же сразу заподозрят. Сказано, мы с ним не ладим. Никакое алиби не спасет. Нет, толкать — вам, дорогуши. А уж кому, бросьте монетку.

Джерри признал его правоту — в конце концов, если бы кто-нибудь из трех мушкетеров попросил двух других толкнуть в Сену кардинала Ришелье, они бы немедленно согласились; но, взглянув на дядю, заметил,

что тот очень удивлен.

— Что?! — воскликнул сэр Криспин.

— То, дорогуша.

— Никогда в жизни!

— Дело ваше. Повезу эту штуку в Лондон, пусть платит мне. Джерри его поддержал.

— Подумайте, дядя Криспин!

— Золотые слова!

— Может, не тебе выпадет.

— А если вам, дорогуша? Плевое дело!

— Махнул рукой, и все.

— Поймает — скажете: хлопнул по спине. Как говорится, незадача.

Доводы эти, при всей их разумности, не убедили сэра Криспина; ему по-прежнему казалось, что он играет главную роль в особенно жутком кошмаре. Они его не убедили; убедила — угроза.

— Хорошо, — тихо и хрипло сказал он.

— Молодец! — одобрил Джерри, и Чиппендейл с ним согласился.

— Тогда бросайте монетку, — сказал он. — Бросаю — я, кричите — вы, дорогуша. По старшинству.

— Орел, — проговорил сэр Криспин.

— Решка, — сообщил дворецкий.

— Да, не повезло, — посочувствовал племянник — Ну, я съезжу в Лондон, ознакомлю дядю Уилла с последними новостями.

И он удалился, а Чиппендейл напутствовал новичка в трудном деле полисменомахии:

— Читали про такого индейца, Чингач… как его? Ладно, не в том дело. Значит, этот индеец ходит, что называется, бесшумно, сучок не скрипнет. Вот так и вы, дорогуша. Дурак-то ваш Симмс дурак, а слух у него — что надо. Вчера, к примеру, в «Гусе», говорю я одному типу: «Глянь, туша явилась!», так это на ухо, — а он, гад, услышал. Нет, это надо же! Скажи священнику: «Окрести ребеночка Чингачгук» — что он запоет? Да кликнет полицию. Значит, насчет полиции: у нашей туша будь здоров, пихайте хорошо, дорогуша. Р-раз, нава-ли-лись!..

И с этим бодрящим криком Чиппендейл удалился, оставив хозяина в раздумье.

Берни вернулась от викария не такой веселой, как обычно. Викарий принял ее лучше некуда, кормил, поил, а она все равно не веселилась, поскольку думала о том, как странно проводит время Дж. Г. Ф. Уэст.

Конечно, могло случиться, что молодые англичане сплошь и рядом сидят в шкафах; и все же ей казалось, что тут случай особый. Тогда вставал вопрос: здоров ли Джерри? Скорее — нездоров, то есть спятил, а это неприятно, ибо за их короткое знакомство она к нему привязалась.

Перейдя к более приятной гипотезе (английский юмор), она сразу отвлеклась, завидев Криспина. Шел он к озеру, на ее оклик — оглянулся, и выражение его лица возродило в ней подуснувшие материнские инстинкты. С таким лицом, строго говоря, вообще не передвигаются. Покойный мистер Клейберн выглядел в этом роде после Нового года, наутро.

— Криппи! — закричала она, — Ой, Господи! Что с вами? Просто утопленник какой-то.

Действительно, баронет напоминал мертвое тело, пролежавшее в воде достаточный срок. Время не утишило страха, напротив — прибавились угрызения. Зачем, зачем взял он у брата двести три фунта шесть шиллингов?! Зачем просадил сотню на лошадь?! Половина несчастий — от лошадей, другая — от орлянки.

Такие мысли непременно отразятся на внешности; и жалость, которую Берни испытывала к Джерри, мигом переметнулась на него. А что такого? В конце концов Джерри — просто знакомый, тогда как трагического баронета она уже полюбила. Он — такой нежный, такой ранимый, такой беспомощный! Словом, полюбила, и все.

— В чем дело, Криппи?

Сэр Криспин молчал. Он был не очень умен, но все же понял, что миниатюру упоминать нельзя. Больше всего на свете ему хотелось облегчить душу перед этим ангелом — но как?

И тут он догадался: надо чуть-чуть подправить факты. В конце концов дипломаты только так и делают!

— Чиппендейл меня шантажирует, — проговорил он.

— Криппи, не бормочите! Я услышала: «шантажирует».

— Так я и сказал.

— Господи! Вы сделали что-то плохое?

— Нет-нет, что вы! Он кое-что от меня требует, грозится, что выдаст себя гостям.

— А это плохо?

— Ужасно. Они уедут.

— Вы же их терпеть не можете!

— Они платят.

— А чего он требует? Денег?

— Нет. Чтобы я толкнул констебля в воду.

Берни нахмурилась — в отличие от Веры Апшоу, она не боялась морщин — и сурово сказала:

— Криппи, не смейтесь надо мной!

— Что вы, что вы!

— Чушь какая-то! Констебля — в воду! Зачем это ему?

Перевалив через самое трудное, сэр Криспин обрел легкость речи. Напомнив, как ссорятся эти двое, он перешел к былым угрозам («собью спесь») и коснулся обстоятельств, связанных с горением ног.

— Сидит и мочит в воде.

— Понятно, понятно!

— Толкнуть-то легко…

— Легче легкого!

— … Но…

— Но вы не хотите.

— Да, да.

— Понятно. В вашем положении! Вы — судья или что-то в этом роде?

— Мировой судья.

— Вот видите! Если вас поймают, придется судить себя самого. Нет, ни в коем случае! Сделаем иначе.

— Как?

— Я его толкну. Вы хрупкий, я — потяжелее. Мигом бухнется! Ну, вот и хорошо. Теперь успокойтесь, отдохните.

Когда она это сказала, сэр Криспин познал любовь. Раза два он влюблялся — вспомним суды, — но ничего подобного не испытывал.

Установив по расписанию поездов, что последний из них отбыл в Лондон двадцать минут назад, Джерри вернулся в библиотеку, резонно полагая, что в отсутствие Джейн можно побыть и там.

Чувствовал он себя превосходно. Последние сомнения ушли, препятствия — пали. Осталось толкнуть полисмена в воду, на что в конце концов способен и дядя Криспин.

Такие мысли, подкрепленные дядиной сигарой, даровали ему благоволение ко всему сущему, и, когда вошел Гомер, он приветливо улыбнулся. Они почти не общались, но, как-никак, юрист принадлежал к роду человеческому, а значит — вызывал умиление, которое вызвал бы сейчас и сам Чиппендейл.

Зная по опыту, что Гомер интересуется погодой, Джерри о ней и заговорил.

— Привет! — сказал он. — Какая погода, просто прелесть!
— Да, — отвечал Гомер.
— Солнце сияет!
— Да.
— И это надолго! Говорят, область высокого давления распространилась на всю страну к югу от Шетландских островов. Здорово, а?
— Да. А где сэр Криспин?
— Пошел прогуляться. Он вам очень нужен?
— Да. У меня мышь.
Джерри пожалел дядю. Как его мучают, однако! То мышь, то труба, то запах какой-нибудь. Тяжело. Совсем измотаешься…
— Подумать только! — сказал он, жалея юриста. — Мышь! Это не шутка.
— Она скребется.
— Еще бы! Выйдет — цапнет за ногу, чего доброго. Непременно сообщу дяде, он вам кошку одолжит.
— Спасибо.
— Не за что.
Гомер ушел, Джерри умилился и этому — в одиночестве легче думать о Джейн. Он встал и подошел к окну.
И тут он увидел машину, подъезжавшую к дому. Судя по размерам, принадлежала она человеку зажиточному, что и подтвердилось, когда из нее выскочил роскошный шофер, а за ним вылез дядя Уиллоуби.
Джерри обрадовался ему — значит, не надо ехать в Лондон, и приветливо крикнул: «Эй!», прибавив ненужное: «Я здесь». Теперь, думал он, можно будет потолковать со всеми удобствами, куря сигару, попивая вино. Чиппендейл явился на его зов как раз тогда, когда дядя располагался в кресле.
— Чего надо, друг? — спросил он.
— Виски и содовую, — отвечал Джерри, знавший дядины вкусы, а Чиппендейл кивнул и ушел. Дядя удивился.
— Кто это?
— Дворецкий.
— Не может быть!
— Я тебе писал, он странный.
— Где Крисп его выкопал?
— Не знаю.
— Похож на чахоточную курицу.

— Есть немного.
— Он что, зовет тебя «друг»?
— Или «дорогуша».
— Я бы ему дал по уху.
— Да, очень хочется. Но ты учти, мозги у него — будь здоров. Раз — и готово! Без него б твою девицу никогда не получили. А, вот и он! Поставьте сюда. Спасибо.
— Не за что, дорогуша, — отвечал куртуазный Чиппендейл. — Пейте на здоровье, виски — первый сорт. Пока!
Хотя обращался он и к юристу, тот ему по уху не дал, ибо, забыв обо всем, так явственно выражал радость, что его немедленно взял бы любой режиссер.
— Что ты сказал? — спросил он, когда дворецкий удалился. — Вы ее забрали?
— Почти.
— То есть как «почти»? Где она?
— У Чиппендейла.
— С какой стати?
— Долго рассказывать. Ну, ладно, иначе не поймешь. Начну с начала.
Если бы режиссер следил за лицом Уиллоуби, пока тот слушал рассказ, он бы укрепился в своем решении. Палитра не исчерпывалась радостью; в ней были изумление, ужас и боль.
— Постой, постой, — выговорил дядя так, словно играл в шекспировской драме, болея тонзиллитом. — Значит, все зависит от того, столкнет ли его Крисп? Да он лилипута не столкнет! Что там, я б ему осу не доверил! Зови своего Чиппендейла!
— Хочешь с ним поговорить?
— Ни в коей мере. Или он отдаст миниатюру, или я его пристукну.
Войдя и стоя перед ним, дворецкий несравненно меньше походил на курицу, ибо радовался чему-то, как сам юрист в своей первой фазе. Тем временем тот прямо обратился к нему:
— Эй, вы!
— Вы меня, дорогуша?
— Вас, вас. Где миниатюра?
— Какая, дорогуша?
Джерри предположил, что лучше представить их друг другу.
— Чиппендейл, — сказал он, — это мистер Скроп.
— А, вон вы кто! — еще больше обрадовался дворецкий. — Ну, тогда пожалуйста. Он вам все рассказал?

— Да-да. Где миниатюра?

— Минуточку! Значит, про нашу гестапу вам известно. Так вот, все в порядке. Смотрю в окно, а он идет, весь мокрый. Прямо течет с него. Песенку слышали? «Пою-ю под дожде-е-о-м». Один к одному. То есть петь он не пел… в общем, ясно. Берите свою картинку, то есть, она в комоде, под носки положил. Схожу принесу.

Некоторое время Уиллоуби сидел тихо, как бы в забытьи, потом произнес:

— Поразительно!

— Что именно?

— Да Крисп. В жизни бы не подумал. И откуда берется? Какой урок! Вот видишь, нельзя судить с налета. Если человек всю жизнь ведет себя как размазня, это еще ничего не значит. Приходит час — и скрытые силы вырываются наружу. Сколько раз я решал, что ему место в лечебнице. Нет, какое дело провернул! Профессиональный преступник, и тот… Крисп! — внезапно вскричал он, ибо глава рода нетвердой походкой вошел в комнату и направился к виски. — Эта рожа нам все рассказала!

— Э? — спросил Криспин.

— Про полицейского.

— А!

— Я сейчас говорил Джерри, в жизни бы не подумал! Ты не боялся?

— А… э… Всякий бы это сделал на моем месте.

— Нет-нет! Ты просто…

«Герой» он сказать не успел, поскольку в библиотеку вошел Гомер, который выследил баронета и хотел сообщить про мышь.

— Ах, и вы тут, Скроп! — удивился он. — Давно приехали?

— Только что. Мне надо увидеть по делу мисс Ханникат.

— Очаровательная девушка.

— Насчет наследства.

— Да, она мне говорила.

— Она не знает. Есть новости. Как вам здесь, ничего?

— Замечательно. Тихо, нервы успокаиваются.

— А как Брюссель?

Гомер забыл о мыши, зато вспомнил обеды в Верой Апшоу, беседы с Верой Апшоу, прогулки с ней же…

— Много интересного, — ответил он. — Кстати, вам передали, что я звонил?

— Звонили?

— Да, в контору, когда вы только что уехали. Я сказал, что миниатюра

в среднем ящике. Все ж, так вернее, — со значением прибавил он. — Не хотелось, чтобы она попала в чужие руки. Ночью я спустился вниз — так часа в два — и положил ее в ваш стол.

Если Уиллоуби испытывал сильные чувства (скажем, если его доводил известный нам Перси), цвет лица становился у него как-то гуще. Сейчас оно было пурпурным, словно царские одежды, и представляло большой интерес для медицины. Смотрел он на Гомера так, как смотрит одна улитка на другую, глубоко ее поразившую. Что до ушей, они пылали.

— Значит… — выговорил он и подавился. — Значит, она там и лежит?

— Естественно.

— Тогда что же Берни дала викарию?

— Простите?

— Берни дала ему миниатюру для благотворительного базара.

— А, — сказал Гомер и даже хихикнул, — это другая! Купила в лавочке за пять шиллингов, хотела вам подарить, но постеснялась. А вас, сэр Криспин, я извещаю, что у меня мышь. Только я лягу, она скребется. Но вы сейчас заняты, обсудим попозже.

Когда он удалился, его коллега, совершенно лиловый, приступил к нелицеприятной критике, но вдруг прервал сам себя и даже просветлел.

— Сэкономлю двести фунтов, — сказал он, и брат его заблеял от горя. — Не блей, Крисп. Платить тебе не за что.

— Послушай, Уилл!..

— Не за что. Дело есть дело.

— А ко мне это относится? — едва дыша, спросил их племянник.

— Нет, к тебе — нет. Деньги ты получишь, и очень кстати, если не раздумал жениться на Джейн.

— Я не понимаю…

— Сейчас поймешь. Кстати, где она?

— Поехала в Лондон, к нью-йоркскому юристу.

— Я его видел. Значит, он ей скажет.

— Что он скажет?

— Что у нее нет ни гроша.

— Как?!

Это вскричали и дядя, и племянник, дядя — громче.

— Ты говорил мне, — начал он тем самым голосом, каким сообщал недавно о Бернадетте и благотворительном базаре, — ты говорил, что она купит дом!

— Что ж, не купит. Насчет гроша я преувеличил, но денег у нее мало.

— Я лучше пойду лягу, — проговорил сэр Криспин. Теперь потрясенную улитку напоминал Джерри.

— Что случилось? — спросил он. — Нашли другое завещание?

— Нет-нет. Американцы, мой друг, — это акулы. Покойный Донахью не любил платить налогов. Удавалось это ему пятнадцать лет. Так что акулам есть что делать. Помню, один мой клиент унаследовал четыреста тысяч, а осталось ему — семь. Спасибо, если ей столько останется.

— Ой, Господи! — вскричал Джерри. — Ой, как хорошо! Именно тут и вошел Чиппендейл.

— Что вам нужно? — строго спросил Уиллоуби.

— То есть как это что? — удивился он. — Ну, дает! Сходите к врачу, дорогуша. Ладно, вот она. Насчет условий…

— О чем вы говорите?

— Две сотни мало, работа тяжелая. С тигрой я сидел? Сидел. То-то и оно. Положим так, три.

Уиллоуби стал малиновым.

— Три?

— Ну!

Уиллоуби встал, тяжело дыша, и положил большую руку на плечо Чиппендейла.

— Озеро видели? — осведомился он, подводя его к окну. Чиппендейл озеро видел.

— Вот туда и прыгните, — посоветовал юрист. — Только непременно возьмите большой камень. Так вернее.

Одарив Чиппендейла советом, он направился к двери, по дороге бросив племяннику:

— Деньги дам завтра. После чего ушел.

Чиппендейл, удивленный не меньше, чем любой человек, которому советуют утопиться, оправдал его резкость.

— Зарвался я, — признал он. — Три сотни, три сотни… Сказано — две, и точка.

— Дело не в этом, — пояснил Джерри. — Цена тут ни при чем. У вас — не та миниатюра.

Ему не хотелось бы задерживаться, Джейн могла приехать с минуты на минуту, но бывший сообщник — это бывший сообщник, ничего не попишешь.

— Понимаете… — начал он.

Рассказывал он хорошо, коротко и ясно, а когда кончил, Чиппендейл произнес:

— А, трам-та-ра-рам! И прибавил:

— Что ж я, зря старался?

— Видимо, да.

— Ни фига не заплатит?

— Видимо, нет.

Чиппендейл налил себе виски и немного подумал.

— Надо было контракт… — заметил он.

— Видимо, да.

— Может, в суд подать?

— Не стоит.

— Верно, не стоит. Как это он про камень?

— Ладно, Бог с ним. Рассердился человек.

— Не скажите. Оскорбление личности. Надо бы сходить к юристу. Правда, он сам юрист.

— Это уж точно.

— Значит, пустой номер. Ворон ворону, как говорится… Нет, это подумать! Мы тут надрываемся, а картинка — не та. Смешно!

Если бы кто-нибудь сказал Джерри, что он восхитится Чиппендейлом, он бы не поверил; но, услышав эти слова, испытал неведомое чувство. Человек, которому смешна утрата двухсот фунтов, заслуживает уважения. Именно о таких людях писал покойный Киплинг.

— А вы молодец, — признал Джерри. — Если бы дядя отказал мне, я бы не смеялся.

— Вам-то он деньги даст?

— Да.

— Много?

— Немало.

Теперь восхитился Чиппендейл.

— Как это вы его? Может, гипноз?

— Нет, наследство. Отец мне оставил, но я не мог получить, пока дядя не смилостивится.

— Значит, все ваше?

— Да.

— Значит, пойдем выпьем? Джерри покачал головой.

— Рад бы, но у меня свидание. Вот что, я вам дам пять фунтов, а вы за меня выпьете.

— Пять!

— То есть десять. Идет?

Чиппендейл ответил речью, в которой восхвалил широту и

благородство былого сообщника. Сколько бы он их восхвалял, мы не знаем, ибо еще на ранней стадии появилась горничная.

— Мистер Чиппендейл, — сказала она, — вас хозяин зовет.

— А что такое?

— Что-то с Симмсом.

— Очень может быть. Если понадобитесь, дорогуша, где вас искать, а?

— У ворот.

— Ладно. Скорей всего обойдусь, но чем черт не шутит!..

ГЛАВА XIV

Свершив свой подвиг у воды, Берни радовалась, как радуются хорошо выполненной работе. Если к понятной гордости прибавлялась женская жалость, то очень малая, ибо человек, идущий служить в полицию, знает, что там его ждут самые разные приключения. Кроме того, думала она, мокрый полисмен быстро превратится в сухого. Время, великий целитель, позаботится о Симмсе, да и сам он может вытереться, не маленький.

Однако больше всего она размышляла о путях Провидения. Когда-то, в одной из лучших нью-йоркских школ, Берни сетовала на то, что не создана субтильной; а сейчас поняла, что Провидение знает свое дело. Да, ее товарки походили на принцесс в весе пера — но могут ли они столкнуть в воду констебля? Куда там, они его с места не сдвинут, словно бабочки, присевшие ему на плечо: А вот она просто выстрелила им, как из катапульты. Все на свете окупается, даже внешность тяжеловеса.

Радость возросла, когда Берни подумала о Криппи. Он сразу понравился ей тем, что отличался от покойного мужа, а за эти дни чувства к нему углубились и усилились. Раньше ей хотелось погладить его по голове, теперь — дожить с ним жизнь. Многие удивились бы, что можно полюбить сэра

Криспина, в том числе — фирма по устройству усадеб; многие — но не Бернадетта.

Встретились они в дверях, он — выходил, она — входила. Выходил он потому, что прикинул и решил: если ляжешь, будешь томиться, как тушеный кролик в раскаленном казанке.

Стремясь поделиться радостной вестью, Берни не сразу заметила, как он страдает, но заметив — вскрикнула:

— Криппи! Что случилось? Что с вами? Сэр Криспин ответил:

— Все, что только бывает. Пройдемся?

И они пошли по дороге к главному входу.

— Рассказывайте, — предложила она.

— Я погиб, — рассказал он.

— Деньги?

— Они самые.

— Много?

— Да.

— Сколько?

— Сто.

— Сто?! — удивленно вскричала Берни, для которой сто фунтов, в пересчете на доллары, были истинной мелочью. — Да я их вам одолжу!

Сэр Криспин покачал головой.

— Почему? — спросила она.

— Нельзя.

— Да бросьте вы!

— Спасибо вам большое, Берни, но — нельзя.

— Вы бы мне одолжили.

— Это другое дело.

— Почему?

— Другое, и все. Берни сдалась.

— Ладно, — сказала она. — Ничего не попишешь, фамильная честь Скропов. Я бы хотела, чтобы дядя Сэм был так щепетилен. Тянет и тянет. Кому вы должны эту сотню?

— Этим, ремонту.

— А, этим! Разве Уилл не дал вам денег?

Трудно признаваться в слабости, трудно — но нужно.

— Проиграл на скачках.

— Да вы же не играете!

— Много лет удерживался, но, сами знаете, когда есть деньги…

— Надо было ставить на Братолюбие. Жаль, меня не послушались.

— Послушался и поставил.

Берни удивленно взглянула на него.

— Давайте разберемся, — сказала она. — У меня мозги поехали. Какой-то улей в голове. Значит, вы послушались?

— Да.

— И поставили на эту лошадь?

— Да. Сто фунтов.

— Тогда что вам нужно? Больше двенадцати тысяч, это не кот начхал!

Криспину показалось, что упомянутый улей переместился в его голову.

— Она… она… пришла второй.

— Вы газеты читаете?

— Нет.

— А надо бы. Пришла второй, на полголовы после Мускателя. Предъявили протест. Кажется, Мускатель ее отпихнул или лягнул. В общем, проверили, разобрались, так все и было. Жокею сделали внушение, Братолюбию дали первое место. Чек получите завтра или послезавтра. Вот

и все.

Сэр Криспин в обморок не упал, но был достаточно к этому близок, чтобы пробудить в Бернадетте материнские чувства. Отведя его на скамейку, она применила свое излюбленное средство, стала массировать ему шею — и так успешно, что через некоторое, достаточно тяжелое время он выпрямился и сказал, что все в порядке.

Берни это оспорила.

— Нет, — сказала она, — какой уж тут порядок! Никакого порядка у вас не будет, пока вы не женитесь. За вами надо присматривать. Помните, мы об этом говорили. Если есть возможность попасть в беду, вы в нее попадете.

Этого он отрицать не мог, поскольку с ранней юности они с бедой шли нога в ногу.

— Значит, надо жениться.

— Да, правда.

— А я не подойду? — спросила она. — Попробуйте.

Радость, согревшая Бернадетту до встречи с сэром Криспином, просто пылала и бушевала после его ухода. Повинуясь ее совету, он пошел в кабинет выписать чек этим, из ремонта, а она осталась на скамейке, перебирая подробности нежной сцены.

Отсюда она видела ворота, в которые входил ее брат Гомер с какой-то девушкой, по-видимому, — с Верой Апшоу, которую ждал Криспин. Лондонский поезд останавливался в Меллингэм-Холт, в полумиле от селения, и Гомер, по всей вероятности, ездил ее встречать.

Берни заинтересовалась. Если Гомер встречает девушек, это неспроста. Кто-кто, думала она, а он к этому не склонен. Словом, на Веру она посмотрела предвзято, и то, что она увидела, подтвердило ее догадки. Собственно говоря, это была не просто девушка, а поразительная красавица — не захочешь, а заморгаешь. Именно такие особы побуждают мужчину поправить галстук и нервно покашлять, а шейха Аравии — бросаться на них, как тюлень на рыбу. Кому-кому, а ее несчастному брату совершенно нечего с ней делать.

Ей удалось сохранить вежливость, когда он их знакомил, но беспокойство только возросло. В этой Вере, вполне резонно, она прозревала корыстолюбие. Вообще, та ей не понравилась, какая-то мрачная. Улыбнуться толком не может, вероятно — боится морщин.

Однако не это омрачало душу прекрасной эссеистки. Она думала о том, как раскачать Гомера. Когда они шли от стоянки, он говорил на

разные темы — о красоте вечера, о недавнем конгрессе, о мыши, о чем угодно, кроме епископов, колоколов и флер д'оранжа.

Конечно, их ждали уединенные прогулки в тенистых заводях парка, но несчастная Вера уже усомнилась в том, что они достаточно тенисты и достаточно уединенны.

Когда один встревожен, другой — растерян, третий — очень смущен, разговор обычно не клеится. Помолчав в третий раз, Вера сказала, что должна представиться сэру Криспину, и никто ей не возразил.

— Пойду-ка и я, — предложила Берни.

— И я, — подхватил Гомер. — Надо поговорить о мыши.

— У мистера Пайла есть мышь, — объяснила Вера с законной усталостью женщины, слышавшей о мышах намного больше, чем нужно.

— Или несколько мышей, — прибавил Гомер.

— Очень может быть, — согласилась Берни. — Сэр Криспин — щедрый хозяин. Ладно, пошли. Он в кабинете.

— Не исключено, — завершил беседу Гомер, — что это вообще крыса.

Кабинет, в котором поколения Скропов писали бесчисленные письма в «Тайме», был мрачен сам по себе, но казался еще мрачней, ибо в нем, сложив руки, сидел констебль Симмс, придававший ему сходство с залом суда. Человек тонкий ощущал, что хорошо бы отделаться штрафом.

Чиппендейл, который тонким не был, вошел нагло и бодро. Мы не скажем, что совесть его сверкала чистотой, поскольку у него вообще ее не было, но он обладал тем, что получше совести, — безупречным алиби.

— Вы меня звали, сэр, — сказал он, переходя, как обычно, к книжному слогу. — Добрый вечер, мистер Симмс, — учтиво прибавил он. — Вижу, вы уже высохли. Что это с вами было? Упали в воду?

Казалось бы, куда заботливей, но констебль поджал губы, а взор его, и так суровый, стал совершенно каменным. Объяснять пришлось хозяину.

— Симмс упал в ручей, — сказал он. Чиппендейл пощелкал языком, выражая огорчение.

— Закружилась голова? — предположил дворецкий.

— Нет, кто-то толкнул.

— Толкнул? — удивился мажордом. — Толкнул?! Кто же смеет?..

— Он говорит, вы.

— Шесть месяцев, не меньше, — сообщил констебль. Чиппендейл выпрямился с неожиданным достоинством.

Он не сказал: «Оставь, дорогуша, у меня дело чистое», но как бы и сказал, а уж точно — подумал.

— Я чист, как снег, — сообщил он.
— Ха-ха!
— И докажу это.
— Хо!
— Когда вас толкнули?
— Сами знаете.
Чиппендейл стукнул кулаком по столу, благо стол оказался рядом.
— Отвечайте!
— Пожалуйста, Симмс, — прибавил сэр Криспин, — ответьте ему.
— В полшестого.
Чиппендейл стукнул бы снова, но ушиб руку и ограничился взглядом.
— В половине шестого, — сообщил он, — я был в библиотеке, где беседовал с сэром Криспином и его племянником. Можно позвать племянника — но не нужно. Сэр Криспин все подтвердит. Прав я, сэр?
— Совершенно правы, — сказал хозяин. — Да, Симмс, мы были в библиотеке.
Констебль огорчился, но нашу полицию голыми руками не возьмешь.
— Значит, раньше.
— На сколько?
— Ну, на четверть часа.
— То есть в пять часов пятнадцать минут?
— Вроде этого.
— Мы уже были в библиотеке, — вмешался сэр Криспин.
— Хо! — сказал констебль, поднялся и вышел.
— Надо же, толкнул! — прокомментировал дворецкий. — Скажите спасибо, дорогуша, что я не подал в суд. Это мальчишки церковные. Верно я говорю?
Сэр Криспин признал, что предположение вполне вероятно.
— Ну, прям поэма! — заметил Чиппендейл. — Не читали, а? Помню, в школе учил. Один тип нашел где-то череп, понес дедушке. А тот и расскажи, что там у них, в Германии, была шикарная битва. «Весь свет, — говорит, — таких не видывал побед».[73] Ну мы, один к одному.
— Победа эта хороша хотя бы тем, — со вкусом произнес сэр Криспин, — что мы с вами расстанемся.
— Не понял, дорогуша.
— Посылаю чек вашим хозяевам.
— Платите, что ли?
— Вот именно.
— Ну, дает! Откуда деньги-то? Банк ограбили?

— Выиграл на бегах тысяч десять.

— Ну, да… — снова начал дворецкий, но его прервали Бернадетта, Вера и Гомер.

— Привет, Криппи! — сказала Берни. — Не помешали?

— Нет, мадам, — галантно отвечал Чиппендейл. — Полиция ушла.

— Полиция? Что, нагрянули?

— Ха-ха, мадам! Нет, это частное дело. Кто-то столкнул в воду констебля.

— Поразительно! Криппи, это мисс Апшоу.

— Очень рад, мадмуазель, — отвечал дворецкий. — Что ж, сэр, если я не нужен, я пойду. Мистер Уэст…

— Мистер Уэст? — спросила Вера.

— Мой племянник, — объяснил сэр Криспин. — Вы с ним знакомы.

— Он здесь?

— Да.

— Какая прелесть!

— Хороший парень, — поддержала Берни.

— Голова, — заметил дворецкий. — Дал мне десять фунтов.

— Почему?

— На радостях, мадам. Получил деньги. Опекун не давал, не давал, а тут — дал! И слава Богу, мадам, он того стоит. Вот я скажу…

По-видимому, опасаясь, что панегирик затянется, сэр Криспин предложил Вере посмотреть отведенную ей комнату. Осмотрев ее и выразив восторг, Вера спросила:

— Можно отсюда позвонить? Мама ждет звонка.

— Телефон в библиотеке, — отвечал сэр Криспин.

— О, спасибо!

— Мама, — сказала она через несколько минут. Сладостный голос Флоры Фэй заструился по проводу.

— Здравствуй, душенька! Ну как, гуляешь в тенистых аллеях?

— Нет. Зачем? Он не мычит не телится.

— Что-что? Кто телится?

— Неважно. Я хочу сказать, Гомер уперся. — Подожди, душенька, потерпи.

— Ждала и терпела. Сколько можно?! Выйду за Джеральда.

— Ты шутишь?

— Нет. Он здесь. Он получил деньги.

— У Гомера больше.

— У Гомера — живот. У Гомера — очки. Твой Гомер — зануда в

конце концов! А Джеральд — тюпочка. Над ним поработать… Алло! Алло!

Кавалерственная дама молчала, то ли от избытка чувств, то ли от их потери. Наконец она произнесла:

— Душенька, ты же ему отказала!..

— Ничего подобного. Это ты отказала. Что-то спутала и — бамц!

— Я? На свой страх и риск?

— Конечно.

— Ты ему так и скажешь?

— Естественно.

— А он поверит?

— Еще бы! Обниму, поцелую…

— Да?

— Да.

— Что ж, желаю удачи, кошечка.

— Спасибо, мама.

— Только не думай, что я — за. Я против. Я его не люблю.

— Ничего, мама. Тебе и незачем. Это я за него выйду.

ГЛАВА XV

Чиппендейл проявлял несомненные признаки беспокойства. Он ерзал. Он облизывал губы. Он стоял то на одной, то на другой ноге. Шерлок Холмс предположил бы, что мысли его в «Гусе и гусыне»; и, как всегда, оказался бы прав.

Однако жажда не победила учтивости.

— Я вам еще нужен, мадам? — спросил он.

— Вроде бы нет. А что, вы спешите?

— В определенном смысле, мадам. Мистер Уэст послал меня выпить за его здоровье.

— Ну идите.

— Спасибо, мадам.

— Привет собутыльникам.

— Спасибо вам большое.

Когда он удалился, брат и сестра помолчали, потом брат сказал:

— Странный какой-то…

— Понимаешь, — объяснила сестра, — он не настоящий. Все думают, что он — дворецкий, а он — судебный исполнитель. Криппи никак не мог заплатить за ремонт, они и прислали. Ничего, сегодня заплатит, и Чиппендейл уйдет.

— Да? — без особого интереса откликнулся брат. — Он мне подал хорошую мысль.

— Молодец!

— Насчет «Гуся и гусыни». Как ты думаешь, есть там шампанское?

— Навряд ли.

— Тогда обойдусь виски, — сказал брат, предположивший, что уж тут-то можно излить душу сестре. — Никак не могу объясниться с Верой. Останемся вдвоем, порю всякую чушь. Так нельзя. Значит, надо напиться. Во всяком случае, попробую. — И он выбежал из комнаты почти с той же скоростью, что и Чиппендейл.

Берни смотрела ему вслед, и сэр Криспин, вошедший в эту минуту, заволновался за нее, хотя до сей поры просто летал от счастья.

— Что с тобой, дорогая? — вскричал он. — Ты похожа на какую-то рыбу. Очень тебе идет — но что с тобой?

— Я расстроилась.

— Ничего, мой ангел, ничего. Что поделаешь, реакция! В конце

концов, столкнуть констебля в воду… Знаешь что, ты выпей.

Берни задрожала.

— Не говори мне про питье! Гомер пошел в «Гуся», чтобы напиться.

— Из-за этой мыши?

— Из-за этой Веры. Не может признаться ей в любви. Сэр Криспин успокоился.

— Ну, это не страшно, — сказал он. — Выпьет и признается.

— Что ты говоришь! Она — Далила!

— Почему? Такая милая барышня…

— Далила и вампир! Я сразу поняла. Хочет его поймать, нарочно приехала.

— Ну что ты, — возразил сэр Криспин. — Конечно, Гомер — прекрасный человек… Да, почему Гомер? Честное слово, родители с ума посходили! Чиппендейл говорит, есть такой Чингачгук. Ах, что там, возьми меня — Криспин Ланселот Гавейн![74] Мама любила всяких рыцарей. Да, так о чем это? А, вот! Гомер — прекрасный человек, мышь у него, то-се, но красотой не блещет, ты уж прости. Она ему откажет.

— Нет, не откажет. Он получает двести тысяч в год.

— Ты думаешь? Тогда пойди в «Гуся», поговори с ним.

— О, Криппи, что бы я без тебя делала!

— Пойти с тобой?

— Нет-нет, спасибо. Лучше я пойду одна.

Когда сестра беседует с братом, она может не стесняться. Хочет назвать его кретином — пожалуйста, называй. Посетует, что не задушила подушкой в ранние годы — можно и это. Берни сделала и то и другое, как только вошла; Гомер отвечал ей, что ничего не понимает.

Тридцать с лишним лет назад Берни ударила брата любимой куклой, но сейчас куклы не было. Она взглянула на поднос и все же ограничилась словами.

— Понимаешь, как миленький. Я говорю про эту змеюку, эту хапугу…

Человек, пьющий виски и выпивший немало, с трудом сохраняет достоинство, но Гомеру это удалось.

— Я попросил бы, — заметил он, — не говорить в таком тоне о мисс Апшоу. Это — редкостная душа. Ей чуждо все низменное. Почитай ее книги, каждая строчка дышит поэзией. «Дни нарцисса», «Утром, ровно в семь»…

Берни, не скупясь на выражения, объяснила, что читать их не будет.

— И зря, — выговорил Гомер. — Такие оду-хо-тво-рен-ны-е. Да. У-

тон-чен-ны-е. Эльфирные. Нет, эфийные. В общем, как эльфы.

— Ладно, тебе виднее, — сказала сестра. — Ну и что? Все нью-йоркские мымры пишут, как ангелы. Господи! — вскричала она. — Почему мы с тобой такие кретины? Не иначе фамильное проклятие. Как сейчас помню, ты меня уговариваешь не выходить за Клейберна. Мне и в голову не пришло, что такой красавец не может любить девицу, у которой одно украшение — деньги! А теперь уговариваю я, вот тебе Клейберн в юбке. Удавы и кролики, удавы и кролики…

— Ч-что?

— Видимо, такой закон, каждый кролик находит своего удава. Мы с тобой — кролики, Клейберн — удав. Признаю, у него было все, даже нравственный кодекс уличного кота. Эта Вера тоже не промах. Выйти за тебя она выйдет, не беспокойся — а потом? Свадебного торта не переварит, уже заведет роман.

Гомер встал; достоинству его на мгновенье помешано то, что он икнул. В баре грянула песня, и первую фразу ему пришлось повторить.

— Я отказываюсь это слушать, — сурово сказал он.

— Дело твое, — признала Берни.

— И пойду домой.

— К удаву? Что ж, иди. А я пойду в бар. Хорошо поют. Гомер двинулся в путь. После всего, что он выслушал, уши у него горели, глаза — боевито сверкали за стеклами очков. «Нет, что за чушь! — думал он. — Конечно, сестры ревнуют, но подозревать это эфирное создание… Чудовищно! Взглянув в его, то есть — в ее глаза, даже Берни могла бы увидеть снежно-белую душу. Романы! Нет, что же это! Какая гадость!»

Пылая любовью, он хотел поскорее увидеть Веру, и желание его сбылось. Она стояла у ворот, а точнее — висела на шее молодого человека, который недавно приехал. В тот самый миг, когда Гомер застыл на месте, они, судя по всему, поцеловались; еще недавно Голливуд вырезал бы эти кадры.

Гомер отпрянул назад. Ему показалось, что его окатили очень холодной водой; и любовь его, столь нерушимая до той поры, фукнула и угасла. Чувствовал он себя так, словно у него мгновенно упала температура. Только что в нем бушевала лава — и вот он здоров, спокоен, собран. Гомер, поэт и влюбленный, исчез, как не бывало, сменившись мистером Пайлом, крупнейшим юристом из конторы «Пайл, Уизби и Холлистер». Одно огорчало его — сестра Бернадетта скажет теперь: «Что я говорила?»

Он не знал, долго ли испытывал это блаженное чувство, но пробудил

его шум машины. Он выскочил на дорогу. За рулем сидел Уиллоуби.

— Эй, Скроп! — сказал он. — Минутку! Едете в Лондон?

— Да.

— Не подвезете?

— Пожалуйста. А что такое?

Конечно, Гомер мог сказать, что получил телеграмму из Америки, его вызывают в город; он мог это сказать — но не сказал.

— Хочу убежать от одной бабы, — признался он и попал в точку. Упорный холостяк его понял.

— Хоп! — сказал Уиллоуби, и Гомер прыгнул на сиденье.

— Ну, рассказывайте, — продолжал он, и Гомер все рассказал.

— На вашем месте, — заключил он, выслушав рассказ, — я улетел бы в Нью-Йорк. Бог с ним, с багажом. Потом вышлю.

И Гомер признал, что эта самая мысль осенила его самого.

Джерри вышагивал взад-вперед перед воротами. Он еще не успокоился, но был счастлив, что сумел вовремя поставить на место прекрасную Веру. Оторвать ее от себя было нелегко; объяснить, что чувства его изменились, — еще труднее. Но он справился. Истинная любовь придала ему красноречия, и он сумел выразить мысль, утаив из деликатности, что лучше утонет в болоте, чем женится на эссеистке.

Теперь он мог без помехи думать о Джейн и думал так рьяно, что только сигнал автомобиля пробудил его. Подскочив, как холмы, он понял, что королева его сердца вернулась из Лондона. Она сияла, и он решил, что перед ней все девушки на свете — грошовые миниатюры; после чего заглянул в машину, произнося при этом:

— Вот и ты!

— Да, — отвечала Джейн.

— Вернулась.

— Вот именно.

— Устала?

— Что ты!

— Юриста видела?

— Да. Его фамилия — Стогенбьюлер.

— Жаль человека. Они помолчали.

— Так что ты хотел спросить? — напомнила Джейн.

— Когда?

— Перед моим отъездом. Вошел Чиппендейл, и ты замолчал. В чем дело?

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Ах, вон что! Зачем ты спрашиваешь?

— Ну, все-таки… Так выйдешь?

— Конечно. А ты не хочешь меня поцеловать?

— Как раз собирался.

— Только вытри помаду.

— А что, есть?

— Еще как!

— Понимаешь…

— Пока нет.

— … я был обручен с одной девицей. Она меня бросила, а сейчас решила переиграть. Кинулась, то-се… В общем, я сказал, что женюсь на тебе.

— Ты же еще не знал!

— Как-то предчувствовал.

— Больше никто не кинется?

— Нет, что ты!

— Это хорошо.

Через некоторое время Джейн проговорила: «Джерри», а Джерри не совсем внятно откликнулся: «Да?»

— Надо тебе сказать…

— Не надо, я знаю.

— Про деньги?

— Да. Дядя Уилл приехал.

— Ты не расстроился?

— Нет, если ты не расстроилась.

— Я обрадовалась. Он говорит, а я хохочу. Понимаешь, они бы стояли между нами.

— А теперь ничего не стоит!

— Что такое деньги в конце концов?

— Вот именно.

— Тлен. Или сор.

— Вот именно.

— Кому они нужны, когда есть Дж. Г. Ф. Уэст? А вообще-то, нам придется туго. Я очень расстроилась. Твой дядя говорит, что я — как пьяный матрос. Ты не против любви в шалаше или в маленькой квартирке?

— Скорее в большой. Дядя Уилл отдает мне наследство. Хочешь транжирить — пожалуйста.

— Какая красота!

— Да, неплохо.

— Джерри!

— Джейн!

Странно, думал Джерри, как все сходится. Если бы неведомый садист не назначил его присяжным, он бы не увидел Джейн. Ничего не попишешь, ангел работает на славу. Что называется, творит чудеса.

Интересно, какой он с виду? Небольшой, остроносый… В очках? Да, наверное. Очки в роговой оправе, услужливый, нервный такой, вроде секретаря у крупного финансиста.

А главное, истинный мастер. За что это ему, Джеральду? Вроде бы — не за что… Ну что ж, тем больше оснований для благодарности.

Нельзя обниматься в машине, скрываясь при этом от общества. Бернадетта с Чиппендейлом, возвращающиеся из «Гуся и гусыни», увидели влюбленных через несколько минут. И вовремя, ибо машина тронулась с места.

— Наверное, поженятся, — сказал Чиппендейл, и Берни отвечала, что это вполне возможно.

— Хороший парень этот Уэст, — продолжал служитель закона.

— Куда уж лучше!

— Жаль, не увидимся.

— А вы уезжаете? Чиппендейл вздохнул.

— Да, завтра. Тяжелая у нас работа. Я ведь…

— Знаю, сэр Криспин сказал. Тяжелая?

— А то! Привыкнешь к людям, подружишься — нате вам! Прямо перелетная птица.

— Журавль, к примеру.

— В общем, жалко.

— Зато как другим приятно!

— Это да, — признал Чиппендейл.

— Нет, вы посудите! Палец о палец не ударишь, а людям — радость. Это не всякому дано.

— Верно.

— Помните, когда-то пели?! «Сча-а-астье расто-о-очай!» Споем, а?

— Споем. Только я слов не помню, буду мычать.

— Мычите на здоровье. Главное — дух. Начали?

— Да.

— Ну, раз-два!.. И они запели.

Рассказы о Бинго Литтле

Перевод с английского Н. Трауберг

БИНГО И ПЕКИНЕСЫ

Один Трутень[75] показывал двум другим укушенную ногу, когда появился четвертый член клуба и, задержавшись у стойки, приблизился к ним.

— Что случилось? — спросил он.

Первый Трутень в третий раз поведал свою историю.

— Этот кретин Бинго зашел ко мне позавчера с бешеной собачкой. Пытался всучить.

— Сказал, что дарит на именины, — прибавил второй Трутень.

— Чушь какая! — подхватил первый. — У меня именины в июле, да и вообще мне не нужны кровожадные твари с острыми зубами. Стал я подгонять ее к дверям, а она — хапц! — и вцепилась. Спасибо, догадался вскочить на стол, но укусить она успела.

Новоприбывший Трутень попросил его опустить штанину. Такие зрелища опасны, если ты недавно завтракал.

— Я понимаю тебя, — сказал он, — но сейчас все объясню. Вчера я видел Бинго. Услышав его повесть, ты поймешь, что надо не судить, а жалеть. Tout comprendre, — прибавил Трутень, изучавший французский в школе, — c'est tout pardonner.[76]

Все мы знаем (сказал он), что Бинго — баловень судьбы. Он вкусно ест, крепко спит, состоит в счастливом браке с популярной писательницей, словом, жизнь для него — сладостная песня.

Но нет совершенства в этом мире. Денег у Бинго едва хватает на сигареты. Жене известно, что он ставит на лошадей, которые, если приходят к финишу, то в конце процессии; ей это известно и ей это не нравится. Прелестная женщина, ничего не скажешь, но спортивного духа в ней нет.

В то утро, с какого начинается повесть, Бинго сидел за столом, угрюмо глядя на яйца и ветчину. Шесть пекинесов резвились у его кресла, но он их не замечал, поскольку думал о том, что в 2.00 — бега, а играть он не может, ибо черствый букмекер отказался принимать вместо денег очарование манер.

Конечно, он мог попросить у жены, но особых надежд не питал. Кто-кто, а Бинго не утопист.

— Душенька, — начал он, — ты мне не дашь деньжат?

— Зачем? — спросила жена из-за кофейника, распечатывая письмо.

— Понимаешь, есть лошадь…

— Ну, что ты, заинька! Я не люблю азартных игр.

— Какие игры?! Пришел и забрал деньги. Эта лошадь. Прыщавый Чарли…

— Странная кличка.

— Да, очень. Но я видел во сне, что катаюсь на лодке по Трафальгарскому фонтану с Пуффи Проссером.

— Ну и что?

— Его настоящее имя, — тихо и строго сказал Бинго, — Александр Чарльз. Беседовали мы о том, не завещает ли он нации свои прыщи.

Рози мелодично засмеялась.

— Какой ты глупый! — нежно воскликнула она, а муж ее понял, что надежда, и без того достаточно слабая, угасла вконец. Если так относятся жены к откровениям свыше, говорить не о чем. Соответственно, он повел речь о предстоящем визите миссис Бинго к матери, на курорт.

Пожелав ей доброго пути, он вернулся к грустным думам, как вдруг услышал такой радостный крик, что уронил пол-яйца. Жена размахивала письмом, невероятно сияя.

— Кроличек! — вскричала она. — Это от Перкиса!

— От кого?

— От Перкиса. Ты его не знаешь. Он — владелец журнала «Мой малыш».

— Ну и что?

— Я не хотела тебе говорить, боялась сглазить. Ему нужен редактор. Конечно, я сказала, что у тебя нет опыта, но ты очень умный. Он обещал подумать. Вообще-то он хотел взять племянника, но на того подал в суд портной, и дядя решил, что он не подходит для такой ответственной должности. О, Бинго! Я чувствую, он тебя возьмет. Предлагает встретиться.

— Где? — оживился Бинго. — Когда?

— Сегодня он возвращается из Танбридж Уэллса. Будет ждать в двенадцать на Чаринг-Кросс, под часами. Ты можешь туда пойти?

— Могу, — отвечал Бинго. — Еще как могу!

— Ты его сразу узнаешь. Он в сером костюме и мягкой шляпе.

— Я, — не без гордости сказал Бинго, — буду в пальто и в цилиндре.

Поцеловав жену, он проводил ее до машины. Миссис Литтл едва сдерживала слезы. Боль разлуки усугублялась тем, что мать держала кошек, и пекинесов пришлось оставить дома.

— Ты будешь за ними присматривать? — спрашивала Рози, пока

дворецкий оттаскивал собак от ее автомобиля.

— Как родной отец, — обещал Бинго. — В радости и в беде, до самой смерти.

Он не лгал. Он любил этих тварей, и они его любили. Они лизали ему нос, он почесывал им животик. Я — тебе, как говорится, ты — мне.

— Давай им на ночь сахар, обмокнутый в кофе!

— Естественно!

— Да, зайди к Боддингтону и Бигзу, они чинят поводок Пин-Пу. О, кстати! — миссис Литтл открыла сумочку. — Заплати сразу. Тогда мне не придется выписывать чек.

И, сунув мужу две пятерки, Рози уехала. Бинго махал ей «след. Я отмечаю это особо, поскольку, когда ты машешь, купюры шуршат, а когда они шуршат, вспоминаешь, что скоро заезд и победитель тебе известен. Словом, машина не успела скрыться, а змий уже нашептывал на ухо: «Ну как, старикан? Поставим?»

Конечно, честный Бинго ни за что не допустил бы, чтобы почтенная фирма лишилась законных доходов. Но тут, заметил змий, особый случай. О фирме беспокоиться незачем. Ставим 10 ф. на Прыщавого Чарли, а завтра — платим Боддингтону. Если, против очевидности, Чарли подкачает, перехватим у Перкиса, в счет жалованья. Редактор в цилиндре его очарует, сомнений нет. Словом, дело верное.

Так и случилось, что через час, посетив по дороге букмекера, Бинго подходил к вокзальным часам, чьи стрелки показывали без пяти двенадцать. Через пять минут туда явился плотный пожилой джентльмен в сером костюме.

— Мистер Литтл? — спросил он.

— Да. Здравствуйте.

— Здравствуйте. Какой денек!

— Великолепный.

— А вы точны!

— Как же иначе?

— Похвально, похвально.

Все шло лучше некуда; но тут, отирая губы, из буфета вышел Б.Б. Такер («Мужское белье», Бедфорд-стрит, Стрэнд), которому Бинго больше года был должен три фунта одиннадцать шиллингов четыре пенса.

Видите, как влияет радость на трезвенность ума. Узнав о предстоящей встрече, Бинго забыл о благоразумии и только сейчас припомнил, что ему нельзя и на милю подходить к Чаринг-Кроссу. Местность буквально кишела магазинами, которым он задолжал, и никто не мог поручиться, что

их владельцы не заглянут в вокзальный буфет.

Бинго их знал. Он понимал, что, увидев его, они не пройдут мимо, но приблизятся и заговорят о деле. Если Перкиса испугали злоключения племянника, две минуты рядом с Б.Б. Такером сведут на нет все чары цилиндра.

Именно в это мгновенье Б.Б. свернул к ним.

— А, мистер Литтл! — начал он.

Сзади стояла вокзальная тележка и многие решили бы, что путь отрезан — многие, но не Бинго. Перепрыгнув через препятствие, он бросил:

— Я сейчас!

Выбежав к набережной, он подождал там, надеясь, что Б.Б. испарится, а потом вернулся под часы, чтобы продолжить беседу.

Такера действительно не было, равно как и Перкиса. Подумав, Бинго вспомнил, что тот смотрел как-то странно, по-видимому — считая странноватым его самого. Добра это не сулило. Вероятно, владельцы журналов не любят, когда редакторы прыгают через тележку.

Грустно сидя в кафе, он узнал, что Прыщавый Чарли не выиграл. Другими словами, Провидение обмануло его, и не в первый раз.

Назавтра пришло письмо от Перкиса, которое, по его словам, он разорвал на тысячу клочьев (я думаю — на восемь). Перкис решил взять другого редактора.

Мягко говоря, Бинго расстроился. Он знал, как трудно будет объяснить все это жене. Хватило бы и поводка, а тут еще такой провал, ему уже не стать «Гл. ред.»!.. В общем, расстроился. Пекинесы проводили его в библиотеку и сели кругом, дожидаясь сахара, но он не замечал бессловесных друзей, сосредоточившись на своих проблемах.

Но постепенно, понемногу, до него дошло, что с друзьями что-то не так. Нет, с виду они были такие, как обычно. Минутку, минутку… смотрим глубже… И тут он все понял.

Их пять, а не шесть!

Казалось бы, что такого? Один где-то задержался, скажем — прячет кость или отдыхает. Но Бинго знал своих собачек. Если только пять пришли за сахаром, значит — шестой нету.

Когда он это понял, кофейная ложечка выпала из его руки. Перед такой бедой бледнела и растрата десяти фунтов. Рози доверила ему самое святое. Подумать страшно, что будет по приезде. Слезы… упреки… «как ты мог»… Да что там, она еще решит, что он продал шестую собаку! От

этой мысли Бинго вскочил и вызвал дворецкого, чтобы спросить, не в кухне ли недостающий пекинес. Явилась горничная и сообщила, что Бэгшоу куда-то уехал, а собак внизу не видно. Тогда он глухо взвыл, схватил шляпу, выскочил из дома. Оставались шансы (так, 8 к 100), что негодная тварь услышала зов пустыни.

Сколько времени он бродил, свиристя и взывая, Бинго сказать не мог бы, но забрел далеко. Остановившись, чтобы закурить, он решил возвратиться — и сигарета застыла на его устах.

Перед ним, в сгущающихся сумерках, двигался чей-то дворецкий, ведя на поводке копию пропавшей собаки. Вероятно, вы знаете, что пекинесы (все до единого — лохматые) бывают бежевыми и каштановыми. У Рози был каштановый, как и этот.

Бинго воспрял духом. Острый ум и прежде подсказывал ему, что надо раздобыть замену, но пекинесы стоят денег, а их, как известно, не было, если не считать шести шиллингов с мелочью.

Он чуть не схватил собачку голыми руками, но одумался и подкрался сзади, словно те персонажи детективов, под чьей ногою не хрустнет сучок. Дворецкий свернул в тихий переулок, а там — вошел в сад при довольно большом доме. Беспечно напевая, Бинго проследовал дальше, обнаружил лавочку и на все свои деньги купил самого лучшего сыру.

Как мы уже говорили, пекинесов он знал, зная тем самым и то, что они любят курицу, пудинг, молочный шоколад, но жизни не пожалеют ради сыра. Значит, думал он, засядем в кустах, дождемся последней прогулки и провернем дельце при помощи сырного бруска.

Бдение оказалось нелегким. Сидеть в чужих кустах, не смея закурить сигарету, — далеко не подарок. По ногам сновали муравьи, за шиворот лезли букашки, кто-то еще копошился в волосах, пользуясь тем, что он потерял шляпу. Наконец стеклянная дверь открылась, выбежала собачка, а за нею появился корпулентный мужчина. Они вошли в пятно света, и Бинго увидел, что это — сам Перкис!

До сей поры он все-таки терзался, жалея неведомого хозяина. Теперь угрызения исчезли. Кто-кто, а Перкис это заслужил.

Хорошо, но как осуществить справедливую кару? Провидение не подкачало. Видимо, хозяин внимал веселой румбе, доносившейся из приемника. Вдруг что-то квакнуло, приемник залопотал по-немецки, а Перкис нырнул в дом, чтобы снова поймать волну.

Бинго, словно леопард, выскочил из куста. Собачка попятилась, всем своим видом говоря: «Чему обязана?», но учуяла сыр, и дальше все пошло как по маслу. Через полминуты Бинго нес ее к себе домой.

Когда он пришел туда, пекинесы уже легли, но приняли пришельца как родного. Обычно, если сунуть к ним чужака, поднимается что-то подобное Новому году в Мадриде; но сейчас, немного посопев, они одобрили гостя и свернулись клубочками, словно члены клуба «Атенеум». Вернувшись в библиотеку, Бинго позвонил, чтобы попросить виски и содовой у дворецкого, если тот вернулся.

Тот вернулся. Обслужив хозяина, он сказал:

— Да, сэр, насчет собачки…

— С-с-с-с-собачки? — проверил Бинго. — Какой собачки? (семь «К»)

— Вин-Фу, сэр. Я не мог сообщить вам, поскольку вас не было дома, когда звонила миссис Литтл. Она велела мне отвезти Вин-Фу в Богнор Реджис. Насколько я понимаю, там отдыхает художник-анималист, которому миссис Литтл заказала его портрет. Я счел своим долгом сообщить об этом вам, иначе вы могли бы обеспокоиться, случайно заметив, что одной собачки недостает. Спокойной ночи, сэр.

Легко представить себе, что чувствовал Бинго. Как можно, думал он, поручать слуге то, что должен делать глава семьи? Что ж, теперь он вор. Неужели нельзя предупредить? Да и вообще, зачем поощрять в собачке тщеславие? Они и так важничают. А главное, как теперь быть? Этого он не знал.

Однако, проспавшись, он понял, где выход. Надо отвести собачку к Перкису и запустить ее в сад.

Вытираясь после ванны, он понял, что не знает адреса. Вчера он забрел так далеко, столько кружил, что даже улицы не найдет. Можно посмотреть в телефонной книге, но он забыл фамилию.

Теперь-то он ее знает. Теперь она впечатана в его память. Спросите его когда угодно: «Да, кстати, как зовется владелец «Малыша»?», и он мгновенно ответит: «Генри Катберт Перкис», а тогда — начисто забыл. С фамилиями всегда так. Если я скажу вам, что за первым завтраком он шептал: «Уинтерботтом», а за вторым — «Бенджефилд», вы поймете, как далеко зашло дело. Письмо он порвал на тысячу (восемь) клочков. Словом, хуже некуда.

Оставалось одно, сбагрить куда-нибудь собачку. Надеюсь, ты уже понял, зачем он приходил к тебе, понял — и пожалел его. Когда ты ему отказал, он совсем пал духом, и, вернувшись домой, вызвал дворецкого.

— Какие бывают фамилии? — спросил он.

— Фамилии, сэр?

— Да. Никак не могу вспомнить одну фамилию на «Дж».

— На «Дж», сэр?

— Да.

— Может быть, Смит?

— Ничего подобного! Если вы хотите сказать «Джонс», не надо, она посложнее. Такая, знаете, экзотическая, вроде «Джернингем» или «Джоркис». А может, и не на «Дж». Начнем-ка с «а».

— Адаме, сэр? Аллен? Акворт? Андерсон? Аркрайт? Аберкромби?

— Нет, не то. Давайте «б».

— Бейтс? Булстрод? Белингер? Биггз? Бультитьюд?

— Попробуем на «к».

— Коллинз? Клегг? Клаттербак? Кэртью? Керли? Кэбот? Кейт? Кэфри? Кан? Коэн? Кенон? Картер? Кэзи? Кули? Картбертсон? Корк? Кроу? Кру?

Бинго стало плохо. Он собирался взмахнуть рукой, но тут услышал:

— Кэдвалладер?

— Кэдвалладер!

— Я угадал, сэр?

— Нет, но мне годится.

Понимаете, он вспомнил, что так звался хозяин лавочки. Если плясать оттуда, нетрудно найти владельца собачки. Словом, курс на Кэдвалладера!

Отыскав его адрес, Бинго вышел в путь с пекинесом под мышкой и надеждой в сердце. Вскоре он нашел лавочку, а там — живую изгородь, за которой располагался вожделенный сад.

Бинго открыл калитку, запустил собачку и вернулся домой, чувствуя примерно то, что чувствует убийца, избавившийся от тела. Можно сравнить его и с отроками, когда они вышли из печи. Давно, еще в школе, ему довелось упасть на мяч, и он тут же оказался под грудой тел с очень острыми локтями. Он помнил, что испытывал, когда эта груда слезла с его спины. Так и сейчас. Возможно, он пел. Не исключено, что он прошелся в танце.

Подходя на цыпочках к дому, он заметил, что к его ноге, тихо урча, прикоснулось что-то косматое и, взглянув вниз, увидел собачку. Вероятно, она к нему привязалась и воспользовалась тем, что он не запер калитку.

Пока он стоял в оцепенении, к нему подошел дворецкий.

— Простите, сэр, — сказал он, — не знаете ли вы телефона в Богнор Реджис?

— А что?

— К миссис Литтл заходил мистер Перкис. Осведомлялся о ее номере.

— Перкис? — вскричал Бинго. — Перкис?

— Да, сэр.

— Хочет позвонить миссис Литтл?

— Да, сэр.

Бинго глубоко вздохнул.

— Бэгшоу, — выговорил он, — принесите мне виски с содовой. Виски — побольше, содовой — поменьше. Кому она нужна?

Итак, Перкис спрашивал телефон. Видимо, нашел шляпу и прочитал имя владельца. Оставалось одно — молить о милости. Да, неприятно, но что поделаешь?! Надо воззвать к его чувствам. А есть ли они? У него какой-то суровый, отрешенный взгляд, как у неуступчивого букмекера…

Перкис стоял спиной к нему, глядя в сад. Обернувшись, он с отвращением посмотрел на гостя, и тот понял, что борьба предстоит нелегкая.

— Ну, что еще? — спросил хозяин.

— Я насчет собачки… — начал Бинго и закашлялся. В рот ему залетел комар, или мотылек, или, быть может, моль. Кашляя, он увидел, что Перкис странно взмахнул рукой.

— Так я и знал, — сказал владелец журнала. Бинго все кашлял.

— Этого я и боялся, — продолжал Перкис. — Да, я украл ее. Бинго справился с инородным телом, но ничего сказать не мог.

— Вы женаты, мистер Литтл, — говорил хозяин, — вы меня поймете. Жена в Танбридж Уэллсе, у больной тетки. Незадолго до отъезда она купила собачку и строго-настрого приказала смотреть за ней. Вчера я на минутку отлучился, и собачка убежала.

Он судорожно глотнул, а Бинго вздохнул.

— Сегодня я обошел все магазины в Лондоне, но тщетно. Тут я вспомнил, что у вашей жены есть несколько пекинесов и решил спросить, не продаст ли она одного.

Тут он вздохнул.

— Я зашел к вам и узнал, что миссис Литтл уехала. Писать ей бесполезно, жена вернется завтра. Выходя из вашего сада, я споткнулся о собачку, точно такую же, как наша. Соблазн был слишком велик.

— Вы ее взяли? — спросил Бинго. Перкис кивнул.

— Нехорошо.

— Я знаю, я знаю! Мало того, чудовищно. Я не думал, что вы меня видели. — Он снова вздохнул. — Собачка в кухне, ужинает. Сейчас я позвоню, чтобы принесли. О жене и подумать страшно… — И Перкис вздрогнул.

— Она расстроится?

— Еще бы!

— Что ж, оставьте собачку себе.

Об этой минуте Бинго приятно вспоминать. Он был добр, он был милостив, исполнен сладости и света. Вполне возможно, Перкис мысленно сравнил его с ангелом.

— Оставить?!

— Непременно.

— А как же миссис Литтл?

— Ах, она сама толком не помнит, сколько у нее пекинесов! Кишат — и спасибо. Да и вообще, до того ли ей? Она так мечтала, чтобы я стал редактором…

Перкис кашлянул, взглянул на Бинго и едва заметно вздрогнул. Взглянул еще, вздрогнул снова. Видимо, в нем происходила духовная борьба.

— А вы хотите стать редактором? — проверил он.

— Конечно.

— Столько работы, столько дел…

— Ничего, я справлюсь.

— Это очень трудно!

— Подберу хороших помощников.

— Жалованье небольшое.

— А вы его увеличьте.

Перкис взглянул и вздрогнул в третий раз.

— Хорошо, — сказал он. — Надеюсь, мы сработаемся. Бинго хлопнул его по плечу.

— Еще как! А насчет жалованья…

ИЗЯЩНЫЕ ТОЛСТЯКИ

— А, вот и вы! — сказал Перкис. — Где вы сегодня обедаете?

Бинго ответил…

Нет, раньше отступим вспять и, как сказали бы юристы, заложим необходимые основания.

Мистер Перкис, владелец детского журнала «Мой малыш», обычно отдыхал в июне. Поэтому Бинго, у него служивший, отдыхал в июле или августе. Вернувшись в этом году, как и в прошлом, за несколько дней до матча «Харроу» — «Итон», он шел по Пиккадилли, размышляя о том о сем, когда столкнулся с Кошкиным Кормом, популярным молодым актером, выступавшим под именем Клод Коттермол. После занимательной беседы, слишком долгой для пересказа, тот предложил ему два билета на спектакль, а Бинго, радуясь дармовому развлечению, охотно согласился.

Оставалось найти себе пару. Миссис Литтл, известная всем любителям чувствительного чтива как Рози М. Бэнкс, была в Дройтвиче с матерью и Алджерноном Обри, недавно явившимся на свет. Бинго подумал о мистере Перкисе, но отверг эту мысль и решил пригласить свою тетю, миссис Бинсток. Конечно, думал он, задняя ее часть выйдет за пределы кресла, ибо она — одна из самых толстых женщин, смотревших с тоскою на список диетических блюд, но ничего не попишешь, вдов надо развлекать. Словом, он отправился к ней. Встретил его Уилберфорс, ее дворецкий, с сожалением сообщивший, что хозяйка уехала в круиз по Средиземному морю. Бинго собрался было уйти, но дворецкий его спросил:

— Деньжат не хотите, мистер Ричард? Бинго всегда хотел их, а потому ответил:

— Хочу.

— Ставьте завтра на Свистунью, — посоветовал эксперт и удалился, оставив собеседника в том состоянии, которое Флобер определил бы словом «опупел».

«Что же делать?» — подумал он (Бинго, не Флобер). С одной стороны, дворецкий знается с букмекерами, жокеями и конюшенными котами. С другой — миссис Литтл, как многие женщины, не понимает спортивного азарта, мало того — запретила играть на бегах.

Тут он понял, что проблема — чисто умозрительная, ибо до получки у него осталось 5 шиллингов. От этой мысли ему стало легче, домой он

пришел веселый, налил себе джину с тоником и залег было с книгой — но услышал телефонный звонок.

— Заинька! — сказал хорошо знакомый голос.

— Да, кроличек?

— Когда ты пришел?

— Только что.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. Правда, скучаю по тебе. А ты?

— Ничего.

— А Обри?

— Хорошо.

— А мама?

— Вот мама — хуже. Сегодня наглоталась морской воды. Обошлось, но она дышит со свистом.

Трубка задрожала в его руке. Книга выпала из другой. Если уж это не знамение, думал он, то их вообще не бывает.

— Со свистом? — проверил он.

— Да. Вроде газа из трубы.

— Значит, можно сказать, что она — свистунья?

— Если хочешь, можно…

Бинго опустился в кресло, страшно страдая. И как тут не страдать, если знаешь победительницу, а поставить на нее не можешь? Вот она, ирония судьбы! Такого не придумает сам Томас Харди.

— Да, кроличек! — сказала жена. — Надеюсь, ты помнишь, что через неделю у Обри день рождения? Я купила ему подарки, но надо бы положить что-то на его счет. В общем, я послала тебе 10 фунтов. До свиданья, зайчик! Опаздываю к парикмахеру.

Бинго метался и дрожал весь вечер и всю ночь. Вопрос «Что же делать?» терзал и без того истерзанный разум. Нет, его мучила не мысль о том, можно ли занять денег у сына. Конечно, можно! Тот будет только польщен. Да и вообще, получив выигрыш, он, отец, вернет ему сторицей.

Он думал о Рози. Хорошо, Уилберфорс — крупный знаток, но все же, все же… Бернс выразил именно это словами «А вдруг все тщетно?», правда — в их шотландском варианте, английского он не знал. Действительно, а вдруг?.. Заснул он, гадая, рискнуть или не рисковать.

Однако утром он приободрился. Часам к двум он был у букмекера, потом отправился в клуб, где его и настигла печальная весть: Свистунью обогнали Факел, Горошек, Туман, Услада, Ариадна и Христофор Колумб.

Видимо, Бернс разбирался в жизни лучше, чем Уилберфорс.

Сколько просидел он в кресле, закрыв лицо руками, Бинго сказать не мог бы. Выйдя из комы, он заметил, что вокруг царит оживление. У самой двери сидел Трутень с карандашом, к нему все подходили. Чтобы понять, что происходит, Бинго обратился к Кошкиному Корму:

— Что это они? — спросил он.

— Тотализатор «Жирный дядя», — отвечал Кошкин Корм.

— Прости, не понял. Корм удивился.

— Разве ты не был тут в прошлом году?

— Наверное, нет.

— Как раз в тот же день, что матч «Итон» — «Харроу».

— Тогда точно не был. Я редко успеваю вернуться к матчу. Сейчас успел, а вообще — редко. Так что же это?

Оказалось, что один умный Трутень, у которого был толстый дядя, заметил, что такие дяди есть у многих и бесхозяйственно ими швыряться. Процедура соревнований проста. Фотографии дядей кладут в шляпу; Макферри, клубный буфетчик, определяющий на глаз, кто сколько весит, от пекинеса до девицы, называет победителя; тот (вернее, его племянник) получает 100 фунтов.

Бинго ахнул. Непредубежденный наблюдатель заметил бы, что глаза его странно сияют.

— Сто фунтов?

— Да.

Бинго вскочил с кресла и вскричал:

— Где Пуффи?

— Наверное, в баре, — ответил Корм. — На что он тебе нужен?

— Хочу поставить на тетю Миртл и занять денег под выигрыш.

— Нет.

— Что значит «нет»? Когда играем?

— Через три дня.

— Куча времени! Иду к Пуффи.

— Но…

— Опять эти возражения! Он деловой человек. Увидит фото…

— Тети не участвуют. Только дяди.

— Что?!

— Участвуют только лица мужского пола.

— Какой кошмар! Ты уверен?

— Конечно. Посмотри-ка правила.

Бинго вернулся в редакцию, больше напоминая раздавленную жабу, чем молодого журналиста. Он попытался сосредоточиться на письмах от читателей. Эдвин Уотерс (7 л.) рассказывал о своей сиамской кошке, но Бинго не все понял. Трудным оказалось и сообщение Александра Олбрайта (6 л.) о черепахе по имени Шелли; когда же Бинго принялся за повесть Аниты Элсворт (8 л.) о канарейке, именуемой Птичка, открылась дверь и вошел хозяин.

— А, вот и вы! — сказал он. — Где вы сегодня обедаете?

Как вы помните, с этого мы начали наш рассказ.

Бинго глухо ответил: «Да нигде» — и, возможно, прибавил бы, что, если хозяин хочет его пригласить, ни в какой ресторан он не пойдет, но мистер Перкис спросил:

— А может, у вас сегодня гости?

— Жена уехала, — объяснил Бинго, — с мамашей в Дройтвич. У той ревматизм, принимает морские ванны.

— Замечательно! — вскричал босс. — Великолепно! Нет-нет, я радуюсь не тому, что ваша теща хворает, а тому, что вы свободны. Скажите, вам не попадался такой детский писатель, Керк Роквей, из Америки? Нет? Да, здесь его мало знают, но *там* буквально все дети зачитываются книгами о Пуделе Питере, Кошке Кэтти и Утке Урсуле. Я их полистал, мне понравилось. Точно то, что нам нужно. Сейчас он в Англии.

Бинго был предан своему делу. Да, личная жизнь — ни к собакам, но главное — интересы журнала.

— Надо его перехватить, пока не пронюхали эти гады из «Наших деток» — сказал он.

Мистер Перкис победоносно усмехнулся:

— Перехватил. Я его встретил на приеме и пригласил пообедать сегодня в «Баррибо».

— Прекрасно.

— Это еще не все. Кто-то упомянул вашу супругу и оказалось, что он — ее пылкий почитатель. Понимаете, к чему я клоню?

— Он хочет, чтобы она подписала книжку?

— Да, конечно, но не в этом суть. Пойдете с ним вы. Сейчас я ему позвоню, договорюсь.

Хозяин вернулся в свой кабинет и вскоре оттуда вышел.

— Ну, все улажено, — сказал он. — Пришлось немного покривить душой. Я сообщил, что у меня приступ бронхиальной астмы, но наш

редактор, муж Рози М. Бэнкс, меня заменит. Он — в восторге. Пожалуйста, вот десять фунтов, хватит с избытком. Роквей не пьет. Сдачу завтра принесете.

Мы не позволим себе сказать, что мысль о встрече с человеком, который пишет про уток и не пьет вина, обрадовала Бинго. Ирония судьбы, сующей в карман десятку, которую нельзя использовать, тоже не радовала. Одну безумную минуту он думал, не обойтись ли без этого обеда, но сдержал себя. Специалист по кошкам и уткам непременно спросит, в чем дело, и Перкис уволит своего редактора. Если он его уволит, спросит уже Рози… Дальше думать он не хотел бы, и незадолго до восьми вошел в вестибюль отеля, а вскоре туда прибыл и гость.

Мы сказали «прибыл», но Флобер выбрал бы другое слово. Он написал бы «ввалился» или «вкатился», поскольку автор детских книг был неимоверно толст. Бинго сразу пожалел, что пропадает такой товар. Если бы Керк Роквей был его дядей, Пуффи немедленно заплатил бы 20 фунтов.

— Мистер Литтл? — сказал гиппопотам в человеческом образе. — Я счастлив! Я горд! Книги вашей жены услаждали меня много лет. Я постоянно их читаю и не стыжусь своих слез. Как она?

— Спасибо, хорошо.

— Я рад. Мистер Литтл, и не думайте платить! Я этого не допущу.

— Что?!

— Не допущу. Как я посмотрю ей в лицо, если разрешу вам тратить деньги?

Вестибюль в «Баррибо» построен прочно, но Бинго показалось, что он не то шатается, не то танцует. Две колонны отскочили назад, а там — и вбок. Сперва наш герой онемел от счастья, потом пробормотал что-то невразумительное.

— Ах, ерунда! — сказал Керк Роквей. — Пойдемте в зал.

Пока они ели семгу, говорил только гость. Когда подали суп, Бинго еще молчал. Вечер был теплый, зал — большой, американец устал, пробираясь к столику, и после пятой ложки полез за платком, чтобы отереть лоб. Заодно из кармана, прямо Бинго в тарелку, упала фотография. Тот выудил ее, стал промокать салфеткой, заметил в ней что-то знакомое — и с удивлением понял, что это миссис Бинсток.

— Вы знаете мою тетушку? — спросил он.

— Кого-кого?

— Тетушку.

— Эта божественная женщина приходится вам тетей?

— Да.

— Удивительно!

— Я тоже удивляюсь. А почему вы ее носите на сердце? Американец ответил не сразу. Вероятно, он покраснел, но точно мы сказать не можем, у него вообще было багровое лицо.

— Знаете что? — осведомился он.

— Нет, — ответил Бинго, — не знаю.

— Я приехал, чтобы на ней жениться.

— Как?! Вы с ней помолвлены?

— Нет.

— Нет?

— Нет. Понимаете, год назад она была в Сан-Франциско.

— Помню. Она любит путешествовать.

— Мы встретились на званом обеде. Это был День Благодарения, подали индейку, сладкий картофель, пирожки с изюмом — ну, все, что полагается. Она сидела напротив и ела. Не клевала, как другие, а наслаждалась едой, вникала в нее, вкушала. В общем, я был потрясен. Когда она взяла пирожок, я понял, что судьба моя решена. Предложения я еще не делал.

— Почему?

— Мне страшно.

— Ну, что вы!

— Страшно.

— Чего же вы боитесь?

— Не знаю. Боюсь, и все.

— А выпить не пробовали?

— Как же, пил ячменный отвар. Не помогло.

— Еще бы! При чем тут отвар? Да я бы в жизни не женился, если бы не пиво с шампанским. Шампанское и пиво, вот ваш путь.

Керк Роквей смутился.

— Это же крепкие напитки! Я обещал покойной матушке их не пить.

— Ну, вызовите ее через медиума, объясните, она поймет. Но это долго, сразу их не выманишь. Бог с ним, пейте, а потом отправимся к тете. Наверное, она уже вернулась. Эй, любезный! Бутылочку Боллингера и все пиво, какое есть.

Примерно через полчаса Керк Роквей смотрел через стол красными, сияющими глазами.

— Старик, — выговорил он, — мне нравитесь твсое ли-цо.
— Вот как?
— Ддъ. А пчму?
— Не знаю.
— Птмшт не пхжж на Мор-ти-ме-ра Фриз-з-зби.
— А кто это?
— Кри-тик.
— Да?
— Ддъ. Нпсыл: «Мссср Рыквввй (эт я) думмт, чтъ у де-тей во-дян-ка моз-га».
— Какой ужас!
— Ужжжс.
— Он с ума сошел!
— А то! Дамм в ры-ло. Счас и дамм.
— Где он?
— В Сынфрцсссск.
— Это далеко. Пойдемте лучше к тете.
— Теттть? А, чъррт!
— Да-да. Пойдем.
— Ладддн. Знаешшшь, что я сделлл?
— Подчините ее своей воле?
— Имъннн. Мы пъженьсссь. Ты где жънилсссь?
— В регистратуре.
— Быстрр?
— Да.
— Годитсссь. Пикнет — в ры-ло. Иди, плати.
— Платить?
— Д-дъ.
— Так вы угощаете!
— С ччь ты взъл?
— Я — муж Рози Бэнкс.
— Нньзна, — сказал Керк Роквей. — Сам пзвал, сам плти. А то дъм в ры-ло.
Выбора не было. Застонав, Бинго нащупал в кармане купюру и дрожащей рукой протянул ее официанту.

Тетя жила в Кенсингтоне. Они взяли такси. Керк вносил оживление в поездку, испуская вопли, запомнившиеся со школьных времен. Последний он завершил, звоня в дверь.

Открыл им Уилберфорс, дворецкий. Керк похлопал его по манишке.

— Веди к вождю! — сказал он.

— Сэр?

— Ну, к этой, к хозяйке. Есть разговор.

— Миссис Бинсток в отъезде. Не могли бы вы удалиться, сэр?

— Еще чего! — взревел Керк, стуча по манишке, словно дятел. — Сговорились! Затаились! Ничего, я найду на вас управу!

Тут он замолчал, не потому, что завершил мысль, а потому, что упал с крыльца. Глядя из прихожей, Бинго подметил, что он дважды перевернулся, но ручаться не мог бы, от волнения.

— Тети нет? — спросил он, когда дворецкий закрыл парадную дверь.

— Нет, сэр. Вернется завтра.

— Что ж вы ему не сказали?

— Он выпил, мистер Ричард. Если не трудно, взгляните на него.

Намекал он на то, что Керк Роквей мерно бьет молотком в дверь, одновременно выкликая, что любимую женщину похитила шайка Мортимера Фризби. Внезапно звуки оборвались, и, выглянув в окошко, Бинго увидел, что нежный певец из Сан-Франциско беседует с полисменом. Слов он не уловил, но они были горьки, ибо Керк достаточно скоро ответил на них ударом в нос. Тогда длань закона схватила его и увлекла во тьму.

Наутро судья отнесся к делу серьезно. Волна беззаконий захлестнула Лондон, сказал он, и те, кто подливает масла в огонь, избивая полисменов, получат по заслугам.

— Две недели, — добавил он, переходя к самой сути; и Бинго в полном отчаянии вышел на улицу.

Через две недели, думал он, конкурс кончится. Будущее темно. Когда-то он слышал стишок: «Окутал душу мрак темнее адских недр», и теперь поражался его точности. Поистине, лучше не скажешь.

Один луч слабо мерцал во мраке — сегодня приедет тетя, а иногда, если к ней хорошо подойти, она что-то дает. Шанс невелик, Чарли Пиклет определил бы его «100 к 8», но все-таки, все-таки… Бинго побежал к ее дому.

— Доброе утро, Уилберфорс.

— Доброе утро, мистер Ричард.

— Однако удружили вы мне!

— Не будем об этом говорить.

— Ладно, не будем. Тетя дома?

— Мет, сэр. Они пошли что-то купить.

— Они? — удивился Бинго, полагавший, что при всей ее толщине тетя все же не тянет на pluralis.[78]

— Madame и сэр Геркулес, мистер Ричард.

— Какой еще Геркулес?

— Супруг madame, сэр. Сэр Геркулес Фолиот-Фолджем.

— У-о!

— Да, сэр. Насколько я понял, они плыли на одном пароходе. Свадьба состоялась в Неаполе.

— Вот это да! Чего только не бывает…

— Совершенно верно, сэр.

— Нет, это надо же! А какой он?

— Лысый, сэр, томатного цвета, очень солидный. Бинго вздрогнул.

— Солидный?

— Да, сэр.

— В какой степени?

— Если пожелаете, сэр, взгляните на фотографию. Она в будуаре у madame.

— Пошли, — сказал Бинго.

Через минуту-другую он покачнулся и вскрикнул, зачарованно созерцая изображение человека, абсолютно похожего на воздушный шар. По сравнению с ним, думал он, старый Керк — просто пухленький. Вообще-то тете стоило посоветоваться с юристом, а то еще сочтут, что она вышла сразу за троих.

Восторженный вздох вырвался из его груди.

— Спасен! — прошептал он. — Спасен…

— Сэр?

— Ничего, это я так. Фото я на время возьму.

— Madame огорчится, заметив его отсутствие.

— Скажите, к вечеру верну. Надо показать в клубе.

Да, думал он, можно дать Пуффи… ну, 20 %. А можно и поторговаться.

МОЙ МАЛЫШ

Трутни спорили о том, имел ли Бинго нравственное право притащить своего младенца в клуб и поить его молоком прямо в курилке. Трутень с темными кругами под моноклем и под невооруженным глазом полагал, что после тяжелой ночи такие зрелища опасны. Другой, помилосердней, возразил, что Литтлу-сыну все равно придется когда-то вступать в клуб, и лучше его подготовить. Третий считал, что надо предупреждать заранее, ручаясь при этом за сохранность шляп, пальто и зонтиков.

— Очень уж у него подозрительный вид, — пояснил он. — Что называется, преступная внешность. Вылитый Эдвард Робинсон.[79]

Четвертый Трутень, всегда все знавший, сумел пролить свет на эту тайну.

— Да, — сказал он, — Алджернон Обри — не подарок, но Бинго уверяет, что он совершенно безопасен. Визит в наш клуб — знак благодарности. Если бы не этот младенец, еще одна семейная драма буквально потрясла бы мир.

Когда брак Бинго Литтла с Рози М. Бэнкс был благословлен потомством и Алджернон Обри появился на лондонской сцене, отец его (сказал Трутень) откликнулся так, как откликнулись бы и вы. Знакомясь с младенцем, он произнес: «Ой» — и долго не мог прийти в себя.

Отеческая любовь продержалась лишь потому, что у Бинго было изображение его самого в том же возрасте, и выглядел он примерно, как разбитое яйцо. Отсюда он вывел, что и такой ребенок может постепенно превратиться в изящного бульвардье с тонкими чертами лица.

Тем не менее, обнаружив, что в очередных бегах участвует лошадь по кличке Страшила, он с горя поставил на нее десять фунтов. Склонный к суеверию, он подумал, не для того ли послан в мир этот младенец.

Лошадь проиграла. Десятка, брошенная к ее копытам, была последней, а это означало, что надо месяц обходиться без коктейлей, сигарет и всех тех излишеств, которые тонкой натуре важнее, чем хлеб насущный.

Просить у жены не стоило. Уезжая на курорт, где мать принимала морские ванны, Рози недвусмысленно приказала на бегах не играть. Значит, деньги следовало добыть из другого источника. Как всегда в таких случаях, мысли злосчастного мужа обратились к Пуффи Просеру. Тот был прижимист, но с недавних пор как-то подобрел. Заглянув в ту комнату, где

трутни писали письма, Бинго увидел, что домашний миллионер слагает стихи. Во всяком случае, он спросил, что рифмуется со словами «синие глаза», и поговорил о радостях семейной жизни.

Отсюда Бинго вывел, что его настигла любовь, а влюбленные добры. Он смело пошел к нему, на Парк Лейн, и встретил его у самого дома.

— Привет! — сказал он. — Пип-пип! Ты не смог бы…

Опыт единственного Трутня, обладавшего деньгами, наделил Пуффи шестым чувством. Можно предположить, что он обрел дар провидения. Не дожидаясь конца фразы, он отскочил, словно антилопа, почуявшая тигра, а там — помахал рукою из такси.

Услышав, что несчастный богач сказал шоферу: «В Савой», Бинго пошел туда же и застал там Пуффи с барышней. Она оказалась знакомой, что дало возможность подсесть к их столику.

Сперва Бинго не заметил, но позже — ощутил, что Пуффи обошелся бы и без него. Царила, скажем так, напряженность. Нет, сам он болтал, и девица болтала, а вот Пуффи был какой-то скованный, рассеянный, мрачный. Он ерзал на стуле и барабанил пальцами по столу.

После кофе девица сообщила, что спешит на вокзал, поскольку едет к кому-то в Кент, а Пуффи повеселел, заметив при этом, что охотно ее проводит. Но Бинго не бросил его; и, когда поезд ушел, сказал ему:

— Вот что, Пуффи! Ты мне не поможешь…

Еще не окончив этой речи, он заметил, что у миллионера нехорошо блестят глаза.

— Тебе? — спросил тот. — Интересно, чем? Что тебе надо, мой пластырь? Чего ты хочешь, пиявка?

— Десятку не дашь?

— Нет.

— Ты бы меня спас!

— Именно. А я тебя спасать не хочу. В виде трупа ты мне нравишься больше. Ах, как бы я на нем поплясал!

Бинго удивился.

— Поплясал?

— Да.

У Бинго тоже была гордость.

— Ну, что ж, — заметил он. — Тогда — пип-пип. Пуффи кликнул такси, и Бинго вернулся к себе в Уимблдон.

Вскоре его позвали к телефону. Звонил все тот же Пуффи.

— Помнишь, — осведомился тот, — я говорил, что поплясал бы на твоем трупе?

— Помню.

— Так вот, я подумал…

Бинго понял все. Лучшая, высшая часть души снова одержала победу, миллионера терзает совесть. Он собрался сказать: «Да ладно, ладно!», когда услышал:

— …и решил, что надо прибавить: «В альпийских ботинках». Пока.

Мрачный, сломленный человек повесил трубку и пошел пить чай, но тот обратился в полынь, а булочки — в пепел. Когда он думал о том, не прибегнуть ли к крайнему средству, не попросить ли денег у жены, принесли вечернюю почту. Он вскрыл конверт. Оттуда выпали десять фунтов.

«Вкладываю 10 ф., — писала Рози, — чтобы ты открыл для Алджи счет. Представляешь, какая прелесть? Свой счет, своя Чековая книжечка…»

Если бы мускулистый мул лягнул Бинго в лоб, он страдал бы больше, но не намного. Письмо выпало из его рук. Проект ему не нравился. Он полагал, что деньги надо распределять по справедливости и уж ни в коем случае не давать их впечатлительному младенцу, запуская в его сознание капиталистические идеи. Дашь младенцу 10 ф., думал он, и мигом обретешь еще одного поборника отжившей системы.

Взгляды его были так тверды, что он прикинул, не написать ли жене: да, письмо пришло, но денег там нет; видимо, она не вложила. Но эту мысль он отверг, сообразив, что автор книг о нынешних девушках умнее, чем надо бы.

Управившись с чаем и булочками, он уложил сына в коляску и вывез погулять. Молодые отцы часто считают, что это унизительно, но Бинго к их числу не принадлежал. Мало того, он любил такие прогулки.

Однако на сей раз все портила та печаль, в которую его поверг вид младенца, тихо сосущего палец. Прежде он принимал без споров, что беседовать с ним нельзя. Посвистишь, почмокаешь, он — погукает, и на том спасибо. Теперь ему казалось, что их разделяет пропасть, через которую не перелетят никакие чмоканья.

Вот — он, без гроша в кармане, вот — богатый младенец. Если бы тот хоть что-то кумекал, можно было бы у него занять. Просто замороженный вклад какой-то. Вещь неприятная!

Погруженный в эти мысли, он не сразу заметил, что кто-то его окликает. Заметив же, взглянул — и увидел, что человек в котелке катит коляску с пренеприятнейшим младенцем.

— Здравствуйте, мистер Литтл, — сказал он, и Бинго понял, что это букмекер Чарли Пиклет, принимавший участие в недавних делах со Страшилой. До сих пор он видел его только на бегах, где (несомненно, из самых благородных побуждений) котелок заменяла белая панама, а потому — не сразу узнал.

— Здравствуйте, мистер Пиклет, — сказал Бинго. — Не знал, что вы живете в наших краях. Это ваш ребенок?

— Да, — отвечал букмекер, бросив взгляд на коляску и заморгав, словно рыцарь, который увидел дракона.

— Тюпу-тюпу, — заметил Бинго.

— В каком смысле? — спросил мистер Пиклет.

— Это я младенцу, — объяснил Бинго. — Очень миленький.

— Миленький?

— Ну, — сказал честный Бинго, — не Роберт Тейлор[80] или, допустим, Кэрол Ломбард,[81] но уж получше моего.

— По-луч-ше?!

— Конечно. Хотя бы похож на человека.

— Ничего подобного. Скорее уж, ваш похож.

— Мой?!

— В определенной мере.

— Господи, чушь какая!

— Чушь? — удивился Пиклет. — Ладно, заключим пари. Пять к одному, что моя Арабелла уродливей всех в Лондоне.

Бинго вздрогнул.

— Ставлю десятку!

— Идет. Где она?

Бинго на секунду заколебался, но тут же решил, что недооценивает сына.

— Вот, — сказал он, вынимая купюру и потрескивая ею в воздухе.

— Хорошо, — сказал Пиклет. — Вот — пятьдесят. Судить будет полицейский. Эй, констебль!

Большой, приятный полисмен приблизился к ним. Бинго признал, что лицо у него честное.

— Констебль, — обратился к нему Пиклет, — как по-вашему, какой ребенок страшнее?

Полисмен рассмотрел младенцев.

— Куда им до моего! — сказал он. — Вот это рожа так рожа. А мать считает, он красавец. Смех, да и только!

Молодые отцы ощутили, что он уклоняется от темы.

— Вы про наших скажите, — напомнил Пиклет.

— Ваш в соревнованиях не участвует, — прибавил Бинго. Полисмен посмотрел снова. Бинго заволновался — неужели сразу не ясно?

— М-да… — сказал судья.

— Дэ… — сказал все он же.

Бинго похолодел. Позже он говорил мне, что непременно выиграл бы, если б не стечение обстоятельств. Пока судья колебался, из-за облаков выглянуло солнце, и луч упал на Арабеллу. Та скривилась и тут же, без перерыва, стала пускать пузыри. Полисмен схватил ее за руку.

— По-бе-да! — крикнул он, поднимая вверх ее кулачок. — А вообще-то вы б на моего посмотрели.

Булочки, обратившиеся в пепел, и в подметки не годились котлетам, поданным на обед. Выйдя из комы, Бинго напряженно думал, как бы тут выкрутиться.

Он и Рози очень любили друг друга, но самая сильная любовь едва ли устоит перед таким открытием. Откуда не взгляни, выходило, что молодой отец поступил ужасно. В самом лучшем случае молодая мать скажет: «Как ты мог?!», а опыт семейной жизни учит, что слов этих надо избегать.

Бинго набрасывал на конверте «Украли», гадая, насколько это правдоподобно, и «Ветер унес», когда услышал звонок, а там — и голос жены.

— Алло!

— Алло, — отвечал он.

— Здравствуй, дорогой!

— Здравствуй, душенька!

— Здравствуй, котик!

— Здравствуй, мой ангел!

— Ты слушаешь?

— Да, да, да.

— Как Алджи?

— О, прекрасно!

— Такой же хорошенький?

— Д…да…

— Письмо получил?

— Да.

— А деньги?

— Да.

— Правда, я хорошо придумала?

— Да.

— Наверное, в банк ты не успел?

— Нет.

— Пойди с утра, до вокзала.

— Вокзала?

— Я завтра приезжаю. Мама наглоталась воды, хочет перебраться в Пистени, на грязи.

В любой другой момент эта весть возвеселила бы его, но сейчас не произвела впечатления. Думал он лишь о том, что завтра приедет Рози.

— Поезд около двенадцати.

— Хорошо, хорошо.

— Пусть Алджи тоже меня встретит!

— Ладно, ладно.

— Да, забыла! Открой средний ящик стола.

— Средний ящик…

— Там корректура для «Женских чудес». Выправь ее и пошли сегодня же. Называется «Нежные ручонки». Ну, я пошла. Мама еще кашляет. До свиданья, лапочка.

— До свиданья, кроличек.

— До свиданья, пупсик.

— До свиданья, зайчик.

Бинго повесил трубку и пошел в кабинет жены. Он страдал. Казалось бы, чего лучше — теща наглоталась и кашляет, но нет, радости не было. Вспоминая доверчивый и приветливый голос, он сопоставлял его с тем металлическим голосом, каким жена произнесет сакраментальную фразу. Страдая, он правил гранки.

Не знаю, знакомы ли вы с творчеством Рози М. Бэнкс. Критики порой упрекают ее в сентиментальности. Где-где, а в рождественском рассказе свойство это проявилось вполне. Миссис Литтл не поскупилась на снег и омелу, снегирей и поющих крестьян. Бинго рассказал мне эти «Ручонки» во всех ужасных подробностях, но я ограничусь главным. Крестный выгнал крестницу, которая полюбила художника, однако под Рождество она пришла к нему с младенцем. Представьте себе финал. Вот он сидит в библиотеке, обитой дубовыми панелями, одной рукой держит ребенка, другою — выписывает чек…

Сцена эта потрясла Бинго. Он вспомнил, что Пуффи Проссер — крестный его сына. Если нежные ручонки раскололи сэра Эйлмера Молверера, прославленного своей черствостью, почему бы им не расколоть

несчастного богача?

Да, конечно, в середине июня нет ни снега, ни снегирей. Да, Пуффи предупреждал еще на крестинах, что больше серебряной чашечки из него не выжать. И все-таки Бинго, засыпая, думал о том, что если ребенок не подкачает, можно попросить и сотню.

Наутро, как бывает всегда, он одумался и решил ограничиться двадцатью фунтами. А что, вполне достаточно! Десять — ей, десять — ему. Словом, звоня в дверь, он был вполне спокоен. Его могло бы взволновать то, что юный Алджи походит на бандита, которым погнушался даже Каторжный клуб, но инцидент с констеблем показал, что таковы все младенцы, включая и героя «Ручонок». Миссис Бинго, в сущности, описала только розовые пальчики, а их у А.О. хватало. В общем, Бинго был весел, когда лакей Пуффи, Коркер, открыл ему дверь.

— Привет, — сказал он. — Хозяин дома?

Коркер ответил не сразу, попятившись от младенца, но, как образцовый лакей, сдержал себя.

— Да, сэр, — сообщил он. — Еще не встал. Поздно вернулся.

Бинго понимающе кивнул.

— Молодость, молодость! — заметил он.

— Э?

— Да, сэр.

— Веселое время…

— По-видимому, сэр.

— Так я зайду?

— Прошу вас, сэр. Его взять?

— А? Нет-нет! Это — крестник мистера Проссера. Пусть повидаются.

— Да, сэр?

— Знаете, не виделись с крестин.

— Вот как, сэр?

— Ну, пошли.

— Мистер Проссер в гостиной, сэр.

— В гостиной? Я думал, в спальне.

— Нет, сэр. Он в камине, сэр.

Действительно, Пуффи лежал в камине, хотя и не целиком. Одет он был с иголочки, прямо для бала, если бы галстук не заменяла голубая лента именно того рода, какой изящные девицы подвязывают волосы. В руке он держал воздушный шарик, на манишке алела надпись: «Тра-ля-ля!» Словом, беспокоить его не стоило, и Бинго задумался.

Однако, взглянув на часы, он понял, что выбора нет. Времени оставалось в обрез.

— Коркер, — сказал он, — через десять минут мне надо быть на вокзале. Пуффи будить опасно, пускай выспится. Я оставлю младенца тут, на ковре. Сами познакомятся.

— Превосходно, сэр.

— Конечно, хозяин сразу вызовет вас. Тогда скажите: «Это ваш крестник, сэр». Или: «Крестничичёчечек, сэр». Выговорите?

— Нет, сэр.

— Так я и думал. В общем, ясно? Хорошо. Пока.

Поезд и Бинго прибыли одновременно, а через минуту появились и Рози с матерью. Старушенция еще толком не вылезла из вагона, когда дочь, бросив ее, кинулась к мужу.

— Кроличек!

— Зайчик!

— Как давно я тебя не видела! Где Алджи?

— У Пуффи Проссера. Заскочили по дороге, а тот в него вцепился. Все-таки, крестный отец… Заберем на обратном пути.

— Забери ты. Я отвезу маму, ей нехорошо.

— Да, — согласился Бинго, — вид поганый. На грязи, и как можно скорей! Жду у Пуффи.

— Где он живет?

— Парк Лейн, 62.

— Я скоро приеду. Да, дорогой, ты деньги положил?

— А, черт! — вскричал Бинго. — Забыл, спешил к тебе. Возьмем Алджи — и положим.

Смело сказано, но на Парк Лейн, у дома, он все-таки заволновался. Кто его знает, этого Пуффи! А вдруг не даст? В конце концов сэр Эйлмер Молверер — поджарый, здоровый дядька, по-видимому — не с перепоя.

Поэтому он беспокоился, спрашивая Коркера:

— Все в порядке?

— И да, и нет, сэр.

— То есть как? Хозяин звонил?

— Нет, сэр.

— Почему же он не звонил?

— Он кричал, сэр.

— Кричал?

— Да, сэр. Издал пронзительный крик, свидетельствующий об испуге.

Примерно так кричал он после Нового года, когда подумал — ошибочно, сэр, — что видит розового слона.

Бинго нахмурился.

— Мне это не нравится.

— Точно то же самое сказал мистер Проссер, сэр.

— Крестные не кричат при виде крестников. Пойду, посмотрю, в чем дело.

Он пошел — и остановился в изумлении. Алджернон Обри сидел на ковре, пытаясь проглотить шарик. Пуффи смотрел на него выпученными глазами. Бинго, человек сметливый, заметил какую-то напряженность и решил, что тактичней о ней не говорить.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — отвечал Пуффи.

— Какое утро!

— Да, погода — будь здоров.

Поболтав о европейской политике, они замолчали. Потом Пуффи спросил:

— Бинго, ты, часом, не видишь ничего на полу?

— Это ребенка, что ли? Пуффи протяжно вздохнул:

— Ре-бен-ка? Он тут есть?

— Конечно, — отвечал Бинго. — Тю-рю-рю, — прибавил он, втягивая сына в беседу. — Папа пришел.

— Папа?

— Папа.

— Это твой?

— Мой.

— Что он тут делает?

— Да так, зашел.

— Что ж он сразу не сказал?! Я чуть не спятил от страха.

— Ты его не поцелуешь? Пуффи дернулся.

— Не шути так, — попросил он и прибавил, глядя на крестника с большой дистанции. — А я еще думал жениться!

— И правильно, — одобрил Бинго. — Жениться очень хорошо.

— До определенной меры, — сказал Пуффи. — Ты подумай, какой риск!

— А что такое?

— То есть как — что?! — проговорил Пуффи тихим, дрожащим голосом. — Как — что? Да если бы не ты, это могло быть у меня! Честное слово, я собирался сделать ей предложение. Слава Богу, ты помешал.[82] —

Он испустил глубокий вздох. — Бинго, старик, ты вроде просил пятерку?

— Десятку.

Пуффи покачал головой.

— Этого мало. Пятьдесят, а?

— Пятьдесят?

— Ты не против?

— Нет-нет, что ты!

— Хорошо, — сказал Пуффи.

— Замечательно, — сказал Бинго.

— Простите, сэр, — сказал Коркер, появляясь в дверях, швейцар сообщил, что миссис Литтл ждет вас у входа.

— Скажите, я сейчас, — отвечал Бинго.

ГРОЗА МИНОВАЛА

Хрустящий рогалик, словно мусор, пролетел мимо Трутня, угощавшего пожилого родича, и ударился об стену. Заметив, что гость поднялся в воздух на восемнадцать дюймов, Трутень попросил его не беспокоиться.

— Знак внимания, — объяснил он. — Мне, конечно. Откуда оно летело?

— Кажется, от того столика.

Трутень посмотрел на столик, где сидели два других трутня.

— Высокий, в очках, исключается, — сказал он. — Это Хорес Давенпорт, наш чемпион по дротикам. Если б он метил, он бы попал. Значит, Бинго Литтл. Еще сыру?

— Нет, спасибо.

— Тогда пойдем, выпьем кофе?

— Да, все ж безопасней.

— Не сердись на Бинго, — сказал Трутень, когда они уселись. — До недавней поры над ним бушевала гроза. Дом его мог рухнуть. Гроза миновала, он не совсем в себе. Под грозой я разумею няню.

— У него есть дети?

— Есть, сын. Бинго женился на Рози М. Бэнкс, знаменитой писательнице, — и вот, пожалуйста! Конечно, в основном трудилась она, но ты меня понимаешь. Ребенку нужна няня. Они ее пригласили.

— А что же тут страшного?

— То, что когда-то она пестовала Бинго. Жена его, как многие писательницы, необычайно чувствительна. Когда ее фотография в газете с подписью «Рози М. Бэнкс (миссис Ричард Литтл)» приманила няню Сару, пожелавшую узнать, не тот ли это мистер Ричард, она (Рози) убедила ее (няню) выйти из затвора и положить руку на плуг.

— Твоему другу это не понравилось?

— Еще бы!

Когда Бинго вернулся со службы (сказал Трутень), он узнал печальную новость. Сару Байлс он запомнил великаншей с повадками пиратского шкипера, а потому испугался за сына.

— Царица моей души, — сказал он жене, — ну за что же это, а? Когда я служил под ее знаменами, самые кроткие дети тряслись при имени «Сара».

— Мой дорогой, — возразила Рози, — она просто прелесть. Такая трогательная!

— Что ж, дело твое, — откликнулся Бинго. — Может, выдохлась… Бывает, бывает.

Однако он заглянул к сыну, дал ему шоколадку и пожал руку, словно мягкосердечный менеджер, посылающий новичка на бой с чемпионом.

Представим, как он удивился, когда пришла няня. Она заметно сжалась, глаза ее лишились стального блеска, облик стал куда мягче, манера — сдержанней. Словом, когда она обняла его и спросила, как животик, он тоже ее обнял, сообщив, что животик — в порядке.

Жена его спелась с няней, будто обе они входили в любительский квартет. Бинго благосклонно на них глядел. Что же до Алджернона Обри, он искренне к ней привязался. День-другой царили мир и согласие.

Повторяю: день-другой. На закате третьего дня, читая в гостиной детектив, Бинго услышал, что Рози засмеялась над пасьянсом. Посмеяться он любил и осведомился, в чем дело.

— Так, вспомнила, — сказала она. — Когда мы купали Алджи, няня… ну, рассказала одну историю.

— Неприличную? — спросил Бинго. — Ты не можешь повторить?

— Нет-нет. Как ты приколол куклу к дядиным фалдам, когда он шел во французское посольство.

Бинго заморгал. Он помнил и этот эпизод, и следующий, в котором, кроме них с дядей, участвовала подошва домашней туфли. Физически боль прошла, и все же было бы лучше не ворошить прошлого.

— Ха-ха, — сумрачно сказал он. — Смотри-ка, помнит!

— У нее замечательная память, — признала жена.

Бинго вернулся к детективу, Рози положила десятку пик на валета червей. Казалось бы, все. Но приключения инспектора Кина, искавшего убийцу сэра Ролло Мергатройда, как-то утратили свою прелесть. До сих пор союз с няней вроде бы угрожал ее новому питомцу; счастливый отец и не думал, что сам он — в опасности. Детство его изобиловало прискорбными эпизодами. Неужели няня выступит в жанре «Как сейчас помню»?

Словом, он боялся, и на следующий же день опасения его оправдались. Когда он брал вторую порцию омлета, жена заметила:

— Дорогой, может быть — не надо?

— Э? — сказал Бинго.

— Желудок, — объяснила жена. Бинго удивился.

— Какой желудок? Вроде не жалуюсь. Спроси наших трутней, все удивляются.

— А помнишь, что было на Рождество, у Вилкинсонов? Бинго густо покраснел.

— Она тебе рассказала?

— Конечно. Она говорит, ты всегда объедался. Она говорит, ты ел, и ел, и ел. Выйдешь ненадолго — и опять…

Дня через два стало еще хуже. Вернувшись со службы, Бинго заметил, что жена немного суховата.

— Скажи, — спросила она, — ты знаешь такую Валерию Твистлтон?

— Конечно. Мартышкина сестра, выходит за Хореса Давенпорта.[83]

— Да? — Рози стала помягче. — Вы с ней часто видитесь?

— Нет, не особенно. А что?

— Няня говорит, ты от нее не отходил. Она говорит, тогда, на Рождество, ты целовал ее под омелой. Она говорит, ты вообще всех целовал.

Бинго покачнулся.

— Она меня с кем-то спутала, — хрипло выговорил он. — Я славился своей воздержанностью. По-моему, эта няня выживает из ума. Опасно доверять ей ребенка.

— Ты предпочитаешь молодых нянь?

Кто-кто, а Бинго — не дурак.

— Нет, — отвечал он, — разумных. Разумных женщин среднего возраста. Твоей няне лет сто с лишним.

— Пятьдесят!

— Это она говорит, ты больше слушай.

— Как хочешь, я ею довольна.

— Дело твое. Только не вини меня, когда будет поздно.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю, — ответил Бинго. — Что угодно.

Как ни печально, в семье и без всяких нянь назревал серьезный кризис.

Каждый месяц, первого числа, Бинго получал жалованье и, несмотря на пожелания жены, часто ставил его на многообещающую лошадь; а лошади эти, как известно, склонны отвлекаться от дела, чтобы поесть маргариток. Случилось это и теперь. Доверие к Сарсапарилле лишило его всех денег, мало того — прибавило десять фунтов долга.

Бинго испробовал все, даже просил аванс у издателя, но тот сурово

заметил, что авансов не дает. Все шло к тому, чтобы взять денег у жены, а это означало, что упреки кончатся к вечеру их золотой свадьбы, и никак не раньше.

Пытался он использовать и состязания в клубе, но вытянул пустой номер. Все было бы хорошо, если бы нужный билетик не перехватил Пуффи Проссер. Только он сунул руку в шляпу — хвать, Пуффи! Оказалось, что тому выпал Хорес Давенпорт, абсолютный чемпион. Ну скажите, зачем такому богачу еще денег? Чистое преступление.

Как ни странно, так думал и Пуффи. Накануне состязаний тот подошел к нему, явно о чем-то размышляя. Вообще, определить нелегко, прыщи мешают, но вроде бы — размышлял.

— Привет, Бинго, — сказал Пуффи.

— Привет, Пуффи, — сказал Бинго.

— Ты смотри, — продолжал Пуффи, — как сложна жизнь. Не замечал?

Бинго согласился, что жизнь — это не фунт изюма, а Пуффи развил мысль, заметив, что все идет вкривь и вкось.

— Совершенно вкось, — сказал Пуффи. — Вот возьмем эти дротики. Сколько бы дал бедный человек за Хореса Давенпорта! А кто его вытянул? Я. Хорес выиграет, я получу 33 фунта 10 шиллингов. Что мне 33 фунта? Лучше я не буду говорить, сколько получаю в год, тебе станет плохо. Где же правда? Где справедливость? Их нет. Билетик я кому-нибудь отдам. Может, тебе?

Бинго подпрыгнул, как форель в брачную пору, и Пуффи сказал, что подумает.

— А это тебя не унизит? — проверил он.

— Ничего, ничего, — ответил Бинго. Пуффи подумал еще.

— Нет, — заключил он. — Я не могу так унижать друга. Лучше ты мне заплати. Отдам по номиналу, за пятерку.

Бинго взвыл. У него было 4 шиллинга и 6 пенсов, еле-еле перекусить. Тут ему пришла мысль.

— Подождешь часика два?

— Конечно. Я здесь буду до четверти второго.

Мысль была такая: дома лежат запонки с алмазиками, последний подарок жены. Пять фунтов дадут в любом ломбарде. Риска нет. В конце концов получит-то он 33 фунта 10 шиллингов!

До Уимблдон Коммон далеко, но он обернулся и был в клубе к десяти минутам второго. Пуффи не ушел. В ломбарде дали 8 фунтов 10 шиллингов, так что Бинго пошел в «Савой» поразмяться. Есть минуты,

когда просто нельзя перекусывать за 4 шиллинга 6 пенсов.

Потом он вернулся на службу и сел за статью «Что умелые ручонки могут сделать для няни», думая о том, что он лично взял бы ее за шкирку и выкинул на улицу. Тут раздался звонок. Жена сообщала, что задержится на ночь у матери.

Заверив ее, что будет страшно скучать, Бинго готов был попрощаться, но прекрасная Рози вскрикнула:

— Ах, чуть не забыла! Тут мы крутимся с мамой, все из головы вылетает. Украли твои запонки.

Бинго рассказывал мне, что увидел, глазами увидел, как шеф за стеклянной дверью танцует танец живота. Галлюцинации, конечно, но как их не понять! Ответил он не сразу, сердце зацепилось за гланды.

— Запонки? Какая чушь!

— Няня у тебя убирала, а их нет.

— Твоя няня, — отвечал пришедший в себя Бинго, — не заметит барабана в телефонной будке. Ты знаешь мое мнение о ее разуме.

— Значит, полицию не вызывать?

— Конечно, нет. У них дел хватает.

— Няня говорит, они походят по ломбардам.

— Вот именно. А за это время произойдет пятьдесят убийств. Ах, если бы у этих нянь были хоть зачатки гражданского долга! Не беспокойся ты о запонках, они… прости, забыл. Вспомню — позвоню. Пип-пип. — И Бинго повесил трубку.

Повесив ее, он кинулся в клуб, конечно, выпить. При всей своей выдержке чувствовал он примерно то, что чувствовала Элиза на льдинах, когда услышала собачий лай.

Однако, выпив, он преобразился. Разум подсказал, что утром — состязания, в кармане — билетик с именем Хореса, а следует из этого, что запонки будут на месте до возвращения жены.

Не успел он все это подумать, как появился Хорес, бледный, печальный, вроде мертвой рыбы.

— Что с тобой? — всполошился он, поскольку перед турниром намного надежней румяный Хорес со сверкающими глазами.

— Ты знаешь Валерию Твистлтон? — осведомился страдалец.

— Конечно!

— Ты знаешь, что она выходит за меня замуж?

— Еще бы!

— Вот и ошибся. Не выходит.

— То есть как?

— А так. Она любит другого.
— Что ты порешь?!
— Сперва послушай. Мы поругались из-за сущей чепухи. Придралась к случаю.
Добрый Бинго опечалился, но о главном не забыл.
— Нехорошо, — признал он. — Ну, старик, держись, а то завтра промажешь.
— Завтра?
— Да, на состязаниях.
— А, это? Я играть не буду.
Бинго взвыл, как волк, ударивший лапу о камень.
— Не будешь?!
— Вот и Пуффи так кричал, таким самым голосом. Что вы все удивляетесь? Разве я могу метать какие-то дротики?
Бинго ответил ему, и. с таким пылом, что разбудил его высшее, лучшее «я».
— Мдэ, — сказал Хорес. — Не знал, что он сплавил тебе билетик. Ладно, ради тебя — пойду, но что с того? Какие дротики, когда сердце разбито? Да я из-за одних слез ничего не увижу!
Расставшись с ним, Бинго сжал голову руками. Он думал. Он вспоминал те времена, когда несколько недель мазал из-за этой… как бишь ее? Ладно, главное — помирить их. Если Валерия обратит к Хоресу любящий взгляд, все встанет на места, заветный билетик принесет 33 фунта.
Конечно, никаких «других» она не любит, это полная чушь. Видимо, обычная размолвка, дело житейское. Надо ей позвонить и пригласить в ресторан.
Он побежал к будке, позвонил и договорился.
— Ну, порядок! — подытожил он. — Значит, старушка, в четверть двенадцатого. У Марио.

Так, хорошо — но все ли это? У няни, как у ночи — по меньшей мере тысяча глаз. Как от нее увернуться? Если она расскажет Рози, что он ушел на ночь глядя, вряд ли поможет ответ: «А, ходил в ресторан с Валерией!»
Он подумал — и придумал. Вернувшись домой, он попросил горничную послать няню к нему, а сам залег на тахте.
— Няня, — тихо выговорил он, — я не пойду в детскую… Как-то меня знобит, как-то покачивает. Не дай Бог, заразится! Скажите ему, а я лучше лягу.

Конечно, треклятая няня хотела вызвать хозяйку и врача, но он ее одолел, на том условии, что она принесет ему грелку и кашку. Она принесла их; и он попросил не беспокоить его до утра.

Потом все пошло гладко. В 10.30 он встал, спустился по трубе, схватил такси — и ровно в 11.15 входил к Марио. Через несколько минут явилась и Валерия в ослепительном платье из какой-то мягкой ткани.

С тех пор как Бинго целовал ее под омелой, многое изменилось. Их связывала чистая, спокойная дружба, которая нередко сменяет кипение страстей. Он был ей как старший брат; и, по-братски убедив, что шампанское вредно для здоровья, перешел прямо к делу.

— Встретил сегодня твоего повелителя, — сообщил он. — Выпьем за него.

Бинго не мог бы заказать устриц, но если бы мог, подумал бы, что Валерии попалась плохая.

— Повелителя? — с чувством сказала она. — Выпьем? Ну, знаешь! Если это чучело наступит на банановую шкурку, буду очень рада.

— А что случилось? — спросил Бинго. — То-то он не в себе. Валерия легко скрипнула зубами.

— Что случилось? А вот что. Сидим в гостиной, болтаем, и я прошу: «Ты не ляжешь на пол? Сирил хочет вылизать кому-нибудь нос». — «Нет, — говорит, — не лягу». То есть как? А так. Не лягу, и все. Конечно, я вернула ему кольцо и письма.

— Ай-я-я-яй! — заметил Бинго.

— Что ты хочешь сказать?

— То.

— Разве я не права? Ты пойми, в *этическом* смысле… Бинго вошел в роль старшего брата.

— Надо, — сказал он, — взглянуть и с другой точки зрения. Хорес — тонкая душа. Мало того, он горд. Может ли тонкий и гордый человек пресмыкаться перед спаниелями? Нет, не может.

Если бы Валерия была не так красива, мы бы решили, что она хрюкнула.

— Да? — спросила она. — Что я, по-твоему, дура? Он просто придрался к слову, воспользовался случаем. Все ясно, он любит другую, только ждал предлога. И пожалуйста, не скалься, как пучеглазая гиена.

Бинго объяснил, что его позабавило занятное совпадение: Хорес обвиняет в том же самом ее. Валерия удивилась.

— Он с ума сошел! Да я никогда никого не полюблю! Я — человек верный, отдала сердце — и все. Это он мотылек, прости, Господи. Или

Казанова.
— Мотылек?
— Да.
— Тогда объясни, почему он похож на труп из Эдгара По?
— Похож?
— Еще как! Или на прокаженного. Или, если хочешь, на чахоточного в последней стадии.
Бинго приостановился и проверил эффект. Губы у Валерии дрожали. Курица упала с вилки.
— Ой, идиот! — сказала она. — Ой, бедный! Бинго понял, что самое время ковать железо.
— Значит, простишь его?
— Конечно.
— Помиришься?
— Да!
— Очень хорошо. Тогда пойду, позвоню. Он вскочил, но она его остановила.
— Не надо.
— То есть как — не надо?
— Так. Пусть помучается.
— Да завтра турнир!
— Какой еще турнир?
— Ежегодный. Дротики. Хорес промажет.
— Ну и что?
Бинго набрал воздуха, чтобы ей все объяснить, но тут от дверей донесся громкий, властный голос:
— Глупости, молодой человек! Вон мистер Ричард. Он остыл, я ему шарфик привезла.
В дверях стояла няня, держа мохнатый шарф и неприязненно глядя на лакея.
Может быть, вы видели пьесу про Макбета? Этот Макбет убил такого Банко, а потом позвал гостей. Смотрит — а Банко тут как тут, при всем параде, только в крови. Положеньице, а?
Так вот, далеко Макбету до Бинго! Тому показалось, что он зачем-то присел на электрический стул, а кто-то, шутки ради, возьми и включи ток. Как она выследила его? Чутьем, не иначе.
Прямо за ним была дверь, откуда появлялись лакеи. Сунув Валерии два фунта, он нырнул в нее, словно лебедь, а там, еще за полкроны, узнал у любезного туземца, где выход на улицу.

Через пять минут он был в такси, через сорок — лез по трубе, еще через десять, в пижаме, безуспешно звонил Хоре-су. Звонил он долго, не дозвонился и лег.

Спал он плохо, его терзали страхи. Посудите сами — если он не перехватит Хореса, вся работа насмарку! Хорошо, дня через два Хорес будет хлопать всех по спине и утешать на радостях, но ему-то что? О, если бы он успел убедить Валерию! О, если бы эта чертова няня задержалась на четверть часа! Бинго был истинный рыцарь, в жизни не обидел бы женщину, но будь у него нож и кипящее масло, он бы знал, что делать с няней.

А так — главное, не проспать, позвонить с утра. С этой мыслью он заснул.

Человек, знающий жизнь, как ты, мой читатель, не удивится, что он проспал. Повторилась та же история — звонишь, звонишь, звонишь, и все впустую. В клубе ответили, но сказали, что Хореса еще нет. Оставалось пойти туда.

Когда он, в полном унынии, подходил к курилке, оттуда вышли Чайник и Кошкин корм. Почему-то у него затеплилась надежда. Он схватил Чайника за рукав.

— Ну, как там?

— А, Бинго! — сказал Чайник. — Тебя-то мне и надо. Мы написали для твоего «Малыша» статью «Забытые коктейли».

Бинго рассеянно взял листки. Мнение таких экспертов очень ценно, но сейчас его мысли были далеки от служебных дел.

— Кто победил? — хрипло спросил он.

— Хорес, конечно, — отвечал Кошкин корм. — Какая игра! Беги, еще застанешь.

Бинго игры не застал. Хорес принимал поздравления, все теснились вокруг него, кроме Пуффи, который сидел в углу, очень бледный. Вообще-то не видно сквозь прыщи, но — бледный.

Увидев Бинго, Хорес направился к нему.

— Привет! — сказал он. — Я тебя ждал. Помнишь, я вчера мучился? Так вот, все в порядке. Помирились. У Марио.

— Ты там был?!

— Благодаря тебе. Вчера я хотел сказать еще два слова, а мне говорят, ты в будке. Подхожу — ты сговариваешься с Валерией!

— Я просто…

— Постой! Я закачался. Ладно, «любит другого», но не тебя же! Не моего лучшего друга, с которым мы делили последний леденец!

— Да я…

— Хорошо, подумал я, дам им полчасика — и нагряну. Так я и сделал. Смотрю — тебя нет, одна Валерия.

— Ты послушай, — не унялся Бинго. — Я же…

— Знаю. Все знаю. Не пойму, как ты ее пронял, но — пронял, свадьба — 23-го. Ладно, бегу. Я ей обещал сразу после турнира зайти к этому коккеру. Пусть лижет, черт с ним, мне не жалко! В конце концов надо творить добро. Пока! Домой не подбросить?

— Спасибо, — ответил Бинго. — Я немного задержусь. Домой он прибыл вовремя. Только он положил запонки на место, вошла Рози.

— Ты не в редакции? — спросила она.

— Вырвался, тебя повидать. Как мама?

— Ничего, — рассеянно отвечала жена. — Дорогой, я очень беспокоюсь!

— А что такое?

— Няня.

— Няня?

— Ты не помнишь за ней странностей?

— Странностей?

— Да. Где ты был вечером?

— Нигде. Лег пораньше.

— И не выходил?

— Куда?

— Ах, что я! Ну, конечно. А няня говорит, ты лез по трубе.

— По трубе?

— Да. И сел в такси.

Бинго серьезно присвистнул.

— Галлюцинации? Нехорошо. Нет, нехорошо.

— И сказал шоферу: «К Марио».

— Еще и слуховые? Ай-я-яй…

— Она поехала за тобой, повезла шарф. Долго ждала кэб, ее не пускали… В общем, она укусила официанта.

— Укусила? Так, так.

— Он ей не понравился. Вызвали полицию, увели ее в участок, она позвонила к маме. Я приехала, заплатила штраф. Возвращаться не стала, какие уж возвращения! Приехали мы, я смотрю, ты сладко спишь.

— Естественно.

Рози закусила нижнюю губу.

— Какая жалость…

— Старушка, — сказал Бинго, — может, ты и гений, но слова не нашла. При чем тут «жалость»? Это ужас. Да, и еще: помнишь тарарам с запонками? Я посмотрел — лежат.

— Лежат?

— Да. Дело твое, но я бы не доверял ребенка полоумной особе, которая алмаза не разглядит. Выгони ее. Сунь ей денег, подари книжку, пусть живет на покое.

— Кажется, ты прав…

— А то! Гони, пока она не приняла Алджи за розового бегемота. Еще застрелит. Ну, вот.

ТАЛИСМАН

На листе кандидатов в члены клуба стояло имя

Литгл, Алджернон Обри

и Трутни, собравшиеся перед ним, глядели на него с укором. В каждом клубе есть консервативное крыло, с трудом воспринимающее новшества.

— Так нельзя, — выразил их чувства некий Трутень и, обращаясь к входящему собрату, прибавил: — Как тебе это нравится?

— М-да, — сказал Трутень-2, — «Алджернон Обри», будто это взрослый родственник! Но факт остается фактом, это — его сын. Нам не нужны ничтожные младенцы, которые блюют и оглашают мяуканьем окрестности.

— Что за выражения? — вознегодовал еще один Трутень.

— Шекспир, — пояснил Т.-2.

— А Шекспир! Ясно. Да, — поддержал Трутень-3, — только младенцев нам не хватало.

Собрат (Трутень-4) стал серьезен.

— Этот пригодится, — сказал он. — Без него нам не обойтись. Недавние события показали, что Алджернон Обри — первоклассный талисман, и Бинго подумал, что клубу пригодятся его услуги. Узнав всю историю, я с ним согласился. Этот микроорганизм знает свое дело. В сущности, он — почти человек.

Слова его произвели немалое впечатление, хотя самый крайний консерватор был тверд.

— Хорошо, — сказал он, — но где предел? Какие у нас гарантии, что Бинго не предложит свою бывшую няню, или дядю, или владельца этой детской штуки, ну, Перкиса?

— Не знаю, как насчет няни или дяди, — сказал Четвертый Трутень, — а насчет Хенри Катберта Перкиса можете не беспокоиться. В данное время Бинго не питает к нему нежных чувств. Ему он обязан неслыханными испытаниями. Если бы не мастерство благословенного младенца, он бы не выбрался из компота, который сердито плескался у его колен. Разве такое простишь? Он прямо сказал мне, что наступи Хенри Катберт на банановую шкуру, он воспримет это как праведную кару.

— Что же Перкис сделал?

— Точнее, чего не сделал. Он не заплатил Бинго за рассказ, и в такой момент, когда гонорар спас бы несчастного от участи, которая хуже смерти, конкретно — от того, что любимая жена охнет и пробуравит его взглядом. Он уповал на Перкиса, а тот подкачал.

Вот (сказал Трутень) голые факты. Вероятно, все вы знаете, что года два назад Бинго женился на Рози М. Бэнкс, написавшей «Фабричную девушку», «Мервина Кина», «Однажды в мае» и другие стеариновые изделия, а в свое время на лондонской сцене появился их отпрыск. Казалось бы, все довольны, но такие происшествия дурно действуют на женщин. Однажды, за обедом, миссис Бинго подняла взор от бифштекса и сказала мужу:

— Кроличек! (именно так она обычно обращалась к нему). Ты не забыл, что двадцать третьего Алджи исполняется годик? Как бежит время!

— Стареем, стареем, — отвечал Бинго. — Серебряные нити в золотых, э? Надо подарить ему погремушку.

— Что ты! — вскричала жена. — Сказать, что я придумала?

— Говори, — согласился муж, обещавший не оставлять ее ни в здоровье, ни в болезни.

И миссис Бинго сказала, что они заведут для сына счет в местном банке. Десять фунтов положит она, десять фунтов — ее мать, десять — сестра по имени Изабел, а юный Алджи, когда он вырастет, умилится тому, что сделали для него родные и близкие. Бинго умилился сразу и, подстрекаемый отеческой любовью, обещал присовокупить и свою десятку.

Миссис Бинго реагировала на это восклицанием: «О, зайчик!», а также пылким поцелуем. Акт 1 закончился поистине трогательной сценой.

Десять фунтов у Бинго были, он взял у Перкиса аванс. Вы подумали, что, по здравом размышлении, он понял, как глупо отдавать последнее, — и ошибетесь. Умилившись еще больше, Бинго предположил, что для такого супермладенца не жалко и двадцати фунтов, и раздобыть их можно на бегах, если поставить на Картофеля. Дело в том, что накануне он обжег полость рта картофелем фри, достигшим 90 градусов, а во взаимоотношениях с лошадьми чрезвычайно суеверен. Словом, деньги он поставил и в должное время узнал, что у него нет ни гроша.

В такой ситуации другие повернулись бы лицом к стене, ожидая конца; другие — но не Бинго. Он сел и написал рассказ о маленькой

Гвендолен и ее котенке Тибби, предполагая напечатать его в «Малыше» и покрыть расходы.

Работа далась ему нелегко. Пока он не начал, он и не знал, сколько крови, пота и слез требуется от писателя, и благоговение перед супругой охватило его. Миссис Бинго делала 3000 слов в день, ухом не поведя, а он провозился с несчастным котенком (1500) целую неделю, и много раз был близок к безумию.

Однако он его кончил, аккуратно перепечатал, с интересом прочитал и прикинул, что на десять фунтов он потянет. Когда же настал выплатной день, а гонорара не было, он пошел к начальнику.

— Да, мистер Перкис! — сказал он. — Простите, что помешал, но как там с этим рассказом?

Перкис посмотрел на него рыбьим взором. Иначе смотреть он не мог, поскольку походил на палтуса.

— С чем, с чем?

Бинго все объяснил. Перкис заметил: «Да-да-да», рассказ похвалил, мало того — сказал «Спасибо», и они помолчали.

— А как насчет гонорара? — решился наконец Бинго. Перкис уподобился палтусу, которого другой палтус попросил одолжить деньжат до конца недели.

— Там фунтов десять, — предположил Бинго.

— О, нет-нет-нет, — сказал Перкис. — Нет-нет-нет-нет-нет. Все входит в жалованье.

— Что! — закричал Бинго. — Значит, я ничего не получу? Перкис заверил его, что не получит, и Бинго пошел в клуб, выпить с горя. Когда он приканчивал второй бокал, явился Пуффи Проссер, местный миллионер.

Надо ли вам говорить, что заимодавец должен обладать двумя качествами — он должен быть богатым и щедрым. Богатым Пуффи был, но Бинго знал по опыту, что щедрым он не был. Однако он приходился крестным отцом Алджернону Обри, а крестные отцы рады помочь, если речь идет о подарке ко дню рождения. Ну хорошо, не «рады», но при должном упорстве — дают.

— Привет, Пуффи, — сказал Бинго. — Знаешь, что? У Алджи скоро день рождения.

— Какой еще Алджи?

— Алджи О. Литтл. Твой крестник.

Пуффи дернулся, вспомнив о том, как Бинго привез к нему сына в часы похмелья.

— А, черт! — вскричал он. — Этот жуткий тип! Слова и тон не

вдохновляли, но Бинго упорствовал.

— Я знаю, — сказал он, — ты расстроишься, если тебе не удастся внести свою лепту. Точнее, десять фунтов. Проще всего дать деньги мне. Дал — и никаких забот.

Пуффи сравнялся цветом с прыщами.

— Слушай, — сказал он, — когда ты, практически — насильно, вовлек меня в это дело, мы договорились, что серебряной кружечки достаточно.

— Совсем немного, десять фунтов!

— На десять фунтов больше, чем я дам. Бинго понял, что придется сказать все.

— Пуффи, старик, — начал он, — тут не в нем суть. Если ты не дашь мне этих денег, я пропаду. Ты подумай, сколько мы дружим! Такой добрый, щедрый чело…

— Нет! — воскликнул Пуффи. — Ни в коем случае! И замолчал, словно его осенила внезапная мысль.

— Вот что, — сказал он, — ты что сегодня делаешь?

— Да ничего, — отвечал Бинго, — может, утоплюсь.

— Из дома сбежать можешь?

— Могу, Рози уехала. Они с миссис Перкис в Брайтоне, на встрече их бывшего класса.

— Хорошо. Тогда сходи в «Ритц».

— С удовольствием. Ты там будешь?

— Нет. Еду в Париж. Там будет живая, рыжая девица с ямочкой на подбородке. Зовут Мейбл Мергатройд. Угостишь ее обедом — получишь десятку. Дело в том…

История оказалась весьма непрезентабельной. Пуффи порхал вокруг этой Мейбл, словно пятнистая бабочка, пока не заметил, что подлетел к самому краю супружества. Открытие это нанесло удар его чувствительной душе. Винил он, в основном, ямочку, при виде которой произносил все то, о чем впоследствии жалел.

— Если я туда пойду, — признался он, — мне конец. Спасет меня только бегство. Но этого мало. Ты должен очернить меня и обличить. Притворись, что считаешь меня последним гадом.

Хотя глагол «притворяться» не показался Бинго удачным, он понимающе кивнул.

— Вот тебе десятка, — сказал Пуффи, — а вот деньги на обед. На слова не скупись.

— Не буду, — обещал Бинго.

— Давай я тебе что-нибудь подскажу.
— Что ты, не беспокойся! Я справлюсь.

Бинго ждал недолго, когда в вестибюль отеля вошла девица с такими алыми волосами и такой несомненной ямочкой, что он без колебаний бросился к ней.
— Мисс Мергатройд?
— Она самая.
— А я — Литтл, Ричард П. Литтл. Пуффи срочно вызвали во Францию, он попросил вам передать.
— Однако! Пригласить в ресторан и уехать в какую-то Францию… Это уж слишком!
— Не для Пуффи, — приступил к делу Бинго. — Для него это сущая ерунда. Вы хорошо его знаете?
— Неплохо.
— Когда узнаете еще лучше, поймете, что таких больше нет. Возьмите африканского кабана, прибавьте слизняков и тех мокриц, которых мы находим под камнем, снабдите все это прыщами, и вот вам Александр Проссер, хотя и не во всей красе.
Сказав такие слова, он повел ее в зал. Обед удался как нельзя лучше. Обиженная девица схватывала налету. Поднялась она только часа через два.
— Не уходите! — взмолился Бинго, полагая, что тему они не исчерпали; но девица была тверда.
— Надо идти, — сказала она. — Я обещала быть в частном игорном доме.
Бинго показалось, что он услышал зов горна. Десятка подпрыгнула в кармане. Теоретически она принадлежала Алджернону Обри, но любящий сын всегда одолжит на такое верное дело.
— Меня не возьмете? — осведомился он.
— Пожалуйста, с удовольствием. Это в Сент-Джон-вуд.
— Вот как? Значит, недалеко от меня.
— Сейчас посмотрю адрес. Да, Магнолия-роуд, 43. Чуткий к знакам и знамениям, Бинго подскочил. Последние сомнения исчезли.
— Ну, знаете! — воскликнул он. — Я живу в соседнем доме.
Девица поахала, заметив при этом, что мир исключительно тесен, и Бинго согласился, что таких тесных миров он в жизни не встречал.

Полицейский рейд нагрянул тогда, когда Бинго собрался уходить.

Деньги он уже спустил и стоял у окна, пытаясь продышаться, когда зазвонили какие-то звонки, и в окно пенящимся потоком кинулись люди.

Быстро смекнув, что люди эти правы, он к ним примкнул; и оказался в саду соседа, где спрятался в подходящую бочку. Через мгновение-другое к нему присоединилась Мейбл Мергатройд. Она ворчала.

— Чего они лезут? Какое им дело? — говорила она, пристраиваясь в бочке. — Я выигрыш собрать не успела, тридцать семь фунтов псу под хвост!

— Спасибо, — сказал добрый Бинго, — что в этой бочке нет воды.

— Да, воды нет, — согласилась Мейбл. — Прошлый раз я сидела в огуречной раме. Это, я вам доложу! Сожмитесь вы как-нибудь, сил нету. Почему вы раздуваетесь?

— Я просто дышу.

— Значит, не дышите. Бочка что, ваша?

— Нет.

— Вы говорили, вы тут живете.

— Рядом. Тут живет один художник.

— Симпатичный?

— Не особенно.

— Ах, все гады! Эй, что там? Кажется, отбой.

Мейбл оказалась права. Они вылезли, попрощались, и, ощущая, что он побывал в печи, Бинго юркнул в дом, а там — и в постель.

Проснулся он поздно и собирался на работу, когда вернулась жена.

— Здравствуй, заинька! — сказал Бинго с посильным пылом. — Как я без тебя скучал.

— А я как скучала! — отозвалась Рози. — Вообще-то здесь было нескучно. Миссис Симмонс-через-дорогу говорит, рядом оказался притон.

— Быть не может!

— Да, пакость какая!

— Мерзость!

— Удивительно, что ты ничего не слышал.

— Я очень крепко сплю.

— Да уж. Миссис Симмонс говорит, жуткий был шум. Мистер Квинтин в ярости. Всю ночь кто-то бегал через его сад. Знаешь, какой он склочный — то ему Алджи плачет, то ты играешь на укелеле. Куда ты, в редакцию?

— Да-да.

— Не опоздал? А то Перкис рассердится.

— Ну, что ты! Он на меня не сердится. Он вечно говорит: «Главное — выспитесь как следует».

— А ты выспался? Какой-то ты желтый…

— Интеллектуальная бледность, — объяснил Бинго и ушел.

Разбирая редакционную почту, он страдал. Уровень чистого разума был невысок у его читателей, но сегодня казалось, что у него или у них — водянка мозга. Сообщение о черепахе по имени Руперт давало полное право на место в сумасшедшем доме.

Одно было хорошо — Перкис позвонил и сказал, что болей. Перкиса бы он не вынес.

Когда он вернулся домой и еще стоял у вешалки, из гостиной послышался голос жены.

— Бинго, — сказала она, — зайди сюда на минутку. Голос этот ему не понравился. Женатые люди не любят металлического призвука.

Жена стояла посреди ковра с какой-то бумажкой в руке.

— Бинго, — сказала она, — где ты вчера был?

— Вчера? — переспросил Бинго, мучительно хмурясь. — Сейчас, сейчас… Так, так… Ты хочешь сказать, пятнадцатого июня? Х-м… Ха… Пятна…

— Видимо, ты никак не вспомнишь, — сказала миссис Бинго. — Разреши, я помогу. Ты играл в рулетку и прятался от полиции.

— Кто, я? — удивился Бинго. — Ты меня имеешь в виду?

— Прочитай, — сказала жена, вручая ему бумажку. Прочитал он следующее:

«Madame,

Сочувствуя желанию Вашего супруга избежать ареста за посещение игорного дома, я был бы рад, если бы Вы попросили его не прятаться в моих бочках с неизвестными особами.

Искренне Ваш

Данте Габриэль Квинтин».

— Что скажешь? — спросила жена.

Обратившись в желатин, Бинго понял, что борьба бесполезна. Дух его был сломлен. Он вдохнул воздуху, собираясь приступить к покаянию, когда что-то зашелестело и зашуршало, словно ветер, и в комнату ворвалась няня.

— О, мэм! — взывала она. — О, мэм!

Мгновенно проснувшаяся мать затмила жену. Забыв и Бинго, и бочку,

и полицию, Рози охнула. Бинго тоже охнул. Няня охала и так. Внезапный гость предположил бы, что у них приступ астмы.

— Он болен? — вскричала Рози.

— Он сказал: «Кот»!

— Кот?

— Чтоб мне с места не сойти! Я ему показывала картинки, а он увидел носорога, ткнул в него пальчиком и говорит: «Кот».

Для неженатых мы поясним. «Ну и что? — скажут они. — Подумаешь, какое слово!» *Первое*, ответим мы. Алджернон Обри принадлежал до сих пор к сильным, молчаливым младенцам, которые пускают слюну углом рта, а иногда хрюкают. Теперь вы поймете, почему миссис Бинго восприняла неожиданную весть примерно так, как приняли голливудские магнаты звуковое кино. Она выскочила из комнаты. Няня кинулась за ней. Бинго остался один.

Когда он гадал, что же все-таки сказать жене, горничная сообщила:

— Мистер и миссис Перкис.

Бинго, бродивший в муках по комнате, наткнулся сослепу на столик, опрокинув вазу, три фотографии и чашу с сухими лепестками. Раздался звук, напомнивший взрыв; и, очнувшись, Бинго увидел, что начальник его — мутно-зеленый, а под глазами у него круги.

Поморгав немного, гость спросил:

— Мы вам не помешали?

— Что вы, что вы! — отвечал Бинго. — Я думал, вы больны.

— У меня болела голова, — сообщил Перкис, — от того, что я поздно лег и сидел на сквозняке. Помните, вчера, в клубе? Как мы удивились, взглянув на часы!

При звуках этих слов Бинго показалось, что скрытый оркестр начал свое дело, а откуда-то донесся запах фиалок и резеды. Макаронина, в последнее время заменявшая ему позвоночник, обрела неожиданную твердость.

— Да-да, — сказал он. — Помню!

— Как время бежало!

— И верно. Заговорились о делах…

— Что может быть увлекательней?

— Поистине, ничего!

— Вы сказали…

— Я сказал…

— …насчет гонорара за рассказ.

— Да?

— Ну, как же! Десять фунтов. Может, я ошибся?

— Нет-нет! Конечно, конечно.

— Можно их сейчас дать. А то вся эта бухгалтерия… Перкис застонал, хотя не так, как стонал недавно Бинго, но тоже неплохо.

— Пожалуйста, — произнес он, дал десятку, и тут появилась миссис Бинго.

— Джулия! — вскричала она. — Ты не поверишь! Алджи сказал: «Кот»!

— Кот?

— Ты подумай! Идем туда, быстро! Он еще раз скажет. Бинго глядел на нее, как Артур на Гиневеру.

— Разреши?

— Да, что?

— Я ненадолго тебя задержу. Когда ты убежала, как кролик из западных прерий, я как раз собирался тебе кое-что сообщить. Если ты спросишь нашего гостя, он тебе скажет, что я не прятался в бочках, а сидел с ним в клубе. Мы обсуждали редакционные дела. Работа для нас не ограничивается пребыванием в издательстве. Мы, собственно, не думаем о времени.

Все помолчали. Потом миссис Бинго пошатнулась. Глаза ее были полны слез.

— О, Бинго!

— Я считал необходимым тебе это сказать.

— Кроличек, прости!

— Хорошо, хорошо. Я не сержусь. Так, обидно.

— Я подам в суд за клевету!

— Ах, не стоит! Обдай его холодом, и все. Что с него возьмешь? Вряд ли и десятку. Да, кстати! Я тебе обещал для Алджи. Возьми, а то забуду. С этой работой забываешь буквально все. Миссис Перкис, я вас задерживаю. Вы спешите к Алджи.

Дамы удалились. Бинго обернулся к Перкису. Взгляд его был суров.

— Перкис, — сказал он, — где вы были пятнадцатого июня?

— Да с вами же! — ответил Перкис. — В клубе.

— А я был с вами. Незабвенный вечер! Что ж, войдем к Алджи, послушаем, что он скажет о котах.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ РЕДАКТОРА

Когда жена Бинго Литтла, писательница Рози М. Бэнкс, устроила его редактором в журнал «Мой малыш», так сильно повлиявший на интеллектуальный облик детской, клуб «Трутни» буквально ожил. Почти все его члены схватили перья, намереваясь пожать плоды своего ценного опыта.

Как же огорчились они, обнаружив, что старый друг не намерен сорить деньгами! Одного за другим он отверг Трутня, предложившего колонку «Бега»; и Трутня, предложившего страничку «Ночные клубы»; и Трутня, собиравшегося слать репортажи из Канн или Монте-Карло. Что там, он отказал даже тому Трутню, которого знал с поры матросских костюмчиков, несмотря на весь блеск статьи о малоизвестных коктейлях.

— Говорит, — сообщил Первый Трутень, — что хозяину это не нужно.

— Да, — признал Второй, — так он сказал и мне. Что еще за хозяин?

— Какой-то Перкис. Миссис Бинго дружит с его женой.

— Никакого вкуса у людей! — заметил Третий.

— Никакого понятия, — прибавил Первый.

— Видимо, кретин, — предположил все тот же Второй. Четвертый с ними не согласился.

— Не уверен, — сказал он. — По-моему, Бинго им прикрывается. Упился властью, завидует чужим талантам. Это плохо кончится. Да что там, уже чуть не кончилось, но — пронесло. Конечно, я имею в виду историю с Беллой Мэй Джобсон. Какую именно? Ту, которая связана с этой Беллой.

Американской писательницей, пояснил он. Здесь ее вряд ли знают, а в Америке дети зачитываются повествованиями о тюлене Томми, бурундуке Брюсе и прочей живости. Перкис познакомился с ней на пароходе, когда плыл из Нью-Йорка, и она дала ему прочитать про бурундука, он же мгновенно понял, что именно этого давно ждал «Мой малыш». Тем самым, он пригласил ее в редакцию, чтобы урегулировать все с редактором, другими словами — с Бинго.

Как ни прискорбно, без хозяина Бинго немного заважничал. Хозяин этот вечно лез, особенно — когда речь шла о разделе «Дядюшка Джо — добрым деткам», и недели две свободы ударили страдальцу в голову. Когда

ему доложили, что его спрашивает некая мисс Джобсон, он постучал карандашом по зубам и сказал: «Вот как? Я занят. Пусть напишет или запишется».

Вскоре явился здоровый, загорелый Перкис и, отдав дань восклицаниям типа «Вот и я!» или «Ну, как вы тут?», заметил:

— Кстати, скоро зайдет Белла Мэй Джобсон. Бинго мило засмеялся.

— Старая добрая Белла? Была и сплыла.

— То есть как?

— А так. Я ее не принял. Перкис покачнулся.

— Не приняли?

— Вот именно. Занят-занят-занят. Сказал, чтобы изложила свои претензии на одной стороне листа.

Не знаю, доводилось ли вам смотреть «Ураган», такой фильм. Я вспомнил его потому, что с Бинго случилось примерно то же самое. Какое-то время, по его словам, что-то гремело и кружилось; потом ремарки стали яснее, и он вывел, что эту самую Беллу надо любить и лелеять, улещать и умасливать, создавая атмосферу почтительного восхищения.

— Виноват, — сказал он. — Недоразумение, знаете ли. Представления не имел, что это — дар судьбы, творец бурундуков. Мне показалось, что она предлагает Дюма в роскошном переплете.

Увидев, что Перкис закрыл лицо руками, а также услышав слова «Все… конец…», он нежно похлопал хозяина по плечу и подбодрил его:

— Не горюйте! У вас есть я.

— Нет, — ответил хозяин. — Вы уволены. После чего удалился.

Оставшись один, Бинго стал думать. Думал он, главным образом, о том, что скажет жена.

Как вы знаете, брак его оказал бы честь Ромео и Джульетте. Жена молилась на него, он — на нее, и мы смело сравним их еще и с голубками. Однако любой голубок вам скажет, что голубка, при случае, поплюет на лапки и заедет в глаз. Бинго казалось, что случай этот близок. Миссис Бинго с немалым трудом устроила его на работу, и что-то подсказывало ему, что теперь, когда он все испортил по чистой глупости, ей это не понравится.

Словом, мы не удивимся, что тьма окутала его, и в ней мерцала лишь одна искорка — жена уехала к друзьям, в усадьбу, и объяснение откладывалось.

Чтобы отвлечься, он ринулся в омут наслаждений и дня через два, в гостях, зачаровал прелестную блондинку, которая оказалась Беллой Мэй

Джобсон.

До сей поры ему казалось, что выход один — придумать хорошую, прочную, достоверную историю. Скажем так: Перкис не простил ему, что он не принял посетительницу, но посетительницы эти сплошь и рядом гладят редактора по коленке или поправляют им галстук, что претит его чистой душе. Может сойти. Может не сойти. Другого выхода не было.

Теперь выход возник. Когда я сказал, что он зачаровал блондинку, я употребил это слово в самом прямом смысле. Если Бинго в форме, равных ему нет. Что говорить, когда ко второму коктейлю Б.М. сообщила, как ей одиноко в большом и чужом городе, а Бинго обещал это исправить. Они обменялись телефонами и добрыми пожеланиями, и Бинго пошел домой, потирая руки.

Навряд ли надо объяснять, что хитрый Бинго хотел довести Б.М. до того состояния, когда она ни в чем не откажет. Тогда, сбросив личину, он сообщил бы ей, кто он, заключил договор, пошел к Перкису и спросил бы: «Ну, Перкис, что скажете?», а тот прижал бы его к сердцу.

Водил он Беллу Мэй в зоологический сад, в Тауэр, в музей мадам Тюссо, на пять утренних приемов, семь дневных и четыре вечерних. Преподнес он ей букет белого вереска, одиннадцать роз и надписанную фотографию. Уезжала она в пятницу, а накануне устраивала в отеле прием, который Бинго должен был украсить.

Приглашение он принял, уповая на то, что пересидит всех гостей, а потом, пока еще не ушло послеобеденное благодушие, выложит карты на стол. Успех обеспечен.

О том, что не все на свете просто, он догадался только тогда, когда пришла телеграмма «Возвращаюсь в среду».

При обычных обстоятельствах Бинго пел бы и плясал, а так — не выдавив ни единой ноты, задумчиво стоял на перроне.

— Ну-ну-ну-ну! — как можно сердечней воскликнул он, когда появилась Рози. — Я рад! Я счастлив! Я в полном восторге! Какой сюрприз, э? Вроде ты хотела побыть подольше…

Жена удивленно воззрилась на него.

— Что ты! — вскричала она. — Разве я пропущу нашу годовщину? Неужели ты забыл? Завтра три года с нашей свадьбы.

Бинго, подскочивший, как рыба на крючке, взял себя в руки.

— Кто, я? — возмутился он. — Ну, знаешь! Каждый день отмечал на календаре.

— Я тоже, — призналась жена. — О, Бинго, мы пойдем в тот

ресторанчик у Чаринг-Кросс! Притворимся, что сейчас поженились.

Бинго нервно глотнул и крикнул:

— Потрясающе!

— Только сейчас нам гораздо лучше, — не унималась жена. — У тебя *такая* работа!

Бинго помычал.

— Как там дела?

— Прекрасно!

— Перкис тобой доволен?

— Еще бы!

Говорил он отрешенно, а наутро едва прикоснулся к яичнице. Выйдя из дома, он веселее не стал. Можно, думал он, забежать к этой Белле, но это не то, совсем не то. Там, в гостях, он был бы душой общества, пленил бы всех блеском ума, а потом, когда все ушли бы, покачиваясь от смеха, и растроганная хозяйка его благодарила, выложил бы карты на стол. А так, на бегу, — нет, не годится.

Зайдя в редакцию, он обхватил голову руками и долго думал, выжимая последнее из мозговых клеток. И вдохновение пришло. Он понял, что сделал бы Наполеон.

— Да, слушаю? — сказал серебристый голос жены.

— Здравствуй, мой ангел.

— Здравствуй, кроличек.

— Это ты, душенька?

— Это ты, лапочка?

— Тут такие дела, — сказал Бинго. — Прямо не пойму, как быть. Надо улестить одну писательницу… повести ее днем в ресторан…

— О, Бинго!

— Вообще-то ну ее…

— Нет-нет, что ты!

— На что она мне сдалась? Так и скажу: «Пардон, писательница…»

— Ни в коем случае! Непременно веди!

— А как же мы с тобой?

— Мы пойдем вечером.

— Вечером?

— Да.

Бинго вдумчиво помолчал.

— А знаешь, это мысль, — признал он.

— Вечером даже лучше.

— Разгуляемся вовсю!

— Спешить никуда не надо…

— Вот именно.

— А потом пойдем в театр.

— Пойдем, — согласился Бинго, думая о том, как все легко, когда у тебя есть такт.

— И вообще, — продолжала Рози, — днем я пойду к Белле Джобсон.

Бинго задрожал, как желе на ветру.

— К к-к-кому?

— К Белле Джобсон. Ты не знаешь, одна писательница. Джулия Перкис меня звала, та очень любит мои книги, а я отказалась. Завтра она уезжает, больше случая не представится — а так я к ней все-таки приду. Пока, дорогой, не хочу отрывать от работы.

Когда она повесила трубку, Бинго сидел неподвижно, тратя рабочее время на приступ отчаяния. Все, думал он, конец. Белла Мэй не знает, что он женат, как-то к слову не пришлось. Если она захочет познакомить его с Рози, а он скажет: «Да мы знакомы, это моя жена», получится неудобно.

Оставалось одно — плюнуть на эту работу и признаться, что он отфутболил Беллу Мэй. Вообще, решил он в приливе оптимизма, оно и лучше, раз они встретятся. Как мы уже говорили, Б.М. была хороша, вроде эльфа в обесцвеченных кудрях. Если он перед *этим* устоял… в общем, жена будет довольна.

Приободрившись, он вышел, послал Б.М. телеграмму; но на обратном пути его поразила такая мысль, что он схватился за фонарный столб. У нее — фотография! Жены не любят, когда мужья дарят свои изображения, а тут еще и надпись, мягко выражаясь — сердечная. Скорее всего, *это* стоит на столе и сразу бросается в глаза.

Отсюда следовало, что для мира в семье надо проникнуть в номер и убрать улику.

Если вы не забирали из номеров надписанных фотографий, сообщу вам, что это нелегко. В номер еще надо войти. Осведомившись у портье, Бинго узнал, что Б,М. нету, и поначалу обрадовался; но перед запертой дверью понял, что до конца далеко.

Размышляя о кознях рока, он увидел, что по коридору идет горничная.

— Доброе утро, — сказал он, окутывая ее чарами.

— Доброе утро, сэр, — отвечала она.

— Однако! — продолжал он. — Какое лицо! Красота, а не лицо. Кстати, не окажете ли услугу? — И он вынул фунтовую бумажку.

— Спасибо, сэр, — сказала горничная, — с удовольствием, сэр.

— Понимаете, — объяснил Бинго, — она вышла, а я бы хотел войти. Не люблю мыкаться в холле. Разговоры, люди всякие… Я бы лучше посидел в номере. — И он вынул вторую бумажку. — Вы меня не впустите?

— Пожалуйста, сэр, — сказала покладистая горничная.

— Спасибо, — заметил Бинго. — Спасибо вам большое. Погодка-то, а?

— Очень тепло, — признала его собеседница. Переступив порог, он понял мудрость своих поступков. Да,

жалко денег, да, их мало — но потрачены они не зря. Фотография красовалась на самом виду. Схватив ее и сунув в карман, он направился к двери, как вдруг заметил бутылки. Они просто улыбались ему; а после таких испытаний неплохо выпить.

Налив себе итальянского вермута, добавив французского и потянувшись за джином, Бинго ощутил, что сердце его сделало три двойных кульбита и куда-то нырнуло. В двери поворачивался ключ.

Трудно сказать, что уместно в таких обстоятельствах. Одни сохранили бы милую беспечность, другие — выпрыгнули в окно. Прикинув, что на беспечность он не потянет, а этаж — четвертый, Бинго выбрал средний путь и полез под диван.

Вошла не Белла Мэй, а старый друг, горничная. Рядом с ней мелькнули брюки и ботинки. Однако вскоре раздался и голос; голос хозяина.

— Спасибо, милочка, — сказал Перкис.

— Вам спасибо, сэр, — отвечала горничная, позволяя предположить, что ей еще кое-что перепало. Вот она, ирония судьбы. Одним — все, другим — ничего.

Перкис покашлял и сказал:

— Я, кажется, слишком рано…

— Да, сэр, — согласилась горничная.

— Может, я выведу пока собачку…

— Мисс Джобсон гуляет с ней, сэр.

— Вот как?

Они помолчали, потом горничная хихикнула.

— Что такое? — осведомился Перкис.

— Да тут еще один гость, — объяснила она. — Куда он делся? А, вот он!

Бинго, надышавшийся пуха, чихал под диваном.

— Литтл! — воскликнул Перкис, заглядывая туда. Бинго вылез, понимая, что сопротивление бесполезно.

— А, Перкис! — бросил он и со всем возможным достоинством направился к двери.

— Эй! — крикнул Перкис. — Минуточку! Бинго не остановился.

— Если что, я в баре, — сообщил он.

Однако пошел он не в бар. Выпить надо, что говорить, но сперва надо продышаться. Под диваном он пробыл недолго, но пыль собиралась там лет шесть, и сейчас он ощущал себя не столько человеком, сколько мусорной корзиной. В общем, он вышел на улицу и встал у дверей, жадно вдыхая воздух.

Физически ему стало лучше, духовно — нет. Если там Перкис, думал он, вскоре может произойти такая сцена:

> «Номер Б.М. Джобсон. День. Б.М. и Перкис беседуют. Входит Рози М. Бэнкс.
>
> Роз и М.Б.: Привет! Я — Рози М. Бэнкс.
>
> Белла М. Дж.: О, здравствуйте! Вы знакомы?
>
> Рози М.Б.: Еще бы! У мистера П. работает мой муж.
>
> Белла М. Дж.: Вы замужем?
>
> Рози М.Б.: О, да! За Ричардом Литтлом. Белла М. Дж.: Литтл?.. У меня есть такой знакомый. То есть, скорее… в общем, близкий знакомый. Правда, его зовут Бинго. Часом, не родственник?
>
> Рози М.Б.:……»

Словом, он стоял и терзался. Когда он издал пятнадцатый стон, подъехала машина. Сквозь туман ему показалось, что за рулем сидит Рози.

— О, Бинго! — вскричала она. — Как хорошо, что ты здесь! Значит, вот где вы с ней обедаете? Нет, какое совпадение!

Понимая, что если рассказывать историю, момент настал, Бинго все же не смог ничего произнести; и жена продолжала:

— Ужасно спешу, надо вернуться к Джулии! Она — в полном отчаянии. Зашла я за ней, а она рыдает. Собачка пропала. Сейчас скажу Белле Джобсон, что мы не придем — и вернусь, утешать. А, может, ты ей снизу позвонишь?

Бинго заморгал. Отель, вроде бы — крепкий, как-то качался.

— Что? — переспросил он. — Ты не пойдешь к этой Белле?

— Нет-нет. Я должна вернуться, Джулия лежит с грелкой.

Позвонишь? Тогда я бегу.

Бинго вдохнул побольше воздуха.

— Конечно, конечно, конечно, конечно, конечно, — сказал он. — Непременно. Позвоню. Объясню. Что может быть легче! Не беспокойся, душенька.

— Спасибо, кроличек. Пока.

Она уехала, он стоял, безмолвно шевеля губами. Только однажды чувствовал он так остро всю любовь Провидения, — в школе, когда преподобный Обри Апджон уже занес трость и вывихнул плечо.

Побежав в бар, он хлопнул рюмочку и принялся за вторую. В баре уже был Перкис. Сурово взглянув на него, он присел подальше, еще не готовый к беседам, но кто-то тронул его за рукав. Хозяин глядел на него, как спаниель, готовый подлизаться к человеку, у которого аллергия на собачью шерсть.

— Мистер Литтл… — проговорил он.

— Да, мистер Перкис?

— Мистер Литтл, вы можете меня спасти.

Не знаю, что ответили бы вы. Учтите, что Перкис его выгнал, мало того — употребил при этом шесть оскорбительных слов. Лично я сказал бы «О!» или «Да?». Может, это сказал бы и Бинго, но Перкис продолжал:

— Со мной случилось страшное несчастье. Только вы можете меня спасти. Сюда с минуты на минуту приедет моя жена. Перехватите ее, выдумайте что-нибудь. Она не должна подняться к мисс Джобсон.

Бинго поставил стакан.

— Расскажите мне все, — сказал он.

Перкис вынул платок и промокнул лоб. Другой рукой он гладил рукав Бинго.

— Сегодня, — начал он, — я узнал, что жену тоже пригласили. Я думал, мы будем tete-a-tete… Понимаете, я часто встречался с мисс Джобсон, в интересах дела. Я надеялся, что сегодня мы окончательно договоримся.

— Обычно, — сухо заметил Бинго, — это поручают редактору.

— Да-да, но… да, конечно. Понимаете, чтобы было вернее, я решил…

— Немного поднажать?

— Вот именно. Именно. Цель, знаете ли, оправдывает средства. «Малыш» — на распутье. Заполучим Беллу Мэй Джобсон — все, победа. Уплывет к другим издателям — вообще не сможем оправиться. Я приложил все силы…

— Вот как?

— Да-да. Буквально все. Бинго поджал губы.

— Не буду судить вас, — сказал он, — но это попахивает… чем-то французским. Вы ее целовали?

Перкис дернулся.

— Что вы, что вы, что вы, что вы! — вскричал он. — Ни в коем случае. Я вел себя совершенно прилично, она — с девичьим достоинством. Мы ходили в Британский музей, в театр (на утреннее представление), в Национальную галерею. Видя, что она поддается…

Голос его пресекся. Обретя его вновь, он спросил напитков, подкрепился и закончил фразу:

— …я отдал ей собачку.

— Что?!

— Собачку. Понимаете, она у нас была, и та ей очень понравилась. Сегодня, с утра пораньше, я вынес ее в шляпной коробке и принес сюда. Через десять минут мисс Джобсон подписала контракт, а еще через час решила пригласить и жену. Она позвонила, я кинулся сюда, чтобы забрать животное — и не застал его, они гуляют. Войдите в мое положение, мистер Литтл! — он задрожал. — Ах, что мы теряем время! Мы тут сидим, а она едет… Станьте у дверей! Мистер Литтл!

Бинго холодно посмотрел на него.

— Хорошо, я встану, но на каких условиях? — спросил он. — Почему я вообще должен вам помогать? Конечно, я мог бы удержать миссис Перкис, но зачем, зачем? В конце этой недели мы с вами расстанемся. Вот, если бы я у вас работал…

— Вы работаете! Работаете!

— …и больше получал…

— Вдвое больше! Вдвое! Бинго подумал.

— М-да, — заметил он. — И вы не будете вмешиваться в «Дядю Джо»?

— Ни в коей мере! Полная свобода.

— Что ж, тогда — успокойтесь. Миссис Перкис сюда не войдет.

— Вы гарантируете?

— Гарантирую. Зайдем к портье, составим новый контракт — и я к вашим услугам.

ПОЛОЖИТЕСЬ НА АЛДЖИ

Как нередко бывает в августе, когда горожане отдыхают, популярный курорт Брэмли-он-Си был набит любителями озона. Там был Хенри Катберт Перкис, владелец журнала «Мой малыш», со своей супругой. Там был Пуффи Проссер, чрезвычайно неприятный в панаме с пунцовой лентой. Был там Уолли Джад, создатель прославленного комикса о Доблестном Десмонде. А на пляже, перед отелем «Магнифик», где обитал Пуффи, вы заметили бы Бинго Литтла, служившего в упомянутом журнале, жену его, более известную под именем Рози М. Бэнкс, и небольшого сына, который строил песочный замок.

День был ясный и прекрасный, антициклон делал свое дело, природа улыбалась, но, как нередко бывает в наше беспокойное время, были и жабы, которых переехала тачка, а к жабам этим принадлежал Бинго Литтл. Солнце сияло в небе, но не в его сердце. Грустил он не потому, что жена уезжала в Лондон на званый обед клуба «Перо и чернила», хотя вообще без жены скучал. Нет, в данном случае его огорчили ее слова.

Вспомнив о загадочной пропаже его золотых запонок, она попросила немедленно сходить в полицию.

— По-твоему, это нужно? — выговорил Бинго.

— Еще бы! А как иначе?

— Столько хлопот полицейским…

— Им за это платят, да они и любят розыски. О, Господи! — вскричала Рози, посмотрев на часы. — Как поздно! Бегу. До свидания, зайчик. Береги Алджи.

— О чем ты говоришь!

— Не выпускай его из вида. Вернусь завтра вечером. Пока. Бинго еще не вышел из мрачных размышлений, когда услышал: «А, мистер Литтл!» — и, очнувшись, увидел Перкисов.

— У-тю-тю, — сказала миссис Перкис, обращаясь к младенцу.

Младенец эти слова презрел, и она сообщила, что спешит к парикмахеру. Оставшийся на месте супруг странно и мрачно глядел на юного Алджи, потом вздрогнул.

— У-ф-ф, — сказал он.

— Простите? — не понял Бинго. Говорил он холодновато. У него не было иллюзий насчет внешности сына. Надеясь, что время, великий целитель, превратит его в изящного бульвардье, они понимал, что сейчас

он похож на убийцу с вросшим ногтем. В конце концов многие дети не лучше. Выражать свои чувства, скажем так, неделикатно.

— Простите, — отвечал Перкис уже в другом смысле, — мне трудно смотреть на детей. Завтра их конкурс красоты, и я должен быть судьей.

Бинго на мгновение смягчился. Он знал эти конкурсы. Фредди Виджену пришлось это претерпеть, и, слушая его, трутни стыли от ужаса.

— Как же вы влипли?

— Жена велела. Ей показалось, что это — хорошая реклама. Реклама! — Мистер Перкис яростно взмахнул рукой. — Да ну ее к бесу! Я хочу спокойно отдохнуть. Честное слово, я бы озолотил того, кто меня избавит…

Бинго Литтл подпрыгнул на шесть дюймов.

— Озолотили? — проверил он.

— Да.

— На пятерку потянет?

— Еще бы!

— Идет, — сказал Бинго. — Редактор для рекламы не хуже владельца.

Перкис затрепетал от радости, но тут же угас.

— А как жена? — спросил он. — Она будет недовольна.

— Ах, Господи, шевельните мозгами! Можно сломать ногу. Можно выпасть из окна. Можно в конце концов попасть под грузовик. Суньте шоферу фунта два, он мигом вас переедет. Разве можно судить младенцев, если ты на диване скорби?

— Мистер Литтл… — проговорил Перкис и весело удалился, бросив на Алджернона Обри тот взгляд, какой бросает спасшийся индиец на оторопевшего крокодила.

Бинго, напротив, нежно смотрел на купюру и собрался ее погладить, когда шаловливый бриз вырвал ее из руки и понес к эспланаде.

Привстав, чтобы бежать за нею, Бинго вспомнил слова жены: «Не выпускай его из вида». Он понимал, что это значит. Выпущенный из вида, младенец мог уйти под воду или огреть кого-нибудь лопаткой. Кто-кто, а отец знал, как склонен он, по слову поэта, раскраивать собратьям черепа. Особенно привлекали его мягкие мужские шляпы.

Пока Бинго, словно Гамлет, решал неразрешимый вопрос, тот решился сам. Купюра впорхнула в чью-то машину, и шофер, поверивший в чудеса, увез ее с собой.

Просидев десять минут в полном унынии, Бинго потащил сына домой. Проходя мимо отеля, он увидел Пуффи.

— Пуффи, старик! — воскликнул он. Увидев, что он несет, Пуффи

попятился.

— Эй! — крикнул он. — Осторожней!

— Да это Алджи!

— Вот именно.

— Он хочет тебя поцеловать.

— Брысь, брысь! — заметил Пуффи, орудуя панамой. — Я вооружен.

Бинго поспешил переменить тему.

— Ты заметил, какой я бледный?

— Ты вполне ничего, — отвечал Пуффи. — Не хуже, чем всегда.

— Значит, не видно. Мне очень плохо, Пуффи. Если я не займу пятерки…

— У кого ж ее занять! А на что она тебе?

Дрожащим от волнения голосом Бинго поведал свою беду. Пуффи реагировал не сразу.

— Ты судишь этих деток? — уточнил он.

— Да-да, но за это не платят.

— И не надо. Прежде всего отвлеки жену от запонок. Если твой страшила получит первый приз, она все забудет. Я гарантирую.

— Пуффи, подумай! — сказал Бинго. — Если я присужу первое место своему сыну, меня линчуют. Помнишь, что было с Фредди в Каннах?

Пуффи пощелкал языком.

— Подумал, подумал, — заверил он. — Какие сыновья? Мой племянник. Короче говоря, я его приношу, а ты даешь премию. И не угрызайся, это честно. Дадут конфетку или шарфик, деньгами там не пахнет.

— А в этом что-то есть!

— Что-то? Все. Если бы дело шло о деньгах, я бы в жизни не предложил! Кому нужен шарфик? То-то и оно. Хочешь помочь человеку, а он… В общем, соглашайся или выпутывайся сам. Согласен? Прекрасно. Подожди минутку, должен кое-куда звякнуть.

И, вбежав в отель, он позвонил лондонскому букмекеру. Беседа была такая:

— Это вы?

— Я.

— Это я, Проссер.

— А!

— Слушайте, я в Брэмли-он-Си. У них тут детский конкурс. Участвует мой племянник.

— Да?

— Так вот, чтобы прибавить интереса, я хочу сделать ставку. Это можно?

— Можно. Все-таки соревнования.

— Сколько вы поставите против Проссера?

— Это ваш племянник?

— Да-да.

— На вас похож?

— Немного есть.

— Тогда пятьдесят к одному.

— Заметано. В десятках. И он вернулся к Бинго.

— Одного я боюсь, — сказал он, — дойдет до дела, ты и сдрейфишь.

— Ну, нет!

— Можешь, можешь, если все не обговорим. Значит, когда ты решишь, я тут же даю тебе пятерку, ты выкупаешь запонки, а то вдруг твоя жена все-таки их вспомнит. Так вернее.

Однако, отправляясь назавтра к судилищу, Бинго волновался, и волнения его не улеглись, когда он увидел младенцев.

Конечно, почти все они выглядели так, что сразу напрашивался вопрос, почему их не ищет полиция, но дюжина, не меньше, настолько походила на людей, что предпочтение Алджернону Обри неизбежно вызвало бы пересуды. Начнутся расследования, то-се, и, чего доброго, его больше не допустят к бегам.

Но отступления не было. Бинго вышел на эстраду, поклонился тремстам сорока семи матерям, поднял руку, чтобы, если возможно, утихомирить их младенцев, и приступил к речи, которую готовил всю ночь.

Говорил он о будущем Англии, которое, как он заметил, принадлежит этим младенцам, присовокупив, что Англия, по слову Шекспира — престол царей, величие земли, другой Эдем, земной зеленый рай, природой вознесенный бастион, спасающий ее и нас, людей, от моровых поветрий и войны. Тем самым, как все согласятся, она исключительно хороша.

Говорил он и о журнале, подчеркивая его красоты и расписывая преимущество проходящей ныне подписки.

Говорил он — тут его голос стал особенно серьезен — о духе честной игры, который и создал Англию, а теперь побудит всех присутствующих воспринять решение жюри с британской спортивной мудростью, процветающей в их земле на зависть другим странам. Скажем, один его друг судил младенцев во Франции — и что же? Разъяренные матери гнали

его по морскому берегу, вооружившись булавками для шляп. У нас это невозможно. Английская мать не такова. По этому поводу, снизив тон, он рассказал историю о двух ирландцах, которую кое-кто мог раньше и не слышать.

Приняли ее хорошо, все смеялись, он улыбался, но душа его начинала обретать сходство с улиткой, на которую посыпали соли. Время шло, Пуффи не было, не говоря о его драгоценном грузе.

Рассказав и про двух шотландцев (с меньшим успехом), Бинго совсем сник. Когда послышался голос «Сколько можно!», публика сердечно откликнулась. Когда же он начал историю о двух йоркширцах, вопрос этот задали сто матерей, а потом — и сто пятьдесят.

Но Пуффи не было.

Через пять минут матери выли, как волки в канадском лесу, и пришлось сдаться. Бинго сунул вязаный жилетик какому-то младенцу и мертвенно-бледный, начисто сломленный, опустился на стул.

Как только он спустился, стараясь не думать о будущем, кто-то тыкнул его в плечо, и, подняв голову, он увидел полицейского.

— Мистер Литтл? — сказал полицейский. Бинго это подтвердил и услышал:

— Попрошу пройти со мной в полицию.

Другие полицейские, в других случаях — скажем, после гонок Оксфорд — Кембридж, произносили эти слова, и Бинго знал, что сопротивление бесполезно. На пути к выходу он спросил, в чем его обвиняют.

— Ни в чем, сэр, — отвечал страж закона. — Вас просят опознать одного задержанного. Утверждает, что действовал с вашего согласия.

— Я не совсем понял, — сказал Бинго. — Как он действовал?

— Гулял с вашим младенцем, сэр. Утверждает, что вы ему это поручили. Его заметила в общественном месте некая миссис Перкис, опознала младенца и подумала: «Чтоб мне лопнуть!»…

— Простите, что она подумала?

— Чтобы мне лопнуть, сэр. Заподозрив вышеупомянутого субъекта, она позвала постового, и, после ряда прискорбных происшествий, субъекта препроводили в участок. По его словам, фамилия его Проссер. Знакома вам эта фамилия, сэр?

Слова о прискорбных происшествиях хорошо иллюстрировал внешний вид заподозренного Проссера. Под глазом у него был фонарь, воротничок болтался, другой глаз сверкал яростью, а может — и отвращением к человеческому роду.

Сержант, сидевший за столом, попросил опознать задержанного.

— Он говорит, он ваш друг, сэр.

— Это правда.

— Друг?

— Еще какой!

— И вы ему дали ребенка?

— Можно сказать и так. Скорее — одолжил.

— Хо! — заметил сержант, словно тигр, от которого ушла добыча, если тигры в таких обстоятельствах говорят именно «Хо». — Вы уверены?

— Вполне.

— Съели? — осведомился Пуффи. — Что ж, — высокомерно прибавил он, — надеюсь, теперь меня отпустят.

— И зря, — отвечал сержант, заметно веселея. — Отпустят, хо-хо! А сопротивление при исполнении? Вы дали констеблю Уилкси в живот.

— Так ему и надо. Я б и сейчас дал.

— Две недели, то есть четырнадцать дней вы этого сделать не сможете, — окончательно расцвел сержант. — Констебль, уведите задержанного.

— Минуточку, — вмешался Бинго. — Как насчет пятерки, Пуффи?

Пуффи не ответил, только взглянул на него долгим взглядом — и рука закона увела его. Бинго собрался уходить, но сержант напомнил:

— Ваш ребенок, сэр.

— А, да-да!

— Послать или возьмете сами?

— Возьму, возьму. Конечно, возьму.

— Хорошо, сэр, — сказал сержант. — Сейчас завернем.

Если вы помните, в начале нашей хроники мы уподобили Бинго Литтла жабе, которую переехала тачка. Когда он сидел с Алджерноном Обри на берегу, сходство это заметно увеличилось. Он так и слышал, как что-то лопочет и лепечет, а жена, вслед за этим, осыпает его градом слов. Они с Рози обычно напоминали голубков, но он прекрасно знал, что, при случае, голубица посрамит карибский ураган.

Вздрогнув и очнувшись, он увидел, что сын, отползя немного, замахнулся лопаткой на человека в мягкой шляпе, проявляя при этом немалое мастерство (когда замахиваешься лопаткой, главное — поворот руки).

Он вскочил и подбежал к пострадавшему, который уже схватился за верхний позвонок.

— Простите, ради Бога! — сказал он. — Он очень любит мягкие шляпы. Они его просто притягивают.

Человек ответил не сразу. Сквозь очки в роговой оправе он смотрел на Алджернона Обри, как смотрят на видения.

— Это ваш? — спросил он наконец.

Когда Бинго ответил «Мой», незнакомец улыбнулся.

— Какая находка! — воскликнул он. — Манна небесная! Попытаюсь его изобразить. Давайте договоримся. Пять фунтов, хорошо?

Бинго печально покачал головой.

— Нет, — сказал он, — у меня вообще нет денег.

— Да что вы! — вскричал незнакомец. — Это я вам плачу. Значит… — Он взглянул на Алджи. — Нет, так нечестно. Десять фунтов.

Бинго охнул. Брэмли-он-Си замелькал, как вестерн на телеэкране. Секунду-другую он думал, что это ангел-хранитель, вернувшийся наконец к работе, но решил, что ангелы у трутней говорят с оксфордским акцентом, а не с американским.

— Десять фунтов? — проверил он. — Вы мне дадите десять фунтов?

— Собственно, двадцать, — сказал незнакомец. — Он того стоит.

Бинго почтительно взял купюры, наученный опытом, что к ним надо присасываться, как полип — к днищу корабля.

— Когда вы начнете его писать? — осведомился он. Роговые очки полыхнули.

— Господи! — вскричал незнакомец. — Что я, живописец, по-вашему? Я Уолли Джад.

— Кто, кто?

— Джад. Автор Доблестного Десмонда.

— Чей, чей?

— Вы не знаете Десмонда?

— Н-нет.

Теперь охнул незнакомец.

— И это, — воскликнул он, — цивилизованная страна! Мой комикс печатается в тысяче шестистах газетах. Десмонд, гроза злодеев.

— Он сыщик?

— Да, детектив. Преследует всякую нечисть.

— Приятный человек.

— А то! Истинный лев. Но есть и трудности. Он очень пылок, он неудержим. Поняли, что получается?

— Нечисти все меньше?

— Вот именно. Вечно нужны новые типажи. Когда я увидел вашего

сына, я понял: «Оно!» Этот мрачный взгляд… эти глаза, которые можно смело пририсовать акуле… Вы не могли бы принести его в отель «Сплендид» прямо сейчас?

Блаженно вздохнув, Бинго положил бумажки в карман и постоял минуту, словно под звуки гимна.

— Через полчаса, — сказал он. — Надо забежать в одно место.

ТУК ЗЕМЛИ

Хотя Фредди Виджен никому не поверял свою мечту, полагая, что той не воплотиться в реальную политику, он давно подумывал о конкурсе «Жирный дядя». Лорд Блистер, находившийся с ним в этом виде родства, был жирен; и он заметил, что такие дяди есть у многих трутней. Зачем им пропадать попусту? Почему не устроить соревнований, которые, пусть в меньшем масштабе, повторят спортивные соревнования, происходящие в Индии и в Ирландии?

Процедура проста. Кладем в одну шляпу фамилии дядей, в другую — игроков, и тот, кто вытянет самого жирного дядю, получает банк. Куда проще!

Однако есть и закавыка — как определять жирность? Нельзя же пойти к лорду Блистеру и сказать: «Ты, часом, не взвесишься, дядя Родни? Надо показать судьям, что ты толще герцога Данстаблского». Точнее, можно, но небезопасно, еще лишит довольствия. Словом, тупик; и он смотрел на свой замысел как на одну из утопий, пока, войдя в клуб, не увидел оживленную группу трутней и не услышал, как Макферри, их буфетчик, твердо говорит: «Десять стоунов».

Разузнав, в чем дело, он выяснил, что у Макферри обнаружился редкостный дар. Он определял на взгляд, сколько в чем веса, от кабачка (в данном случае — овощ) до модного тенора.

— Ошибка — максимум в пол-унции, — сказал один Трутень. — Друзья называют его Человек-весы. Какой талант, а?

— Очень полезный, — сказал Фредди, — снимает главную проблему.

И коротко, но точно, он изложил свой замысел.

Приняли его мгновенно, образовали комитет и решили, что конкурс назначат на первый день соревнований «Итон» — «Харроу», когда все дяди обедают в клубе со своими племянниками. Провести их перед Макферри — плевое дело, поскольку они сразу устремляются в бар, как бизоны — на водопой. Билеты оценили высоко, не всякому по карману, но худо-бедно, сбиваясь в синдикаты, набрали кругленькую сумму. Общее мнение склонялось к тому, что получит ее счастливчик, вытянувший лорда Блистера. Да, участники были солидны, мало того — корпулентны, но блекли перед дядей Родни. Как заметил образованный Трутень, «другие пребывают, он парит».

Конечно, вытянул его Пуффи Просер, единственный человек (если

слово это здесь применимо), которому деньги не нужны. Фредди достался дядя Проссера по имени Хорес. Он о нем не слышал и после розыгрыша пошел выяснить, в чем дело.

— Какой еще Хорес, Пуффи? — спросил он. — Не знал, что у тебя есть дядя.

— Не знал и я, — ответил Пуффи, — пока не получил письма за подписью «Дядя Хорес». Видимо, я его упустил, потому что он двадцать лет прожил в Аргентине. Вернулся на той неделе и живет в Холрок-мэнор, Хертфордшир. Мы еще не виделись, но обедать он придет.

— А он жирный?

— Вряд ли. От жары худеют. И потом, эти пампы, они там вечно ездят верхом. Нет, Фредди, надежды мало. Куда ему до дяди Родни! Прости, старик, мне некогда.

Фредди печально удалился, а Пуффи вернулся к письмам, одно из которых пришло именно от дяди. Прочитал его он с интересом, особенно — постскриптум:

«P.S., — писал дядя. — Тебе, наверное, интересно, какой я сейчас, мы так давно не виделись. Вот фотография, сняли ее вчера утром, у нас в саду».

Фотографии не было, но, взглянув ненароком вниз, Пуффи увидел ее на полу. Он ее поднял; и тут же плюхнулся в кресло, глухо вскричав.

Перед ним был пожилой человек в купальном костюме, которого, судя по виду, кормили с младенчества крайне калорийной пищей. Он был так округл, так объемист, так огромен, что Шекспир, едва взглянув на него, пробормотал бы: «Какими же субстанциями вскормлен, чтобы достигнуть этих очертаний?» Приходилось удивляться, что рукотворные трусы давно не лопнули по шву. Дядя писал, что хочет сложить свои кости в Англии. Судя по изображению, костей у него не было.

Словом, мы не удивимся, что Пуффи испытал именно то, что испытал бы, свались на него этот дядя с высокого здания. Да, денег у него хватало; но он так не думал. Трутни резонно полагали, что ради двух пенсов он охотно пройдет десять миль в тесных ботинках. Некоторые считали, что сумма эта завышена.

Сколько просидел он в беспамятстве, он бы и сам не сказал, но, рано или поздно, его хитрый ум очнулся, заработал и понял, что не все потеряно. Пуффи знал, что Фредди Виджен исключительно доверчив, он верит даже газетам; и, разыскав Фредди, положил ему на рукав ласковую руку.

— Фредди, старик, — сказал он, — не уделишь мне минутку? Фредди

на это согласился.

— Ты на меня сейчас не смотрел? — осведомился Пуффи. Фредди на него не смотрел.

— А если б смотрел, ты бы заметил, что я думаю. Ты был бойскаутом?

Фредди бойскаутом не был.

— Понимаешь, они каждые сутки делают доброе дело. Это их держит.

— Ясно, ясно. Как не держать!

— Ну вот. А когда они вырастают, они их не делают. Это неправильно. Хорошо, ты больше не ходишь в бурой рубашке, со свистком — но дела-то делать можно! Возьмем этот конкурс. Честно ли, справедливо ли, чтобы мне достался верный номер, а неимущему другу, скажем — тебе, досталась практически пустышка? Ответ один: нечестно, несправедливо. Значит, мы это исправим.

— То есть как?

— Очень просто, поменяемся билетиками. Да-да, не спорь, — сказал Пуффи, подметив, что неимущий друг смотрит на него, как удивленная треска. — Конечно, тебе кажется странным, что я действую себе во вред. Но ты упустил то, что доброе дело — само по себе награда. Как приятно, как отрадно знать, что ближний счастлив!

— Но…

— Никаких «но»! И не благодари. Побуждения мои корыстны. Я стремлюсь к большей, лучшей радости.

И Пуффи ушел менять билетики, действительно радуясь.

Только очень ленивый племянник не поспешит к столь дорогому дяде, хотя бы проверить, хватает ли тому картошки, хлеба, масла, пива и пирожных. На следующее утро, предварив свой визит телеграммой, Пуффи направился в Холрок-мэнор, предвкушая обильную трапезу и представляя себе старинный, красивый дом с просторными угодьями.

Дом оказался старинным и красивым. Дядя вышел к нему, и почти сразу они очутились в столовой. Пуффи с удовольствием заметил, что, хотя дядя в кресло влез, оно страдальчески квакнуло. Все-таки фотографии могут что-то исказить. Теперь, увидев дядю воочию, он понял, что, как Соломон в случае с царицей Савской, не знал и половины. Одно удивляло его — почему они не спросят коктейль.

Когда подошел лакей, дядя объяснил свое эксцентричное поведение.

— Прости, дорогой, что я не спросил коктейля. Их тут нет. Вот, прошу, превосходный сок петрушки. Не хочешь? Итак, заказываем. Что тебе, тушеный латук или апельсин? Минутку, нам повезло! Сегодня есть

тертая морковка. Давай так: отвар калия, морковка и чашечка одуванчикового кофе. А?

Еще в начале этой речи челюсть у гостя поникла, как усталая лилия.

— Где мы, собственно? — выговорил он.

— Раньше здесь жил какой-то лорд, не помню титула. Но после войны нелегко содержать поместье. Как это грустно!

— Грустней этого отвара?

— Ты не любишь калий? Тогда возьмем суп из водорослей.

— Нет, я не понимаю. Это — гостиница?

— Скорее, больница. Здесь сбавляют вес.

— Сбав-ля-ют вес?..

— Именно. Доктор Хейлшем гарантирует: «Один день — один фунт». Конечно, если соблюдать режим. Я надеюсь сбавить три стоуна.

— Три *стоуна?*

— Или больше.

— Ты с ума сошел!

— Кто?

— Ты. Зачем тебе это нужно?

— Тебе не кажется, что я полноват?

— Да что ты! Авантажен, не более!

Хорес Проссер засмеялся, что-то припомнив.

— Авантажен, э? Ты снисходительней Лоретты.

— А кто это?

— Такая миссис Даленси, мы познакомились на пароходе. Она назвала меня бегемотом.

— Наглая дура!

— Попросил бы! Эту женщину я люблю.

— Что-что?

Трудно сказать, что дядя Хорес зарделся, он и так был темнее вишни, но он явственно смутился. Оказалось, что лунными вечерами они с миссис Даленси, прелестною вдовой, гуляли по палубе, и в результате этих прогулок он сделал ей предложение, а она ответила, что единственное препятствие — его объем. Неприятно, сказала она, идти к алтарю с бегемотом в человеческом образе.

Дядя Хорес опять засмеялся.

— Со свойственным ей остроумием, — поведал он, — она говорит: «Еще обвинят в многомужестве!» Я ей очень нравлюсь, но, по ее словам, зачем получать свою мечту в удвоенном виде? Такая шутница…

Пуффи, давясь, съел ложку желтоватой гадости, стоявшей перед ним.

— А по-моему, хамка, — возразил он.

— В общем, — продолжал дядя, — мы договорились, что я еду в санаторий и сажусь на диету. Если сбавлю тридцать фунтов, переговоры возобновятся, так сказать, в атмосфере крайней сердечности. Скоро она меня навестит. Возьми еще морковки! Она разрушает жировую клетчатку. Кроме того, в ней очень много витаминов A, B, C, D, E, G и K.

Переварив еду, дядя Хорес ушел на массаж, а Пуффи, по дороге в Лондон, вздрагивал, вспоминая его рассказы о том, как массажисты бьют их, месят, трясут, а также осуществляют effleurage, petriccage и tapotement. [85] Он был в ужасе. Если так пойдет, да при этих отварах и одуванчиках, дядя явится на конкурс в виде тени. Лорд Блистер, в самой средней форме, с легкостью его обойдет.

Многие махнули бы на все рукой, многие — но не Пуффи.

«Спокойно, — сказал он себе, подходя назавтра к клубу, и, действительно в полном спокойствии, окликнул в баре Фредди Виджена, который ел бутерброд.

— Как хорошо, что ты здесь! — сказал он после приветствий. — Ты заметил, что я дрожу?

— Нет, — отвечал Фредди. — А ты дрожишь?

— Еще как!

— Почему?

— А кто бы не дрожал, если он чуть не загубил старого друга? Я получил письмо от дяди Хореса, там есть фотография. Смотри.

Фредди посмотрел и так взволновался, что выпустил бутерброд.

— Черт знает что!

— Вот именно.

— Жуть какая!

— Да, жуть. Ты видишь, что у лорда Блистера шансов нет.

— А как же аргентинская жара?

— Вероятно, невосприимчив. Что-то с порами. И насчет памп я ошибся — какие там лошади! Слава Богу, я все это вовремя узнал. Остается одно. Меняемся билетами.

Фредди ахнул.

— Ты правда… Ой, спасибо! — сказал он проходящему Трутню, который поднял бутерброд. — Ты правда хочешь поменяться?

— Естественно.

— Какой ты благородный!

— Что поделаешь, бойскаут! Это не проходит, — сказал Пуффи и побежал сообщить, что они снова поменялись.

Когда лондонская жизнь ему приедалась, а беседы с трутнями теряли свою прелесть, Пуффи обычно ездил ненадолго в Париж; что и сделал вскоре после описанного разговора. Попивая аперитив на Шанз-Элизэ, он думал о дяде Хоресе и удивлялся, как можно себя изводить из-за женщины. Лично он не отказался бы от порции масла ради Прекрасной Елены, а если бы брак с Клеопатрой предполагал отвар калия, пресек бы приготовления на корню. Взглянув на часы, он представил, как дядя пьет в этот час свою петрушку, готовый съесть любую мерзость ради всепобеждающей любви.

Размышления его прервал громкий треск, и он увидел, что стул у соседнего столика рухнул под бременем какого-то джентльмена. Он засмеялся, но смех замер на его устах. Джентльмен, выбиравшийся из-под обломков, был его дядей, тем самым дядей, которого он представлял среди петрушки и водорослей Холрок-мэнора.

— Дядя! — крикнул он, кидаясь на помощь.

— А, это ты, мой мальчик! — сказал мистер Проссер, отряхиваясь. — Ты тоже здесь? Какие теперь хрупкие стулья! А может, — прибавил он более приятным тоном, — может, я немного потолстел. Французская кухня! Одни соуса… Да, что ты тут делаешь?

— Что *ты* тут делаешь? — спросил Пуффи. — Почему ты не в этом жутком месте?

— Я давно уехал.

— А как же та женщина?

— Женщина?

— Ну, которая назвала тебя бегемотом.

— А, Лоретта Деленси! Я с ней порвал. Так, пароходный флирт. Все они хороши в море, а вот на суше — другое дело. Приехала она ко мне, смотрю — что я в ней нашел? Ради этого лопать такую дрянь? Нет уж, увольте! Написал ей вежливую записку, посоветовал броситься в ближайшее озеро, сложил вещички и уехал. Приятно с тобой встретиться. Такие обеды закатим! Ты надолго?

— Сегодня уезжаю, — отвечал Пуффи. — Надо увидеться по делу с одним человеком.

С человеком он не увиделся. Буквально не выходя из клуба, он встретил там Бинго Литтла, Кошкинкорма, Барни Фипса, Перси, Уимбуша, Нельсона Корка, Арчибальда Маллинера, весь цвет, но Виджена среди них не было, словно его постигла та же судьба, что и «Марию Целесту».

Наконец один Трутень, особенно друживший с Фредди, открыл ему тайну:

— Он прячется от букмекеров, — сказал Трутень, — в Восточном Далидже.

— Где именно?

— Букмекеры тоже хотели бы это знать, — завершил беседу Трутень.

Восточный Далидж плох тем, что густо населен и нелегко отыскать в нем человека, если у вас нет адреса. До последнего дня Пуффи рыскал по улочкам, но Далидж хранит свои секреты. И в день долгожданного конкурса несчастный стоял на ступенях клуба, вглядываясь в горизонт, как сестра Анна из «Синей бороды». Он верил, что Фредди не сможет остаться вдали.

Трутень за Трутнем входили в двери, равно как и дядя за дядей, но ни Виджена, ни лорда Блистера среди них не было. Давление у Пуффи достигло своих высот, когда подъехал кэб, а из него выскочило что-то бородатое и юркнуло в клуб, а там — и в умывальную. Поистине, спасение приходит в последнюю минуту.

Пуффи кинулся за Фредди и застал того перед зеркалом, что странно, посмотреть в таком виде на себя не всякий бы решился. Что до преследователя, более слабый человек бежал бы в страхе. Покупая бороду, его друг явно предпочел количество качеству. Вероятно, продавец предложил что-нибудь в духе Ван Дейка, как у самых высоких дипломатов, но загнанный олень всегда предпочтет дух викторианских романистов. Тот, кого Пуффи так долго искал, мог явиться в их лежбище, и Уилки Коллинз с собратьями приняли бы его как родного, возможно — спутав с Уитменом.

— Фредди! — крикнул Пуффи.

— Привет, — сказал Фредди, с трудом отдирая бороду.

— Дери посильней.

— Не могу, очень больно. Чем-то таким присобачили…

— Ладно, не в том суть. Хорошо, что я тебя нашел! Еще четверть часа — и мы бы опоздали!

— Куда?

— Поменять билеты.

— Как, еще раз?

— Конечно. Помнишь, я говорил, что дядя — в Холрок-мэнор? Я думал, там роскошная гостиница, где он услаждается пивом, шампанским, ликерами. Но это не так.

— А как?

— Он в санатории. Какой-то сумасшедший доктор держит их на режиме. Дядя туда лег, чтобы угодить женщине, которая сравнила его с бегемотом.

— Правда, похож!

— Да, на той фотографии, но это давно, а сейчас он живет на яблочном соке, томатном, ананасовом, апельсиновом, не говоря о петрушечьем, на тертой морковке, отваре калия и супе из водорослей. Кроме того, его каждый день подвергают effleurage, petrissage и другим пыткам.

— Чтоб мне треснуть!

— Ничего, ничего. Дай мне твой билетик, а я дам тебе свой, и все в порядке. Подумать страшно, я тебя чуть не погубил, из самых лучших побуждений!

Фредди погладил бороду, как-то странно колеблясь.

— Знаешь, — сказал он, — если твоя дядя потеряет стоун-другой, он все равно толще дяди Родни. Мне очень важно выиграть. Я должен пятьдесят фунтов ясновидящему букмекеру, который считает, что, если я их не отдам, что-нибудь со мной случится.

Пуффи за неимением бороды погладил подбородок.

— Вот что, — сказал он не сразу, — пятьдесят фунтов я дам.

То, что было видно сквозь заросли, внезапно осветилось, словно кто-то улыбался кому-то из-за стога.

— Пуффи! — воскликнул Фредди. — Неужели дашь?

— Для друга не жалко.

— Себе в убыток!..

— А радость, старик, а радость?

Прибежав наверх, он кинулся к ответственному Трутню, попросил кое-что изменить — и тот нахмурился.

— Сколько можно! — сказал он. — Значит, теперь у тебя Блистер, а у Фредди — Проссер?

— Да, да.

— Именно так?

— Так, так.

— Хорошо, я на вас извел целую резинку.

В эту минуту швейцару удалось привлечь внимание Пуффи.

— Вас спрашивают, мистер Проссер, — сообщил он.

— А, это мой дядя! Где он?

— Прошел в бар.

— Естественно. Дай ему коктейль, — сказал Пуффи еще одному Трутню. — Я сейчас.

Сверкая радостью, он спустился вниз. Как и при Ватерлоо, все чуть не сорвалось, но он победил и ликовал. Резервируя столик, он не пел, но это

как бы входило в солнечную улыбку и сияющий взор. Выйдя в холл, он удивился, увидев там последнего Трутня.

— Ты не в баре?

— Я там был.

— Не нашел его?

— Нашел.

Пуффи показалось, что тон у него какой-то странный.

— Знаешь, — сказал Трутень, — я сам люблю шутки, но есть и предел.

— Что?

— Нельзя же выставлять на бега борзую!

— О чем ты?

— О том, что этот шар — не твой дядя.

— Да дядя он!

— Ничего подобного.

— Его фамилия Проссер.

— Это верно.

— Он подписался «Дядя Хорес».

— Очень может быть. Но он тебе не дядя, а пятиюродный брат. Видимо, в детстве ты называл его дядей, он старше, но это ничего не меняет. Если ты всего этого не знал, прости за грубость. Тогда тебя надо пожалеть. Его дисквалифицировали, победил лорд Блистер. Возьми себя в руки. Здесь нельзя.

Пуффи не был в этом уверен. Ему казалось, что тошнить может везде.

Рассказы М-ра Маллинера

Перевод с английского Н. Трауберг

САМА ЖИЗНЬ

Беседа в «Привале рыболова» вертелась вокруг искусства, и кто-то спросил, стоит ли смотреть фильм «Прекрасная Вера, или Превратности судьбы», который шел в «Нежных грезах».

— Конечно, стоит, — сказала мисс Постлвейт, наша милая и бойкая барменша, посещавшая все премьеры. — Там сумасшедший профессор хочет превратить одну девицу в краба.

— Превратить в краба? — удивились мы.

— Да. Он собрал кучу крабов, растолок, выварил какой-то гормон и собирался впрыснуть ей в спинной мозг, но тут ворвался Джек Фробишер. Сами понимаете! Ее зовут Вера Далримпл.

— А зачем он…

— Ну, кто захочет, чтобы любимую девушку превратили в краба!

— Нет, профессор. Зачем он это все затеял?

— Рассердился на нее за что-то.

Мы подумали и решили, что это вполне возможно. Но один из нас покачал головой.

— Ерунда, — сказал он. — Такого не бывает.

— Простите, — вмешался другой, и мы заметили, что с нами — сам мистер Маллинер.

— Простите, что вмешиваюсь, — продолжал он, — но я случайно услышал вашу беседу и понял так, что вы, вот вы, затронули весьма близкую мне тему: что в жизни бывает, чего — не бывает. Как можем мы, с нашим скудным опытом, судить об этом? Возможно, сейчас тысячи женщин превращаются в крабов. Еще раз простите мой пыл, но я немало пострадал от нынешнего скепсиса. Есть даже люди, которые не верят рассказу о моем брате Уилфриде всего лишь потому, что он не укладывается в рамки обыденной жизни.

От волнения мистер Маллинер спросил горячего виски с лимоном.

— А что случилось с вашим братом? — осведомились мы.

— Он превратился в краба?

— Нет, — отвечал мистер Маллинер, глядя на нас честными голубыми глазами. — Нет, не превратился. Я мог бы сказать: «Да, именно», но как-то привык говорить одну только правду.

Уилфрид (сказал мистер Маллинер) — самый умный в нашей семье.

Еще в детстве он возился со всякой химией, а в университете отдавал все свое время исследованиям. Тем самым, совсем молодой, он обрел известность как изобретатель прославленных «Чудес Маллинера». Этот общий термин включает крем «Жгучий цыган», лосьон «Горный снег» и многое другое, как парфюмерного, так и лечебного характера.

Конечно, человек он был занятой, и настолько, что, несмотря на очарование, присущее всем Маллинерам, достиг четвертого десятка, ни разу не влюбившись. Помню, он говорил, что у него просто нет на это времени.

Но всех нас, рано или поздно, настигает любовь, а сильных, сосредоточенных людей она поистине поражает. Уехав ненадолго отдохнуть в Канны, он встретил Анджелу Пардью и пал ее жертвой.

Позже он признавался, что привлек его прежде всего замечательный загар. То же самое сказал он и ей, делая предложение, поскольку она, в своей девичьей манере, спросила: «А за что ты меня полюбил?»

— Ах, — заметила она, узнав ответ, — загар так быстро сходит! Если бы я знала, как его сохранить…

— Попробуй крем «Жгучий цыган», — отвечал ей Уилфрид.

— Выпускают два вида коробок — маленькие (полкроны) и большие (7 шиллингов 6 пенсов). В большой — в три с половиной раза больше. Наносить особой губочкой, перед сном.

— Он правда хороший? — проверила Анджела.

— Я его изобрел, — просто ответил Уилфрид. Анджела благоговейно посмотрела на него.

— Какой ты умный! — вскричала она. — Но все равно опекун рассердится.

— Почему?

— Я получила огромное наследство, и он хочет выдать меня за своего сына.

— Ах, — сказал мой дядя, — же ман фиш![86]

Однако через несколько дней после возвращения в Лондон (Анджела уехала раньше), он получил возможность проверить эти слова. Когда он размышлял над тем, как вылечить сап у канареек, ему принесли чью-то карточку.

— «Сэр Джаспер Ффинч-Ффароумер, баронет», — прочитал он и сказал: — Попросите его войти.

Вошел очень толстый розовый человек того типа, какому полагается быть веселым; однако он им не был.

— Сэр Джаспер Финч-Фароумер? — осведомился Уилфрид.

— Ффинч-Ффароумер, — поправил чуткий посетитель.
— А, ясно! Через два «ф».
— Всего их четыре.
— Чему я обязан?..
— Тому, что я — опекун Анджелы Пардью!
— Виски? Вина?
— Спасибо, нет. Я не пью. Заметил, что от вина толстею. Кроме того, я не ем картошки, масла, супов… Простите, я пришел не в гости. Меня послала Анджела.
— Ах! — сказал мой дядя. — Сэр Джаспер, я ее безумно люблю.
— Да? — усомнился баронет. — Тем не менее все кончено.
— Что?
— Все. Она просила передать, что разрывает помолвку.
Уилфрид вдумчиво посмотрел на баронета. Он читал много книг, где толстый румяный человек оказывался первостепенным злодеем.
— Вот как? — холодно сказал он. — Я бы предпочел услышать это от нее.
— Она не хочет вас видеть. Да что там, вот письмо. Почерк узнаете?
Уилфрид почерк узнал; содержание не представляло возможности для сомнений; и все же на лице его играла недобрая улыбка.
— Иногда письмо пишут под давлением. Баронет стал густо-вишневым.
— Что вы имеете в виду?
— То, что сказал.
— Вы намекаете…
— Да.
— Ф-фу!
— Возможно. Кстати, я подозреваю, что фамилии ваши пишутся через одно «ф».
Пораженный в самое сердце, баронет повернулся и вышел.
Великий ученый, мой дядя был и человеком дела. Как только посетитель ушел, он кинулся в клуб «Пробирка» и узнал из справочника, что зловещий опекун живет в Ффинч-холле (Йоркшир). Отсюда он вывел, что именно там томится Анджела.
В тот же день Уилфрид уехал в Йоркшир и к вечеру достиг кабачка «Герб Ффинчей», а ночью ходил в саду Ффинч-холла, вслушиваясь в разные звуки.
Наконец из верхнего окна до него донесся звук, от которого сами собой сжались кулаки, и настолько, что костяшки пальцев побелели. То

был женский плач.

Уилфрид всю ночь не спал, зато к утру знал, что делать. Не буду утомлять вас описанием того, как он познакомился с лакеем сэра Джаспера, посещавшим местный кабачок, а там — осторожно, исподволь — завоевал его доверие лестью и пивом. Достаточно сказать, что через неделю он подговорил его (не без помощи денег) уехать к внезапно заболевшей тетке, предложив вместо себя любимого кузена.

Кузеном этим, как вы догадались, был Уилфрид, но совсем иной. Темноволосый красивый человек, перевернувший всю химию (он доказал, что H2O + b3g4zz = G6f5p3x), обратился в истинное чудище. Перед отъездом он приобрел рыжий парик и синие очки. В данном случае очки не принесли бы пользы — синеочкового лакея заподозрит самый бесхитростный баронет, поэтому пришлось просто сбрить усы и намазаться «Жгучим цыганом».

Усадьба, в которой он водворился, принадлежала к числу тех мрачных усадеб, которые для того и созданы, чтобы в них совершались преступления. Даже в первый раз Уилфрид заметил по меньшей мере десять мест, которым как-то не хватало хорошего трупа. Именно в таких усадьбах каркают вороны, накликая смерть наследника, а по ночам из-за ставен вырывается дикий крик.

Внутри было не лучше, а уж слуги оказались хуже всего. Кухарка напоминала что-то такое из гастролей «Макбета», дворецкий Мергатройд отличался тем, что один глаз у него косил, другой — зловеще поблескивал.

Многие пали бы духом; многие — но не Уилфрид. Конечно, он, как все Маллинеры, был невероятно храбр, но, главное, он это предвидел. Словом, ухо он держал востро, и вскоре его стойкость увенчалась успехом.

Однажды он заметил, что сэр Джаспер идет наверх по лестнице и несет поднос, на котором расположены: подставка для гренков, полбутылки легкого вина, соль, перец и какое-то накрытое блюдо. Внюхавшись, Уилфрид опознал отбивную котлету.

Скрываясь в тени, он последовал за ним. Дойдя до самого верха, баронет постучался в какую-то дверь. Та приоткрылась, показалась рука, поднос исчез, а баронет пошел обратно, равно как и Уилфрид. Он нашел то, что искал.

— Где вы были? — подозрительно спросил дворецкий.

— Ах, там и сям! — отвечал он с искусной легкостью. Мергатройд сверкнул глазом.

— Лучше ходите, где положено, — сказал он. — Не все в этом доме

доступно обозрению.

— Золотые слова! — поддержала кухарка, роняя луковицу в суп.

Уилфрид невольно вздрогнул.

Однако вообще-то ему стало легче. Спасибо на том, думал он, что она не голодает. Отбивная издавала на редкость приятный запах. Если вся еда на этом уровне, жаловаться не на что.

Но облегчение длилось недолго. Хорошо, подумал он, но сводится ли к котлетам жизнь прекрасной дамы, запертой в мрачной усадьбе? Нет, не сводится. Когда болит сердце, котлета смягчит его боль — но не снимет. Тем самым, надо найти ключ от той двери и увести даму к свету и счастью.

Ключ найти нелегко. Вечером, когда хозяин ужинал, Уилфрид тщательно, но тщетно обыскал его комнату. Пришлось предположить, что ключ он носит с собой.

Как же к нему подобраться?

Мы вправе сказать, что дядя мой неподражаем. Тот, кто догадался, что, подмешав в жидкий кислород калия, тринитротолуола и старого бренди, вы сможете выдать это в Америке за шампанское (130 долларов ящик), тот, повторяю, решит любую проблему.

Мы не станем исследовать чувства, терзавшие его всю неделю. Жизнь не может быть только радостью. Рассказывая столь жизненную историю, автор обязан описывать как свет, так и тени; но есть и предел. В конце концов все вы — умные и легко представите, что чувствовал тонкий и влюбленный человек, зная, что возлюбленная, по сути дела, томится в темнице.

Глаза у него запали, скулы, напротив, вылезли. Он худел, и настолько, что хозяин как-то заметил, не скрывая зависти:

— И как это вы ухитряетесь? Едите, как голодный эскимос, — и вот, пожалуйста! Я отказался от масла и картошки, пью на ночь лимонный сок без сахара… А, черт! — прибавил он, ибо, как все баронеты, был несдержан в речи. — Сегодня взвесился — прибавил шесть унций. В чем дело?

— Да, сэр Джаспер, — отвечал Уилфрид.

— То есть как «да»?

— Нет, сэр Джаспер. Баронет жалобно засопел.

— В чем тут дело? — повторил он. — Какое-то чудо света! Видели вы толстых лакеев? Нет; и никто не видел. Однако они непрерывно едят. В семь утра — кофе, тосты с маслом. В восемь — овсянка, яичница с беконом, джем, хлеб, чай, масло, просто бекон и какая-то рыбка. В

одиннадцать — кофе, хлеб с маслом. В час — что угодно и пиво, а если удастся — вино. В три — перекус. В четыре — перекус. В пять — чай, тосты с маслом. В семь — Бог знает что с картошкой и, конечно, пиво. В девять — перекус. В половине одиннадцатого уходит к себе со стаканом молока и печеньем, это — на ночь. Однако он строен, как бобовый стебель, а я, годами сидящий на диете, отращиваю третий подбородок. Какая тайна!..

— Да, сэр Джаспер.

— Вот что я вам скажу, — закончил баронет. — Купил я турецкую баню. Если она не поможет — все, сдаюсь.

Комнатная баня прибыла, ее установили — и дня через три, вечером, Уилфрида отвлек от мечтаний голос Мергатройда.

— Эй! — сказал он. — Проснитесь. Сэр Джаспер вас зовет…

— Как? — спросил Уилфрид, гадая, как же назвал его хозяин.

— Громко, — ответил дворецкий.

И верно, до людской доносились жуткие, пронзительные крики. Видимо, хозяин умирал, и Уилфрид, человек долга, понял, что идти надо, хотя и не стоило бы. Вбежав в хозяйскую спальню, он увидел, как малиновый баронет (лицо) торчит из комнатной бани.

— Пришел! — заметил сэр Джаспер. — Эй, что вы с ней сделали?

— То, что предписано, сэр Джаспер. Следуя инструкции 1, я вставил стержень А в колейку В, прикрепил шпунтом С…

— И зря! Ни к собачьей матери… Застрял.

— Застряли?!

— Да. А она раскаляется! Просто ад какой-то, черт ее… — словом (я прошу прощения за лексику сэра Джаспера, но вы же знаете баронетов!) — зажарюсь, трам-та-ра-рам!

— Хорошо, — сказал Уилфрид, — я вас выпущу.

— Ну, скорей…

— На одном условии! Во-первых, вы даете мне ключ.

— Какой ключ? Нет, какой ключ! Вставляете это D в это С.

— Ключ от комнаты, в которой вы держите Анджелу.

— Что такое? Ой!

— То. Я — Уилфрид Маллинер!

— Чушь! Он — брюнет, вы что-то спутали.

— Парик. От Кларксона. — Уилфрид погрозил сэру Джасперу пальцем. — Я следил за каждым вашим шагом. Я загнал вас в угол. Давайте ключ!

— Фу! — сказал сэр Джаспер и тут же поправился: — Ффу!

— Освободив мою невесту, — продолжал Уилфрид, — я увезу ее из этого зловещего дома и женюсь как можно скорее.

Сэр Джаспер засмеялся, хотя и страдал.

— Вот как?

— Да.

— Ох-ох-ох! Так прямо и женитесь?

— Да. Прошу ключ!

— Нет у меня ключа, он в двери! Ха-ха-ха!

— При чем тут «ха-ха»?

— В двери. С той стороны.

— Очень похоже на правду! Что ж, мне некогда. Пойду выломаю дверь.

— Пожалуйста! — Баронет захохотал, как душа в аду. — Интересно, что скажет Анджела!

Уилфрид прекрасно представлял, что скажет его невеста. Собственно, она зарыдает на его груди, что-то бормоча. Он кинулся к выходу.

— Эй! — закричал баронет. — А я?

— Сейчас, — отвечал Уилфрид, — минутку.

Взбежав по лестнице, он приник к двери и проговорил:

— Анджела!

— Кто там? — отозвался знакомый голос.

— Я, Уилфрид. Сейчас взломаю дверь, отойди. Ворвавшись внутрь, он с удивлением увидел, что в комнате темно.

— Анджела, — позвал он, — где ты?

— Здесь. И хотела бы узнать, почему и вы — здесь. После того письма! Некоторые, — продолжал какой-то холодный голос, — не понимают намеков.

Уилфрид пошатнулся и упал бы, если бы не схватился за голову.

— Письмо? — вскричал он. — Ты хочешь сказать, что писала его *свободно?*

— Еще бы!

— Но… но… но… Разве ты меня не любишь? Тьму огласил горький, резкий смех.

— Вас? Человека, который рекомендовал мне этот крем?

— О чем ты говоришь?

— Ну что ж, взгляните!

Комнату залил свет. Перед Уилфридом стояла Анджела, царственная, прекрасная, но — пегая.

Глядя на нее благоговейным взором, Уилфрид подметил, что лицо ее наполовину — белое, наполовину — бурое, а на лебединой шее виднеются пятна вроде тех, какие мы находим в библиотечных книгах.

— Вот что вы сделали со мной, Уилфрид Маллинер, — продолжала она, — вы и ваш жуткий крем. Я купила большую коробку — и через неполные сутки могла выступать в цирке под именем Пятнистой Принцессы. Здесь, в доме детства, я укрылась от мира. Но… — голос ее прервался, — но любимый терьер Понго, которого я вынянчила, взглянул на меня — и тяжело заболел. Виноваты вы, Уилфрид Маллинер, только вы!

Многие дрогнули бы от этих слов, многие — но не дядя, который, напротив, улыбнулся с бесконечным состраданием.

— Все в порядке, — сказал он. — Надо было предупредить, что особенно чувствительная кожа иногда идет пятнами, но их мгновенно удаляет лосьон «Горный снег», четыре шиллинга бутылка.

— Уилфрид! Это правда?

— Конечно. И такая мелочь стоит между нами?

— Нет! — раздался громовый голос.

В дверях стоял сам Ффинч-Ффароумер, обернутый полотенцем, а так, вообще — ярко-красный. За ним стоял Мергатройд, поигрывая бичом.

— Не ждали, а? — осведомился сэр Джаспер.

— Да, — строго согласился Уилфрид, — не ждал, что вы появитесь при даме в таком виде.

— Ерунда! — вскричал баронет. — Маргатройд, к делу! Жутко насупив брови, тот пошел вперед, но тут раздался

крик:

— Стойте!

— Я и не начал, мисс, — поправил ее дворецкий.

— Вы и не начнете, — сообщила Анджела. — Я его люблю.

— Как? — заорал ее дядя. — После всего, что было?

— Да. Он все объяснил. Пунцовое лицо мрачно искривилось.

— А объяснил он, почему он оставил меня вариться в этой бане? Спасибо, верный Мергатройд услышал, как я вою. Уже шел дым.

Уилфрид вдумчиво смотрел на баронета.

— Если бы, — сказал он, — вы употребляли изобретенное мною средство «Грация», в таблетках ли, в жидком ли виде (5 шиллингов 6 пенсов бутыль), вам не пришлось бы вариться во всяких банях. Препарат изготовлен из целебных трав, гарантирует потерю веса без побочных эффектов, примерно 2 фунта в неделю.

— Это правда? — выговорил баронет.

— Конечно.

— Вы ручаетесь?

— Естественно.

— Мой дорогой! — вскричал сэр Джаспер. — Вот — Анджела. Благословляю.

Сзади послышался осторожный кашель.

— У вас нет чего-нибудь против радикулита? — спросил Мергатройд.

— Как не быть! «Снимиболь», курс лечения — шесть дней.

— Спасибо, — взрыдал дворецкий, — спасибо! Где его купить?

— В любой аптеке.

— Так и дерет, так и дерет…

— Больше драть не будет.

Что тут можно прибавить? Мергатройд теперь — самый прыткий из всех дворецких в Йоркшире. Сэр Джаспер сбросил пятнадцать стоунов и подумывает об охоте. Уилфрид и Анджела поженились, и никогда еще, по слухам, колокола не звонили так весело, как в тот июньский день, когда Анджела подняла к жениху лицо, напоминающее ровностью окраски старинный дубовый стол, и на вопрос священника ответила: «Да». Теперь у них двое детей. Персиваль готовится к гимназии в Сассексе, а Фердинанд уже поступил в Итон.

Допив свое виски, мистер Маллинер попрощался с нами и ушел.

Мы молчали, видимо — углубившись в размышления. Потом кто-то встал и сказал:

— Что ж, спокойной ночи. Вероятно, это обобщило ситуацию.

ЭЙ, СМЕЛЕЙ!

Сельский хоровой кружок готовил спектакль в пользу органного фонда, репетируя по этой причине оперетту «Волшебник» (авторы — Гилберт и Салливен). Мы же сидели у окна, в «Привале рыболова», курили трубки и слушали звуки, долетавшие до нас. Мистер Маллинер стал им вторить.

— О-о-о-ох! Я был бедный и бледный священник, — пел он в нос, как поет любитель, исполняющий что-то старинное.

— Заметьте, — сказал он, обретая обычный тембр, — мода меняется даже в Церкви. Теперь едва ли найдешь бледного священника.

— Да, — согласился я. — Молодые помощники викария мясисты и спортивны. Бледных я что-то не видал.

— Вероятно, вы не знакомы с моим племянником?

— Как это ни прискорбно.

— Слова этой арии подошли бы к нему. Вот, послушайте.

В те времена, о которых я говорю (сказал мистер Маллинер), мой племянник Августин был молод и бледен. Еще с детства он отличался исключительной хлипкостью, и в богословском колледже его обижали низкие души. Как бы то ни было, приехав в Нижний Брискет, чтобы помогать викарию, он поразил всех кротостью и робостью. Тихий, волосы льняные, глазки голубенькие, повадка праведной трески. Словом, именно этот тип священника имел в виду Гилберт, когда писал либретто.

Свойства викария не помогали преодолеть природную робость. Преподобный Стенли Брендон был массивен и сердит, а его малиновое лицо и сверкающий взор испугали бы и более смелого помощника. Студентом он славился как боксер в тяжелом весе, и племянник говаривал, что он привносит в приходскую жизнь самый дух ринга. Однако именно его дочери отдал Августин свое сердце. Поистине, Купидон сильнее малодушия.

Прелестная Джейн нежно любила Августина, но встречались они тайно, не решаясь открыться викарию. Племянник, честный, как все Маллинеры, нестерпимо страдал. Однажды, гуляя в саду, у лавровых кустов, он возмутился духом.

— Дорогая, — сказал он, — я больше не вынесу. Сейчас же иду к нему и прошу твоей руки.

Джейн побледнела, прекрасно зная, что получит он пинок ногой.

— Нет! — вскричала она. — Не надо!

— Дорогая, — сообщил мой племянник, — обман греховен.

— Хорошо, иди, только не сегодня!

— Почему?

— Папа очень сердится. Епископ ругает его в письме за лишние вышивки на ризах. Сегодня папа сказал, что Слон не имеет права говорить с ним в таком тоне. Они вместе учились.

— А завтра, — взволновался Августин, — епископ приедет сюда, на конфирмацию!

— Вот именно. Я очень боюсь, что они повздорят. Какая жалость, что у папы — этот епископ! Папа все время вспоминает, как дал ему в глаз, потому что тот налил ему чернил за шиворот. Значит, сегодня не пойдешь?

— Не пойду, — заверил Августин,

— И подержишь ноги в горчице? Трава такая мокрая…

— Подержу, подержу.

— Ты такой хрупкий.

— Да…

— Надо бы попринимать тонизирующее средство.

— Может, и надо бы… Спокойной ночи, дорогая.

Джейн скользнула в дом, Августин пошел в свою комнату, которую снимал на Главной улице, и, войдя, сразу увидел посылку. Рядом лежало письмо. Он рассеянно его открыл.

> «Дорогой Августин!»

Он посмотрел на подпись. Писала тетя Анджела, жена моего брата Уилфрида. Если вы помните историю о том, как они поженились, вам известно, что Уилфрид — знаменитый химик, который, среди прочего, создал крем «Жгучий цыган» и лосьон «Горный снег».

> «Дорогой Августин! *(писала Анджела Маллинер).* Последнее время я много о тебе думаю, никак не могу забыть, какой ты был слабенький, когда мы виделись. Вероятно, тебе не хватает витаминов. Прошу тебя, следи за здоровьем!
>
> Мне все казалось, что тебе надо попринимать тонизирующее средство. По счастливой случайности, Уилфрид как раз изобрел одно, называется «Эй, смелей!», умножает кровяные шарики. Это

— пробный флакон, я взяла его из лаборатории. Принимай его, дорогой, именно он тебе и нужен.

Любящая тетя Анджела.

P.S. Столовую ложку на ночь и с утра».

Августин не был суеверен, но совпадение его потрясло. Только Джейн заговорила о средстве — и вот оно, пожалуйста. Поневоле усмотришь тут смысл. Он встряхнул бутылку, откупорил, налил полную ложку — и выпил, закрыв глаза.

К счастью, снадобье было приятным на вкус, хотя и резковатым, словно херес, в котором вымачивали старую подошву. Августин почитал богословский трактат и лег в постель.

Как только нога его скользнула между простыней и одеялом, он обнаружил, что миссис Уордл, его хозяйка, забыла положить грелку.

— Ну что же это такое! — сказал он в глубокой обиде, ибо сотни раз говорил, что ноги у него мерзнут. Выскочив из постели, он кинулся на лестницу, взывая:

— Миссис Уордл! Ответа не было.

— Миссис Уордл! — завопил он так, что затряслись окна. Послышалось шарканье, сварливый голос спросил:

— Ну, что там еще? Августин трубно фыркнул.

— Что?! — взревел он. — А вот что! Сколько раз говорить? Опять забыли грелку!

Миссис Уордл удивилась.

— Я не привыкла… — начала она.

— Молчать! — заорал Августин. — Меньше слов, больше грелок! Живей, живей, а то съеду! Комнат много, вы не одна. Эй, живо!

— Сейчас, мистер Маллинер. Сейчас, сейчас, сейчас. Я мигом.

— Поживей! Ну, ну, ну! Проворнее!

— Сию минуточку, мистер Маллинер…

Через час, перед самым сном, Августин подумал: не был ли он грубоват со своей хозяйкой? Не допустил ли он… как бы тут сказать… неучтивости? Да, печально решил он, что-то такое было. Он зажег свечу, взял дневник и написал:

«Кроткие наследуют землю. Достаточно ли я кроток? Сегодня, укоряя хозяйку, которая не дала мне грелку, я был несколько резок. Искушение — сильное, но все же я виноват, ибо дал волю страстям. На будущее: сдерживать такие порывы».

Но, когда он проснулся, чувства были иные. Он принял «Эй, смелей!» и, заглянув в дневник, едва поверил, что сам это написал. «Резок»? Ну, конечно. А как еще обращаться с безмолвными особами, которые не дают тебе грелку?

Он густо зачеркнул эту запись и написал сбоку: «Чушь! Так ей и надо, старой дуре».

После чего пошел завтракать.

Чувствовал он себя превосходно. Дядя Уилфрид не ошибся, лекарство действовало на эти шарики. До сих пор Августин о них не знал, но теперь, поджидая яичницу, явственно ощущал, что они просто пляшут. Видимо, они собирались стайками и веселились вовсю.

Он еще пел, когда миссис Уордл принесла завтрак.

— Что это такое? — грозно спросил он.

— Яишенка, мистер Маллинер. Хорошая.

— В каком смысле? Быть может, она добра; быть может, она учтива; но есть ее нельзя. Идите в кухню и попытайтесь снова. В кухню, не в крематорий! Жарить — одно, сжигать — другое, любезная. Уловили разницу? Не уловите — съеду, у вас и так слишком дорого.

Радость бытия, с которою он начал день, не уменьшалась, а, скорее, росла. Августин так взбодрился, что, против обычая, взял шляпу, надел ее набекрень и пошел пройтись по лугам.

На обратном пути, совсем уж расцветший, он увидел зрелище, редкое в сельской местности, — бегущего епископа. В таких местечках вообще редко видят епископов, но если уж увидят, то в карете или на чинной прогулке. Этот несся, как лошадь на скачках, и Августин залюбовался им.

Епископ, большой и толстый, отличался, казалось бы, солидностью, а не прытью — но бежал хорошо. Мелькая гетрами, промчался он мимо Августина и вдруг, доказывая свою многогранность, взлетел на дерево. Племянник мой догадался, что побудила его к этому лохматая пятнистая собака, подбежавшая к дереву сразу после него.

Августин подошел к ним.

— Не поладили с бессловесным другом? — осведомился он. Епископ посмотрел вниз со своего насеста.

— Молодой человек, — сказал он, — спасите меня!

— Рад служить, — откликнулся Августин.

Прежде он боялся собак, теперь — не колебался. С несказанной быстротой схватив камень, он швырнул его и крякнул от радости, угодив в цель. Собака, сообразив, что к чему, ускакала со скоростью 45 миль в час, а

епископ, осторожно спустившись, схватил руку Августина:

— Вы меня спасли!

— Ладно, чего там! Мы, клирики, должны помогать друг другу.

— Я думал, она меня вот-вот схватит.

— Да, собачка могучая. Как говорится, грубая сила. Суровый песик.

Епископ кивнул.

— Зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась. Второзаконие, 34, 7. Не могли бы вы мне сказать, где тут живет викарий? Боюсь, я сбился с пути.

— Я провожу вас.

— Спасибо. Лучше бы вам не заходить, у нас со старым Пирогом серьезная беседа… то есть с преподобным Стенли Брендоном.

— А у меня — с его дочерью. Побуду в саду.

— Вы — замечательный человек, — сказал епископ, когда они двинулись в путь. — Наверное, его помощник?

— Пока — да, — отвечал Августин, хлопая спутника по плечу, — но подождите, что будет! Подождите, сами увидите.

— Да, конечно. Вы пойдете далеко, так сказать — доберетесь до вершин.

— Как вы в недавнем прошлом? Ха-ха!

— Ха-ха! — поддержал его епископ. — Ну и пройдоха вы, однако!

И он ткнул Августина в бок.

— Ха-ха-ха! — сказал Августин и хлопнул его по спине.

— Кроме шуток, — промолвил епископ, когда они вошли в сад, — я послежу за тем, чтобы вы получили все, чего достойны. Поверьте, дорогой мой, я в жизни своей не видел такого ловкого удара. Слова мои я взвесил, я вообще человек прямой.

— Велика истина и сильнее всего, — сказал Августин. — Вторая книга Ездры, 4,41.

И пошел к лавровым кустам, где обычно встречался с Джейн. А епископ, подойдя к двери, позвонил в звонок.

Хотя они не договорились о свидании, Августин удивлялся, что Джейн все нет. Он не знал, что отец поручил ей развлекать жену епископа, показывая этой достойной даме местные виды. Прождав четверть часа, он решил было уйти, но тут до него донесся звук сердитых голосов. Видимо, они долетали из комнаты, выходившей в сад.

Легко пробежав по лужайке, Августин приблизился к дому. Окно, доходившее до пола, было открыто.

— Ах, вот как?! — говорил викарий дрожащим, звонким голосом.

— Да уж, именно так, — отвечал епископ.

— Ха-ха!

— Еще посмотрим, кто над кем посмеется!

Августин подошел поближе. Джейн боялась не зря, старые товарищи ссорились. Он заглянул в окно. Викарий шагал по ковру, заложив руки за спину, тогда как епископ стоял у камина и дерзко смотрел на былого друга.

— Кто бы рассуждал о ризах! — возмущался викарий.

— Не ваше дело.

— Нет, вы скажите, с чем их едят? Ха-ха.

— И скажу!

— Пожалуйста. Просим.

— Ризы — это облачение, расшитое по определенному образцу. Спорьте, не спорьте, любезнейший Пирог, а вы от образца отступили. Придется это исправить, не то будет хуже.

Викарий гневно сверкнул глазами.

— Вот как? — спросил он. — А я не исправлю. Нет, это надо же, какая наглость! Быть может, вы забыли, что я знавал вас замурзанным мальчишкой и мог бы кое-что рассказать?

— Я ничего не скрываю!

— Да? А кто положил французу в ящик белую мышь?

— Кто налил варенья старосте в постель? — парировал епископ.

— У кого был грязный воротничок?

— Кому надевали слюнявчик? — гремел великолепный голос (заметим, что даже шепот епископа оглашал весь храм). — Кого вырвало за ужином?

Викарий задрожал. Лицо его стало темно-лиловым.

— С индейкой что-то случилось, — выговорил он.

— Еще бы! Вы ее слопали, вот что с ней случилось. Если бы вы заботились о душе так, как заботитесь об утробе, вы были бы епископом.

— Да?

— Нет, что это я! У вас бы мозгов не хватило. Викарий зловеще засмеялся.

— Мозгов! Нет, это бесподобно! Мы прекрасно знаем, как становятся епископом.

— Что вы имеете в виду?

— Вот вы — епископ. Не будем спрашивать, чему вы этим обязаны.

— То есть как?

— Так. Не будем.

— Почему?

— Потому. Вам же лучше!

Этого епископ не выдержал. Лицо его перекосилось, он шагнул вперед — но Августин вскочил в комнату.

— Ну, ну, ну, ну! — сказал он. — Ну-ну-ну-ну-ну! Епископ и викарий воззрились на него.

— Не надо! — заметил мой племянник.

Первым опомнился викарий.

— Кто вас сюда пустил? — заорал он. — Почему вы скачете? Вы что, клоун?

Августин смело встретил его взгляд.

— Нет, — отвечал он, — я священник. А потому мне больно, когда священнослужители, мало того — бывшие друзья, забывают о дружбе и о сане. Это дурно. Это очень дурно, мои дорогие.

Викарий закусил губу. Епископ опустил голову. Августин положил руки им на плечи.

— Разве можно так кричать? — спросил он.

— Это не я, — сказал викарий, — это он начал.

— Ну и что? — возразил мой племянник, останавливая жестом епископа. — Будьте благоразумны. Уважайте правила спора. Помягче, полегче, поучтивей. Вы считаете, — обратился он к епископу, — что у нашего друга слишком узорные ризы?

— Да. И не уступлю.

— Допустим. Но что такое узор перед истинной дружбой? Подумайте немного. Вы вместе учились. С ним, с нашим славным хозяином, играли вы на лужайке, с ним метали перья на уроке. Неужели все это ничего не значит для вас? Неужели память молчит?

Викарий вытирал слезы. Епископ искал платок. Все молчали.

— Прости меня, — сказал наконец епископ.

— Нет, ты меня прости, — сказал викарий.

— Знаешь, индейка протухла. Помню, я еще удивлялся, зачем подают такую гадость.

— Когда ты положил эту мышь, ты совершил подвиг. Тебя бы тогда и сделать епископом.

— Пирог!

— Слон!

Они обнялись.

— Вот так-то, — одобрил Августин. — Все в порядке?

— Да-да! — воскликнул викарий.

— В высшей степени, — подтвердил епископ. — Носи что хочешь, Пирог, тебе виднее.

— Нет-нет! Я был не прав. Зачем вообще эти вышивки?

— Пирог, мой дорогой…

— Не беспокойся, Слон! Мне совершенно все равно, есть они или нет.

— Какой человек! — Епископ закашлялся и помолчал, чтоб хоть немного скрыть свои восторги. — Пойду-ка погляжу, где моя жена. Они гуляют с твоей дочерью.

— Вон, возвращаются.

— А, вижу! Красивая у тебя дочь… Августин хлопнул его по плечу.

— Золотые слова, епиша! Лучшая девушка на свете. Я ее люблю, и, спешу сказать, взаимно. Недостает отцовского благословения. Тогда уж огласили бы в церкви. Ну как?

Викарий подпрыгнул, словно его укололи. Как многие викарии, он недолюбливал простых священников, а моего племянника считал самым жалким из этого презренного класса.

— Что?! — воскликнул он.

— Превосходнейшая мысль, — умилился епископ. — Я бы сказал, перл мудрости.

— Моя дочь — за простым священником!

— Кто им не был? Ты — был, Пирог.

— Да, но не таким.

— Конечно. И я таким не был. Куда нам с тобой! Я в жизни своей не встречал такого замечательного юноши. Знаешь ли ты, что меньше часа назад он с удивительной смелостью и поразительной ловкостью спас меня от мерзкой собаки в черных пятнах? Я буквально погибал, когда этот молодой человек быстро, четко, мудро угодил в нее камнем.

Викарий явственно боролся с каким-то сильным чувством.

— В черных пятнах? — уточнил он.

— Черных, как ночь. Но не черней ее души.

— Угодил камнем?

— Еще как!

Викарий протянул Августину руку.

— Маллинер, — сказал он, — я этого не знал. Теперь, когда я знаю, у меня нет возражений. Именно эта собака цапнула меня за ногу во второе воскресенье перед Великим постом, когда я гулял по берегу, сочиняя проповедь о некоторых проявлениях так называемого духа времени. Женитесь, я разрешаю. Да обретет моя дочь то счастье, которое может дать ей *такой* муж.

Ответив с должным чувством, Августин ушел, а за ним — и епископ, молчаливый, если не мрачный.

— Я очень обязан вам, Маллинер, — через какое-то время сказал он.

— Ну что вы! — воскликнул Августин. — Что вы, что вы!

— Обязан. Вы спасли меня от большой беды. Если бы вы не вскочили в комнату, я бы дал ему в глаз.

— Наш дорогой викарий может довести, — согласился Августин.

— Я уже стиснул руку, сжал кулак, приноровился — и тут вы. Страшно подумать, что было бы, если бы не такт, удивительный в ваши годы. Меня могли лишить сана. — Он вздрогнул. — Меня бы выгнали из клуба. Но, — он погладил Августина по плечу, — не будем гадать! Не будем строить мрачные домыслы. Расскажите лучше о себе. Вы любите эту прелестную девушку?

— Да, люблю. Епископ опечалился.

— Подумайте, Маллинер. Брак — дело серьезное. Не делайте этого шага! Я — женат, и на прекраснейшей женщине, но часто думаю, что холостому — лучше. Женщины, мой дорогой, — странные создания.

— Не без того, — согласился Маллинер.

— Моя жена — лучшая из женщин. И все же… — Епископ печально замолчал, почесывая спину. — Вот, смотрите, — сказал он. — Тепло сегодня?

— Даже жарко. Двадцать два, — сказал Августин.

— Именно, двадцать два. Фланель при моей чувствительной коже! Если вам не трудно, мой дорогой, почешите мне спину вашей палкой.

— Епиша, — возмутился Августин, — что же это такое! Зачем вы согласились?

Епископ покачал головой.

— Вы не знаете моей жены. Ей не возражают.

— Чушь! — вскричал Августин, глядя за деревья, туда, где жена епископа снисходительно и великодушно рассматривала в лорнет лобелию. — Да я в два счета!..

Епископ схватил его за руку.

— Что вы собираетесь сделать?

— Поговорю с вашей женой. Фуфайку, в такой день! Чудовищно! Просто дичь какая-то. В жизни моей не слышал…

Епископ печально глядел ему вслед. Он искренне полюбил его и не мог спокойно смотреть, как бездумно идет он на гибель. Сейчас она посмотрит на него в лорнет. Англия усеяна останками безумцев, на которых она смотрела…

Он затаил дыхание. Августин подошел к ней, она подняла лорнет… Епископ закрыл глаза и для верности отвернулся.

Наконец, через долгое время, он услышал веселый голос:

— Все в порядке, епиша.

— Как… как?..

— В порядке. Она говорит, идите переоденьтесь. Епископ покачнулся.

— Что… что вы ей сказали? Чем убедили?

— Ну, напомнил, что сегодня тепло, пожурил немного…

— По-жу-ри-ли?!

— Она была очень рада. Приглашала как-нибудь зайти.

— Мой дорогой! — вскричал епископ. — Почему «зайти»? Переезжайте к нам. Будьте моим секретарем. Жалованье назначьте сами. Если вы женитесь, вам нужно много денег. Не покидайте меня, я ждал вас столько лет!

Августин вернулся домой уже под вечер. Обедал он у викария, оживляя застолье беседой.

— Вам письмо, мистер Маллинер, — услужливо сказала хозяйка.

Августин его взял.

— Как ни жаль, миссис Уордл, — заметил он, — я вскоре уезжаю.

— Ах, Боже мой! Если что не так…

— Нет-нет, епископ берет меня в секретари. Переезжаю в его дворец.

— Подумать только! Вы и сами будете епископом, мистер Маллинер.

— Возможно. Весьма возможно. Что ж, почитаем, что нам пишут.

Он распечатал письмо. Пока он читал, лоб его прорезали морщины.

> «Дорогой Августин! Пишу в спешке, твоя тетя натворила дел. 1 Она послала тебе образец моего нового снадобья, а взяла его — тайно от меня. Если бы она сказала, что думает сделать, я бы предотвратил беду.
>
> Препарат «Эй, смелей!» бывает двух видов, А и Б. А — достаточно мягкое тонизирующее средство, предназначенное для людей. Б годится исключительно для животного царства и создано мною по настойчивым просьбам индийских магараджей.
>
> Как тебе известно, магараджи очень любят охоту на тигров. Сами они при этом сидят на слонах; и часто бывает, что слоны, увидев тигра, поворачивают обратно. Чтобы скорректировать эту тенденцию, я изготовил препарат типа Б. Если подмешать столовую ложку в утренний корм, самый робкий слон

бестрепетно пойдет на тигра.

Тем самым, подожди, пока я пришлю средство А.

Твой любящий дядя Уилфрид».

Какое-то время Августин думал. Потом просвистел начало псалма, предназначенного на двадцать шестое июня, и вышел из комнаты.

Через четверть часа двинулась в свой путь телеграмма:

«Шропшир, Лессер Лоссингем, Уилфриду Маллинеру.

Письмо получил. Вышли немедленно ящик препарата Б. Благословенны житницы твои и кладовые твои тчк Второзаконие двадцать восемь зпт пять тчк Августин».

ХОД СЛОНОМ

Еще одно воскресенье продвигалось к концу, когда мистер Маллинер пришел в «Привал рыболова» не в своей фетровой шляпе, а в блестящем цилиндре. Сопоставив это с черным костюмом и с благоговейным тоном, каким он заказывал виски, я вывел, что он побывал в церкви.

— Хорошая проповедь? — спросил я.

— Неплохая. Говорил новый священник. Ничего, приятный.

— Кстати, о священниках, — сказал я. — Что было дальше с вашим племянником, о котором вы рассказывали?

— С Августином?

— С тем, который принимал «Эй, смелей!».

— Это — Августин. Я рад, нет — я тронут, что вы запомнили мою немудреную повесть. Мир себялюбив, нелегко найти хорошего слушателя. Так на чем мы остановились?

— Он стал секретарем епископа и переехал к нему.

— Ах, да! Что ж, перенесемся на шесть месяцев.

Добрый епископ Стортфордский (сказал мистер Маллинер) обычно начинал день в веселом, радостном духе. Входя в кабинет, он улыбался, если не напевал псалом; но в это утро мы заметили бы в нем какую-то мрачность. Подойдя к дверям, он помешкал и, с трудом решившись, взялся за ручку.

— Здравствуйте, мой дорогой, — сказал он как-то смущенно.

Августин приветливо посмотрел на него из-за кучи писем.

— Привет, епиша! Как прострел?

— Боли гораздо меньше, спасибо. В сущности, их почти нет. Это — от погоды. Вот, зима уже прошла, дождь миновал, перестал. Песнь Песней, 2, II.

— И слава Богу, — откликнулся Августин. — Письма неинтересные. Викарий святого Беовульфа[87] спрашивает насчет ладана.

— Напишите, не стоит.

— Хорошо.

Епископ смущенно потирал подбородок.

— Маллинер, — сказал он.

— Да?

— Вот вы говорите, «викарий». Естественно, я вспомнил о вчерашней

нашей беседе… насчет места в Стипл Маммери.

— Да? — повторил Августин. — Ну, и как же? Епископ скривился от горя.

— Мой дорогой, — проговорил он, — вы знаете, как я вас люблю. Сам по себе я непременно отдал бы место вам. Но возникли непредвиденные сложности. Жена сказала, чтобы я назначил туда ее кузена. Он, — горько добавил епископ, — блеет, как овца, и не отличит стихаря от алтарной занавески.

Августин испытал естественную боль, но он был Маллинер, а значит — умел проигрывать.

— Ну и ладно, епиша, — сердечно заметил он. — Ничего, перебьемся.

— Сами понимаете, — сказал епископ, проверив, закрыта ли дверь, — непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена — равны. Притчи, 27, 15.

— Вот именно. Лучше жить в углу на кровле, чем со сварливою женой в пространном доме. Там же, 21,4.

— Как вы меня понимаете, Маллинер!

— Что ж, — сказал Августин, — вот важное письмо. От какого-то Тревора Энтвистла.

— Да? Мы с ним вместе учились. Сейчас он директор нашей школы, Харчестера. Что же он пишет?

— Приглашает на открытие статуи лорда Хемела оф Хемстед.

— Тоже из нашей школы. Мы его звали Туша.

— Есть постскриптум: «Осталось бутылок десять старого портвейна».

Епископ поджал губы.

— Старый хрыч… то есть преподобный Тревор Энтвистл зря думает, что меня пленят столь мирские соображения. Но друг — это друг. Мы едем.

— Мы?

— Я без вас не обойдусь. Школа вам понравится. Прекрасное здание, построено при Генрихе VII.

— Знаю, знаю. У меня там брат учится.

— Вот как? Ах ты, Господи! Я там не был лет двадцать. Да, Маллинер, чего бы мы в жизни ни достигли, любовь к своей школе не проходит. Alma mater, мой дорогой, нежная мать…

— Еще бы!

— Мы стареем, мой дорогой, и нам не вернуть былой беспечности. Жизнь нелегка. Тогда, в отрочестве, мы не знали тягот. Нам не приходилось разочаровывать друзей.

— Да бросьте, епиша! Бросьте и плюньте. Я весел, как всегда.

Епископ вздохнул.

— Хотел бы я быть таким веселым! Как вам это удается?

— Принимаю «Эй, смелей!»

— «Эй, смелей!»?

— Да. Такое средство, изобрел мой дядя Уилфрид. Творит чудеса.

— Угостите меня, мой дорогой. Что-то я приуныл. И с чего они вздумали ставить статую Туше? Метал в людей бумажные стрелы, вымоченные в чернилах. Что ж, не нам судить… Пишите Энтвистлу, мой дорогой, мы едем в Харчестер.

Хотя, как он и сказал Августину, епископ не был в школе двадцать лет, там почти ничего не изменилось — ни парк, ни здание, ни люди. Все было точно таким, как сорок три года назад, когда он впервые туда явился.

Вот кондитерская, где шустрый подросток с острыми локтями норовил протолкаться к прилавку и свистнуть булочку с джемом. Вот — баня, вот — футбольное поле, вот — библиотека, спортивный зал, дорожки, каштаны, все — такое, каким было в те дни, когда он знал о епископах только то, что у них шнурки на шляпе.

Нет, разница была: на треугольном газоне, перед библиотекой, стоял пьедестал, а уж на нем — некая глыба, то есть статуя лорда Хемела, ради которой, собственно, он и приехал.

Шли часы, им все больше овладевало какое-то чувство. Поначалу он принял его за естественное умиление, но естественное умиление, как-никак, ублажает душу; а это — никак не ублажало. Однажды, обогнув угол, он увидел капитана футбольной команды во всей его славе и затрясся, как желе. Капитан почтительно снял шапочку; неприятное чувство прошло, но епископ успел его опознать. Именно это ощущал он сорок с лишним лет назад, когда встречал начальство.

Он удивился. Получалось так, словно какая-то фея тронула его волшебной палочкой, обратив тем самым в измазанного чернилами мальчишку. Общество Тревора Энтвистла это укрепляло. Когда-то юный Килька был его лучшим другом и почему-то совсем не изменился. Увидев его в директорском кресле, при мантии и шапочке, епископ чуть не подпрыгнул — ему показалось на долю мгновения, что, ведомый своим особым юмором, Килька идет на страшный риск.

Как бы то ни было, он с облегчением встретил день торжества.

Само оно показалось ему скучным и глупым. В школьную пору он не любил лорда Хемела и с большим отвращением думал о том, что надо

восхвалять его звучной речью.

Кроме того, он боялся. Ему казалось, что вот-вот выйдет кто-нибудь из начальства, даст по кумполу и скажет: «Не выпендривайся».

Но этого не случилось. Напротив, речь имела большой успех.

— Дорогой епископ, — сказал старый генерал Кроувожад, возглавлявший совет попечителей, — посрамили вы меня, старика. Стыдно вспомнить, что я лепетал. А вы… Великолепно! Да, ве-ли-ко-леп-но.

— Спасибо большое, — выговорил епископ, краснея и копая ногой землю.

Время шло, усталость росла. После обеда он в кабинете директора мучился головной болью. Преподобный Тревор Энтвистл тоже был невесел.

— Нудные эти торжества, — сказал он.

— Еще бы!

— Даже от старого портвейна лучше не стало…

— Ни в малой мере. Интересно, не поможет ли «Эй, смелей!»? Такое тонизирующее средство, мой секретарь принимает. Ему-то оно приносит пользу; удивительно бодрый человек. Не попросить ли дворецкого, чтобы он зашел к нему и позаимствовал бутылочку? Он будет только рад.

— Несомненно.

Дворецкий принес из комнаты Августина полбутылки густой темной жидкости. Епископ вдумчиво ее оглядел.

— Проспекта нет, я вижу, — сказал он, — но не гонять же беднягу снова! Да он ушел, наверное, вкушает заслуженный отдых. Разберемся сами.

— Конечно, конечно. Оно горькое? Епископ лизнул пробку.

— Нет. Скорее приятное. Странный вкус, я бы сказал — оригинальный, но горечи нет.

— Что ж, выпьем для начала по рюмочке.

Епископ налил два бокала и серьезно отпил из своего. Отпил и директор.

— Вполне, — сказал епископ.

— Недурно, — сказал директор..

— Как-то светлеешь.

— Не без того.

— Еще немного?

— Нет, спасибо.

— Ну, ну!

— Хорошо, чуточку.

— Очень недурно.

— Вполне.

Прослушав историю Августина, вы знаете, что брат мой Уилфрид создал это снадобье, чтобы подбодрить слонов, когда они робеют перед тигром; и прописывал он среднему слону столовую ложку. Тем самым вы не удивитесь, что после двух бокалов епископ и директор, скажем так, изменились. Усталость ушла вкупе с депрессией, сменили же их веселость и обострившееся чувство юности. Епископ ошущал, что ему — пятнадцать лет.

— Где спит твой дворецкий? — спросил он, немного подумав.

— Бог его знает. А что?

— Да так. Хорошо бы поставить у него в дверях капканчик.

— Неплохо!

Они подумали оба. Потом директор хихикнул.

— Что ты смеешься? — спросил епископ.

— Вспомнил, как ты глупо выглядел с этим, с Тушей. Несмотря на веселье, высокий лоб епископа прорезала морщина.

— Золотые слова! — произнес он. — Хвалить такого гада! Мы-то знаем… Кстати, чего ему ставят памятники?

— Ну, все-таки, — сказал терпимый директор, — он много сделал. Как говорится, строитель Империи.

— Можно было предугадать. И лезет, и лезет, всюду он первый! Кого-кого, а его я терпеть не мог.

— И я, — согласился директор. — А как мерзко смеялся! Будто клей булькает.

— А обжора! Мне говорили, он съел три бутерброда с ваксой, это после консервов.

— Между нами, я думаю, он крал в кондитерской. Нехорошо клеветать на человека, но посуди сам, видел ты его без булочки? То-то и оно.

— Килька, — сказал епископ, — я скажу тебе таку-ую штуку! В 1888 году, в финальном матче, когда мы сгрудились вокруг мяча, он лягнул меня по ноге.

— А эти кретины ставят ему статуи! Епископ наклонился вперед и понизил голос:

— Килька!

— Да!

— Знаешь что?

— Нет.

— Подождем до двенадцати, пока все лягут, и выкрасим его голубеньким.

— А почему не розовым?

— Можно и розовым.

— Нежный цвет.

— Верно. Очень нежный.

— Кроме того, я знаю, где розовая краска.

— Знаешь?

— Знаю.

— Да будет мир в стенах твоих, о Килька, и благоденствие в чертогах твоих,[88] — сказал епископ.

Когда епископ через два часа закрыл за собою дверь, он думал о том, что Провидение, благосклонное к праведным, буквально превзошло себя. Крась — не хочу! Дождь кончился; но месяц, тоже не подарок, стыдливо прятался за грядой облаков.

Что до людей, бояться было нечего. Школа после полуночи — пустыннейшее место на земле. Статуя с таким же успехом могла стоять в Сахаре. Взобравшись на пьедестал, они по очереди быстро выполнили свой долг. Лишь на обратном пути, стараясь идти потише, нет — уже подойдя к входной двери, испытали они удар судьбы.

— Чего ты топчешься? — прошептал епископ.

— Минутку, — глухо отозвался директор, — наверное, в другом кармане.

— Что?

— Ключ.

— Ты потерял ключ?

— Да, кажется.

— Килька, — сурово сказал епископ, — больше я не буду красить с тобой статуи.

— Уронил, что ли…

— Что нам делать?

— Может, открыто окно в кладовке?..

Окно открыто не было. Дворецкий, человек верный и ответственный, уходя на покой, закрыл его и даже спустил жалюзи.

Поистине, уроки детства готовят нас к взрослой жизни.

— Килька! — сказал епископ.

— Да?

— Если ты все не перестроил, за углом есть водосточная труба.

Память не подвела его. Среди плюща темнела та самая труба, по которой спускался он летом 86-го, чтобы выкупаться ночью.

— Лезем, — властно сказал он.

Когда они достигли окна, епископ сообщил другу, что, если он еще раз лягнет его, ему это припомнится. И тут окно внезапно распахнулось.

— Кто там? — спросил звонкий молодой голос.

Директор растерялся. Да, было темно, но все же он рассмотрел неприятную клюшку для гольфа и признался было, кто он, чтобы избежать дурных подозрений; но ему пришло в голову, что и это — опасно.

Епископ соображал быстрее.

— Скажи, — прошептал он, — что мы коты главного повара.

Честным, совестливым людям тяжела такая ложь, но что же делать?

— Не беспокойтесь, — заметил он с предельной небрежностью, — мы просто коты.

— То есть гуляки?

— Нет, обычные. Из зверей.

— Наш хозяин — шеф-повар, — подсказал снизу епископ.

— Хозяин — повар, — сообщил директор.

— А-га!.. — сказал человек в окне. — Ну, входите.

Он вежливо отошел в сторонку. Епископ благодарно мяукнул на ходу для вящей правдивости и побежал к себе, равно как и директор. Казалось бы, все прекрасно. Однако директору было не по себе.

— Как ты думаешь, он поверил? — беспокойно спрашивал он.

— Не знаю, — ответил епископ. — Нет, все-таки его обманула наша беспечность.

— Да, наверное. А кто он?

— Мой секретарь. Ну, который дал это средство.

— Тогда все в порядке. Он не выдаст.

— Верно. А больше улик нету.

— Может быть, — задумчиво прибавил директор, — нам не стоило его красить…

— Надо же кому-нибудь! — возразил епископ.

— Да, — оживился директор, — ты прав.

Епископ заспался допоздна и завтракал в постели. День, нередко пробуждающий совесть, ее не пробудил. Он ни о чем не жалел, разве что о том, не лучше ли, не ярче ли голубая краска. С другой стороны, нельзя обижать друга. И все-таки, голубое производит сильное впечатление…

В дверь постучали, вошел мой племянник.

— Привет, епиша! — сказал он.

— Доброе утро, Маллинер, — приветливо ответил епископ. — Что-то я заспался, поздно лег.

— А вот скажите, — спросил секретарь, — вы не хлебнули лишнего? Я говорю не о вине, а о нашем средстве.

— Лишнего? Нет. Выпил два бокала.

— О, Господи!

— В чем дело, мой дорогой?

— Да нет, ничего. Мне показалось, что вы какой-то странный на трубе.

Епископ опечалился.

— Значит, вы разгадали — э — наш невинный обман?

— Да.

— Понимаете, мы забыли дома ключ. Как хороша природа ночью! Бездонная тьма небес, дуновенье ветра, словно бы шепчущее нам великую тайну, всякие запахи…

— М-да, — сказал Августин, — тут большой тарарам, кто-то выкрасил эту статую.

— Выкрасил?

— Выкрасил.

— Ах, — заметил терпимый епископ, — школьники — это школьники!

— Очень странное дело…

— Конечно, конечно. Жизнь исполнена тайн, мой дорогой.

— Самое странное, что на статуе — ваша шляпа.

— Что?!

— Шляпа.

— Маллинер, — сказал епископ, — оставьте меня. Мне надо подумать.

Он быстро оделся, с трудом застегнув гетры дрожащими пальцами. Дрожал он потому, что вспомнил. Да, он вспомнил, как надевал статуе шляпу: «А что? — думал он тогда. — Хорошая мысль».

Директор был в школе, учил шестиклассников изящно писать по-гречески. Пришлось подождать до половины первого, когда зазвенел звонок, предвещая большую перемену. Епископ стоял у окна, едва сдерживая нетерпение. Наконец директор гёошел, ступая тяжело, словно что-то его гнетет. Он снял шапочку, снял мантию, опустился в кресло и проговорил:

— В толк не возьму, что на меня нашло…

— Удивляюсь, — сухо сказал епископ, — Мы выполнили наш долг, протестуя против того, что черт знает кому ставят статуи.

— А шляпу оставлять, тоже долг? — осведомился директор.

— Возможно, — признал епископ, — я зашел чуть дальше, чем следует. — Он кашлянул. — Это вызвало подозрения?

— Еще бы!

— Что думают попечители?

— Требуют, чтобы я нашел виновного. Иначе… в общем, будет плохо.

— Неужели снимут с поста?

— Да, вероятно. Придется уйти самому. А уж епископом мне в жизни не стать.

— Епископом? И слава Богу! У нас тяжелая жизнь, Килька.

— Хорошо тебе говорить. А кто меня втравил?

— Вот это да! Ты сам просто рвался в бой.

— С твоей подачи.

— Прямо скажем, ты не сопротивлялся!

Они вызверились друг на друга, вот-вот — и началась бы свара, но епископ взял себя в руки.

— Килька, — сказал он, улыбаясь своей дивной улыбкой, — это ниже нашего достоинства. Лучше подумаем, как выкрутиться из положения, в которое мы так необдуманно попали. Давай, например…

— Нет, — отвечал директор, — давай сделаем так…

— Ничего не выйдет.

Они посидели и подумали. В это время открылась дверь.

— Генерал Кроувожад, — сообщил дворецкий.

— О, если б я имел крылья голубки! Псалом 14, стих 6, — пробормотал епископ.

Действительно, они бы ему не помешали. Сэр Эктор Кроувожад, кавалер многих орденов, долго подвизался в секретной службе Западной Африки, где его прозвали Уах-нах-Б'гош-Б'джинго, что в вольном переводе означает «Большой Начальник, Который Видит Все Насквозь».

У генерала были голубые глаза и густые седые брови. Епископ счел, что взгляд его слишком пронзителен.

— Нехорошо, — сказал попечитель. — М-да-м. Нехорошо.

— Что уж хорошего, — согласился епископ.

— Скажем так, плохо. Ужасно. Чудовищно. Знаете, что у нее на голове? Ваша шляпа, епископ. Шляпа. А-х-м! Шляпа.

— Моя? — вдохновенно вскричал епископ. — Откуда вы знаете? Тут

были сотни епископов.

— Там ваше имя. У-хр-р! Имя. Имя.

Епископ вцепился в подлокотник. Генерал сверлил его взглядом, и ему все больше казалось, что он — овца, повстречавшаяся с изготовителем мясных консервов. Когда он собрался сказать, что это — подделка, в дверь постучали.

— Войдите! — вскричал директор.

Вошел небольшой мальчик. На кого-то он был похож, кроме помидора с носом, но епископ никак не мог вспомнить, на кого именно.

— Сэр, простите, сэр, — сказал мальчик.

— Пошел, пошел, — сказал сэр Эктор, — пошел! Не видишь, мы заняты?

— Сэр, я насчет статуи, сэр.

— Статуи? Статуи? А-хм-х-рр! Статуи?

— Сэр, это я, сэр.

— Что?! Что?! Что?! Что?! Что?! Восклицания эти распределялись так:

епископ — одно
генерал — три
директор — одно

пять

Мальчик стал ярко-алым.

— Вы — покрасили — статую?! — воскликнул директор.

— Сэр, да, сэр.

— То есть ты? — спросил епископ.

— Сэр, да, сэр.

— Ты? Ты? Ты? — осведомился генерал.

— Сэр, да, сэр.

Все помолчали. Епископ смотрел на директора, директор — на епископа, генерал — на мальчика, мальчик — в пол. Первым заговорил военачальник.

— Кошмар! — сказал он. — Кошмар, м-м-м, кошмар. Немедленно исключить, исключить, исклю…

— Нет! — звонко откликнулся директор.

— Тогда — выдрать. Выдрать. Х-р-р! Выдрать.

— Нет!

Странное, неведомое достоинство снизошло на Тревора Энтвистла. Он быстро дышал носом, глаза напоминали креветку

— Когда речь идет о дисциплине, — сказал он, — решаю я. На мой взгляд, для суровости нет оснований. Вы согласны со мной, епископ?

Епископ вздрогнул. Он думал о том, что недавно, в статье о чудесах, пошел на поводу современной мысли и выказал излишний скепсис.

— О, конечно! — отвечал он.

— Умываю руки, — сказал сэр Эктор, — руки, м-дэ, руки. Если так воспитывают нашу смену, не удивительно, что страна катится псу под хвост. Хвост. Хвост.

Дверь захлопнулась за ним. Директор, нежно улыбаясь, обернулся к мальчику

— Больше не будете? — спросил он.

— Не буду, сэр.

— Тогда и мы не будем строги к ребячьей проделке. Вы согласны, епископ?

— О, да!

— Мы и сами в его годы, ха-ха!

— Конечно, конечно.

— Итак, Маллинер, перепишите двадцать строчек Вергилия, и мы обо всем забудем.

Епископ вскочил.

— Маллинер?!

— Да.

— У меня такой секретарь. Вы не в родстве?

— Да, сэр. Он мой брат.

— О! — сказал епископ.

Августина он нашел в саду за обработкой розовых кустов (ибо племянник мой — завзятый садовод) и положил ему руку на плечо.

— Маллинер, — сказал он, — я узнал ваш почерк.

— А? — сказал Августин. — О чем вы?

— Как вам известно, — продолжил епископ, — вчера, из самых лучших, мало того — благочестивых соображений, мы с преподобным Тревором Энтвистлом выкрасили в розовый цвет статую Туши Хемела. Только что некий мальчик взял это на себя. Он — ваш брат.

— Вот как?

— Чтобы спасти меня, вы подучили его. Не отпирайтесь. Августин

смущенно улыбнулся.

— Епиша, какие пустяки!

— Надеюсь, расходы не слишком обременительны? Насколько я знаю младших братьев, он потребовал мзды.

— Да что там, два фунта. Хотел три, но это уж слишком.

— Они возместятся вам, Маллинер.

— Что вы, епиша!

— Да, возместятся. Сейчас у меня их нет, но пошлю по новому адресу в Стипл Маммери.

Августин едва удержал нежданные слезы.

— Епиша! — хрипло воскликнул он. — Не знаю, как вас благодарить. Вы все обдумали?

— Обдумал?

— Ну, жена на ложе твоем, Второзаконие, 13,6. Что она скажет?

Глаза у епископа сверкнули.

— Маллинер, — ответил он, — птица небесная может перенесть слово, и крылатая — пересказать речь. Екклесиаст, 10, 20. Я ей позвоню.

ПЛАМЕННЫЙ МОРДРЕД

Пинта Пива тяжко запыхтел.

— Вот дурак! — сказал он. — Всюду понатыканы пепельницы, а он, видите ли…

Речь шла о молодом человеке с рыбьим лицом, который недавно вышел, бросив окурок в корзинку, а та радостно вспыхнула. Пожарникам-любителям пришлось попотеть. Пиво Полегче, с высоким давлением, расстегнул воротничок; глянцевая грудь мисс Постлвейт бурно вздымалась.

Только мистер Маллинер, видимо, смотрел на происшедшее со всей терпимостью.

— Будем к нему справедливы, — заметил он, попивая горячее виски с лимоном. — Вспомним, что здесь у нас нет рояля или дорогого старинного стола, о которые нынешнее поколение тушит сигареты. Поскольку их нет, он, естественно, облюбовал корзинку. Как Мордред.

— А ктой-то? — спросил Виски с Содовой.

— Кто это? — поправила его мисс Постлвейт.

— Мой племянник. Поэт. Мордред Маллинер.

— Какое красивое имя! — вздохнула наша хозяйка.

— Как и он сам, — заверил мистер Маллинер. — И то подумать, карие глаза, тонкие черты, прекрасные зубы. Зубы в данном случае очень важны, с них все и началось.

— Он кого-то укусил?

— Нет. Он пошел их проверить — и встретил Аннабеллу.

— А ктой-то?

— Кто это? — ненавязчиво подсказала мисс Постлвейт.

— Ой, ладно! — воскликнул Виски.

Аннабелла Спрокет-Спрокет (сказал мистер Маллинер), единственная дочь сэра Мергатройда и леди Спрокет-Спрокет из Сматтеринг-холла, вошла в приемную, когда Мордред сидел там один и листал старый «Тэтлер». Увидев ее, он ощутил, что слева в груди что-то бухнуло. Журнал поплыл, потом застыл, и племянник мой понял, что влюбился.

Почти все Маллинеры влюблялись сразу, но мало у кого были такие прочные основания. Аннабелла сверкала красотой. Ее мой племянник и заметил, но, подергавшись с минутку, словно пес, подавившийся куриной

костью, обнаружил еще и печаль. Когда незнакомка принялась за старый «Панч», глаза ее просто светились скорбью.

Мордред пылко сочувствовал ей. В приемной зубного врача есть что-то такое, освобождающее, и он решился заметить:

— Не бойтесь, сперва он посмотрит в зеркальце. Может, ничего не найдет…

Она улыбнулась, слабо, но все же так, что Мордред немного подскочил.

— Что мне врач! — сказала она. — Я редко приезжаю в Лондон. Хотела походить по магазинам, а теперь — не успею, поезд уходит в четверть второго.

Все сокровенное рыцарство выпрыгнуло из Мордреда, словно форель из воды.

— Пожалуйста, — сказал он, — пожалуйста, я не спешу!

— Ну, что вы!

— Совершенно не спешу. Вот, журнал дочитаю.

— Если вам правда все равно…

Мордред мог бы сразиться сейчас с драконом или влезть на гору за эдельвейсом, а потому заверил, что только рад служить. Незнакомка вошла в кабинет, сразив его благодарным взглядом, он — закурил и впал в экстаз. Когда она вышла, он вскочил, кинув сигарету в корзинку. Красавица вскрикнула. Он сигарету вынул.

— Как глупо! — сказал он с неловким смешком. — Вечно я так, все рассеянность… Сжег две квартиры.

Она удивилась.

— Совсем? До основания?

— Ну, что-то осталось… И вообще, они на верхнем этаже.

— Но сами квартиры сгорели?

— О, да!

Она помолчала, как бы о чем-то думая. Потом очнулась и произнесла:

— До свидания, мистер Маллинер. Спасибо вам большое.

— Не за что, мисс…

— Спрокет-Спрокет.

— Не за что, мисс Спрокет-Спрокет. Какие пустяки! Она ушла, он направился к дантисту, тяжко страдая — не от боли (тот ничего не нашел), а от горя. Посудите сами: влюбился — и никогда *ее* не увидит! Опять корабли в ночи… Легко представить, что он ощущал, получив назавтра такое письмо:

«Дорогой мистер Маллинер!

Моя дочь поведала мне, какую услугу Вы ей оказали. Не могу выразить, как я Вам благодарна. Она любит побродить по Бонд-стрит, а если бы не Вы, ей пришлось бы ждать полгода.

Вероятно, вы человек занятой, как все в Лондоне, но, если улучите время, посетите нас, мы с мужем будем очень рады.

Искренне Ваша

Аврелия Спрокет-Спрокет».

Мордред прочитал это шесть раз за минуту с четвертью, а потом — семнадцать, помедленней. Видимо, Она спросила его адрес у ассистентки. Поразительно, такой ум! Кроме того, это кое о чем говорит. Дочери не просят матерей пригласить вас, если вы не произвели на них впечатления! Коту ясно.

Племянник мой кинулся на почту, послал телеграмму и вернулся укладывать вещи.

Назавтра, в поезде, Мордред слышал, что колеса стучат «Спрокет, спро-кет». Шепча эти слоги — имени он еще не знал, — он вышел на маленькой станции. Когда он увидел, что Она приехала его встречать, шепот едва не перешел в крик.

Минуты три, уже в машине, Мордред не мог сказать ни слова. Вот — она, думал он, вот — я, вот, собственно, мы. Опережая события, он чуть не спросил, согласна ли она ехать так вечно, но тут машина остановилась у табачной лавки.

— Я сейчас, — сказала Она. — Обещала Биффи, что куплю сигареты.

— Биффи?

— Капитану Биффену, он у нас гостит. А Гаффи просил чистилку для трубки.

— Гаффи?

— Это Дик Гаффингтон. Ну, вы слышали. Чемпион, на бегах.

— Он тоже у вас гостит?

— Да.

— У вас много народу?

— Нет, не очень. Биффи, Гаффи, Просси, Фредди — он чемпион по теннису, Томми… ах, да, еще Алджи! Вы знаете, охотник, Алджи Фрипп.

Мордред пришел в отчаяние. Нет, что же это такое? Охотники, чемпионы, какие-то силачи… Хуже киноактеров! Слабая надежда побудила его спросить:

— Они все с женами?

— Нет, они не женаты.

Надежда поперхнулась и тихо умерла. Оставшись один, племянник мой размышлял. Если бы у этих типов, думал он, была хоть какая-то совесть, они бы давно женились. Ну, что это такое? Думают только о себе. Именно это и губит Англию.

Туг он заметил, что Она вернулась, мало того — что-то говорит.

— Да? — спохватился он. — Простите?

— Я говорю, у вас хватит сигарет?

— Спасибо, вполне.

— Это хорошо. Конечно, в вашей комнате тоже есть пачка. Мужчины любят курить в постели. Собственно, пачки там две — турецкие и виргинские. Отец положил.

— Очень любезно с его стороны, — машинально признал Мордред.

Я очень хотел бы сообщить вам, (продолжал мистер Маллинер), что теплый прием утешил Мордреда. Но нет, он его не утешил. Хотел бы я сказать и о том, что все эти Биффи и Гаффи были плюгавы; но лгать не могу. Кроме того, они явственно обожали Ее.

А хуже всего был дом, один из тех домов, которые строят человек на двадцать, не считая сотни слуг. Романтик, взглянув на такое жилище, думает о рыцарях, прагматик — о том, во сколько оно обходится. Что до Мордреда, он впал в отчаяние.

Хорошо, думал он, предположим, я пробьюсь через этих Биффи — но посмею ли я увезти Ее из такого дома? Конечно, и в Лондоне можно что-то снять, но в самом просторном из лондонских жилищ Она будет чувствовать себя как сардинка.

Вконец исстрадавшись, он ушел к себе часов в одиннадцать. Хозяин его проводил, а заодно проверил, хватит ли у него сигарет.

— Ах, как вы правы! — приветливо сказал он. — Молодые часто разрушают здоровье ночными бдениями! Что ж, облачимся в халат и закурим, хе-хе? Надеюсь, сигарет тут много. Спокойной ночи, мой мальчик, приятного сна.

Когда дверь за ним закрылась, Мордред, как он и предвидел, облачился в халат и закурил. Но это не все — он присел к столу, чтобы написать Аннабелле стихи, которые зрели в нем весь вечер.

Замечу, что мой племянник принадлежал к современной школе. Рифму он не ценил, пел же, чаще всего, трупы и кухонные запахи. Но сейчас, когда лунный свет серебрил его балкон, воображение просто

кишело словами типа «кровь», «любовь», «луна» и «она».
«Синие глаза», — написал Мордред.
«Нежные уста», — написал все он же.
«О, синь очей — как синь небес!» Нет, нет.
«Уста…»
«Чиста…»
Чушь какая-то!
Взрычав от горя, он разорвал листок и бросил в корзину.

Сияют синие глаза,
И улыбаются уста
Пом-пом, пом-пом, пом-пом чиста
(Гроза? Нет! Не коза же…)

Глаза сияют синевой
Уста (О, Господи!)
Ту-рум, mу-рум, ту-рум, я твой
И тру-ру-ру (а с чем рифмовать?!)

Хорошо,
Чиста таинственная синь
Твоих непостижимых глаз
Тра-ля, mра-ля, тра-ля-ля кинь?вынь? Ну, что это!
Та-ра-ра-ра-ра-ра-ра-раз.

Он бросил и этот листок, тихо выругался, встал. Ничего не получалось; и он понял, почему. Вдохновение избегает кресел. Побегай, поломай пальцы, повороши волосы. Сперва он думал обойтись комнатой, но лунный свет, струившийся в окно, его приманил. Он вышел на балкон. Темная, таинственная трава была совсем близко. Он прыгнул; и не зря. Ободренная обстановкой, Муза услужливо кинулась к нему. Пройдясь по газону взад-вперед, он шустро начал:

Сияющая синева
Твоих божественных очей…

Придирчиво взвешивая рифмы «жива», «ночей» и «лучей», он внезапно заметил, что невдалеке, чуть повыше, тоже что-то сияет; и, присмотревшись, понял, что горят его занавески.

Вообще-то он был не очень ловок и сметлив, но здесь — не растерялся.

— Пожар! — закричал он. — Горим! Из окна кто-то высунулся.

— Что-что? — спросил капитан Биффен.

— Горим!

— Простите?

— Го-рим! Гвендолен, Оливия, Роза…

— А, горим! Так-так.

Тут появились и другие обитатели.

В последующих событиях, боюсь, племянник мой не слишком отличился. Мы живем в век специализации. Мордред, как мы видели, специализировался на возжигании, а не на тушении огня. Сжигая квартиры, он обычно поспешал вниз и посылал привратника посмотреть, как там и что. Так и теперь, даже под взглядом Аннабеллы, он явственно уступал Биффи и Гаффи.

Смотрел он на них с тоской. Посудите сами: они востребовали воду; они построились в цепь; Фредди влез на балкон; Алджи влез на бочку, чтобы подавать ему все, что нужно. Что же до Мордреда, он споткнулся о Гаффи, перевернул два ведра на Просси и получил совет отойти в сторонку.

Там он и провел горчайшие минуты. Искаженное лицо хозяина свидетельствовало о том, как дорого ему родное гнездо, как мерзок человек, его поджегший. Беспокойные лица дам тоже ничего хорошего не предвещали.

Наконец Фредди сообщил, что опасность позади.

— Все, — сказал он, прыгая на траву. — А чья это комната, не знаете?

Мордред пошатнулся, но не изменил прославленной отваге Маллинеров.

— Моя.

Шестеро мужчин посмотрели на него.

— Ваша?

— А, ваша?

— А что случилось?

— С чего началось?

— Да-да, с чего?

— Уж с чего-нибудь, — подытожил мозговитый Биффен. — Так

просто не начнется, э?

Мордред овладел своим голосом.

— Вероятно, — сказал он, — я бросил сигарету в корзину, а там много бумаги…

— Бумаги? Почему это?

— Я писал стихи. Все очень удивились.

— Что писали? — спросил Просси.

— То есть что? — уточнил Гаффи.

— *Стихи?* — проверил Биффи у Томми.

— Да вроде бы, — в ошеломлении отвечал тот.

— Он стихи писал, — сообщил Фредди стоящему рядом Алджи.

— Он что, их пишет?

— Вроде бы…

— Ну, это, знаете!..

— Да уж…

Явственное презрение снести нелегко. Мордред напоминал себе, что они— тупицы, филистеры, кретины, лишенные чувства прекрасного, но это почти не помогало. Конечно, надо смотреть на них сверху вниз, но попробуй, посмотри, если ты в халате, да еще ногам холодно! Словом, он страдал. Когда же дворецкий, поджав губы, склонился к глуховатой кухарке и, бросив на него брезгливый взгляд, что-то ей стал втолковывать, племянник мой не выдержал.

— Простите, сэр Мергатройд, — проговорил он, — мне нужно уехать первым же поездом. Семейные дела…

И, не сказав больше ни слова, он пошел в дом. Племянник мой привык к пожарищам; но, войдя в свою комнату, понял, что спать ему не придется. Кроме неприятного запаха горелых стихов, мешала и вода. Расторопный Фредди обратил помещение во внутреннее море. Разве что утка могла бы устроиться на такой постели.

Вот почему минут через десять Мордред лежал на диванчике с высокой спинкой, который, в свою очередь, стоял в библиотеке. Он считал овец, но сон не шел; да и впрямь, заснешь ли на дыбе? Стоит ли считать овец, если каждая из них, обретя сходство с Аннабеллой, бросает на тебя укоризненный взгляд?

Собравшись послать куда-нибудь двести тридцать вторую овцу, Мордред подскочил, как от взрыва, ибо внезапно зажегся свет. Подрожав немного, мой племянник осторожно высунул нос, чтобы понять, в чем дело.

В комнату только что вошли три человека: сэр Мергатройд с тарелкой

сандвичей, его жена с сифоном и стаканчиками и сама Аннабелла с бутылками, в которых он опознал виски и два имбирных пива.

Племяннику моему претит всякое лукавство, и он собрался вскочить, а там — и удалиться, но понял, что шлепанцы — где-то глубоко под диванчиком. Нельзя же, в самом деле, предстать перед Аннабеллой босым!

Поэтому он лежал, слушая в тишине, как свистит содовая и произносят «кляц!» бутылки имбирного пива.

В конце концов хозяин заговорил.

— М-да… — сказал он. — Дела-а…

Забулькало пиво, потом леди Спрокет-Спрокет тихо, изысканно произнесла:

— Больше ничего не предпримешь.

— Вот именно, — поддержал ее муж. — Судьбы не переборешь. Что ж, придется торчать в этом проклятом бараке… Все деньги уходят, до гроша! А если б не эти чертовы гости… не эти… ну, эти… стоял бы страховой инспектор у горки пепла и выписывал чек! Нет, какие кретины! Ты видела Фриппа с ведрами?

— Еще бы! — вздохнула хозяйка.

— Аннабелла! — сказал хозяин.

— Да, папочка?

— Если тебе придет в голову выйти за Алджернона Фриппа, Уильяма Биффена, Джона Гаффингтона, Эдварда Проссера, Томаса Мейнприса или Фредерика Бута, помни: только через мой труп. Нет, какие гады! Ведра, видите ли! Мы бы могли переехать в Лондон…

— В хорошенькую квартирку… — сказала леди Спрокет-Спрокет.

— Рядом с клубом…

— И с магазинами…

— И с театрами…

— И с друзьями…

— Когда Аннабелла, — продолжал баронет, подкрепляясь сандвичем, — проявила такой ум, распознав возможности Маллинера, счастье было буквально под рукой. Эта усадьба давно ждала человека, который бросает сигареты в корзину. Я верил, что нам наконец послали ангела…

— Папа, — сказала Аннабелла, — он сделал все, что мог.

— Да, — согласился хозяин. — А как он ведра опрокидывал! Как путался в ногах! В жизни мне никто так не нравился. Хорошо, пишет стихи — но так ли это страшно? Поэты — тоже люди. Да я сам на банкете Верных Сынов Вустершира сочинил очень недурной стишок. Всем очень

понравилось, они даже подпевали. Вот, послушай: «Одна девица из Иттельна вела себя неосмотрительно…»

— Папа! При маме!

— Да-да, не стоит. Что ж, пойду лягу. Идем, Аврелия. А ты, Аннабелла?

— Я еще посижу, подумаю.

— Что-что?

— Подумаю.

— А, подумаешь! Ну-ну.

— Мергатройд, — сказала леди Спрокет-Спрокет, — неужели это конец? Сигарет еще много, мы могли бы дать ему корзинку…

— Зачем? Сама слышала, он уезжает. Когда я подумаю, что мы никогда не увидим этого… Эй, эй, эй! Ты что, плачешь?

— О, мама!

— В чем дело, дорогая?

— Мама, я его люблю! Еще там, у дантиста, я это поняла. А теперь…

— Эй! — крикнул Мордред, выглядывая из-за спинки. — Аннабелла, это правда?

Появление его, естественно, вызвало некоторый отклик. Сэр Мергатройд подпрыгнул, как скачущий боб. Жена его задрожала, как желе. Что же до их дочери, она разинула рот и смотрела, как смотрят те, кому явилось привидение.

— Вы меня любите?

— Да, Мордред.

— Сэр Мергатройд, — сказал мой племянник, — имею честь просить у вас руку вашей дочери. Я всего лишь бедный поэт…

— Бедный?

— То есть скромный. А так, вообще, я богатый. Я могу предоставить Аннабелле все, что требуется.

— Тогда берите ее, мой мальчик! Жить вы будете в Лондоне?

— Как и вы.

Сэр Мергатройд покачал головой.

— Нет-нет, мечты мои кончились. Да, я надеялся, в конце концов — дом застрахован на сто тысяч фунтов, но что с того? Доживу мои дни в этой проклятой усадьбе. Выхода нет.

— Вы хотите сказать, что у вас нет парафина? Баронет вздрогнул.

— Парафина?

— Если б он был, — нежно заметил Мордред, — могло бы оказаться, что нынешний пожар не совсем потух. Так бывает с пожарами. Льешь эту

воду, вроде все в порядке, а искра-то осталась! И ка-ак вспыхнет!.. Скажем, здесь.

— Или в бильярдной, — подсказала хозяйка.

— И в бильярдной, — поправил ее мой племянник. — Да что там, и в гостиной, и в столовой, и в кухне, и в людской, и в комнатке у дворецкого. Но если нет парафина…

— Мой мальчик, — жалобно сказал баронет, — откуда вы это взяли? У нас его завались. Весь погреб полон.

— Аннабелла покажет, как туда пройти, — предложила хозяйка. — Покажешь, доченька?

— Конечно, мама. Тебе там очень понравится, дорогой. Так живописно… Может быть, тебя заинтересуют наши запасы бумаги и стружек…

— Ангел мой! — восхитился Мордред. — Ты обо всем подумала!

Он отыскал шлепанцы и вместе с нею направился к лестнице. Когда они шли по ступенькам, над перилами показалось лицо сэра Мергатройда, и к ногам их, как благословение, упал коробок.

КАК БРОСАЮТ КУРИТЬ

Среди мыслителей, каждый вечер собирающихся в «Привале рыболова», не всегда царит гармония. Мы люди пылкие, а пылкие люди неизменно спорят друг с другом. Поэтому в нашей мирной гавани можно услышать звон голосов, стук кулака, визг: «Нет, разрешите!..»; баритон: «Должен вам сказать…» и многое другое.

К счастью, мистер Маллинер всегда с нами, а чары его личности усмиряют любую бурю. Скажем, сегодня, когда я пришел туда, он разнимал Кружку Эля и Лимонного Сока.

— Господа, господа, — говорил он мягким голосом посланника, — зачем вам спорить?

Кружка указал сигарой на Сока.

— А что он говорит?

— Умные вещи.

— Что-то не слышал!

— Я говорю, что курить — вредно. Так оно и есть.

— Нет.

— Есть. Вот я курил, курил и заболел. Щеки ввалились, лицо пожелтело, глаза погасли, словом — настоящий скелет. Бросил — и пожалуйста!

— Что «пожалуйста»? — спросил Кружка.

Но Сок, на что-то обидевшись, встал и исчез в ночи, а мистер Маллинер с облегчением вздохнул.

— Я рад, что он ушел, — сказал он. — У меня твердые взгляды. Табак — величайшее благо, доводы эти глупы. Как легко их опровергнуть! Хорошо, две капли никотина мгновенно убивают собаку — так не капайте! Кто вас просил?

Он попыхтел сигарой, помолчал, и его приятное лицо стало очень серьезным.

— Бросать курение не только глупо, — сказал он. — Это опасно. Просыпается бес, живущий в нас, и мы становимся угрозой для общества. Никогда не забуду, что случилось с моим племянником. Кончилось-то все хорошо, но сперва…

— Те из вас (сказал мистер Маллинер), кто вращается среди художников, знают имя и картины моего племянника Игнатия. Слава его

неуклонно растет. Однако во времена, о которых я расскажу, он еще не был так известен, заказы случались реже, и в свободные дни он играл на укелеле, если не делал предложения прекрасной Гермионе, дочери сэра Герберта Росситера и леди Росситер, Кенсингтон, Скэнтлбери-сквер, 3. Скэнтлбери-сквер очень близко от его мастерской, так что у него вошло в привычку завернуть за угол, сделать предложение, получить отказ, вернуться, поиграть на своем укелеле, раскурить трубку и предаться размышлениям о том, почему Гермиона его отвергает.

Бедность? Нет, он не беден.

Сплетни? Нет, он чист.

Внешность? Он хорош собой, а в некоторых ракурсах — красив, и вообще, если ты выросла рядом с такими мордами, как Сиприан и Джордж, и не тому обрадуешься. Сиприан, тощий и бледный, был критиком; Джордж, толстый и розовый, развил в себе редкую прыть, которая помогала ему непрестанно занимать деньги.

Игнатию пришло в голову, что кто-то из них может знать причину. Как-никак они часто видели сестру, и она могла обмолвиться, почему отвергает любовь замечательного человека. Итак, он пошел к Сиприану — у того своя квартира — и прямо спросил, в чем дело. Сиприан выслушал его, поглаживая тонкой ручкой левую бакенбарду.

— Страдаем от неразделенной любви? — уточнил он.

— Страдаем, — ответил мой племянник.

— Не понимаем, в чем дело?

— Не понимаем.

— Теряемся в догадках?

— Вот именно.

— Что ж, если мы не боимся истины, — сказал Сиприан, переходя к правой бакенбарде, — я случайно знаю причину. Ты напоминаешь ей Джорджа.

Игнатий попятился и закричал:

— Джорджа?!

— Да.

— Чушь какая! Человек не может быть похож на Джорджа.

— А вот ты похож.

Игнатий побежал в «Козла и бутылку» немного утешиться и тут же увидел другого брата Гермионы.

— Привет! — сказал Джордж. — Привет, привет, привет!

— Джордж, — сказал Игнатий, — ты, часом, не знаешь, почему твоя сестра меня не любит?

— Как же, знаю, — ответил Джордж.
— Знаешь?
— Да.
— Почему же?
— Сказать прямо?
— Говори.
— Ну ладно, только одолжи мне фунтик до пятницы.
— Нет.
— Не одолжишь?
— Ни в коем случае. Вернемся к нашей теме. Почему Гермиона мне отказывает?
— Потому, — отвечал Джордж, — что ты похож на Сиприана.
Игнатий пошатнулся.
— На Сиприана?
— Она так считает.
Вернувшись к себе, Игнатий стал размышлять. Чтобы облегчить себе дело, он составил такой список:

Джордж: Сиприан:
Похож на свинью. Похож на верблюда.
Прыщи. Бакенбарды.
Ничего не делает. Пишет об искусстве.
Говорит: «Привет!» Говорит «мы», как врач какой-нибудь.
Жутко хохочет. Мерзко хихикает.
Жрет. Питается фруктами.
Рассказывает анекдоты. Читает стихи.
Руки — толстые. Руки — тонкие.

Тайна оставалась тайной. Он нахмурился; и вдруг прозрел:

Курит, как паровоз. К., как п-з.

Вот она, разгадка! Возможно ли?.. Да, конечно.
Любовь к Гермионе, звезда его жизни, стала лицом к лицу с другой любовью. Неужели надо поступиться трубкой? Способен ли он на эту жертву? Он заколебался.
И тут все одиннадцать фотографий Гермионы Росситер подбодряюще улыбнулись ему. Он решился. Мягко вздохнув, как вздыхает русский крестьянин, бросая сына волкам, бегущим за санями, он вынул трубку изо

рта, взял табак, взял сигары, аккуратно все завернул и отдал приходящей служанке для ее мужа — человека очень достойного, но небогатого.

Игнатий Маллинер бросил курить.

Те, кто бросал курить, прекрасно знают, что поначалу муки не так уж велики, потому что тебя распирает гордыня, похожая на веселящий газ.

Весь следующий день Игнатий смотрел со снисходительной жалостью на курящих людей, ощущая при этом то, что ощущает святой аскетического типа. Ему хотелось сказать заблудшим, что табак содержит окись углерода, которая, входя в непосредственный контакт с красными кровяными шариками, лишает их способности поставлять тканям кислород. А пиридин, а раздражение слизистых оболочек? Да что там, курение — пагубная привычка, от которой сильный человек может отказаться, как только захочет.

Следующая фаза началась тогда, когда он вернулся в мастерскую.

Завтрак художника (две сардинки, остаток ветчины, бутылка пива) сменился странной пустотой, какую испытал Гиббон, закончив «Упадок и разрушение Римской империи». Жизнь лишилась смысла, и, мыкаясь по мастерской, мсй племянник думал, что бы ему такое сделать. Иногда он пускал небольшие пузыри, иногда — лязгал зубами. Трубки между ними не было.

Снедаемый сумеречной тоской, он взял свое укелеле и поиграл песню «Старик — река», но лучше ему не стало. Однако он открыл причину: какая может быть радость, если ты не творишь добро?

Мир печален и угрюм, это ясно. Что отсюда следует? Если мы предадимся наслаждениям, мы увидим, что они пусты. Ветчина утратила свои чары, укелеле — свою прелесть. Конечно, есть трубка — но мы не курим. Так что остается добро. Короче говоря, к трем часам Игнатий Маллинер достиг третьей фазы — всерастворяющей жалости, которая и погнала его на Скэнтлбери-сквер.

Шел он туда не для того, чтобы жениться на Гермионе Росситер. Нет, из отдельных замечаний он давно вывел, что хозяйка дома хотела бы получить ее портрет, но оставался глух. Любовь — это любовь, но и художник — это художник, он не любит писать даром. До сей поры художник побеждал.

Теперь все изменилось. Коротко, но выразительно Игнатий сообщил леди Росситер, что больше всего на свете хочет написать ее дочь. За такую великую честь он, естественно, денег не возьмет, а потому — ждет их с Гермионой завтра в одиннадцать утра.

Он чуть не предложил написать и саму леди Росситер в вечернем платье с бельгийским грифоном, но удержался, зато потом, на улице, об этом горевал.

Снедаемый угрызениями, он решил пригласить Сиприана, чтобы тот высказал мнение о новой картине, а после отыскать дорогого Джорджа и одолжить ему денег. Через десять минут он был у критика.

— Чего, чего мы хотим? — недоверчиво переспросил тот.

— Мы хотим, — повторил Игнатий, — чтобы ты пришел ко мне завтра с утра и сказал, что ты думаешь о новой картине.

— Мы не шутим? — уточнил Сиприан, которого приглашали нечасто, а выгоняли из мастерских—очень много раз.

— Что ты, что ты! — заверил его Игнатий. — Мы хотим узнать мнение знатока.

— Значит, буду в одиннадцать, — сказал Сиприан. И племянник мой побежал в «Козла и бутылку».

— Джордж! — воскликнул он там. — Мой дорогой! Я ночь не спал, думал, есть ли у тебя деньги. Если нет, возьми у меня.

Глаза над пивной кружкой просто полезли на лоб. Побледневший Джордж опустил кружку, но поднял руку.

— Все, — сказал он. — Бросаю пить. Слуховые галлюцинации.

Игнатий ласково похлопал его по плечу.

— Нет, мой дорогой, — ответил он, — это тебе не мерещится. Можешь верить своим ушам.

Джордж поверил им (заметим, что они были большими и красными), но все же не успокоился.

— Ты предлагал мне денег?

— Да.

— Денег???

— Вот именно.

— Я не писал, я ничего не говорил, а ты?..

— Ну, конечно!

Джордж глубоко вздохнул и снова поднял кружку.

— Вот теперь пишут, чудес не бывает, — сказал он. — Какая чушь! Что там — бред, — сурово прибавил он. — Сколько, фунт?

Игнатий укоризненно поднял брови.

— Так мало? — мягко удивился он. Джордж побулькал и спросил:

— Пять?

Игнатий с мягкой укоризной покачал головой.

— Оставь эти мелочи, Джордж, — посоветовал он. — Бери шире.

Мысли масштабней.

— Неужели десять?

— Я бы сказал, пятнадцать, — поправил его мой племянник. — Если не больше.

— Вот это да!

— Что ж, прекрасно. Приходи завтра ко мне с утра, так… в одиннадцать.

Сияя благожелательностью, он похлопал Джорджа по спине, а через несколько часов, ложась в постель, сказал самому себе: «Сотворивший добро заслужил ночной отдых».

Как все, кто живет напряженной жизнью духа, Игнатий спал крепко. Обычно он, проснувшись, долго лежал в полузабытье, пока его не пробуждал манящий запах жареной грудинки. Однако в то утро, открыв глаза, он ощутил необычайную резвость. Иными словами, он достиг той фазы, когда пациент начинает нервничать.

Исследовав свои чувства, он понял, что нервы разгулялись. Кошка что-то свалила в коридоре, он взвился и крикнул было служанке, миссис Перкинс: «Да уберите вы ее!», когда она (служанка, не кошка) появилась пред ним, сообщая, что готова вода для бритья. Взвившись уже к потолку белым коконом простынь, он трижды перевернулся в воздухе и опустился на пол, дрожа, как перепуганный мустанг. Сердце его завязло в гландах, глаза совершенно вылезли.

Когда разум вернулся на свой престол, Игнатий тихо заплакал, но вспомнил, однако, что он — Маллинер, побрел в ванную, встал под душ и немного очухался. Помог и обильный завтрак, так что он совсем пришел в себя, но тут заметил, что нет трубки, и снова впал в меланхолию.

Долго сидел он, закрыв лицо руками, впивая все скорби мира. Вдруг что-то изменилось. Минуту назад он жалел людей так, что сердце лопалось, — и вот он ощутил, что ему на них наплевать; мало того, он терпеть их не может. Зайди к нему кошка, он бы пнул ее ногой. Зайди миссис Перкинс, он бы шлепнул ее муштабелем. Но кошка ушла отдохнуть на помойку, миссис Перкинс пела на кухне псалмы. Игнатий кипел, как закрытый котел. Невесело усмехаясь, он поджидал, не появится ли живое существо.

Именно тогда, словно верблюд в оазисе, в дверях показался Сиприан.

— Здравствуй, дорогой мой, — заметил он. — Можно войти?

— Давай входи, — отвечал Игнатий.

При виде бакенбард, а главное — черного носка, который дважды обвивал шею критика, вдвое умножая его мерзостность, племянник мой

впал в необыкновенное, болезненное волнение, словно тигр, завидевший служителя с грудой мяса. Медленно облизнувшись, он мрачно глядел на Сиприана. Над постелью висел дамасский кинжал в роскошных ножнах. Он снял его, вынул и попробовал о палец.

Критик тем временем рассматривал картину сквозь монокль в черной оправе. Подвигав вдобавок головой и поглядев сквозь пальцы, он издал те специфические звуки, которые издают критики.

— Мда-ммм, — проговорил он. — Хммм… Хрффф! Есть ритм… да, ритм, ничего не скажешь… но можем ли мы признать, что это — искусство? Нет, не можем.

— Нет? — переспросил Игнатий.

— Нет и нет, — подтвердил Сиприан, поигрывая левой бакенбардой. — Где жизнь? Где налет вечности?

— Нет? — уточнил Игнатий.

— Ни в малейшей мере.

Поиграв с другой бакенбардой, Сиприан прикрыл глаза, откинул голову, задвигал пальцами и что-то прогудел, как бы понукая лошадь.

— Жизнью поступаться нельзя, — сообщил он. — Палитра — это оркестр, художник — дирижер. Краска должна быть плотной, должна быть весомой. Фигура на холсте должна дышать, что там — бодрствовать. Тогда и возникнет *жизнь*. Что до налета вечности…

Может быть, он знал, что о нем сказать, но его прервал тот звук, какой издает леопард, подкравшийся к добыче. Обернувшись, он увидел, что художник идет к нему, криво и неприятно улыбаясь. Глаза его сверкали, в правой руке он сжимал клинок с искусно украшенной рукоятью.

Критик, побывавший во многих мастерских, приучился действовать быстро. В один миг увидел он, что дверь закрыта, а между ним и нею — хозяин, и мгновенно юркнул за мольберт. Несколько минут художник и критик метались по обе стороны мольберта, и только с двенадцатого выпада Сиприан был ранен в руку.

Другой бы сдался, потерял голову — другой, но не он. Многоопытный критик два дня назад буквально измотал одного из лучших анималистов, больше часа гонявшегося за ним с настоящей дубинкой.

Сохранив спокойствие и обретя дополнительную резвость, он перескочил в шкаф, как истинный стратег, которым и должен быть критик, если он общается с художниками.

Игнатий покачнулся и не сразу обрел равновесие. Выпутавшись из циновки, он бросился к шкафу. Ручка не поддавалась. Сиприан держался, пока его враг не отступил.

Отступив, художник побрел обратно, взял укелеле, поиграл «Старика» и как раз дошел до «Никто не скажет — видно, что-то знают», когда дверь отворилась и в ней появился Джордж.

— Привет! — заметил он.

— Р-р-р. — ответил Игнатий.

— Что значит «р»? — осведомился гость.

— То и значит, — отвечал хозяин.

— Я насчет денег.

— Р-р-р!

— Двадцать фунтов, помнишь? Лежу сегодня и думаю: «А почему не двадцать пять?» Такая круглая цифра.

— Р-р-р!

— Что ты заладил «р» да «р»? Игнатий гордо выпрямился.

— Моя мастерская, — сказал он. — Что хочу, то говорю.

— Конечно, старик, конечно, — заторопился Джордж. — Эй, привет! Шнурок развязался. Завяжу-ка я его, а то и упасть можно. Прости, минуточку.

Он наклонился, Игнатий примерился получше, раскачал правую ногу и смело метнул ее вперед.

Тем временем леди Росситер и дочь ее Гермиона, завернув за угол, подошли к дверям мастерской. На лестнице они остановились, ибо мимо что-то пролетело, по-тюленьи пыхтя.

— Что это? — вскричала леди Росситер.

— Да, странно, — согласилась Гермиона. — Такое тяжелое… Надо спросить мистера Маллинера, не уронил ли он чего-нибудь.

Когда они вошли в мастерскую, Игнатий стоял на одной ноге и потирал пальцы другой. По рассеянности, присущей художникам, он забыл, что еще в домашних туфлях. Однако, несмотря на боль, вид у него был такой, какой бывает у человека, поступившего правильно.

— Доброе утро, — сказала леди Росситер.

— Доброе утро, — сказала Гермиона.

— Добррр утрррр, — сказал Игнатий, с отвращением глядя на них. Теперь он понял, что хуже всех в семье — не братья, а именно сестра, и быстротечная радость сменилась горчайшей скорбью. Мы не смеем вообразить, что случилось бы, наклонись в этот миг Гермиона.

— Вот и мы, — сказала леди Росситер.

Шкаф тихонько приоткрылся, оттуда выглянуло бледное лицо. Взметнулась пыль, раздался свист рассекаемого воздуха, что-то вылетело в

дверь — и она захлопнулась.

Леди Росситер, тяжко пыхтя, прижала руку к сердцу.

— Что это? — спросила она.

— Мне кажется, Сиприан, — предположила Гермиона.

— Ушел! — закричал Игнатий, выбегая на лестницу. Когда он вернулся, кривясь от горя, леди Росситер думала о том, что два психиатра пришлись бы очень кстати, но не огорчалась — безумный художник ничуть не хуже разумного.

— Ну что же, — приветливо сказала она. — Гермиона готова позировать.

Игнатий очнулся.

— Кому?

— Вам, для портрета.

— Какого?

— Своего.

— Вы хотите заказать портрет?

— Вы же вчера предлагали…

— Да-а? Возможно, возможно. Ну что ж, выписывайте чек, пятьдесят фунтов. Книжку не забыли?

— Пятьдесят?

— Гиней. Точнее, сто. Пятьдесят — это задаток.

— Вы же сами хотели ее писать…

— Даром?

— Д-да…

— Очень может быть, — согласился Игнатий. — Видимо, вы лишены чувства юмора. Не понимаете шуток. Моя цена — сто гиней. Собственно, почему вам нужен ее портрет? Черты лица — неприятные, колорит —. тусклый. Глаза — глупые, подбородка — нет, уши — торчат. Смотреть, и то тяжело, а тут — пиши! Прибавим за вредность.

Сказав все это, он принялся искать трубку, но не нашел.

— О Господи! — кричала тем временем мать.

— Повторить? — осведомился художник.

— Где мои соли?!

Игнатий пошарил по столу, открыл оба шкафа, заглянул под кушетку. Трубки не было.

Маллинеры учтивы. Заметив, как сопит и клекочет гостья, племянник мой догадался, что чем-то ее обидел.

— Может быть, — сказал он, — я вас чем-то обидел. Тогда — простите. От избытка сердца глаголят уста. Очень уж мне надоело ваше

семейство. Сиприана я чуть не заколол, но он для меня слишком прыток. Не будут заказывать статьи, пусть идет в русский балет. С Джорджем вышло лучше. Он мимо вас не пролетал?

— Ах, вот что это было! — обрадовалась Гермиона. — То-то я думала…

Леди Росситер, тяжело дыша, смотрела на него. 1 — Вы ударили мое дитя!

— Прямо в зад, — скромно, но гордо уточнил Игнатий. — С одного раза.

Несчастная с жалобным криком кинулась вниз по лестнице. Истинно говорят, что мать — лучший друг сына.

Гермиона глядела на Игнатия незнакомым взглядом. — Я и не знала, что вы так красноречивы, — наконец сказала она. — Как вы меня описали! Поэма в прозе. Игнатий что-то промычал.

— Вы вправду все это думаете? — продолжала она.

— Да.

— Значит, я тусклая? Может быть, желтая?

— Зеленоватая, — уточнил он.

— А глаза?.. — Она замялась.

— Вроде устриц, — подсказал художник. — Не первой свежести.

— Словом, вам не нравится моя внешность?

— Ни в малейшей степени.

Дальше он не слушал, хотя она что-то говорила. Недавно, вспомнил он, какой-то гость уронил за бюро недокуренную сигару. Служанки там не убирают, так уж у них повелось, а значит — он кинулся туда и едва не задохнулся от восторга.

Окутанная пылью, погрызенная мышью, это была *сигара.*

Настоящая, вполне пригодная, набитая окисью углерода. Игнатий чиркнул спичкой и закурил.

В тот же миг млеко незлобивости хлынуло в его душу. С той быстротой, с какою кролик превращается в буфет, флаг или аквариум, Игнатий превратился в смесь сладости и света. Пиридин коснулся слизистых оболочек, и они приняли его как брата. Радость, восторг, блаженство сменили злобу и скорбь.

Игнатий взглянул на Гермиону. Глаза ее сияли, прекрасное лицо светилось. Судя по всему, он ошибся, тусклой она не была — напротив, превосходила красотой все, что только вдыхало блаженный воздух Кенсингтона.

Гермиона тоже смотрела на него, словно чего-то ожидая.

— Простите? — сказал Игнатий. Она покачала головой.

— Что ж вы?.. — начала она.

— Простите? — повторил он.

— Ну, не обнимаете меня… и вообще… — ответила она, зардевшись.

— Это я? — проверил он.

— Кто же еще?

— Не обнимаю?

— Вот именно.

— А… вы… — хм-мм — этого хотите?

— Конечно.

— После — э-а… — всего, что я наговорил? Она удивленно взглянула на него.

— Разве вы не слушали?

— Да, отключился… вы уж простите, — забормотал он. — А что?

— Я сказала: если вы меня так видите, вы любите не мою внешность, а мою душу. Как я этого ждала!

Игнатий положил сигару и часто задышал.

— Минуточку, — сказал он. — Так и вы меня любите?

— Конечно, люблю, — отвечала она. — Вы мне всегда нравились, но я думала, для вас я — просто кукла.

Он снова взял сигару, затянулся для верности, сделал все, как она сказала, и затянулся еще раз.

— Кроме того, — продолжала Гермиона, — как не любить человека, который одним пинком спустил Джорджа с лестницы?

Игнатий опечалился.

— Ах, вспомнил! — сказал он. — Сиприан говорит, что ты говоришь, что я похож на Джорджа.

— Неужели передал?

— Да. Мне было очень тяжело.

— Почему? Просто вы оба играете на укелеле. Игнатий снова ожил.

— Сегодня же отдам бедным. А Джордж сказал, ты сказала, что я похож на Сиприана.

— Одеждой, — утешила она. — Все такое мешковатое… — Немедленно едем к лучшему портному! — воскликнул он. — Только обуюсь. Да, и сбегаю вниз, в табачную лавку.

РОМАН ФОТОГРАФА

Кто-то оставил в нашем «Привале» еженедельник с картинками, и, листая его, я увидел, что на девятой странице изображена опереточная дива с розой в зубах, глядящая через плечо. Естественно, я отшатнулся, слабо вскрикнув.

— Ну, ну! — укорил меня мистер Маллинер. — Зачем так волноваться? Важна не фотография актрисы, а чувства, что примешиваем к ней.

И он отхлебнул виски.

Доводилось ли вам (начал мистер Маллинер) думать о том, что чувствует модный фотограф? Статистика сообщает, что реже всего женятся они и молочники. Разносчик молока видит женщину слишком рано, фотограф проводит день в испарениях женской прелести. Судьба их печальна; но, по иронии той же судьбы, исторгающей из мыслящего человека и горький смех, и жалобный плач, каждый фотограф спит и видит, как бы снимать красавиц.

Дело в том, что начало его пути омрачают уроды, и он от них устает.

— Почему, — говорил в такой ситуации мой кузен Кларенс, — почему всех страшил так и тянет сниматься? Казалось бы, сиди и таись — но нет, норовят в альбомы! Как начинал я, как пылал — и все, дух мой рухнул. Сегодня ко мне записался мэр Восточного Тутинга, завтра придет при всем параде, включая треуголку. Ты бы его видел! Везет же людям, снимают всяких красавиц…

Мечта его исполнилась раньше, чем он предполагал. Не прошло и недели, как процесс «Бриггз против Маллинера» перенес моего кузена на вершину славы. Наверное, вы все это помните? Вкратце, дело шло так.

17 июня, в 4.10 Горацио Бриггз, кавалер Ордена Британской Империи, только что избранный мэром Тутинга, высадился из кэба у дверей ателье. В 4.11 он туда вошел. В 4.30 он вылетел из окна, которое, к счастью, находилось в бельэтаже. Помогал ему мой кузен, используя при этом треножник, и невольные зрители заметили, что лицо его (т. е. кузена) искажала дикая ярость.

Естественно, этим дело не кончилось. Вскоре начался суд. Истец требовал 10 000 фунтов и новые брюки. Поначалу все шло к тому, что Кларенс их отдаст. Но речь адвоката, сэра Джозефа Боджера, резко

повернула ход событий.

— Я не отрицаю, — сказал сэр Джозеф присяжным, — ни одного из обвинений. Семнадцатого числа текущего месяца мы нанесли истцу повреждение при помощи треножника. Но, господа! Вправе ли фотограф напасть на клиента, если тот, уже услышав, что лицо его не соответствует самым низким стандартам, сидит как ни в чем не бывало и облизывается? Да, считаю я, вправе! Прежде чем вынести приговор, взгляните: вот — истец. Надеюсь, вы согласны, что вида его не может вынести тонкая, чувствительная натура. Примите во внимание моржовые усы, двойной подбородок, глаза навыкате. Рассмотрите все это и только тогда говорите, мог ли ответчик не изгнать его из храма Красоты?

Естественно, Кларенса оправдали, не выходя из зала. Толпа, ожидавшая у входа, отнесла его домой и не расходилась, пока он не спел вместе с нею «Никогда, никогда, никогда, никогда красоте не изменит фотограф». Наутро все газеты до единой сообщили, что свобода не одерживала таких побед со времен Великой Хартии.

Слава мгновенно изменила судьбу моего кузена. Теперь он мог снимать только сверкающих красавиц. Каждый день к нему приходили украшения сцены и света; но, вернувшись года через два из дальнего путешествия, я узнал, что счастья они не принесли.

Кларенса я застал в студии, где он мрачно смотрел на портрет звезды в купальном костюме. Когда я вошел, он встрепенулся.

— Что с тобой? — воскликнул я, заметив горькие морщины. — Что случилось?

— Я объелся, — отвечал он.

— Чем?

— Всем. Жизнью. Красотой. Этим треклятым искусством.

Странно, подумал я. Слухи о его славе доходили до Востока, а здесь, по приезде, я понял, что они не преувеличенны. Всюду, где собирались два или три фотографа — от самых фешенебельных выставок до моментальных снимков, — никто не сомневался, что именно он возглавит скоро их гильдию.

— Больше не могу, — сказал Кларенс, разрывая портрет в клочья. — Актрисы с куклой! Графини с кошкой! Маркизы с книжкой! Через десять минут бегу на вокзал. Герцогиня Хемширская просила меня снять прямо в замке ее дочь, леди Монику.

Он страшно вздрогнул. Я погладил его по плечу.

— У нее, — прошептал он, — самая прелестная улыбка в Англии.

— Ну, ну! Успокойся.

— Застенчивая, так ее так, но лукавая!

— Может, врут?

— Мало того. Чтоб мне треснуть, она будет кормить собачку сахаром. Так и напишут: «Леди Моника с маленьким другом».

— Какой кошмар!

— Ладно, — сказал он с видимым усилием. — Что снимешь, то и пожнешь.

Я проводил его до такси и увидел напоследок тонкий, бледный профиль. Кузен напомнил мне аристократа по пути на гильотину. Мы не знали, что Любовь поджидает его за углом.

Нет, вы ошиблись. Я имею в виду не леди Монику. С ней все оказалось, как он думал, даже страшней: кроме застенчивой, но лукавой улыбки обнаружился и задорный разрез левого века, а кроме сахара и двух собачек — непредвиденная обезьянка, которую снимали 11 раз. Словом, Кларенса пленила отнюдь не леди Моника, а Девушка в Такси.

Заметил он ее, когда они застряли в пробке. Среди омнибусов стояла машина, носом в другую сторону, а в окошке было Лицо.

Многим бы оно не понравилось, но Кларенс, объевшийся красотой, не мог от него оторваться. Ему казалось, что всю жизнь ждал он этих черт — курносого носа, скул, веснушек, тяжелого подбородка. А главное, ни единой ямочки! Позже он говорил мне, что не верил своим глазам. Когда он поверил, машины двинулись.

Только у парламента кузен мой понял, что странное ощущение слева — не изжога, а любовь. Да, Кларенс Маллинер влюбился, но пользы от этого было не больше, чем от изжоги. Незнакомку он не увидит, имени ее не знает. Остается лелеять ее образ, снимая лукавых, застенчивых дам. Можно ли это вынести?

Но работа — это работа, и назавтра Кларенс по-прежнему предлагал клиенткам подождать, пока вылетит птичка. Затравленный вид и печальный взгляд не отразились на его карьере. Дамы говорили друг другу, что сниматься у него — как-то особенно духовно, словно ты побывала в старинном храме; и валили к нему валом.

Слава его была такой, что всякий, кого он снял, автоматически входил в высший свет. Поговаривали о том, что скоро он получит титул. Президент гильдии, сэр Годфри Студж, провозгласил за него тост на ежегодном банкете и прямо назвал его своим преемником. Но счастья не было. Что слава, если ты утратил Единственную? Что почести? Что титул?

Эти вопросы задавал он себе как-то вечером, попивая виски с содовой,

когда услышал звонок. Он удивился, час был поздний, слуги уже легли. Открыл он сам. В дверях стоял незнакомец.

— Могу ли я видеть мистера Маллинера? — осведомился он.

— Да, — отвечал Кларенс. — Это я.

Незнакомец вошел в переднюю, и кузен мой заметил, что он в маске.

— Простите, что скрываю лицо, — сказал нежданный гость.

— Ничего, ничего, — ответил вежливый Кларенс, проводя его в кабинет. — Не всякое лицо покажешь.

— Позвольте заверить, — сказал гость, — что я не хуже других. Но рисковать я не вправе. — Он помолчал, и Кларенс подметил, что глаза в прорезях маски оглядывают комнату. — Надеюсь, вы патриот?

— Конечно.

— Тогда буду откровенен. Вам известно, что наша держава оспаривает у другой державы союз с третьей?

— Нет, — признался Кларенс. — Как-то не слышал.

— Оспаривает. Глава той державы…

— Какой?

— Третьей.

— Назовем ее Держава-В.

— Назовем. Глава Державы-В сейчас в Лондоне, инкогнито. Представители Державы-Б об этом не знают. Если мы, опередив их, заключим с ним союз, мы обеспечим себе покой и престиж на сотни лет. Если же нас обойдет Держава-Б, цивилизации, можно сказать, конец. Европа — я имею в виду Державы Г, Д, Е, Ж, З — не будет с нами считаться. Мы опустимся до положения…

— Державы-И?

— Вот именно. Мистер Маллинер, спасите Англию!

— Великобританию, — поправил мой кузен, шотландец по матери. — А как?

— Глава Державы-В мечтает у вас сняться. Согласитесь! На радостях он подпишет договор, и мы спасены.

— С удовольствием, — согласился Кларенс.

— Поверьте, — сказал гость, — заслуги ваши не останутся без награды. В самых высоких кругах…

Кларенс взял записную книжку.

— Так, так… — сказал он. — Среда? Все занято. Четверг? То же самое. Пусть этот глава зайдет ко мне в пятницу, между четырьмя и пятью.

— Что вы! — вскричал гость. — Неужели вы думаете, что это можно сделать открыто, при свете дня? Если прислужники Державы-Б обо всем

прознают, я не поручусь за вашу жизнь.

— Что же вы предлагаете?

— Поехать к нему сейчас, в закрытой машине. Вы готовы?

— Да, конечно.

— Тогда идите за мной.

Видимо, враги отдыхали, ибо машины они достигли без помех. Кларенс сел в нее. Человек в маске зорко оглядел улицу. Но тут кузен мой услышал запах хлороформа, лица его коснулось что-то влажное — и больше он не помнил ничего.

Очнулся он в небольшой комнате с багровыми обоями, где стояли умывальник, шкафик и два кресла, и висело изречение «Боже, Храни Дом Наш» в дубовой рамке. Голова болела. Он хотел встать, пойти к умывальнику — но с удивлением понял, что связан по рукам и ногам. Маллинеры храбры, и все же сердце у него забилось. Он понял, что человек в маске состоит на тайной службе не Его Величества (что весьма похвально), а мерзкой Державы-Б. Тут открылась дверь, кто-то пересек комнату и встал у постели. Человек этот тяжко дышал. Лицо его, под цвет обоев, прорезали моржовые усы. Где-то Кларенс все это видел — но где же? Внезапно его озарило. Так, так, так!.. Открытое окно, туша в треуголке, он с треногой… Да это — Горацио Бриггз, мэр Восточного Тутинга! Какая мерзость, какой позор!

— Предатель, — сказал Кларенс.

— Э? — сказал мэр.

— Нет, вы подумайте! — продолжал кузен. — Мэр свободного Тутинга предает родную страну! Что ж, сообщите своим хозяевам…

— Каким?

— Державе-Б.

— Боюсь, — сказал мэр, — мой секретарь, верности ради, перебрал романтики. Если хотите знать…

Кларенс глухо застонал.

— Я знаю, — сказал он. — Вы добиваетесь, чтобы я сделал вашу фотографию.

— Не мою, — поправил мэр, — моей дочери.

— Дочери?

— Да.

— Она похожа на вас?

— Вроде бы…

— Не сниму, — сказал Кларенс.

— Подумайте хорошенько.

— Подумал. Не сниму. Тоже мне просьба!

— Это не просьба. Это приказ.

— Да вы понимаете, что если о моем заточении узнают, фотографы разберут ваш дом по камешкам?!

— Откуда им узнать? Вас привезли в темноте, в закрытой машине. Лучше соглашайтесь миром.

— Нет!

— Что ж, подумайте еще. Ужин в 10.30. Можете не переодеваться.

Ровно в 10.30 дверь отворилась, появился мэр, а за ним — лакей, который нес на серебряном подносе ломтик хлеба и стакан воды. Голод победил гордыню. Кларенс съел хлеб с ложечки.

— Когда подавать завтрак, сэр? — осведомился лакей.

— Сейчас, — отвечал Кларенс.

— Скажем так, в 9, — уточнил мэр.

После его ухода кузен мой с полчаса воображал идеальный обед. Мы, Маллинеры, любим поесть, и желудок его резонно возмущался жалким кусочком хлеба Кларенс думал о еде, что, как ни странно, и привело к спасению.

Представляя в полубреду сочный бифштекс с румяной картошкой, а кроме того — с помидорами, он заметил, что мясо суховато и как-то отдает веревкой.

Разум его прояснился. Он понял, что жует именно веревку, которой связаны руки, и наполовину ее проел. Надежда окрылила его. Немного передохнув, он расслабился, что и рекомендуют все поборники самовнушения.

«Я вхожу в клуб, — сказал он про себя. — Направляюсь в столовую. Беру меню. Выбираю утку с горошком, котлеты с брюссельской капустой, куриное фрикассе, эскалоп, шницель, бифштекс, почки, спагетти, яичницу. Заказ приносят. Беру нож и вилку. *Ем*».

И Кларенс впился в свои узы.

Через двадцать минут он ходил по комнате, разминая затекшие ноги. Когда он размял их, в двери зашевелился ключ.

Кларенс приготовился к прыжку. Уже стемнело, что было и кстати, ибо он решил, прыгнув на мэра, для начала оторвать ему голову

Дверь открылась. Кларенс прыгнул — и, приземляясь, ощутил, что вошло существо слабого пола. А надо вам сказать, ни один фотограф не тронет женщину, разве что повернет ей пальцем личико, приговаривая: «Вот так, вот так».

— Простите! — воскликнул он, отлетая в сторону.

— Не за что, не за что, — тихо сказала гостья. — Я вам не помешала?

— Что вы, что вы!

Оба они смутились, разговор оборвался.

— До чего же плохая погода! — начал Кларенс, решивший, что прервать молчание должен мужчина.

— Да, правда? — откликнулась гостья.

— Льет и льет.

— С каждым годом хуже.

— Вы заметили?

— Еще бы! В теннис не сыграешь…

— И в крикет.

— И в крокет.

— И в поло.

— Просто в сад не выйти.

— Терпеть не могу дождь.

— Вот и я.

— Может, в августе распогодится?..

— Да-да, в августе.

Успокоившись этой беседой, незнакомка сказала:

— Я выпущу вас. Не сердитесь на папу, он меня очень любит. Но я не хочу, чтоб меня снимали из-под палки. Идите за мной, сюда, сюда…

— Спасибо вам большое, — снова смутился Кларенс. И то, каково тут чувствительному человеку? Надо бы снять эту добрую девушку, но деликатность не позволяет завести об этом речь. Словом, они пошли вниз в полном молчании.

На первом перегоне его коснулась женская ручка, и женский голос прошептал:

— Здесь *его* кабинет. Идите тише мыши!

— Кого?

— Мыши.

— А, мыши! — сказал Кларенс, налетая на какой-то пьедестал.

Обычно на них стоят вазы. Стояли они и сейчас, до той секунды, когда раздался звук, какой произвели бы десять сервизов, роняемых на пол десятью служанками. Дверь распахнулась, хлынул свет, перед беглецами предстал мэр, с револьвером в руке и очень страшный.

— Ха! — сказал он.

Но Кларенс смотрел не на него. Он смотрел на его дочь.

— Вы! — вскричал мой кузен.

— Хоро… — начал мэр.

— Вы! Наконец-то!

— Хорошенькое…

— Я не сплю?

— Хорошенькое де…

— С того самого дня я ищу вас по всему городу!

— …дельце! — закончил мэр, после чего подышал на револьвер и вытер его об рукав. — Моя дочь помогает бежать врагу семьи!

— Папа…

— Нет, ты мне объясни…

— Постойте! — сказал Кларенс. — Почему вы говорили, что она похожа на вас?

— Она и похожа.

— Ничего подобного. Вот, смотрите. Разве у вас лицо? Подушка какая-то. А у нее… нет слов! Возьмем глаза. Истинные бляшки. Какой у вас взгляд? Тупой. А у нее? Мягкий, нежный, умный. Возьмем уши…

— Ладно, ладно, — сказал мэр. — Как-нибудь позже. Значит, мистер Маллинер…

— Зовите меня Кларенс.

— Еще чего!

— Все равно придется, когда я стану вашим зятем. Девушка вскрикнула. Мэр тоже вскрикнул, погромче.

— Кем, зятем?

— Да. И скоро. — Кузен мой повернулся к девушке: — Никакая сила не отвратит меня от вас, э-э…

— Гледис.

— Спасибо. От вас, Гледис. Я завоюю вашу любовь…

— Не надо, — прошептала она. — Я и так люблю вас. Кларенс покачнулся.

— Любите?

— С той самой минуты. Я чуть не упала там, в такси.

— Как и я. Чуть с ума не сошел. Дал шоферу три кроны.

— Просто не верится!

— Да-да. Я думал, это три пенса. С того дня… Мэр покашлял.

— Значит, — осведомился он, — ваши возражения отпали? Кларенс радостно засмеялся.

— Смотрите, какой у вас зять! — вскричал он. — Черт с ней, с репутацией, — я *вас* сниму!

— Меня!

— Вот именно. Вместе с Гледис. Стойте сзади, держите руку на ее плече. Мало того — если хотите, в треуголке.

По щекам отца бежали слезы.

— Мой дорогой! — рыдал он. — О, мой дорогой!

Так пришло счастье к моему кузену Кларенсу. Он не стал главой гильдии, ибо бросил работу на следующий день, сообщив при этом, что рука, снимавшая его дорогую невесту, больше никого снимать не вправе. Через шесть недель на свадьбу пришел весь цвет общества; и, впервые в истории, молодые вышли из церкви под аркой скрещенных треножников.

БЛАГОГОВЕЙНОЕ УХАЖИВАНИЕ

Беседа в «Привале рыболова», всегда углублявшаяся к закрытию, коснулась Современной Девушки, и Джин-с-Джинджером, сидевший в углу, заметил, что вымирают целые типы.

— Помню, — сказал он, — каждая вторая, в бальных туфлях, была выше шести футов, а уж извивались они, как игрушечные рельсы. Теперь они футов в пять, сбоку их вообще не видно. С чего бы это?

Двойное Виски покачал головой.

— Тайна тайн. Возьмите собак. Вот все кишит мопсами, вот — ни единого мопса, одни болонки и шпицы. Странно…

Пиво и Двойное Виски согласились с тем, что это странно, мало того — непонятно. Очень может быть, сказали они, что нам и не надо этого знать.

— Нет, господа, — сказал мистер Маллинер, отрешенно попивавший виски с лимоном, и бодро выпрямился, чтобы поделиться мыслью, — совсем не трудно понять, почему исчезли величавые, царственные девушки. Так обеспечивает природа выживание человечества. У особей, которых описывал Мередит[89] и рисовал дю Морье,[90] ни браков, ни детей быть не может. Нынешний мужчина не решится сделать предложение.

— В этом что-то есть, — признал Двойное Виски.

— Еще бы! — откликнулся мистер Маллинер. — Я знаю, о чем говорю. Влюбившись в Аврелию Каммарли, племянник мой Арчибальд изливал мне душу. Любил он безумно, но самая мысль о предложении ввергала его в такую слабость, что только бренди могло ему помочь. Однако… Но не лучше ли рассказать все с самого начала?

Те, кто не слишком хорошо знал моего племянника (сказал мистер Маллинер), считали его обычным, недалеким юношей. Узнав его получше, они обнаруживали свою ошибку: недалеким он был, но не в обычной степени. Даже в клубе «Трутни», где умственный уровень довольно низок, нередко замечали, что, будь его мозги матерчатыми, их едва хватило бы на трусы для канарейки. Бездумно и беззаботно шествовал он по жизни и до двадцати пяти лет испытал сильное чувство лишь тогда, когда на Бонд-стрит, в разгар сезона, заметил, что лакей выпустил его в разных гетрах.

И тут он встретил Аврелию.

Первая их встреча всегда казалась мне исключительно похожей на пресловутую встречу Данте и Беатриче. Как вы помните, Данте с Беатриче не беседовал, как и Арчибальд с Аврелией. Данте вылупил глаза — как и Арчибальд. Оба они влюбились сразу. Наконец, Данте было девять лет, что же до Арчибальда, именно на этом возрасте остановился он в своем развитии.

Разница только в том, что Данте шел по мосту, тогда как мой племянник вдумчиво пил коктейль у окна кафе.

Когда он приоткрыл рот, чтоб рассмотреть улицу получше, в поле его зрения вплыла греческая богиня. Выплыв из магазина, она остановилась, чтобы схватить такси, и мой племянник влюбился.

Это странно, ибо обычно он влюблялся в девиц иного типа. Как-то я взял здесь, в «Привале» книжечку, изданную полвека назад и принадлежавшую, вероятно, нашей очаровательной хозяйке. Называлась она «Тайна сэра Ролфа», героиня же, леди Элейн, была величава и прекрасна, с породистым носом, надменным взором и той особой статью, по какой всегда узнаешь дочь графского рода, уходящего в глубь времени. Вот вам Аврелия Каммарли.

Однако, увидев ее, Арчибальд пошатнулся, словно пил не первый, а хотя бы десятый коктейль.

— Вот это да! — заметил он.

Чтобы не упасть, он вцепился в подвернувшегося Трутня и увидел, что это — Алджи Уилмондэм-Уилмондэм, то есть именно тот, в кого и надо вцепляться, ибо он знает всех на свете.

— Алджи, — хрипло и тихо выговорил мой племянник, — постой-ка минутку.

Тут он запнулся, припомнив, что Алджи — первоклассный сплетник; и продолжал, уже в личине:

— Кто это там, а? Вроде бы встречались…

Проследив за его перстом, Алджи успел заметить, как богиня садится в такси.

— Вот это? — проверил он.

— Да, — ответил Арчибальд, зевая для пущей верности. — Никак не вспомню…

— Аврелия Каммарли.

— Да? Значит, ошибся. Мы не знакомы.

— Могу познакомить. Она будет на скачках. Разыщи меня там.

Арчибальд зевнул еще раз.

— Что ж, — согласился он, — разыщу, если не забуду. А есть у нее

какие-нибудь родители?

— Я знаю тетку. Живет на Парк-стрит. Жуткая зануда.

— Зануда?! Эта дивная… то есть миловидная девушка?

— Тетка. Она считает, что Бэкон написал Шекспира.

— Бекон? Кто это?

— Такой лорд. Ну, про Шекспира ты слышал. Тетка считает, что его пьесы написал не он, а этот самый лорд. Уступил, что ли.

— Молодец, — одобрил Арчибальд, — хотя кто его знает… Может, задолжал твоему Шекспиру.

— Видимо, да.

— Как его звали?

— Бэкон.

Арчибальд записал это имя на манжете, приговаривая:

— Ага, ага…

Когда Алджи ушел, он глядел в потолок. Душа его бурлила и кипела, как расплавленный сыр. Через некоторое время он встал и пошел покупать носки.

Носки с сиреневой стрелкой утешают, но исцелить не могут. Вернувшись домой, он снова разволновался. Теперь он мог подумать, а думать — нелегко.

Беспечные слова друга подтвердили худшее из подозрений. Если ты живешь вместе с тетей, которая знает всяких Бэконов, ты вряд ли польстишься на слабоумное созданье. Допустим, они встретятся; допустим, она пригласит его; допустим, она одарит его своей дружбой — ну и что? Он ничего не может ей предложить.

Деньги?

Да, и немало. Но что такое деньги?

Носки?

У него — лучшая коллекция в Лондоне, но и носки — не всё.

Сердце?

На что ей такое сердце?

Нет, думал он, ей нужны, скажем так, свершения. А что он совершил? Ничего. Конечно, он прекрасно кудахтает. Слава его звенит по Вест-энду. Если речь зайдет о курицах, золотая молодежь тут же заметит: «Маллинер — не Спиноза, но кудахтать умеет, да, умеет».

Однако умение это скорее помешает здесь, чем поможет. Такие девушки гнушаются этим родом искусства. Арчибальд покраснел при одной только мысли, что кто-нибудь откроет ей постыдную тайну.

Когда их знакомили на скачках, Аврелия спросила:

— Говорят, вы прекрасно изображаете курицу? А он вскричал:

— Какая ложь! Нет, какая бесстыдная ложь! Они за это ответят!

Казалось бы, просто и смело; но убедительно ли? Поверила ли она? Он на это надеялся, хотя прекрасные глаза глядели как-то слишком пытливо, словно проникали в тайные низины души.

Тем не менее она его пригласила. Величаво, презрительно, со второго захода — но пригласила как-нибудь зайти. А он решил показать ей, что под оболочкой лоботряса таятся истинные сокровища.

Должен признать, что для человека, который ухитрился вылететь из Итона и верил колонке «Бега», Арчибальд проявил неожиданную сообразительность. Быть может, любовь просветляет разум; быть может, рано или поздно, сказывается кровь. Арчибальд — нашего рода, а Маллинер — это Маллинер.

— Мидоус, мой друг, — сказал он лакею, который был ему и другом.

— Да, сэр?

— Говорят, был такой Шекспир. И еще Бэкон. Этот Бэкон писал пьесы, а Шекспир подписывал.

— Вот как, сэр?

— Вроде, правда. По-моему, это непорядочно.

— Несомненно, сэр.

— В общем, надо разобраться. Разыщите книжечки две, я полистаю.

Мидоус раздобыл несколько толстых томов, и племянник читал их две недели. Потом, заменив верный монокль очками в роговой оправе, придавшими ему сходство с вдумчивой овцой, он отправился к Аврелии.

В первые же минуты он сурово отверг сигарету и осудил коктейль. Жизнь, сообщил он, дана нам не для того, чтобы мы губили разум и печень. Возьмем, к примеру, Бэкона. Пил он коктейли? Да что вы!

Тетка, до сей поры — достаточно вялая, внезапно ожила и спросила:

— Вы любите Бэкона, мистер Маллинер?

Получив утвердительный ответ, она протянула щупальце, утащила моего племянника в угол и сорок семь минут говорила с ним о криптограммах. Словом, полный успех. Что вы хотите, Маллинер — это Маллинер!

Успех был настолько полон, что тетка пригласила его в сассекскую усадьбу. Сообщая об этом мне, Арчибальд нервно пил виски с содовой, а я удивлялся, почему у него такой растерянный вид.

— Ты не радуешься, мой дорогой, — сказал я.

— А с чего мне радоваться?

— Ну, как же! Там, в уединенной усадьбе, ты легко найдешь возможность объясниться.

— Найти-то найду, — скорбно признал племянник, — но толку от этого мало. Я не решусь. Ты не представляешь, что такое — любить Аврелию. Когда я гляжу в ее чистые, умные глаза, когда созерцаю ее прекрасный профиль, я ощущаю себя точно так же, как ощущал бы себя кусок «рокфора», отвергнутый санитарным инспектором. Да, я к ним поеду, но ничего у меня не выйдет. Проживу один, сойду холостяком в могилу. Виски, пожалуйста, и покрепче!

Усадьба Броустид Тауэре расположена милях в пятидесяти от Лондона; и, быстро проехав их в собственной машине, он успел переодеться к обеду. Однако в столовой обнаружилось, что представители его поколения уехали в сельский ресторан. Пришлось расходовать на тетю плоды тех двадцати двух минут, в течение которых он вывязывал галстук.

Обед его не обрадовал. Среди особенностей, отличавших трапезу от вавилонских пиршеств, было полное отсутствие горячительных напитков. Без искусственной стимуляции трудно выдерживать теток с должным, философским спокойствием.

Арчибальд давно убедился, что данной тетке нужна добрая доза клопомора. За обедом он как-то уворачивался, за кофе — не сумел. Она разошлась вовсю, загнав его в угол кушетки и применяя цифровой алфавит к мильтоновой эпитафии.[91]

— Ну, к этой, — сказала тетка. — «Так в чем же ты нуждаешься, Шекспир?»

— А, к этой! — сказал Арчибальд.

— Именно. «Не в том ли, чтоб тебе дивился мир? Иль в том, чтоб пирамиду возвели, священный прах скрывая от земли?»

Арчибальд, туго разгадывавший загадки, на это не ответил.

— Как в пьесах и сонетах, — продолжала тетка, — мы заменяем буквы числами.

— Простите, что мы делаем?

— Заменяем буквы на числа.

— Что ж, — согласился Арчибальд, — вам виднее. Тетка набрала воздуха.

— Обычно, — сообщила она, — А=1 и так далее. Но при определенных обстоятельствах все несколько иначе. Скажем, А может равняться 12. Тогда Б будет 13, В— 14, пока мы не дойдем до К, которое, вообще равняясь десяти, в данном случае — 1. Дойдя до А=33, начинаем

счет в обратном порядке. Теперь, прочитав эпитафию, мы получаем: «Что нужно Веруламу от Шекспира? Франсис Тюдор, слава, король Англии. Франсис. Франсис Шекспир. Разлука, личина, могила, Бэкон, Шекспир».

Речь эта, видимо — исключительно ясная для бэконианцев, пропала втуне, если не считать того, что Арчибальд жадно смотрел на боевой топорик. Не будь он Маллинером и джентльменом, — сними с крюка и бей прямо в жемчужное ожерелье. Подложив под себя дрожащие руки, страдалец просидел до полуночи, когда благословенный приступ икоты отвлек хозяйку. Под двадцать седьмое «ик» он добрался до двери и выскочил на лестницу.

Комнату ему отвели в конце коридора — приятную, просторную, с балконом. В другое время он бы вышел подышать и помечтать, но после всех этих Франсисов и Тюдоров даже мысли об Аврелии не могли перебороть сонливости. Натянув пижаму, он бросился в постель и обнаружил, что простыни пришиты друг к другу, а внутрь, вместо начинки, положены две щетки и ветка колючего растения.

Шутки он любил и восхитился бы, будь ему полегче; но, истомившись от Веруламов, только выругался, после чего довольно долго отрывал друг от друга простыни. Ветку он бросил в угол.

Засыпая, он думал о том, что утром тетке не удастся его изловить, слишком тяжела.

Разбудило его что-то вроде сильной грозы. Окончательно проснувшись, он понял, что это — не гром, а храп, тоже сильный. Во всяком случае, стены дрожали, как на океанском лайнере.

Услышав храп, всякий нормальный человек страстно жаждет справедливости. Арчибальд вылез из кровати, твердо решившись на самые крайние меры. В наше время полагают, что английская школа не готовит к будущей жизни. Это не так. Школьник знает, что нужно взять кусок мыла и сунуть храпящему в рот.

Скользнув к умывальнику, Арчибальд вооружился и, мягко ступая, вышел на балкон. Храпели по соседству. Надеясь, что в теплую ночь дверь открыта и там, а также сжимая мыло, племянник подкрался к ней и увидел, что надежда оправдалась. За дверью, скрывая комнату, висела тяжелая гардина. Собираясь ее раздвинуть, Арчибальд услышал голос:

— Кто там?

Эффект был такой, словно башни и бойницы упали ему на голову. Вопрос задала Аврелия.

Придется признать, что на долгое, тяжкое мгновение любовь куда-то исчезла. Ну хорошо, богиня храпит — но не так же! В звуках было что-то мерзкое, что-то противное девичьей чистоте.

Но Маллинер — это Маллинер. Пусть ко сну ее нельзя применить слова того же Мильтона «как воздух, невесом»; пусть он напоминает скорее об истовой пилке дров, но она, она сама — по-прежнему прекрасна.

Когда он пришел к такому выводу, послышался другой голос:

— Вот что, Аврелия!..

Арчибальд понял, что вопрос «Кто там?» относился не к нему, а к некоей барышне, явившейся из каких-то недр.

— Вот что, — продолжала незнакомка, — уйми ты свою собаку. Заснуть невозможно, штукатурка сыпется.

— Прости, — отвечала Аврелия, — привыкла, не замечаю.

— В отличие от меня. Накрой его чем-нибудь.

Арчибальд дрожал как желе. Да, любовь устояла, но облегчение было столь сильным, что на какое-то время он отключился. Но тут услышал свое имя.

— Приехал этот Арчи? — спросила подруга.

— Наверное, — отвечала Аврелия. — Телеграмма была.

— Между нами, как он тебе?

Чужих разговоров не слушают, но, вынужден признаться, молодой человек из рода, прославленного рыцарством, не исчез, а припал к занавеске. Возможность узнать правду из первых рук буквально сковала его.

— Арчи? — задумчиво переспросила Аврелия.

— Он самый. В клубе ставят семь к одному, что ты за него выйдешь.

— Почему это?

— Ну, он вокруг тебя скачет. В общем, такой вот счет, перед моим отъездом.

— Ставь на «нет», много выиграешь.

— Это точно?

— Куда уж точнее!

Арчибальд издал звук, напоминавший последнее кряканье умирающей утки. Подруга явственно удивилась.

— Ты же мне говорила, — напомнила она, — что встретила свой идеал. Ну, тогда, на скачках.

Из-за гардины послышался вздох.

— Я так и думала, — сказала Аврелия. — Он мне очень понравился. Уши такие, подвижные… И вообще, все говорят, что он совершеннейший

душка — добрый, веселый, глупый. Если верить Алджи Уилмондэм-Уилмондэму, он изображает курицу так, что этого одного хватит для семейного счастья.

— А он изображает?

— Нет. Пустые сплетни. Я спросила, он просто взорвался. Подозрительно, да? Потом подозрения оправдались. Сноб и зануда.

— Что ты говоришь!

— То. Смотрит так это, благоговейно. Наверное, дело в том, что я величественная. Вроде Клеопатры.

— Да, нехорошо.

— Что уж хорошего! Внешность не выбирают. Ладно, я выгляжу так, но это неправда! Мне нужен хороший, спортивный парень, который обхватит меня и взревет: «Ну, ты даешь, старушка!» Разыграть умеет, подстроить что-нибудь…

И Аврелия снова вздохнула.

— Да, кстати, — сказала подруга, — если он приехал, он в той комнате?

— Вероятно. А что?

— Я ему простыни зашила.

— Это хорошо, — признала Аврелия. — Жаль, я не додумалась.

— Теперь поздно.

— Да. Но я вот что сделаю. Ты говоришь, Лизандр храпит. Суну его в то окно.

— Замечательно, — одобрила подруга. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Судя по звуку, там, внутри, закрылась дверь.

Как я уже говорил, у племянника моего было немного ума, но какой был, тот кипел. Человек, которому надо изменить всю систему ценностей, чувствует себя так, словно взобрался на Эйфелеву башню, а ее выдернули. Вернувшись к себе, Арчибальд положил мыло в мыльницу и сел на кровать, чтобы все обдумать.

Аврелия напоминала Клеопатру. Мы не преувеличим, если сравним его чувства с чувствами Марка Антония, если бы тот увидел, что царица исполняет морской танец.

Отрезвил его легкий звук шагов и недовольное ворчание, которое издает всякий бульдог с устоявшимися привычками, когда его вынут из корзины в предутренний час.

Арчибальд встал и постоял в нерешительности. Потом снизошло вдохновение. Он знал, что ему делать.

Да, друзья мои, в этот высший миг своей жизни, когда судьба его, можно сказать, висела на волоске, Арчибальд Маллинер начал свой неподражаемый номер «Курица и яйцо».

Подражание это отличали свобода и особое тепло. В нем не было ярости, свойственной Сальвини в «Отелло»; пронзительностью своей оно могло напомнить Сару Сиддонс в последней сцене леди Макбет. Вначале звук мягок и слаб, в нем слышится робкая радость матери, которая поверить боится, что союз ее благословлен, и она, именно она, произвела на свет дивный эллипс, белеющий сквозь солому. Так и слышишь:

— Вылитое яйцо… И на ощупь, гладкое такое… Да это яйцо и есть!

Сомнения позади, звук набирает силу. Он крепнет, взмывает вверх, переходит в радостную песнь, в «Куд-куд-кудах» такой силы, что многие отирают слезы. Обычно, завершения ради, племянник мой обегал комнату, хлопая полами пиджака, и прыгал на диван или на кресло, где застывал, расставив руки под прямым углом, кудахтая до посинения.

Много раз проделывал он это в «Трутнях», чтобы развлечь друзей, но никогда еще — с таким пылом, с таким неподражаемым блеском. Скромный, как все Маллинеры, он поневоле ощущал, что превзошел самого себя. Художник узнает свой звездный час. Музой его была любовь и так его вдохновила, что он обегал комнату не один раз, а все три.

После этого он взглянул в окно и увидел прекраснейший лик на свете. Аврелия смотрела на него, как смотрит первый ряд на Крейслера, когда он, опустив скрипку, отирает рукой лоб. Такое выражение обычно называют благоговейным.

Они долго молчали; потом она сказала:

— А можно еще?

Арчибальд выступил на «бис». Он воплотил курицу четыре раза и, как признавался мне позже, был готов на пятый, но вместо этого, легко спрыгнув с кресла, направился к *ней*.

— Старушка, — сказал он ясно и твердо, — ну, ты даешь! Аврелия таяла в его объятиях, подняв к нему дивное лицо.

Было тихо, только бились сердца, да сипел бульдог, видимо, страдавший бронхами.

— Порядок, — сказал Арчибальд. — Закурить бы! Аврелия удивилась.

— Ты же не куришь!

— Еще как курю.

— И пьешь?

— Будь здоров. Да, кстати…

— Что, дорогой?

— Вот, скажи. Если тетя нас навестит, можно дать ей по черепушке чулком с камнями?

— Какая прекрасная мысль! — нежно сказала Аврелия.

— Близнецы! — вскричал Арчибальд. — Духовное родство, в чистом виде! Так я и думал. Знаешь, старушка, пойдем, отнесем собачку дворецкому. Проснется — а она тут. Очень полезно, курорта не надо. Шокотерапия. Как ты, «за»?

— Еще бы! — прошептала Аврелия. — О, еще бы!

И, рука в руке, они направились к парадной лестнице.

АРЧИБАЛЬД И МАССЫ

— Возьмем социализм, — вдумчиво заметил Портер. — Куда ни пойдешь, он тут как тут. Видимо, вошел в моду.

Говорили мы, собственно, о свекле, ничто не предвещало этих слов, но завсегдатаи «Привала» легко меняют тему. Мы летаем. Мы порхаем. Мы, как выразился образованный Джин-с-Горькой, можем буквально все, словно жена Цезаря. Мгновенно изменив курс мысли, мы занялись новым предметом.

— Да уж, — согласился Светлое Пиво, — что верно, то верно.

— Куда ни пойдешь, — поддержал их обоих Пиво Покрепче. — Наверное, что-то в нем есть… Нехорошо все-таки — мы живем, не тужим, а кому-то не на что выпить.

Мистер Маллинер кивнул.

— Именно так, — заметил он, — думал мой племянник Арчибальд.

— Он что, социалист?

— Побыл немного. Светлое Пиво наморщил лоб.

— Кажется, — припомнил он, — вы о нем говорили. Это он бросил курить?

— Нет, то — Игнатий.

— Значит, он служил у епископа?

— Нет, то — Августин.

— Вижу, у вас много племянников.

— Хватает. Что до Арчибальда, напомню: он кудахтал лучше всех в Лондоне.

— Ну, конечно! И обручился с Аврелией Каммарли.

— Да-да. К началу нашей повести он был самым счастливым человеком в своем почтовом отделении. Однако, как это ни печально, тучи собирались, и буря едва не утопила утлый челнок любви.

Немного обрученных пар (сказал мистер Маллинер) начали так хорошо, как Арчибальд с Аврелией. Даже циничный свет поневоле признал, что их ждет счастливый, прочный брак. В любовном союзе главное — единство вкусов, а уж оно у них было. Арчибальд любил кудахтать, Аврелия — слушать кудахтанье.

Однажды, блаженный и охрипший, племянник мой шел домой, чтобы переодеться к обеду, как вдруг на его пути встал обтрепанный субъект и

сообщил, что он три дня в рот не брал хлеба.

Арчибальд немного удивился — в конце концов, он не врач, но случилось так, что недавно он не мог взять в рот даже хорошего сыра, а потому уверенно ответил:

— Это ничего. Нос заложило, от простуды.

— Ну прям! — возразил незнакомец. — У меня чахотка, сухотка, больная жена, пятеро детей и никакой пенсии, хотя я служил семь лет. Сами понимаете, интриги. Хлеба я не ел, потому что купить не на что. Послушали бы вы, как плачут мои детки!

— С удовольствием, — сказал учтивый Арчибальд. — А вот насчет хлеба… Он дорогой?

— Ну, понимаете, бутылка — дороже, а если в розлив — еще туда-сюда. Тоже не даром!

— Пятерки хватит?

— Перебьюсь.

— До свидания, — сказал Арчибальд.

Встреча эта произвела на него глубокое впечатление. Я не скажу, что он призадумался — думать он, в сущности, не умел, но все же ощутил, что жизнь сурова, и с этим ощущением пришел домой, где лакей его, Мидоус, принес ему графин и сифон.

— Мидоус, — осведомился мой племянник, — вы сейчас не заняты?

— Нет, сэр.

— Тогда поговорим о хлебе. Знаете ли вы, что у многих его нет?

— Знаю, сэр. В Лондоне царит бедность.

— Нет, правда?

— Еще какая, сэр! Съездите в Боттлтон-ист, услышите глас народа.

— Народа?

— Вот именно, сэр. Называется «массы». Если вас интересует страдалец-пролетариат, могу дать хорошие брошюры. Я давно состою в партии «Заря свободы». Как явствует из названия, мы — предвестники революции.

— Это как в России?

— Да, сэр.

— Убийства всякие?

— Они, сэр.

— Шутки шутками, — сказал Арчибальд, — а себя заколоть я не дам. Ясно?

— Ясно, сэр.

— Ну, тогда тащите брошюры. Полистаю, полистаю…

Если знать Арчибальда, как я (продолжал мистер Маллинер), трудно поверить, что его, скажем так, разум совершенно переменился от этих самых брошюр. Я даже не думаю, что он прочитал их. Вы же знаете, что такое брошюра — разделы, подразделы, пункты, подпункты. Если ей придет в голову сочетание слов «основные основы принципов дистрибуции», она удерживаться не станет. Гораздо вероятней, что его обратили речи Мидоуса.

Как бы то ни было, к концу второй недели племянник мой стал другим человеком. Поскольку от этого он погрустнел, Аврелия быстро заметила неладное. Однажды, когда они танцевали в «Крапчатой уховертке», она прямо сказала, что он похож на недоваренную рыбу.

— Прости, старушка, — отвечал Арчибальд. — Я думаю о положении в Боттлтон-исте.

Аврелия на него посмотрела.

— Арчибальд, — предположила сна, — ты выпил.

— Ну, что ты! — возразил он. — Я размышляю. Посуди сама, мы тут танцуем, а они? Разве можно танцевать, когда эти самые условия дошли Бог знает до чего? Сталин танцует? Макстон танцует? А как насчет Сидни, лорда Пасфилда?[92]

Аврелия не поддалась.

— Что на тебя нашло? — опечалилась она. — Такой был веселый, смотреть приятно, а сейчас — туча тучей. Изобразил бы лучше курицу.

— Разве можно изображать кур, когда страдалец-пролетариат…

— Кто?!

— Страдалец-пролетариат.

— Это еще что такое?

— Ну… сама понимаешь… страдалец. Пролетариат.

— Да ты его не узнаешь, если тебе его подать в белом соусе!

— Что ты, узнаю! Мидоус мне все объяснил. Вот, посмотри: одни (скажем, я) бесятся с жиру, а другие (это — массы) сидят без хлеба. Им очень плохо, понимаешь?

— Нет, не понимаю. Может, до завтра проспишься… Кстати, куда мы завтра идем?

— Прости, старушка, — смутился Арчибальд, — я как раз собирался в Боттлтон-ист, к этим самым массам.

— Вот что, — сказала Аврелия, — завтра ты придешь ко мне, изобразишь курицу.

— Разве сэр Стаффорд Криппс[93] изображает всяких кур?

— Не придешь — все кончено.

— Ты понимаешь, массы…

— Хватит, — холодно сказала Аврелия, — кажется, все ясно. Если ты завтра не придешь ко мне, можешь искать другую невесту. Я не капризна, не строптива, но в жизни своей не выйду за городского сумасшедшего.

Однако племянник мой решил, что идти надо. Когда он излагал свои мысли Мидоусу, тот сурово заметил:

— В нашем деле всегда есть жертвы, товарищ.

— Да уж, как не быть, — печально произнес Арчибальд. — Вообще-то лучше бы кто другой… Ну, ладно. А вот виски — вылейте. Бывает время, когда нужно что-то покрепче.

— Скажите, докуда лить, товарищ.

— Главное, поменьше содовой.

Племянник мой, как все Маллинеры, честен и правдив, а потому прямо вам скажет, что Боттлтон-ист его разочаровал. Как-то там весело, скажет он, как-то шумно, что ли. Надеешься увидеть тусклый ад, а тут просто ярмарка какая-то!

Куда ни взгляни, бойкие дамы лихо окликают друг друга. Шустрые кошки снуют среди мусорных баков. Из кабачков раздается музыка. Дети, в немыслимом количестве, не столько плачут, сколько скачут. Словом, все исключительно похоже на бал в Национальном клубе либералов.

Но Маллинера не проймешь. Племянник мой пришел, чтоб утешить страдальцев, и решил их утешить, хоть бы чем. Где-нибудь, думал он, да затаилось голодное дитя.

И впрямь, когда он свернул в проулок, там обнаружился мальчик, подкидывавший ногой консервную банку. Лицо его было угрюмо, манера — мрачна и сдержанна. Строго говоря, он не плакал; видимо — отдыхал.

В мгновение ока племянник схватил его за руку и втащил в булочную, а там, купив хороший хлеб, сунул ему, сердечно прибавив:

— Хлеб.

Мальчик попятился и стал еще мрачнее.

— Даром, — заверил Арчибальд. — От меня. Я-тебе-дарю. Хлеб. Хороший.

Нежно погладив мальчика по головке, он поспешил уйти, опасаясь благодарности, но через два шага что-то твердое угодило ему прямо в макушку. Подумав о молниях, крышах и взрывах, он заметил, что вблизи, по канаве, катится злосчастный хлеб.

Заметим, что мальчик рассердился. Сперва он подумал, что племянник мой — не в себе, но, увидев на полке шоколад, конфеты и жвачку, немного ожил. В конце концов, думал он, конфета — это конфета, кто бы ее ни купил. Дальше вы знаете. Надо ли удивляться, что он обиделся? А в Боттлтон-исте чувство не расходится с делом.

Арчибальд не сдался. Он поднял хлеб и, сверкая взором, кинулся вдогонку. За всю историю лондонского Ист-энда никто еще не творил добро с таким отчаянным рвением. Но — тщетно. Жизнь в бедных кварталах способствует быстроногости. К тому же несчастное дитя лучше знало местность. Наконец оно исчезло во тьме, а запыхавшийся Арчибальд остался стоять, ощущая лишь одно — потребность в прохладительном напитке.

В самом воздухе бара есть что-то такое, усмиряющее смятенные чувства. Могучий запах напитков, гул и гам беззаботных споров о погоде, политике, королевской семье, собачьих бегах, налогах на пиво, ценах на фрукты, боксе и вере исцеляют сокрушенное сердце. Уже входя в «Гусь и Огурец», Арчибальд ощутил, что благодушие к нему вернулось.

Неужели, думал он, какой-то противный мальчишка может изменить наше мнение о массах? Скорее всего, его не одобряют, если вообще не изгнали из общества. Судить по нему о страдальце-п. — точно то же, что судить о фешенебельных кварталах по Кларенсу Гризли, известному под кличкой Отрава.

Нет, массы — в порядке. Сердце его снова сжалось от любви к ним, и он решил, что, по меньшей мере, надо бы их угостить. С этой целью он подошел к стойке, а там, вспоминая вестерны, обратился к человеку в рубашке с засученными рукавами.

— Ставлю всем! — сказал он.

— Чего? — спросил собеседник.

— Пусть назовут напиток!

— Нет, чего он мелет? — огорчился все тот же собеседник.

— Да Господи, — немного растерялся племянник, — это же так просто! Я хочу угостить этих страдальцев. Поднесите им, а заплачу я.

— А! — сказал тип с рукавами. — Теперь ясно. Теперь даже очень понятно.

Слух о том, что среди них появился человек-фонтан, произвел приятное впечатление. Приветливость, и так немалая, заметно возросла, и хозяин пира оказался в окружении почитателей. С каждой минутой он лучше думал о массах. Вот, смотрите: в клубе «Трутни» его никто толком не слушал, а здесь просто жить не могли без его советов и мнений. Да,

именно в массах нашел он духовных братьев.

Мадам Рекамье поняла бы его чувства. Эти хозяйки салонов знали, как приятно быть центром блистательного крута. Вполне возможно, что первые полчаса оказались самыми счастливыми, какие у него только были.

Простые, честные души наперебой убеждали племянника, что он — не просто хозяин пира, но и учитель, наставник, мудрец. Осушая стакан за стаканом, они ждали, как разрешит он их маленькие споры. Заверив одного, что дождь, скорей всего, пойдет нескоро, он сообщал другому, что правительство, при всей своей глупости, вреда причинить не хочет. Человеку в кепке он объяснял, как обращаться к герцогине на небольшом частном пикнике. Человека с перебитым носом он вводил в проблемы апостольского преемства в абиссинской Церкви.

Каждое слово встречал одобрительный гул, а в перерывах кто-нибудь наливал себе лишний раз, чтобы выпить за его здоровье. Судя по тому, что он мне рассказывал, это превращалось в истинный пир любви.

Но все на свете кончается. Арчибальду показалось, что надо кончать и пир. Он полюбил этих страдальцев, но где-то ждут своего часа другие, он просто обязан идти к ним. Заказав по последней, он сунул руку в карман — и ничего не нашел. По-видимому, платя за хлеб, он оставил кошелек на прилавке, а булочник (из сильных, суровых людей, которым мы обязаны своей славой) не счел нужным указать ему на оплошность.

Меня занимает психология, и, слушая рассказ, я отметил, что племянник мой не огорчился. Лесть и хвала так одурманили его, что он отнесся к делу с мягким юмором. Да, думал он, над ним добродушно посмеются, но он — не в претензии. Подхалимски хихикнув, он сообщил о положении дел и собирался уже продиктовать имя и адрес, когда увидел довольно близкий аналог той революции, о которой с чувством говаривал Мидоус. Он разглядел сквозь пары, что человек с рукавами сперва навис над стойкой, а потом поплевал на ладони.

Поймем и человека. Сызмальства полагал он, что выпить, не заплатив, — величайшее зло. Полпинты, и то вызывали в нем темнейшие страсти, а тут выпивка приняла эпические масштабы, словно здесь, в Боттлтон-ист, творилась сама история.

Племянник говорил мне, что у человека оказалось шесть рук, но это утверждение я приписываю естественным страхам. Ссылался он на то, что его схватили за шкирку, за оба локтя, за обе ноги и за сиденье от брюк. Как бы то ни было, его встряхнули, как микстуру, после чего, пролетев сквозь вечерний воздух, он ударился о мостовую, подскочил, ударился снова, ударился рикошетом о что-то гладкое и опустился в канаву, попав щекой

прямо на бывшую рыбу, судя по всему. — треску. А может, палтуса.

Пробыл он там недолго. Рассказывая вам наши семейные предания, я неизменно удивляюсь тому, что в час опасности Маллинер остается Маллинером, то есть мужем премудрости и силы. Правдолюбие не позволит назвать Арчибальда разумным, но даже он, завидев недавних почитателей, вскочил и нырнул во тьму, словно вспугнутый заяц. Какое-то время он слышал топот, мимо пролетело яйцо, но все же он ушел от погони и предался размышлениям.

Нетрудно представить, что милости в них не было. Сэр Стаффорд Криппс их осудил бы; Сталин, скорее всего, поджал бы губы. Любовь к страдальцу исчезла, испарилась. Арчибальд говорил мне, что в те тяжкие минуты шептал «Чтоб он лопнул», имея в виду пролетариат. Измученным массам он желал примерно того же. Вспомнив, что ради этих мерзавцев он предал великую любовь, племянник мой едва удержался от того, чтобы припасть к фонарю и поплакать.

Передохнув, он пошел дальше, надеясь выбраться из этих жутких мест в цивилизованное пространство, где люди — это люди, а если кому-то из них не хватит денег, можно подписать счет. Трудно себе представить, что метрдотель схватит вас за шкирку и выкинет на Пиккадилли.

Да, племянник мой стремился в фешенебельные кварталы, как лань — на источники вод, но дороги не знал. Когда он спросил у полисмена, как пройти к Пиккадилли-серкус, тот неприятно на него посмотрел, заметив при этом: «Давай, уматывай».

Минут через двадцать он понял, что очень хочет есть.

Собственно, он так и думал тут пообедать, оказать этим массам честь, но из-за мальчишки с хлебом как-то отвлекся. Ничего особенного он не ждал — чашечка бульона, нет, сперва немного семги или, скажем, дыни, потом бульон, форель, куриное крылышко, суфле какое-нибудь, и спасибо. Словом, он хотел есть.

Внезапно он заметил, что стоит у какого-то заведения, и через немытые стекла разглядел два покрытых клеенкой стола. За одним, уронив голову на руки, сидел неопрятный субъект. Другой был свободен, если не считать ножа и вилки, обещавших богатый пир.

Племянник мой стоял и смотрел, снедаемый волчьим голодом. Да, пир — но не для него, у него нет денег. И тут, как все Маллинеры в судьбоносную минуту, он обрел нежданный разум. Словно в блеске молнии, он вспомнил, что на цепочке, касаясь сердца, висит медальон с портретом Аврелии, и цепочка эта — из платины.

Колебался он десять секунд.

Через полчаса Арчибальд отодвинул тарелку и глубоко вздохнул — от сытости, не от горя. Вообще, чувства его умягчились. Он жалел, что позволил себе немилосердные мысли. В конце концов, думал он, попивая пиво и светясь послеобеденной милостью, можно понять и массы. Страдают, как не знаю кто, выпьют раз в сто лет — и что же? У благодетеля нет денег. Конечно, они испугались, что придется платить самим.

Понял он и человека с засученными рукавами. Заходит незнакомец, ставит напитки, не платит. Что же делать? Нет, что же делать? Поневоле растеряешься.

Словом, он обрел сладость и свет, и в такой мере, что, окажись он у себя, на Корк-стрит, 1, чувства его были бы прежними. Однако ему еще предстояло то, что лишило массы последних шансов на его любовь.

Кажется, я говорил, что за соседним столиком сидел, а в каком-то смысле — и лежал, неприятный субъект. Теперь он очнулся и смотрел на племянника таким взором, словно тот ему не нравится. Вероятно, так оно и было. Арчибальд носил воротничок, немного помятый к тому времени, но — воротничок, а он их не любил.

— Чего сидишь? — осведомился он.

Арчибальд вежливо объяснил, что только что съел отбивную.

— Ы! — сказал субъект. — Вырвал, значит, у голодных сирот. Прям изо рта.

— Нет-нет, — заверил Арчибальд, — мне ее подали.

— Прям счас!

— Честное слово. Я бы в жизни не стал есть отбивную, недоеденную сиротой.

— А форсу-то, форсу! Воротничок напялил.

— Это форс?

— Ну!

Арчибальд растерялся.

— Простите, пожалуйста, — сказал он. — Если б я знал, что вы это так примете, я бы его не надел. Вообще-то он — не накрахмаленный. Мягкий такой… Хотите, сниму?

— Да ладно, — смягчился субъект. — Чего там, носи, пока не сдернут. Дождетесь, полетят эти воротнички!

Арчибальд удивился.

— Воротнички? Я думал, головы.

— С головами вместе.

— Можно будет играть в футбол, — пошутил мой племянник.
— Эт кому? — оживился собеседник. — Тебе, что ли? Не-а. Голова-то чья? То-то! Так и скачут, так и скачут…
— Если вы не возражаете, — попросил Арчибальд, — поговорим об этом позже.
— Ы?
— Ну, все-таки, сразу после обеда…
— Обедает он! А си-и-ироты…
— Нет-нет! Я уже объяснил.
— Ладно, — опять смягчился субъект. — Тогда лопай.
— Простите?
— Давай, давай, а то нечем будет. Голову оттяпают.
— Да я все съел.
— Не-а.
— Съел.
— Ну, прям! Вон сколько сала.
— Я его не ем.
— Не ешь?
— Нет.
Человек встал и направился к Арчибальду.
— А ну, жри! — заорал он. — Это виданное ли дело? Сала он не ест!
— Да я…
— Меня мать учила, все доедай. Не оставляй сала на тарелке.
— Вы уж простите…
— Лопай!
— Вы послушайте…
— Ло-о-опай!
Положение было сложное, и Арчибальд это понял. Судите сами: один носит воротнички и не любит сала, другой любит сало, hq не воротнички. Словом, племянник мой очень обрадовался, когда кто-то вбежал в комнату.
Радость оказалась недолгой. Новоприбывший был не кто иной, как человек с рукавами.
Да, господа, словно путник в пустыне, Арчибальд просто кружил и вернулся в тот самый «Гусь и Огурец», к человеку, которого не думал встретить в этой жизни.
— Чего орете? — осведомился тот.
Неопрятный субъект мгновенно преобразился, сменив угрозы на тихий плач.
— Сала не ест… — плакал он в пепельницу. — Сала, понимаешь, не

ест! Воротничок напялил, а са-а-а-ла…

— Да плюньте вы, — начал человек с рукавами, обращаясь к Арчибальду, но внезапно утратил ту приветливость, которая присуща гостеприимному хозяину. Он хмыкнул, хрюкнул, и тихо вымолвил:

— Вот это да! Тот самый.

После этого он поплевал на ладони.

— Минуточку! — сказал Арчибальд. — Послушайте!

— А чего я делаю? — откликнулся субъект. — Слушаю. Да. Так ему! — прибавил он, услышав грохот. — Сала он не ест!

В то время ночи, когда часы, если они правильны, показывают ровно три, перед домом 36-а по улице Парк-лейн послышалось робкое кудахтанье. Покаянный, усталый, не любящий масс, пламенно любящий невесту племянник мой начинал свой коронный номер. Аврелия велела прийти, он и пришел.

Поначалу шло туговато, потом он разыгрался. Голос обрел выразительность, силу и все то, что обращает подражание курице в произведение искусства. Вскоре стали открываться окна, высовываться головы. Кто-то звал полицию. Этот мир снисходит к влюбленным, но не тогда, когда они изображают кур по ночам.

Наконец явился закон в лице констебля С. 44.

— Это что такое? — спросил он.

— Куд-кудах, — отвечал Арчибальд.

— То есть как?

— Кудах-кудах-кудах, — рассыпался трелью мой племянник.

Пришла та минута, когда нужно обежать круг. Констебль, опустивший руку на плечо, этому мешал. Арчибальд легко отпихнул его — и в это самое время открылось окно.

Прекрасная Аврелия спала крепко и, услышав первые «куд-кудах», решила, что это ей снится.

Теперь, когда она проснулась, душу ее затопила волна облегчения и любви.

— Арчибальд! — вскричала она. — Неужели ты, старый гад?

— А кто же еще? — отвечал племянник, прерывая представление.

— Иди сюда, выпей!

— Спасибо, с удовольствием, — сказал Арчибальд. — Нет, прости. Кажется, не могу.

— Почему?

— Полисмен схватил.

— И не отпустит, — развил его мысль констебль достаточно мрачным тоном, ибо живот у него еще ныл.

— Не отпустит, — перевел Арчибальд. — Теперь я, наверное, приду… когда, начальник?

— Через две недели без обжалования, — отвечал тот. — Нападение при исполнении.

— Через две недели, — сообщил Арчибальд уже издали. — Четырнадцать дней. Скажем так, полмесяца.

— Я тебя жду! — закричала Аврелия.

— Что ты делаешь?

— Жду-у-у!

— Значит, ты меня любишь?

Голос его был едва слышен, констебль шел быстро.

— Да-а-а!

— Что?

— Да-а-а-а-а!!!

— Не слы-ы-шу!

— ДА! — взревела Аврелия. Ее измученная глотка понемногу отдыхала, когда издали донеслось едва слышное «куд-кудах», сообщившее ей, что он все понял.

Улица закрыла окна и пошла спать.

ЧЕСТЬ МАЛЛИНЕРОВ

Небольшой кружок мыслителей, собиравшийся в баре, обсуждал некое дело о нарушения брачных обещаний, за которое ухватились газеты. Виски-с-Содовой не мог понять, как же удается эти обещания нарушить.

— Нет, — настаивал он, — как они решаются? Лев, и тот не посмеет. Вот я, например, §ыл смелый человек, но если бы вы меня попросили порвать с моей будущей женой, — кстати, тогда ее звали мисс Бутл, из Бэлемских Бутлов, — я бы отказался. А посмотришь — только это и делают. Бросают.

Вдумчивый Гоголь-Моголь-с-Ромом заметил, что большое подспорье — телефон. Джин-с-Джинджером предпочитал фальшивую бороду.

— Раз — и готово, — поведал он. — Покупаешь бороду, пишешь письмо и, в этой самой бороде, уезжаешь в Канаду.

Полкружки Пива считал, что джентльмену это не пристало. Джин-с-Джинджером с ним не согласился. Чтобы выяснить, где истина, они обратились к мистеру Маллинеру.

— Вот вы, — сказал Полкружки, — пошли бы на такой обман? Купили бы бороду?

Мистер Маллинер мягко улыбнулся.

— В нашей семье, — ответил он, — обещаний не нарушают. Быть может, мы старомодны, быть может — мы слишком высоко ставим честь древнего рода, но по нашему кодексу жених не вправе разорвать помолвку. Если Маллинер свяжет себя обетом, он связан, выхода нет. Именно такие чувства осложнили жизнь моему племяннику, когда он захотел отказаться от прекрасной Аврелии. Мы были поражены.

— Как?! — вскричали мы. — От Аврелии? Ваш племянник Арчибальд? Тот, который кудахтал? Да он же ее боготворил!

— Это верно.

— Тогда почему он хотел ее бросить?

— Надо ли говорить, что побуждения его были в высшей степени похвальны? Видимо, не надо. Он — Маллинер. Двигала им забота о невесте. Но лучше начнем с начала.

Только что (сказал мистер Маллинер) вы справедливо заметили, что племянник мой Арчибальд боготворил Аврелию Каммарли. Если я сообщу вам, что целых три раза он посылал своего лакея в парк, чтобы тот вырезал

на приличном дереве ее инициалы, окружив их сердечком, вы поймете, какой глубины достигли его чувства. Поймете вы и то, как был он потрясен, когда, через шесть недель, Аврелия выказала холод.

Конечно, на какое-то время холод выказывают все, хотя бы для того, чтобы снова потеплеть. Но тут было не так. Вот, скажем, племянник мой сравнивал невесту со звездой, а она отвечала «М-дэ…» Он спрашивал, любит ли она своего Арчи, а она откликалась: «Что-что?» Он говорил о скорой свадьбе, а она осведомлялась, что он почитывает. Пустяки? Возможно. Ерунда? Как для кого. Во всяком случае, он, взвесив знаки и признаки, убедился, что по какой-то тайной причине Аврелия к нему охладела; и, как сделает всякий, если у него болит сердце, пошел за советом к матери.

Мать его, вдова, жила неподалеку от Кью. С Аврелией они подружились, та вполне могла поделиться своей тайной. В общем, пройдя через садик к залитой солнцем комнате, где хозяйка любила сидеть после полудня, Арчибальд уже стоял у огромного, до пола, окна, собираясь произнести почтительное «Пип-пип!», когда зрелище, открывшееся взору, так поразило его, что он застыл на месте, а монокль заплясал, как живой, на своем шнурочке,

Да, мои дорогие, в этой солнечной комнате стояла леди Маллинер и, по-собачьи высунув язык, издавала очень странные звуки, вроде «хы-хы-хы-хы-хы». Сын ее глядел и слушал, тогда как она перешла к занятию, исключительно глупому даже по его невысоким стандартам, а именно — стала повторять непонятное слово «Сьюкс». Позже племянник говорил мне, что окончательно его добила ее манера.

Посудите сами: выпятив губы, она еле слышно свистела: «Сью». Хорошо, это бы он еще вынес, но дальше она так скалилась, что выступали жилы на шее, и выдыхала достаточно громкое «кс-с-с». Снова и снова, «сью» сменялось на «к-с-с», «к-с-с» — на «сью». Так говорил мне племянник, и, признаюсь, я буквально все это видел.

Теперь ему стало ясно, почему изменилась Аврелия. Она тоже застала его бедную мать за такими занятиями и, естественно, поняла, что та совершенно не в себе. Тут не захочешь, а подумаешь.

Шатаясь, словно слепой, вышел он из садика". Нетрудно представить себе, как он страдал. Приятно ли, когда любимая мать внезапно свихнется? А если из этого следует еще и разрыв с невестой, тут уж найдет выход разве что Сомерсет Моэм, и то в трехактной пьесе.

Да, Арчибальд понял, что с невестой придется порвать. Выбора нет, нельзя тащить невест к алтарю, когда в твоей семье — безумие. Кроме

всего прочего, оно заразно, ну, хотя бы наследственно. Живешь-живешь, хлоп! — и свихнулся. Хорошенькое дело, если священник спросит: «Согласен ли ты, Арчибальд?», а ты ответишь «Сьюкс», да еще вывалишь язык!

Нет, порвать надо…

И тут перед ним, откуда ни возьмись, встала прославленная честь Маллинеров. Помолвку порвать нельзя. Это должна сделать Аврелия. Но как? Почему?

Он стал перебирать знакомых девиц, порвавших помолвку. Возьмем Джейн Тодмарш. Жених повез ее гулять и свалился с нею вместе в тинистый пруд. Она ему отказала, выплюнув первого же головастика.

Так, так, так… Повезти Аврелию… Нет. Он вздрогнул от одной мысли. Почему именно, он не знал, но вздрогнуть — вздрогнул.

Милли Солт отказала потому, что жених неприятно хмыкал, когда она мазала на корте. Не пойдет. Аврелия в теннис не играет. Да если бы и играла, он бы не смог осуждать действия той, в ком видел богиню.

Ипатия Слоггет… С будущим повелителем она поссорилась в ресторане, куда явилась его былая любовь.

Вот это — получше. Конечно, никаких былых любовей у моего племянника нет, но дело можно поправить при помощи театрального агентства. Он вздрогнул снова. Скандал в ресторане вызовет толки, а гласность ему претила. Лучше бы что-нибудь другое… И тут он вспомнил о Доре Тревис. Собираясь выйти замуж за Обри Рочестера-Уопшота, она рассердилась, когда Обри явился к ним навеселе и оскорбил ее отца.

Что ж, дело ясно. Он придет к Аврелии и оскорбит старого Каммарли. Конечно, приятного здесь мало, отец этот — не из мягких, ранимых людей. Колониальный полковник в отставке вернулся домой, чтобы лаять на лакеев, и до сих пор мой племянник был с ним осторожен. Он поддакивал, он хихикал, он постыдно лебезил. Что там, он слушал его, хотя, по странной забывчивости, сэр Рекстроу мог рассказать одно и то же четыре раза подряд.

Все это так расслабило полковника, что внезапная наглость возымеет немедленный эффект. Бледный, но решительный, племянник мой тщательно оделся и пошел к своей невесте, на семейный обед.

Не знаю, видел ли кто из вас, как обедает полковник в отставке. Я лично — не видел, но Арчибальд рассказывал, что зрелище это заслуживает внимания. Суп и рыбу колониальный полковник ест примерно так, как лев, храпя и сопя. Перед жарким приветливость его возрастает.

Первый, животный голод утолен, сытость творит свое доброе дело. За сладким и за портвейном вконец разомлевший полковник откидывается в кресле и переходит к историям.

Так было и на сей раз. Бэгшот, дворецкий, наполнил хозяйский бокал, отступил в тень, и сэр Рекстроу Каммарли, благодушно фыркнув, уставился на будущего зятя. Если б он что-нибудь замечал, он бы заметил, что этот зять напряжен и бледен.

— Вот вы говорите, — начал он, — сегодня полная луна. Поневоле припомнишь, что случилось с одним моим другом в Бонго-Бонго. Такой, знаете ли, Джордж Бейтс.

Он прихлебнул вина, а мой племянник увидел, как омрачилось прекрасное лицо Аврелии. Мать ее — бледная, усталая дама — коротко вздохнула. Где-то сзади забеспокоился Бэгшот.

— Если я вам это рассказывал, — продолжал сэр Рекстроу, — остановите меня. Так вот, в полнолуние жители Бонго-Бонго охотятся на носорогов…

— Стоп! — сказал мой племянник.

Воцарилось тяжкое молчание. Сэр Рекстроу дернулся, словно возглас этот был пулей, а он сам — носорогом, которого, кстати, напоминал, когда не расслаблялся.

— Что вы сказали? — осведомился он.

— Я сказал: «Стоп», — отвечал Арчибальд. — Вы предложили остановить вас, я и остановил, поскольку слышал эту историю шесть раз. Так может приесться и хорошая повесть, но, увы, она — плохая. В общем, любезный Каммарли, больше я слушать не. намерен. Ни о Бейтсе, ни о носороге, ни о ком бы то ни было ином. Ясно? С меня хватит.

Кончив эту речь, он налил себе вина, незаметно отодвигаясь, чтобы, в случае чего, скользнуть под стол. Из-под стола, прикинул он, корпулентный полковник не вытащит, особенно — если там получше угнездиться.

Когда он совсем приготовился, он услышал голос хозяйки.

— Спасибо, — сказала леди Каммарли, и слезы сверкнули в ее усталых глазах. — Давно пора произнести эти прекрасные слова. Сколько раз я об этом мечтала! Что же до носорога, я слышала о нем сто двадцать шесть раз.

Аврелия просто светилась.

— А я, — сообщила она, — сорок три. Сзади донесся деликатный кашель.

— А я, — сказан Бэгшот, — восемьдесят семь. Вероятно, вы не

представляете, как тяжело нам, дворецким. Уйти нельзя, мы — на службе. Очень, очень тяжело. Спасибо вам, мистер Маллинер.

— Не за что, — откликнулся Арчибальд.

— Спасибо, мой дорогой, — сказала леди Каммарли.

— Ну, что вы! — ответил Арчибальд.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — сказала Аврелия.

— Рад служить.

— Вот почему, — обратилась она же к отцу, — от тебя бегают в клубе.

— От меня не бегают!

— Бегают. Кто же этого не знает?

— А ведь правда! — вскричал сэр Рекстроу. — Теперь я и сам вижу. Ну, конечно, я всем надоел. Но этот замечательный юноша открыл мне глаза. Бэгшот, наполните бокалы! Тебе, дорогая? Тебе, Рели? Выпьем за моего любимого зятя, который оказал мне сегодня неоценимую услугу. А теперь, поскольку мы завершили нашу скромную трапезу, не погуляют ли наши молодые? Как справедливо заметил Арчибальд, сейчас — полнолуние. — И сэр Рекстроу приятно засмеялся. Внизу, при луне, Аврелия стала каяться.

— Арчи, — сказала она, прижимаясь к его руке, — наверное, ты заметил, какая я была противная. Это потому, что ты пресмыкался перед папой. Да, конечно, он — чудище, но ты, ты, мой герой, не должен был его бояться! Я ошибалась. Ты копил силы для удара. Прости меня.

Естественно, мой племянник пробормотал: «Ну, что ты, что ты», — но как-то невесело. Легко ли снести издевку рока? Аврелия любит его, обожает — а он должен с ней расстаться. Даже в русском романе из такой ситуации не выкрутишься.

— Пойдем завтра в «Савой», — сказала тем временем невеста. — Это надо отпраздновать.

— Пойдем, — рассеянно согласился он, думая о том, есть ли поблизости театральное агентство.

Назавтра, в половине двенадцатого, Арчибальд поднимался по сомнительной лестнице, которая вела в офис Изадора Макколума, театрального агента, известного тем, что он чаще всех других обещал сообщить, если что подвернется. Итак, Арчибальд шел к нему. Состояние у него было примерно такое, как у Гамлета: разум говорил ему «надо», он говорил разуму «не хочется».

Пока он колебался, наверху хлопнула дверь, кто-то побежал по ступенькам, и тяжелое тело, стукнувшись об него, покатилось с ним вместе

к входной двери. Когда, пролетев этот утлый барьер, племянник мой приводил себя в порядок, он понял, что рядом, на мостовой — толстая особа в розовом платье, с обесцвеченными волосами.

Какое-то время она пыхтела с истинно трагическим пылом.

— Ой, извиняюсь! — вскричала она, отпыхтевшись. — Здорово я вас?

— Нет, что вы, — отвечал Арчибальд, вправляя какое-то ребро.

— Бегу, как угорелая…

— Ничего, ничего.

— А кто не побежит, если всякие черви оскорбляются? Арчибальд сочувственно пощелкал языком.

— Вас оскорбил червь?

— Ну!

— Что ж от них ждать, в сущности? Черви — это черви. Такая терпимость возмутила розовую особу.

— Прям, сейчас! — сказала она. — Он что говорит? Он говорит, я толста для героини. — Она горестно фыркнула. — И вообще играла в местечках. Это надо же, в местечках! Называется Пояс Б. Да им чем толще, тем лучше! Значит, не зря потратились. Вот, в Лейстере писали «Пышная красота».

— Простите?

— Это у меня. Джеральдина, в «Исковерканных судьбах». Интеллект моего племянника, какой бы он там ни был, уже встал на место.

— Вы играете в мелодрамах?

— Это кто, я? — откликнулась особа. — Эт где, в мелодрамах? Он еще спрашивает!

Арчибальд подтвердил, что делает именно это.

— Простите, — заметил он, — не зайти ли нам в погребок, немного выпить? Я бы вам предложил выгодное дельце.

Особа подозрительно прищурилась.

— Дельце?

— Вот именно.

— А бриллиантами не осыпете?

— Нет, нет, что вы!

— Ну, тогда — ладно. Тут, знаете, глаз да глаз. Булочку съешь, какао выпьешь, а они уже и лезут. Жуть!

— Распутные аристократы?

— Да уж, наверное. Переодетые.

И так, по-дружески болтая, они спустились в блаженную прохладу погребка.

Я редко встречался с толстыми, целомудренными особами, которые играют героинь в городах Пояса Б (сказал мистер Маллинер), я редко встречался с ними, и потому — не знаю, обычен ли среди них столь острый разум, как у Ивонны Мальтраверс. Она не только поняла все с ходу, но и ничуть не удивилась. Арчибальд, ожидавший долгих разъяснений, был поистине очарован.

— Значит, ясно? — проверил он. — Значит, устроите скандал в «Савое»? Входит обесчещенная девица…

Ивонна Мальтраверс укоризненно покашляла.

— Нет, лапочка, — сказала она. — Видно, вы не читали «Бексхилл Газет». Так прямо и написано: «Сама чистота». Это Миртл, «Длань рока». Лучше я буду брошенная невеста.

— Вы думаете, лучше?

— А то! Чего творится, какое время… Не читали? «Положим руку на плуг и угасим грязный потоп бесстыдства».

— Я много раз об этом думал, — заметил Арчибальд.

— А уж я!

— Ну, прекрасно. — Племянник мой встал. — Жду вас в «Савое», в начале десятого. Вы входите…

— Появляюсь, — мягко поправила Ивонна.

— Появляетесь…

— Слева. Как говорится, из левой кулисы. Профиль лучше получается.

— И обвиняете меня в том, что я играл вашими чувствами.

— Как последний гад.

— Самый последний. Где это было?

— В Миддлборо, — твердо сказала Ивонна. — А почему? А потому, что меня там правда бросили. Ярче выйдет. Как вспомню Бертрама, прям зайдусь. И по попе, и по попе…

— Это не нужно, — заволновался Арчибальд. — Конечно, не хочу вмешиваться в… э… вашу концепцию роли, но брюки очень плохо защищают. Такая тонкая ткань…

— Ладно, — не без грусти согласилась мисс Мальтраверс. — Вам видней. Значит, только текст.

— Спасибо вам большое.

— А знаете, — оживилась актриса — это прямо моя сцена в «Забытой невесте»! Один к одному. Только там — алтарь. Может, отложим до свадьбы?

— Нет, лучше не откладывать.

— Дело ваше. Возьму тот текст, как раз подойдет. Сократить немного… Ничего, если я вас назову «бессердечный кобель, который пятнает славное имя британца»?

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Большой был успех. Ну, ладно. Идите. В четверть десятого.

Казалось бы, все улажено, но Арчибальд облегченья не испытывал. Когда он сидел в «Савое», ковыряя что-то съедобное, его не утешала мысль, что он выполняет свой долг, как истинный Маллинер.

Да, думал он, нелегка верность семейной традиции. То ли дело написать письмо, уехать куда-нибудь и затаиться, пока все не утихнет. Но нет, сиди и жди, пока тебя опозорят при всем честном ресторане.

Своей незапятнанной репутацией он очень гордился. Приятно думать, гуляя по Лондону, что люди шепчут: «Это — Маллинер, ну, который так замечательно кудахтает». Теперь будут шептать: «Это — Маллинер, ну, который так опозорился в «Савое». Мысли эти не стали приятнее, когда он подумал, что, в порыве вдохновения, сообщница может забыть об их джентльменском уговоре. Брюки действительно шьют из тонкой ткани.

Теперь мы поймем, почему он едва слушал Аврелию. На радостях она то и дело смеялась серебристым смехом, и всякий раз в племянника моего как бы впивалась электродрель.

Оглядевшись, он задрожал. Почему-то ему казалось, что, пусть в толпе, они будут одни. Но нет; здесь собрались буквально все знакомые. Справа сидел молодой маркиз Хэмширский, который вел колонку сплетен для «Дэйли Трибьюн». На два столика дальше расположился герцог Датчетский, который вел такую же колонку в «Дэйли Пост». Кроме них, тут было с полдюжины графов, виконтов, баронов и баронетов, сотрудничавших в других изданиях. Словом, пресса обеспечена.

И вдруг случилось самое страшное. В зал вошла леди Маллинер с каким-то пожилым военным.

Арчибальд достиг сардиночной стадии, и, как он позже рассказывал, просто ощущал, что сардинка обращается в пепел. Мать он любил и уважал даже после событий, показавших ему, что у нее не все дома, а потому самая мысль о том, что она увидит его позор, причиняла страшную боль.

Несмотря на это, он расслышал, что Аврелия что-то говорит, и переспросил:

— А?

— Я говорю, — отвечала Аврелия, — вон твоя мама.

— Вижу.

— Она гораздо лучше выглядит.

— Э?

— Понимаешь, у нее наметился двойной подбородок. Прихожу, она рыдает — мяла, мяла, и все попусту. Конечно, я ей объяснила, что способ один, новый метод. Двадцать минут дышишь, как собака в жаркую погоду, это укрепляет мышцы. Потом — повторяешь, сколько можешь, «Сью-ксс», «Сью-ксс». «Сью» — не так важно, а вот в «ксс» — вся суть. Разрушает жировые ткани. Зал завертелся.

— Что?!

— Да, разрушает, — подтвердила Аврелия. — Конечно, тут нужна осторожность, а то вывихнешь шею.

— Значит, — сказал Арчибальд, — я ее застал за этим самым делом?

— А, ты ее видел? Испугался, наверное! Когда я застала мою тетю, я побежала звонить психиатру.

Арчибальд, тяжело дыша, откинулся на спинку стула. Он горько дивился Судьбе, которая, видимо — шутки ради, крушит и ломает нам жизнь. Потом чувства его перекинулись на женщин. Честно говоря, думал он, их надо держать на привязи. Никогда не знаешь, что они сделают.

Тут он понял, что не прав. Он достоверно знал, что сделает одна из них, Ивонна Мальтраверс. Она войдет слева и скажет, что он запятнал славное имя Мидлсборо или еще какой-то дыры.

— Живот — совсем другое дело, — рассказывала Аврелия, — Надо встать на четвереньки и ходить вокруг комнаты, приговаривая: «Уф-фа, уф-фа». Ой, Господи! — Она засмеялась. — Кого только нет теперь в ресторанах! Посмотри, какое чучело.

Следуя за ее взглядом, он посмотрел, и сердце его сделало два двойных сальто. В дверях, а если хотите — в кулисе, стояла Ивонна, оглядывая столики.

— Кого-то ищет, — сказала Аврелия.

Если бы кто-нибудь, на пари, сунул шило в брюки моего племянника, он не вскочил бы с такой прытью. Оставалась одна надежда. Конечно, это вызовет толки, но если зажать ей рот рукой, схватить ее другой рукой за шкирку, выволочь, сунуть в такси и сказать, чтобы по дороге шофер по возможности пристроил ее в подходящий подвал, все обойдется.

Кое-кого это удивит. Аврелия, подняв брови, молча потребует объяснений. Можно ответить, что такие упражнения развивают трицепсы и устраняют лишний жир с грудных мышц.

Уподобясь пуме из африканских глубин, племянник мой ринулся к актрисе. Завидев его, она прошептала:

— А я вас ищу, ищу…

Прошлый раз, в погребке, голос ее был так звонок и сочен, что посетители из нервных дважды жаловались хозяину. Сейчас он напоминал утечку газа, и даже это усилие явно причиняло ей боль.

— Тут такая штука, — просипела она, часто моргая. — Я по дурости очень расстроилась, а подруга моя мне и скажи, от подбородка есть упражнение. Может, слышали — «Сью-ксс», «сью-ксс». Ну, раза три — ничего, то есть три «сью», два «ксс», а потом как щелкнет! В общем, очень больно говорить, прямо щипцами рвет. Совсем не то выйдет, совсем не то. Разве так разыграешься? Голос нужен. Помню, как-то две лампы лопнули… Ладно, хотите — начнем.

Секунду-другую племянник мой тоже не мог говорить. Таких чувств он не испытывал с тех пор, как Аврелия дала ему слово.

— Нет-нет! — вскричал он. — Не беспокойтесь! Идите домой, разотритесь чем-нибудь. Утром пошлю чек.

— Вот тут, понимаете, как щипцами…

— Понимаю, понимаю! Ну, пока! Всего хорошего! Бог в помощь! Буду следить за вашими успехами.

Едва касаясь пола, он вернулся к удивленной и любопытной невесте.

— Ты с ней знаком? — спросила она.

— Конечно, — сказал Арчибальд. — Моя бывшая няня.

— Что ей нужно?

— Пришла меня поздравить.

— Разве у тебя день рождения?

— Ты же знаешь этих нянь! А вообще-то, мой ангел, мой прекрасный кролик, скоро у меня свадьба. Давай позовем двух епископов, лишний не помешает. Надо подстраховаться, а то, куда ни взгляни, все делают эти упражнения.

ЗЛЫЕ ЧАРЫ БЛАДЛИ КОРТА

Поэт, заходивший этим летом в «Привал рыболова», начал читать нам цикл сонетов, когда дверь отворилась и вошел молодой человек в гетрах. Он спросил пива, хотя в одной руке держал двустволку, а в другой — букет мертвых кроликов. Их он уронил на пол, и поэт, остановившись на полуслове, долго на них смотрел, после чего окрасился бледно-зеленым и закрыл глаза. Ожил он лишь тогда, когда хлопнула дверь.

Мистер Маллинер бросил на него сочувственный взгляд поверх виски с лимоном.

— Вы огорчились, — сказал он.

— Да, немного, — признал поэт. — Мне стало плохо. Быть может, это — личный предрассудок, но я люблю живых кроликов.

— Тонкие души согласны с вами, особенно — поэты, — заверил его мистер Маллинер. — Скажем, моя племянница.

— Мне вообще претят мертвые тела, — продолжал страдалец, — а уж эти кролики так явно, так безвозвратно мертвы! Мой девиз — красота, жизнь и радость.

— Именно это говорила и…

— Как ни странно, следующий сонет посвящен именно…

— …Шарлотта, — спокойно и твердо продолжал мистер Маллинер.

Надо вам сказать, что она была одной из тех нежных, тонких, сотканных душ, у которых хватает денег, чтобы писать стихи для изысканных еженедельников. Ее «Виньетки» имели большой успех среди высоколобых, но не слишком преуспевающих издателей. Особенно нравилось им, что она не ждет гонорара. Естественно, вскоре она вошла в избраннейший круг, а там, в особенно одухотворенном кафе «Мятый нарцисс», оказалась рядом с молодым человеком, похожим на греческого бога, и ощутила что-то, сопоставимое с дуновением весны.

— Именно весна… — сказал поэт.

— Купидон, — продолжал мистер Маллинер, — легко поражает сердца нашей семьи.

Шарлотта любила своего соседа раньше, чем он взял с блюда анчоуса. Он (сосед, не анчоус) был так одухотворен, что казалось, будто у него не столько глаза, сколько дырки прямо в душу. Как выяснилось, писал он пастели в прозе и обрел достаточную известность под именем Обри Трефьюзиса.

Дружба быстро крепнет в «Мятом нарциссе». Еще не успели разложить poulet roti au cresson,[94] а молодой человек уже поведал Шарлотте о своих талантах, страхах и надеждах, затронув детские воспоминания. Ее удивило лишь то, что происходит он из самой обычной помещичьей семьи.

— Вы легко представите, — сказал он, подкладывая ей брюссельской капусты, — как терзало это мою расцветающую душу. Семью нашу очень почитают в округе, но лично я не мог примириться с жестокостью. Когда я встречаю кролика, я предлагаю ему салата. Для моих родных кролик — не кролик без хорошей пули. Отец убил больше птиц, чем все остальное графство. На прошлой неделе меня несказанно огорчила фотография в «Тэтлере», где он довольно сурово глядит на умирающую утку. Старший мой брат, Реджинальд, буквально сеет смерть. Младший, Уильям, пока что довольствуется рогаткой и воробьями. В духовном плане Бладли Корт — не лучше Чикаго.

— Бладли Корт! — вскричала Шарлотта.

— Да. Конечно, живу я в Лондоне. Семья — против, особенно дядя Франсис, известный охотник на африканских гну…

— Бладли Корт! — повторила Шарлотта. — Но ведь он принадлежит сэру Александру Бессинджеру.

— Да. Моя фамилия — Бессинджер. Псевдоним я выбрал, чтобы все-таки пощадить семью. Откуда вы знаете про наше поместье?

— Моя мама училась вместе с леди Бессинджер. На следующей неделе я еду туда в гости.

— Тесен мир, — заметил Обри, обладавший, как все авторы пастелей, исключительным даром слова.

— Теперь я боюсь, — продолжала Шарлотта, — что мне там не понравится. Я ненавижу все, что связано со спортом!

— Духовное родство, в чистом виде, — признал ее новый друг. — Вот что, я давно не был дома, но ради вас — поеду. Да, поеду, даже если придется увидеть дядю Франсиса.

— Поедете?

— Конечно. Нельзя оставить там без защиты такую трепетную душу.

— Что вы имеете в виду?

— Дом этот зачарован. Да, да, да, на нем — злые чары.

— Какая чепуха!

— Нет. Вот, послушайте. Однажды туда приехал видный представитель Общества Покровительства животным. На следующий день, в четверть третьего, он вместе с другими пытался извлечь барсука из-под

перевернутой бочки.

Шарлотта весело засмеялась.

— Меня эти чары не возьмут

— И меня, конечно, — сказал Обри. — Но, если не возражаете, лучше мне быть рядом с вами.

— Возражаю? О, нет, — прошептала Шарлотта и вздрогнула, заметив, что друг ее немедленно затрепетал.

Бладли Корт оказался добрым старым зданием в тюдоровском стиле, окруженным парками и лесами. Непосредственно перед ним располагался прелестный цветник, за которым сверкало озеро. Комнаты и залы были уставлены шкафами, где выглядывали из-под стекла пучеглазые жертвы сэра Александра и его наследника. Со стен, не без упрека, взирали соответствующие части антилоп, лосей, зебу, жирафов, джейранов и вапити, которые, на свою беду, столкнулись с сэром Франсисом Пешли-Дрейком. Попадались чучела воробьев, говорящие о том, что и младший брат не сидит без дела.

Первые два дня Шарлотта провела, в сущности, с дядей Франсисом. Полковник Пешли-Дрейк искренне к ней привязался, и она никак не могла от него ускользнуть. Краснолицый, практически — круглый, достаточно пучеглазый, он говорил с ней о люмбаго, антилопах и Обри.

— Я бы на вашем месте держался от него подальше, — советовал он, имея в виду племянника.

— Вы не правы, — возражала Шарлотта. — Взгляните в его глаза…

— Зачем? — удивлялся дядя. — Да он гну не убьет!

— Жизнь, — напомнила Шарлотта, — не сводится к гну.

— Да, да, да, — согласился сэр Франсис. — Есть зебу, джейраны и вапити. Ну, все равно, я бы с ним не общался.

— А вот я, — вызывающе сказала Шарлотта, — собираюсь с ним погулять у озера.

Обри уже спешил к ней по зеленому уступу сада.

— Как я рада вам! — сказала она, когда они шли к озеру. — Мне очень надоел ваш дядя.

Обри понимающе кивнул. Шарлотта помолчала.

— Все относительно, — начала она. — Когда я познакомилась с сэром Александром, я подумала, что противней быть невозможно. Тут меня представили Реджинальду, и я поняла, что ошиблась. А теперь мне кажется, что перед сэром Франсисом он просто очарователен. Скажите, никто не пытался сделать что-нибудь с вашим дядей?

Обри покачал головой.

— Все признали, что наука бессильна. Положимся на Провидение.

Они сели на скамью у воды. Солнце сияло; сонную тишину нарушали только дальние выстрелы, свидетельствующие о том, что хозяин занят птицей, наследник его — кроликами, а младший сын, вооруженный духовым ружьем, — воробьями, да монотонный голос Франсиса, повествующего хозяйке на террасе, что делать с усопшей антилопой. Первым нарушил молчание Обри:

— Как прекрасен мир!

— Да, правда?

— Как нежно колышет ветерок озерную гладь!

— Да, правда?

— Как пахнут эти скромные цветы!

— Да, да, правда?

Они опять помолчали.

— В такие минуты, — заметил Обри, — душу так и тянет к любви.

— Да? — сказала Шарлотта. Сердце ее забилось.

— Да, — сказал Обри. — Вам доводилось о ней думать?

Он взял ее руку. Она потупила взор и тронула носком башмачка близлежащую улитку.

— Жизнь, — продолжал Обри, — можно уподобить Сахаре. Покинув Каир детства, мы идем в… э… к… м-м-м… ну, в общем, идем.

— Да, правда? — откликнулась Шарлотта.

— Вдалеке мы едва различаем желанную цель…

— О, да!

— И стремимся к ней…

— Да, правда?

— …но дорога нелегка. Самумы судьбы, зыбучие пески рока… в общем, нелегка. Но если нам повезет, мы встречаем оазис. Утратив последнюю надежду, я встретил его в четверть второго, в четверг, две недели назад. С того самого дня я хотел спросить вас… спросить тебя, Шарлотта… У-лю-лю-лю! Ату! Ату!

Однажды, еще в детстве, предприимчивая подруга выдернула стул, на который она собиралась сесть. Память об этом не угасла. Сейчас, при этих странных криках, племянница моя испытала нечто сходное.

Она взглянула на Обри. Выпустив ее руку, а к тому же и вскочив, он яростно бил зонтиком по мокрой траве.

— Ату! — взвыл он. — У-лю-лю! А также:

— Держи! Лови! Бей!

Через некоторое время пыл его, видимо, угас.

— У них там норы, — сообщил он, отирая лоб кольцом зонтика. — Без собаки их не поймаешь. Мне бы хорошего терьера… Какая ондатра! Что ж, такова жизнь… Да, на чем мы остановились?

И вдруг, словно очнувшись от транса, он смертельно побледнел.

— Простите… — выговорил он.

— Не за что, — холодно отвечала Шарлотта.

— Я хотел спросить, согласны ли вы стать моей женой.

— Да-а?

— Да?!

— То есть нет. Не согласна.

— Нет?

— Ни за что на свете. Вот она, ваша истинная суть! Обри задрожал с головы до ног.

— Что вы! Что вы! Это чары.

— Ха-ха!

— Простите?

— Ха-ха.

— В каком смысле? Шарлотта сверкнула глазами.

— Я вам не верю.

— Неужели вы не понимаете? — вскричал несчастный. — Я в жизни бы не тронул ондатру! Разве чтобы погладить. Я люблю их. Водяные крысы? Ну и что? Я держал в детстве белых крыс. Такие, с розовыми глазками.

Шарлотта покачала головой. Лицо ее было сумрачным и строгим.

— До свидания, мистер Бессинджер, — сказала она.

Он опустился на скамью, закрыв лицо руками, словно прокаженный, которому дали мешком по голове.

Казалось бы, Шарлотта должна была тут же уехать, но в следующий вторник намечался бал в саду, и она обещала леди Бессинджер, что украсит его своим присутствием. Чтобы занять время, она предалась трудам. Журнал «Бессловесный друг» как раз ждал от нее стихов.

Дни шли, творчество утишало боль. Сэр Александр обижал птиц, Реджинальд и кролики боролись с переменным успехом, они — размножаясь все шустрее, он — снижая поголовье. Полковник рассказывал о знакомых гну. Обри бродил по дому, явственно страдая. Наконец пришел вторник, а с ним — и бал.

Здешние балы славились во всем графстве. К четырем часам на

большой лужайке собрался цвет общества; но Шарлотте он радости не принес. Когда первая клубника опустилась в сливки, она уже была у себя и блуждающим взором смотрела на письмо из Лондона. «Бессловесный друг» впервые вернул ее стихи! Не в силах этому поверить, она их перечитала.

Шарлотта Маллинер
Гну
(Виньетка)

Когда душа впадает в мрак,
Поможет старый добрый як,
Ондатра, кролик — словом, всяк,
Кем славится Европа.

Но европейские леса,
Луга, озера, небеса
Вовеки не заменят нам
Саванн нерукотворный храм.
Где бродит антилопа.

Она хрупка, она робка.
О, как дрожит моя рука,
Изнемогает дух!
Хотя вечерний ветерок,
Пылающих касаясь щек,
Ласкает слабый слух.

Подходим ближе, ближе…
Так. Меня скрывает полумрак.
Я стройный стан согну
И, тише мыши, тише трав,
К загадочной земле припав,
Подкараулю гну.

Теперь — стреляй, теперь — пора,
Закончена ее игра.
Победа — У-лю-лю! Ура! —
Одержана над нею.
А тушку, так она легка,
Удержит и моя рука
(Ведь самка гну невелика,
А вот самцы крупнее).

Шарлотта нахмурилась. В чем дело, думала она? Стихи просто дышали той чистотой, той цельностью, той близостью к природе, которая прославила Англию. Мало того, они многому учат. Если кто вздумает поохотиться на гну, он получит ценные советы.

Она закусила губу. Если этот идиотский журнал выжил из ума, найдутся в конце концов и другие. Надо будет…

Именно в этот миг она заметила из окна, что юный Уилфрид крадется куда-то с духовым ружьем, и удивилась, что ни разу не попросила одолжить ей такую полезную вещь.

Небеса синели. Солнце сияло. Природа просто взывала к ней.

Шарлотта вышла из комнаты и побежала по лестнице.

А как же Обри? Ослабев от горя, он посидел какое-то время при сандвичах с огурцами, а потом стал ходить по террасе. Там он и увидел Уилфрида, а заодно — и Шарлотту, которая, выскочив из дома, поспешила к юному злодею.

Сделав вид, что ее он не замечает, Обри спросил брата:

— Куда идешь?

— Да пострелять… — растерянно ответил тот.

— Пострелять! — Обри возвысил голос, косясь уголком глаза на Шарлотту. — Пострелять, видите ли! А тебе никогда не говорили, что животным больно? Тебе не сообщили, часом, что не слышит Бог молитвы той, в которой нет любви живой ко всем, кто жизнью наделен? Стыдно! Да, стыдно!

Шарлотта подошла к ним и на них смотрела.

— В чем дело? — спросила она.

— Ах, и вы здесь? — удивился Обри. — Да вот, хочу забрать у него ружье. Собрался, — нет, вы подумайте! — стрелять воробьев. Тихо! — обратился он к брату. — А что, воробей не страдает? Нет, ты скажи, он. не страдает?

— Какие воробьи! — отвечал Уилфрид. — Я хотел подстрелить дядю.

— Нехорошо, — слегка подрастерявшись, заметил Обри. — Дядей подстреливать нельзя.

Шарлотта странно вскрикнула, глаза ее сверкнули. Окажись тут медик, он бы померил ей давление.

— Почему? — спросила она. — Почему нельзя подстреливать дядей?

Обри помолчал, сраженный неопровержимым женским разумом. Шарлотта тем временем развила свою мысль:

— Вашего дядю тридцать лет, как пора подстрелить. Только я его увидела, сразу подумала: «Духовое ружье!»

Обри вдумчиво кивнул.

— В этом что-то есть, — признал он.

— Где он? — властно спросила Шарлотта у юного Уилфрида.

— На крыше. Ну, там сарай для лодок, а он на крыше. Загорает.

— Г-м-м… Как же к нему подобраться?

— Дядя говорил, — вмешался Обри, — что на тигров охотятся с дерева. У лодочного сарая много деревьев.

— Замечательно!

Обри на мгновение заколебался.

— Может быть, не надо?.. Может быть…

— Чепуха! — отрезала Шарлотта, презрительно сверкнув глазами. — Надо. Дай мне ружье.

— Я думал… — вмешался Обри,

— Да?

— Понимаете, он не одет… Шарлотта легко рассмеялась.

— Ну и что! Пошли.

Живительные ультрафиолетовые лучи послеполуденного солнца падали на круглое тело. Сэр Франсис пребывал в приятной полудреме. Мысли его перелетали от канадских лосей к греческим муфлонам, а там — к нигерийским жирафам. Только он собрался подумать о египетском бегемоте, как услышал характерный звук и, нежно улыбнувшись, понял, что неподалеку — юный Уилфрид.

Тихая гордость обуяла его. Кто-кто, а этот ученик делал ему честь. Какой мальчик не соблазнился бы яствами, отложив охоту? А этот… плямц! Он где-то близко. Жаль, нельзя ему дать хороший совет. Все-таки, опытная рука…

Плямц! Сэр Франсис Пешли-Дрейк присел. Рядом с ним отлетела щепка. Ну, что же это!

— Уилфрид! — крикнул он, но ответа не дождался. — Ты поосторожней, а то…

В следующую секунду он скакал по крыше, бранясь на малоизвестном наречии, распространенном в бассейне Конго. Племянником он не гордился. Мало что так меняет чувства, как пуля, попавшая в мясистую часть ноги. Нет, он не гордился; а то, что он ощущал, он выражал на языке урду с примесью голландских слов, употребляемых в Южной Африке, когда увидел среди ветвей женское личико.

Полковник Пешли-Дрейк покачнулся. Как многие охотники, он был исключительно скромен. Однажды, поджав губы, он покинул ритуальные танцы, заметив, что третья жена местного суверена, скажем так, не совсем одета. Словом, он был в истинном ужасе.

— А… э… моя дорогая, — начал он, как вдруг увидел, что молодая дама держит что-то очень похожее на духовое ружье. Один глаз она прикрыла, кончик языка высунула.

Полковник ждать не стал. Вероятно, во всей Англии не было человека, настолько склонного к стрельбе; но многое, если не все, зависит от того, с какой ты стороны ружья. Посрамив своей прытью самого легконогого гну, он спрыгнул с крыши и помчался к камышам. Шарлотта слезла с дерева.

— Какой проворный, однако! — заметила она,

— Да, — согласился Обри, — дядя у нас шустрый. Видимо, часто бегал от носорогов.

Сидя в камышах, полковник, при всей своей ярости, не без удовольствия думал о тех же свойствах. Что ни говори, немногим хватило бы сноровки и ума, чтобы так быстро сориентироваться.

— Что ж нам делать? — услышал он голос Шарлотты.

— Сейчас, сейчас… — вторил ей Обри. — Что-нибудь придумаем.

— Нет, какая добыча ушла! Следующие стихи посвящу этим духовым ружьям. Почему у них один ствол?!

— Да, да, — согласился племянник. — Надо об этом поразмышлять в очередной пастели.

Они помолчали. Неопознанные созданья ползали по сэру Франсису, а иногда — и кусали его в затылок.

— Вот что, — заговорил Обри. — Дядя рассказывал, как в Замбези выкуривают из зарослей раненых зебу. Велишь туземцу поджечь траву…

Полковник глухо взвыл. Шарлотта радостно вскрикнула.

— Ну, конечно! Какой вы умный!

— Ах, что вы, что вы!

— Спички есть?

— Вот зажигалка.
— Вам нетрудно поджечь эти камыши? А я постерегу с ружьем.
— Рад служить, рад служить.
— Мне так жаль вас беспокоить!
— Ну, что вы, какое беспокойство!
Через три минуты местная знать увидела то, что редко видят на балах в парке. Перед нею пронесся круглый розовый джентльмен. Пробегая мимо стола, он схватил скатерть, обернулся ею и скрылся за широкой спиной епископа Сторфордского, который беседовал с обер-егермейстером о том, как трудно удержать викариев от увлечения ладаном.
Шарлотта и Обри смотрели на все это из лавровых кустов.
— Оттуда его не выгонишь, — сокрушался Обри. — Все-таки епископ.
Не услышав отклика, он испугался.
— Шарлотта! — воскликнул он. — Что с вами? Прекрасное лицо побледнело, глаза угасли. Кончик носа дрожал.
— Где я? — выговорила моя племянница.
— В Бладли Мэнор, Лессер Бладли, Бедфордшир, — быстро отвечал Обри. — Телефон: Горсби, 28.
— Я спала? Это мне снилось? — Шарлотта страшно вздрогнула. — Нет! Это правда! Я целилась в вашего дядю!
— Конечно, — подтвердил Обри, с трудом удерживаясь от похвал. — Кто поступил бы иначе на вашем месте?
Шарлотта не дала ему продолжать.
— О, как вы правы! — вскричала она. — Эта усадьба зачарована. *И* я, я еще сердилась на вас из-за ондатры! Вы меня простите?
— Шарлотта!
— Обри!
— Шарлотта!
— Т-с-с! Что это?
Полковник рассказывал свою историю. Знать явно возмущалась.
— Ну, что же это такое?!
— Как можно?!
— Mauvais ton!
Но все перекрыл голос сэра Александра:
— Они за это ответят! Шарлотта обернулась к Обри.
— Что нам делать? Обри подумал.
— Вероятно, — сказал он, — к гостям выходить не стоит. Бежим полями к станции, садимся на экспресс 5.50, приезжаем в Лондон, обедаем,

женимся…

— Да, да! — вскричала Шарлотта. — Увези меня из этого жуткого места!

— Хоть на край света, — заверил Обри. — Минутку. Посмотри отсюда. Голова — прямо перед нами, четко, на фоне неба… Может, напоследок?..

— Нет-нет!

— Я так, предложил. Вероятно, ты права. Что же, ноги в руки!

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ОСБЕРТА

Когда мистер Маллинер вошел в «Привал рыболова», нас поразила его скорбная серьезность, а то угрюмое молчание, в каком он выпил виски, окончательно убедило нас, что дело плохо. Мы поспешили выразить сочувствие. Оно его тронуло.

— Что ж, господа, — сказал он, — не хотел обременять вас своими бедами, но мой троюродный брат разводится с женой.

Мисс Постлвейт, наша добрая хозяйка, протирающая бокалы, внесла в разговор мягкую женскую нотку.

— Змеюка в дом вползла?

— Нет, — покачал головой мистер Маллинер, — нет, змеюка не вползла. Жена моего троюродного брата, как только он к ней обратится, склоняла голову набок и говорила: «Что, дорогой?» Он терпел одиннадцать месяцев и три дня. Видимо, это — европейский рекорд. Мистер Маллинер вздохнул.

— В наши дни, — продолжал он, — брак дается даром. Жениться так легко, что молодой муж не ценит своей жены. Чтобы вернуть семье былую крепость, нужны испытания, нужны препоны. Скажем, мой племянник Осберт очень счастлив в браке, ибо многое перенес.

— Он долго добивался ее любви? — спросил Пинта Пива.

— Он проверял свои чувства? — спросила мисс Постлвейт.

— Нет, — отвечал мистер Маллинер, — влюбился он сразу и сразу понял, что любим. Жениться на Мейбл Петерик-Сомс мешали не его и не ее чувства, а поведение Бешфорда Бреддока. Вам знакомо это имя?

— Нет.

— Но оно хотя бы впечатляет?

— Скорее, да.

— Так вот, в Центральной Африке страусы при самых этих звуках прятали голову в песок, а злые носороги скромно скрывались за деревом. Познакомившись с ним, Осберт их понял.

Раньше (продолжал мистер Маллинер) племянник мой жил хорошо. Он был красив, как все Маллинеры, здоров, жизнерадостен и так богат, что сборщики налогов выли от счастья, посылая ему форму Д. К тому же он влюбился в прекрасную Мейбл и понял, что она отвечает ему взаимностью.

Несколько недель все шло как нельзя лучше. Он миновал без помех все стадии, а именно — визиты, цветы, расспросы о здоровье папаши, игры

с мамашиным шпицем; и, наконец, пригласил Мейбл в ресторан и в театр.

Ничто не предвещало беды. Обед был бесподобен, как и пьеса, а главное — за второй акт он дважды пожал прелестную ручку, и та вроде бы отозвалась. Словом, мы не удивимся, что у самого дома Осберт прижал свою даму к груди и пылко поцеловал.

Когда утихло эхо, он заметил высокого человека в цилиндре.

Сперва все молчали. Потом Мейбл смущенно проговорила:

— Бэши! Откуда ты взялся? Я думала, ты в Африке. Незнакомец снял цилиндр, ударил по нему кулаком, выпрямил и снова надел.

— Сегодня вернулся, — объяснил он, — обедал тут, у вас. Мне сказали, ты в театре.

— Да, — признала Мейбл. — Познакомьтесь, пожалуйста. Мистер Маллинер. Мой кузен, мистер Бреддок.

— Очень приятно, — сказал Осберт.

Все опять помолчали. Бреддок снова проделал свои манипуляции со шляпой. Осберт на него смотрел, и взгляд его ему не нравился.

— Ну, я пошла, — сказала Мейбл.

— Спокойной ночи, — сказал Осберт.

— Спокойной ночи, — сказал Бреддок.

И прибавил, когда хлопнула дверь:

— Надо поговорить.

— Да?

— Да. Я все видел.

— Все?

— Все. Вы любите Мейбл? Осберт этого не отрицал.

— Я тоже, — сообщил Бреддок.

Осберт немного растерялся. Не скажешь же: «Как мило!»

— Я любил ее, — продолжал Бреддок, — когда она была вот такая.

— Какая? — уточнил мой племянник, поскольку уже стемнело.

— Такая. И если всякие гады… лопоухие мерзавцы… пучеглазые кретины на нее покусятся, я…

— В-вы?

Бешфорд Бреддок неприятно засмеялся.

— Не слыхали, часом, что я сделал с царем Мгумбо-Мгумбо?

— Я не знал, что есть такой царь.

— Теперь — нету.

Осберт ощутил что-то неприятное в области позвоночника.

— Что же вы с ним сделали?

— Не спрашивайте.

— А все-таки?

— Не надо. Вы и так узнаете, если не отступитесь от Мейбл. — Бреддок взглянул на звезды. — Какая погода! Точно такая тишь стояла в пустыне Нгоби, когда я задушил ягуара.

— К-какого?

— Ах, не все ли равно? Вы его не знаете. Сперва было трудно, правая рука в лубке, но минут через пять, одной левой… Спокойной ночи, мистер Маллинер.

И, проделав с цилиндром все, что нужно, Бреддок исчез во тьме.

Постояв несколько минут, племянник мой пошел домой и, с третьего раза отперев дверь, укрылся в своей библиотеке. Там, налив себе бренди с содовой, он погрузился в раздумья. После второй порции мысли его обрели какую-то связность, но были таковы, что я не решусь их вам поведать.

Конечно, мы можем его понять. Баловни судьбы обретают особую тонкость, которая затрудняет контакты с существами низшего порядка. Он не мог, просто не мог сразиться с пещерным человеком. Умел он одно — собирать старинную яшму, а поможет ли это в поединке с тем, кто убивает ягуаров, да еще одной левой?

Разлука с Мейбл, думал он, разобьет ему сердце, встреча с ее кузеном — голову. Мелко дрожа, он направился к столу и написал письмо, где сообщил, что его срочно вызывают в Австралию. Потом запечатал конверт, надписал, вышел, опустил в ящик и лег.

Разбудил его телефон. Трубку он не взял, прикинув, что уже принесли утреннюю почту и Мейбл хочет кое-что уточнить. Он встал, умылся, побрился, оделся и мрачно сел за стол, когда Паркер, его лакей, сообщил о приходе генерал-майора сэра Мастермена Петерик-Сомса.

Поднявшись не без труда (кости куда-то делись), Осберт вежливо сказал:

— Здравствуйте. Яичко не хотите?

— Не хочу, — отвечал сэр Мастермен. — Яичко! Нет, это бесподобно! Яичко! Ха-ха-ха!

Сторонний наблюдатель решил бы, что он принадлежит к Обществу защиты яиц, но Осберт, знакомый с фактами, истолковал эти возгласы правильно, тем более что гость смотрел на него тем стальным взглядом, за который его не любили в военных кругах.

— Мистер Маллинер, — сказал он, — моя племянница получила странное письмо.

— Да? — откликнулся Осберт.

— Да. Вы забыли наклеить марку. Пришлось заплатить три пенса.

— Сейчас, сейчас…

Генерал-майор отмел рукою его жалкие уловки.

— Дело не в деньгах. Мейбл считает, что вчера вы с ней обручились.

Осберт покашлял.

— Э, — сказал он, — м-м-м… в определенном смысле…

— Ясно, — сказал гость. — Вы играете ее чувствами. Часом, не слыхали об Уилкинсоне?

— Нет.

— Дж. Дж. Уилкинсон. Такой брюнет с моноклем.

— Нет, не слыхал.

— Он играл чувствами моей племянницы Эстер. Я его высек у входа в клуб «Трутни». А Бленкинсоп-Бастард вам знаком?

— Нет.

— Играл чувствами Гертруды. Я его высек у входа в клуб, где бывают любители голубей. Кстати, чем вы увлекаетесь?

— Яшму собираю…

— Клуб есть?

— Есть.

— А вход?

— Конечно.

— Так-так. — Светлый взор генерала стал мечтательным. — Объявление о помолвке появится завтра в «Морнинг пост». Всего хорошего, мистер Маллинер.

И, положив на блюдо кусок ветчины, которым он балансировал на ложке, генерал-майор вышел.

Вчерашние размышления намного уступали сегодняшним. Целый час племянник мой сидел, обхватив голову руками и глядя в полном отчаянии на остатки джема. Как все Маллинеры, он мыслил ясно и четко, но сейчас зашел в тупик. Ситуация была так сложна, что он попытался выразить ее математически, однако и это не помогло. Наконец явился Паркер, оповещая о втором завтраке.

— Уже?

— Да, сэр. Разрешите принести поздравления?

— Э?

— Генерал обмолвился, уходя, что вскоре вы сочетаетесь браком с мисс Петерик-Сомс. Тем самым я смог дать вашему другу необходимую информацию.

— Другу?

— Мистеру Бешфорду Бреддоку. Заходил после генерала проверить,

верны ли сведения. Обещал к вечеру вернуться.

Осберт встал, словно кресло немного раскалилось.

— Паркер?

— Сэр?

— Меня вызывают в Замбези, то есть в Гренландию. Приеду не скоро. Дом закроем, вы пока что отдохните. Через три месяца свяжитесь с конторой «Пибоди, Трап, Трап, Трап, Трап и Пибоди».

— Хорошо, сэр.

— Да, кстати…

— Сэр?

— Я собираюсь попробовать силы на сцене. Купите мне парик, нос, бакенбарды и синие очки.

Когда, воровато оглядевшись, Осберт кликнул такси и дал адрес незаметной гостиницы на Кромвел-роуд, планы его ясными не были. Только достигнув гавани и загримировавшись, он немного справился с мыслями. День, равно как и ночь, он провел в номере, а утром отправился к братьям Коэн, чтобы купить полное облачение путешественника. Отплыть он думал в Индию, заглянув по дороге в Японию, Мексику, Перу, Венесуэлу и на острова Фиджи.

Братья Коэн радостно захлопотали вокруг него, и через несколько минут он с удивлением обнаружил, что обладает каскеткой, фишками, клюшками, укулеле, концертино и шаром с золотыми рыбками.

Он огорчился. Расторопные братья, видимо, его не поняли. Скупо, но весомо, он объяснил им, что те годы, которые он протянет здесь, на земле, не будут отданы картам или поло, музыке или рыбкам. «Вы бы еще треуголку предложили, — закончил он. — Или швейную машинку».

— Сейчас, сейчас, — возрадовался Ирвинг. — Треуголочку? Сию минуту.

— Тащи машину, Лу, — приказал Изадор. — Да, загляни в обувной отдел, пригласи сюда мистера Бреддока. Ну, вам повезло! — сообщил он Осберту. — Та-акой человек, где он только не бывал!

Бакенбарды с усами скрывали все лицо; что оставалось на виду, то побелело.

— Б-бр-р-р?..

— Да, да. Тот самый. Путешественник.

— Мне душно! — сказал Осберт и кинулся к дверям, где столкнулся с человеком, поражавшим как величавостью, так и военной выправкой.

— Эй, кто тут есть? — крикнул генерал ясным голосом патриция, а племянник мой сел на стопку брюк.

Братья, сколько их было, кинулись к посетителю, кто — с пожарным шлемом, кто — с микроскопом, кто — с головоломкой.

— Кнуты имеются? — спросил он.

— Конечно, конечно!

— Хорошо. Дайте мне кнут покрепче, а главное — упругий.

Тут вернулся Лу с Бэшфордом Бреддоком.

— Бэши! — воскликнул генерал. — А я смотрю — кто такой? Тут темновато.

— Включи все лампы, Ирвинг, — сказал Изадор.

— Не надо, — взмолился Осберт. — У меня болят глаза.

— Тогда вам нельзя ехать в тропики, — сказал Бреддок.

— Это что, твой приятель? — спросил генерал.

— Нет, первый раз видимся.

— Мистер… э-э… купил каскетку, — сообщил Ирвинг, — фишки для покера, клюшки для поло, удочку, укулеле, концертино, рыбок, треуголку и швейную машину.

— Да? — сказал Бреддок. — Тогда остаются шлем, краги и мазь от укусов аллигатора.

— А ты тут зачем, Бэш? — поинтересовался сэр Мастермен.

— Я? Да вот, хочу купить ботинки с шипами. Надо раздавить одну гадюку.

— Смотри, какое совпадение! А я покупаю кнут, тоже для гадюки.

— Не везет им, я вижу, — заметил Бреддок. — Ха-ха! Генерал важно кивнул.

— Правда, — признался он, — с моей гадюкой не все ясно. Может, кнут и не понадобится, хотя… вообще-то с ним спокойнее.

— Хорошая вещь, — согласился Бреддок. — Не зайти ли нам в ресторан?

— С удовольствием, с удовольствием.

— До свиданья, — кивнул Осберту Бреддок. — Когда отплываете?

— Завтра, на «Раджпутане»! — услужливо сообщил Изадор.

— Что?! — вскричал сэр Мастермен. — Вы едете в Индию? Да я там полжизни пробыл. И на старой, доброй «Раджпутане»… Старший стюард ест у меня из рук, да, ест из рук. Скажу ему пару слов… Нет-нет, непременно приду! Мне надо сделать доброе дело, а то совсем озвереешь.

Когда Осберт полз в гостиницу, он думал о том, что судьба немного перестаралась. На палубе, под ярким солнцем, генерал его узнает. Значит, плыть нельзя. Заказав две порции кофе, он обвязался мокрым полотенцем и стал размышлять.

Часто слышишь, что Маллинера можно смутить, но нельзя сломить. Вскоре план был готов. Бежать надо не за границу, а в лондонский пригород. Генерал-майор с легкостью отбудет в Индию, но ни за что не сядет в трамвай, направляющийся в Далидж, Криклвуд, Уиннмор Хилл, Брикстон, Балем или Сарбитон. Там и надо укрыться.

Осберт решил подождать до темноты, зайти домой, взять яшму и исчезнуть в неизвестном направлении.

Примерно в полночь он сунул ключ в свою замочную скважину.

Честно говоря, он боялся, что Бреддок караулит у дома, но его не было.

Скользнув в переднюю, Осберт с облегчением вздохнул — и тут же заметил, что из-под двери в столовую сочится свет.

Сперва он удивился, потом понял, что Паркер без него решил немного развлечься. Действительно, в столовой стояли два прибора. Питья и еды еще не было; видимо, лакей и его подруга пошли за ними в кладовую.

Дрожа от гнева, мой племянник спрятался за гардиной, чтобы, подождав немного, предстать перед наглым слугой в виде Немезиды. Да, генерал-майор и Бреддок его пугали, но то — они, а то — эта креветка. После всех испытаний даже приятно поставить ее на место, как-то бодрит.

Раздались шаги. Осберт снял парик, очки, нос, бакенбарды и приготовился к эффектному выходу.

Но выйти ему не довелось. Напротив, он вжался в гардину, как очень робкая черепаха, и постарался дышать ушами, ибо вошли не Паркер с подругой, а два огромных мордоворота.

Осберт никогда не видел воров. С близкого расстояния они внушили ему то чувство, какое испытывал Даниил, пока не наладил отношения со львами. К счастью, звук, который он издал, не в силах задерживать дыхание, удачно слился со звуком вылетевшей пробки.

Видимо, воры не придерживались диеты. В наши дни, когда все трясутся над калориями, редко встретишь человека, который ест и пьет сколько влезет. Нежданные гости принадлежали к этому небольшому меньшинству.

Однако, утолив первый голод колбасой, ветчиной и бараниной, тот, что поближе к окну, расслабился и огляделся.

— Ничего квартирка, — признал он.

— Ну! — согласился его сообщник, видимо, немногословный, быть может, потому, что ел картошку с хлебом.

— Ба-альшие шишки живут!

— Ну!

— Лорды или там баронеты.

— Ну! — согласился второй вор, подливая в шампанское портвейна, хереса, вермута, бренди и шартреза.

Друг его задумался.

— Вот, эти лорды, — начал он. — Идут, понимаешь, обедать.

— Ну?

— У сэра, скажем, сестра, а у пэра — младший сын. Кто раньше за стол сядет?

— Раньше? — уточнил второй, выпив еще гремучей смеси. — Я так полагаю, кто шустрей. Коту ясно.

Первый вор поднял брови.

— Эрнст, — сказал он, — ты прям какой-то темный. Прям как будто в обществе не бывал.

Второй вор вспыхнул. Нависло молчание. Первый вор ел, второй смотрел на него, дожидаясь удобного случая. Он его дождался.

— Гарольд! — сказал он.

— Не чавкай.

— Чего-чего?

— Не чавкай.

— Кто это чавкает?

— Ты.

— Я?

— Ну!

— Чавкаю?

— Одно слово — свинья, — подытожил Эрнст. — Пэры! Сэры! Сестры, понимаешь, всякие. А я зато не чавкаю.

И наглядности ради впился в баранью ногу.

Этого Гарольд не вынес. Ловко схватив бутылку, он ударил Эрнста по голове.

Осберт прикрылся гардиной. Он понимал, что за такое зрелище многие заплатили бы, но вполне удовольствовался звуками. Судя по ним, борцы лупили друг друга всем, что было в комнате, кроме обоев и буфета.

Потом, после страшного треска, наступила тишина.

Осберт выглянул не сразу. Первый взгляд явил ему что-то вроде оргий из исторического фильма. Не хватало только приятных с виду, но не совсем одетых девиц.

Он вылез из укрытия. Вор по имени Гарольд лежал частично в камине, вор по имени Эрнст лежал под столом. Они очень изменились. Если, что вполне вероятно, полиция знала их с виду, ей предстоял нелегкий труд.

Мысль эта разбудила в Осберте гражданские чувства. Он позвонил в ближайший участок и узнал, что служители закона прибудут, чтобы забрать останки. Почувствовав, что надо бы вдохнуть свежего воздуха, он вышел — и тут же ощутил на плече чью-то тяжелую руку.

— Добрый вечер, — сказал голос Бреддока. — Есть разговор.

Осберт с удивлением заметил, что ничуть не боится. Все относительно в нашем мире. После встречи с Эрнстом и Гарольдом всякие Бреддоки — вроде кроликов.

— А, Бэши! — сказал мой племянник.

В эту минуту перед домом остановился фургон и из него полезли полисмены.

— Мистер Маллинер? — спросил сержант. Осберт радушно его приветствовал.

— Просим, просим! — сказал он. — Они в столовой. Кажется, я немного увлекся. Не вызвать ли врача?

— Сами напросились, — сказал сержант.

— И то правда, — согласился Осберт.

Бреддок слушал эту беседу с некоторым удивлением.

— А что тут у вас?

— Ах, вы еще не ушли?

— Нет, не ушел.

— Хотите со мной поговорить?

— Да, хотелось бы.

— Сейчас, сейчас, сию минуту. Вот управимся — и я ваш. Ко мне, знаете ли, забрались воры.

— Кто-кто? — спросил Бреддок, но сразу же увидел, как два полисмена несут Гарольда, а еще два — Эрнста. Сержант, замыкавший шествие, покачал головой.

— Да, сэр, — сказал он, — так и прикончить недолго. Вы уж поосторожней… Сами виноваты, нет спора, но тоже люди.

— Вероятно, я вышел из себя, — признался Осберт. — Бывает со мной, бывает… До свиданья, сержант, спасибо. Ну Бэш, я к вашим услугам.

Бреддок замялся. Лицо его, бледное в свете фонаря, стало в передней зеленоватым.

— Так о чем вы хотели поговорить? — осведомился Осберт.

Гость что-то проглотил два раза подряд.

— Увидел, знаете, в газете про вашу помолвку, — объяснил он. — Решил спросить, какой вам сделать подарок.

— Спасибо, мой дорогой.
— А то все дарят одно и то же.
— Верно, верно. Ну, что ж, обсудим.
— Нет, я спешу. Лучше вы мне напишите до востребования: Африка, Конго, Бонго. Я как раз туда еду.
— Ладно, — согласился Осберт. — Какие у вас странные ботинки!
— Мозоли замучили.
— А шипы зачем?
— Уменьшают давление стопы.
— А, ясно! Спокойной ночи, Бэш.
— Спокойной ночи.
— Всего вам хорошего.
— И вам! И вам! — воскликнул Бреддок.

СНОВА О НЯНЯХ

Увидев мистера Маллинера в «Привале рыболова», мы испытали ту радость, какую испытывает горожанин, когда сквозь туман проглянет солнце. Наш уважаемый собрат навещал свою старую няню в Девоншире, и без него умственный уровень бесед непозволительно понизился.

— Нет, — отвечал мистер Маллинер, когда мы спросили, хорошо ли он съездил. — Нет, хорошо мне не было. Старушка почти совсем оглохла и потеряла память. А главное, может ли тонкий человек ощущать покой рядом с тем, кто бивал его некогда головной щеткой?

И он поморгал от былой боли.

— Удивительно, — продолжал он не сразу, — удивительно, как мало меняется старая, добрая, кряжистая няня по отношению к своим питомцам! Они поседеют, полысеют, прославятся на ниве политики, промышленности или искусства, но для нее останутся мастером Джеймсом или мастером Перси, которые без понуканий никогда не умоются. Шекспир дрогнет перед няней, Герберт Спенсер, Нерон, Аттила… Что же до Фредерика, моего племянника… но интересна ли вам жизнь моих родных?

Мы заверили его, что интересна.

— Тогда, — сказал он, — я поведаю вам эту историю. Ничего особенного, конечно, но — показательно, показательно!

Начну с тех минут (сказал мистер Маллинер), когда, приехав из Лондона на зов старшего брата, Фредерик созерцал из окна тихий морской курорт.

Кабинет доктора Маллинера освещало вечернее солнце, но даже оно не могло разогнать мрак, который окутывал душу приезжего. Выглядел он примерно так, как выглядел бы очень болотистый пруд, обзаведись тот лицом.

— Джордж, — тихо и сумрачно сказал он, — ты выманил меня в эту дыру, чтобы я навестил няню, которую и в детстве терпеть не мог.

— Ты ей много лет помогаешь, — напомнил Джордж.

— А что мне делать, если вы все складываетесь? Вношу свою лепту, noblesse oblige.

— Та же noblesse oblige ее навестить. Она скучает. Что там, она стареет.

— Ей лет сто.

— Восемьдесят пять.

— Господи, как время бежит! Помню, заперла меня в шкаф, когда я украл варенье…

— Она прекрасная воспитательница, — признал Джордж. — Конечно, не без властности, есть это в ней, есть… Но, скажу тебе как врач, не спорь с ней, потакай ее прихотям. Даст яйца всмятку — ешь.

— В пять часов дня?! Не буду.

— Будешь. Еще как будешь. У нее больное сердце. Если что, я не отвечаю за последствия.

— Если я съем яйцо, я тоже не отвечаю. И вообще, какие яйца? Что я, ребенок?

— Конечно. Мы все для нее — дети. На Рождество она подарила мне «Фаунтлероя».

— Значит, по-твоему, я должен потакать этой помеси Лукреции Борджиа с прусским сержантом. Почему? Нет, объясни мне, почему? Из всех нас я особенно ее боялся, боюсь и теперь. Почему ты выбрал меня?

— Я не выбирал. Мы все ее навещаем. И мы, и Олифанты.

— Олифанты?!

Фредерик дернулся. Будь его брат дантистом, а не терапевтом, можно было бы подумать, что тот вырвал ему зуб.

— После нас она служила у них, — объяснил Джордж. — Неужели ты их забыл? Когда тебе было лет двенадцать, ты полез на старый вяз, чтобы достать для Джейн грачиное яйцо.

Фредерик горько засмеялся.

— Бывают же кретины! — заметил он. — Рисковать жизнью из-за этой особы… Нет, жизнь мне недорога, что в ней хорошего, да и вообще скоро помру. Но ради Джейн!..

— А мне она нравилась. Говорят, стала красавицей.

— Возможно. Только сердца нет.

— То есть как?

— А так. Вот, посуди сам: обручилась со мной, уехала к каким-то Пендерби, и, пожалуйста, письмо, выходит за некоего Диллингуотера. Надеюсь, он ее задушит.

— Как это все печально!

— Кому? Не мне. Можно сказать, чудом спасся.

— Теперь я понимаю, почему ты мрачный.

— Кто, я? — удивился Фредерик. — Я счастлив. Я просто в восторге.

— А, вон что! — Джордж взглянул на часы. — Ну, хорошо, хорошо, иди. Туда минут десять.

— Как я найду этот чертов дом?
— Есть табличка с названием.
— С каким?
— «Укромная заводь».
— О, Господи! — вскричал Фредерик. — Этого еще не хватало.

Казалось бы, вид из окна дал ему представление о курорте, но, проходя по улицам, он глазам своим не верил. Непостижимо! Такая дыра — и столько в ней уместилось. Вот мальчики; жуть, а не мальчики. Вот торговцы с тележками; жуть — и торговцы, и тележки. Дома — нет слов! А солнце! Сверкает и сверкает, хоть тресни. Тут бы ливень с пронзительным ветром, а не эта желтая блямба на синем небе. Конечно, дело не в Джейн. Просто он не любит солнца и всяких там небес, органически не выносит. Ему по душе ураганы, трусы, глады, моры…

Тут он заметил, что пришел по адресу, на мерзкую улицу с чистым тротуаром и двумя рядами опрятных кирпичных домиков. Глядя на медные молоточки и белые занавесочки, Фредерик невыразимо страдал. Здесь явно жили люди, которые не знают и знать не хотят, что несколько месяцев назад одна, скажем так, особа обручилась с Диллингуотером.

Разыскав эту «Заводь», он постучал в дверь, и ему открыли.

— Да это мастер Фредерик! — воскликнула няня. — В жизни бы не узнала, как вырос!

Почему-то ему стало полегче. Он был не очень плохой — так, ровно посередине между близким к святости Джорджем и бессердечной Джейн; и самый вид старой няни удивил и тронул его.

Образы детства очень крепки. Ему казалось, что она — огромная, широкоплечая, очень грозная, а перед ним стояла старушонка, которую мог бы унести ветерок.

Он растрогался. Он умилился. Он понял брата. Конечно, ее надо порадовать. Только зверь огорчит ее, даже если она сварит яйца.

— Какой большой! — не унималась няня.

— Правда? — откликнулся Фредерик.

— Настоящий мужчина. Идите, садитесь за стол. Сейчас накормлю.

— Спасибо.

— НОГИ!

Он подскочил. Губы у няни сжались, глаза сверкали.

— Нетэтонадожевгрязныхботинках! — сказала она. — Убираешьубираешьаимхотьбычто.

— Простите, пожалуйста! — пролепетал он, вытирая ноги о

половичок.

Направляясь в комнату, он ощущал, что стал меньше, моложе и гораздо слабее. От умиления остались следы.

Но и они исчезли, когда в кресле, у окна, он обнаружил Джейн.

Вряд ли читателя интересует внешность такой девушки, но все же, на всякий случай, сообщим, что у нее были золотисто-русые волосы, золотисто-русые брови и, как это ни странно, золотисто-русые глаза, а кроме того — маленький носик с одной веснушкой, маленький ротик и маленький, но решительный подбородок.

Сейчас подбородок был уж очень решителен, словно таран небольшого судна. На Фредерика она смотрела так, будто от него пахло луком.

Фредерик молчал. Трудно начать беседу с особой, которая вернула тебе письма, кстати — очень хорошие. Произнеся в. конце концов «Ык», он уселся и стал смотреть на ковер. Джейн смотрела в окно. Царила тишина, если не считать того, что из часов выскочила кукушка и сказала «Ку-ку».

Внезапность ее появления и отрывистость речи допекли истерзанного Фредерика. Он подскочил и вскрикнул.

— В чем дело? — осведомилась Джейн.

— Птицы тут всякие!

Джейн пожала плечами, давая понять, что ее не интересуют ощущения людей низшего типа, но Фредерик продолжал:

— Что вы здесь делаете?

— К няне пришла.

— Вот уж не ждал!

— Да неужели?

— Знал бы, никогда бы в жизни…

— У вас пятно на носу.

Скрипнув зубами, он вынул носовой платок, заметив при этом:

— Вероятно, мне лучше уйти.

— Ни в коем случае! — резко ответила Джейн. — Она вас очень ждала. Хотя понять не могу…

— Чего?

— Ах, неважно!

Пока он выбирал самый едкий из трех возможных ответов, явилась няня.

— Конечно, дело не мое, — сказала Джейн, — но некоторые помогли бы нести такой тяжелый поднос.

Фредерик вскочил, густо при этом краснея.

— Нянечка, — сказала Джейн, удачно сочетая заботливость со злобностью, — ты не надорвалась?

— Я как раз… — пролепетал Фредерик.

— Да, когда няня его поставила. О, Господи, какие бывают люди!

— Он всегда был глупый, — великодушно сказала няня. — Садитесь, мастер Фредерик, я вам яичек сварила. Мальчики их любят.

Фредерик посмотрел на поднос. Да, яйца там были, и крупные. Желудок, подраспустившийся за это время, болезненно сжался.

— Ох, и ели же вы! — припомнила няня. — Что яйца, что пирог… Помню, у мисс Джейн на именинах… Можно сказать, вывернуло!

— Няня! — вздрогнула Джейн, бросая неприятный взгляд на страдальца.

— Спасибо, — выговорил он. — Я… это… яиц не буду.

— Как так не будете? — удивилась няня. — Хорошие яички. Не будет он! У меня съедите.

— Да мне не хочется…

Хрупкая старушка снова превратилась в грозу Наполеона.

— Ни-ка-ких кап-ри-зов! Фредерик судорожно хрюкнул.

— Хорошо, — сказал он, — спасибо, съем яйцо…

— Два, — уточнила няня.

— Два…

Джейн повернула в ране нож.

— А вот пирога я бы на вашем месте не ела, он очень сытный. Никак не пойму, — сказала она, ломаясь, как взрослая, — никак не пойму, какое удовольствие обжираться! Мы же не свиньи!..

— Мальчики, что с них возьмешь, — заметила няня.

— Да, да, — согласилась Джейн, — а все ж неприятно. Глаза у няни сверкнули. Она не любила, когда важничают,

— Девочки, — заметила она, — тоже не сахар. Фредерик с облегчением вздохнул.

— Да, — повторила няня, — не сахар. Одна девочка так хотела похвастаться новыми панталончиками, что выбежала в них на улицу.

— Няня! — вскричала ярко-пунцовая Джейн.

— Какой ужас! — вскричал и Фредерик. Кроме того, он коротко рассмеялся, ухитрившись выразить этим такое презрение, такое снисхождение сильного мужчины к слабой и глупой женщине, что гордый дух его бывшей невесты возмутился.

— Что вы сказали? — проверила она.

— Я сказал: «Какой ужас».

— Вот как?

— Естественно. Представить себе не могу более постыдного зрелища. Надеюсь, вас оставили без ужина.

— Если бы оставили вас, — удачно парировала Джейн, — вы бы не выжили.

— Вот как?

— Да. Вы — обжора.

— Вот как?

— Да, да, да. Робин-Бобин-Барабек…

— Детки, — сказала няня, — разве можно ссориться?

Она взглянула на них тем взглядом, какой вырабатывается за полвека, если проведешь его с капризными детьми, и подытожила:

— Нельзя. Мистер Фредерик, поцелуйте мисс Джейн. Фредерик заметил, что комната вращается.

— Что? — выговорил он.

— Поцелуйте мисс Джейн и скажите: «Больше не буду».

— Она дразнится.

— Ай-яй-я-яй! А кто у нас маленький джентльмен? Фредерик вымученно улыбнулся.

— Простите…

— Не за что, — отвечала Джейн.

— Теперь поцелуйте, — напомнила няня.

— Не буду! — сказал Фредерик.

— Что?! — Няня погрозила ему пальцем. — Идите в шкаф и сидите там, пока не одумаетесь.

Мы, Маллинеры, горды. Один из наших предков удостоился при Креси похвал Его Величества. Но Фредерик вспомнил слова брата. Да, сидеть в шкафу — недостойно нас, но лучше ли, если у немолодой дамы будет сердечный приступ? Опустив голову, он пошел в коридор, а там — и услышал, как повернулся в скважине ключ.

Проведя минуты две в раздумьях, рядом с которыми похмельные мысли Шопенгауэра показались бы мечтами Полианны, он услышал голос:

— Фредди… То есть мистер Маллинер.

— Да?

— Она ушла на кухню. Выпустить вас?

— Не беспокойтесь, — холодно ответил он. — Мне и тут неплохо.

Время текло. Через час или через годы дверь открылась и закрылась. Фредерик с удивлением заметил, что он не один.

— Что вы тут делаете? — неприветливо осведомился он. Джейн не отвечала, но странно крякала. Почему-то, против воли, Фредерик ее пожалел.

— Ну-ну! — неловко сказал он. — Не плачьте.

— Я не плачу. Я смеюсь. Жалость мгновенно исчезла.

— Вам кажется, — спросил он, — что это очень смешно? Черт знает где сидим…

— Не ругайтесь.

— Почему? Мало того, что я вообще сюда попал, так еще сиди в шкафу…

— …черт знает с кем.

— Этого касаться не будем, — с достоинством сказал он. — Сиди в шкафу, когда можно, к примеру, играть в гольф.

— Вы еще играете в гольф?

— Естественно. А что такого?

— Нет-нет, ничего. Я рада, что вы развлекаетесь.

— Почему бы мне не развлекаться? Вы что, думаете…

— О, нет-нет-нет! Я знала, что вам это безразлично.

— Что именно?

— Ах, неважно!

— Вы хотите сказать, что я… гм-м-м-м… мотылек?

— Конечно. Из самых заядлых.

— Ну, знаете! Да я в жизни…

— Вот как?

— Именно так.

— Смешно!

— Что именно?

— То, что вы сказали.

— У вас извращенное чувство юмора. То вам смешно сидеть в шкафу, то…

— Надо же как-то развлечься. Вы знаете, за что меня заперли?

— И знать не хочу. За что?

— Я закурила. О, Господи!

— Что там еще?

— Кажется, мышь. Как вы думаете, их тут много?

— Конечно. Просто кишат.

Он хотел поярче описать их — скажем, шустрые, крупные, коварные, — но тут что-то стукнуло его по ноге.

— Ой! — воскликнул он.

— Простите. Это я вас?
— Меня.
— А я думала, мышь.
— Ах, вон что!
— Больно?
— Так, не очень.
— Простите.
— Пожалуйста.
— А если бы я попала в нее, она бы испугалась, правда?
— В жизни бы не забыла.
— Значит, простите.
— Да ладно, что там! Какая-то нога, когда…
— Когда что?
— Не помню.
— Когда сердце разбито?
— Сердце?! Ну, что вы! Я очень счастлив. Кстати, кто этот Диллингуотер?
— Да так, один.
— Где вы с ним познакомились?
— У Пендерби.
— А обручились?
— Тоже у них.
— Вы опять там были?
— Нет.
Фредерик фыркнул.
— Минуточку. Когда вы к ним ехали, вы собирались выйти за меня. Значит, уложились в две недели?
— Да.
Тут бы и заметить: «О, женщина!», но как-то в голову не пришло.
— Не понимаю, — сказала Джейн, предпочитая наступление, — какое у вас право меня осуждать.
— Кто вас осуждал?
— Вы.
— Когда?
— Сейчас.
— Я? — удивился Фредерик. — Да я и не намекнул, что вы поступили низко, подло, гнусно, мерзко и непотребно.
— Намекнули. Вы фыркнули.
— Если здесь нельзя фыркать, надо было предупредить.

— И вообще, кто бы говорил! После того, что вы сделали…

— Я? А что я сделал?

— Сами знаете.

— Простите, не знаю. Если вы про тот галстук, я все объяснил: во-первых, его вообще носить нельзя, во-вторых, там цвета чужих клубов.

— Какой галстук! Я про то, как вы обещали меня проводить и позвонили, что у вас дела, а я по дороге на вокзал зашла в кафе — и что же? Вы сидите с крашеной мымрой в розовом платье.

— Повторите, — сказал Фредерик. Джейн повторила.

— Господи! — сказал Фредерик.

— Меня как по макушке ударили…

— Постойте! Я все объясню.

— Да?

— Да.

— Все?

— Все.

Джейн покашляла.

— Сперва вспомните, что я знаю всю вашу семью.

— При чем она тут?

— Может, вы хотите сказать, что это — троюродная тетя.

— Ничего подобного. Это актриса. Вы ее могли видеть на эстраде в «Ту-ту!».

— По-вашему, вы все объяснили?

Фредерик поднял руку, призывая к молчанию, но понял, что все равно ничего не видно.

— Джейн, — сказал он тихим, дрожащим голосом, — помнишь, как мы гуляли в Кенсингтонском саду? Такой хороший был день…

— Не надейтесь меня растрогать.

— Я и не надеюсь. Я напоминаю, что мы встретили китайского мопса. Мопс как мопс, но ты пришла в восторг. С той поры у меня было одно дело в жизни — найти его и купить. Оказалось, что принадлежит он этой… м-м… даме. Мне удалось с ней познакомиться, я стал ее обхаживать. Тогда, в то утро, она сдалась. Пришлось позвонить тебе, а потом часа два слушать, как в последнем шоу ее оттер комик, представив, что пьет чернила. Ничего, я выдержал, к вечеру привез мопса, а наутро получил твое письмо.

Молчали они долго.

— Это правда? — спросила наконец Джейн.

— Конечно, правда.

— Посмотри мне в лицо.

— Какое лицо, тут тьма тьмущая?!
— Ну ладно. Так это правда?
— Еще бы!
— Мопса показать можешь?
— Сейчас — не могу, а дома — пожалуйста. Наверное, жует ковер. Подарю тебе на свадьбу. Мопса, не ковер.
— О, Фредди!
— На свадьбу, — повторил Фредди, хотя слова застревали в горле, как патентованная каша.
— Да я ни за кого не выхожу!
— Повтори, пожалуйста.
— Я ни за кого не выхожу.
— А Диллингуотер?
— С ним все кончено.
— Кончено?
— Да. Это ведь я с досады. Думала — ничего, зато тебе неприятно, но он стал есть при мне персик. Забрызгался выше бровей. А потом еще кофе пил и так это всхрюкивал. Что ж это, всю жизнь сиди и жди, когда он всхрюкнет? В общем, я ему отказала.
— Джейн! — сказал Фредерик.
— Фредди!
— Джейн!
— Фредди!
— Джейн!
— Фредди!
— Джейн!
Прервал их слегка ослабленный годами, но непререкаемый голос:
— Мастер Фредерик!
— Да?
— Больше не будете?
— Нет.
— Поцелуете мисс Джейн?
— А то как же!
— Тогда выходите. Я яичек сварила.
Фредерик побледнел, но тут же взял себя в руки. Ах, это ли важно?
— Ведите меня к ним, — спокойно сказал он.

КИВАТЕЛЬ

Когда в кинотеатре «Сладостные грезы» пошел новый фильм «Мой малыш», у нас начались бурные споры. Четыре зрителя явились в «Привал рыболова» после первого же сеанса, и разговор, естественно, обратился к малолетним звездам.

— Я так думаю, — сказал Ром, — это все карлики.

— Да, говорят, — поддержал его Виски-с-Содовой, — на каждой студии есть специальный человек, который ездит по циркам. Найдет хорошего карлика — хапц! — и в Голливуд.

Почти непроизвольно мы обернулись к мистеру Маллинеру, как-то чувствуя, что этот кладезь премудрости даст окончательный ответ. Ответил он не сразу, сперва отхлебнул горячего виски с лимоном.

— Проблема эта, — сказал он в конце концов, — волнует умы с тех самых пор, как малолетние полипы вошли в моду. Одни полагают, что ребенок не может быть таким противным, другие — что приличный карлик так низко не опустится. Но кто сказал, что карлики приличны? Сложный вопрос…

— Возьмем хоть сегодняшнего… — сказал Ром. — Этого Джонни Бингли. Чтоб мне треснуть, если ему восемь лет!

— В данном случае, — признал мистер Маллинер, — интуиция вас не подвела. Джонни[95] пошел пятый десяток. Я точно это знаю, так как он играл важную роль в судьбе одного из Маллинеров.

— Ваш родственник — тоже карлик?

— Нет. Он — киватель.

— Кто-кто?

Мистер Маллинер улыбнулся.

— Нелегко объяснить мирянину тонкости кинопроизводства. В общих чертах, киватель — вроде поддакивателя, но ниже рангом. Поддакиватель сидит на совещаниях и говорит «Да». Ему вторят второй поддакиватель и третий, иначе — младший. А уж после них вступают в дело киватели. Есть и неприкасаемые, так называемые «запасные киватели», но их я касаться не буду. Мой дальний родственник Уилмот был кивателем в самом чистом виде. Конечно, он хотел подняться выше, особенно — когда влюбился в Мейбл Поттер, секретаршу Шнелленхамера, возглавлявшего корпорацию «Перфекто-Зиззбаум».

Огромную разницу в их положении смягчала любовь к птицам.

Уилмот вырос на ферме, Мейбл начинала творческий путь, изображая птичье пение.

Общность интересов обнаружилась в то утро, когда, проходя мимо съемочной площадки, Уилмот услышал взволнованный голос своей богини.

— Конечно, это не мое дело, — говорила она, — но я просто потрясена…

— Ладно, ладно, — успокаивал ее режиссер.

— …что вы *мне* объясняете про кукушек! Я куковала по всей Америке. Не говоря о гастролях в Англии, Австралии и…

— Я знаю, — вставил режиссер.

— …Южной Америке. Подождите, съезжу домой, привезу вам рецензии из…

— Знаю, знаю, знаю.

Мейбл выскочила с площадки, и Уилмот обратился к ней с почтительным умилением:

— В чем дело, мисс Поттер? Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Мейбл тряслась от рыданий.

— Нет, вы послушайте! — вскричала она. — Они меня попросили озвучить кукушку, а этот неуч говорит, я неправильно произношу!

— Какая подлость!

— По его мнению, кукушка выговаривает «Ку-ку». Нет, вы представляете? Да всякий знает, что это «У-ку»!

— Естественно! Одно «к», два «у».

— Как будто у нее что-то с нёбом.

— Или с горлом.

— Ъ-ку, ъ-ку. Вот так.

— Именно.

Прелестная Мейбл с интересом поглядела на него.

— Вы их хорошо знаете.

— Я вырос на ферме.

— Меня просто мутит от этих режиссеров!

— И меня, — поддержал ее Уилмот и решился: — Мисс Поттер, а не зайти ли нам в буфет?

Она охотно согласилась. Так началась их дружба. Каждый день, улучив минутку, они сидели в буфете или на ступеньках какого-нибудь дворца. Уилмот смотрел на нее, а она, нежно сияя, как всякий творец в минуты творчества, выводила песню иволги или более грубой птицы «африканский канюк». Иногда, напрягая горло, она куковала «Ъ-ку, ъ-ку».

Однако на вопрос, согласна ли она стать его женой, она ответила: «Нет».

— Ты мне нравишься, — продолжала она. — Может быть, я тебя люблю. Но я не выйду замуж за холуя.

— За кого?

— За холуя. За раба: За пеона. Ну, что это — кивать Шнелленхамеру! Поддакиватель, и то противно, а уж киватель…

По привычке Уилмот кивнул.

— Я горда, — продолжала Мейбл. — Я не довольствуюсь малым. Тот, за кого я выйду, должен быть царем среди людей… ну, хотя бы директором картины. Чем выйти за кивателя, я лучше умру в канаве.

Тут бы заметить, что при голливудском климате в канаве особенно не умрешь, но Уилмот вместо этого взвыл, как дикий селезень, и начал с ней спорить. Ничего не вышло.

— Останемся друзьями, — подытожила беседу она и, бросив «Ъ-ку», скрылась.

Человеку в такой ситуации остается один выбор — или уехать на Запад и начать там новую жизнь, или топить горе в вине. Уилмот и так был на Западе, а потому все больше склонялся ко второму варианту.

Как все Маллинеры, родственник мой практически не пил. Если бы любовные дела были в порядке, он удовольствовался бы пломбиром или молоком с солодом, но сейчас требовалось что-то другое.

Он знал, что на Голливудском бульваре есть место, откуда, если ты постучишься дважды и засвистишь «О ты, моя страна», выглянет усатая физиономия. Она скажет: «Да», ты ответишь «Мир и дружба», после чего тебе откроют путь к погибели. Поскольку это ему и требовалось, Уилмот часа через полтора сидел за столиком и чувствовал себя намного лучше.

Трудно сказать, когда он заметил, что напротив сидит еще кто-то. Во всяком случае, подняв в очередной раз бокал, он встретил чистый взгляд истинного Фаунтлероя, а точнее — того самого Джонни Бингли, которого вы, господа, сегодня видели.

Удивился он не очень сильно. На этом этапе человек не удивится и слону в костюме для гольфа. Но заинтересовался и сказал: «Здрасьте».

— Здрассь, — отвечало дитя, подкладывая льда в бокал. — Не говорите Шнелленхамеру, у меня в контракте особый пункт.

— Кому не говорить?

— Шнелленхамеру.

— Как пишется?

— Не знаю.
— И я не знаю, — признался Уилмот. — Но сказать — не скажу.
— Что?
— Да вот это.
— Кому?
— Ну, ему.
— А чего не скажете?
— Забыл.
Они помолчали; каждый думал о своем.
— Вы не Джонни Бингли? — поинтересовался Уилмот.
— Кто?
— Вы.
— Что?
— Бог его знает.
— Так чего надо?
— Моя фамилия Маллинер. Да. Маллинер. И все.
Собеседник то сплывался, то расплывался. В конце концов, его дело. Хочешь — расплывайся. Главное — сердце, я так считаю.
Мысли эти побудили сказать:
— А вы хороший парень.
— И вы.
— Значит, оба?
— Ну!
— Один и один — два, — уточнил скрупулезный Уилмот.
— Точно.
— Два, — повторил мой родственник, загибая пальцы, а кого? Дже-нет-ле-ме-на. Вот! Хорошие люди, джен-те-ле-ме-ны. Один и один. Нет, два и два. Это вроде четыре? А нас двое… Ладно, не в том суть. Бингли, мне худо.
— Ну!
— Худо. Ду-ша бол-лит. Ик! В общем, душа болит.
— А чего такое?
Уилмот решил открыться замечательному ребенку.
— В общем, так…
— Как?
— Ну, вот так.
— А чего?
— Я ж говорю. Она мне от-ка-за-ла. Замуж за меня не выйдет.
— За кого?

— За меня.
— Не выйдет?
— Нет!
— Ну, дела, — сказал чудо-ребенок.
— Да уж…
— Ну, положеньице! Я так думаю, вам худо.
— Точно. Хуже некуда, — признался Уилмот, тихо плача. — Что делать?
Джонни поразмыслил.
— Вот что, — сказал он. — Подальше есть еще одно местечко. Пошли туда.
— Пошли, — согласился Уилмот. — И в Санта-Монику.
— Это потом. Сперва — в местечко, потом — в Монику. Увидим новые лица…
— Уж этого там хватает.
— Значит, пошли.
Наутро, в 11.00 мистер Шнелленхамер ворвался в большом волнении к своему компаньону, мистеру Левицкому.
— Знаете что? — сказал он.
— Нет. А что?
— Приходил Джонни Бингли.
— Если хочет прибавки, сошлитесь на депрессию.
— Прибавки! Да ему и этого много!
— Кому, Джонни? Кумиру американских матерей? А как же улыбка сквозь слезы?
— Если эти матери узнают, что он карлик, да еще не первой молодости…
— Кроме нас с вами, не знает никто.
— Да? Вчера он надрался с одним моим кивателем. Говорит, вроде бы не признался, но между тем моментом, когда их вышвырнули от Майка, до того, как он тыкнул вилкой лакея, у него выпадение памяти.
— Какой это киватель?
— Маллинер.
— Если он скажет газетчикам, Джонни конец! А у нас контракт еще на две картины, 250 тысяч каждая.
— Вот именно!
— Что нам делать?
— Если б я знал!
Мистер Левицкий подумал.

— Надо выяснить, что известно Маллинеру.
— Но спросить нельзя!
— Мы за ним последим. Какой он?
— Идеальный киватель. Тихий. Вежливый. Как это, на «п»…
— Поганый?
— Предупредительный. Тихий, вежливый, пунктуальный, предупредительный.
— Ну, тогда все просто! Если он будет… ну, наглый или хамоватый, мы и поймем: «Знает!»
— А дальше что?
— Подкупим. И как следует, мелочиться некогда. Мистер Шнелленхамер вцепился в собственные волосы.
— Хорошо, — сказал он, когда боль утихла. — Да, другого пути нет. Скоро у меня совещание. Он там будет.
— Значит, следим за ним, как рысь.
— Кто?
— Рысь. Дикая кошка. Очень любит следить.
— Да? Ну ладно. Я думал, рысь — это что-то такое, у лошади.

Страхи несчастных магнатов обоснованы не были. Если мой родственник и слышал роковую тайну, он ее забыл. Входя в кабинет шефа, помнил он только о том, что при любом движении голова у него треснет.
Однако м-р Шнелленхамер тронул за рукав м-ра Левицкого.
— Видели?
— Что?
— Его. Трясется, как одержимый.
— Да?
— Еще бы.
Действительно, Уилмот вздрогнул, но лишь потому, что шеф оказался абсолютно желтым. Он и сам по себе не поражал красотой, а теперь, тускло-шафрановый и не очень четкий, произвел такое впечатление, что родственник мой задрожал, как соленая улитка.
Мистер Левицкий вдумчиво глядел на него.
— Не нравится он мне.
— Мне тоже, — поддержал его мистер Шнелленхамер.
— Смотрите, закрывает лицо руками.
— Видимо, знает все.
— Да, наверное. Что ж, начнем. Когда придет время кивать, он себя и выдаст.

Уилмот очень любил такие совещания. Делать почти ничего не надо, люди интересные. Но сегодня тут собралось одиннадцать самых нудных сценаристов, да и вообще с той самой поры, как он утром взял льда из холодильника, его томила какая-то меланхолия. Будь он героем русского романа, он бы пошел в амбар и повесился. А так — сидел очень прямо и смотрел перед собой.

Многим он напомнил бы хорошего, многодневного утопленника; но мистер Шнелленхамер видел в нем леопарда перед прыжком, о чем и сообщил компаньону.

— Простите, — осведомилась Мейбл, сидевшая с ним рядом, — как вы сказали, «Лео Пард»? Это новый актер?

— Нет-нет, — спохватился шеф. — Частный вопрос, не для стенограммы. На чем мы остановились?

— Кэбот Деленси сидит на айсберге. Перед его взором проплывают картины былого.

— Какие?

— Вы не сказали.

— Ну, вот и выясним, — сказал шеф. — Что там у него проплывает?

Молодой человек в очках, который вообще-то мечтал открыть магазинчик, предположил, что Деленси украшает витрину пупсами и фестонами.

— При чем тут пупсы? — рассердился шеф.

Автор проекта полагал, что они способствуют торговле.

— Чушь! — воскликнул мистер Шнелленхамер. — Он миллионер, а не торговец.

Пожилой субъект предложил воспоминания об игре в поло.

— Ерунда, — сказал шеф, — Какое поло? Мы должны иметь в виду обычных, скромных жителей Среднего Запада. Верно я говорю?

— Да, — сказал Первый Поддакиватель.

— Да, — сказал Второй.

— Да, — сказал и Третий.

Киватели кивнули. Уилмоту показалось при этом, что в шею ему вонзили раскаленный щуп. М-р Левицкий дернул за рукав м-ра Шнелленхамера.

— Видели, какой взгляд?

— Да. Мрачный. Злобный. Значит, следим. Совещание продолжалось. Все что-нибудь да предложили, но решил проблему сам шеф.

— Придумал, — сообщил он. — Сидит он на этом айсберге и вспоминает поло. Колоссальная сцена! Ясное дело, спорт. Верно я говорю?

— Да.
— Да.
— Да.
Уилмот поспешил кивнуть и удивился, что голова еще держится.
Этот тихий, вежливый, предупредительный кивок успокоил шефа. Он вздохнул с облегчением. Он расцвел. Он начал ясно и громко:
— Итак, одно видение — поло. Нужно второе, в лирическом ключе. Что-нибудь связанное с женщинами. Романтическая нота.
Молодой человек в очках предложил показать, как Деленси продает красивой барышне индейские вышивки бисером, и глаза их встречаются; но где?
Мистер Шнелленхамер стукнул по столу.
— Какие вышивки? Что он, приказчик? Глаза — да, встречаются, но где? В старом саду. Жужжат пчелы, воркуют горлинки, шелестит листва. Ти-хо! Весна, ясно? Красота, ясно? Трава… э… зеленеет. Почки… э-э…
— Краснеют? — подсказал мистер Левицкий.
— С чего им краснеть? Ну, почки…
— Варятся? — проснулся один сценарист.
— Простите, — заметила секретарша, — почки не варят, а тушат.
— Это не те!
— Да-да, конечно, — огорчилась Мейбл. — Тут совсем запутаешься. Почки, птички…
— Будут и птички, — радостно пообещал шеф. — Какие хотите. Особенно кукушка. Такой комический штришок. Значит, сад, он, она, объятие (помните о цензорах!), и вдруг мы слышим «Ку-ку! Ку-ку!» Так?
— Да.
— Да.
— Да.
Киватели готовились кивнуть, когда раздался чистый девичий голос:
— Простите, мистер Шнелленхамер, не так. Воцарилось мертвое молчание. Одиннадцать сценаристов застыли, не веря своим двадцати двум ушам. Мистер Шнелленхамер едва не задохнулся. Такого с ним не бывало.
— Что-вы-сказали? — выговорил он.
Мейбл смотрела на него, как Жанна д'Арк—на инквизиторов.
— Кукушка, — объяснила она, — произносит не «Ку-ку», а «У-ку». Особый звук, между «ъ» и «у».
Сценаристы затрепетали. Многие чуть не плакали. И то — такая слабая, такая юная…
Мистер Шнелленхамер, уже ничуть не радостный, громко дышал

носом. Наконец он произнес:

— Вы уволены. Мейбл вспыхнула.

— Это нечестно! — сказала она. — Это несправедливо! Я же признала, что напутала с почками. А кукушки… Да я выступала с этим номером от Орегона до Мэна! Кого-кого, а их я знаю. Не верите — вон мистер Маллинер, он вырос на ферме. Мистер Маллинер, что они произносят?

Уилмот вскочил, глаза его сияли. Да, был миг слабости, он любил Мейбл отчаянно и безумно, но чеки подписывал шеф. Самая мысль о том, что кассир станет не золотым прииском, а просто дядькой с моржовыми усами, едва не привела к предательству. Но это ушло. Глядя на нее, он обрел былую силу.

— Ъ-ку! — вскричал он. — Какие «Ку-ку»? Нет, какие еще «Ку-Ку»? Ясное, четкое «Ъ». Я понимаю, это обычная ошибка, если «кукушка» — значит, так она и говорит. Но нет! Она говорит «Ъ-КУ».

Раздался странный звук. Это Мейбл, разрезая воздух, кинулась в его объятия.

— О, Уилмот! — рыдала она.

Глядя поверх ее волос на магната, родственник мой с удивлением увидел, что тот, вместе с компаньоном, выгоняет всех из комнаты. Сценаристы текли в коридор пенящимся потоком. Вскоре остались только шефы и влюбленные. Мистер Левицкий запирал дверь. Мистер Шнелленхамер направлялся к Уилмоту, заискивающе улыбаясь.

— Ну-ну, — говорил он, равно как и мистер Левицкий. — Я вас понял. Знающему человеку очень тяжелы такие ошибки. Я вижу, вы преданы нашей корпорации.

— И я это вижу, — поддержал мистер Левицкий.

— Вы не способны ей повредить, вам дороги ее интересы.

— Очень дороги! (Левицкий).

— И небольшие тайны, хе-хе?

— Конечно. Тем более теперь, когда он войдет в правление.

— В правление? — удивился мистер Шнелленхамер.

— В правление. Присвоим вне очереди звание… ну, скажем, в ранге зятя.

Мистер Шнелленхамер немного помолчал.

— Верно, — сказал он после недолгой борьбы. — Я прикажу там, пусть составят контракт.

— Вы согласны, Маллинер? — поинтересовался мистер Левицкий. — Вас устраивает эта работа?

Уилмот собрался с силами. Голова трещала, он ничего не понимал — но Мейбл приникала к его груди.

— Д-д… — начал он, и слова ему отказали. Он кивнул.

АПЕЛЬСИНОВЫЙ СОК

Внезапно в «Привал рыболова» ворвалась кошка, без всяких сомнений получившая под зад. Вслед за ней ворвались и гневные звуки, в которых мы опознали голос Эрнста Биггза, местного кабатчика. Мы удивились. Эрнст Биггз славился мягкостью нрава. Кто-кто, а он бы не поднял ногу на верную спутницу жизни, к тому же — прекрасно ловившую мышей.

Тьму тайны осветил всеведущий Ром-с-Молоком.

— Он на диете. Из-за подагры.

Мистер Маллинер вздохнул.

— Какая жалость, — заметил он, — что ограничения в еде, столь полезные для тела, плохо влияют на душу.

— Да-да, — поддержал его Ром. — Вот дядя Генри страшно растолстел и…

— Однако, — сказал мистер Маллинер, — иногда диета приносит счастье. Возьмем моего дальнего родственника, Уилмота.

— Это тот, про которого вы рассказывали?

— Рассказывал?

— Да, вчера. Он еще кивал, а потом узнал, что малолетняя звезда — просто карлик, а потом женился на барышне, которую звали Мейбл.

— Правильно, это Уилмот. Однако на Мейбл он тогда не женился.

— Вы же сказали, она упала в его объятия!

— Многие девушки падали в объятия, — отвечал мистер Маллинер, — но оттуда выпадали.

Как вы совершенно верно заметили (продолжал мистер Маллинер), родственник мой был обручен с Мейбл Поттер, что преисполняло его крайним благожелательством или, если хотите, доброй волей. Его сияющая улыбка стала притчей во языцех, сама Луэлла Парсонс посвятила ей несколько строк в соответствующей колонке. Любовь, судя по всему, часто оказывает такой эффект. Уилмот только и мечтал, как бы кому-нибудь помочь, и когда однажды утром мистер Шнелленхамер вызвал его к себе, он решил, что и здесь нужна помощь.

Глава корпорации был мрачен.

— Трудные времена… — сообщил он.

— И все же, — возразил Уилмот, — мы слышим радостный детский смех и птичий щебет.

— Птицы — птицами, их дело, — заметил босс, — а мы вот должны

сократить расходы. Такое жалованье, увы, нам уже не по карману,

Уилмот огорчился.

— Прошу вас, — воскликнул он, — не платите себе меньше! Вы же неоценимы! И потом, народ всполошится. Еще подумают, что плохо идут дела. Нет-нет, ваш долг — получать 800 000 в год, и ни цента меньше.

— Речь не обо мне, — уточнил хозяин, — а скорее о вас.

— Ах, обо мне! — возрадовался Уилмот. — Ну, это другое дело. Это — разговор. Срезайте, срезайте, прошу. Вы сколько хотели срезать?

— Сейчас вы получаете 1500…

— Да-да, — закивал Уилмот, — огромные деньги.

— Так вот, я подумал, может лучше — 750?

— Какая-то угловатая сумма, — усомнился мой родственник. — Недостаточно круглая. Я бы предложил 500.

— Или 400?

— Можно и 400.

— Прекрасно, — сказал мистер Шнелленхамер, — значит, вы получаете 300. Как-то круглее. Удобнее подсчитать.

— Конечно, конечно, — согласился Уилмот. — Какая погода, а? Я как раз подумал по дороге, что солнце сияет. Что ж, спасибо, шеф. Рад был повидаться.

И, резво напевая, он направился в буфет, где собирался позавтракать с Мейбл. Она немного запоздала, а когда, огорченный ее невеселым видом, он собрался сообщить про птиц, сказала так:

— Это правда?

— Что именно? — не понял Уилмот.

— То, что говорит босс. Насчет твоего жалованья.

— Ах, это! Да, да. Он меня вызвал, смотрю — на нем лица нет. Понимаешь, тяжелые времена. Мы поговорили, то-се, и нашли выход. Ему стало гораздо лучше. И вообще, замечательно.

Мейбл ничуть не обрадовалась.

— Да? — заметила она. — Не думаю. Ты обманул мои ожидания. А я-то надеялась, что ты — настоящий, сильный мужчина! Еще чего! Истинный червяк с позвоночником из спаржи. В общем, можешь считать, что помолвка наша расторгнута.

Уилмот затрепетал.

— Мейбл…

— Все. Конечно, — чуть смягчилась она, — если ты докажешь, что достоин любви, дело другое. А пока — вот такой сценарий.

И, холодно глядя вдаль, она пошла к стойке.

Не трудно себе представить, как повлияло это на Уилмота. Он даже подумал, не зайти ли к шефу и не переиграть; но понял, что это — так же дурно, как отнять у ребенка шоколадку. Словом, он выбрал столик подальше от бывшей невесты и заказал гуляш, салат, пирог, другой пирог, мороженое, сыр, кофе. Поесть он любил, а страданья обостряли эту склонность.

Несколько дней подряд он заедал свое горе. Действительно, боль в сердце уменьшилась, переместившись в желудок.

Все хорошие врачи советуют несчастным влюбленным есть поменьше, иначе бывает примерно то, что в греческой трагедии. Самый лучший, самый способный желудочный сок не справится со своей задачей. Вскоре Уилмот, впервые в жизни, пошел к специалисту по желудочным болезням. Тот оказался человеком суровых взглядов.

— Когда встанете, — сказал он, — выпейте апельсинового сока. На завтрак — то же самое, сок. Ленч… — Он подумал, — сок. Обед — сок апельсина. Между приемами пищи есть не рекомендую, но если вам станет невмоготу… Ну что ж, выпейте сока. Скажем так — апельсинового.

Уилмот смотрел на него, как волк из русских степей, которому вместо крестьянина подсунули вафлю.

— Вы ничего не забыли? — проверил он.

— Простите?

— Может, бифштекс?

— Ни в коем случае.

— Тогда отбивную?

— Абсолютно исключается.

— Значит, один апельсиновый сок?

— Именно, — ответил врач. — Берете апельсин. Режете на две части. Выжимаете. Сок выливаете в стакан… или в другой сосуд, — прибавил он, будучи человеком широким. — И выпиваете.

Получалось неплохо, столько занятных действий, но Уилмот ушел понурый. Он привык не отказывать себе в еде, пробавляясь в промежутках печеньем. Если бы дикие кошки не начали в его утробе недостойную борьбу, он махнул бы рукой на эти советы. Но кошки ее начали.

Вот почему он купил в ближайшем магазине корзину упомянутых фруктов, велел отнести ее к себе домой и пошел покупать выжималку.

Дня через четыре, когда мистер Шнелленхамер совещался с мистером Левицким (эти деятельные магнаты, если не было других возможностей,

совещались друг с другом), ему доложили, что пришел Юстес Вандерли, новый сценарист.

— Чего ему надо? — спросил м-р Шнелленхамер.

— Не ладится что-нибудь, — предположил м-р Левицкий. — Сил нет от этих сценаристов. Прямо хоть пожалей о добром старом немом кино…

Юстес Вандерли, солидный молодой человек, украшенный роговыми очками и легким чубом, сразу взял жалобную ноту.

— Мистер Шнелленхамер, — сказал он, — я хотел бы узнать, какие у меня права.

— Вот что… — начал магнат. Сценарист поднял тонкую руку.

— Речь не о том, как обращаются с творческой личностью. Нет, не о том. Здесь все ясно. Хотя я заслужил немалую известность, я уже привык к тому, что выбрасывают лучшие мои сцены. Но всему есть предел. Непременно ли нужно, чтобы меня били черствыми булками?

— Кто вас ими бьет?

— Ваш служащий, некий Маллинер. Я зашел сегодня в буфет с одним приятелем. Поскольку он не знал, чего именно хочет, я стал читать ему меню. Упомянув жареную свинину с картошкой, я собирался перейти к тушеной баранине, когда ощутил, что меня ударили по голове. Обернувшись, я увидел Маллинера с булкой в руке. Вид у него был такой, какой бывает в аду. Когда я спросил его, в чем дело, он процедил сквозь зубы что-то вроде: «Свининка, там-та-ра-рам!» — и снова принялся пить апельсиновый сок, который, по-видимому, очень любит. Ну, что это такое? Сколько можно терпеть? Способны вы защитить творческого человека?

— Я разберусь, — пообещал мистер Шнелленхамер.

— Вот пощупайте, какая шишка…

— Позже, позже. Мы сейчас заняты. Сценарист вышел. Магнат нахмурился.

— Что-то надо сделать, — сказал он. — Маллинер мне не нравится. Вы заметили, сегодня утром?..

— Не особенно. А что?

— Усмехался. Только что-нибудь скажешь — усмехнется уголком рта. Такая, знаете, улыбка… начинается на «с».

— Скептическая?

— Нет. Сейчас, сейчас… вот! Сардиническая.

— Как у сардинки?

— Ничего общего. Презрительная и холодная.

— Может, у него в носу засвербило?

— Что ж, я плачу своим служащим не за то, чтобы у них свербило в

носу, да еще в рабочее время. И потом, тогда бы он почесал. Не-ет, это от наглости. Сегодня будет совещание, так вот, следите за ним. Мрачный, ехидный, прямо из гангстерского фильма.

— А, ясно! Сардинический.

— Вот именно. Ну, этого я не потерплю! Сидит, видите ли, ухмыляется. Можно это делать на работе?

— А бить сценаристов булками?!

— Нет, это — можно. Давно пора.

Тем временем, не подозревая, что хлеб с маслом — или, точнее, сок — в большой опасности, Уилмот Маллинер сидел в буфете, мрачно глядя в стакан. Он задумался. Думал он о любимых исторических героях — Чингисхане… Джеке-Потрошителе… Аттиле…

Да, вот это человек! Вынет у людей глаза и складывает аккуратными кучками. Как еще, собственно, скоротать вечерок? Жаль, перевелись такие личности.

Надеюсь, вы заметили, что за четыре дня родственник мой превратился в идеального мизантропа.

Рекомендуя больному апельсиновый сок (вдумчиво продолжал мистер Маллинер), вышеупомянутый доктор рассчитывал и на особый подъем. По его мнению, этот сок, кроме витаминов, совершает что-то очень важное с душой. Она, полагал он, расправит крылья, выпятит грудь, и вообще. Уилмоту это очень понравилось. Приятно в конце концов, что муки голодного питона породят, в результате, что-то вроде Франциска Ассизского.

Но нет. Обратившись практически в контейнер с апельсиновым соком, Маллинер-младший становился все хуже. Сияющая улыбка сменилась нехорошей ухмылкой. Что до глаз, их можно было вставить акуле, никто бы и не заметил.

Взглянув на часы, родственник мой понял, что пора идти на то самое заседание, о котором упомянули магнаты. О них он думал с отвращением. Если Шнелленхамер, чувствовал он, что-нибудь себе позволит, он, Уилмот Маллинер, этого так не оставит.

Представьте, что значил бы в таких обстоятельствах, казалось бы, невинный факт: не успев перекусить из-за непрестанных звонков, мистер Шнелленхамер велел принести в кабинет тарелку бутербродов.

Уилмот заметил их не сразу. Несколько минут в его сознание проникали только привычные звуки. Босс рассуждал о сценарии.

— Этот тип, — говорил он, имея в виду героя, — увидел, что жена

кого-то целует. Так? Он не догадался, что это ее брат, и уехал в Африку, так? Тут на него напал лев, уже, можно сказать, жует. Так? Вы предлагаете вставить танцевальный номер. Я не согласен.

— Это ему мерещится, — пояснил Левицкий.

— Хорошо. Кто-кто, а я такие вещи одобряю. Но! На своем месте. Да. На своем месте. По-моему, больше подойдут спасатели. А? Верно я говорю?

Он обвел совещание взглядом, словно хозяйка на приеме. Поддакиватели поддакнули; головы кивателей склонились, как деревья на ветру.

— Вот именно, — подытожил босс. — Запишите, мисс П оттер.

И с довольным видом принялся за сандвич.

Глава корпорации Перфекто-Зиззбаум если уж ел, так ел. Он не таился. Он не скрывался. Каждый слышал, что он кусает, жует, глотает. Сандвич реял перед ним, словно знамя какое-нибудь.

На Уилмота это произвело очень сильное впечатление. Как мы знаем, он не сразу заметил тарелку, и внезапные звуки пронзили его ножом.

Поэты описывали много звуков — ветерок в листве, рокот волн, пение соловья, воркование голубя. Но ни один из них не сравнится с хрустом бутерброда, если ты четыре дня пьешь апельсиновый сок.

В родственнике моем хруст этот разбудил самые темные чувства. Он выпрямился в кресле. Тигриный блеск вспыхнул в его глазах. Наконец, он вскочил, и потрясенные кинодеятели услышали:

— Пре-кра-тить!

Мистер Шнелленхамер дрогнул. Бутерброд упал. У мистера Левицкого, напротив, упала челюсть.

— Я сказал: прекратить! — повторил для ясности Уилмот. И тяжело задышал. Мистер Шнелленхамер, вскочив, указывал на него пальцем. Царило зловещее молчание.

Его и нарушил страшный крик, тот самый крик, из-за которого слова «Вы уволены!» замерли на хозяйских устах.

Кинопроизводство особенно опасно тем, что в нем не обойдешься без пламенных звезд. Публике они нужны, а голос публики — сами знаете. Поэтому на каждой студии есть хотя бы одна актриса, при чьем имени трепещут самые сильные. Здесь ею была Гортензия Бервош, Королева Страсти.

Темперамент — штука о двух концах. Деньги он приносит, но вызывает и особые приступы, сходные с так называемым *амоком*. В этих

случаях на студии оповещали весь наличный состав. Именно это и услышало сейчас совещание.

Хваленая дисциплина вроде бы не подкачала. Кто-то охнул, кто-то закатил глаза, но никто не шевельнулся, пока в комнату не влетел молодой ассистент, вопя:

— Спасайся, кто может! Все зашевелились.

— Идет сюда!

Мистер Шнелленхамер стукнул по столу.

— Господа! — воззвал он. — Вы боитесь безоружной женщины?!

Ассистент кашлянул.

— Да, что?

— У нее меч.

— Меч?!

— Взяла у легионера из «Аве, Цезарь». Ну, я пошел. Первым вскочил молодой киватель, которому прекрасная

Гортензия уже всадила в ногу булавку на съемках «Пламенных сердец». Он выскочил в окно, и через минуту-другую в комнате остались только мрачный Уилмот, трепещущая Мейбл и хозяин, который пролезть в окно не смог бы и залез в шкаф.

Уилмота все это не занимало. Глядя на бутерброды, он пребывал в некоем трансе, из которого его вывела размалеванная дама с мечом. Она громко кричала.

Он поднял брови, скривил губы и вернулся в транс.

К таким реакциям Гортензия не привыкла. Занеся меч, она обрушила его на чернильницу, преподнесенную Шнелленхамеру верными почитателями. При этом она вопила:

— А-а-а-а-а!

Уилмоту это надоело. Как все Маллинеры, он исключительно учтив с женщинами, но сок его несколько озлобил, тем более что часть чернил попала ему на брюки.

— В чем дело? — осведомился он. — Немедленно прекратите.

Звезда издала вопль, но уже вполсилы. Меч он забрал без труда. Прекрасная Гортензия выдыхалась на глазах. Ей было страшно. Перед ней стоял какой-то пещерный человек, если не хуже.

А чего вы хотите, когда четыре дня кряду Уилмот брал апельсин, разрезал на две части, выжимал в сосуд и все это пил, вто время как другие люди управлялись с рагу или бифштексом? Мало того: вернувшись домой, на сон грядущий, он опять брал, разрезал, выжимал и т. д. Гортензия этого не знала. Дух ее был сломлен.

— Теперь чернила выводи! — ворчал тем временем Уилмот, обрабатывая брюки промокашкой. — Безобразие!

Губы у Гортензии дрожали.

— Не ругайтесь, — попросила она.

— То есть как? — удивился мой родственник. — Где вы купите такие брюки за десять долларов?

— Простите!

— М-да, м-да… А зачем вы это сделали?

— Так, в глазах потемнело.

— Как мои брюки, ха-ха!

— Да простите вы! — Она дернула носом. — Если б вы знали, как я мучаюсь…

— Почему это?

— Из-за диеты. Две недели — один апельсиновый сок. Слова эти произвели оглушительный эффект. Уилмот смотрел на несчастную звезду с нежным состраданием.

— Сок?

— Да…

Он был глубоко тронут. Что там, он мгновенно стал прежним, всеми любимым Уилмотом.

— Ужас какой! Две недели!

— И еще картина…

— Какая?

— Да моя. Сценарий дурацкий.

— Безобразие!

— Никакого сходства с жизнью!

— Расскажите мне все.

— Понимаете, я сижу в мансарде, без еды, и пишу мужу, что я его люблю и все прощу. Голод, видите ли, очистил! Так не бывает.

— Еще бы! — вскричал Уилмот. — Очистит он, ха-ха! В такой ситуации женщина станет писать, если вспомнит… нелитературные выражения.

— Да-да!

— И вообще, только дура будет тут думать о мужьях. Нормальный человек думает о бифштексе…

— …и отбивной…

— …и шницеле…

— …и тушеной курице…

— …и почках сотэ…

— …и пончиках…

— …и пирожных…

— …и пирожках…

— …и пирогах…

— …с яблоками, с персиками, с мясом, с вареньем!

— Да обо всем, кроме этого чертового сока! Скажите, какой кретин выдумал ваш эпизод с письмом?

— Шнелленхамер. Я как раз собиралась с ним поговорить.

— Ничего, я поговорю. А почему вы хотите похудеть?

— Я не хочу, это в контракте. Шнелленхамер требует, чтобы я весила не более 108 фунтов.

— Опять Шнелленхамер! Ну, знаете!

Он подошел к шкафу и распахнул дверь. Магнат вылез на четвереньках. Уилмот отвел его к столу.

— Пишите новый контракт, — сказал он. — Без этих фунтов.

— Послушайте…

— Это случайно не ваш меч? — учтиво осведомился Уилмот у прекрасной Гортензии.

— Сейчас, сейчас, — сказал магнат. — Сию минутку.

— Кстати, — заметил Уилмот, — насчет жалованья.

— Сколько вы получали? — спросила Гортензия.

— Полторы тысячи.

— Даю три. Я искала такого менеджера всю жизнь. Какая твердость! Какая смелость! Какая сила! В общем, три тысячи.

Обводя взглядом комнату, Уилмот заметил что-то на шкафу с картотекой. То была Мейбл, благоговейно взиравшая на него.

— Разрешите представить вам мою невесту, — заметил он.

— Очень приятно, — сказала Гортензия.

— Очень приятно, — сказала и Мейбл.

— Почему вы там сидите?

— Да так, сама не знаю.

Деловитый Уилмот прервал девичью болтовню.

— Мисс Бервош, — сказал он, — хочет заключить со мной контракт. Садись, пиши.

— Сию минуту, — отвечала Мейбл.

Шнелленхамер тем временем думал. Он не был уверен, как правильно: «никаких диэт» или «никаких диет».

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Вечером, в понедельник, мы говорим о литературе. Дело в том, что по воскресеньям мисс Постлвейт, наша барменша, уходит к себе с коробкой конфет и библиотечной книжкой и, скинув туфли, предается чтению. Назавтра она обсуждает с нами то, что прочитала.

На сей раз внимание ее привлек роман о необитаемом острове.

— Плыли они по Тихому океану, — рассказывала она, — и напоролись на риф. Все погибли, только Сирил Тревелиан и Юнис Уэстли доплыли на доске до острова. Одиночество, как говорится, сблизило их, и в главе девятнадцатой — дальше я не читала — они обнялись под рокот волн и крики всяких птиц. С чего бы это, а? Они друг другу не нравились, Юнис собиралась выйти за нью-йоркского банкира, Сирил — жениться на дочке герцога. Странно…

Херес, или Горькое Пиво, покачал головой.

— Да, притянуто за уши, — заметил он. — В жизни так не бывает.

— Напротив, — сказал мистер Маллинер. — Именно это случилось с Женевьевой Бутл и младшим сыном моего брата Джозефа.

— Их выбросило на остров?

— Практически — да. Они писали в Голливуде диалоги для фильмов.

Обрадованная мисс Постлвейт подняла изящные бровки.

— Бутл? Маллинер? Я таких сценаристов не знаю.

— Они не сценаристы, — объяснил наш мудрец. — Те почти не пишут диалогов. Помощники режиссеров ловят первых встречных и подсовывают контракт. Вот вам таинственные исчезновения. Не далее как вчера обнаружился слесарь, которого не могли найти двадцать лет. Писал диалоги для Братьев Мышкиных. Доедешь до Лос-Анджелеса — пеняй на себя.

Мой племянник Булстрод (продолжал мистер Маллинер), как множество младших сыновей, уехал искать счастья в Америку и обручился в Нью-Йорке с очаровательной Арабеллой Риджуэй.

Пылко любя друг друга, они решили подождать со свадьбой и подкопить сперва денег. С этой целью племянник мой отправился в Калифорнию, где нетрудно найти нефть.

Однако еще в поезде у него немедленно стащили шляпу, подаренную невестой, оставив взамен фетровый гриб, который был ему мал.

Он стал опрашивать спутников, когда увидел человека, похожего на стервятника, переевшего мертвых тел. На нем была его шляпа.

Только он к нему рванулся, откуда ни возьмись набежали операторы, и через несколько минут похититель уехал в лимонной шляпе с багряной надписью: «Джейкоб З. Шнелленхамер, президент кинокорпорации "Перфекто-Зиззбаум"».

Маллинеры отважны. Мой племянник не собирался уступать шляпу даже императору и, явившись наутро в приемную Шнелленхамера, прождал всего четыре часа.

Магнат взглянул на него и положил перед ним лист бумаги.

— Подпишитесь тут, — сказал он.

Решив, что это расписка, племянник мой подписался, и магнат нажал на кнопку.

— Где у нас есть места? — спросил он секретаршу.

— Комната 40 в колонии.

— Я думал, там этот, подтекстовка.

— Позавчера опочил.

— Тело вынесли?

— Да.

— Там будет жить мистер Маллинер. Вот контракт. Булстрод хотел что-то сказать, но магнат поднял руку.

— Кто у нас на «Благовонных грешниках»?

Секретарша посмотрела в список.

— Доке, Нокс, Февершем, мисс Уилсон, миссис Купер, Ленок, Марки, Дэбни и Мендельсон.

— И все?

— Приезжал миссионер, хотел обработать дублерш, но ему удалось бежать в Канаду.

— Ай-яй-яй! — огорчился мистер Шнелленхамер. — Плохо работаем, плохо. Дайте мистеру Маллинеру сценарий.

Секретарша вышла. Магнат спросил:

— Вы пьесу видели?

— Нет.

— Роскошная драма из жизни золотой молодежи, — объяснил шеф. — Боль сердца сквозь бессмысленный смех. Шла в Нью-Йорке неделю, прогорела, мы ее купили. Материал неплохой. Посмотрим, что вы из него вытянете.

— Да я не хочу писать для кино, — сказал мой племянник.

— Придется, — вздохнул магнат. — Контракт подписали.

— Вы лучше верните мне шляпу!

— Мы, — сказал мистер Шнелленхамер, — занимаемся не шляпами, а фильмами.

Колония для прокаженных, куда поместили племянника, оказалась длинным, низким зданием с кельями (или, если хотите, камерами), выходящими в коридор. Заселили ее, чтобы разгрузить тюрьму, просто лопавшуюся от авторов. Обосновавшись в комнате 40, Булстрод занялся «Грешниками».

Он не так уж страдал, жизнь на студиях очень ругают, но это — клевета. Здесь одно неудобство, одиночество.

Казалось бы, полно народу — но никто не общается. Все сидят у себя, вывесив табличку: «Занят». Если же вы все-таки откроете дверь, вас встретит такой страшный, такой нечеловеческий звук, что вы убежите от греха подальше.

Мир — вдалеке, его как бы и нет. Иногда вы увидите человека, который везет что-то в павильон; иногда услышите властный вопль ассистента. Но обычно царит тишина, как на необитаемом острове, который нам живо описала мисс Постлвейт.

Сами понимаете, что будет, если появится существо, тем более — другого пола. Обнаружив однажды в своем кабинете какую-то девушку, племянник мой испытал точно то же, что Робинзон с Пятницей.

Красивой она не была. Ростом, пятнистостью и неопределенностью черт она напоминала палтуса, но Булстроду скорее понравилась.

— Женевьева, — представилась она. — Женевьева Бутл.

— Булстрод, — отвечал племянник. — Булстрод Маллинер.

— Меня сюда послали.

— Зачем?

— Писать с вами про каких-то «Грешников».

— А вы умеете писать? — осведомился Булстрод, и зря — если бы она умела, корпорация ее бы не выловила.

— Нет, только письма Эду.

— Эду?

— Эд Мергатройд, мой жених. Он бутлегер в Чикаго, я приехала наладить тут связи. Зашла к Шнелленхамеру, спросить, не нужно ли ему довоенное виски, а он и скажи: «Подпишите тут». Ну, подписала… сами знаете.

— Да-да, — сказал Булстрод, — знаю. Что ж, давайте работать. Ничего, если я иногда буду брать вашу руку?

— А Эд не обидится?

— Он не узнает.

— Вообще-то да, — согласилась Женевьева.

— Да я сам женюсь! — заверил Булстрод. — Это для пользы дела.

— Ну, ладно… если так…

— Так, так, — сказал племянник, взял ее руку и погладил. Конечно, это помогает. Все соавторы гладят руки — но что потом? Бежали дни, одиночество ткало свою сеть, и племянник понемногу привязывался к Женевьеве. Лови они вместе черепах на тихоокеанском берегу, их не могло бы больше тянуть друг к другу. Если бы он не был Маллинером и джентльменом, он бы давно сжал ее в объятиях и страстно поцеловал.

Мало того, он подмечал и в ней признаки робкого чувства. То взглянет… то предложит банан… то спросит точилку для карандашей и не совладает с голосом. Словом, если Женевьева в него не влюбилась, он готов был съесть свою шляпу, точнее — шляпу Шнелленхамера.

Это пугало его. Маллинеры — сама честь. При мысли о далекой невесте Булстрод сгорал от стыда и кидался с отчаянья в работу.

Тем самым он подгонял Женевьеву. Работать над таким сценарием в жару — по меньшей мере рискованно; и вот, однажды он увидел, что соавторша его вскочила, вскрикнула, вцепилась себе в волосы, села и зарыдала.

Тут он не выдержал, что-то треснуло (отлетела запонка, поскольку шея увеличилась на два размера), он забулькал, как бульдог над куриной костью, — и сжал Женевьеву в объятиях, шепча ей слова любви.

Шептал он пылко, но недолго, ибо минуты через две с четвертью услышал крик, а там — и увидел в дверях свою невесту. С ней был молодой человек с напомаженными волосами, очень похожий на тех, кого ищет полиция в связи с ограблением «Деликатесов» на Восьмой авеню.

Все помолчали. Никто толком не знает, что говорить в таких случаях, а Булстрод, ко всему прочему, очень удивился. Он думал, что Арабелла — в Нью-Йорке.

— А, здравствуй! — сказал он, высвободившись от Женевьевы.

Молодой человек полез в карман, но Арабелла его остановила.

— Спасибо, мистер Мергатройд, я справлюсь сама. Спутник ее все-таки достал кольт и его разглядывал.

— Нет, — сказал он. — Вы знаете, кого он целует? — И он указал на Женевьеву, укрывшуюся за чернильницей. — Мою девочку. Да. Мою. Собственной персоной.

— Да что вы говорите!

— То, что слышите.

— Как тесен мир! — сказала Арабелла. — Теснее некуда. А все-таки, лучше не стрелять. Это не Чикаго. Вас не поймут.

— Вообще-то да, — согласился Эд и, обтерев кольт рукавом, сунул его в задний карман. — Но я ей покажу!

И он направился к Женевьеве, которая прикрывалась извещением, что слова «жидовская морда» в диалогах употреблять нельзя.

— А я, — пообещала Арабелла, — покажу ему. Побеседуйте тут с мисс Бутл, мы выйдем в коридор.

В коридоре поначалу царило молчание, нарушаемое стрекотом чужих машинок, да вскриками авторов, ищущих точное слово.

— Арабелла, — начал наконец мой племянник, — моя дорогая…

— Для вас — мисс Риджуэй, — поправила она. — Вы не писали мне, и я испугалась.

— Не писал?

— Прислали одну открытку. В общем, я решила узнать, в чем дело. По дороге познакомилась с Мергатройдом. Мы разговорились, он сказал, что у него пропала невеста. Ну, приехали, обошли семь студий, а сегодня я увидела, как вы выходите из буфета.

— Зашел выпить молока. Мне было нехорошо.

— Вам будет еще хуже. Значит, вот вы кто, Булстрод Маллинер! Предатель и распутник.

Из-за дверей доносились: женский визг, более низкий голос, принадлежащий бутлегеру, и ритмические удары, производимые Дебни и Ноксом, которым мешали писать «Грешников». Жизнь в Чикаго обогатила лексикон Эда, и доносившиеся слова мы смело уподобили бы гранатам. Женевьева тоже не молчала.

К счастью, рассыльный принес извещение о том, что во внутреннем дворе курить запрещается. Это дало племяннику возможность кое-как собраться с мыслями.

— Ты не понимаешь, — сказал он, — ты тут не жила. Сидишь, пишешь, как в камере, ни с кем не общаешься, и вдруг приходит девица. Сама по себе она тебе совсем не нравится, но — как бы это выразить — она воплощает внешний мир. Да, я обнял мисс Бутл. Да, я ее поцеловал. Но это ничего не значит. Представь себе узника и мышь. Ты бы меня не осудила, если бы я с ней играл. Люблю я только тебя. Ну, если бы люди оказались на необитаемом острове… Скажем, в Карибском море…

— Бросить бы тебя в это море, с камнем на шее, — перебила она. — Все. Мы — чужие. Встретимся, можешь не поднимать шляпу.

— Это не моя. Мистер Шнелленхамер…

— Неважно. Все равно я тебя не узнаю.

Из комнаты вышел довольный Эд Мергатройд.

— Ну, как? — осведомилась Арабелла.

— Порядок.

— Вы меня не проводите?

— Со всем нашим удовольствием.

— Минутку, тут что-то в меня вцепилось. Вас не затруднит?.. На плечо моего племянника легла тяжелая рука. Зада его коснулась могучая нога. Он влетел в свой кабинет, перемахнув через Женевьеву, бьющуюся на полу.

Вскочив, он кинулся в коридор. Там никого не было.

Не буду описывать, как страдал мой племянник. Однажды, зайдя в буфет, чтобы выпить молока с солодом, он увидел в укромном углу какую-то девушку.

— Простите… — учтиво начал он, ибо Маллинеры учтивы даже когда страдают.

— Ах, не за что, — сказала девушка.

— Ты! — воскликнул он. Против ожидания, глаза ее сияли мягким, даже нежным светом.

— Как ты поживаешь? — спросила она. Ответил он вопросом на вопрос:

— Что ты здесь делаешь?

— Работаю, — отвечала она. — Все очень просто. Когда мы шли к воротам, Шнелленхамер выглянул из окна. Его секретарша догнала нас и позвала к нему. Видимо, в нем есть какая-то сила… Дал контракты — мы тут же подписали, хотя думать об этом не думали. Я собиралась домой, Эд боится, что без него все пойдет сикось-накось. — Она помолчала. — Кстати, как он тебе?

— Отвратительный тип.

— Ты не видишь в нем своеобразного, причудливого обаяния?

— Нет.

— Да-да, конечно. До свиданья, Булстрод. Мне пора. Нам, женщинам, отпускают на пломбир семь минут пятнадцать секунд. Если мы больше не встретимся…

— Мы встретимся! Она покачала головой.

— Тем, кто живет в колонии, как раз запретили общаться с теми, кто в тюрьме. Это мешает работать. Разве что столкнемся в буфете… Что ж, прощай.

Она закусила губу и быстро вышла.

Дней через десять они столкнулись в буфете. Терзания погнали Булстрода к холодному молоку, а за столиком сидели Арабелла и Эд, причем она ковыряла мороженое «Глория Свенсон»,[96] он — мусолил чизбургер «Морис Шевалье».[97] Заняты они были не едой, а чувствами, поскольку смотрели друг на друга с явственным пылом, в котором внимательный наблюдатель подметил бы примесь отвращения.

— Здравствуй, — сказала Арабелла и слабо улыбнулась. — Вы ведь знакомы с моим женихом?

Булстрод покачнулся.

— С кем?

— С женихом.

— Пожениться собираемся, — мрачно пояснил Эд.

— Сегодня утром, — прибавила она, — как-то вдруг обнялись. В шесть минут двенадцатого.

— Желаю счастья, — сказал Булстрод, мужественно скрывая горе.

— Ну, прям! — заметил Эд. — Нет, она ничего, только вы уж простите, у меня с души воротит.

— И у меня, — сказала Арабелла. — Видеть не могу эту гадость, которой он волосы смазывает.

— Это надо же! — обиделся Эд. — Самый лучший бриолин.

— Какой-то гипноз, честное слово, — продолжала невеста.

— В точку, — поддержал ее жених. — Верно излагаешь.

— Именно это, — вставил Булстрод, — испытываю я к мисс Бутл.

— Вы чего, жениться вздумали? — осведомился бутлегер.

— Да.

Эд побледнел и заглотал чизбургер. Все молчали.

— Вот что, — сказала Арабелла, — здесь нехорошее место. Помнишь, ты говорил про остров? Здесь, на этой студии — то же самое. Чары какие-то. Я должна выйти за такое чучело…

— А я? — вскричал Эд. — Чего мне с ней делать-то, когда она спирту в пиво подлить не может? Какая от нее помощь?

— А я? — вскричал и мой племянник. — Меня от Женевьевы воротит. Не говоря уже о том, что я люблю одну Арабеллу.

— И я тебя люблю, Булстрод.

— Ну, а я — мою Жени, — прибавил Эд. Все снова помолчали.

— Выход один, — сказала Арабелла. — Идемте к шефу, подаем в отставку. Тогда все уладится. Идем, идем! Сейчас мы его увидим.

Сейчас они его не увидели, этого ни с кем не бывало, но часа через два вошли и изложили свое дело.

Президент корпорации рассердился. Глаза у него выкатились, нос обвис, как у слона, которому не дали земляного ореха. Он открыл ящик и вынул пачку бумаг.

— А это что? — спросил он. — Контракты. С подписью. Параграф 6 читали? Тогда бы вы знали, что полагается за нарушение. Нет-нет! — отдернул он бумаги, когда Арабелла к ним потянулась. — Не читайте, ночей спать не будете. Вы уж поверьте, даром это не пройдет. Мы себя защитить умеем. От нас не убежишь.

— Прикончите, что ли? — угрюмо спросил бутлегер.

Киномагнат мягко улыбнулся, но не ответил. Контракты он запер в ящик, тактику — изменил. Кто-кто, а он знал, когда махать кулаками, когда — гладить бархатной лапкой.

— Да и зачем, — отеческим тоном сказал он, — вам сейчас уходить? Картина — в работе. Вы же не бросите ее на произвол судьбы! Такие способные, прилежные люди… Такие сознательные… Вам же ясно, как важен этот фильм для студии. Мы столько от него ждем. Мы столько заплатили, в конце концов…

Он встал и прослезился, словно чувствительный тренер, убеждающий малодушную команду.

— Держитесь! — взывал он. — Не сдавайтесь! Вы можете! Подумайте о нас. Мы на вас ставим. И вы нас предадите? Нет-нет! Идите, работайте… ради старой, доброй корпорации… ради меня, в конце концов!

— Можно прочитать этот ваш параграф? — спросил Эд.

— Не надо! — взмолился шеф. — Вам же будет лучше! Арабелла печально посмотрела на Булстрода.

— Пошли, — сказала она. — Ничего не выйдет. Они ушли. Магнат вызвал секретаршу.

— Что тут творится? — спросил он. — Эти «Грешники» чего-то крутят. Трое хотят уйти. Их что, обидели?

— Ну, что вы, мистер Шнелленхамер!

— Вчера там у них кто-то кричал.

— Это Доке. Ему стало плохо. Пена пошла изо рта… Да, кричал: «Не могу! Не могу!». По-моему, от жары.

Мистер Шнелленхамер покачал головой.

— Авторы сходят с ума, не спорю, но тут что-то другое. Какое у меня заседание в пять?

— С мистером Левицким.

— Отмените. Созовите «Грешников». Я их расшевелю!

За несколько минут до пяти из тюрьмы и из колонии двигалась пестрая толпа. Здесь были молодые авторы, старые авторы и авторы средних лет; авторы в очках и авторы в усах; авторы с нервным тиком и авторы с блуждающим взглядом. «Благовонные грешники» наложили на них свою неизгладимую печать. Доплетясь до зала, они расселись на скамьях, поджидая мистера Шнелленхамера.

Булстрод сел рядом с Арабеллой. Она была тиха и печальна.

— Эд купил для свадьбы банку бриолина, — сказала она.

— Женевьева, — подхватил мой племянник, — купила сбивалку для яиц, которой можно выщипывать брови.

Арабелла резко вздохнула.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил Булстрод.

— Ничего, — отвечала Арабелла. — Мы не можем уйти, пока не поставят этот фильм, а ему нет конца. — Ее одухотворенное лицо как-то дернулось. — Я слышала, люди работали над ним десятки лет. Вот, смотри, седой человек с соломой в волосах. Это — мистер Марки, он тут с самой юности.

Пока они печально глядели друг на друга, пришел мистер Шнелленхамер и влез на трибуну. Окинув взглядом зал, он откашлялся, а потом заговорил — об Идеалах, о Служении, о Чувстве локтя, о том Духе, который непременно приведет к Победе. Только он перешел к достоинствам местного климата, когда вместе с запахом хорошей сигары в зал ворвался голос:

— Эй, вы!

Все повернулись к дверям. Там стоял мистер Левицкий.

— Что тут такое? — спросил он. — Я вас ждал, Шнелленхамер.

Магнат слез с трибуны и поспешил к своему соратнику.

— Простите, Левицкий, — сказал он, — что-то неладно с «Грешниками», надо их подбодрить. Помните, пять лет назад пришлось вызвать полицию?

— С кем-с кем неладно?

— С авторами диалогов для фильма «Благовонные грешники». Ну, мы еще пьесу купили.

— Нет.

— Что «нет»?

— Не купили пьесу. Нас обошла «Медула-Облонгага». Мистер Шнелленхамер постоял и подумал.

— Верно, — сказал он, — обошла.

— Как миленьких.

— Значит, мы фильм не ставим?

— Конечно, нет. «Медула» двенадцатый год пишет сценарий.

— Ах ты, совсем забыл!

И мистер Шнелленхамер снова взошел на трибуну.

— Господа, — сказал он, — вы свободны. Фильма не будет.

Через полчаса в буфете царило веселье. Женевьева сидела в обнимку с Эдом. Арабелла гладила руку моему племяннику. Трудно было бы найти таких счастливых людей, если не выйти и не увидеть, как бывшие авторы пляшут карманьолу вокруг чистилки для обуви.

— Что делать будете? — спрашивал добрый Эд Арабеллу и Булстрода.

— Да вот, надумал нефть поискать, — отвечал мой племянник. — А где она? Разве что у вас, волосы смазаны.

— Ха-ха! — откликнулся бутлегер.

— Хи-хи! — вторили дамы.

Словом, царило веселье, приятно посмотреть.

— Нет, серьезно, — сказал Эд, — на что жить собираетесь? Жена — это вам не кот начхал.

Арабелла взглянула на Булстрода. Булстрод взглянул на Арабеллу. Впервые за этот час тень омрачила их счастье.

— Не знаю, — отвечал мой племянник. Эд хлопнул его по плечу.

— А я знаю, — сердечно сказал он. — Будешь работать со мной. Для друга я всегда дело найду. И вообще, надо примазаться к пивному бизнесу, без помощников не обойдешься.

Глубоко растроганный Булстрод схватил его за руку.

— Эд! — воскликнул он. — Ты — настоящий человек. Завтра же покупаю пушку.

Он обнял свою невесту. Смех за стеной сменился радостными криками. Там разожгли костер, и Доке, Нокс, Февершем, мисс Уилсон, миссис Купер, Ленок, Мендельсон и Марки кидали в него «Грешников».

Мистер Шнелленхамер и мистер Левицкий, прервав 745-е совещание, чутко прислушались.

— Хорошо дать народу радость! — сказал Левицкий.

— Неплохо, — поддержал его Шнелленхамер. — Прямо как Линкольн!

Они снисходительно улыбнулись. Добрым людям приятно, когда дети развлекаются.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЮМОРЕ

Внимательный читатель, конечно, заметил, что рассказы мои, в сущности, — юмористические; и теперь самое время предложить ему очерк о юморе, который просто обязан рано или поздно написать каждый член нашей гильдии.

В XVI веке «юмор» определяли как «смущение в крови» и, хотя делали это, скорей всего, из вредности, не так уж ошибались. Правда, я бы сказал «смещение». Чтобы стать юмористом, надо видеть мир не в фокусе, другими словами — страдать небольшим косоглазием. Тем самым, вы относитесь несерьезно к очень важным установлениям, а люди хотят в них верить и тоже смотрят на вас искоса. Статистика говорит нам, что 87,03 % косых взглядов обращены на юмористов. Солидный человек все время боится, как бы мы чего не выкинули, словно нянька, чей питомец проявляет склонность к преступности. Возникает та напряженная неловкость, какая царила в замке, когда по нему бродили шуты. Полагалось их как-то использовать, но особой любви они не вызывали.

— И что он порет? — шептал жене король или, скажем, граф. — А ты еще его подначиваешь! Вот, утром, с этими воронами…

— Я просто спросила, сколько ворон уместится в жилете бакалейщика. Так, для разговора.

— А что вышло? Звякая, как ксилофон, он покрякал — ненавижу эту манеру! — и ответил: «С утра — добрая дюжина, а если светит Сириус — поменьше, роса вредна при цинге». Ну, что это такое?

— Это юмор.

— Кто тебе сказал?

— Шекспир.

— Какой еще Шекспир?

— Ладно, Джордж, успокойся.

— В жизни не слышал ни про каких Шекспиров!

— Хорошо, хорошо. Неважно.

— В общем, ты ему скажи, чтобы он ко мне не лез. А если еще раз треснет этим поганым пузырем, я за себя не отвечаю.

Юмористы чаще всего — люди мрачные. Причина в том, что они ощущают себя изгоями или, скажем так, экземой на теле общества. Интеллектуалы презирают их, критики — кое-как терпят, ставя вне литературы. Люди серьезны, и на писателя, не принимающего их всерьез,

смотрят с подозрением.

— Вам все шуточки, а Рим-то горит! — укоризненно замечают они.

Лучше бы жалеть юмористов, лелеять, они ведь очень ранимы. Огорчить вы их можете в одну секунду, спросив: «Что тут смешного?», а если все-таки засмеялись — сказав, что они в конце концов «просто юмористы». Слова эти бьют их наповал. Засунув руки в карманы, выпятив губу, они поддают ногой камешки, сопоставляя свою участь с участью бродячей собаки.

Вот почему в наше серое время трудно найти смешной рассказ, не говоря о пьесах. Драматурги соревнуются в мрачности. Поскольку десять пьес из двенадцати с треском проваливаются, можно предположить, что они не правы. Если бы, поступившись весом и важностью, они стали помягче и повеселей, всем было бы лучше. Нет, я не против кровосмешений и безумия, но всему — своя мера. Смех тоже не повредит.

В театре давно уже не смеются. Там слышишь только тихий, свистящий звук, который издают встающие дыбом волосы, да резкое кряканье, когда актеры произнесут одно из тех коротких слов, какие прежде употребляли в кабаках низшего пошиба. Вспомнить смешно, что, когда слово «черт» впервые прозвучало на Нью-йоркской сцене (если не ошибаюсь, в пьесе Клайда Фитча), поднялось Бог знает что, вызвали полицию, а может — и войска.

Конечно, переход будет медленным и нелегким. Поначалу, услышав смех, зрители решат, что кому-то стало плохо, и зашепчутся: «Врача, врача!» Но понемногу привыкнут, и мы снова ощутим в зале не похоронную атмосферу, а что-то более приятное.

Самый печальный юмор в наши дни, я думаю, русский. Чего вы хотите? Когда живешь в стране, где всю зиму надо тереть снегом посиневший нос, особенно не разрезвишься, даже при помощи водки.

Хрущева, по-видимому, считали заправским шутником (тот, кто так не считал, живя при этом в Москве, таил свои чувства), но ограничивался он эйзенхауэровской шуткой о гольфе и русскими поговорками. Если есть на свете что-то безрадостней русской поговорки, прошу мне об этом сказать. «У нас, — сообщал он своим соратникам, — говорят: курица переходит дорогу, а умный человек боится разбойников». Тут лицо его трескалось поперек, глаза исчезали, как устрицы, когда их тушат, — и соратники догадывались, что если на секунду запоздают со смехом, следующая их работа будет в Сибири. Может быть, придет время, когда Россия обратится к историям о муже и жене или о двух ирландцах на Бродвее, но я в этом не уверен.

Перечитал и заметил, что, по забывчивости, так и не определил, что такое юмор. (Авторы и лекторы вечно спрашивают: «Почему мы смеемся?» Хорошенький у них будет вид!) Итак, определить я забыл. Лучше приведу слова из книги д-ра Эдмунда Берглера «Чувство юмора».

Вот, пожалуйста: «Смех — защита против защиты. Обеими реакциями мы обязаны неосознанному эго. Жесткость суперэго снимается тем, что мы обращаем кару в удовольствие. Суперэго упрекает эго и за такую подмену, а эго создает новую защиту, образуя тем самым триаду, в которую входит смех».

То есть как — непонятно? Ну, знаете! Молодец, Эдмунд. Так и держи, и не дай тебе Бог засмеяться.

Примечания

Летом 1936 года — того года, когда умер Георг V, — в одной из привилегированных английских школ произошел странный случай. В комнату, где учили уроки высокородные мальчики, вбежал учитель словесности и сказал: «Умер Честертон. Теперь наш лучший писатель — Вудхауз».

Тогда были живы и писали Шоу, Уэллс, Моэм; еще не состарился Пристли. Кто повысоколобее, предпочитал им Хаксли, Элиота или Вирджинию Вульф. Кто поскромнее, радовался книгам Агаты Кристи или Дороти Сэйерс, еще не открывшей читателям, что она — христианский проповедник. Литература в Англии, как всегда, была на очень высоком уровне. Но просвещенный Т. Х. Уайт, автор хороших книг о литературе, сказал именно так, и его ученик, будущий сэр Иэн Монкриф, это запомнил.

Ровно через 60 лет, в июне 1996-го, голландцы прислали английской королеве-матери небольшую алую розу, названную в честь Вудхауза. Судя по всему, этот смешной и скромный писатель устареть не может, как не может состариться герой сказки. Все-таки мы, люди, лучше, чем кажется, и больше похожи на детей. Вудхауз как-то написал:

Вам нравится моя мура?
Ура! Ура! Ура! Ура!

Действительно, «ура». Моды меняются, цинизм и жестокость открывают в тысячный раз, а множеству англичан и американцев хочется читать книги простодушного писателя, который, по свидетельству Джорджа Оруэлла, не умел ненавидеть.

Роман «Старая, верная» издан в 1951 г., когда Вудхауз только два года, как снова переехал в Америку и жил в Нью-Йорке (домик на Лонг-Айленде он купил в 1952 году). Сперва это была пьеса, но она никак не получалась; и, подарив заготовки другу, он написал по пьесе роман. Тема кино мучила его, начиная с рубежа 20-х—30-х. В 1929 году его пригласили в Голливуд, он побыл там, растерялся, уехал, приехал снова — и сбежал совсем. Но это бы еще ничего, если бы он не сказал журналистке, которая брала у него интервью, что не понимает, почему ему платили огромные

деньги за полное безделье. Киношники обиделись; однако позже, в 1937, попросили написать сценарий для фильма с музыкой и танцами по «Деве в беде» (музыка Гершвина, в главной роли — Фред Астер). В письмах школьному другу, изданных под названием «Дрессированная блоха» (так назвал Вудхауза Шон о'Кейси), он рассказывал:

«Сперва они дали его одному из своих сценаристов, и у него получился сценарий о жуликах, ничего общего с книгой. Тогда им пришло в голову, что неплохо следовать роману (…) и они пригласили меня. Какая неблагодарная работа, эти сценарии! Кто-то, наверное, должен их писать, но я — больше не стану».

Действительно, он их больше не писал, зато странности кинопроизводства описывал не раз, от романов «Веселящий газ» (1936) и отчасти «Везет этим Бодкинам!» (1935), до предпоследнего из законченных романов, «Анонимные холостяки» (1973). Перед «Холостяками» Вудхауз неожиданно для себя написал третий роман о Монти Бодкине «Женщины, жемчуг и Монти Бодкин» (1972), где Монти женится в Америке не на Гертруде, о которой он мечтает в «Задохнуться можно», а на секретарше киномагната Айвора Лльюэлина.

Роман «Девица в голубом» — тоже поздний (1969). Как во многих романах последнего периода, здесь есть добрая, удалая женщина не первой молодости. Есть и крайне противная дама (Флора Фэй). Заметим, что в этом романе, как и в «Раз — и готово!», отразилась память о Далидже. Вудхауз учился там в школе, напротив которой, немного за угол, есть очень хорошая картинная галерея, где можно увидеть и портрет Сары Сиддонс, и миниатюры Гейнсборо.

Рассказы о Бинго Литтле Вудхауз писал с 30-х годов до 70-х. Ричард (Бинго) Литтл участвует и во многих романах о Дживсе и Вустере; он — друг наивного и рыцарственного Берти. До женитьбы на Рози М. Бэнкс Бинго непрерывно влюбляется.

Прозвище его — звукоподражательное междометие, вроде «Бах!» или «Бамц!». Обычно мы прозвища переводим (Мартышка, Туша, Зад, Балбес, Бифштекс и т. п.), но здесь я все-таки решила оставить английское звучание. «Бах» — это Бах, «Бамц» — очень уж неблагозвучно.

Рассказы о мистере Маллинере Вудхауз писал с середины 20-х годов до самой смерти. Их тоже очень много, и в каждом Маллинер рассказывает в «Привале рыболова» о каком-нибудь своем родственнике.

Заметка о юморе напечатана в 1966 году, в сборнике «Пирог с коринкой». Слава Богу, мы упоминаем об этом не в тексте, поскольку переводчик не имеет права на сноску: «Игра слов». Здесь действительно

игра: такой пирог — «Plum pie», а Plum (и «коринка», и «слива») — прозвище Пэлема Вудхауза. Если помните, в романе «Дядя Фред в весеннее время» одного из персонажей называют Плум-пу-дингом (именно так, через «у», писали название этого рождественского блюда в старых, уютных переводах, и оно вошло в наш язык).

---

notes

Примечания

1

тамаль — мексиканское блюдо (толченый маис с мясом и красным перцем).

2

Бетти (Элизабет Рут,) *Грейбл* (1916— 1973J — американская киноактриса, особенно модная во время войны, вероятно потому, что яркая вульгарность пухленькой крашеной блондинки сочеталась в ней с большим простодушием и даже с какой-то кротостью.

3

La Belle Dame sans Mercie — поэма Джона Китса (1795–1821).

4

Сэм Голдвин (Самуил Гольдфиш) (1879–1974) — крупнейший американский киномагнат, один из основателей и владельцев кинокорпорации «Метро-Голдвин-Майер».

5

Серьезный человек *(франц.)*.

6

«Мама, я буду царицей мая» — слова из поэмы А. Теннисона (1809–1892) «Королева мая» (в некоторых переводах — «Царица мая»).

7

Бетт (Рут Элизабет) *Дэвис* (1908–1989) — американская киноактриса, исполнявшая серьезные, часто — трагические роли.

8

Луиза де Керуай (1649–1734) — фаворитка английского короля Карла II (1630–1685, король — с 1660 г.).

9

Литтон Стрейчи (1880–1932) — английский биограф и критик, создавший новый тип биографии, иронический и парадоксальный. По-русски издана книга «Елизавета и Эссекс» в пер. Е.Суриц.

10

«Гунга Дин» — хрестоматийное стихотворение Редьярда Киплинга (1865–1936) о благородном слуге — индусе.

11

принесли благие вести из Ахена в Гент — Вудхауз имеет в виду стихи Роберта Браунинга (1812–1886).

12

«сливки в ее кофе, соль в ее жарком» — какая-то песенка, которую часто цитирует Вудхауз.

13

Хеди Ламар (Хедвиг Эва Мария Кислер, 1913—?) — американская киноактриса австрийского происхождения, очень красивая и печальная брюнетка.

14

Менкен Генри Льюис (1880–1956) — американский журналист и критик.

15

апостольское преемство — непрерывная цепь священников, восходящая к апостолам (она есть в католической и православной церкви, которые и называются поэтому апостольскими).

16

Эррол Флин (1909–1959) — американский киноактер, романтический и рыцарственный.

17

Борис Карлов (Уильям Генри Пропп, 1887–1969) — англо-американский актер, игравший монстров.

18

Сесиль де Милль (1881–1959) — американский кинорежиссер.

19

Кларк Гейбл (1901–1961) — американский киноактер, герой — любовник с некоторым налетом бандитизма.

20

Сильвия Эшли — его четвертая жена. Прожила с ним меньше двух лет, но именно тогда, когда был написан роман.

21

Тихо Браге (1546–1601) — голландский астроном. Другие люди, названные в начале главы, могли быть, могли и не быть.

22

«самый безумный, веселый день» — слова из «Королевы мая».

23

«Бог на небе…» — строка из поэмы Роберта Браунинга «Проходит Пиппа».

24

Флоренс Зигфилд (1869–1932) — американский эстрадный режиссер, обновивший жанр музыкального ревю.

25

Эрл Стенли Гарднер (1889–1970) — американский автор детективов.

26

«Оклахома» — фильм по знаменитому мюзиклу Роджерса и Хамплстайна (1943), поставленный в 1955 г.

27

«Юг Тихого океана» — фильм 1958 года по пьесе Джошуа Логана.

28

«Мышьяк и старые кружева» — фильм Фрэнка Капры (1944) по «черной комедии» Джозефа Кессельринга.

29

«Но тайна эта, словно червь в бутоне» — У. Шекспир, «Двенадцатая ночь» II, 4, пер. Э. Линецкой.

30

*Бригем Янг (*1801–1877) — глава секты мормонов, при котором еще допускалось многоженство.

31

мистерЛльюэлин участвует во многих романах, например — в «Везет этим Бодкинам!» и «Женщины, жемчуг и Монти Бод-кин». Мы встречали его в «Замороженных деньгах». Странное, двойное «Л» в его фамилии говорит о том, что он — валлиец. Когда-то такое написание обозначало глухое «л». (Попробуйте произнести; если не получится, скажите «Хлодвиг», оно само так прозвучит.)

32

Знаменитых, громких, крупных дел *(франц.)*.

33

оружие прошло ему сердце — см. Лк 2:35.

34

искусно обручать свой ум с другим — перифраза строки из 116 сонета У.Шекспира.

35

жабе, попавшей под борону… — строка из стихотворения Р.Киплинга «Педжет, член парламента»

36

Джек Уорнер — один из владельцев кинокомпании «Братья Уорнер».

37

юноша на горящей палубе — образ из стихотворения Фе-лисии Хименс (1793–1835) «Казабьянка».

38

земля не создала подобной красоты — строка из стихотворения В. Вордсворда (1770–1850) «Стихи, написанные на Вестминстерском мосту».

39

глухой аспид, упоминаемый в псалме, и *гадаринские свиньи*, упоминаемые в Евангелиях, встречались не раз в примечаниях к Вудхаузу.

40

гроб повапленный — См.: Мф., 23:27 (в русском переводе — «окрашенный»).

41

росой медвяною питался… — строки из поэмы С.Т.Колриджа (1772–1834) «Кубла-хан» (1798).

42

Леди из Шалотта — героиня поэмы А. Теннисона; здесь речь идет о том, что она застыла от страха.

43

Моя вина *(лат.)*.

44

Самолюбие *(франц.)*.

45

Стотлмейер — участвует в вустеровском цикле; он — друг Берти, левый поэт.

46

Меннониты — члены протестантской деноминации, основанной в XVI в. Менно Симмонсом. Проповедуют полное непротивление злу.

47

Даниил — пророк и мудрец (см. в Библии Книгу Даниила). Само это имя означает Суд Божий.

48

«Fiat justitia — «да свершится правосудие» *(лат.)*, дальше идет «pereat mundus» — «хоть погибни мир».

49

Гадаринские свиньи — см. Библия, Мф., 8:28 и соответствующие места у Марка и Луки.

50

Кошка из присловья — Шекспир, «Макбет», 1, 7. стр. 258.

51

Братья Чирибл — действующие лица романа Ч. Диккенса «Николас Никльби». Видимо, старый Вудхауз (ему было 88 лет) уже не очень хорошо помнил своего любимого писателя.

52

Гейнсборо, *Томас* (1127–1788) — английский художник.

53

Пиппа — героиня поэмы Роберта Браунинга, приносящая людям радость.

54

А наутро — радость… — Библия, Пс. 29:6.

55

Этельред — король англосаксов с 978 по 1016 год.

56

Семь служанок — см. стихотворение «Морж и Плотник» из книги Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

57

Лонг-Айленд — остров, часть которого занимают некоторые районы Нью-Йорка.

58

Ньюпорт — порт и курорт на Атлантическом побережье.

59

Скропы были еще в ковчеге — действительно, это очень старый род. Знающий историю англичанин может припомнить, например, что в 1390 г. сэр Ричард Скроп спорил из-за герба с сэром Робертом Гровнором, и победил.

60

Приятного аппетита *(франц.)*.

61

Канпур — город в Индии. Речь идет об одном из эпизодов синайского восстания (1857–1859).

62

Поллианна — героиня одноименной детской повести Элинор Портер (1868–1920). Вудхауз часто насмехается над ее бравурным оптимизмом.

63

Чиппендейл, Томас (1718–1779) — английский краснодеревщик, создавший новый стиль мебели.

64

Плиний Старший (23 или 24–79) — римский писатель и ученый. *Младший (61 —1*14) — тоже писатель. Естественно, про угря никто из них не говорил.

65

Александр Грейам Белл (1847–1922) — один из изобретателей телефона.

66

Байярд, Пьер дю Терай (1476–1524) — «рыцарь без страха и упрека». Настолько прославился благородством, что король Франциск I захотел быть посвященным в рыцари его рукой.

67

…*взрывом или взвизгом?* — Вудхауз имеет в виду заключительные слова поэмы Томаса Стернса Элиота (1888–1965) «Полые люди».

68

Гу.!Гу.! — см. Библия, Иов, 39:25.

69

Пер. Д. Орловской.

70

Демонический любовник — в поэме Колриджа «Кубла хан» есть слова о женщине, тосковавшей по «возлюбленному-бесу».

71

…ищет, кого бы пожрать. — См. Библия, 1 Пет., 5:8. В синодальном переводе «…ища, кого поглотить».

72

Траппаисты — члены монашеского ордена, дающие обет молчания.

73

Речь идет о «Бленхеймской битве» Роберта Саути (1774–1843). В этой битве (1704 г.) герцог Мальборо одержал победу над французами. (Русский перевод А. Плещеева см. «Английская поэзия в русских переводах». М., 1981, стр. 297).

74

Криспин Ланселот Гавейн — Ланселот и Гавейн — рыцари Круглого стола. В день св. Криспина, 25 октября, англичане одержали победу над французами при Азенкуре (1415 г.).

75

Клуб «Трутни» («Drones») — соответствует клубу «Щеголи» («Bucks»), находившемуся в 20–30 гг. на Клиффорд стрит, 18.

76

Все понять — значит, все простить *(франц.)*.

77

так *(Stylish Stouts)* назывались в те времена отделы магазинов, где продают одежду для толстяков. Примерное соответствие — наши «Три толстяка», и это было бы неплохо, их действительно три (тетя, Роквей, сэр Геркулес), если бы сразу не приходила в голову сказка Олеши.

78

Множественное число *(лат.)*.

79

Эдвард Робинсон (1893–1973) — американский актер, похожий на большого бульдога или небольшого носорога. Вы могли видеть его в фильме «Сказки Манхеттена».

80

Роберт Тейлор (1911–1960) — непозволительно красивый актер американского кино («Мост Ватерлоо», «Дама с камелиями»).

81

Кэрол Ломбард (1908–1942) — американская актриса; красивая, конечно, в стиле конца 30-ых годов (худоба, четкие черты, обесцвеченные волосы), но были актрисы и покрасивей, например — партнерши Тэйлора в указанных фильмах, Вивьен Ли и Грета Гарбо.

82

из романа «Стекляшки в спальне», который войдет в один из следующих томов, мы узнаем, что Пуффи все-таки женился на двоюродной сестре Джерри Шусмита, героя «Замороженных денег».

83

Как вы помните, Хорес и Валерия участвуют в романе «Дядя Фред в весеннее время».

84

тук земли — см. Быт 45:18.

85

Разные виды массажа *(франц.)*.

86

Плевал я на это! *(фр.)*.

87

св. Беовульф — такого святого нет и быть не может. Это герой англосаксонской саги (буквально «пчелиный волк», т. е. медведь).

88

Да будет мир в стенах твоих и благоденствие в чертогах твоих— Пс 121:7.

89

Джордж Мередит (1828–1909) — английский романист.

90

Джордж Дю Морье (1834–1894) — английский иллюстратор и писатель, дед известной романистки Дафны Дю Морье (1907–1989).

91

…*к мильтоновой эпитафии* — речь идет о стихотворении Джона Мильтона «Шекспиру» (1630).

92

Сидни Уэбб (1859–1947) — английский социалист. С.Уэбб получил титул в 1929 году, и стал 1-ым бароном Пассфильдом (жена его, социалистка Беатрис Уэбб, отказалась называться «леди»).

93

сэр Стаффорд Криппс (1889–1953) — тоже социалист.

94

Жареную курицу с салатом *(франц.)*.

95

Джонни — герой романа «Пеликан в Бландинге» (1969). По-русски его можно прочитать во 2-м томе «Саги о свинье» (Бук Чембэр Интернэшнл. М., 1996).

96

Глория Свенсон (1899–1983) — актриса немого кино, роковая блондинка. Снялась в звуковом фильме «Сансет-бульвар» Б. Уайлдера, но это было в 50-х годах, намного позже, чем написан рассказ.

97

Морис Шевалье (Морис Эдуар Сэн-Леон, 1888–1972) — французский шансонье, снимавшийся во Франции и в Америке.